Język jako zasób tożsamości

A nyelv mint az identitás forrása

Limba ca resursă de identitate

Gjuha si burim identiteti

Езикът като ресурс на идентичността

La llengua com a recurs d'identitat

Мова як рэсурс ідэнтычнасці

Cànan mar inneal dearbh-aithne

Språket som en identitetsresurs

Sprache als Ressource der Identität

ISBN 978-5-4211-0284-7
9 785421 102847

ЯЗЫК КАК РЕСУРС ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Језик као ресурс идентитета

Language as an identity resource

Jezik kao izvor identiteta

ЯЗЫК КАК РЕСУРС ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Η γλώσσα ως μέσα ταυτότητας

La lingua come risorsa dell'identità

Hizkuntza identitate tresna gisa

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

ЯЗЫК КАК РЕСУРС ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Под редакцией М. Ю. Мартыновой

Москва 2022

УДК 316.7 323.1
ББК 63.529
Я41

DOI 10.33876/978–5–4211–0284–7/1-536

Рекомендовано к изданию учеными советами Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Ответственный редактор: д. и. н. М. Ю. Мартынова
Рецензенты: д. и. н. О. Е. Казьмина, д. филол. н. В. Л. Кляус

Авторы: Мартынова М.Ю., Андрюнина М.А., Бучатская Ю. В., Голант Н. Г., Григорьева Р. А., Гущян Л. С., Дугушина А. С., Кожановский А. Н., Кучерова И. А., Любарт М. К., Мажиа А., Новик А. А., Нагапетова Р. Р., Руднев В. В., Рыжова М. М., Сиднева С. А., Сорокина Е. А., Сулоева М. А., Фаис-Леутская О.Д., Федченко В. В., Шевлякова Д. А.

Я 41 **Язык как ресурс идентичности в Европе: антропологическое исследование** / М. Ю. Мартынова, М. А. Андрюнина, Ю. В. Бучатская и др. / отв. ред. М. Ю. Мартынова / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН — Москва: ИЭА РАН, 2022. — 536 С.
ISBN 978–5–4211–0284–7

В коллективной монографии публикуются результаты исследований, осуществленных в соответствии с темой НИР «Культурно-сложные общества: анализ мирового опыта». Мониторинг языковой ситуации, этнического и иного культурного многообразия государств Европы осуществлен сотрудниками Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и Отдела европеистики Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН с участием приглашенных ученых. Исследователи не ставили перед собой задачу изучения лингвистических проблем, а предприняли попытку рассмотреть социальный аспект функционирования языков. Для специалистов в области межнациональных отношений, языковой, образовательной и миграционной политики, ученых гуманитарной сферы и представителей общественных организаций этнокультурной направленности.

УДК 316.7 323.1
ББК 63.529
ISBN 978–5–4211–0284–7

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2022
© Коллектив авторов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. ЯЗЫК В ПАРАДИГМЕ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ 5

Раздел 1.

ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОР В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ 14

Глава 1. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ИСЛАНДИИ: МЕЖДУ СОХРАНЕНИЕМ ТРАДИЦИЙ И ИНТЕГРИРОВАНИЕМ В МИРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО 15

Глава 2. ПОЛИТИКА МНОГОЯЗЫЧИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЙЦАРИИ 48

Глава 3. СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ШВЕЦИИ 71

Глава 4. ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ НА БАЛКАНАХ КАК РЕСУРС НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА 95

Раздел 2.

ЯЗЫК И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ 128

Глава 5. БРЕТОНСКИЙ ЯЗЫК: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И ВОПРОСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ 129

Глава 6. «ЗАКОН СЕЛАА» И ЯЗЫКОВОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В АВТОНОМНОЙ КАТАЛОНИИ 164

Глава 7. ФРИУЛЬСКИЙ ЯЗЫК: МИНОРИТАРНЫЕ ЯЗЫКИ ИТАЛИИ МЕЖДУ ПОЛИТИКОЙ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ И ИДЕНТИЧНОСТЬЮ 185

Глава 8. СИЦИЛИЯ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ 218

Глава 9. ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЯЗЫКИ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ОСТРОВЕ САРДИНИЯ 257

Раздел 3.

ДИАЛЕКТЫ И ИДИОМЫ НА ПОГРАНИЧЬЕ КУЛЬТУР **277**

Глава 10. ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА И ИДЕНТИЧНОСТИ ГРЕКОВ КАЛАБРИИ 278

Глава 11. ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АРБРЕШЕЙ ИТАЛИИ 294

Глава 12. ВЛАШСКИЕ ГОВОРЫ И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В МАРГИНАЛЬНОМ ДАКОРУМЫНСКОМ АРЕАЛЕ ВОСТОЧНОЙ СЕРБИИ 321

Глава 13. БИТВА ЗА ЯЗЫК: ИДИОМ СЛАВЯН-МУСУЛЬМАН ГОЛОБОРДЫ В АЛБАНИИ 355

Глава 14. ЯЗЫК АЛБАНЦЕВ УКРАИНЫ В XXI ВЕКЕ 384

Глава 15. ИДЕНТИЧНОСТЬ, ЯЗЫКИ КОММУНИКАЦИЙ И РОДНОЙ ЯЗЫК НА БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОМ ПОГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 412

Глава 16. ЯЗЫКОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЙ МИГРАНТОВ В ГРЕЦИИ 443

Раздел 4.

ЯЗЫК ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ **452**

Глава 17. ДРУГОЙ НЕМЕЦКИЙ: О СОЦИОЛЕКТЕ БАМБЕГСКИХ ГЭРТНЕРОВ 453

Глава 18. ЯЗЫК ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ ОБРЯДНОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГРОМНИЦ 476

Вместо заключения. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА **515**

ОБ АВТОРАХ **534**

ВВЕДЕНИЕ. ЯЗЫК В ПАРАДИГМЕ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Язык играет важную роль в истории и культуре любого народа. Национальность во многом отождествляется с идеей языка. Что же влияет на его жизнедеятельность? Почему одни из диалектов исчезают, а другие расширяют ареалы своего распространения? Насколько язык можно считать исторически заданным явлением и в какой степени — конструктом, результатом «социальной инженерии», идеологической работы? Уже неоднократно отмечалось, что язык как явление социальное имеет две основные функции: наряду с практическим коммуникативным предназначением он играет еще и символическую роль. Язык формирует чувство родственности с группой и одновременно значим для дифференциации индивидов и сообществ. Он является основным средством, с помощью которого люди могут различать, принадлежит ли человек к их сообществу или же этот человек соотносит себя с каким-нибудь другим сообществом. Эти коллективы могут быть разными (возрастными, профессиональными и т. д.). Наиболее отчетливо по ряду признаков проявляются группы, имеющие национальный или этнический характер. Таким образом, национальную и этническую идентичности можно рассматривать в тесной связи с языком. В этом случае он является не просто инструментом общения в социальном коллективе, но и обеспечивает ощущение отличия от других народов и государств. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что важным инструментом развития интеллекта и общества в целом являются опирающиеся на устное и письменное слово произведения искусства, литературы, культуры, науки.

Есть языки, которые признаны официальными сразу несколькими государствами и нациями. В то же время довольно много стран, в которых население говорит не на одном языке, а на нескольких [см. Вахтин, Головко 2004]. Тогда, как правило, государства, которые образуются в результате объединения нескольких этнических групп или народов, должны иметь язык внутригосударственного общения. Примерно половина стран в мире имеют официальные или государственные языки. В некоторых из них — официальный язык один, в других — их больше. Есть страны, где существует единый государственный язык для всей страны и, в дополнение к нему, утверждены государственные или официальные языки для отдельных регионов. Еще один вариант — отсутствие официального языка

для всей страны, но наличие таковых для отдельных ее частей. И, наконец, в ряде стран понятия официального языка вообще нет. В большинстве подобных случаев, однако, де-факто существует какой-то основной язык, а также имеется целый ряд официальных документов, которыми устанавливаются сферы использования тех или иных языков. Отметим, что международное право использует термин «официальный язык», а также «язык в сфере управления и образования», а не «государственный» язык. В российском официальном дискурсе понятие «государственный язык» применяется как на государственном, так и на региональном уровнях.

Европа из всех частей света отличается наименьшим лингвистическим разнообразием. Хотя по данным статистики на ее территории население и разговаривает на 260 языках, большая их часть принадлежит к индоевропейской языковой семье. Но дело не только в этом: подавляющее большинство европейских языков имеет литературные и письменные стандарты, что способствует предпочтению коммуникации именно на них и ведет к утрате лингвистической вариативности. Стандартизация языка началась в этой части Земли в самом начале Нового времени, что соответствовало концепции *национального государства* того периода истории. Тогда в качестве основы для литературных языков в европейских странах были выбраны те или иные диалекты, оттеснившие другие, соседние языковые варианты, порой типологически схожие и тоже имеющие длительную письменную традицию, на периферию социальной практики. Превратившись в национальные языки, избранные «счастливчики» стали *linguae francae* на территориях целых государств или даже сумели охватить своим влиянием более широкие регионы, взяв на себя функции инструмента международного общения. В Европе наиболее ранние стандартные варианты получили итальянский, французский, английский и немецкий языки. Разрабатывались языковые стандарты еще в нескольких странах континента. Для этого были созданы специальные языковые академии, среди которых самые известные: Accademia della Crusca во Флоренции (1582 г.), Fruchtbringende Gesellschaft в Веймаре (1617), Académie francaise в Париже (1635 г.), Real Academia Española в Мадриде (1713 г.). В упомянутых и схожих с ними учреждениях создавались грамматики и словари, происходила кодификация языков.

Как пишет британский ученый Майкл Биллиг, «достижение национальной гегемонии прекрасно иллюстрируется триумфом официальных национальных языков и подавлением соперников, которым часто сопровождалось создание государственности» [Биллиг 2005: 75]. Вместе с тем, было бы упрощением считать, что эти «соперники» с легкостью сдались, и наступило полное моноязычие в масштабах целых стран. Да и границы государств Европы не оставались на протяжении веков неизменными, еще и поэтому сравнительно однородных в культурном и лингвистическом от-

ношении государств мало. Язык и сегодня не перестает быть проблемной категорией, языковая ситуация в подавляющем большинстве стран и регионов отличается сложностью и неоднозначностью. Тема языка постоянно используется в политических дебатах и в предвыборных риториках. В тесной зависимости от языкового вопроса оказываются концепции образования [см. Мартынова 2013]. Практически во всех странах Европы продолжают существовать в том или ином виде локальные варианты языков (диалекты, идиомы, говоры, наречия, миноритарные языки и др.), обладающие разной степенью силы. Там и сейчас есть так называемые «лингвистические меньшинства». Их элита стремится к укреплению позиций своих наречий, к возрождению микроязыков. Языковой ландшафт современных государств постоянно усложняется за счет притока мигрантов из других стран и регионов. В нашем глобализирующемся мире, вопреки тенденциям к унификации образа жизни, растет интерес к языковому и культурному разнообразию.

Упомянутый комплекс обстоятельств приводит к тому, что в многоязычных по составу населения странах вопрос о языках является одним из непростых в общественных отношениях и политике. Многие исследователи увязывают понятия язык и идентичность, а также язык и национализм. Говорящие на одном языке люди ощущают чувство определенной общности. В то же время модель национализма легко построить на мысли о важности общения на едином языке. Разработавший концепцию «банального национализма» Майкл Биллиг полагает, что «не столько язык создает национализм, сколько национализм создает язык» [Биллиг 2005: 77]. Свою мысль он подкрепляет частными, но характерными примерами из истории языковой дискриминации. По его словам, «права человека и гражданина не распространялись на право бретонцев и окситанцев использовать свой собственный язык во французских школах: по закону, вместо окситанского надлежало использовать северофранцузский. В XIX веке был наложен официальный запрет на использование валлийского и шотландского языков в британских школах» [Биллиг 2005: 77]. Список «обиженных» языков может быть продолжен.

По оценкам ЮНЕСКО, в период с 1950 по 2010 год на планете вымерло порядка 230 языков. Согласно прогнозам ученых, к концу XXI века человечество потеряет еще около 30% языков. В то же время нельзя не заметить, что в мире, и в европейской его части в том числе, последнее время немало делается для сохранения как можно большего языкового разнообразия. Целый ряд международных документов в той или иной степени касаются прав языков, особенно находящихся под угрозой исчезновения. Идея создания международного документа, посвященного конкретно языковым правам, была впервые озвучена в 1984 г. на конгрессе Международной федерации преподавателей современного языка (португ. Federation Internationale des

Professeurs de Langues Vivantes (FIPLV), англ. The International Federation of Language Teaching Associations). В продолжение этой инициативы в 1996 г. на Всемирной конференции по языковым правам, проходившей в Барселоне, была принята Всеобщая декларация языковых прав (т. н. Барселонская декларация). Хотя она не была официально одобрена ЮНЕСКО и не ратифицирована Генеральной Ассамблеей ООН, ее текст широко используется на практике. С целью защиты языкового и культурного многообразия в 1999 г. решением ЮНЕСКО был учрежден Международный день родного языка, который с 2000 г. ежегодно отмечается 21 февраля. Международным годом языков Генеральной Ассамблеей ООН был объявлен 2008 г., Международным годом языков коренных народов — 2019 г., а период с 2022 по 2032 г. стал Международным десятилетием языков коренных народов.

Среди документов общеевропейского плана нельзя не упомянуть принятую в 1992 г. в Страсбурге под эгидой Совета Европы Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств (англ. European Charter for regional or minority languages, фр. Charte européenne des langues régionales ou minoritaires). Она вступила в действие в 1998 г. и имеет юридическую силу для 24 государств. Несколько стран (Франция, Исландия, Италия, Северная Македония, Молдова и Россия) подписали, но не ратифицировали конвенцию. Об уважении к языковому плюрализму свидетельствует тот факт, что Европейский союз определил 24 языка в качестве «официальных и рабочих», на них переводятся все официальные документы [см. Соколовский, Тишков 2010]. Список региональных языков Европы насчитывает порядка 50 наименований, а основанием для включения в список служит количественный критерий, согласно которому статус дается языкам, если в том или ином регионе на нем говорит от 2 до 10% местного населения.

Все мероприятия и акции последних лет, направленные на стимулирование многоязычия, не только корректируют языковую политику отдельных государств, но делают необходимой и востребованной деятельность ученых по исследованию разных аспектов языковой ситуации в мире. Несомненно, больше всего в этом плане усилий предпринимается лингвистами. Самой крупной базой данных и особо значимым международным исследовательским проектом, как по охвату территории, так и по количеству изучаемых языков, является «Лингвистический атлас Европы» (Atlas Linguarum Europae) [ALE]. Он аккумулирует материалы по лингвистике и семантике европейских языков в их диалектных разновидностях и культурных связях. Еще одним суперинформативным собранием сведений по лингвистической типологии, грамматике, фонетике и прочим языковым явлениям в мире является «Всемирный атлас лингвистических структур» (The World Atlas of Language Structures) [WALS]. Перечислить даже малую часть проделанных лингвистами исследований не представляется возможным ввиду их количества. Довольно обширная библиография евролинг-

вистических публикаций, подготовленная под редакцией немецкого лингвиста Йоахима Гжеги, доступна на интернет-платформе EuroLinguistiX [ELiX]. Из российских изданий общего характера упомянем, например, энциклопедию «Язык и общество» [Михальченко 2016].

Не остались без внимания специалистов и проблемы государственных языковых политик разных стран, юридического статуса языков, законодательного регулирования языковой политики [Алпатов 2013; Мартынова 2013; Михеева 2013; Скачкова 2015; Ahrens 2003; Cooper 1989; Grzega 2006; Siguan 2002 и др.]. Очевидна связь языка и управления, политика самого разного уровня (международного, государственного, регионального) воздействует не только на языковые процессы, но и на науку о языках, делая актуальными для исследований те или иные сюжеты.

Механизмы воздействия социальных факторов на язык изучает социолингвистика как раздел языкознания [Deckert, Vickers 2011; Fasold 1995; Hudson 1990; Беликов, Крысин 2001; Звягинцев 1982 и др.]. Ее предметная область в значительной степени коррелирует к теми задачами, которые видят перед собой социальные антропологи, обращаясь к теме языка. Вместе с тем, этнолог/антрополог и лингвист замечают в вопросах взаимодействия речи и общества разные детали. Если в фокусе внимания лингвиста в первую очередь оказывается язык, пусть и в аспекте воздействия на него происходящих в обществе процессов, то для антрополога на передний план выступает социум, нас будет интересовать само общество и его индивиды, использующие вербальную коммуникацию в качестве инструмента достижения тех или иных целей. Оставляя в стороне языковедческие параметры, сюжеты нормативно-стилистического уклада разных языков, именно социальная антропология изучает круг тем, касающихся взаимодействия языка с социальными факторами, такими как язык и этничность, язык и нация, язык и регионализм, язык и религия, язык и миграции, язык и социальные группы. Говоря о методах социолингвистики и социальной антропологии, отметим, что этнографические методы — главные в социоантропологических или этнологических исследованиях. Социолингвисты тоже часто прибегают к наблюдениям, опросам, письменному анкетированию. Но, тогда как их интервью ставят своей задачей собрать максимально больший объем особенностей речи интервьюера-носителя идиома, антрополога заинтересуют мотивационные обоснования использования языков или говоров в жизненных установках человека. Антропология всегда в значительной степени личностно ориентированная наука. Таким образом, содержательные составляющие и их интерпретации отличаются в этих двух сферах знания.

Работ, анализирующих интересующее нас предметное поле с социоантропологических позиций, пока мало [Соколовский и др. 2020; Мартынова 2021; Старченко, Степанов 2022]. В предлагаемой вниманию читателя коллективной монографии публикуются результаты исследований,

осуществленных в соответствии с темой НИР «Культурно-сложные общества: анализ мирового опыта». Мониторинг языковой ситуации, этнического и иного культурного многообразия государств Европы осуществлен сотрудниками Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и Отдела европеистики Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН с участием приглашенных ученых. Авторы данного труда не ставили перед собой задачу изучения лингвистических проблем, а предприняли попытку рассмотреть социальный аспект функционирования языков, исследовать языковую картину Европы как культурный и цивилизационный ресурс.

По мнению известного американского социолога и лингвиста Дж. Фишмана, есть две сферы, в которых язык становится государственной проблемой: это государственное управление и образование [Fishman 1972]. Мы же, как социальные антропологи, усматриваем связь этих категорий с проблемой конструирования идентичностей, как национальных, так и этнических. Поэтому данная монография начинается с раздела, посвященного языковому фактору в государственном измерении. Языковая политика анализируется на примерах ситуаций в Исландии (глава «Языковая политика Исландии: между сохранением традиций и интегрированием в мировое пространство», автор И. А. Кучерова), Швейцарии (глава «Политика многоязычия в современной Швейцарии», автор Р. Р. Нагапетова), Швеции (глава «Современная языковая ситуация в Швеции», автор Е. А. Сорокина) и в странах Западных Балкан (глава «Языковые процессы на Балканах как ресурс нациестроительства», автор М. Ю. Мартынова).

Языки локальных сообществ в их взаимодействии с разными видами идентичностей (национальными, этническими, локальными), особенности регионального развития самосознания и культуры населения автономий, административных и исторических областей через призму языковых процессов рассматриваются во втором разделе под названием «Язык и региональная идентичность». В фокусе внимания оказались бретонский (глава «Бретонский язык: особенности современной социолингвистической ситуации и вопросы идентичности», автор М. К. Любарт), каталанский (глава «„Закон Селаа“ и языковое противостояние в Каталонии», автор А. Н. Кожановский), фриульский (глава «Фриульский язык: миноритарные языки Италии между политикой, законодательством и идентичностью», автор Д. А. Шевлякова), сицилийский (глава «Сицилия: социолингвистические аспекты идентичности населения», автор О. Д. Фаис-Леутская) и сардинский (глава «Языковая идентичность и языки идентичности на острове Сардиния», автор А. Мажиа) языки. Все они наряду с некоторыми другими компонентами культуры выступают как своеобразные маркеры, формообразующие основы идентичностей, переживая в настоящее время период

ренессанса и особого интереса со стороны носителей идиома (в подавляющем большинстве случаев двуязычных).

В разделе «Диалекты и идиомы на пограничье культур» речь идет о языковых вариантах, развивающихся в иноэтничном окружении, в отрыве от основного места распространения исходного языка. Для анализа были выбраны ситуации, типичные для греков Калабрии (глава «Проблема языка и идентичности греков Калабрии», автор С. А. Сиднева), арбрешей Италии (глава «Язык как отражение этнической идентичности арбрешей Италии», автор М. А. Сулоева), влахов Сербии (глава «Влашские говоры и языковая ситуация в маргинальном дакорумынском ареале восточной Сербии», авторы Н. Г. Голант и М. М. Рыжова), славян-мусульман Албании (глава «Битва за язык: идиом славян-мусульман Голоборды в Албании», автор А. А. Новик), албанцев Украины (глава «Язык албанцев Украины в XXI веке», авторы А. А. Новик и А. С. Дугушина). Также изучалась языковая картина на белорусско-российском пограничье (глава «Идентичность, языки коммуникаций и родной язык на белорусско-российском пограничном пространстве», авторы Р. А. Григорьева и М. Ю. Мартынова) и языковые компетенции мигрантов в Греции (глава «Языковые компетенции в контексте стратегий мигрантов в Греции», авторы Л. С. Гущян и В. В. Федченко).

Завершает монографию раздел «Язык традиционной культуры». В нем повествуется о социолекте бамбегских гэртнеров как сословия или профессиональной группы, их коммуникативной практике (глава «Другой немецкий: о социолекте бамбегских гэртнеров», автор Ю. В. Бучатская) и о мифологических коннотациях обрядности восточнославянских Громниц, рассматриваемых посредством методологии современной этнолингвистики (глава «Язык традиционной культуры: мифологические коннотации обрядности восточнославянских Громниц», автор М. А. Андрюнина). Заключением служит глава, в которой анализируется роль английского языка в мире как лингва франка (глава «Английский язык в социолингвистической картине мира», автор В. В. Руднев). Все разделы монографии написаны с использованием полевых материалов, архивных источников и других уникальных данных, вводимых в научный оборот впервые. Автор введения — М. Ю. Мартынова.

Источники и материалы

ALE — Atlas Linguarum Europae. URL: https://lingv.ro/ALE.html (дата обращения: 12.01.2022).

ELiX — EuroLinguistiX (ELiX). Электронный ресурс. URL: https: www//europinguistic.com (дата обращения: 12.01.2022).

WALS — The World Atlas of Language Structures. Электронный ресурс. URL: https://wals.info/feature (дата обращения: 12.01.2022).

Научная литература

Алпатов В. М. 2013. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. № 5(17): Филология. С. 8–28.

Беликов В. И., Крысин Л. П. 2001. Социолингвистика. М.: РГГУ.

Вахтин Н. Б., Головко Е. В. 2004. Социолингвистика и социология языка. СПб: «Гуманитарная академия».

Звягинцев В. А. 1982. Социальное и лингвистическое в социолингвистике. Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Вып. 3. М.

Мартынова М. Ю. 2013. Школьное образование и идентичность. Отечественные и зарубежные концептуальные подходы к национальной (общегосударственной) интеграции и культурному многообразию общества. Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 234. М.: ИЭА РАН.

Мартынова М. Ю. (отв. ред.). 2021. Язык и идентичность. Антропологическое исследование ситуации в России. М.: ИЭА РАН.

Михальченко В. Ю. (глав. ред.). 2016. Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник».

Михеева Н. Ф., Эбзеева Ю. Н. (ред.). 2013. Типология языковых ситуаций и языковая политика в России и мире. Под ред. Н. Ф. Михеевой, Ю. Н. Эбзеевой. Москва: РУДН.

Скачкова И. И. 2015. Языковая политика и языковое планирование: определение понятий // Политическая лингвистика. № 1 (51). С. 126–130.

Соколовский С. В., Тишков В. А. (ред.) 2010. Европейская языковая хартия и Россия. Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 218. М.: ИЭА РАН.

Соколовский С. В., Филиппова Е.И. (ред.)*, Бабич И. Л., Мартынова М. Ю. и др*. 2020. Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. М.: Горячая линия — Телеком.

Старченко Р. А., Степанов В. В. (отв. ред.). 2022. Языковая и этнокультурная ситуация в России и зарубежье. М.: ИЭА РАН. 2022.

Биллиг М. 2005. Нации и языки // ЛОГОС. № 4 (49). С. 60–86. (Перевод с английского: Michael Billig. Banal Nationalism. London: Sage Publications, 1995. P. 13–36).

Ahrens R. (ed.). 2003. Europäische Sprachenpolitik // European Language Policy. Heidelberg: Winter.

Cooper R. L. 1989. Language Planning and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press.

Deckert Ch., Vickers C. 2011. An Introduction to Sociolinguistic. Society and Identity. London; New York, NY: Continuum. A&C Black.

Fishman J. 1972. Language and Nationalism. Rowley, MA: Newbury House.

Grzega J. 2006. EuroLinguistischer Parcours: Kernwissen zur europäischen Sprachkultur. Frankfurt: IKO.
Grzega J. 2012. Europas Sprachen und Kulturen im Wandel der Zeit. Тюбинген: Narr.
Fasold R. 1995 [1984]. The Sociolinguistics of Society: Introduction to Sociolinguistics. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell. Vol. 1. P. 34–57 (Ch. «Diglossia»).
Hudson R. A. 1990. Sociolinguistics. Cambridge: Cambridge Univ. Press. P. 1–12.
Siguan M. 2002. Europe and the Languages (English internet version of the book L'Europa de les llengües. Barcelonaha: Hayen Mardaga, 1996).

Раздел 1.

ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОР В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ

Глава 1. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ИСЛАНДИИ: МЕЖДУ СОХРАНЕНИЕМ ТРАДИЦИЙ И ИНТЕГРИРОВАНИЕМ В МИРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Языковая политика: краткий очерк

История исландского языка начинается в IX в., когда остров заселили выходцы из Норвегии и соседних с ней стран, говорившие на так наз. датском (*dönska*), ставшем основным языком новой страны. Позднее, когда произошло постепенное расхождение скандинавских языков, характерными особенностями исландского (который принадлежит к скандинавской группе германской ветви индоевропейской семьи) стали незначительное изменение лексики и грамматики, а также высокая гомогенность по сравнению с языками стран континентальной Скандинавии: несмотря на низкую плотность и географическую «разбросанность» населения, диалектальная вариативность исландского невысока. Кендра Уилсон в своей рецензии на книгу Стивена Леонарда «Исландский: язык, идентичность и изменение» (*Icelandic: Language, Identity and Change*) [Wilson 2013] выделяет основные предпосылки, приведшие к формированию единого исландского языка. В их числе Леонард, а вслед за ним и Уилсон называет: хуторское расселение; низкий возраст совершеннолетия (12 лет), что препятствовало созданию «молодежных» сообществ, характеризующихся активным словотворчеством; важность фиксированных законов, выступающих в качестве квинтэссенции исландской идентичности; роль поэзии и прозаических произведений и, наконец, (как добавляет Уилсон) высокую грамотность населения и активную циркуляцию в обществе письменных текстов.

В 1264 г. Исландия перешла под власть Норвегии, а с 1397 г. стала частью Датского королевства. До XVII–XVIII вв. язык метрополии существенно не влиял на исландский, однако постепенное усиление административного давления привело к доминированию датского языка в официальной сфере и в сфере торговли. Новые идеи и технологии, попадая в Исландию через Данию, также способствовали заимствованию соответствующей лексики [Hannesdóttir 2004; цит. по Friðriksson 2008]. Со временем это привело к тому, что исландский язык стал восприниматься как менее престижный по сравнению с датским; произошла «данизация» Рейкьяви-

ка, где располагался административный центр, а на побережье было создано несколько крупных торговых пунктов.

В Новое время с возникновением романтизма интерес к подвигам предков, культуре эпохи викингов и средневековой литературе возрождается. В 1593 г. исландский ученый Аргримур Йоунссон (1568–1648), получивший образование в Копенгагене, публикует на латыни работу «Краткие записки об Исландии» (*Brevis commentarius de Islandia*), в которой он опровергает несправедливые оценки многочисленных авторов, писавших об Исландии и ее народе, а в 1607 г. выходит его книга *Crimogæa* (греч. «Страна льда», т. е. «Исландия»), в которой впервые говорится о преемственности языка эпохи викингов и исландского; Аргримур оценивает последний как «наиболее чистый». Ярким представителем новой эпохи становится Эггерт Оулафссон (1726–1768), исландский поэт, писатель и натуралист. После своих поездок по Исландии в 1752 и 1757 гг. (в своем дневнике Эггерт отмечает, что на побережье язык сильно загрязнен датскими и немецкими словами, более или менее чистый вариант можно услышать лишь во внутренних областях страны) он публикует поэму «Недуг и кончина исландского языка» (*Sótt og dauði íslenskunnar*), в которой язык изображен в виде женщины, охваченной смертельным недугом — зараженной иностранными заимствованиями. Именно Эггерт предпринимает попытку создать первую грамматику исландского языка, он также организовывает «Тайное общество исландского языка».

В 1813 г. датский лингвист Расмус Раск (1787–1832) пишет своему другу:

> Иначе я думаю, что исландский скоро исчезнет. Полагаю, что лишь единицы будут понимать его в Рейкьявике через сто лет, а в других областях страны — через двести лет, если всё будет идти так же, и [языку] не будет оказана мощная поддержка; ведь у лучших людей [здесь] каждое второе слово — на датском, в то время как у крестьян он [исландский язык], вероятно, останется дольше всего [Hjelmslev 1941: 164, цит. по: Hastrup 1998: 85].

Несмотря на то что под началом Раска была проведена орфографическая реформа и создана первая исландская грамматика, ученый считал древний и современный исландский одним языком. Вероятно, впоследствии, обнаружив существующие расхождения, он принял решение не модернизировать грамматику, считая «исходный» вариант более правильным и неиспорченным и стремясь сохранить интерес к Исландии за рубежом (в Европе в то время возникла мода на «древность»). Предложенное Раском написание слов в орфографии манускриптов способствовало архаизации исландского и его приближению к языку эпохи саг. Таким образом,

реформа привела к укреплению представления о непрерывности и неизменчивости исландской языковой нормы.

Исландию XIX в. отличал высокий уровень грамотности населения (один их самых высоких в Европе). В первую очередь это было связано с влиянием церкви: с 1793 г. конфирмация стала обязательной, а все конфирмующиеся должны были уметь читать (в соответствии с Королевским указом 1790 г.), поэтому приходящие священники обучали детей грамоте. Лишь в 1879 г. Альтингом был принят закон об обязательном обучении детей письму и счету, что несомненно способствовало повышению грамотности населения. Однако исследователи отмечают, что заслуга в сохранении языка принадлежит, по выражению Сигурда Гильви Магнуссона и Давида Оулафссона, «низовой» культуре «босоногих историков» [Magnússon 2010: 169]: фермеров, наемных работников или мастеровых. В свободное время они переписывали саги и поэзию, сочиняли собственные тексты, отмечали происходящие события, вели дневники и издавали рукописные газеты. Люди организовывали неформальные сообщества, обмениваясь письмами, книгами и манускриптами [Ibid.: 170].

В XIX в. в Копенгагене четыре исландских студента-романтика основали журнал *Fjölnir* («Фьёльнир») (1835–1839, 1843–1847). Это событие можно считать началом борьбы за независимость Исландии, а день рождения одного из «фьёльнирцев» — Йоунаса Хадльгримссона (16 ноября) с 1995 г. отмечается как День исландского языка. Цель, которую обозначили издатели журнала — «пробуждение нации». Подчеркивая ценность средневековой истории и литературы Исландии и стремясь расширить сферу использования исландского языка, они выдвинули идею его «осовременивания», в том числе через создание новых исландских слов. В качестве основного ресурса ими рассматривался исландский эпохи саг — идеальный прообраз, к которому необходимо вернуться.

Вторая половина XIX в. была отмечена ростом интереса исландцев к литературному и фольклорному наследию: в 1852 (*Íslensk ævintýri*) и 1862–1864 гг. (*Íslenskar þjóðsögur og ævintýri*) публикуются книги Йоуна Ауртнасона, в которых представлен собранный благодаря многочисленным добровольным помощникам фольклор, записанный непосредственно информантами или с их слов; в 1891–1892 гг. выходит новое недорогое издание саг, которое становится достаточно популярным. В этот период романтический национализм впервые связывается с политикой: Йоун Сигурдссон (1811–1879) в 1840-е годы, стремясь обосновать движение за независимость, начинает борьбу за постепенное расширение влияния исландского языка и возврат его в официальную сферу.

Тема сохранения и развития языка как необходимого условия свободы, пусть и понимаемой по-разному, объединила все политические тече-

ния — от консерваторов до либералов [Thórarinsdóttir 1999]. Так, в 1918 г. исландская делегация, встречавшая датских чиновников, настаивала на предоставлении стране суверенитета, в связи с тем, что исландцы единственные из всех германских народов сохранили «собственную культуру» и «собственный язык» [Friðriksson 2008: 66]. Первый шаг в этом направлении был сделан в 1918 г., когда Исландия стала суверенным королевством в унии с Данией, а исландский язык стал вторым официальным языком, но только 17 июня 1944 г. — в день рождения Йоуна Сигурдссона — была провозглашена полная независимость Исландии. А через 20 лет, в 1964 г., был создан Комитет по исландскому языку (*Íslensk málnefnd*), призванный определять политику его развития.

О важности языковой политики для исландцев свидетельствует число институций, занимающихся сегодня на государственном и местном уровнях вопросами сохранения и развития языка: 1) Комитет по исландскому языку (*Íslensk málnefnd*) — консультирует законодательные органы (процедура обязательна при подготовке любых проектов законов о языке), различные институты и отдельных лиц по вопросам использования исландского языка; принимает решения об именах и топонимах; поддерживает связи со СМИ и образовательными учреждениями [Thórarinsdóttir 1999]; 2) Институт исландистики им. Ауртни Магнуссона (*Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum frœðum*) (в дальнейшем — ИИАМ) — занимается изучением исландского языка и литературы; 3) Специальные комитеты по терминам, задача которых — создавать новые слова (а иногда и целые пласты лексики) в различных сферах деятельности (старейший из них, Терминологический комитет Инженерного общества, был создан в 1919 г.).

В конце XX — начале XXI в. в стране предпринимались активные действия в поддержку исландского языка. В программе первой кампании по «культивации языка» (*Málrœkt'89*), начавшейся в 1989 г. [Thórarinsdóttir 1999: 313], подчеркивалась важность сохранения языка не только для поддержания целостности нации, но и для развития демократического общества в целом и каждого индивида в частности:

> …язык — культурное наследие, за передачу которого следующим поколениям он [носитель] несет ответственность. Для него важно, чтобы это наследие, пока он о нем заботится, процветало, чтобы оно не уменьшилось… Он знает, что культурное наследие — самое важное из всего того, что делает его исландцем, выросшим в исландской культуре и с исландским мышлением. …он знает, что язык является посредником и средством коммуникации <…> Таким образом, он будет способен влиять на свое окружение и стать активным участником демократического общества. …он знает, что язык позволяет ему структурировать свои мысли <…> язык

связывает человека с ним самим, его окружением и его народом. Язык играет столь важную роль в жизни нации и индивидов, что было бы актом величайшего вандализма отторгнуть его, например, забыв о его роли или о том, что он похож на растение, нуждающееся в постоянном уходе и заботе [Málrækt'89 1989:11; цит. по: Thórarinsdóttir 1999: 314][1].

В 2009 г. Альтинг одобрил новую языковую политику «Исландский для всего» (*Íslenska til alls*), направленную на усиление позиций исландского языка в борьбе с английским, активно проникающим во многие сферы общественной жизни. Альтинг специальным законом (от 07.06.2011) закрепил за исландским языком статус «национального языка исландцев и официального языка Исландии» [Lög № 61/2011]. Закон содержит пункт, согласно которому «центральное и местное правительства несут ответственность за сохранение и развитие исландского языка, а также за его использование». Отдельным положением закон утверждает статус исландского языка жестов как официального языка для тех, кто имеет в этом необходимость, и прописывает государственные меры по его поддержке (от обеспечения доступности изучения и использования до создания отдельного языкового комитета) [Ibid.]. В августе 2011 г. Рейкьявик получил статус Города литературы ЮНЕСКО, и городское пространство было трансформировано соответствующим образом: к улицам, ранее названным в честь героев исландских саг, добавились многочисленные памятники писателям и поэтам (в т. ч. с интерактивными элементами, например qr-кодами, позволяющими прослушать отрывок из их произведений), появились многочисленные памятные таблички на английском и исландском языках, были организованы лекции-экскурсии.

В 2018 г. правительство инициировало рассчитанную на пять лет (до 2022 г.) масштабную программу поддержки государственного языка, в первую очередь в цифровой сфере. Усилилась работа над электронными ресурсами, посвященными исландскому языку, прежде всего malid.is — масштабным проектом под эгидой ИИАМ, включающим в себя различные словари, тезаурусы, языковой корпус. Планируется разработка исландского программного обеспечения, при этом приоритет отдается распознаванию речи. В конце 2020 г. компания *Miðeind* представила приложение для смартфона *Embla*[2] — первого голосового помощника, понимающего исландский

---

1 Многие из этих утверждений (и даже в сходных выражениях) можно увидеть и в более современном документе — Государственной программе полного школьного образования, принятой в 2013 г. и актуальной на настоящий момент.

2 Название приложения взято из мифологии: в «Старшей Эдде» Эмбла (букв. «Ива») — имя первой женщины, созданной богами из дерева. Эмбла — женское исландское имя, использующееся и в наши дни.

язык (в популярных *Google* и *Siri* нет голосового ввода на исландском). «Эмбла» способна понимать простые вопросы, искать заданное слово в исландской Википедии, информировать о часах работы магазинов, расписании транспорта и пр., решать простые арифметические задачи. В перспективе приложение должно стать основой для разработки исландских программ голосового ввода, в т. ч. работающих с «умной техникой» [Friðjónsdóttir 2020]. Пока «Эмбла» не слишком популярна (3,1 балла — рейтинг в *Google Play*; количество скачиваний чуть больше 1000). В комментариях люди хвалят саму идею, но жалуются на то, что приложение «сырое» и работает с ошибками; но, вероятно, проблема заключается не столько в самом ПО, сколько в очень малом числе пользователей — нейросети попросту недостает материала для тренировки. Эту проблему пытаются решить, собирая записи голосов, в т. ч. в школах и других учебных заведениях.

Через восемь лет после придания исландскому официального статуса Альтинг принял резолюцию № 36/149 (от 07.07.2019) (*Þingsályktun um að efla íslensku sem opinbert mál á Íslandi*), в которой обозначены три основных направления поддержки исландского языка как государственного: 1) использование во всех общественных сферах; 2) продвижение на всех образовательных ступенях и улучшение подготовки учителей; 3) обеспечение будущего в цифровом мире. Планируется: повысить уровень преподавания исландского (в т. ч. языка жестов) как родного и как иностранного языка (в первую очередь для мигрантов) в Исландии и за рубежом; увеличить присутствие исландского в СМИ и улучшить доступ к новостям для слабослышащих за счет дублирования на язык жестов и субтитров; стимулировать издание исландских книг, особенно для детей и подростков, и исландских переводов книг иностранных авторов; сделать акцент на исландском языке при создании, исполнении и анализе произведений искусства; финансово поддерживать фильмы и телепередачи на исландском, а также дубляж, переводы и субтитры для иностранных программ, особенно предназначенных для детей; продолжить работу по обеспечению цифрового будущего исландского языка; продвигать деятельность словарных комитетов; сформировать критерии для использования исландского языка правительством и бизнесом; провести соответствующую корректировку исландской языковой политики[3] [Þingsályktun Nr. 36/149].

Пуризм и национальная языковая политика

Исторически саги и средневековая поэзия воспринимались как опора идентичности [см., напр.: Byock 1994], а язык саг — как образец «чистейшего» литературного исландского. Эпоха народовластия в национали-

[3] Новый вариант языковой политики Исландии должен был быть разработан к концу 2020 г., но пока не был представлен из-за пандемии.

стическом дискурсе превратилась в золотой век Исландии — время, когда исландцы были свободны, равны и независимы, пользовались уважением при дворах правителей соседних стран, создавали уникальную литературу и говорили на отточенном и элегантном языке. Подобное отношение сделало саги важным властным ресурсом: за них велась борьба как с Данией — за возврат манускриптов [Hálfdanarson 2011], так и внутри самой Исландии — за право издавать средневековые тексты и принципы их издания [Helgason 1999]. В то же время современный исландский язык и литература представлялись прямым продолжением средневековой традиции:

> Исландский — наш родной язык, отличительная черта нашей нации… Но нужно помнить, что особая ценность исландского по сравнению с другими языками в значительной степени заключается в том, что он почти не изменился за более чем тысячу лет… это довольно важно, что язык столь прозрачен, что является своего рода школой памяти для людей, в то время как многие слова в современных языках больше похожи на затертые монеты <…> И нет сомнений в том, что по этой причине (в других отношениях они равны) исландский предоставляет больше возможностей для мастерства писателя, чем другие языки [Nordal 1931: 435].

Ценность исландского как языка истории и саг привела к превращению его в символ исландской идентичности — и, соответственно, к попыткам оградить его от «посягательств» других языков. Логичным продолжением этой идеи стала политика пуризма — языковое планирование (*málrækt* — «культивация языка»[4]) и отказ от иностранных заимствований в пользу создания новых, чисто исландских слов. При этом вовлеченность в создание и поддержание письменной культуры значительной части жителей страны позволяет правительству проводить языковую политику при достаточно активном «низовом» участии. По большей части сохраняются иностранные слова, заимствованные к XIX в. (например, религиозная и образовательная лексика), однако новых заимствований решено избегать.

Развитие технологий в последние годы приводит к появлению всё новых понятий и явлений. Для их обозначения в исландском языке вводятся неологизмы, и жители страны активно участвуют в их создании, предлагая Комитету по исландскому языку различные варианты (в т. ч. фонетико-семантические аналоги): основанные на переосмысленных устаревших словах (*sími* — телефон, букв. «нить»), являющиеся переводом

---

4 Помимо «культивации языка» (ставшего самым распространенным понятием) для обозначения языковой политики употреблялись также термины «очищение языка» (*málhreinsun*), «защита языка» (*málvernd*), «языковая аккуратность» (*málvöndun*) [Thórarinsdóttir 1999: 228].

соответствующих «интернациональных» терминов (*rafmagn* — электричество, букв. «сила янтаря») или творчески соединенные сложные слова (*ljósapera* — лампочка, букв. «световая груша»).

В 2018 г. заработал новый сайт Института исландистики им. Ауртни Магнуссона, в том числе раздел «Неологизмы» (*Nýyrði*). На странице раздела есть специальная форма для новых слов: каждый желающий может заполнить ее и предложить придуманное или услышанное им слово, которого не хватает в исландском языке. Новые слова проходят премодерацию и через некоторое время появляются на сайте: можно голосовать за или против них, комментировать и искать в базе по ряду параметров (тематика, новизна, алфавитный порядок, популярность, обсуждаемость). На сайте есть рекомендации по изобретению неологизмов: краткие советы, основные способы образования, грамматические особенности, список полезных префиксов и суффиксов (Um nýyrði s. a.); также советы по придумыванию новых терминов дают в своих статьях лингвисты из ИИАМ [см., напр.: Þorbergsdóttir 2020b].

Можно предложить любое слово: исландский аналог популярного англоязычного выражения (так, на момент написания статьи наиболее положительно на сайте оценивалось [204 голоса «за», 6 — «против»] слово *þyrnihrós* [букв. «колкая похвала»], объясненное как «когда кто-то делает тебе комплимент, который говорится с целью унизить», в качестве синонима предлагалось *backhanded compliment*; в базе есть, например, несколько исландских слов для перевода англоязычного *bucket list* — предсмертного списка последних дел); аналоги англоязычных названий известных товаров (второе и третье места по числу голосов «за» занимают *Víxla* — исландское название для игровой приставки *Nintendo Switch* — и *eyrasnigill* [букв. «ушная улитка»] — исландское название наушников *EarPods*); новые слова для недавно появившихся феноменов (гендерно-нейтральное *fræn* [«родня»], образованное от существующих терминов родства *frændi/frænka* [«родственник/родственница»[5]] или *rafíþrótt* [букв. «электроспорт»] — киберспорт); новые слова взамен существующих, которые по какой-то причине не нравятся автору (*hvítvökvi* [букв. «беложидкость»] вместо *mjólk* — «молоко»), или понятия, которым трудно найти аналоги: *Onglendingur* («англандец» — для обозначения «исландскоговорящих людей, которые беспричинно общаются между собой на английском») или крайне специфическое *sokkaormar* (букв. «носочные червячки») — «ворс, собравшийся между пальцев» (Nýyrði s. a.).

При желании создатель неологизма может указать цитату или источник, если слово не придумано им самим, а услышано в разговоре или где-то прочитано (или уже вошло в разговорный язык, но до сих пор не включено

[5] Этим словом называются дяди и тети, племянники и племянницы, двоюродные братья и сестры, а также более далекие родственники.

в базу), и это усиливает демократический посыл: при удачном стечении обстоятельств автором нового слова может стать пожилой человек или маленький ребенок, исландец или иностранец[6], слесарь или лингвист. Развитие исландского языка — это творческий процесс, в котором каждый может принять участие, и для этого совершенно не обязательно быть высококвалифицированным филологом. Разумеется, далеко не каждый исландец предлагает новые слова, скорее, это удел отдельных энтузиастов; тем не менее сама идея изобретения и творческой переработки старых исландских или новых английских слов нравится многим — практически все мои собеседники положительно отзывались об этой практике.

В период расцвета пуризма язык считался зеркалом страны и зеркалом человека, но воспринимался как нечто обособленное, а происходящие в нем изменения — «как результат внутренней динамики… а не как следствие воздействия социальных или „экстралингвистических“ факторов» [Pálsson 1995: 124]. Миф о едином языке использовался для поддержки мифа о едином обществе, а социальные различия маскировались грамматическими [Ibid.]. Нестандартные варианты исландского (произношение, лексика, грамматика) воспринимались и отчасти воспринимаются до сих пор, прежде всего людьми старшего поколения, как болезнь, загрязнение или порок (что снова напоминает о метафоре Эггерта Оулафссона), а неграмотная речь — как символ умственной или нравственной неполноценности. Об этом свидетельствует и лексика, связанная с «отклонениями от нормы», будь то: а) *flámæli* (фламайли, другое название *hljóðvilla* — звуковая ошибка), диалектальные различия в произношении — «речь с расслабленной челюстью», замена гласных; б) *línmæli* (линмайли — «ленивая речь», противопоставляемая *harðmæli* — «твердой речи»), при которой глухие согласные произносятся без аспирации; в) *þágufallssýki* — «болезнь дательного падежа», когда в безличных конструкциях он заменяет аккузатив или номинатив; г) *er-að-æði* — «*er-að* сумасшествие» (излишнее употребление конструкции «er að» в первом лице, обозначающей намерение); д) заимствования из других языков (для обозначения которых употребляется слово *slettur* — букв. «пятна»; существует также глагол *sletta*, который (помимо значений «брызгать», «шлепать, ударять чем-то мокрым», «чинить, латать») означает «употреблять иностранные слова» [Берков, Бёдварссон 1962]).

В 1940-х — 1960-х годах с фламайли долго и целенаправленно боролись на государственном уровне, поскольку он ассоциировался с необразованностью и глупостью. В итоге нормативный вариант одержал победу — сейчас фламайли встречается только у некоторых представителей старшего поколения. Однако, что касается «болезни дательного падежа»,

---

6 При заполнении формы указывается имя заполняющего, в ряде случаев оно явно иностранного происхождения.

она становится всё более распространенной и, по мнению Гистли Паулссона, представляет собой языковую тенденцию и ведет к увеличению разрыва между разговорной и письменной речью [Ibid.]. В настоящее время, однако, вариации внутри самого языка уже не воспринимаются столь остро — поводом для беспокойства становится всё возрастающее влияние английского и связанные с ним изменения.

Характерно, что идея «чистой Исландии» распространяется не только на языковую политику; она становится частью репрезентации страны на международной арене: «Исландцам нравится представлять романтический образ [своей страны], подчеркивая идею чистоты во всех сферах: экологической, исторической, лингвистической, культурной и кулинарной (незагрязненная вода и продукты)» [Einarsson 1996: 228]. К числу популярных туристических сувениров относится «чистый горный воздух» в жестяной баночке, а рекламные буклеты подчеркивают, что воду в Рейкьявике можно пить прямо из-под крана. Представления об «экологичности» всего исландского подкрепляются и подчеркиванием связи языка и природы: «…заимствуя образ охраны окружающей среды, можно говорить о переработке словаря и его вторичном использовании!» [Icelandic 2001: 9].

Однако пуризм в Исландии имеет и обратную сторону: он переплетен с националистической идеологией и временами переходит в шовинизм и даже расизм, как отмечают многие исследователи [см., напр.: Pálsson 1995; Thórarinsdóttir 1999]: чистота языка, чистота природы оборачиваются боязнью «загрязнений», в том числе лингвистических, культурных и расовых (отказ принять бежавших из нацистской Германии евреев или действовавший вплоть до 1960-х годов запрет чернокожим военным служить на исландской базе США и т. п.). В публичной речи это может приводить к своеобразным двойным стандартам. Так, Хадльфридюр, рассказывая о своей работе на исландском радио в 1995–1996 гг., приводит примеры цензуры и самоцензуры: если в неофициальной обстановке ведущие всегда использовали иностранные заимствования для обозначения, например, микрофона, то в эфире звучали исключительно исландские синонимы; большинство дикторов корректировали себя добровольно, но проскользнувшее заимствование могло привести и к выговору со стороны консультанта по исландскому языку [Thórarinsdóttir 1999: 295].

Гиперкоррекция соседствует с коррекцией со стороны общества — и, как и всякое символическое насилие, вызывает двойственное отношение: «Неформальная языковая полиция очень активна в Исландии. Когда я был моложе и читал газеты, люди постоянно туда писали и жаловались, что кто-то неправильно говорит по-исландски на телевидении, а сегодня создаются группы в „Фейсбуке“, которые разоблачают неправильности, которые другие люди допускают в СМИ» [ПМА 2015: S.]. Постоянное поправле-

ние «неправильностей» — прерогатива в первую очередь школы и старшего поколения; исландцы исправляют даже незнакомцев [Thórarinsdóttir 1999: 237]. Жесткие нормы вызывают некоторое раздражение, несмотря на смягчение в последние десятилетия политики языкового пуризма; необходимость овладеть ими воспринимается, с одной стороны, как ограничение, с другой — как незаменимый властный ресурс: «Я говорю на своего рода „чистом исландском“, когда хочу, чтобы меня воспринимали всерьез» [ПМА 2015: S.]. В то же время всё большей проблемой становится противопоставление формы и содержания высказывания: если до недавнего времени первой отдавался явный приоритет, что зачастую приводило к боязни выражать свои мысли, то в последние годы специалисты призывают поощрять детей и подростков свободно говорить на родном языке, не ограничивая их требованием строго следовать грамматическим правилам — иначе исландский рискует быть вытесненным английским из сферы неформального общения. Яркий пример подобной двойственности привела одна из моих молодых собеседниц:

> …когда ты в школе и пишешь сочинение, ты не можешь использовать английские слова… Когда я росла, мои родители не поправляли мои грамматические ошибки, потому что они были хиппи и считали, что я должна быть максимально свободной. Поэтому я долго говорила на очень плохом исландском, может быть, до 18 лет, пока не поступила в колледж. И там постоянно поправляли мою грамматику. Но в то же время были изумлены, насколько свободно я говорила. Это было моей сильной стороной. Я говорила очень свободно, но неправильно. Когда мне было 20, я познакомилась с моим молодым человеком. <…> Он мой ровесник, но его отцу 76 лет, так что… В их семье так принято, что всё должно быть правильно. И им нравятся головоломки, шарады и кроссворды. Так что у него действительно первоклассный исландский. Всё, что он говорил, было правильным, так что он начал меня постоянно поправлять. <…> Но опять же, я благодарна за то, что теперь говорю на лучшем исландском, так как это дает мне больше возможностей. Если я раньше что-то говорила на уроке и говорила неправильно, то люди обращали внимание на мои ошибки вместо того, чтобы понять, о чем я пытаюсь сказать [ПМА 2015: Á.].

К середине 2000-х годов политика языкового пуризма начинает идти на спад; ряд исследователей [см., напр., Leonard 2020] считает, что к настоящему моменту она практически исчерпала себя. Общественное мнение всё более терпимо относится к заимствованиям и англицизмам. Активно продвигается другая точка зрения: язык — это нечто живое, самостоятель-

но развивающееся; жесткие правила только сковывают и ослабляют его, а ключом к сохранению языка может стать его изменение:

> Я не думаю, что это проблема на данный момент, но это определенно станет проблемой… опасность для языка увеличится в следующие два или три поколения. И мне кажется, что кто-то предположил, что исландский исчезнет к 2100 г., или что-то вроде этого. Я не уверена, что это произойдет, но, знаете, это действительно может случиться в какой-то момент. Да, в каком-то смысле это пугает, но в то же время это понятно. Если язык не работает в этом новом мире, он исчезнет, а я хотела бы… Знаете, я предпочла бы, чтобы язык менялся, тому, чтобы удалиться от мира в надежде, что язык останется неизменным. Знаете, это очень сложный вопрос, и я даже не знаю, что чувствую по этому поводу, если честно [ПМА 2018: Þ.].

Смягчилось и отношение СМИ к англоязычным терминам: доля «неформальной» речи увеличилась, а значительная часть исландского теле- и радиоэфира занята передачами на иностранном языке — прежде всего английском. По словам Эйрика Рёгнвальдссона,

> Официальная политика не изменилась. Я имею в виду, что по-прежнему считается важным не заимствовать иностранные слова, а вместо этого придумывать исландские. Но на практике… становится всё труднее и труднее придерживаться этой политики… по многим причинам. Одна из причин, конечно, в том, что мир так быстро меняется и появляется так много новых слов. Другая причина заключается в том, что у нас нет людей для работы над созданием слов… Во многих профессиях были группы добровольцев, которые садились и пытались найти новые слова, новую терминологию для своей области. Но становится всё труднее и труднее набирать людей в такие группы. Люди не хотят выполнять бесплатную работу, и так далее. И, конечно… отношение людей изменилось. Я имею в виду, многие люди… уже не так отрицательно относятся к иностранным словам, как раньше. Но, конечно, всё равно считается очень важным, чтобы эти иностранные слова как-то подстраивались под исландский язык [ПМА 2019: Eiríkur].

Исландский язык: использовать нельзя отказаться?

В последнем ежегодном отчете Комитета по исландскому языку о ситуации с исландским в стране описывается довольно пессимистичная картина: «Исландский кажется уже не столь важной частью исландской идентичности, как это было раньше, он часто ассоциируется с прошлым, характеризующимся изоляцией и бедностью, а литературное наследие представляется всё менее значимым в мире разнообразных развлечений на английском, в котором чтение сдает свои позиции». Основной проблемой предстает всё увеличивающаяся конкуренция со стороны английского языка, прежде всего в туристической сфере (где он уже фактически стал единственным языком, как показал пример 2019–2020 гг., когда в связи с пандемией туроператоры были вынуждены переориентироваться на внутренний рынок, но при этом все маркетинговые тексты по-прежнему оставались на английском, как и, например, официальные надписи в аэропорту и на полицейских машинах) и в сфере развлечений (набирающие всё большую популярность стриминговые и игровые сервисы не переводят текст на исландский). В докладе отмечается, что в последнее десятилетие встречается точка зрения, что использовать исландский язык в современном мире невозможно — но, как возражает автор (или авторы) текста, невозможно и не использовать его, т. к. это приведет к дискриминации части исландского общества, недостаточно владеющей английским: «…хорошее владение исландским важно для соблюдения принципа равенства, в частности для того, чтобы предотвратить формирование разрыва между полами и поколениями». Автор призывает удвоить усилия по увеличению присутствия исландского в жизни страны: прежде всего, в сфере туризма («это вопрос самоуважения… ни одна гостиница не позволит себе принимать гостей с незаправленными кроватями — столь же само собой разумеющимся должно быть то, что исландский язык всегда должен быть на виду, вместе с английским, если это необходимо»); столь же необходимым он считает активную пропаганду языка в общественной сфере и сфере образования, особенно высшего, поддержку радио- и телепрограмм на исландском, перевод фильмов и передач, преподавание исландского для иностранцев и поощрение детей и молодежи свободно выражать свои мысли на исландском, не боясь осуждения за «неправильный» язык [Ályktun 2020].

В проведенном Университетом Исландии исследовании во всех возрастных группах большинство респондентов согласились с утверждением «важно хорошо знать исландский язык», но в младшей группе (13–15 лет) полностью согласных с этой фразой оказалось всего 53%, в то время как среди людей старше 61 года — 88%. Позитивное отношение к исландскому выразили 75% представителей младшей возрастной группы и 90% — старшей, при этом позитивное отношение к английскому было достаточ-

но высоким у более молодых людей и существенно снижалось у пожилых [Sigurjónsdóttir 2020: 8–9].

Характерно, что большинство людей, с которыми я разговаривала, упоминали о важности именно *устной* речи: правильной («Ну, это то, что люди часто произносят: „О, он говорит на таком хорошем исландском!“ И у нас есть такая фраза: „Hann er vel máli farinn“») [ПМА 2016: А.] или (гораздо чаще) неправильной. Напротив, речи письменной уделялось значительно меньшее внимание; возможно, это связано с ее меньшим отклонением от нормы или с тем, что основную часть текстов, находящихся в «официальном» поле зрения (книги, статьи в газетах и на новостных порталах и т. п.), пишут профессионалы; во всяком случае она как бы исключается из публичного дискурса. «Вне поля зрения» оставались и создаваемые специально для интернета тексты, сближающие устную и письменную речь, а местами и окончательно размывающие границу между ними, — они также выносились за рамки обсуждаемых языковых проблем. Собственно, только один из моих собеседников упомянул проблему плохого *письменного* исландского, и то лишь после моего вопроса:

> Это становится проблемой, что люди не могут писать на исландском как следует. Они делают грамматические ошибки, они не знают, как использовать пунктуацию. <…> У меня есть другая работа, не в науке, где я работаю с обычными людьми, и теперь мы используем «Фейсбук» для внутренней переписки, так что я могу прочитать, что пишут мои коллеги. И многие из этих людей окончили университет, защитили диплом по социальной работе. И знаете, это любопытно, но факт остается фактом — многие из этих людей не могут писать как следует. Ну, я понимаю, что они имеют в виду, но эти тексты невозможно опубликовать, даже если речь идет о письменных документах, предназначенных для всеобщего ознакомления [ПМА 2016: А.].

Исландия, в отличие от большинства скандинавских стран, поставила задачу унифицировать языковую норму. Основной акцент был сделан на школьное образование и на СМИ. С начала 1980-х и до середины 1990-х годов государственные теле- и радиоканалы транслировали передачи, направленные на искоренение языковых ошибок, а газеты вели специальные рубрики (всё это есть и сегодня, но объемы таких материалов резко снизились).

Активность государства и СМИ в языковых вопросах имела и негативные последствия: исландцы стали считать свой родной язык настолько сложным, что в общении с незнакомыми людьми стали избегать его использования. Датский антрополог Кирстен Хаструп так рассказывает о подобных

ситуациях: парадоксальным образом носители начинают считать исландский сложным языком, а свою речь «неправильной» и стесняются говорить с исследовательницей-иностранкой. Городские интеллектуалы убеждены, что «настоящий исландский» сохранился только в деревне, жители же рыбацкого поселка — что на нем говорят лишь образованные горожане [Hastrup 1998]. Хадльфридюр Тоураринсдоухтир пишет о страхе, характерном «не только для писателей, им заражены умы всех, кто говорит по-исландски. Этот страх проявляется в постоянной самоцензуре и гиперкоррекции в лучшем случае и в немоте — в худшем» [Thórarinsdóttir 1999: 168].

Жесткая политика в отношении языка не привела, однако, к каким-либо выраженным противоречиям между официальным дискурсом и мнением широкой публики. Финнур Фридрикссон объясняет это так:

> Что касается причин того, что исландская языковая политика так хорошо принимается широкой публикой, то для лучшего понимания стоит заглянуть в прошлое. <…> Язык широкой публики по большей части был моделью, на основе которой формировался языковой стандарт, ставший одним из аспектов, на котором основывалась борьба за независимость. Таким образом, среднему исландцу не пришлось существенно изменять свое языковое поведение, чтобы считаться говорящим на «правильном» исландском, который был в основе определения исландцев как независимой нации. …население вряд ли воспринимало [языковой] стандарт как спущенный сверху, поскольку он в значительной степени совпадал с их разговорным языком. Шаг от так называемого золотого века, языковые стандарты которого считались более высокими, был, иначе говоря, небольшим <…> Это означало, что существовало лишь несколько вариаций [языка], которые конкурировали со стандартом; скорее, конкуренция воспринималась как идущая из-за рубежа, вначале от датского языка, позднее — от английского [Friðriksson 2008: 341].

К этому можно добавить, что до сравнительно недавнего времени исландское сообщество, по выражению Хаструп, не только воображалось, но и чувствовалось [Hastrup 1998: 195]: при небольшом и сравнительно однородном населении страны, тесных родственных связях и плотных социальных сетях дистанция между «официальным» и «неофициальным», «экспертами», «политиками» и «широкой публикой» была значительно короче. В настоящее время, однако, эта дистанция увеличивается: в беседе с информантами (в моем случае это жители Рейкьявика, по большей части с высшим образованием) в наибольшей степени мне бросался в глаза разрыв между поколениями. Нарастающее несовпадение литературной и раз-

говорной речи, резкое увеличение числа заимствований из английского ощущается болезненно старшим поколением:

> А молодые люди — когда они разговаривают, кажется, что они говорят на каком-то другом языке, мы не понимаем, что они говорят. Потому что они смешивают вместе все слова. Ну, я бы не расстроилась, если бы они перестали говорить по-исландски, совсем не расстроилась. Я думаю, что старый исландский язык был особенным, но, думаю, мы его потеряли. Сейчас не то чтобы много людей, которые говорят на старом исландском. <…> Ну, когда мы читаем старые книги, видно, что люди там говорят друг с другом иначе. И в старых кинофильмах тоже, там тоже люди как будто по-другому разговаривают. Так что я думаю, что раньше был более элегантный язык, если так подумать. <…> Я думаю, что исландский сегодня собирает в себя всё со всего света, и сегодня мы используем язык по-другому. Как английский. <…> Я думаю, что как на севере [в Норвегии]… они дольше держались за исландский, они используют немного другие слова. Но я думаю, что однажды мы не вспомним эти слова или не будем их использовать. Думаю, в конце концов мы будем просто говорить по-английски. <…> Я думаю, так и будет, наш язык просто постепенно исчезнет [ПМА 2016: G.].

Если для большинства людей старшего поколения исландский язык — язык нации, язык суверенитета — представляет собой безусловную ценность, то отношение молодежи к нему двойственно. С одной стороны, он воспринимается как «свой» язык, обладающий уникальной чертой — творчески созданными словами, язык «поэтический», «дающий больше возможности для творчества» [ПМА 2015: P., S.; ПМА 2016: K.]. С другой стороны, как язык национальный, зачастую как синоним «националистического»[7]:

> Мне он [исландский язык] действительно нравится, он мне нравится, потому что это мой родной язык, я чувствую психологическую связь с ним. Мне не нравится, как его используют по отношению к иностранцам, мне не нравится, что иностранцы должны блестяще говорить по-исландски, чтобы их могли оценить по достоинству в этом обществе. Мне не нравится, что люди считают других

[7] Как националистическая воспринимается и сама идеология пуризма. Как выразился мэр Рейкьявика Йоун Гнарр: «Но лингвистический пуризм — это по сути националистический пуризм. А национализм — это просто не круто. Мы больше не должны это использовать» [Gnarr 2014].

глупыми, если те что-то неправильно произносят или неправильно грамматически выстраивают речь. Мне не нравится, что он используется в таком националистическом ключе. Но в то же время, он рассказывает истории о прошлом, эти истории <…> Это своего рода отношения любви и ненависти. Думаю, у меня и с этой страной отношения любви и ненависти. <…> Мне нравятся длинные слова, его [языка] ритм. Мне нравится, что я могу говорить на нем. И мне нравится, что он такой поэтичный и что поэзия и саги всегда были с нами, потому что теперь это помогает нам лучше анализировать ситуацию. И мне нравится, что каждый исландец, ну, не каждый, но многие, публикует свою автобиографию. Это так забавно! Но это позволяет нам увидеть жизнь простых людей, за много лет до нас. И поэзия… так красива. С такими словами… Мне кажется, что эти слова — очень честные, ведь их можно буквально переводить. Как, например, *fristikista* [«холодильник», буквально переводится как «морозный ящик»] — понимаете, что я имею в виду? <…> Это наивный способ соединять слова вместе, а мне нравится наивность и нравится, как это звучит. Так просто [ПМА 2015: Á.].

С отношением к национализму связана еще одна характерная черта — восприятие языка (в первую очередь, исландского) как инструмента, служащего для проведения границ: как внутренних, так и внешних. С одной стороны, грамотная речь — это маркер, который исключает из общества чужаков (в первую очередь, мигрантов); с помощью него выстраивается иерархия, в которой те, кто владеет «правильным» языком, располагаются выше и имеют доступ к власти, которую дают публичные выступления: в демократических процедурах, в политике, в СМИ. С другой стороны, язык — это доступ к историческому прошлому, литературе и культуре страны, ключ к определенным знаниям и самобытности; уникальные сложные слова и «поэтичность» придают ему индивидуальность, которая так ценится в эпоху глобализации, и позволяют гордиться им. Именно эта связь с идентичностью делает язык живым — и позволяет надеяться, что он останется таковым в ближайшее время:

Я вот недавно думала… Эта мысль возникла после встречи с тобой… Почему мы живем здесь в Исландии? Какая цель, какой смысл нашего проживания здесь? Здесь нет лета, зиму можно с трудом назвать зимой, постоянно какая-то мерзкая погода… И я поняла, что, возможно, это для того, чтобы говорить по-исландски. Это единственная причина, по которой нам стоит здесь жить. А так… Нам приходится использовать нашу крону, которая совершенно

handónýtur [бесполезна], которая ужасна; было бы гораздо проще перейти на евро, было бы гораздо проще перейти на английский, гораздо проще. Тогда в школах не приходилось бы учить два языка, и всё было бы открыто для приезжих из других стран. <…> Я размышляла и пришла к выводу, что единственная причина, чтобы жить в Исландии, — это говорить на языке. Нас так мало, и… Но молодежь, это она будет решать, будут ли они говорить по-исландски или нет. Им выбирать [ПМА 2015: М.].

Исландский и английский: борьба за выживание или мирное сосуществование?

Одним из следствий глобализации стало повышение роли английского языка. Это особенно заметно в небольшой Исландии, которая не способна создавать сопоставимый с англоязычным поток информации на родном языке.

Впервые английский зазвучал в Исландии в 1944 г., когда в Кеплавике появилась военная база США, а на радио и телевидении — передачи для военнослужащих. С середины 1990-х годов, с развитием интернета, спутникового телевидения и развитием массового туризма английский язык становится незаменимым практически во всех сферах жизни. В середине 2000-х годов, в период экономического бума, некоторые финансовые компании Исландии пытались полностью перейти на английский язык [ПМА 2015: В.]. В СМИ развернулась кампания в поддержку такого решения: приводились расчеты финансовых потерь страны из-за использования малораспространенного исландского языка. В подробный список включались затраты на обучение иностранному языку, переводы книг, фильмов, научной и технической литературы и т. п.; итоговая сумма впечатляла — более 17 млрд. крон [см.: Hvað kostar 2005]. Автор, предлагая свои расчеты, тем не менее отметил, что культурное наследие не может быть оценено в денежном эквиваленте, и подчеркнул, что подобные выкладки «в то же время дают представление о том, насколько высоко нация ценит свой язык и культуру» [Ibid.].

Тенденция полного перехода на английский язык в сфере информационных технологий, бизнеса и финансов пошла на некоторый спад после кризиса 2008–2009 гг. Однако переориентация экономики Исландии на туристическую отрасль привела к повсеместному распространению английского в сфере услуг: туристические компании, рестораны, кафе, отели, магазины и пр. общаются со своими посетителями именно на этом языке; даже их названия нередко меняются в расчете на восприятие иностранцев. Схожая ситуация сложилась в науке и образовании: всё больше курсов

в Университете Исландии предлагается на английском языке, на нем защищаются дипломы и диссертации, публикуются научные работы — не только в зарубежных, но и в исландских журналах и сборниках [см., напр., статистику по курсам и диссертациям: *Hilmarsson-Dunn, Kristinsson* 2010: 262–267; можно предположить, что в настоящее время количество англоязычных работ существенно увеличилось]. Среди плюсов такого подхода отметим увеличение числа иностранных студентов и интеграцию преподавателей в мировое академическое сообщество, среди минусов — то, что «родная» специальная лексика в ряде дисциплин начинает отмирать, а студенты и специалисты из других стран уже не считают нужным осваивать исландский язык, даже приезжая в Исландию на длительный срок.

Распространение английского как языка бизнеса и науки и одновременно реализация языковой политики по созданию новых лексических единиц вместо заимствования интернациональных терминов способствовали созданию ситуации, когда перевода на более понятный большинству английский требуют уже исландские слова. Особенно это возмущает людей старшего поколения:

> Так что теперь мы под влиянием Европы и под влиянием Америки. Особенно наш язык. Если послушать людей на радио… Иногда сомневаюсь, что они действительно исландцы… Особенно ученые. И также по радио можно услышать: бла-бла-бла-бла-бла, а по-английски это будет так-то. С моей точки зрения, это лишнее. Вы говорите на исландском радио, зачем вам сообщать мне, как это произносится по-английски? Зачем? Я этого не понимаю. У нас в Исландии был такой поэт, Эйнар Бенедиктссон, и он сказал в одном стихотворении: всё, что говорится на Земле, может быть сказано по-исландски. И я с ним совершенно согласен [ПМА 2015: V.].

Всё большее вытеснение исландского из всех сфер жизни исландцев волнует активистов, ученых и политиков. В 2016–2019 гг. группа ученых под руководством Сигрид Сигурйонунсдоухтир и Эйрика Рёгнвальдссона получила государственный грант на исследование последствий цифрового языкового контакта на примере исландского и английского языков и запустила соответствующий проект «Modeling the Linguistic Consequences of Digital Language Contact (MoLiCoDiLaCo)» — что характерно, главная страница проекта [https://molicodilaco.hi.is] сделана на английском (хотя и с переводом основных моментов на исландский). В проекте приняло участие более 5000 исландцев от 3 до 98 лет, выбранных случайным образом.

Сегодня английским владеет практически всё население страны, если не считать часть пожилых людей и дошкольников. Последние, впрочем, осваивают его всё раньше и раньше: согласно данным на 2019 г., 58% де-

тей до 2 лет уже выходят в интернет [Sigurðardóttir 2019] — при этом количество доступного им англоязычного контента значительно превышает количество исландского, и это начинает оказывать негативное влияние на освоение ими родного языка. Исследование, проведенное Оулёв Бьорк Сигурдардоухтир среди детей 3–12 лет, продемонстрировало, что большинство детей считает важным говорить на «правильном исландском», чтобы хорошо учиться в школе и разговаривать со старшими родственниками, при этом «правильному исландскому» они учатся на уроках родного языка; однако, в отличие от исландского, необходимость изучения английского в школе для них менее очевидна — многие дети осваивают его самостоятельно как язык, в который они погружены значительную часть своего свободного времени: через телевизор, Ютьюб, компьютерные игры и различные развлекательные сайты. Кроме развлечений, английский — это язык поездок за границу, а также язык общения с иностранными сверстниками, одноклассниками или одногруппниками, не знающими исландского [Sigurðardóttir 2020]. Среди детей до 12 такое восприятие английского не мешает их хорошему отношению к исландскому языку; однако, согласно Берглинд Хрённ Эйнарсдоухтир, подростки 13–16 лет оказались группой, наиболее отрицательно воспринимающей исландский: родной язык кажется им «местечковым» и ассоциируется со скучными уроками и негативным школьным опытом — в противовес английскому, который имеет в их глазах более высокий статус как «мировой» язык и связывается с играми, развлечениями, поездками и другими интересными, модными и перспективными вещами [Einarsdóttir 2019]. Подростки и молодежь, общаясь в своем кругу, часто вставляют в разговор английские слова и фразы, и практически все мои собеседники упоминали, что слышали рассказы об исландских детях и подростках, общавшихся между собой на английском [ПМА].

Повсеместные англицизмы и недостаточный словарный запас порой приводят молодое поколение к отчуждению от собственного языка. Один из моих собеседников рассказывал об этом не без юмора:

> Я преподавал датский в школе. Здесь, в Исландии. <…> И дети… они были в возрасте до 15 лет, подростки. И они пошли к директору и сказали ему: «Не могли бы вы поговорить с Вильямом? Он использует слишком много исландских слов! Мы его плохо понимаем». По-исландски мы говорим *sletta* — «Hann slettir á mikið af íslenskum orðum». Что, собственно, означает: «Для нас он использует слишком много исландских слов!» [ПМА 2015: V.].

Ирония рассказа заключается не только в том, что школьники плохо понимают родной язык, но и в выборе слова *sletta*, которым они обозначают избыточность словаря учителя, — как уже говорилось выше, оно

означает «употреблять иностранные слова». Таким образом, богатый исландский язык воспринимается подростками как иностранный, слишком трудный для понимания и даже не вполне (достаточно, чтобы пожаловаться директору) корректный в данной ситуации.

Анализируя проблему постепенной утраты языка молодым поколением, Ари Паудль Кристиннсон отмечает, что одним из факторов, которые могут положительно повлиять на ситуацию, может стать сокращение рабочей недели до 36 ч. (решение, которое уже приняли многие профсоюзы Исландии), так как оно будет способствовать улучшению языковых навыков детей и подростков — при условии, что родители будут проводить освободившееся время с детьми, а не с гаджетами [Kristinsson 2020: 11–12].

«Билингвальность» исландцев становится своего рода национальным мифом (см. напр., иронию по этому поводу: Jakobsson 2006; автор пишет о том, что умение объясниться на иностранном языке еще не означает двуязычия и что этим представлением исландцы обязаны вежливости американцев и англичан); однако, как показали упомянутые выше исследования, исландские дети и подростки активно осваивают английский и, вероятно, вскоре большинство молодежи будет владеть им совершенно свободно. В то же время Лилья Бьорк Стефаунсдоухтир в своей магистерской диссертации показала, что отношение к английскому коррелирует с планами опрашиваемых жить в Исландии или переехать за границу; во втором случае оно будет заметно лучше [Stefánsdóttir 2018].

Среди исландцев бытует мнение, что выучить английский очень легко («он как эсперанто») — значительно проще, чем исландский с его сложной системой склонений, падежей и спряжений. При этом речь зачастую идет не только об иностранцах, но и о самих исландцах. Одна из моих собеседниц рассказала, что работала в центре для детей с особенностями развития, и многие из них общались между собой на английском — не только потому, что они проводили много времени за компьютером, но и потому, что, с ее точки зрения, иностранный язык легче воспринимается аутистами. На английском с ними нередко говорили и сотрудники организации: «Потому что у многих из них [детей] в принципе проблемы с пониманием устной речи, и гораздо проще сказать „eat now!“, чем „komdu að borða!“ — потому что первое короче и яснее» [ПМА 2018: R.]. Любопытно, что, судя по всему, это представление распространено в обществе: Оулёв Бьорк Сигурдардоухтир цитирует интервью с детьми 8–12 лет, которые рассказывают об одноклассниках-аутистах, предпочитающих общаться на английском, и объясняют выбор «более легкого» языка их особенностями [Sigurðardóttir 2020: 89].

Как уже было отмечено, уровень владения английским самими жителями страны часто переоценивается. Тем не менее полученных знаний обычно хватает для базового общения, что особенно актуально в связи

с туристическим бумом. В центре Рейкьявика временами трудно услышать исландскую речь; английский завоевывает и визуальное пространство: от рассчитанных на приезжих вывесок и рекламы до более специфических моментов. «Когда я захожу в кофейню или в магазин, люди, которые там работают, всегда обращаются ко мне по-английски. Несмотря на то, что они исландцы. И это либо потому, что я очень похож на иностранца — но это не так, — либо потому, что большинство их клиентов говорит по-английски, поэтому они всегда говорят по-английски… Не знаю» [ПМА 2015: Р.]. На туристов ориентированы центральные кафе, гостиницы, компании по аренде машин (где работают владеющие английским языком иностранцы, вообще не говорящие по-исландски) и рынок аренды жилья. Исландцы сдают комнаты или дома через *Airbnb*, а общение в «домашних» условиях, разумеется, происходит на английском.

Другой серьезной проблемой остается недостаточный уровень владения исландским иммигрантами, составляющими 13,9% населения страны на 2021 г.[8] [Background 2021]. Выходцы из других стран могут жить в Исландии годами, но так и не начать говорить на исландском, поскольку у них всегда есть возможность общаться на английском или на своем родном языке, как например, в случае строительных бригад поляков. К проблеме ограниченности возможностей (финансовых и/или временных), недостаточно квалифицированных преподавателей и не слишком эффективных учебных программ добавляется нежелание вкладываться в изучение языка, на котором говорит число людей, эквивалентное населению небольшого европейского города. Свою лепту вносит и уже упоминавшаяся нетерпимость исландцев к речевым ошибкам при разговоре на родном языке:

> Исландия долгое время была одноязычным сообществом, и мы не привыкли, что кто-то говорит на исландском с ошибками или акцентом, некоторых исландцев это даже раздражает и сердит, поэтому они переключаются на английский… В результате иностранцы, которые пытаются выучить исландский, пытаются говорить по-исландски, они сдаются. Мы ожидаем от них, что они будут говорить на идеальном исландском, чего они, естественно, не делают. Но из-за того, что мы переключаемся на английский, они… не могут практиковаться в языке [ПМА 2019: Eiríkur].

Примечательно, однако, что переход на английский язык в разговоре с приезжими может рассматриваться и с другой точки зрения: не как нежелание слушать «неправильный» исландский, а как жест вежливости по отношению к коллегам-иностранцам, говорящим на отличных от исланд-

[8] При этом число иммигрантов резко возросло за последние 5 лет: в 2016 г. они составляли 8,0% от общего населения Исландии.

ского и английского языках. Отказываясь от использования официального языка страны (и одновременно своего родного языка) — важного ресурса, связанного с властью, исландцы тем самым восстанавливают баланс, уравнивают в правах себя и своих собеседников:

> Я знаю человека из Латвии, который переехал в Исландию лет десять назад. Он не говорил по-английски, когда приехал сюда, но на работе все говорили с ним на английском языке. В результате он выучил здесь английский, но не исландский. И это звучит немного глупо, но в то же время это можно понять. Также многие из иммигрантов … очевидно, что их родной язык — не исландский, поэтому кажется честнее говорить по-английски, так как это ставит нас в равное положение, [когда] мы оба говорим на неродном языке. Я уже почти двадцать лет работаю с одной женщиной из Африки. И она знает исландский, но предпочитает говорить по-английски, поэтому что это нас уравнивает. Поэтому она до сих пор знает английский лучше исландского, или она так думает [ПМА 2019: VO].

Хорошее владение английским жителями Исландии при их немногочисленности уже сегодня привело к тому, что переводы на исландский становятся всё более дорогостоящими и менее актуальными. Правительство страны пытается противостоять этой тенденции. К сожалению, крупные компании не всегда прислушиваются к Исландии; потенциальная аудитория столь немногочисленна, что у небольшой страны крайне мало рычагов давления. Так, в сентябре 2020 г. в Исландии заработал стриминговый сервис *Disney+*; однако в нарушение закона детские фильмы, мультфильмы и сериалы транслировались на английском без дубляжа и субтитров (при этом существенная часть контента уже была переведена на исландский ранее, т. к. „Дисней“ оплачивал переводы на протяжении последних 40 лет — но они попросту не использовались [Tyrie 2021]). 30 января 2021 г. известный актер Йоуханнес Хёйкур Йоуханнессон пожаловался в своем Твиттере на отсутствие переводов на *Disney+* [Jóhannes 2021], его поддержали другие знаменитости. Буквально через день, 1 февраля, министр культуры и образования Исландии Лилья Дёгг Альфредсдоухтир написала письмо руководству американской компании, в котором настаивала на необходимости переводов для сохранения исландского языка, в первую очередь среди подверженных влиянию английского детей и подростков [Lilja 2021]. 8 февраля пришел официальный ответ, в котором было обещано, что на канале в скором времени будут транслироваться переведенные фильмы. Тем не менее в начале июня Лилья была вынуждена отправить очередное письмо — на этот раз компания ответила, что переводы более 600 фильмов,

мультфильмов и эпизодов уже практически готовы, и в конце июня будет начата их трансляция [Brynjólfsson 2021].

Глобальные события и новые слова

Как любой современный язык, исландский откликается на все изменения, происходящие сегодня в мире. Так, несколько лет назад в язык было введено гендерно-нейтральное местоимение третьего лица единственного числа *hán*; периодически добавляются и другие термины, например, в 2015 г. было создано и впоследствии кодифицировано слово *eikynhneigð* («асексуальный»). В конце 2020 г. организация квир-персон Исландии *Samtökin '78* провела конкурс на гендерно-нейтральные существительные, в которых ощущалась нехватка. По итогам было предложено четыре новых слова: *kvár* (общий нейтральный термин вместо мужчины или женщины), *stálp* (общий нейтральный термин вместо мальчика/девочки/парня/девушки), *mágkvár* и *svilkvár* (гендерно-нейтральные термины для обозначения свойственников). Слова специально были представлены в популярной газете *Fréttablaðið*, чтобы ознакомить с ними людей и ввести в оборот (после интервью были приведены «карточки» слов, выложенные на Фейсбуке, с указанием значения слова, его грамматических характеристик, включая склонение по всем падежам в определенной и неопределенной формах, фраз — примеров использования, имени человека, придумавшего это слово). При этом важно то, что новые слова созданы и планируются к использованию обозначаемыми ими людьми — это не сторонние термины, предложенные гетеросексуальным большинством. Председательница организации Торбьёрг Торвальдсдоухтир считает, что придуманные членами *Samtökin '78* неологизмы становятся поводом для гордости сообщества и потому, что, во-первых, они уникальны в том смысле, что не являются калькой с английского, в котором подобные термины носят описательный характер и требуют добавления прилагательных (напр., *gender queer person*), а во-вторых, пример английского показывает, что этот значительно более распространенный язык так же вынужден приспосабливаться к новой действительности, как и весьма малочисленный исландский. В то же время неологизмы решают важную задачу сохранения и развития исландского языка, говорит в своем интервью Торбьёрг Торвальдсдоухтир: «…мы хотим иметь возможность использовать исландские слова, чтобы отображать нашу реальность. Важно, чтобы квир-люди делали это. — И, вероятно, это необходимо, чтобы язык продолжал существовать? — Если исландского термина для какого-то феномена не существует, то исландский язык исчезает из этой области использования. Это помогает исландскому языку идти в ногу со временем [að vera viðeigandi. — И.К.] [e. relevant]». В последней фразе характерно, что журналистка поясняет исландское слово *viðeigandi*

(букв. «подходящий») английским словом *relevant* — несмотря на только что заданные вопросы, призванные навести собеседницу на мысль о важности традиционной языковой политики [Arnardóttir 2021].

Появление в 2019 г. новой коронавирусной инфекции и произошедшие в связи с пандемией изменения в социальной жизни также потребовали введения соответствующей лексики. На примере термина «коронавирус» хорошо видны все особенности исландского языка. Так, заимствованное *vírus* в исландском появилось сравнительно недавно — по данным Университетского корпуса исландского языка (*Ritmálssafn Orðabókar Háskólans*), впервые оно было употреблено в 1945 г. [Svavarsdóttir 2003]. Новое слово *veiri* было предложено в 1955 г. Вильмундом Йоунссоном, главой службы здравоохранения (до статьи Вильмунда *veiri* было редким устаревшим словом со значением «пятно гнили или плесени на дереве; трещина, щель» [Ibid.]). Несколько десятилетий заимствование и неологизм существовали бок о бок, однако к началу 2000-х годов последний стал значительно более популярным; неслучайно для обозначения возбудителя нового заболевания был выбран именно он.

Несмотря на то что в исландском языке ранее уже существовал термин *kransveiri* (сложное слово, состоящее из слов «венец» и «вирус»), включенный в словарь медицинских терминов *Íðorðasafn lækna. English/Icelandic Medical Terminology*, вышедший в 1986 г. [*Þorbergsdóttir* 2020a], к началу пандемии он, очевидно, уже не использовался. Его вытеснил более созвучный английскому термин *kórónuveira*. Характерно, что в исландском языке так же, как и в русском, появилась проблема написания гласной на стыке морфем в названии вируса: правильное *kórónuveira* против *kórónaveira*, возникшего под влиянием английской орфографии. В отличие от русского «коронавирус», исландский термин образован согласно внутренней логике языка; однако вскоре после объявления пандемии лингвисты из ИИАМ вынуждены были специально уточнить этот вопрос, объясняя читателям популярного ресурса Университета Исландии модель словообразования [Ibid.].

Пандемия COVID-19 обусловила появление еще одного термина, необходимость в котором возникла в новых реалиях — *samskiptafjarlægð* («социальное дистанцирование», букв. «общественная дистанция») [Sigtryggsson 2020]. Новое слово было опубликовано на официальном ресурсе — сайте ИИАМ — вскоре после объявления ВОЗ пандемии, его возникновение стало новостным поводом (см., например, статью на сайте Государственной радиокомпании (RÚV) «„Social distancing“ теперь будет samskiptafjarlægð» [Bjarkason 2020]). Аугуста Торбергсдоухтир в популярной статье на сайте ИИАМ упоминает, что на момент утверждения нового термина в обществе использовались и другие варианты, наиболее популярными из которых были *félagsforðun*, *fjarlægðarmörk*, *nálægðartakmörkun* и *félagsfjarlægð*; помимо уже упомянутых пяти, на странице базы не-

ологизмов было предложено еще 46 исландских слов и словосочетаний для обозначения социальной дистанции — подавляющая часть которых осталась окказионализмами [Þorbergsdóttir 2020b]. На момент написания данной статьи *samskiptafjarlægð* лидировало в поиске Google с большим отрывом (ок. 80 400 результатов), что легко объяснимо; следующим по популярности шло *fjarlægðarmörk* (25 000), затем *félagsforðun* (10 400) и *nálægðartakmörkun* (6 490), а *félagsfjarlægð* осталось в конце рейтинга (360 результатов). Любопытно, однако, что часть официальных государственных сайтов, в том числе сайт Правительства Исландии (www.stjornarradid.is), используют в новостях и документации не рекомендованный термин *samskiptafjarlægð*, а значительно менее популярный *nálægðartakmörkun* (букв. «граница близости») — очередное свидетельство тому, что времена жесткого государственного регулирования остались позади и выбор лексики остается за конкретными людьми[9]; в качестве ограничителя, впрочем, выступает «прозрачность» выбранного слова — читатели должны без труда расшифровывать его внутреннюю форму, чтобы догадаться о значении.

Характерно, что приводимое на сайте ИИАМ объяснение того, что такое «COVID-19», потребовало вставок на английском, причем не только для расшифровки аббревиатуры, что было бы логично, но и для объяснения названия самого заболевания: «COVID-19 — международное наименование болезни, вызываемой коронавирусом (англ. *severe acute respiratory syndrome coronavirus 2* или *SARS-CoV-2*). Это сокращение от *coronavirus disease 2019*» [Sigtryggsson 2020].

На момент проведения нашего исследования информация на основном официальном государственном ресурсе (www.covid.is), посвященном коронавирусу, дублируется на 12 языках: кроме исландского, сайт переведен на английский, арабский, испанский, курдский, литовский, немецкий, польский, тайский, фарси и французский. Вскоре после открытия сайта (на 31.03.2020) он был переведен на 9 языков, за прошедшее время исландское правительство сочло необходимым добавить еще 3. Слабовидящие пользователи имеют возможность прослушать информацию на исландском, английском и польском (на трех наиболее используемых в стра-

[9] О том, что практика далеко не всегда соответствует официальным рекомендациям лингвистов, свидетельствует написание исландских словосочетаний, первой частью которых является «COVID-19». Специалисты советовали присоединять ее дефисом к другим существительным (ссылаясь на существующее в языке правило о том, что если первая часть сложного слова оканчивается на цифру, перед второй должен стоять дефис), чтобы образовывать характерные для исландского сложные слова: COVID-19-faraldurinn, COVID-19-áætlun, COVID-19-tilvik [Sigtryggsson 2020]. Однако, несмотря на рекомендации, мне не удалось найти в сети примеры использования варианта с двумя дефисами — «COVID-19» устойчиво воспринимается как отдельное слово, не соединяясь с другими.

не языках). Подчеркнем, что многоязычие воспринимается исландцами как неотъемлемая часть современного демократического государства[10], все жители которого (а также жители стран, из которых приезжает больше всего работников и туристов) вправе рассчитывать на то, что они смогут получить жизненно важную информацию не только на официальном исландском, но и на родных языках.

Выводы

В начале XIX в. Расмус Раск в письме своему другу писал о возможной скорой гибели исландского («лишь единицы будут понимать его в Рейкьявике через сто лет»). А практически ровно через два века, в конце 2013 г., профессор исландской филологии Эйрик Рёгнвальдссон выступил с очень похожим заявлением [Hætta á að íslenska 2013]. Он считает, что в ближайшие 100 лет язык может исчезнуть: ему грозит «цифровая смерть». В 2012 г. Эйрик участвовал в исследовании, согласно которому из 30 рассмотренных европейских языков исландский находится на предпоследнем месте по вероятности «выживания», уступая лишь мальтийскому. Эйрик сказал мне в своем интервью:

> Во многих других странах язык был, так сказать, полем боя. Но в Исландии язык был оружием. Оружием, которое мы использовали. Исландия никогда не была полем боя в том смысле, в каком это было с языками меньшинств в других странах. Но исландский был тем оружием, которое мы использовали для того, чтобы показать нашу идентичность, которое наши лидеры использовали для того, чтобы поведать нации, что мы должны быть едины, мы должны быть независимыми и так далее. <…> И конечно, он часто используется с этой целью, даже сейчас. Но роль языка сильно изменилась. Некоторые говорят, что… язык заменила природа, исландская природа. Так что сейчас наш символ Исландии, символ исландской нации и культуры и так далее — скорее исландская

[10] Один из моих собеседников рассказал, что в связи с увеличением приезжего населения рассматривалась возможность лишить исландский язык статуса единственного языка страны: «Тут были короткие, но жаркие дебаты. Мне кажется, это было в начале этого года или в конце предыдущего. Должны ли мы сделать польский вторым официальным языком Исландии? Потому что у нас сейчас около 30000 польских иммигрантов. Мне не кажется это смешным, но думаю, что большинству поляков показалось. Потому что те из них, кто действительно хочет жить здесь, большинство их них … понимает, что изучение исландского — это очевидная вещь для того, чтобы стать частью общества, чтобы интегрироваться. Но, кажется, они отказались от этой идеи» [ПМА 2019: VO]. На данный момент эта инициатива была отклонена.

природа, нежели язык. Но с этим можно поспорить! Но очевидно, что ситуация очень сильно изменилась в последние десятилетия [ПМА 2019: Eiríkur].

Однако возникает впечатление, что сегодня исландский язык как раз перестает быть оружием и превращается в поле боя: прежняя изолированность и моноэтничность сменяются глобальным вызовом со стороны английского языка. Более того, по мере того как расширяются границы, исландский перестает быть и языком большинства, он начинает восприниматься как «индигенный» язык, в том числе и в самой Исландии, — но этот статус подразумевает не только автохтонность и уникальность, но и определенную маргинализацию.

В то же время большинство моих собеседников не воспринимали возможное исчезновение исландского языка как проблему. Лишь несколько человек предположили, что его может заменить более конкурентоспособный английский, но большая часть считала, что вряд ли что-то серьезно угрожает ему в ближайшие годы. Скорее, высказывалось мнение, что молодые люди будут становиться двуязычными всё в большей степени, что английским и исландским они будут владеть на примерно одинаковом уровне. Однако стоит отметить, что обеспокоенность будущим исландского была выше в интервью 2018 и 2019 гг. по сравнению с более ранними годами [ПМА 2015, 2016, 2018, 2019] — возможно, это связано с новыми этапами языковой политики и попытками противостоять «цифровой миноризации», которые широко освещаются СМИ.

Тем не менее, в целом мнения моих собеседников совпадают с прогнозами Аманды Хильмарссон-Данн и Аури Паудля Кристинссона, которые высказывают предположение, что если политика языкового планирования в Исландии будет продолжена, язык удастся сохранить, хотя во многих сферах он будет существовать параллельно с английским [Hilmarsson-Dunn, Kristinsson 2010: 269].

Если в сознании исландцев старшего поколения язык всё еще тесно связан с суверенитетом и независимостью [Thórarinsdóttir 1996], а потеря языка равноценна потере идентичности, превращению в колонию англоязычных стран (в последнее время в роли «метрополии» вместо Дании, которой исторически противопоставляется Исландия, всё чаще предстают США, однако Америка воспринимается исландцами значительно более позитивно), то для многих более молодых людей эта связь уже не столь очевидна. Исландский язык прагматично оценивается ими как инструмент, дающий определенные преимущества — как символический капитал в терминологии Бурдье. Однако символический капитал английского значительно выше, и не только потому, что он дает прямой доступ к огромному рынку, но и потому, что он глобален и позволяет вырваться за рамки тес-

ного сообщества, что стало особенно важно после кризиса 2008–2009 гг., приведшего к осуждению национализма многими исландцами.

Для детей и подростков вопрос выбора между английским и исландским попросту не стоит. Английский — это неотъемлемая часть их повседневной жизни: уже не просто язык развлечений, телепередач, компьютерных игр и интернет-ресурсов, но и язык общения со сверстниками-иностранцами как в «цифровом», так и в реальном мире.

Допандемический поток туристов и иностранных работников (ежегодно превышающий население Исландии почти в 6 раз), обеспечивал постоянное присутствие английского в публичном пространстве. Рейкьявик за несколько десятилетий превратился в мультикультурный город, занимающий особое место между Европой и Америкой. Ориентация на глобальный рынок, сохраняющаяся несмотря на все ковидные ограничения, подразумевает ориентацию на английский язык не только в бизнесе и науке, но и в литературе и искусстве. Поэтому Исландия продолжает искать компромиссы, которые позволяли бы ей продолжать успешно интегрироваться в мировое сообщество и сохранять свою самобытность и свой уникальный язык.

Источники и материалы

Берков, Бёдварссон 1962 — *Берков В. П., Бёдварссон А.* Исландско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1962.

ПМА 2015 — Полевые материалы автора. Рейкьявик, октябрь 2015 г. Респонденты: Á., ж., 24 года, студентка; M., ж., 57 лет, репетитор; P., м., ок. 40 лет, программист и журналист; S., м., 33 г., работает в туристической отрасли; V., м., 76 лет, пенсионер. Интервью были взяты на английском.

ПМА 2016 — Полевые материалы автора. Рейкьявик, декабрь 2016 г. Респонденты: A., м., 35 лет, лингвист; G., ж., 45 лет, домохозяйка. Интервью были взяты на английском.

ПМА 2018 — Полевые материалы автора. Рейкьявик, ноябрь 2018 г. Þ., ж., студентка, ок. 25 лет; R., студентка, 23 г. Интервью были взяты на английском.

ПМА 2019 — Полевые материалы автора. Рейкьявик, октябрь-ноябрь 2019 г. VO., м., 39 лет, консультант в психиатрической больнице; Eiríkur Rögnvaldsson, лингвист, почетный профессор Университета Исландии, 62 г. Интервью были взяты на английском.

Aðalnámskrá grunnskóla 2013 — Aðalnámskrá grunnskóla. Almennur hluti 2011. Greinasvið 2013 // Stjórnarráð Íslands. URL: https://www.stjornarradid.is/media/menntamalaraduneyti-media/media/frettatengt2016/Adalsnamskra-grunnskola-3.-utg.-2016.pdf (дата обращения: 10.01.2022).

Arnardóttir 2021 — *Lovísa Arnardóttir*. „Viljum geta notað íslensk orð til að lýsa okkar raunveruleika„ // Fréttablaðið. 27.01.2021. URL: https://www.frettabladid.is/frettir/viljum-geta-notad-islensk-ord-til-ad-lysa-okkar-raunveruleika (дата обращения: 10.01.2022).

Ályktun 2020 — Ályktun Íslenskrar málnefndar um stöðu íslenskrar tungu 2020 // Málfregnir. 2020. T. 1(18). S. 3–5.

Background 2021 — Background // Statistics Iceland. URL: http://old.statice.is/statistics/population/inhabitants/background (дата обращения: 10.01.2022).

Bjarkason 2020 — *Atli Fannar Bjarkason*. „Social distancing“ verður samskiptafjarlægð // RÚV. 23.03.2020. URL: https://www.ruv.is/frett/social-distancing-verdur-samskiptafjarlaegd (дата обращения: 10.01.2022).

Brynjólfsson 2021 — *Ari Brynjólfsson*. Disney svarar Lilju — 600 kvikmyndir og þættir á íslensku á leiðinni // Fréttablaðið. 07.06.2021. URL: https://www.frettabladid.is/frettir/disney-svarar-lilju-600-kvikmyndir-og-thaettir-a-islensku-a-leidinni (дата обращения: 10.01.2022).

Cox 2015 — *Cox P.* Will Icelanders One Day Ditch Their Language for English? // Public Radio International (PRI). 03.06.2015. URL: https://www.pri.org/stories/2015–06–02/will-icelanders-one-day-ditch-icelandic-english (дата обращения: 10.01.2022).

Disney 2021 — Disney verður á íslensku // Morgunblaðið. 08.02.2021. URL: https://www.mbl.is/frettir/innlent/2021/02/08/disney_verdur_a_islensku (дата обращения: 10.01.2022).

Friðjónsdóttir 2020 — *Hólmfríður Dagný Friðjónsdóttir*. Ekki seinna vænna að geta talað við tækin á íslensku // RÚV. 08.11.2020. URL: https://www.ruv.is/frett/2020/11/08/ekki-seinna-vaenna-ad-geta-talad-vid-taekin-a-islensku (дата обращения: 10.01.2022).

Gnarr 2014 — Ávarp Jóns Gnarr borgarstjóra. Níunda LREC-ráðstefnan // Stofnun Árna Magnússonar. 11.06.2014. URL: http://www.arnastofnun.is/solofile/1016921 (дата обращения: 10.01.2022).

Hvað kostar 2005 — Hvað kostar að tala íslensku? // Heimur. 10.06.2005. URL: http://heimur.is/2005/06/10/hvad-kostar-ad-tala-islensku (дата обращения: 10.01.2022)

Hætta á að íslenska hverfi innan 100 ára // RÚV. 02.12.2013. URL: http://www.ruv.is/frett/haetta-a-ad-islenska-hverfi-innan-100-ara (дата обращения: 10.01.2022).

Icelandic 2001 — Icelandic — At Once Ancient and Modern / Ministry of Education, Science and Culture. Pamphlet 13. Reykjavik, 2001.

Jakobsson 2006 — *Ármann Jakobsson*. Hvaða enska? // Morgunblaðið. 04.02.2006. URL: http://www.mbl.is/greinasafn/grein/1064687 (дата обращения: 10.01.2022).

Jóhannes 2021 — Jóhannes Haukur kvartar undan Disney // Morgunblaðið. 30.01.2021. URL: https://www.mbl.is/folk/frettir/2021/01/30/johannes_haukur_kvartar_undan_disney (дата обращения: 10.01.2022).
Lilja 2021 — Lilja segir ákvörðun Disney óboðlega // Morgunblaðið. 01.02.2021. URL: https://www.mbl.is/frettir/innlent/2021/02/01/lilja_segir_akvordun_disney_obodlega (дата обращения: 10.01.2022).
Lög Nr. 61/2011 — Lög um stöðu íslenskrar tungu og íslensks táknmáls Nr. 61/2011 // Lagasafn. Alþingi. 07.06.2011. URL: https://www.althingi.is/lagas/151b/2011061.html (дата обращения: 10.01.2022).
Málrækt'89 1989 — Málrækt'89 Skýrsla Verkefnisstjórnar. Reykjavík, 1989.
Nýyrðasamkeppnin — Nýyrðasamkeppnin // ms.is. URL: http://ms.is/okkar-mal/nyyrdasamkeppnin (дата обращения: 10.10.2017).
Nýyrði s. a. — Nýyrði. Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum. URL: https://nyyrdi.arnastofnun.is (дата обращения: 10.01.2022)
Sigtryggsson 2020 — *Jóhannes B. Sigtryggsson*. COVID-19 // Málræktarpistlar. Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum. 24.03.2020. URL: https://www.arnastofnun.is/is/utgafa-og-gagnasofn/pistlar/covid-19-koronuveirur-og-samskiptafjarlaegd (дата обращения: 10.01.2022).
Sigurðardóttir 2019 — Kristín Sigurðardóttir. 58% barna byrja að nota netið fyrir 2ja ára aldur // RÚV. 09.03.2019. URL: https://www.ruv.is/frett/58-byrja-ad-nota-netid-fyrir-2ja-ara-aldur (дата обращения: 10.01.2022).
Svavarsdóttir 2003 — *Ásta Svavarsdóttir*. Veira og virus // Orðapistlar. Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum. 01.11.2003. URL: https://arnastofnun.is/is/greinar/veira-og-virus (дата обращения: 10.01.2022).
Tyrie 2021 — *Tyrie O.* Pressure On Disney to Add Icelandic Voiceover to Disney+ // The Reykjavik Grapevine. 02.02.2021. URL: https://grapevine.is/news/2021/02/02/pressure-on-disney-to-add-icelandic-voiceover-to-disney/ (дата обращения: 10.01.2022).
Um nýyrði s. a. — Um nýyrði // Nýyrði. Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum. URL: https://nyyrdi.arnastofnun.is/s/2 (дата обращения: 10.01.2022).
Þingsályktun Nr. 36/149 — Þingsályktun um að efla íslensku sem opinbert mál á Íslandi Nr. 36/149 // Þingfundir og mál. Alþingi. 07.07.2019. URL: https://www.althingi.is/altext/149/s/1750.html (дата обращения: 07.07.2019).
Þorbergsdóttir 2020a — *Ágústa Þorbergsdóttir*. Hvort er betra að skrifa kórónaveira eða kórónuveira? // Vísindavefurinn. 20.03.2020. URL: https://www.visindavefur.is/svar.php?id=78979 (дата обращения: 20.03.2020).
Þorbergsdóttir 2020b — *Ágústa Þorbergsdóttir*. Asnaleg íslensk nýyrði? // Málræktarpistlar. Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum. 14.04.2020. URL: https://arnastofnun.is/is/utgafa-og-gagnasofn/pistlar/asnaleg-islensk-nyyrdi (дата обращения: 14.04.2020).

Научная литература

Byock J. 1994. Modern Nationalism and the Medieval Saga // Northern Antiquity: The Post-Medieval Reception of Edda and Saga / Ed. A. Wawn. London: Hisarlik Press. P. 163–187.

Einarsdóttir Berglind Hrönn 2019. Viðhorf unglinga til íslensku og ensku. Niðurstöður viðtalskönnunar við 48 unglinga á aldrinum 13–16 ára. MA-ritgerð í íslenskri málfræði, Háskóla Íslands. URL: https://skemman.is/bitstream/1946/32654/5/Ritger%c3%b0%20BHE.pdf (дата обращения: 10.01.2022).

Einarsson Magnús 1996. The Wandering Semioticians: Tourism and the Image of Modern Iceland // Images of Contemporary Iceland: Everyday Lives and Global Contexts / Eds. Gísli Pálsson, E. Paul Durrenberger. Iowa City: University of Iowa Press. P. 215–235.

Friðriksson Finnur 2008. Language Change vs. Stability in Conservative Language Communities: A Case Study of Icelandic. PhD diss., University of Gothenburg.

Hálfdanarson Guðmundur 2011. Interpreting the Nordic Past: Icelandic Medieval Manuscripts and the Construction of a Modern Nation // The Uses of the Middle Ages in Modern European States. History, Nationhood and the Search for Origins / Eds. R.J.W. Evans and G. Marchal. London: Palgrave.

Hannesdóttir Anna H. 2004. Islänningars attityder till språkliga normer // Scripta Islandica. Vol. 2003. No. 53. P. 11–35.

Hastrup K. 1998. A Place Apart: An Anthropological Study of the Icelandic World. Oxford: Clarendon Press.

Helgason Jón Karl 1999. The Rewriting of Njáls Saga. Translation, Ideology and Icelandic Sagas. Clevedon: Multilingual Matters.

Hilmarsson-Dunn A., Kristinsson Ari Páll 2010. The Language Situation in Iceland // Current Issues in Language Planning. Vol. 11. No. 3. P. 207–276. URL: https://doi.org/10.1080/14664208.2010.538008

Kristinsson Ari Páll 2017. Málheimar: Sitthvað um málstefnu og málnotkun. Reykjavík: Háskólaútgáfan.

Kristinsson Ari Páll 2020. Between Scylla and Charybdis: on Language Situation and Language Policy in Contemporary Iceland // Bendrinė kalba — Standard Language. No. 93. P. 1–19. doi.org/10.35321/bkalba.2020.93.02

Leonard S. P. 2020. A semiotic approach to language ideologies: Modelling the changing Icelandic languagescape // Sign Systems Studies. No. 48(2–4). P. 271–296. URL: https://doi.org/10.12697/SSS.2020.48.2–4.05 (дата обращения: 10.01.2022).

Magnússon Gylfi Magnússon 2010. Wasteland with Words: A Social History of Iceland. London: Reaktion Books.

Nordal S. 1931. Íslenzk lestrarbók. Reykjavík: Bókaverzlun Sigfúsar Eymundssonar.
Pálsson Gísli 1995. Language and Society: The Ethnolinguistics of Icelanders // The Anthropology of Iceland / Eds. Gísli Pálsson, E. Paul Durrenberger. Iowa City: University of Iowa Press. P. 121–139.
Sigurðardóttir Ólöf Björk 2020. Tungumál og tæknivædd börn. Viðhorf barna til íslensku og ensku og tengsl þeirra við skjá og netnotkun. Ritgerð til M.A.-prófs í íslenskukennslu. Háskóli Íslands. URL: https://skemman.is/bitstream/1946/35319/1/MAritgerdOBS.pdf (дата обращения: 10.01.2022).
Sigurjónsdóttir Sigríður 2020. Viðhorf ungra Íslendinga til íslensku á tímum stafræns málsambýlis við ensku // Málfregnir. T. 1(18). S. 7–14. URL: https://islenskan.is/images/Malfregnir/malfregnir-2020–28–1-tbl.pdf (дата обращения: 10.01.2022).
Stefánsdóttir Lilja Björk 2018. Heimdragar og heimsborgarar. Menningarlegur hvati í stafrænu málsambýli. MA-ritgerð í íslenskri málfræði, Háskóla Íslands. Reykjavík. URL: https://skemman.is/bitstream/1946/29936/1/MA-ritgerd-LBS.pdf (дата обращения: 10.01.2022).
Thórarinsdóttir Hallfrídur 1999. Purity and Power: The Policy of Purism in Icelandic Nationalism and National Identity. PhD diss., New School for Social Research.
Wilson K. 2014. Review of Leonard S. P. Icelandic: Language, Identity in Early Iceland. London, 2012 // Sociolinguistic Studies. Vol. 8. No. 2. P. 315–326.

Глава 2. ПОЛИТИКА МНОГОЯЗЫЧИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЙЦАРИИ

Многоязычие является одной из главных визитных карточек Швейцарии и неотъемлемой частью национального самосознания ее граждан. Расположенная на стыке языковых регионов Швейцария с середины XIX в. официально является многоязычным государством. Первая Федеральная Конституция 1848 г. провозгласила немецкий, французский и итальянский национальными языками, в 1938 г. аналогичный статус получил также ретороманский язык. Система государственного устройства Швейцарии предполагает, что кантоны проводят собственную языковую политику, определяют свои официальные языки и регулируют порядок их функционирования. Вплоть до конца XX в. участие федеральных властей в решении языковых вопросов было минимальным и ограничивалось мерами поддержки языков меньшинств — ретороманского и итальянского.

Языковая ситуация в Швейцарии характеризуется разделением территории страны на четыре языковых региона (немецкий, французский, итальянский и ретороманский) и достаточно четкими границами. Основным источником формирования официальной статистической информации, касающейся языкового состава населения Швейцарии, является перепись. С 1850 по 2000 гг. переписи проводились каждые десять лет традиционным способом, т. е. в форме письменного опроса постоянного населения страны, и фиксировали распределение населения по родному языку (в 1880–1980 гг.) и основному языку (в 1990 и 2000 гг.). С 2010 г. перепись населения проводится ежегодно и в новой форме. Федеральное статистическое управление извлекает необходимые данные из различных муниципальных, кантональных и федеральных реестров, которые затем дополняются выборочными структурными обследованиями населения в письменной форме или по телефону. В рамках переписи населения каждые пять лет проводится тематическое исследование «Язык, религия и культура». Полученный статистический материал используется для анализа языковой ситуации в стране и служит основой для целевой ориентации языковой политики. По данным исследования 2019 г., распределение населения Швейцарии по основному языку было следующим: немецкий язык — 62,6%, французский язык — 23,0%, итальянский язык — 8,0%, ретороманский язык — 0,5%, ненациональные языки 22,9% [Sprachliche Praktiken 2021: 7]. О распространении индивидуального многоязычия в Швейцарии можно соста-

вить представление на основе следующих данных. Один язык используют 32% населения, два — 39%, три и больше 29% [Sprachliche Praktiken 2021: 9]. Таким образом, две трети населения (68%) регулярно, т. е. как минимум один раз в неделю, используют другой язык на работе, при общении в семье или при медиапотреблении в свободное время.

Самой известной внутренней границей страны является так называемый «картофельный ров» — символическая культурно-языковая разделительная линия между немецкой и французской Швейцарией, проявляющаяся также в политических предпочтениях и соответственно в электоральном поведении. Особенно ярким свидетельством существования «картофельного рва» стали результаты национального референдума по вопросу о присоединении к Европейскому экономическому пространству, состоявшегося в 1992 г. При беспрецедентно высокой явке минимальным перевесом голосов избиратели отклонили заявку Швейцарии на членство, ранее поддержанную правительством, парламентом и крупнейшими партиями. В то время как жители французской Швейцарии поддержали присоединение страны к Европейскому экономическому пространству, жители немецкой Швейцарии выступили против такой перспективы. Очевидный раскол по столь важному для будущего страны вопросу выдвинул на повестку дня чувствительную для швейцарского общества языковую тему и вызвал волну дискуссий по поводу проблемы отчужденности между языковыми сообществами, которые существуют «рядом, но не вместе» и постепенно отдаляются друг от друга.

Осознавая потенциальную опасность разногласий между немецкой и французской Швейцарией для национальной сплоченности, федеральные власти пришли к выводу о необходимости специальных мер для преодоления разобщенности между языковыми сообществами страны и формирования политики, отвечающей интересам Швейцарии как многоязычного государства. Первым шагом стала подготовка новой редакции языковой статьи Федеральной Конституции, в которую был включен пункт о том, что Союз и кантоны поддерживают взаимопонимание и обмен между языковыми сообществами (ст. 116.2). В 1996 г. поправка была одобрена на национальном референдуме. В новой Федеральной Конституции, принятой в 1999 г., положения, касающиеся языков, были существенно расширены. Важнейшим событием стало принятие в 2007 г. федерального закона «О национальных языках и взаимопонимании между языковыми сообществами» [BBl 2007 6951], призванного сформировать законодательную базу для реализации федеральной политики многоязычия. В 2010 г. в дополнение к закону было принято постановление «О национальных языках и взаимопонимании между языковыми сообществами» [AS 2010 2653, AS 2014 2987].

Приоритетами федеральной языковой политики являются поощрение взаимопонимания и взаимодействия между языковыми сообщества-

ми (ст. 70.3 Федеральной Конституции), поддержка многоязычных кантонов[11] (ст. 70.4), сохранение и поощрение ретороманского и итальянского языков (ст. 70.5). Также федеральные власти заявляют о своем намерении поддерживать многоязычие как основную характерную черту Швейцарии, укреплять внутреннюю сплоченность страны, содействовать развитию индивидуального и институционального многоязычия (ст. 2 закона «О национальных языках»).

Политика многоязычия как система мероприятий, поддерживаемых и проводимых федеральными властями, затрагивает функционирование языков в официальной жизни, преподавание иностранных языков в общеобразовательных школах, школьные языковые обмены, деятельность общественных организаций, научные исследования и т. д. Текущие задачи, а также финансовые вопросы, связанные с реализацией федеральной языковой политики, определяет национальная «Программа развития и поддержки культуры», принимаемая Федеральным советом (правительством) и утверждаемая Федеральным собранием на определенный период. Программы на 2016–2020 гг. и 2021–2024 гг. включают раздел «Общественная сплоченность», отдельными параграфами которого являются вопросы развития многоязычия в Федеральной администрации и школьных языковых обменов.

Многоязычие в федеральных органах власти

Официальное многоязычие швейцарского государства гарантирует четырем исконным языкам, имеющим статус национальных/официальных языков, определенную сферу употребления на общегосударственном уровне. В то же время в последние десятилетия большое внимание уделяется реальному использованию четырех национальных языков в работе федеральных органов власти.

Федеральные власти стремятся развивать многоязычие в Федеральной администрации, для которой прежде была характерна непропорционально высокая доля немецкоязычных сотрудников и несоразмерное доминирование немецкого как рабочего языка. Как многоязычное государство, Швейцария стремится к тому, чтобы в кадровом составе Федеральной администрации представительство языковых сообществ было соразмерно их доле в языковом составе населения страны. Среди других приоритетов — владение федеральными государственными служащими несколькими на-

[11] Многоязычными считаются кантоны Берн, Фрибур, Вале и Граубюнден (ст. 21.2 Федерального закона). Официальными языками кантонов Берн, Фрибур и Вале является немецкий и французский, официальными языками кантона Граубюнден — немецкий, ретороманский и итальянский.

циональными языками, а также реальное функционирование всех четырех национальных языков в качестве рабочих.

В 2003 г. были приняты «Директивы Федерального совета по развитию многоязычия в Федеральной администрации» [BBl 2003 1441]. В 2007 г. закон «О национальных языках» провозгласил намерение федеральных властей обеспечить соразмерное представительство языковых сообществ в федеральных органах власти и внепарламентских комиссиях, а также поощрять владение государственными служащими несколькими национальными языками (ст. 20). В 2010 г. были установлены следующие целевые показатели представительства языковых сообществ в федеральных департаментах (министерствах) и в Федеральной канцелярии: 70% — немецкий язык, 22% — французский язык, 7% — итальянский язык и 1% — ретороманский язык (ст. 7.2 постановления «О национальных языках») [AS 2010 2653]. В 2014 г. на основе данных, полученных в результате структурных обследований в рамках переписи населения, целевые показатели были уточнены следующим образом: 68,5–70,5% — немецкий язык, 21,5–23,5% — французский язык, 6,5–8,5% — итальянский язык и 0,5–1% — ретороманский язык (ст. 7.1 постановления «О национальных языках») [AS 2014 2987].

Также для сотрудников Федеральной администрации был установлен необходимый уровень компетенции владения вторым и третьим официальным языком (устной и письменной, активной и пассивной), при этом для сотрудников среднего и высшего кадрового звена были утверждены более высокие требования. Для совершенствования языковых навыков сотрудникам Федеральной администрации предлагаются языковые курсы (ст. 8 постановления «О национальных языках» 2014 г.). Более детально направления кадровой политики и работы с персоналом в Федеральной администрации определены в «Руководстве по продвижению многоязычия» (2009 г.) [Leitfaden Förderung Mehrsprachigkeit 2009] и в обновленных «Директивах Федерального совета по развитию многоязычия в Федеральной администрации» (2014 г.) [BBl 2014 6659].

С 2014 г. Федеральный совет на каждый законодательный период определяет стратегические цели по развитию многоязычия (ст. 8.а постановления «О национальных языках»). В 2020 г. были одобрены стратегические цели на текущий период — 2020–2023 гг.

Интересы романоязычных («латинских») сообществ в федеральных органах власти представляет комитет «Латинская Гельвеция» («Helvetia Latina»), основанный в 1980 г. Члены комитета, значительную часть которых составляют депутаты парламента, выступают за реальное функционирование многоязычия в федеральных органах власти, соразмерное представительство романоязычных сообществ и улучшение языковой компетенции сотрудников Федеральной администрации. Кроме того, «Латинская

Гельвеция» рекомендовала утвердить владение вторым национальным языком и понимание третьего в качестве обязательного требования для сотрудников Федеральной администрации.

Для анализа реальной языковой ситуации среди федеральных государственных служащих и мониторинга соразмерности представительства языков в Федеральной администрации по поручению федеральных властей периодически проводятся специальные исследования. Изучением функционирования многоязычия в Федеральной администрации занимается группа экспертов, которая дает оценку текущей ситуации и вырабатывает рекомендации по реализации кадровой политики на будущее.

В результате исследования 2009 г., посвященного анализу представительства языковых сообществ в кадровой системе федеральных органов власти и изучению языковых практик, был сделан вывод о том, что в целом представительство языковых сообществ можно считать достаточно близким к эталонным значениям, определенным Федеральным советом. Однако при этом был выявлен ряд недочетов, прежде всего касательно итальянского языка и италоязычных сотрудников. В частности было отмечено, что италоязычные сотрудники имеют меньшие шансы попасть в состав высшего кадрового звена федеральных органов власти. Кроме того, немецкий язык в работе федеральных органов власти используется непропорционально много, прежде всего за счет итальянского языка. Оригиналы подавляющего большинства федеральных законодательных актов составляются на немецком языке, а затем переводятся на французский и итальянский, при этом роль итальянского как рабочего языка федеральной администрации остается непропорционально скромной [Kübler, Papadopoulos, Mazzoleni 2009: 18].

Исследование 2012–13 гг. также пришло к выводу о несоразмерно большом представительстве немецкого языка в Федеральной администрации. Было подчеркнуто, что уже на этапе приема на работу от франко- и италоязычных сотрудников ожидается активное владение немецким языком, в то время как для немецкоязычных пассивное владение французским языком зачастую считается достаточным. От немецкоязычных сотрудников хорошее владение французским/итальянским языком ожидается только в том случае, если они входят в состав высшего кадрового звена или занимают должность, предполагающую постоянные контакты с франкоязычными/италоязычными гражданами. Также отмечалась бóльшая чувствительность романоязычного сообщества к вопросам многоязычия, в сравнении с немецкоязычным, несоразмерно низкое представительство итальянского языка за пределами италоязычного кантона Тичино [Coray, Kobelt, Zwicky, Duchêne, Kübler 2014: 49–55].

Специальное исследование было посвящено многоязычию в высшем кадровом звене Федеральной администрации [Zwicky, Kübler 2018].

По итогам многолетних исследований функционирования многоязычия в Федеральной администрации были опубликованы научные монографии, основанные на детальном анализе представительства языковых групп в различных федеральных департаментах и на всех уровнях кадровой иерархии, а также роли языкового аспекта в кадровой политике [Coray, Kobelt, Zwicky, Kübler, Duchêne 2015; Kübler, Kobelt, Zwicky 2020].

В 2010 г. была учреждена должность федерального уполномоченного по вопросам многоязычия, на которого были возложены следующие задачи: оказывать консультационную, координационную и экспертную поддержку федеральным органам власти по вопросам многоязычия, сотрудничать с кантональными властями, заниматься популяризацией многоязычия (ст. 8b.2 постановления «О национальных языках»). Каждые четыре года уполномоченный представляет Федеральному совету оценочный доклад, в котором помимо прочего дает рекомендации по поводу направлений политики многоязычия на будущее (ст. 8d.4 постановления «О национальных языках»).

В Федеральном собрании были сформированы специальные парламентские группы, занимающиеся организацией и проведением мероприятий (встреч, конференций, круглых столов), направленных на поддержку и популяризацию многоязычия. В 2012 г. была образована парламентская группа «Italianità», целью которой является упрочение присутствия итальянского языка в парламенте и поощрение интереса к культуре италоязычного сообщества. В 2013 г. была образована группа «Ретороманский язык и культура», в ведении которой находятся вопросы сохранения языка и культуры ретороманского сообщества. Группа принимает участие в организации и проведении в Федеральном дворце ежегодного вечера, посвященного ретороманскому языку и культуре. В 2015 г. была образована парламентская группа «Многоязычие», которая занимается отслеживанием и анализом языковой ситуации в кантонах, организацией и координацией мероприятий в поддержку многоязычия. В состав группы входят депутаты, представляющие все политические партии и языковые регионы Швейцарии.

Для укрепления федеральной языковой политики в 2017 г. было выдвинуто предложение о создании внепарламентской комиссии по языковым вопросам, которое, однако, было отклонено Национальным советом как нецелесообразное. Согласно замыслу инициаторов, комиссия должна была бы заниматься поддержкой и развитием контактов между языковыми регионами страны и консультировать правительство по всем вопросам языковой политики, находящимся в компетенции федеральных властей.

С целью популяризации многоязычия с 2019 г. в Федеральном собрании и Федеральной администрации ежегодно проводится День многоязычия, приуроченный к Европейскому дню языков. В его программу входят различные мероприятия, посвященные языковому многообразию Швейцарии, в том числе круглые столы и лекции. В День многоязычия

члены парламента и сотрудники Федеральной администрации должны использовать в устной и письменной форме национальный язык, не являющийся для них родным. Таким образом, на один день немецкий язык символически становится языком меньшинства, а романские языки — языками большинства.

Пропорциональное представительство языковых регионов в Федеральном совете (национальном правительстве) по возможности соблюдается еще со времен его учреждения в 1848 г. Несмотря на то, что конкретных официальных квот никогда не существовало, обычно из семи членов Федерального совета не менее двух представляют романскую Швейцарию. В 1999 г. была принята поправка к Федеральной Конституции, согласно которой при формировании состава Федерального совета принимается во внимание соразмерное представительство языковых регионов (ст. 175.4 действующей Федеральной Конституции). В нынешнем составе Федерального совета четыре представителя немецкой Швейцарии, два — французской и один — итальянской. Ретороманское сообщество не имеет своего представителя в Федеральном совете с 1920 г. Избрание в 2017 г. И. Кассиса стало долгожданным событием для итальянской Швейцарии, которая в течение предыдущих восемнадцати лет не имела представителя в Федеральном совете.

Многоязычие в системе образования

Школьное образование в Швейцарии находится в компетенции общин и кантонов, в стране существует 26 самостоятельных систем школьного образования. Каждый из четырех национальных языков функционирует в качестве языка преподавания в школах соответствующего языкового региона. Полное среднее образование можно получить на немецком, французском и итальянском языке. В ретороманских регионах ретороманский является единственным языком преподавания только в начальной школе, в средней и старшей школе одна часть предметов преподается на ретороманском языке, другая — на немецком или итальянском. Изучение школьниками других национальных языков помимо основного/родного осуществляется посредством преподавания иностранных языков как самостоятельного предмета, программ языковых обменов и двуязычного/иммерсивного обучения.

Преподавание иностранных языков. На протяжении последних десятилетий преподавание иностранных языков в общеобразовательной школе остается в швейцарском обществе весьма животрепещущей темой. Принципиальные разногласия и напряженность между кантонами по поводу очередности преподавания иностранных языков, а точнее приорите-

та национальных языков страны перед английским, нередко обозначаются как «языковой спор» или «языковая война».

По сложившейся с середины 1970-х гг. практике в немецкой Швейцарии школьники в качестве первого иностранного языка изучали французский, во французской Швейцарии — немецкий. Ситуация изменилась в начале 2000-х гг., когда немецкоязычные кантоны, пользуясь кантональным суверенитетом в сфере школьного образования, один за другим начали отказываться от прежней модели и заменять французский язык английским. Такое изменение приоритетов, объяснявшееся ростом престижа английского языка и укреплением его позиций в мире, вызвало непонимание и возмущение со стороны франкоязычного сообщества.

Ввиду объективной необходимости выработки общих принципов, действующих для школ всех кантонов, был начат процесс сближения и гармонизации кантональных систем школьного образования. Одним из препятствий на этом пути стали противоречия между кантонами по поводу преподавания иностранных языков. Кантонам удалось прийти к согласию по поводу обязательного преподавания в общеобразовательных школах двух иностранных языков, однако при обсуждении вопроса об их очередности возник раскол. Франкоязычные кантоны предлагали закрепить на законодательном уровне преподавание национального языка в качестве первого иностранного во всех кантонах. Немецкоязычные кантоны настаивали на том, чтобы право определения очередности было предоставлено кантонам. В итоге в 2004 г. был заключен так называемый «языковой мир» — Постоянное Совещание кантональных министров образования одобрило стратегию и рабочий план по координации преподавания языков в общеобразовательных школах Швейцарии [Sprachenunterricht 2004], утвердив следующий порядок: в начальной школе преподается не менее двух иностранных языков; преподавание первого иностранного языка будет начинаться не позднее чем с 3 класса, второго — не позднее чем с 5 класса; по крайней мере один из иностранных языков должен относиться к числу национальных. В качестве компромисса кантонам было представлено право самостоятельно принимать решение, какой язык будет преподаваться в качестве первого иностранного — один из национальных или английский. Предполагалось, что так называемая «Модель 3/5» со временем будет введена во всех кантонах, за исключением италоязычного кантона Тичино, для которого было предусмотрено преподавание трех иностранных языков.

Федеральные власти, расценивавшие позицию немецкоязычных кантонов как потенциальную угрозу национальной сплоченности, предпринимали попытку восстановить прежний порядок преподавания иностранных языков при помощи федерального закона «О национальных языках», находившегося в то время на стадии обсуждения. В 2007 г. при обсуждении

закона в Национальном совете в его текст был включен пункт о том, что в качестве первого иностранного должен преподаваться один из национальных языков. Кантоны выступили против этого решения, расценив его как посягательство на свой суверенитет, и потребовали сохранить за собой право определения очередности языков. Федеральные власти были вынуждены пойти на уступки и согласиться на компромисс. Окончательная формулировка ст. 15.3 закона «О национальных языках» провозгласила преподавание во время обязательного школьного обучения двух иностранных языков — второго национального языка и одного другого иностранного языка, не оговаривая их очередность.

В настоящее время «Модель 3/5» действует во всех кантонах, за исключением немецкоязычных кантонов Ааргау, Аппенцелль-Иннерроден и Ури. Первый иностранный язык вводится в школьную программу не позднее чем с 3 класса, второй — не позднее чем с 5 класса. Один из иностранных языков должен относиться к числу национальных. Решение о том, какой именно язык будет преподаваться в качестве первого и второго иностранного, кантоны принимают самостоятельно.

По данным на 2020/21 учебный год, во всех немецкоязычных кантонах, за исключением кантонов Базель-Ланд, Базель-Штадт и Золотурн, в качестве первого иностранного языка преподается английский, во франкоязычных кантонах — немецкий, в кантоне Тичино — французский. В немецкоязычных общинах кантона Граубюнден в качестве первого иностранного языка преподается итальянский или ретороманский, в италоязычных и ретороманских — немецкий.

Шесть кантонов, расположенных на немецко-французской языковой границе, в силу своей особой заинтересованности в развитии немецко-французского двуязычия договорились о совместной координации вопросов, связанных с преподаванием иностранных языков. Двуязычные кантоны Берн, Фрибур и Вале, а также немецкоязычные кантоны Базель-Ланд, Базель-Штадт и Золотурн в рамках межкантонального соглашения выработали общие принципы преподавания иностранных языков в общеобразовательных школах. В немецкоязычных общинах кантонов Берн, Фрибур и Вале в качестве первого языка преподается французский, во франкоязычных — немецкий. В школах кантонов Базель-Ланд, Базель-Штадт и Золотурн первым иностранным языком является французский. В 2004–2018 гг. в рамках проекта «Passepartout» кантоны-участники утвердили общие стандарты для учебного расписания в преподавании иностранных языков, разработали новую учебную программу и учебные материалы, согласовали порядок подготовки и повышения квалификации учителей иностранного языка.

В качестве второго иностранного языка во всех немецкоязычных кантонах, за исключением кантонов Базель-Ланд, Базель-Штадт и Золотурн,

преподается французский, во франкоязычных и двуязычных кантонах, а также в кантонах Базель-Ланд, Базель-Штадт, Золотурн и Граубюнден — английский, в кантоне Тичино — немецкий.

В кантоне Ааргау английский язык преподается с 3 класса, французский — с 6 класса; в кантоне Аппенцелль-Иннерроден английский язык преподается с 3 класса, французский — с 7; в кантоне Ури английский язык преподается с 3 класса, французский — с 7 класса.

В числе других национальных образовательных стандартов Постоянное Совещание кантональных министров образования утвердило в 2011 г. «Базовые компетенции по иностранным языкам» [Grundkompetenzen für die Fremdsprachen 2011], устанавливающие требования к устной и письменной компетенции школьников в иностранных языках на разных ступенях обязательного школьного обучения.

У Модели 3/5, которая стала трудным компромиссом между немецкоязычными и франкоязычными кантонами, вскоре появились противники, заявлявшие, что изучение в начальной школе двух иностранных языков является для детей чрезмерной нагрузкой, и призывавшие ограничиться преподаванием только одного иностранного языка. В 2010-е гг. в шести немецкоязычных кантонах и в трехъязычном кантоне Граубюнден путем сбора подписей были выдвинуты народные законодательные инициативы за преподавание в начальной школе только одного иностранного языка (т. е. английского). Преподавание второго иностранного языка (французского) предлагалось исключить из программы начальной школы и отложить на ступень средней.

Обсуждение инициатив сопровождалось бурными дискуссиями с участием родителей школьников, учителей, специалистов по преподаванию иностранных языков, ученых и политиков. Перспектива дальнейшего ущемления интересов французского языка вызвала новую волну возмущения со стороны франкоязычных швейцарцев, упрекавших своих немецкоязычных сограждан в отсутствии мотивации к изучению французского языка и в пренебрежении интересами национальной солидарности. Федеральные власти также выражали беспокойство, указывая на возможные негативные последствия такого шага для взаимопонимания между языковыми сообществами и сплоченности общества в целом, и в 2016 г. попытались оказать давление на кантоны. Заявление Федерального совета о намерении законодательно закрепить обязательность раннего преподавания национальных языков в качестве иностранного столкнулось с сопротивлением кантонов, расценивших такую перспективу как несоразмерное вмешательство в сферу своей компетенции. Федеральные власти снова были вынуждены отступить.

Во всех семи кантонах инициативы были отклонены, и преподавание двух иностранных языков в начальной школе осталось в силе. Тем не ме-

нее волна референдумов стала тревожным сигналом, подтвердив наличие противоречий между немецкой и французской Швейцарией, а также разный уровень мотивации к изучению языков соотечественников.

Обеспокоенность положением своего языка выражало не только франкоязычное, но и италоязычное сообщество. Разделяя беспокойство франкоязычных сограждан, организация «Швейцарское сознание» («Coscienza Svizzera»), представляющая интересы итальянской Швейцарии, выступала против укрепления позиций английского языка в швейцарских школах. Рассматривая такую тенденцию как угрозу национальной идентичности, члены организации требовали остановить экспансию английского языка в системе школьного образования в интересах спасения швейцарского многоязычия.

В 2012 г. организации, занимающиеся поддержкой и развитием итальянского языка и культуры, объединились в ассоциацию «Форум за итальянский язык в Швейцарии» («Forum per l'italiano in Svizzera»). Главной целью ассоциации является защита интересов итальянского языка и укрепление его позиций в швейцарском обществе, в частности в сфере администрации, школьном образовании, СМИ. Решение о координации усилий в поддержку итальянского языка было вызвано опасениями италошвейцарского сообщества по поводу потенциального превращения Швейцарии из многоязычного государства в двуязычное, в котором ведущие позиции принадлежат немецкому и французскому языку, тогда как итальянский и ретороманский незаслуженно остаются в стороне.

Среди национальных языков Швейцарии особое положение занимает миноритарный ретороманский язык, находящийся под угрозой исчезновения. Проблеме сохранения ретороманского языка в швейцарском обществе традиционно уделяется большое внимание, его безусловная поддержка является неотъемлемой составляющей швейцарской политики многоязычия. Власти заботятся о функционировании языка во всех сферах общественной жизни: администрации, образовании, средствах массовой коммуникации, культуре, науке и т. д. В сохранении ретороманского языка значительную роль играет образованная в 1919 г. общественная организация «Ретороманская Лига».

Однако несмотря на то, что меры по сохранению ретороманского языка предпринимаются еще с первых десятилетий XX в. и постоянно расширяются, язык продолжает отступать, уходя из сфер активного использования в повседневной жизни. По данным переписи населения 2000 г., ретороманский являлся основным языком для 35 095 жителей Швейцарии, что составляло 0,5% населения страны [Lüdi, Werlen 2005: 7]. Обновленная перепись населения Швейцарии основывается на выборке, результаты которой в дальнейшем экстраполируются на всё население страны. Отказ от переписи путем опроса всего населения имеет существенный недоста-

ток: применительно к небольшим группам населения, таким как ретороманцы, размер выборки не всегда оказывается репрезентативным.

Ключевую роль для передачи ретороманского языка играет улучшение языковой компетенции детей и молодежи, прежде всего посредством системы образования. Ретороманский функционирует в качестве языка преподавания в детских садах и школах, в том числе двуязычных.

В 2018 г. по поручению федеральных властей было проведено независимое исследование, целью которого было оценить эффективность мер по поддержке ретороманского языка, финансируемых из федерального бюджета. В оценочном докладе группа экспертов сделала вывод о существовании в среднесрочной перспективе реальной опасности для сохранения ретороманского языка [Bisaz, Kobelt, Rausch, Strebel, Glaser, Kübler 2019: 55]. Особенно уязвимой сферой является преподавание языка: учебные заведения выпускают меньше учителей ретороманского языка; ретороманские учебные пособия уступают аналогичным немецкоязычным материалам по качеству и нередко выходят в свет с опозданием; уроки ретороманского языка в школах сокращаются или отменяются по финансовым причинам или из-за нехватки учителей; общий уровень владения ретороманским языком продолжает снижаться. В качестве основной рекомендации властям было предложено сосредоточить финансирование на сфере образования, и прежде всего обеспечить непрерывное преподавание ретороманского языка на всех ступенях дошкольного и школьного обучения [Bisaz, Kobelt, Rausch, Strebel, Glaser, Kübler 2019: 4]. Следуя ей, федеральные власти анонсировали новые меры поддержки ретороманского языка: организацию курсов по изучению ретороманского языка за пределами традиционной области его распространения и кантона Граубюнден, а также удаленного преподавания ретороманского языка (он-лайн), в том числе как иностранного.

Кантону Граубюнден — единственному трехъязычному кантону Швейцарии — не удалось избежать противоречий между языковыми сообществами. В 2007 г. возникли разногласия по поводу кантонального закона о языках, призванного укрепить трехъязычие кантона и обеспечить дополнительную поддержку ретороманского и итальянского языков. Проект закона был одобрен правительством и парламентом кантона, однако вызвал неоднозначную реакцию со стороны немецкоязычного населения. Противники закона собрали необходимое число подписей и выступили с инициативой о проведении референдума.

Главным камнем преткновения стал пункт о порядке определения официальных языков общин, гласивший, что общины, в которых доля населения, относящегося к исконному языковому сообществу, составляет не менее 40%, считаются официально одноязычными. Такая формулировка предполагала, что в данных общинах исконный язык провозглашает-

ся единственным официальным языком, а следовательно будет являться и языком преподавания в школах. Таким образом, в общинах, в которых ретороманское население составляет не менее 40%, официальным языком провозглашается ретороманский, а от немецкоязычного населения, даже если оно составляет большинство, ожидается готовность адаптироваться к такой ситуации. Был подвернут критике и пункт о том, что лица, владеющие несколькими официальными языками кантона, имеют преимущество при приеме на работу в кантональные органы власти.

Противники закона заявляли о необоснованном ущемлении немецкоязычного населения, ссылаясь на то, что ретороманский язык уже получает достаточную государственную поддержку, и нет необходимости поддерживать его принудительными методами и за счет дискриминации других языков. Кроме того, они подчеркивали, что немецкоязычное население, имеющее низкую мотивацию к изучению итальянского и ретороманского языков, оказывается в менее выгодном положении. В ответ сторонники закона, поддерживаемые кантональными властями, общественными организациями, интеллигенцией и деятелями культуры, провели кампанию под лозунгом «Три языка, три сердца, один шанс», призывая избирателей поддержать исконное многоязычие Граубюндена и его миноритарные языки. На референдуме, состоявшемся в 2007 г., закон был одобрен с небольшим перевесом голосов (53,4% «за», 46,1% «против»), получив убедительную поддержку в италоязычных и ретороманских общинах и гораздо более скромную — в немецкоязычных.

Новым поводом для разногласий стала выдвинутая в 2013 г. народная законодательная инициатива по поводу изменения порядка преподавания иностранных языков. Инициатива предполагала, что в немецкоязычных классах на ступени начальной школы в качестве иностранного языка будет изучаться английский язык, в италоязычных и ретороманских — немецкий. Правительство и парламент кантона выступили против инициативы, в 2015 г. парламент объявил ее противоречащей федеральному и кантональному законодательству, однако в 2017 г. по решению Административного суда кантона Граубюнден и Федерального суда инициатива была признана соответствующей закону и вынесена на кантональный референдум. На референдуме, состоявшемся в 2018 г., инициатива была отклонена (65,2% «против», 34,8% «за»). В италоязычных и ретороманских общинах доля голосов «против» достигала 80–90%.

Школьные языковые обмены. В 2007 г. закон «О национальных языках» провозгласил намерение федеральных властей и кантонов развивать обмен среди учащихся и преподавательского состава на всех ступенях школьного образования (ст. 14), что подразумевает в первую очередь предоставление субсидий организациям, действующим в этой сфере. В соот-

ветствии со ст. 9 постановления «О национальных языках», субсидии выделяются непосредственно на реализацию программ языковых обменов, а также на развитие информационных, консультационных и посреднических услуг, разработку и публикацию дидактических пособий, обучение и повышение квалификации лиц, занимающихся программами обмена.

С 2012 г. на развитие школьных языковых обменов выделяются специальные средства из федерального бюджета. До конца 2016 г. вопросы, связанные с программами обмена и мобильности, по поручению федеральных властей курировал Фонд национального сотрудничества. В 2016 г. был основан специальный Швейцарский фонд содействия обмену и мобильности, который в 2017 г. учредил Швейцарское агентство по обмену и мобильности (Movetia). В настоящее время агентство, финансируемое в основном за счет средств федерального бюджета, выступает в качестве главного национального координатора программ обмена и мобильности на всех ступенях образования, оказывает их участникам организационную и финансовую помощь, поддерживает онлайн-платформу для поиска партнеров по обмену, а также курирует образовательные программы для преподавательского состава и взрослого населения. В своей деятельности агентство ориентируется на реализацию национальной стратегии по развитию обмена и мобильности.

Швейцарская стратегия обмена и мобильности, принятая в 2017 г. [Schweizerische Strategie 2017], указывает, что долгосрочной целью развития школьных языковых обменов является увеличение количественных и качественных показателей. Стратегия ориентирована на расширение спектра предлагаемых программ обмена, улучшение их качества и привлекательности, облегчение доступа к информации и имеющимся предложениям, достижение более высоких показателей участия. Федеральные власти намерены стремиться к тому, чтобы соответствующие программы стали доступными для всех желающих, с тем, чтобы все дети и молодые люди за время своего обучения в обязательной школе не менее одного раза приняли участие в длительной программе языкового обмена. Предполагается, что программы языковых обменов будут содействовать знакомству с культурным многообразием Швейцарии, формированию коммуникативных навыков в общении с иноязычными соотечественниками и в конечном итоге развитию контактов и сближению между языковыми сообществами страны. Систематическое развитие обмена между языковыми регионами является частью одобренной в 2020 г. «Программы деятельности Постоянного Совещания кантональных министров образования на 2021–24 гг.» [Tätigkeitsprogramm 2020].

В целом усилия направлены на составление программ языковых обменов, увеличение финансовой поддержки, совершенствование системы поиска информации о действующих программах и их условиях, системы

поиска партнеров по обмену, развитие сотрудничества между кантонами и образовательными учреждениями, выпуск дидактических пособий, обучение и повышение квалификации лиц, занимающихся организацией программ языковых обменов.

Благодаря принятым мерам число программ обмена и показатели участия в них школьников демонстрировали рост вплоть до кризиса, связанного с пандемией коронавирусной инфекции. Тем не менее кардинального изменения ситуации пока добиться не удалось, и достигнутые показатели остаются ниже ожидаемых. По данным Швейцарского агентства по обмену и мобильности (Movetia), ежегодно только 2–3% школьников принимают участие в программах языкового обмена [Jahresbericht 2020: 13]. Федеральные власти признают, что все усилия пока не принесли должного результата, и что для достижения долгосрочной цели необходимо значительное увеличение показателей.

Практика языковых обменов наиболее развита в кантонах, расположенных на языковой границе, то есть там, где люди в повседневной жизни сталкиваются с другим языком. По мере удаления от языковой границы интенсивность обменов уменьшается. Менее заинтересованы в развитии программ школьных языковых обменов немецкоязычные кантоны.

Организацией обменов занимаются непосредственно кантоны. В многоязычных кантонах за поддержку и организацию школьных языковых обменов отвечают специальные учреждения (бюро по языковому обмену), сотрудничающие со Швейцарским агентством по обмену и мобильности (Movetia). Языковой обмен осуществляется в рамках межкантональных и национальных программ, рассчитанных на определенный возраст участников и предусматривающих разную длительность пребывания в иноязычной среде. В обмене принимает участие весь школьный класс или его половина, проживание организуется в принимающих семьях или в детских лагерях. Действуют двуязычные летние и зимние детские лагеря, индивидуальные программы языкового обмена, в том числе на время школьных каникул, организуются однодневные выезды на природу и экскурсии для смешанных в языковом отношении групп школьников, ведется переписка между разноязычными школьниками. Финансовую и организационную поддержку этим проектам оказывают кантоны, агентство «Movetia» и другие организации.

Швейцарское агентство по обмену и мобильности (Movetia) поддерживает как коллективные, так и индивидуальные программы языковых обменов. В 2019 г. 90% участников национальных программ обменов, проводившихся при финансовой поддержке агентства, приходилось на программы обменов для школьных классов [Рассчитано по Movetia 2020: 3] В таких программах принимали участие школьники из всех кантонов, за исключением кантона Аппенцелль-Иннерроден, однако показатели участия

между ними кардинально различаются. Почти 70% участников программ составили школьники из семи кантонов: двуязычных кантонов Берн, Фрибур и Вале и франкоязычных кантонов Невшатель, Во, Женева и Юра [Рассчитано по Movetia 2020: 6–7].

С 2017 г. агентство «Movetia» оказывает финансовую поддержку программе обмена для детских и молодежных хоровых коллективов. В рамках программы хоры-партнеры из разных языковых регионов совместно составляют концертные программы и проводят выступления. Программы индивидуальных языковых обменов, субсидируемые агентством, предполагают проживание участников в гостевой семье. С 2017 г. совместно с кантонами реализуется программа обменов во время школьных каникул для детей 11–18 лет. С 2019 г. действует программа «Учимся вместе» (Impariamo insieme) между школьниками кантона Тичино и школьниками из других кантонов, изучающими итальянский язык.

Кантональные программы языковых обменов могут действовать между двумя или несколькими кантонами. Так, программа «Двое в снегу» («Deux im Schnee»), стартовавшая в 2014 г. как совместный проект кантонов Берн и Женева, со временем стала национальной. Классы-партнеры из немецкой и французской Швейцарии проводят вместе неделю в двуязычном зимнем спортивном лагере, программа включает как языковые занятия, так и занятия зимними видами спорта. В ряде кантонов действует программа языкового года, предполагающая повторение последнего учебного года в школе, расположенной в другом языковом регионе страны. Школьник зачисляется в выпускной класс, возвращается домой ежедневно или проживает в принимающей семье, приезжая домой на выходные и каникулы.

Совместным проектом кантонов-участников ассоциации «Столичный регион» является программа немецко-французского обмена «Языковое погружение» («Sprachbad-Immersion»), предполагающая погружение в языковую среду. В обмене принимает участие половина школьного класса на основе принципа ротации, ученики размещаются в гостевой семье и посещают занятия в принимающей школе.

Программы двуязычного обучения. Позитивные сдвиги в развитии швейцарских программ двуязычного обучения произошли в середине 1990-х гг. Так, в 1994 г. была образована Рабочая группа по развитию многоязычного образования, объединяющая специалистов в области педагогики и образования, учителей и лингвистов. Рабочая группа оказывает консультативную помощь школьной администрации и преподавательскому составу в планировании и реализации проектов, связанных с многоязычным обучением, занимается оценкой и внедрением моделей двуязычного обучения, принимает участие в разработке учебных материалов, содействует

обмену информацией и опытом, повышению квалификации учителей, популяризации многоязычного образования в стране.

В 1995 г. Постоянное Совещание кантональных министров образования одобрило Декларацию о развитии двуязычного образования в Швейцарии. Согласно ее положениям, двуязычное образование должно облегчать коммуникацию между языковыми сообществами Швейцарии (§ 2) и быть как можно более доступным для всех школьников (§ 7). Также в 1995 г. было принято постановление о признании аттестатов зрелости, выданных после окончания программы двуязычного обучения в гимназии.

В настоящее время развитием двуязычного обучения занимаются кантоны, федеральные власти в свою очередь выделяют на эти цели субсидии (ст. 10.b постановления «О национальных языках»). Программы двуязычного обучения наиболее востребованы и распространены в двуязычных кантонах Берн, Фрибур, Вале, а также в трехъязычном кантоне Граубюнден, при этом зачастую спрос существенно превышает предложение.

Образцовой считается ситуация в городе Биль/Бьенн (кантон Берн) — единственном официально двуязычном городе Швейцарии. Город уделяет большое внимание поддержке двуязычного обучения, разработке и тестированию различных его моделей. Кантональный проект по двуязычному обучению «Двуязычный поток» («Filière Bilingue») действует с 2010 г. для начальной школы, с 2018 г. — для средней. Проект предполагает взаимное погружение, одна половина занятий проводится на немецком языке, другая половина — на французском. Классы, принимающие участие в проекте, состоят из немецкоязычных, франкоязычных и иноязычных детей.

Невшатель является единственным официально одноязычным кантоном, в общеобразовательных школах которого действует программа изучения второго национального языка методом раннего погружения. В 2011/12 учебном году был запущен проект «Prima», продолжающийся до настоящего времени. Начиная с первого класса и в течение всего обязательного обучения в школе преподавание ведется на французском и немецком языках. Таким образом, немецкий язык является для франкоязычных школьников не только учебным предметом, но и языком преподавания и общения. В долгосрочных планах расширение проекта, с тем, чтобы возможность присоединиться появилась у всех желающих.

Единственным двуязычным высшим учебным заведением Швейцарии является Фрибурский университет, основанный в г. Фрибур в 1889 г. Если изначально главным отличительным знаком университета была его католическая направленность, то с 1970–80-х гг. религиозная составляющая постепенно утрачивает свое влияние, уступая место языковой. Университет, расположенный в двуязычном кантоне на немецко-французской языковой границе, последовательно развивает двуязычие как своего рода фирменный знак и предлагает параллельные учебные программы на немецком

и французском языках. Студенты могут выбирать между одноязычной и двуязычной программой обучения, последняя предусматривает изучение учебных предметов на немецком и французском языках (точное распределение между языками определяется учебным планом). По окончании двуязычного обучения студентам выдается диплом со специальной отметкой.

В 2018 г. в университете была запущена учебная программа «Немецкий и французский языки: двуязычие и культурный обмен», в рамках которой студентам предлагаются дисциплины по немецкому и французскому языку и литературе, межкультурной коммуникации и т. д. Программа ориентирована на подготовку специалистов, свободно владеющих обоими языками, имеющих базовые знания для дальнейшего обучения в магистратуре и востребованных на швейцарском рынке труда.

Единственным швейцарским трехъязычным учебным заведением является Высшая педагогическая школа Граубюндена, основанная в 1983 г. в г. Кур в результате объединения нескольких учебных заведений педагогического профиля. Школа ведет профессиональную подготовку будущих воспитателей детского сада и учителей начальных классов. Студенты имеют возможность получить двуязычный диплом, дающий право преподавания на двух языках (в комбинации ретороманский/немецкий или итальянский/немецкий).

Как научно-методический центр школа занимается составлением учебных материалов для детских садов и школ (в том числе учебников по ретороманскому языку), ведет проекты по развитию многоязычия и двуязычного обучения, оказывает языковую и консультационную поддержку учреждениям, ведомствам, общинам и школам кантона в вопросах многоязычия. С 2009 г. действует специальное отделение многоязычия. По поручению правительства кантона на период 2018–2024 гг. учреждена также специальная профессорская кафедра в области дидактики многоязычия.

Некоммерческие организации и научные учреждения

Федеральные власти поддерживают некоммерческие организации и учреждения национального значения, деятельность которых направлена на развитие взаимопонимания между языковыми сообществами и продвижение многоязычия (ст. 18 закона «О национальных языках»). Государственную поддержку получают организации, поощряющие взаимодействие языковых сообществ и культур страны, сохранение и распространение национальных языков, популяризацию многоязычия, разрабатывающие различные аспекты изучения иностранных языков и публикующие работы по данной тематике (ст. 14 постановления «О национальных языках»).

Одной из наиболее известных швейцарских общественных организаций, содействующих национальной сплоченности и взаимодействию меж-

ду языковыми сообществами, является ассоциация «Гельветический форум» (Forum Helveticum), основанная в 1968 г. С 2000-х гг. приоритетным направлением ее деятельности является развитие взаимопонимания между языковыми сообществами Швейцарии. Ассоциация объединяет такие организации как «Латинская Гельвеция», «Швейцарское сознание», «Рето-романская Лига», «Форум двуязычия» и др.

Особый вклад в развитие контактов между немецким и французским языковыми сообществами вносит образованный в 1996 г. в официально двуязычном городе г. Биль/Бьенн «Форум двуязычия» (Forum für die Zweisprachigkeit / Forum du bilinguisme). «Форум двуязычия» занимается реализацией различных проектов, так или иначе направленных на поощрение изучения немецкого и французского языков, а также на развитие контактов, сотрудничества и взаимопонимания между языковыми сообществами. Среди таких проектов — программы языковых обменов и двуязычного образования, проведение культурных мероприятий, лекций, дискуссий, радиопередач, конкурса короткометражных фильмов, выпуск публикаций. Также «Форум двуязычия» выступает в качестве экспертного центра по проблемам двуязычия, осуществляет сотрудничество с кантонами, оказывает им консультационную поддержку в сфере развития двуязычия.

С 2001 г. «Форум двуязычия» поддерживает проект «Тандем» («Tandem») — платформу для поиска собеседника-носителя другого языка и изучения языков в тандеме. Среди языковых тандемов, образующихся благодаря этому проекту, преобладают немецко-французские. В рамках проекта «Барометр двуязычия» («Barometer der Zweisprachigkeit» / «Baromètre du bilinguisme») фонд осуществляет мониторинг ситуации с двуязычием в городе и регионе, взаимоотношений между языковыми группами, восприятия ими двуязычия.

Еще одним направлением деятельности «Форума двуязычия» является развитие двуязычной среды. В 2001 г. был учрежден специальный «Знак двуязычия», который присваивается городским предприятиям и учреждениям после процедуры сертификации. Для получения этого знака отличия предприятие или учреждение должно соответствовать определенным критериям в использовании в своей деятельности немецкого и французского языков. Другой тип сертификата — «Приверженность двуязычию» — предполагает соответствие менее строгим критериям и является гарантией того, что данная организация развивает свою деятельность в двуязычной среде.

С «Форумом двуязычия» сотрудничает образованная в 2010 г. ассоциация «Столичный регион» (Hauptstadtregion Schweiz), объединяющая двуязычные кантоны Берн, Фрибур и Вале, франкоязычный Невшатель и немецкоязычный Золотурн. Ассоциация позиционирует себя как мост между немецкой и французской Швейцарией и поощряет взаимодействие между

этими культурно-языковыми регионами. Совместно с «Форумом двуязычия» реализуют проекты по поддержке двуязычия: День многоязычия, проект «Тандем» («Tandem»), программа языкового обмена «Языковое погружение».

Федеральные власти оказывают поддержку научным исследованиям в области многоязычия, особенно прикладным. Так, первым масштабным проектом по изучению языковой ситуации в Швейцарии стала национальная исследовательская программа «Языковое многообразие и языковая компетенция в Швейцарии», реализованная в 2005–10 гг. по поручению Федерального совета и при поддержке Швейцарского национального научного фонда. Предполагалось, что исследования предоставят научную базу для формирования языковой политики, будут иметь прикладной характер, и их результаты окажутся полезными для принятия решений в вопросах школьного образования и кадровой политики в федеральных органах власти. В рамках программы, носившей междисциплинарный характер, были выполнены 26 проектов. Исследования проводились при участии ведущих швейцарских научных учреждений и охватывали широкий спектр тем, в том числе языковую компетентность, языковую идентичность, роль языка в сфере образования, политики и права.

В 2008 г. при Фрибурском университете и Высшей педагогической школе Фрибура был основан Институт многоязычия, ныне являющийся ведущим швейцарским научным учреждением в этой области. Институт был создан во исполнение ст. 17 закона «О национальных языках» о поддержке научного центра для координации, внедрения и реализации прикладных исследований в области языков и многоязычия. Для проведения исследований в области языков и многоязычия в адрес института выделяются государственные субсидии (ст. 12.2 постановления «О национальных языках»).

Институт многоязычия специализируется на фундаментальных и прикладных исследованиях лингвистических, социальных, политических, экономических и научно-методических аспектов многоязычия, курирует работу Научного центра по многоязычию (создан в 2011 г.) и Центра преподавания иностранных языков (создан в 2019 г.). Также институт поддерживает партнерство со швейцарскими и зарубежными научно-исследовательскими учреждениями, учебными заведениями и общественными организациями, тесно сотрудничает с федеральными и кантональными властями, проводит по их поручению научные исследования (в том числе экспертизу образовательных проектов и программ, прежде всего в сфере преподавания языков), а также оказывает консультационную поддержку по актуальным проблемам многоязычия.

Выводы

Швейцарская языковая политика — политика многоязычия — определяется как языковым ландшафтом страны, так и особенностями ее государственного устройства. Законодательная база, на которую она опирается и которая определяет ее основные цели и задачи, основана на компромиссе между кантональным суверенитетом и интересами Швейцарии как многоязычного государства. Четкое разграничение полномочий между Союзом и кантонами ограничивает возможности федеральных властей оказывать влияние на языковую сферу, и прежде всего это касается сферы школьного образования.

Из-за несовпадающих приоритетов кантонов в вопросе преподавания иностранных языков в общеобразовательной школе не удается полностью использовать потенциал системы школьного образования в изучении детьми национальных языков как иностранных. Попытки федеральных властей оказать в этом вопросе давление на кантоны успеха не имели, относительно приоритета английского языка перед французским немецкоязычные кантоны не изменили свою позицию.

Следует также отметить, что в немецкой и французской Швейцарии языковые вопросы имеют разную значимость и остроту. Франкоязычное сообщество отличается несколько политизированной точкой зрения и болезненной реакцией на ущемление французского языка. В немецкой же Швейцарии заявляют о том, что опасения франкоязычных сограждан и федеральных властей преувеличены, и преподавание английского языка в качестве первого иностранного не угрожает национальной сплоченности.

В развитии контактов, сотрудничества и взаимопонимания между немецким и французским языковыми сообществами наиболее заинтересованы кантоны, расположенные вблизи языковой границы. Многоязычные кантоны прилагают особые усилия для поддержки многоязычия, в том числе в рамках межкантонального сотрудничества и реализации совместных проектов.

Приоритетным направлением политики многоязычия в системе школьного образования является развитие школьных языковых обменов. За последние годы удалось добиться позитивных сдвигов как в организационном, так и в финансовом плане. Программам двуязычного образования, которые также имеют большой потенциал в улучшении языковой компетенции детей и молодежи, федеральные власти пока уделяют гораздо меньше внимания.

Еще одним долгосрочным проектом, поддерживаемым федеральными властями, является обеспечение соразмерного представительства языковых сообществ в Федеральной администрации и улучшение языковой компетенции федеральных государственных служащих. Усилия федеральных властей направлены на нивелирование существующей дисгармонии,

а именно превалирования немецкого языка и несоразмерно низкого представительства романских языков, прежде всего итальянского. Для отслеживания развития ситуации по поручению федеральных властей регулярно проводятся специальные исследования. Также федеральные власти оказывают поддержку организациям и институтам, занимающимся вопросами многоязычия, научно-методической и организационной деятельностью в сфере преподавания языков.

Источники и материалы

Grundkompetenzen für die Fremdsprachen 2011 — Grundkompetenzen für die Fremdsprachen. Nationale Bildungsstandards. Frei gegeben von der EDK-Plenarversammlung am 16. Juni 2011. Schweizerische Konferenz der kantonalen Erziehungsdirektoren EDK.

Jahresbericht 2020 — Jahresbericht 2019. Solothurn: Movetia — Austausch und Mobilität. 2020.

Leitfaden Förderung Mehrsprachigkeit 2009 — Leitfaden Förderung Mehrsprachigkeit // Eidgenössisches Finanzdepartement EFD Eidgenössisches Personalamt EPA. 2009.

Movetia 2020 — Movetia Statistik 2019. Solothurn: Movetia — Austausch und Mobilität. 2020.

Schweizerische Strategie 2017 — Schweizerische Strategie Austausch und Mobilität von Bund und Kantonen vom 2. November 2017 / Eidgenössisches Departement für Wirtschaft, Bildung und Forschung, Eidgenössisches Departement des Innern, Schweizerische Konferenz der kantonalen Erziehungsdirektoren. Bern: EDI; WBF; EDK, 2017.

Sprachenunterricht 2004 — Sprachenunterricht in der obligatorischen Schule: Strategie der EDK und Arbeitsplan für die gesamtschweizerische Koordination: Beschluss der Plenarversammlung vom 25. März 2004.

Sprachliche Praktiken 2021 — Sprachliche Praktiken in der Schweiz. Erste Ergebnisse der Erhebung zur Sprache, Religion und Kultur 2019 / Redaktion: F. Müller, BFS, M. Roth, BFS. Neuchâtel: Bundesamt für Statistik, 2021.

Tätigkeitsprogramm 2020 — Tätigkeitsprogramm 2021–2024 verabschiedet von der Plenarversammlung am 30. Oktober 2020. EDK.

AS 2010 2653 — Verordnung über die Landessprachen und die Verständigung zwischen den Sprachgemeinschaften (Sprachenverordnung, SpV) vom 4. Juni 2010 (Stand am 1. Juli 2010) // Amtliche Sammlung. Nr. 24 vom 22. Juni 2010. S. 2653–2666.

AS 2014 2987 — Verordnung über die Landessprachen und die Verständigung zwischen den Sprachgemeinschaften (Sprachenverordnung, SpV) Änderung vom 27. August 2014 // Amtliche Sammlung. Nr. 37 vom 23. September 2014. S. 2987–2992.

BBl 2003 1441 — Weisungen des Bundesrates zur Förderung der Mehrsprachigkeit in der Bundesverwaltung (Mehrsprachigkeitsweisung) vom 22. Januar 2003 // Bundesblatt der Schweizerischen Eidgenossenschaft. № 7. 25. Februar 2003. S. 1441–1446.

BBl 2007 6951 — Bundesgesetz über die Landessprachen und die Verständigung zwischen den Sprachgemeinschaften (Sprachengesetz, SpG) // Bundesblatt der Schweizerischen Eidgenossenschaft. № 42, 16. Oktober 2007. S. 6951–6960.

BBl 2014 6659 — Weisungen des Bundesrates zur Förderung der Mehrsprachigkeit in der Bundesverwaltung (Mehrsprachigkeitsweisungen) vom 27. August 2014 // Bundesblatt der Schweizerischen Eidgenossenschaft. № 37. 23. September 2014. S. 6659–6661.

Научная литература

Coray R., Kobelt E., Zwicky R., Duchêne A., Kübler D. 2014. Bundesverwaltung und Vertretung der Sprachgemeinschaften: Analyse der Personalrekrutierungsprozesse und –strategien. Ein Forschungsprojekt des Wissenschaftlichen Kompetenzzentrums für Mehrsprachigkeit. Freiburg: Institut für Mehrsprachigkeit.

Coray R., Kobelt E., Zwicky R., Kübler D., Duchêne A. 2015. Mehrsprachigkeit verwalten? Spannungsfeld Personalrekrutierung beim Bund. Zürich: Seismo.

Kübler D., Papadopoulos I., Mazzoleni O. 2009. Le plurilinguisme de la Confédération. Représentation et pratiques linguistiques dans l'administration fédérale. Rapport final. Programme de recherche national 56 «Diversité des langues et compétences linguistiques en Suisse». Berne: Fonds national suisse de la recherche scientifique.

Kübler D., Kobelt E., Zwicky R. 2020. Les langues du pouvoir: le plurilinguisme dans l'administration fédérale. Lausanne: Presses polytechniques et universitaires romandes.

Lüdi G., Werlen I. Eidgenössische Volkszählung 2000: Sprachenlandschaft in der Schweiz. Neuchâtel: Bundesamt für Statistik. 2005.

Bisaz C., Kobelt E., Rausch C., Strebel M., Glaser A., Kübler D. 2019. Massnahmen zur Erhaltung und Förderung der rätoromanischen und der italienischen Sprache und Kultur im Kanton Graubünden: Evaluationsbericht im Auftrag des BAK // Studienberichte des Zentrums für Demokratie Aarau. Nr. 16. Aarau: Zentrums für Demokratie Aarau.

Zwicky R., Kübler D. 2018. Topkader und Mehrsprachigkeit in der Bundesverwaltung. Executive Summary. Freiburg: Institut für Mehrsprachigkeit.

Глава 3. СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ШВЕЦИИ

Шведский язык является основным языком общения для практически 90% населения Швеции. Его использует в повседневной официальной и бытовой, в т. ч. межэтнической, коммуникации подавляющее большинство жителей страны. Шведский язык является официальным государственным языком с 2009 года, когда был принят Закон о языке (*Språklag* 2009). В шведском риксдаге сейчас существует специальный Парламентский Комитет по шведскому языку (*Kommittén för Svenska Språket*).

Вместе с тем, происходящие на протяжении последних десятилетий социально-демографические перемены шведского общества имеют разнообразные проявления и в языковой сфере. Это связано с довольно быстрой трансформацией традиционно этнически и культурно гомогенного общества в поликультурную страну, с большим культурным многообразием и различными этническими группами населения [Nya Sverige 2002; Borevi 2002; SOU 2000: 37]. Швеция становится многоязычной страной, но на всей территории основные функции коммуникации по-прежнему несет шведский язык. В шведском обществе присутствует понимание того, что шведский язык необходимо сохранять и поддерживать, т. к. это важнейший элемент национальной самоидентификации. При этом наряду с государственным шведским языком есть несколько миноритарных языков национальных меньшинств страны. Во внешних и международных контактах, как и во многих других странах, часто используется английский язык, который изучается в шведских школах с первых классов и которым шведы владеют в большинстве своем свободно. Также имеют некоторое распространение языки основных групп иммигрантов — сербохорватский, арабский, фарси.

Миноритарные языки

Современная языковая палитра Швеции представляет собой интересную картину. В стране существует один государственный — шведский — язык и несколько официально признанных языков национальных меньшинств. Эти, так называемые миноритарные языки являются официальными языками страны наряду с государственным языком, на котором разговаривает подавляющее большинство населения страны.

Исторически на территории современной Швеции проживают пять национальных меньшинств. Это саамы (коренной народ, который живет в основном на севере страны, в ленах Норрботтен и Вестерботтен), шведские финны (зачастую, трудовые переселенцы прежних лет из соседней Финляндии, оставшиеся жить в Швеции), турнедальцы (живут в долине реки Torne älv — Турнеэльвен, район шведско-финской границы). Еще есть две группы шведского населения — евреи и цыгане, которые не проживают компактно, а расселены по всей Швеции. Точные данные по численности каждой из групп национальных меньшинств найти очень сложно, т. к. статистика по этнической принадлежности в стране не ведется. По различным оценкам численность этих групп может быть приблизительно следующей: саамы — около 30 тыс. человек, турнедальцы — около 50 тыс., финские шведы — самая крупная группа, численность которой достигает 600 тыс. человек. Довольно многочисленной является цыганская группа (от 50 до 100 тыс. человек), еврейская диаспора насчитывает около 25 тыс. человек [Sveriges nationella minoriteter 2011].

В 2010 г. указанные выше этнические группы населения были официально признаны национальными меньшинствами. В 2009 г. риксдаг принял *Акт о признании национальных меньшинств и миноритарных языков* (Lag 2009: 724). В документе декларируется необходимость сохранения и поддержания статуса миноритарных языков и культуры национальных меньшинств, а также права таких национальных меньшинств на участие в общественной жизни страны. Указанные выше группы населения, признанные национальными меньшинствами, используют в повседневной жизни соответственно свои родные языки: саамский язык, финский, меянкиели (турнедальцы), романи (цыгане), идиш (евреи). После принятия упомянутого Акта о признании национальных меньшинств и миноритарных языков эти языки получили официальный статус языков национальных меньшинств. Несколько ранее риксдаг ратифицировал *Европейскую конвенцию по защите национальных меньшинств* (Framework Convention for the Protection of National Minorities) и *Европейскую хартию региональных и малых языков* (European Charter for Regional or Minority Languages) (Minorities; charter-regional).

Официально признанный статус указанных языков как языков национальных меньшинств означает, что они не являются какими-либо диалектами или наречиями (существует отдельная группа языковых наречий и диалектов). Эти языки до сих пор находятся в активном употреблении и языковой повседневной практике данных этнических групп (на протяжении уже более ста лет). В районах компактного проживания саамов, финнов, турнедальцев эти языки разрешается использовать и в административных органах, а дети могут изучать эти родные для них языки на занятиях в школах. Среди существующих диалектов

(не миноритарных языков!) можно назвать норрландские, геталандские, свеаландские и южные диалекты, шведский язык Финляндии (там шведский — второй государственный язык), также есть диалекты острова Готланд. Специалисты фиксируют в языковой практике страны наличие и иных языковых кейсов. К примеру, некоторые группы населения в своем языковом общении пользуются различными новыми «рукотворными» диалектами, созданными иммигрантами, к примеру. В практике языкового общения некоторых групп иммигрантов используется так называемый «ринкебюшведский язык» (rinkebysvenska), в котором отмечаются значительные заимствования из арабского и сомалийского языков. Этот диалект используют в своей повседневной языковой практике мигранты, проживающие, в первую очередь, в этнических анклавах Стокгольма (пригород Ринкебю), где сомалийские и азиатские мигранты и их потомки составляют около 90% населения [Горохов и др. 2020: 133].

Саамы — коренной народ Швеции, который расселяется на северных территориях Швеции, Норвегии, Финляндии и России, а саамский язык относится к группе финно-угорских языков. Существует и действует саамский парламент, Саметингет (Sametinget), Sami Parliament, выборы в который проводятся раз в четыре года. Этот парламент тщательно отслеживает вопросы состояния традиционной промысловой экономики (охота, рыболовство, оленеводство), а также состояние саамской культуры и языка. Существует несколько различных организаций, которые пристально наблюдают за соблюдением прав саамов. Это Саамский совет (*Samerådet*), две национальные федерации (*RSÄ и SSR (Svenska Samernas Riksförbund*) и молодежная организация *Sáminuorra*.

В районах компактного проживания саамов в северных ленах Норрботтен и Вестерботтен в городах Каресуандо, Кируна, Елливаре, Йоккмокк и Тярнаби работают саамские детские дошкольные учреждения и национальные саамские школы (в которых дети учатся до шестого класса). Также ученики, обучаясь в шведской школе, могут выбрать так называемую саамскую интеграцию, которая подразумевает изучение саамского языка и саамских традиций материальной культуры, а также обществоведческие предметы. Саамский университет (где можно получить высшее образование) работает в г. Каутокейно (Норвегия), а в самой Швеции саамы имеют возможность обучаться со специализацией по своей культуре и языку в университетах городов Умео и Упсала. В Йоккмокке работает Учебный центр саамов, где профессиональное обучение происходит на саамском языке. Существующий уже на протяжении последних сорока лет Саамский школьный совет (Samiska Skolstyrelsen) отвечает за образование саамов во всех звеньях среднего образования — садики, школы, гимназии, где происходит обучение по общешведским программам.

Шведские финны (значительная часть которых проживает на северо-востоке страны в районе шведско-финского приграничья) активно, органично и полноценно включены в шведское общество и экономику, чему немало способствовали совместное историческое развитие на определенных этапах (с XIII в. по 1809 год Финляндия входила в состав шведского королевства) и традиционно тесные социально-экономические взаимоотношения. Позднее, во второй половине прошлого века, существовала довольно большая трудовая миграция из Финляндии в Швецию. Защита интересов шведских финнов традиционно находится в сфере внимания Национальной ассоциации финнов Швеции (*RSKL, Sverigefinska Riksförbundet*), созданной еще в 1957 г. и имеющей по стране множество местных организаций. Эта Ассоциация активно и заинтересованно относится к задачам сохранения своего родного финского языка и финской культуры у финнов, проживающих в Швеции. Такая шведско-финская культура пропагандируется самыми различными путями, в числе которых организация различных культурных, театральных, общественных и спортивных мероприятий. [RSKL, Aktuellt]. Актуальная, востребованная и важная часть текущей работы Ассоциации финнов Швеции, касающаяся сохранения и употребления родного финского языка, это проведение различных мероприятий по сохранению и повседневному использованию финского языка. Для этого проводятся многочисленные встречи и мероприятия, семинары, ставятся детские спектакли, создаются различные образовательные проекты для детей. Шведские финны считают необходимым, чтобы финский язык можно было использовать шире, в том числе и в административных органах в районах его распространения, т. е. там, где проживает значительное число такого финноязычного населения. В стране работают шведско-финские народные школы (учебные заведения среднего образования) и Высшая народная школа (*Svefi*). Действуют финноязычные дошкольные учреждения для маленьких детей, а для пожилых людей существует возможность получить медицинскую помощь на финском языке. Помимо этого функционирует множество финноязычных спортивных и театральных программ. При Ассоциации финнов Швеции существуют различные общественные организации: молодежные, детские и юношеские организации, союз пенсионеров, шведско-финский женский форум и шведско-финская молодежная организация.

Турнедальцы также представляют национальное меньшинство и имеют свою общественную организацию Национальный союз Турнедальцев (*Svenska Tornedalingars Riksförbundet*, по-фински *Tornionlaaksolaiset*), которая существует в Швеции более 40 лет и объединяет всех, кто имеет какое-либо отношение к языку меянкиели (входит в финно-угорскую группу) и культуре турнедальцев. Важной задачей этого Союза является работа по поддержке своего национального культурного развития и сохранению

миноритетного языка, распространение сведений о культуре и истории турнедальцев. В настоящее время турнедальцы имеют право использовать свой родной язык в работе административных учреждений, которые компактно расположены в регионе Турнеэльвен. Работает Торнедальская народная школа в Овертурнео (*Tornedalens folkhögskola I Övertorneå*), где по поручению государственных органов были разработаны учебные материалы для желающих изучить язык меянкиеле.

В рекомендациях, подготовленных шведским Институтом языка и языкового наследия (Institute för språk och folkminnen), в связи с обсуждением проблем миноритетных языков этнических меньшинств и языка меянкиели, в частности, отмечалась актуальность и даже востребованность таких языков в современной Швеции. Также подчеркивалась необходимость практического использования носителями таких языков в разговорной, литературной и письменной речи, что всячески способствует сохранению и активной жизни миноритарных языков [Kieliviesti, Suomi 2011: 31].

Цыганский язык романи-чиб также является миноритарным языком цыганского национального меньшинства. Дети могут изучать этот язык в специальных, так называемых культурных, классах общеобразовательных шведских школ. В Стокгольме существовала практика, когда в школах работало значительное число таких цыганских культурных классов со своими учебными планами, в которых уделялось большое внимание изучению не только шведской истории и языка, но и изучению цыганского языка романи чиб, истории и цыганской культуры. [Romsk kraft: 46; minoritet…]. Муниципальные власти, таким образом, реализуют правительственную стратегию реализации провозглашенной политики равных возможностей для всех граждан страны и во всех областях жизни гражданского общества, в том числе и цыган. Нередко и, вследствие своих культурных традиций, старшие ученики могут даже выполнять роль своего рода наставников для младших детей, а сама школа тесно сотрудничает с родителями школьников. Существуют учебные курсы по цыганской устной культуре, по знакомству с принципами организации традиционной цыганской жизни и кухни. В Швеции действует Молодежная организация цыган (Romska Ungdomsförbundet).

Некоторые исследователи отмечают, что создание таких специализированных профильных, так называемых культурных, классов (в том числе и цыганских) является своего рода сегрегацией, т. к. может способствовать некоей возможной изоляции таких детей, и, в конечном итоге, затруднению процесса их последующей интеграции в шведское общество. Специалисты-исследователи достаточно единодушно признают, что обучение языку и традициям этнических меньшинств страны позволяет сохранять живой их культуру и традиции, которые востребованы на государственном и на муниципальном уровнях. Дети, растущие в двуязычной

среде, имеют возможность овладевать двумя родными языками — и шведским, и своим национальным [Nationella minoriteter: 4]. В Швеции также функционирует Sveriges Jiddischförbund (Шведская ассоциация идиша), в которой объединены те, кто занимается преподаванием идиша в Швеции. В этой ассоциации обсуждаются, главным образом, проблемы и вопросы, связанные с преподаванием этого языка.

Шведский язык и «новые граждане»

При исследовании современной языковой ситуации необходимо иметь в виду тот факт, что за последние 30–40 лет количество иммигрантов (так называемых «новых граждан» Швеции) сильно увеличилось. Это означает, с одной стороны, что эти люди в какой-то степени, хоть немного, но должны понимать язык своей новой страны проживания, а с другой стороны — они в любом случае будут использовать в повседневной жизни свой родной язык страны исхода. Изучение государственного языка (в нашем случае — шведского) прибывающими в страну иммигрантами представляется важным и практически необходимым условием для более быстрой и полной интеграции в новое для них принимающее общество. Владение шведским языком для проживающих в стране иммигрантов («новых шведов») представляется необходимым как для повседневной, бытовой жизни, так и для использования в разнообразных жизненных или рабочих ситуациях. Очевидно, что задачи интеграции в шведское общество таких «новых граждан» включают много актуальных компонентов, но в числе наиважнейших — владение шведским языком, приобщение к культурным традициям и общественно-политическим нормам новой страны пребывания. Значимой характеристикой государственного языка является его консолидирующая функция в рамках всего существующего общества. Язык — важнейшее средство социализации и коммуникации людей в окружающей их среде. Для легальных иммигрантов владение шведским языком увеличивает их шансы и возможности поиска и получения работы.

Для более успешной социальной адаптации «новых граждан» в неизвестном для них обществе, для более позитивного понимания и восприятия новой страны необходимы постоянные контакты и общение с окружающими шведами или коренным населением. Отметим, что бывший иммигрант (а ныне житель Швеции) после того, как овладеет шведским языком в достаточной степени, имеет право и, главное, реальную возможность, получить бесплатное образование любого уровня — общеобразовательный школьный курс, полное среднее образование в гимназии или высшее образование. Объединяющая функция государственного языка (в нашем случае — шведского) в рамках всего общества имеет чрезвычайно важное значение для всех жителей страны (как «старых», так и «новых») и создает

предпосылки и условия для стабилизации общего, в том числе социального, фона страны. Граждане ее, будь то исконные жители страны, представители национальных меньшинств или «новые граждане» — все они имеют право и возможность использовать для своей коммуникации как шведский язык, так и любой иной, родной или даже иностранный, язык. Но это никоим образом не отменяет для иммигрантов актуальности и необходимости изучать, хотя бы в небольшом объеме, шведский язык.

Для иммигрантов, попавших в новую для них иноязычную среду, постоянное языковое общение на шведском языке с соседями по дому, подъезду и этажу, в магазинах, в парках, школах или в иных общественных местах или административных учреждениях, безусловно, будет способствовать лучшей интеграции в принимающее общество. Владение языком принявшей страны-реципиента для иммигрантов является важнейшим средством социализации и коммуникации в новой для них среде проживания и пребывания. Для легальных иммигрантов, которые уже получили от шведских властей все необходимые официальные разрешения и документы на пребывание, знание шведского языка значительно увеличивает возможности для поиска и получения работы и, соответственно, получения зарплаты и возможностей обеспечивать себя и семью. Важно и то, что овладение (хотя бы в небольшом объеме) шведским языком позволяет углублять познания в культуре, истории, традициях принявшей их страны.

Очевидно, что для успешной социальной адаптации в новом обществе, более позитивного восприятия и понимания страны своего текущего пребывания, таким «новым гражданам» необходимы постоянные контакты и общение с окружающими их шведами. Задачи изучения шведского языка и приобретения разговорных и иных необходимых языковых навыков возможно успешно решать при обучении на языковых курсах. В стране существует государственная бесплатная система языкового образования для иностранцев, которая называется «Шведский для иностранцев» (Svenska för invandrare, далее *Sfi*). (Конечно, действуют и платные курсы по изучению шведского языка, но мы остановимся именно на государственных языковых курсах). После пройденного курса обучения вновь прибывшие иммигранты начинают понимать и даже говорить на шведском языке. Власти страны крайне заинтересованы в скорейшем выходе новых, недавно прибывших, жителей Швеции на рынок труда, быстром и полном (по возможности) вовлечении их в трудовые отношения. Очевидно, что владение шведским языком объективно является необходимым условием для качественной и легальной жизни и работы для всех новых легальных мигрантов. Представляется важным подчеркнуть, что языковые курсы являются бесплатными для обучающихся на них иммигрантов, что должно стимулировать к занятиям.

Обучаться на этих языковых курсах могут все вновь прибывшие в страну иностранцы. Это могут быть как иммигранты-беженцы, так и те,

кто прибыл в страну по рабочей визе. Сразу же по прибытии в Швецию иммигранты имеют возможность начать бесплатно изучать шведский язык на языковых курсах, где преподают сами носители языка — шведы. Степень освоения чужого и нового языка во многом зависит от жизненной позиции и жизненной ориентации самого иммигранта. Даже просто записаться на языковые курсы и в дальнейшем учиться там шведскому языку зависит от того, как и где сам такой «новый швед» видит и представляет свое будущее. Степень успешности овладения неродным языком связано с тем, как сами эти иммигранты представляют свое будущее конкретно в этой, новой для них, стране пребывания.

Интересна история создания шведских языковых курсов «Шведский для иностранцев» (Svenska för invandrare, далее *Sfi*). Еще в период активной трудовой миграции, в 1950-е годы, когда иммигранты старались не только приехать в Швецию, но и как можно скорее найти работу, стало понятно, что незнание шведского языка осложняло их профессиональную трудовую жизнь и деятельность. И тогда встал вопрос обучения таких рабочих шведскому языку, в первую очередь, в интересах производства, для понимания технической документации, для понимания и соблюдения ими правил технической безопасности во время работы. В коммунах (органы городского самоуправления), при муниципалитетах стали создаваться специальные информационные центры, или Invandrarbyråerna, штат которых состоял из нескольких сотрудников и нескольких переводчиков (как правило, носителей языка), которые служили в то время своего рода посредниками между работодателями, профсоюзами и иммигрантами. Здесь же иммигранты могли получить необходимую информацию по самым разнообразным темам и вопросам [Ключникова: 57]. К началу 1970-х годов, когда сильно вырос поток беженцев в Швецию, прибывавших из неевропейских стран, такие небольшие центры уже не могли справляться с объемом требуемых переводов. Надо было решать такую важную и сложную коммуникационную задачу иным путем. Тогда стали создавать самостоятельные языковые центры для иностранцев (курсы) по изучению шведского языка. Иммигранты, получавшие на этих курсах хотя бы минимальные знания языка, навыки разговорной и письменной речи, учились говорить и понимать по-шведски в какой-то степени. Безусловно, имея такие навыки, они могли легче, быстрее и проще войти в новое для них общество. Знание языка и культурных реалий способствовало более быстрой и успешной интеграции иммигрантов в шведское общество.

Структура языковых курсов построена таким образом, что существует несколько уровней (или ступеней) для тех иностранцев (invandrare), кто сам записался в муниципалитете по месту своего проживания на такие занятия по изучению шведского языка. Поступление на тот или иной уровень языковых курсов зависит от исходного уровня подготовки учащегося. И есть

важное условие — записываться на эти курсы необходимому лично самому желающему изучать язык. Запись и последующее зачисление на курсы по изучению шведского языка возможно при наличии личного идентификационного номера, который получают легально приехавшие в Швецию на минимальный срок 12 месяцев там же, в коммуне (муниципалитете), на территории которой проживает этот человек. Получить хотя бы первоначальные навыки разговорной речи и чтения после обучения на языковых курсах *Sfi* для иммигрантов в принципе необходимо точно так же, как и для всех остальных жителей страны — получить среднее образование в школе.

Система обучения иностранцев шведскому языку *Sfi* имеет 4 уровня, по завершении каждого этапа обучения проводится экзамен. Начальные уровни рассчитаны на тех, кто не знает латинского алфавита или вообще не умеет читать и писать, что нередко отмечается в настоящее время среди иммигрантов-беженцев, особенно из некоторых слаборазвитых стран Африки и Азии. Первоначальные занятия в случаях с неграмотными или малограмотными учащимися проводятся с помощью игровых или визуализирующих техник и практик. Впоследствии объяснения и обучение уже могут проходить на шведском языке. Начинать обучение можно с практически любого дня, также существует ежемесячное тестирование для определения уровня усвоения материала и возможности перевода обучающегося на следующий уровень.

При интенсивном четырехдневном посещении и успешном освоении учащимся материалов каждого уровня предполагается, что (в среднем) обучение на каждом уровне может проходить на протяжении 5–6 недель, а при необходимости — и более, в завершении, после каждого уровня обучения — учащиеся сдают заключительные тесты или экзамены. После успешного освоения начального этапа языковых курсов шведского языка желающие могут продолжать свое обучение. Но это, к сожалению, нечасто относится к тем мигрантам-беженцам, которые, получив документы на легальное пребывание в Швеции, живут только на социальное пособие, нигде не работая. Также надо отметить, что далеко не все иммигранты-беженцы, прибывшие в Швецию, и, особенно в последние годы, в период выросшего миграционного потока в целом, идут на курсы по изучению шведского языка *Sfi*. Зачастую они проживают в районах компактного расселения своих этнических диаспор и, находясь там, не испытывают практической потребности в овладении шведским языком. Всё общение в этнических анклавах происходит, как правило, на родном для них языке, и действуют привычные для них нормы и традиции страны исхода. Нередко женщины-мусульманки живут только на социальные пособия, нигде не работают, занимаются исключительно семейными и бытовыми делами. В таких случаях всё общение у них (повседневное, бытовое и языковое) происходит практически только в рамках своей диаспоры. В случаях, когда дети и под-

ростки из таких районов посещают шведскую общеобразовательную школу, они получают определенные начальные языковые познания и навыки. Но зачастую жизнь такой молодежи также проходит там же, где живут они сами и их семьи, их родственники и соплеменники.

Программа следующего уровня языкового обучения, доступного для иностранцев на языковых курсах *Sfi*, в целом уже соответствует школьным программам курса гимназического обучения. При желании учащиеся могут изучать язык в еще более полном объеме, что в перспективе позволит им после успешной сдачи заключительного экзамена претендовать на дальнейшее обучение в высших учебных заведениях. В случаях того, что учащиеся захотят лучше изучить шведский язык или, возможно, даже далее продолжать свое образование, существуют иные, более продвинутые программы обучения языку. Эти программы представляют собой следующие уровни обучения шведскому языку, так называемый Komvux, или можно идти учиться в общеобразовательные школы для взрослых, также бесплатные и доступные для людей всех возрастов. После успешного овладения программой изучения шведского языка на таком продвинутом уровне желающие уже могут идти учиться дальше. На уровне обучения Komvux программы более обширные и полные, изучаются все те же предметы и курсы, что изучают шведские школьники в гимназическом курсе (верхняя ступень школьного образования), учащиеся много читают и самостоятельно работают, в ходе дискуссий обсуждают все материалы, естественно, на шведском языке. На этих выпускных экзаменах уже проверяются знания по различным направлениям: чтение, письмо, разговорная речь и обсуждение прочитанной литературы. После завершения такого языкового обучения возможно изучать шведский далее — по продвинутому языковому курсу *Svenska som andraspråk* (шведский как второй язык). После успешного завершения этого курса можно продолжать обучение в высшем учебном заведении. Возможность бесплатно получить высшее образование существует в Швеции для всех граждан и легально проживающих «новых шведов».

Муниципальные (местные, коммунальные) органы власти осуществляют контроль за деятельностью школ, расположенных на «их» территории. Муниципальные общеобразовательные школы страны получают свое финансирование полностью из муниципальных финансовых средств. Аналогичный порядок и финансирования, и контроля со стороны местных властей происходит и по отношению к многочисленным языковым курсам (школам) для иностранцев *Sfi* (Svenska för invandrare). Существуют и иные школы, в которых могут обучаться дети иммигрантов («новых граждан»). Это могут быть различные так называемые «свободные школы» или школы, организуемые иными общинами и организациями, финансирование которых осуществляется лишь частично из средств муниципалитетов, а основное финансирование поступает от учредивших их общин и орга-

низаций. В программах свободных школ мусульманских общин большое внимание уделяется изучению основ ислама, арабского, а также шведского языков. В таких школах соблюдаются мусульманские традиции в отношении поста, молитв, еды и прочее. В некоторых школах даже были запрещены современная музыка и сексуальное образование молодежи [Плевако, Чернышева 2019: 232].

Иммигранты-выходцы из Ирана, Боснии и Турции, как правило, охотнее и чаще отдают своих детей учиться в шведские государственные муниципальные школы, справедливо считая, что такие школы, в которых совместно обучаются дети шведов и иммигрантов (invandrare) — самый быстрый путь для хорошего изучения языка и более быстрой интеграции в принимающее шведское общество. Но для того, чтобы дети из семей иммигрантов начали полноценно изучать шведский язык было необходимо, чтобы в семье ребенка существовало позитивное отношение к изучению языка и культуры нового, принявшего их общества.

Наибольшая заинтересованность в посещении конфессиональных мусульманских школ детьми из иммигрантских семей отмечается в национально-культурных общинах сомалийцев и арабов. Исследователи этнической и миграционной ситуации Швеции отмечают, что школьное обучение детей в таких мусульманских конфессиональных школах (а не в обычных шведских общеобразовательных школах), включая и обучение шведскому языку, в целом в определенной степени тормозит интеграцию иммигрантов в шведское общество [Ouis, Roald: 189]. Довести до обучающихся в таких конфессиональных школах детей понимание традиционных шведских демократических ценностей и общественных норм удается далеко не всегда и не в полной мере. Это, возможно, связано и с тем, что сами иммигранты, живущие в достаточно замкнутом мире своей этнической общины, имеют довольно ограниченные языковые и культурные контакты с внешним (по отношению к их диаспоре) шведским миром. Вместе с тем, шведские власти и всё шведское общество в целом признают необходимость сохранения иммигрантами своей культурной идентичности. Решение такой задачи видится преимущественно в осуществлении деятельности различных национальных культурных и общественных центров, воскресных школ и т. д.

Образовательная политика как часть социально-политической стратегии

Государственная политика в образовании (дошкольном, школьном, профессиональном, высшем) и, в том числе, в области изучения иностранцами шведского языка, является частью общей социально-политической стратегии и государственной семейной политики — familjepolitik (полити-

ка оказания поддержки семьям и детям). Образовательная политика, в том числе и в сфере языкового образования как для иностранцев, так и по миноритарным языкам, полностью находится в рамках провозглашаемой властями политики достижения равенства возможностей для всех граждан страны на рынке труда и гендерного паритета в обществе. Целью среднего образования является создание равных условий и возможностей для всей молодежи, независимо от происхождения, для получения ею профессиональных знаний и навыков, необходимых и достаточных для последующей трудовой жизни и полноценного участия на рынке труда.

Существует законодательно установленное равное право на образование, в том числе языковое, для всех детей и подростков, независимо от пола, места проживания, обстоятельств социально-экономического характера. Важное значение имеет то, каким образом дети иммигрантов обучаются шведскому языку. Практика совместного обучения в одних и тех же классах детей-шведов и детей-иммигрантов сложилась постепенно, далеко не сразу. Целые районы в пригородах нескольких крупных городов почти целиком заселены иммигрантами — это, в первую очередь, Стокгольм, Гётеборг, Мальме. Под Стокгольмом такие районы, как Фиттья, Тенста, Ринкебю, Готсунда и Гренбю — под Упсалой, есть такие районы в Мальме и Гётеборге. Поначалу набирали целые классы, состоящие целиком только из детей иммигрантов, и случалось, что для шведских детей выделялся отдельный класс. Однако в таких случаях дети иммигрантов практически изолировались от своих шведских сверстников. Очевидно, что это затрудняло интеграцию «новых граждан» в шведское общество.

Некоторая часть детей из иммигрантских семей, хотя и по разным причинам, но не заканчивает свое обучение в обязательной девятилетней школе, и бросает учебу, даже не получив обязательное среднее образование [Sv D. 17.3.2005]. В этих случаях такие молодые люди не получают не только достаточного, но хотя бы базового знания языка, не имеют никакой специальности для того, чтобы иметь возможность выйти на рынок труда и начать зарабатывать. Такие молодые люди, не имея необходимых профессиональных навыков, как правило, пополняют ряды неработающих (а не просто безработных) и живущих на социальное пособие. Нередко такая молодежь может начать заниматься противоправной деятельностью, в том числе в районах этнических анклавов, где совсем не требуется знание шведского языка и среднее образование [Цапенко, Гришин: 136; DN 20.06.2017; Сорокина 2020; Sweden police created].

На протяжении последних лет в шведском исследовательском и гражданском обществе всё громче звучат предложения, чтобы мигранты-беженцы, осевшие в Швеции и живущие на государственные социальные пособия, начали бы сами зарабатывать себе и своим семьям «на жизнь», что могло бы значительно уменьшить давление и на социальную систему

страны. Давление на экономику и социальные службы Швеции сильно возросло в связи с резким увеличением потока иммигрантов-беженцев в страну на протяжении последних 20 лет и, особенно, в 2015–2016 гг., в период острого миграционного кризиса. Довольно показательна следующая ситуация, зафиксированная несколько лет назад, когда только 2% из общего числа иммигрантов-беженцев, ожидающих рассмотрения шведскими миграционными службами своих запросов, имели работу и зарабатывали сами. И лишь 6% от общего числа прибывших иммигрантов-беженцев изредка участвовали в какой-либо «трудовой практике». Только пятая часть из числа вновь прибывших зарегистрированных иммигрантов-беженцев посещала языковые курсы *Sfi* (Svenska för invandrare) и изучала шведский язык [Refugee crisis..; sv.r. 25.02.2009; Carlson et al, 2012: 39].

Очевидно, что такая ситуация способствует развитию социальной пассивности и даже нежеланию «новых граждан» изучать шведский язык, искать какую-либо работу, а впоследствии обеспечивать себя самостоятельно, участвовать в общественной жизни. Понятно, что сложившаяся ситуация вызывает определенное недовольство шведов, на чьи налоги функционирует данная социальная система [Плевако 2008: 202].

В июле 2021 года было продлено и несколько усилено действие Закона о беженцах, по которому те, кто имеет работу и, таким образом, имеет возможность сам обеспечивать и содержать себя и свою семью, сможет остаться в Швеции и получить постоянный вид на жительство. В ином же случае иммигранты-беженцы, нигде не работающие, будут иметь возможность оставаться только в течение разрешенного трехлетнего срока на пребывание в стране, и по истечении этого срока им будет значительно сложнее оставаться, если они не знают шведского языка и не имеют работы. Также вводятся некоторые ограничения и на то, чтобы семьи иммигрантов-беженцев могли бы воссоединяться в нескольких разновозрастных поколениях (а не только прямые родственники) [sv.r. 20–7–2021].

Современная социокультурная и этническая ситуация в ряде крупных европейских стран имеет много схожих характеристик и проблем. Огромный приток, особенно во время острого миграционного кризиса 2015–2016 годов, иммигрантов-беженцев из самых проблемных и неразвитых регионов мира на протяжении последнего десятилетия имел достаточно ощутимые негативные последствия для социально-экономической ситуации этих стран. Швеция приняла, к примеру, только за период 2015–2016 годов, более 160 тыс. беженцев из различных неспокойных и тревожных регионов мира, обустроила их, включила в сферу действия социальной системы страны [Migration.Statistik]. Власти страны вместе с административными и муниципальными органами на местах проводят масштабную, сложную и серьезную, кропотливую работу по приему, оформлению и размещению вновь прибывающих иммигрантов, обеспечению их по-

требностей в повседневной жизни. Очевидно, что более успешной такая деятельность принимающей стороны может быть при условии активного содействия и самих иммигрантов процессу своего вхождения, интеграции в принимающее шведское общество.

Рынок труда и язык

Коротко остановимся на истории миграции применительно к Швеции. На протяжении долгого времени, еще в XIX и начале XX веков, Швеция, в те времена аграрная страна с населением, занимавшимся в основном сельскохозяйственным трудом, была страной достаточно интенсивной эмиграции. Как правило, шведы в то время выезжали в Северную Америку в поисках работы и лучшей жизни. Такое положение сохранялось вплоть до 1920-х годов, когда постепенно экономическое и промышленное развитие страны стало меняться и ускоряться, что, в свою очередь, стало требовать новых рабочих рук уже в самой Швеции.

После окончания Второй мировой войны Швеция, благодаря своему сильному промышленному и экономическому росту, стала страной с развитой промышленностью и производством, ускорилось в целом экономическое и промышленное развитие, окончательно сформировалась экономическая, финансовая и социальная структура страны. В условиях такой изменившейся ситуации появилась необходимость в расширении шведского рынка труда и привлечении уже на этот внутренний рынок новых рабочих рук. В конце 1940-х — в 1950-е годы проявилась проблема нехватки кадров, и власти Швеции открыли возможности для трудовой миграции всем желающим найти работу в стране. Во второй половине прошлого века и вплоть до начала 1970-х годов в Швецию в поисках работы приезжали, главным образом, жители соседних скандинавских стран, имеющие достаточно высокую профессиональную квалификацию и заинтересованные в скорейшем выходе на работу. Таким образом, в то время вопрос о целесообразности и необходимости изучения приезжими шведского языка не вставал остро, т. к. прибывающие трудовые мигранты были родом из соседних скандинавских стран и Финляндии, где существовали во многом схожие традиции, культура и языки. На первых этапах приема трудовых иммигрантов, в 1950–1960е годы, они составляли лишь незначительную часть населения страны и стремились, как правило, поскорее найти работу и интегрироваться в принимающее шведское общество.

В 1954 году страны Северной Европы заключили Соглашение о создании единого рынка труда для скандинавских стран и Финляндии (*Överenskommelse om gemensam nordisk arbetsmarknad*). Это Соглашение во многом упростило возможности для передвижения трудовых мигрантов внутри границ скандинавских стран, т. к. гражданам этих стран уже

не надо было получать разрешения на проживание или на работу. Трудовые мигранты из соседних стран, таким образом, могли беспрепятственно прибывать в Швецию практически до начала 1970-х годов. Несколько позднее, уже во второй половине 1970-х годов, когда экономическое развитие страны несколько замедлилось в связи с общемировыми экономическими трендами, была практически закрыта свободная трудовая миграция, т. к. рынок рабочей силы насытился.

На протяжении пары десятилетий, с конца 1970-х годов, в 1980-х и, особенно, в 1990-е годы, в мире усилились политические кризисы и катаклизмы, происходили различные военные потрясения и перевороты, отмечалась нестабильность политической ситуации в разных регионах мира. Такое общее негативное развитие событий в мире закономерно вело к многочисленным экономическим и гуманитарным потрясениям, что, в свою очередь, стимулировало рост и усиление миграционного потока. В это время актуализировался и сильно вырос новый и качественно иной миграционный поток в Швецию. Эти была уже не квалифицированная рабочая сила первой волны иммиграции, заинтересованная и нацеленная на работу, а настоящие беженцы от конкретной гуманитарной катастрофы в своих странах, иммигранты, зачастую из самых бедных и необразованных регионов мира. Они бежали из различных «горячих» стран и районов: из Южной и Восточной Европы (бывшей Югославии в первую очередь), стран Африки, Азии, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии.

Швеция на протяжении многих десятилетий принимала и обустраивала в стране значительное количество мигрантов. Еще в 1951 году Швеция подписала конвенцию ООН о правах беженцев, а позднее — и другие документы о правах беженцев, на основании которых осуществлялся прием в стране уже мигрантов-беженцев, которые первоначально прибывали из Уганды, Чили и ряда других стран. В связи с войнами в Африке и на Ближнем Востоке, в которых участвовали европейские страны и США, с 2015 года мир захлестнула волна африканских, ближневосточных и южноазиатских мигрантов-беженцев. Так, в 2014 году на территорию Евросоюза прибыло около 280 тысяч мигрантов. В 2015 году численность беженцев на территории Евросоюза уже достигла 2 млн. человек — беженцы из Сирии, Афганистана, Ирана, стран Центральной Азии, Африки, Пакистана, переживающих сильные политические катаклизмы. И обратим еще раз внимание на то, что этот поток иммигрантов-беженцев имел абсолютно иной качественный и количественный состав по сравнению с характером трудовой иммиграции в 1950-е-1970-е годы [Бутенко: 135].

Современное население Швеции составляет более 10,2 млн. человек. Жители страны, имеющие родителей иностранцев или сами родившиеся вне Швеции (их еще называют — граждане с иностранными корнями), составляют около четверти всего населения страны, или около 2,5 млн. че-

ловек, а треть населения страны имеет хотя бы одного из родителей, родившегося за границей [Sverige i siffror; Befolkningsstatistik]. Очевидно, что задачи интеграции таких «новых граждан», прибывших в последние годы, включают в себя немало различных важных компонентов, касающихся образования и интеграции в шведское общество и шведскую действительность. В числе наиважнейших задач — обучение вновь прибывших шведскому языку, приобщение таких людей к культурным традициям и общественно-политическим нормам шведской жизни [Леденева, Кононов: 137]. Волна массовой миграции 2015–2016 годов из стран Африки и Ближнего Востока привела многие страны Евросоюза к возрастанию в них социальной напряженности. Швеция тоже не стала исключением. Возросшая миграционная нагрузка не могла пройти незамеченной ни для общества, ни для социальных служб и в целом всей системы социального страхования и здравоохранения страны, ни для органов правопорядка. Помимо значительных финансовых затрат на прием и обустройство вновь прибывающих беженцев очень обострилась криминогенная ситуация. Отмечался рост преступлений против личности и расширение оборота наркотиков. Зачастую это происходило именно в районах преимущественного расселения мигрантов и в самых крупных ареалах расселения — Стокгольме, Мальме, Гётеборге [Sverige ar en oas for kriminella klaner..; Polischef skrev..]. Такое напряженное развитие событий способствовало тому, что властям всё чаще требовалось решать возникающие проблемы с вновь прибывавшими беженцами-мигрантами. В соответствии с существующими в Швеции законами, беженцы, которые легализовались, получали право и на воссоединение семей. И в таких случаях мигранты-беженцы, уже имевшие сами временный вид на жительство (ВПЖ) в Швеции, старались перевезти в Швецию всю свою семью. Безусловно, такое увеличение числа пользователей социальной системы страны ложилось новым бременем и на всю социально-экономическую структуру страны. Расселение вновь прибывающих продолжало происходить, как правило, в районах соответствующих этнических диаспор, которые таким образом вырастали численно и могли представлять своего рода анклавы на территории городов, где они были расположены. И нередко речь даже не шла об интеграции таких «новых граждан», об обучении их шведскому языку. В этом не было для них никакой необходимости, т. к. жизнь таких «новых граждан» зачастую проходила по знакомым нормам родины-страны исхода и в рамках проживания своей диаспоры.

Очевидно, что язык этнических меньшинств и сохраняемый иммигрантами-беженцами родной язык страны исхода оказывают довольно существенное влияние на формирование идентичности и менталитета его носителей. Языковые курсы *Sfi* дают возможность иностранцам и вновь прибывшим иммигрантам пройти хорошее обучение, освоить шведский

язык хотя бы в объеме, достаточном для понимания разговорной речи, возможности общения на бытовом уровне. Для более углубленного уровня изучения шведского языка иностранцы и иммигранты-«новые граждане», живущие в Швеции, имеют возможности осваивать более продвинутые программы, также бесплатные и доступные для людей самых разных возрастов.

Важным и определяющим условием успешной социализации и интеграции бывших иммигрантов-беженцев, а ныне — «новых граждан», в новом для них принимающем обществе, необходимым элементом улучшения качества и темпа их жизни на новом месте, в новой стране и в новом окружении, с новым укладом жизни является то, как и где они сами видят свое будущее, предполагают ли они остаться и прочно «осесть» в Швеции или собираются возвращаться на историческую родину. Не имея собственного желания остаться и постоянно жить в принявшей их стране, эти люди зачастую стремятся жить закрытыми, замкнутыми этническими группами, сохраняя все свои традиции и образ жизни, типичный для страны исхода. Даже если они начинают изучать шведский язык, то стараются это делать в минимальной степени, зачастую только лишь для того, чтобы иметь возможность продолжать получать социальные пособия. Поэтому ни они сами, ни их дети практически не владеют шведским языком в достаточной степени. Они обычно пассивны и в общественной жизни. Как правило, круг общения этих «новых граждан» и вся их жизнь в целом обычно проходит в рамках района проживания своей диаспоры.

Вместе с тем, существует и другая часть осевших в стране иммигрантов, которые стремятся как можно быстрее и лучше изучить шведский язык, культуру и традиции страны, получить профессиональные навыки и стать настоящими «новыми шведами», но при этом сохранить свою идентичность — собственную религию, культуру, национальные особенности [Плевако 2008: 175]. Сохранение культурной и языковой идентичности «новых граждан» признается в Швеции важной задачей. Однако наиболее оптимальное решение лежит, скорее всего, в плоскости активной деятельности различных национальных и культурных общественных центров, работе различных воскресных школ в диаспорах и т. д., но никак не замкнутого существования исключительно в рамках своей этнической диаспоры.

В связи с усилившимся в период кризиса 2015–2016 годов миграционным давлением на страну, вопросы о необходимости изучения иммигрантами-беженцами шведского языка актуализировались. Имеющийся опыт позволяет сделать вывод о том, что сохранение некоторых культурных норм, принятых в стране исхода иммигрантов, в целом не противоречит целям и задачам интеграции «новых граждан». На практике же существуют достаточно серьезные проблемы вхождения таких иммигрантов («новых граждан») в принимающее их шведское общество. Такая ситу-

ация связана с целым рядом причин, среди которых одна из важнейших — невозможность (в значительной степени по причине незнания шведского языка) и нежелание определенной части иммигрантов воспринимать уклад жизни и культурные нормы новой страны проживания. Объединяющие функции государственного — шведского — языка в рамках существующего сегодня и уже поликультурного общества становятся особенно востребованы. Интеграционная политика, проводимая в европейских странах, в том числе и в Швеции, подразумевает, что иммигранты, изучая языки и традиции, культурные нормы принявшей их страны, осваивают и новые для себя общественные понятия и ценности. Таким образом, они получают определенные навыки новой для себя повседневной жизни принимающего общества, что им должно облегчить процесс адаптации.

Вовлечение иммигрантов, проживающих в стране, в трудовые отношения на рынке, или, другими словами, стимулирование их выхода на работу и трудовой активности в условиях осуществляемой социальной политики практически безусловного доступа к социальным благам — достаточно серьезная задача для властей. У властей в последние годы появилось понимание того, что текущую ситуацию надо радикально изменять и всячески инициировать выход вновь прибывших иммигрантов на шведский рынок труда. Достаточно серьезным шагом в этом направлении является законодательная инициатива, предполагающая продление существующей практики для иммигрантов, подающих документы на получение вида на жительство или на получение шведского гражданства. При подаче документов эти «новые граждане» уже должны будут проходить и сдавать специальные тесты, чтобы доказать свое знание шведского языка, культуры и традиций принявшей их страны.

Иммигранты в возрасте от 16 до 66 лет также должны будут доказать свое владение шведским языком как в устной, так и в письменной форме. Для этого будет проводиться экзамен, состоящий из двух частей: одна часть — владение разговорным и письменным языком, и вторая часть экзамена — на знания о стране, ее культуре, истории. Предполагается, что изучение вновь прибывшими мигрантами шведского языка должно стать обязательным условием для получения ими государственных социальных пособий. Предполагается, что эти нововведения будут содействовать более успешной интеграции мигрантов в шведское общество, а также более активному их выходу на рынок труда. Шведские власти также рассчитывают, что, всячески стимулируя изучение «новыми гражданами» шведского языка, можно будет содействовать и более широкому привлечению женщин-иммигранток, которые традиционно не работают и занимаются только домом, на рынок труда.

На протяжении многих десятилетий, практически с самого начала широкого приема мигрантов-беженцев в 60-х-70-х годах прошлого века,

в Швеции действует практика полного и безусловного доступа всех вновь прибывших и легализованных иммигрантов к социальной системе страны, социальным благам и иным преференциям. Такая политика властей открывает для иммигрантов широкие возможности, что является, безусловно, важной составной частью успешного и комфортного пребывания иммигрантов в Швеции. Однако постепенно сами шведы стали всё чаще отмечать нередкие случаи социальной и трудовой пассивности, иждивенчества со стороны «новых граждан», которые живут только на социальные пособия и не собираются работать, чтобы самим обеспечивать себя и свои семьи. Стало очевидным, что необходимо каким-то образом всячески стимулировать выход таких переселенцев-иммигрантов на трудовой рынок страны, активнее включать их в сферу трудовых отношений — будь то социальная сфера и уход за пожилыми, сфера обслуживания или что-то иное. Новые граждане должны сами работать и зарабатывать, обеспечивая свое существование. Теперь власти всё активнее и энергичнее призывают иммигрантов к этому. Практически открыто стали говорить о развитии некоего «потребительского» отношения к принявшему обществу со стороны вновь прибывших. Важную роль в таком контексте играет то, как «новый швед» владеет языком принявшей его страны, как знает культуру, традиции.

И в 2021 году принято решение о том, что владение шведским языком и наличие работы будут иметь важное, практически определяющее, значение в случае, когда иммигранты захотят пригласить своих родственников по линии воссоединения семей. Прежде иммигранты по этой линии воссоединения семей прибывали в страну беспрепятственно и в значительных количествах. И, безусловно, языковая политика, направленная на то, чтобы вновь прибывшие овладевали шведским языком, является важной и необходимой составляющей общего процесса интеграции «новых граждан» в экономическую, политическую и социальную жизнь принявшей их страны — Швеции.

Языковая политика — часть общей шведской миграционной политики, направленной на достижение заявленных целей равенства возможностей для шведов и для «новых граждан», на скорейшую и более полную интеграцию последних в принявшее их общество. Такие задачи интеграции могут быть наиболее успешно осуществлены при условии активного и полного вовлечения таких «новых граждан» на рынок труда. Основная масса вновь прибывающих иммигрантов-беженцев или совсем не имеет никакого образования и профессиональных навыков, или может выполнять низкооплачиваемую неквалифицированную работу. Очевидно, что хорошее владение шведским языком, позволит «новым гражданам» занимать и более высокие профессиональные позиции и претендовать на более высокую заработную плату.

На протяжении последних тридцати с небольшим лет моноэтничный состав шведского населения сильно изменился и приобрел характер многокультурного общества. Около четверти населения не являются сами коренными шведами или таковыми были их родители. Это серьезный и важный аспект, оказывающий важное влияние на всю демографическую и социально-экономическую ситуацию страны, на культурный ландшафт в целом. Как пишет крупнейший современный исследователь Скандинавии Н. С. Плевако, в Швеции понятие мультикультурализма постепенно уходит, а приходит понимание «этнического и культурного многообразия» шведского общества [Плевако 2015]. И, безусловно, недостаточное образование беженцев и незнание ими культуры и языка принимающей страны препятствует интеграции в новое принимающее общество.

Шведский опыт демонстрирует, что довольно высокий уровень социальных и материальных возможностей для «новых шведов», с различными выплатами, но при отсутствии полноценной интеграции вновь прибывших (иммигрантов) в трудовой рынок и социальную систему имеет довольно неожиданные и даже, возможно, негативные последствия, может порождать в определенном смысле иждивенческие настроения. Так, эти люди далеко не всегда хотят работать и участвовать в трудовой системе принявшей их страны, они никак не стремятся интегрироваться в шведское общество и живут исключительно на получаемое пособие. Отмечается высокая безработица, в первую очередь среди иммигрантов, которые недостаточно (или совсем слабо) владеют шведским языком. И это является препятствием для успешной и полноценной интеграции вновь прибывших в принимающее общество и в трудовые структуры принявшей их страны.

Думается, что не ошибемся, если скажем, что миграционные потрясения, имевшие место на рубеже XX и в первые десятилетия XXI века, и связанные с этим сильнейшие подвижки и перемены, происходившие в крупнейших странах Европы, в том числе и в Швеции, имеют характер определяющих для глобальных изменений, происходящих в наши дни. Проходящие миграционные процессы и весь комплекс связанных с этим перемен имеют свои серьезные проявления в экономике, политике и в социальных новациях и трендах в самых различных странах. Опыт, приобретаемый в процессе работы по разрешению миграционных задач — бесценен, особенно на фоне международной нестабильности. Также на фоне международной экономической, политической, экологической нестабильности актуализируется тема взаимоотношений принимающего общества и вновь прибывших мигрантов. Чрезвычайно важное значение в контексте размышлений о роли и месте языка в процессе интеграции иммигрантов имеет вопрос о соблюдении определенного равновесия, баланса между тем, чтобы иммигранты, сохраняли свою культуру и язык, но в то же время

относились с должным уважением и пониманием к традициям и законам принимающего общества.

Цели и задачи изучения и овладения иммигрантами шведским языком имеют важное практическое значение как для успеха миграционной политики в целом, так и для дальнейшей позитивной интеграции в шведское общество различных групп иммигрантов. Особенно это относится к группам мигрантов-беженцев, которые прибыли из стран с низким экономическим уровнем и сами имеют очень низкий уровень образования (или вообще не имеют образования). Уровень образования важен для успеха интеграции иммигрантов в новом принимающем обществе, для тех, кто более образован легче и быстрее происходит процесс восприятия новой культуры и изучение чужого языка, приспособление к новым реалиям жизни. Особо подчеркнем, слабое, недостаточное знание шведского языка препятствует профессиональному росту и занятости.

Необходимость изучения языка страны нового пребывания для мигрантов — это очевидное требование для их успешной социализации в шведском обществе. Для успеха реализации миграционной политики в стране помимо финансирования хороших программ адаптации и обучения существует еще одно важное условие — это необходимость и обязательность наличия желания у самих иммигрантов, «новых граждан» заниматься общественными практиками, в том числе и изучать язык.

Источники и материалы

Власти Швеции — Власти Швеции. URL: https://regnum.ru/news/society/3195683.html (дата обращения: 1.02.2022).

Новую волну — Новую волну иммигрантов Швеция тоже выдержит // Radio Sweden Russian. URL: https://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=5945202 (дата обращения: 1.02.2022).

Befolkningsstatistik — Befolkningsstatistik … Befolkningsstatistik i sammandrag 1960–2018. URL: https://www.scb.se Befolkningsstatistik i sammandrag 1960–2019. https://www.scb.se/hitta-statistik/statistik-efter-amne/befolkning/befolkningens-sammansattning/befolkningsstatistik/pong/tabell-och-diagram/helarsstatistik–riket/befolkningsstatistik-i-sammandrag/ (дата обращения: 20.11.2019).

Charter-regional — Charter-regional… URL: https://www.coe.int/en/web/european-charter-regional-or-minority-languages/text-of-the-charter (дата обращения: 1.02.2022).

DN 20.06.2017 — Dagens nyheter. 20.06.2017 URL: https://www.dn.se (дата обращения: 1.02.2022).

Lag (2009:724) — Lag (2009:724) om nationella minoriteter och minoritetsspråk. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-

forfattningssamling/lag-2009724-om-nationella-minoriteter-och_sfs-2009–724 (Дата обращения: 1.02.2022).
Migration.Statistik — Migration.Statistik… URL: https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Statistik.html (дата обращения: 20.11.2020).
Minoritet — Minoritet. URL: https://www.minoritet.se/2101 (дата обращения: 1.02.2022).
Minorities — Minorities. URL: https://www.coe.int/en/web/minorities (дата обращения: 1.02.2022).
Polischef skrev — Polischef skrev att utländska tjuvar "inte hör hemma i Sverige" — anklagas för rasism. URL: https://nyheteridag.se/polischef-skrev-att-utlandska-tjuvar-inte-hor-hemma-i-sverige-anklagas-for-rasism (дата обращения: 21.11.2020).
Sveriges nationella minoriteter — Sveriges nationella minoriteter. Rapport 2011 // Nationella minoriteter. Rapport om tillämpningen av lagen om nationella minoriteter och minoritetsspråk år 2011. URL: https://www.minoritet.se/2101 (дата обращения: 1.02.2022).
Organisationsbidrag nationella — Organisationsbidrag nationella minoriteter. URL: https://www.lansstyrelsen.se/stockholm/samhalle/social-hallbarhet/manskliga-rattigheter-och-demokrati/nationella-minoriteter-och-minoritetssprak/organisationsbidrag-nationella-minoriteter.html (дата обращения: 1.02.2022).
Population — Population. URL: https://population-hub.com/ru/se/population-of-sweden.html (дата обращения: 1.02.2022).
RSKL, Aktuellt — RSKL, Aktuellt. URL: http://www.rskl.se/riksforbundet.html/ (дата обращения: 1.02.2022).
Refugee crisis not over — Refugee crisis not over. URL: https://www.svensktnaringsliv.se/english/refugee-crisis-not-over_639292.html. (дата обращения: 1.02.2022).
Romsk kraft 2011. — Romsk kraft! En inspirationsbok om vägar till utbildning ocharbete. Sthlm.
SCB — Statistiska centralbyrån (SCB). URL: https://www.scb.se (дата обращения: 15.10.2019).
Sweden minorities — Sweden minorities. URL: https://sweden.se/life/equality/swedens-national-minorities (дата обращения: 1.02.2022).
Språklag 2009 — Språklag (The Language Law). Swedish Government. 2009. Stockholm, Sweden. URL: http://62.95.69.3/SFSdoc/09/090600.pdf. (дата обращения: 1.02.2022).
Sverige i siffror — Sverige i siffror. URL: https://www.scb.se/hitta-statistik/sverige-i-siffror/manniskorna-i-sverige/sveriges-befolkning (дата обращения: 1.02.2022).

Sverige ar en oas — Sverige ar en oas for kriminella klaner. URL: https://www.svd.se/sverige-ar-en-oas-for-kriminella-klaner. (дата обращения: 07.09.2020).
Svd 17.3.2005 — Svenska Dagbladet. 17.3.2005. URL: www.svd.se Дата обращения: 1.02.2022.
Sv.r. 25.2.2009 — Sveriges radio sv.r. 25.02.2009. (дата обращения: 1.02.2022).
Sv.r. 20.7.2021 — Sveriges radio sv.r. 20.07.2021. URL: https://sverigesradio.se/artikel/ny-lag-for-uppehallstillstand-i-sverige?fbclid=IwAR2HT8h_daYN3DF7oGB_XNe1wDSQsxYSa9o5xno7fXYna31gs8GxbNtLKAw (дата обращения: 20.07.2021).
Sweden and migration — Sweden and migration. URL: https://sweden.se/migration (дата обращения: 1.02.2022).
Sweden police created — Sweden police created special task force to combat gang. URL: https://ru.euronews.com/2019/11/11/sweden-police-created-special-task-force-to-combat-gang-violence?utm_term=Autofeed&utm_medium=Social&utm_source=Facebook&fbclid=IwAR0dA7rgooXRp73jwryTFFpK1pm4n8yGhbENnt6QMDRpAq4n7bzPlT-6j80#Echobox=1573501455 (дата обращения: 11.11.2019).
SI 1940 — Sweden and Migration. Post war immigration. Swedish Institute (SI). URL: https://sweden.se/migration1940 (дата обращения: 01.02.2022).
Välfärdedens förutsättningar 2000 — Välfärdedens förutsättningar. Arbetsmarknad, demogragi och segregation. Stockholm. SOU 2000: 37

Научная литература

Бутенко В. А. 2020. «Гражданский поворот» в политике интеграции иммигрантов в Швеции. М.: PolitBook.
Горохов С. А., Агафошин М. М., Дмитриев Р. В. 2020. Сомалийцы в Швеции: региональное измерение // Современная Европа. № 7.
Ключникова М. В. 2014. Швеция: влияние политики мультикультурализма на государство всеобщего благосостояния // Современная Европа. № 2. С. 54–68.
Леденева В., Кононов Л. А. 2021. Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России. М.: РУДН.
Плевако Н. С. 2008. Политика иммиграции в Швеции как часть шведской идентичности и составляющая шведской модели // Шведы. Сущность и метаморфозы идентичности. М.: РГГУ.
Плевако Н. С. 2015. Шведская модель: прошлое и настоящее // Северная Европа: проблемы истории. Вып. 8. М.: Наука, 2015.

Плевако Н. С. 2016. Мигранты в Европе. Швеция // Современная Европа. № 2. С. 130–134.
Плевако Н. С., Чернышева О. В. 2019. Можно ли стать шведом? М.: URSS.
Сорокина Е. А. 2020. Миграционный кризис и его последствия в Швеции: некоторые реалии // Общество и культура. Научный альманах. 06.12.2020. URL: http://society-and-culture.ru/2020/12/06/e-a-сорокина-миграционный-кризис-и-его/. (дата обращения: 1.02.2022).
Цапенко И. П., Гришин И. В. 2018. Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма / Отв. ред. И. П. Цапенко, И. В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН. 233 с.
Borevi K. 2002. Väldfärdsstaten i det mångkulturella samhället. Uppsala.
Carlson B., Magnusson K., Rönnqvist S. 2012. Somalier på arbetsmarknaden — har Sverige något att lära? (Framtidskommissionen, underlagsrapport). № 2.
Kieliviesti, Suomi ja meånkieli Ruotsissa, 2011, № 1. URL: https://www.kjeljneuvosto.se (дата обращения: 1.02.2022).
Nationella minoriteter. Rättigheter och möligheter. Stockholm, 2011.
Det Nya Sverige. 2002. Stockholm.
Ouis P., Roald A. S. 2003. Muslim i Sverige. Stockholm.

Глава 4. ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ НА БАЛКАНАХ КАК РЕСУРС НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА

Один язык или несколько?

В данной главе речь пойдет об официальных языках, используемых населением четырех стран так называемых Западных Балкан: Боснии и Герцеговины, Сербии, Хорватии и Черногории. Точнее, не обо всех языках, а о тех, которые во времена СФРЮ составляли один (?) сербохорватский или хорватско-сербский язык. Как известно, Балканский регион тридцать лет назад стал ареной жесткой радикализации этнонациональных проектов, заставивших весь мир по-новому взглянуть на проблемы национализма, сепаратизма, экстремизма, терроризма и обеспечения прав меньшинств. Следствием кризиса стала перегруппировка населения на территории экс-Югославии по этническому принципу, в зонах конфликта практически не осталось районов со смешанным населением. Резко сократилось число межэтнических браков. Возросла численность южнославянской диаспоры за пределами Балкан. Изменилась государственная этнонациональная политика, в каждом из вновь созданных государств она имеет свои особенности, появились новые нюансы в осмыслении понимания идентичностей и локальных культур.

Как на это отреагировали языковые процессы? Какова роль не только объективных, но и субъективных факторов развития языка? Насколько язык является исторически заданным явлением и в какой степени — конструктом, результатом «социальной инженерии», идеологической работы с целью укрепления нации? Пример Балкан в этом отношении показателен. Здесь этнонационализм усиливается языковым компонентом. Все государства, образовавшиеся на обломках Югославии, избрали путь выработки собственных языковых стандартов и искусственного размежевания на основе исторического, диалектного принципов, с учетом региональных фольклорных и литературных традиций. Можно согласиться с мнением, что процесс распада СФРЮ начался с ожесточенных споров о языке/языках. Как пишет авторитетный боснийский и сербский лингвист Милан Шипка, события показали, что «язык всего лишь территория проявления

политических споров и манипуляций, а часто и инструмент этих манипуляций» [Шипка 2006: 11].

Несмотря на наличие определенных противоречивых тенденций, всё же можно сказать, что на протяжении почти всего XX века в бывшей Югославии государственный язык постепенно унифицировался под названием хорватско-сербский/сербско-хорватский (сербохорватский) язык. С начала 1990-х гг. под влиянием политических и как следствие культурных перемен на постъюгославском пространстве в этом языке стало появляться всё больше языковых различий. Сегодня он является надъязыковым койне[12]. В постъюгославских государствах названия официальных языков соответствуют названиям государств. Из одного языка создано четыре: боснийский (бошняцкий), сербский, хорватский и черногорский. Между литературными нормами боснийского, сербского, хорватского и черногорского языков разница намного меньше (все они основаны на штокавском диалекте), чем, например, между диалектами хорватского языка — кайкавским и чакавским.

Как отметил один из ведущих лингвистов Западных Балкан профессор Белградского университета, член Академии наук и художеств Европы Ранко Бугарски, «когда люди со средним образованием из Белграда, Загреба, Сараево и Подгорицы общаются между собой, они без проблем и сегодня понимают друг друга — так же, как в те времена, когда официально существовал общий сербскохорватский язык. То есть в обиходе, в нормальном общении сербскохорватский язык пережил и войну, и искусственное размежевание, и „лингвистический инжиниринг“» [см., напр.: Bugarski 2001; Bugarski, Hawkesworth 2004 и др.]. Если же рассматривать политически-символический уровень, то сербскохорватского языка больше нет.

Но даже те, кто не возражает против этого, причем не только носители языка, но и профессионалы, осознают языковую общность ареала. Не случайно они стали употреблять для его обозначения термин BCXS — по первым буквам названий языков. С 2000 г. Международная организация по стандартизации — International organization for Standartization (англ. ISO, рус. ИСО) признает сербохорватский язык в качестве макроязыка и применяет для него идентификатор HBS по первым буквам языков хорватского (H), боснийского (B) и сербского (S), которые входят в него в качестве «отдельных» языков. В декабре 2017 г. список был дополнен черногорским языком (cnr). Предшествующие идентификационные коды языков

---

12 Функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов (этнолектов) или языков. Койне развивается, как правило, по линии сохранения и обогащения языка или диалекта, становящегося койне. Койне чаще всего (хоть и не всегда) складывается на базе диалектов одного языка или на базе близкородственных языков.

сербского, хорватского, боснийского были удалены из стандарта [Codes for Representation]. В качестве примера применения объединительной терминологии на практике можно, в частности, привести ее активное использование на Первом боснийско-герцеговинском славистическом конгрессе, проходившем в Сараево в 2013 г.

Как считают лингвисты, основываясь на концепции аусбау-парадигмы, в начале XXI века сербский, хорватский, боснийский и черногорский языки превращаются в отдельные *аусбау-языки*, оставаясь одним *абштанд-языком*. Ранее, в XX веке, единый сербохорватский язык был одним *аусбау-языком.* Имеется в виду, что аусбау — функционально полноценный язык, имеющий собственный письменный стандарт и часто определенный официальный статус. Абштанд — имеет настолько сильные структурные отличия, что может считаться отдельным языком[13].

В 2017 г. после продолжительных дебатов, в которых принимали участие специалисты из четырех заинтересованных стран, свет увидела так называемая «Декларация об общем языке» (*Deklaracija o zajedničkom jeziku / Декларација о заједничком језику*). Более 200 лингвистов, писателей, публицистов, журналистов и общественных деятелей подписали документ, согласно которому жители Боснии и Герцеговины, Сербии, Хорватии и Черногории говорят на «общем полицентричном стандартном языке». Было отмечено, что язык является лишь средством коммуникации и не должен использоваться в политической борьбе [Jezici 2017]. Декларация стала итогом работы по проекту «Язык и национализмы». Бурная реакция, как позитивная, так и преимущественно критическая, после ее опубликования последовала в каждой из стран.

Вместе с тем, становится всё более очевидным, что начавшаяся в последнее десятилетие XX века новая полицентричная история языковых процессов на Балканах не является всего лишь формальным фактом изменения названий имеющегося языкового стандарта каждым из вновь созданных государств. Происходящие преобразования имеют значительно более значимые и глубокие последствия, поскольку речь идет, как уже было сказано, о выработке собственных языковых стандартов в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Черногории и Сербии.

Важно отметить, что ни один из предшествующих вариантов стандарта сербскохорватского языка не был этнически гомогенным. Специалисты придерживаются мнения, что все они являлись языковым отражением социокультурных сред, в силу исторических факторов, имевших отличия в культуре и составе населения, но в большей или меньшей степени эт-

[13] В основу концепции аусбау-парадигмы, разработанной немецкими социолингвистами, заложена мысль о том, что существует два набора критериев, которые возможно использовать для различения языка и диалекта: один основан на этносоциальных функциях, другой — на объективных структурных особенностях языка. См.: Kloss 1967; Trudgill 2004.

нически неоднородных [Brozović, Ilić 1988: 103; Шипка 2006: 108]. Новые языковые стандарты, с этим нельзя не согласиться, функционируют в соответствии с этнонационалистическими моделями языковых политик и используются (помимо своего коммуникационного предназначения) как инструменты самовыражения культурной самобытности отдельных этнических групп.

Лингвистическая точка зрения и исторические диалекты

Данное исследование проводится, как уже было сказано, с позиций социальной антропологии. Вместе с тем, чтобы лучше понять суть вопроса, необходимо привести краткие сведения лингвистического характера. Литературные языки, на которых говорят сербы, хорваты, бошняки и черногорцы, в основе своей имеют новоштокавский диалект. В то же время язык на территории расселения этих народов исторически никогда не был един и унифицирован. Он имел и имеет локальные варианты, целый ряд субстратов сложной композиции, называемых наречиями, диалектами, идиомами. Так, сербскохорватский диалектный континуум включает в себя три наречия или диалекта: штокавское (самоназв. *штокавско наречје*/*štokavsko narječje, štokavština, štokavica*), кайкавское (самоназв. *kajkavsko narječje*, *kajkavština*, *kajkavica)* и чакавское (самоназв. *čakavsko narječje*, *čakavica*, *čakavština*), каждое из которых по сути является самостоятельным языком, но кодифицирован (имеет стандарт) только штокавский язык. Иногда выделяется как отдельное еще и торлакское наречие, в котором заметно некоторое сходство с македонским и болгарским языками. Названия наречий основываются на разнице употребления слова *что*: в штокавском это *šta/шта*, в кайкавском — *kaj*, в чакавском — *ča*. Кроме того, языковое разнообразие добавляется еще за счет того, что в одних и тех же словах по-разному произносится старославянское ѣ (*ять)*: в сербском стандарте *экавское* произношение (ѣ = «э»), литературная хорватская норма имеет *иекавское* произношение (ѣ = «е» или «ие»), а у некоторых хорватов и боснийцев также *икавское* произношение (ѣ = «и»). Дихотомия проявляется также в использовании для письма кириллицы и латиницы.

В свою очередь штокавское наречие подразделяется на 8 диалектов, которые сгруппированы в две большие группы: староштокавские и новоштокавские диалекты. Староштокавские диалекты — это торлакский (юго-восточная Сербия, экавское произношение), славонский (Хорватия — в отдельных областях Славонии, преобладает икавское произношение, есть и смешанное), восточно-боснийский (центральная Босния — Сараево, Тузла, Зеница, преобладает иекавское, есть и смешанное), зета-южносанджакский (восточная часть Черногории и сербский Санджак, преобладает иекавское произношение, есть и смешанное), косово-ресавский (юг Сер-

бии, северная и западная часть Косово, окрестности Смедерево, преимущественно экавское произношение). Считается, что староштокавские диалекты сформировались к середине XV века на основе протоштокавского языка, зародившегося в XII веке.

Появление новоштокавских диалектов специалисты связывают с многочисленными миграциями населения Балкан в период Османской империи, которые были особенно сильны в XVI–XVIII веках. Это шумадинско-воеводинский (Воеводина, северо-западная Сербия, Белград, экавское произношение), боснийско-далматинский (Далмация, Лика в Хорватии, западная Босния, икавское произношение), восточно-герцеговинский (западная Сербия, западная Черногория, центральная Хорватия, Дубровник, иекавское произношение) диалекты. Поскольку наиболее активными были миграции из восточной Герцеговины, восточно-герцеговинский диалект сегодня является наиболее распространенным. На нем основаны литературный хорватский и боснийский языки. Современный литературный сербский язык базируется на экавском шумадинско-воеводинском диалекте. В литературной норме черногорского языка сочетаются элементы восточно-герцеговинского и зета-южносанджакского элементов. Т.о. очевидна диалектная пестрота региона, фрагментарность распространения диалектов, а также и то, что границы их употребления не совпадают с границами расселения представителей тех или иных южнославянских народов [см., например, Кречмер, Невекловский 2005].

Отметим, что помимо штокавского, два других наречия — чакавское и кайкавское — ныне считаются частью хорватского языка, т. к. распространены только среди хорватов. На чакавском наречии в прошлом говорили жители далматинских и кварнерских островов, некоторых районов полуострова Истрия, части исторических областей Лика и Горски Котар. До миграций населения во времена Османской империи чакавцы занимали гораздо большую территорию, это был язык всех жителей побережья Адриатики, Лики, юга полуострова Истрия, возможно, он был распространен и в других регионах. Однако начиная с XV века чакавское население стало редеть, во многих районах (Лика, побережье Адриатики) его остатки были ассимилированы штокавским населением, которое приходило в опустошенные края. Чакавский язык прошел длительный путь развития. Уже в XIII в. предпринимались попытки создания литературного языка на его основе, в XVI в. чакавская литература переживала период своего наивысшего расцвета, тогда как в последующие века чакавщина всё больше вытеснялась, хотя и была разговорным языком еще в XIX в. [Мартынова 1988: 34–35; Peko 1978: 139; Hraste 1929: 525].

Чакавское наречие частично сохранилось только вдоль Адриатического побережья, на полуострове Истрия и на островах. Есть несколько небольших чакавских анклавов в континентальной Хорватии (в областях

Лика, Горски Котар и Жумберак). Этот так называемый старохорватский язык насыщен архаической лексикой. Он не един, имеет шесть диалектов (бузетский, юго-западный истрийский, северный чакавский, центральный чакавский, южный чакавский и юго-восточный чакавский), причем произношение часто иекавское (хорватская литературная норма), в южном варианте и на юго-западе Истрии — икавское. Помимо Хорватии на чакавском наречии говорит хорватская диаспора в Австрии. Потомки беженцев времен Османской империи, переселившихся сюда в XVI–XVII вв., унаследовали говор своих предков. Поскольку большинство австрийских хорватов (ок. 60 000 чел.) проживает в федеральной земле Бургенланд (хорв. Градишче, Gradišće), их идиом называют градишчанско-хорватским (gradiščansko-hrvatski jezik). Здесь он является официально признанным языком меньшинства [на русск. яз. см. подробно Тяпко 2006].

Кайкавское наречие сохранилось на северо-западе Хорватии, в пограничных со Словенией областях (Хорватское Загорье). Подобно чакавскому, кайкавское наречие до прихода османов занимало более обширные территории и было также распространено в окрестностях Загреба, в области Славония (историческая область на востоке Хорватии, между реками Савой, Дравой и Дунаем, не путать со Словенией), о чем свидетельствуют данные топонимики [Мартынова 1988, Hraste 1929: 508]. Границы его употребления к XIX веку охватывали также северные районы расселения хорватов на полуострове Истрия. На основе кайкавщины в Средние века шло формирование литературного языка, в XVI–XVII вв. на нем создавалось множество литературных произведений. К тому периоду относится творчество Ивана Пергошича, Антуана Врамеца и др. На рубеже XVIII–XIX в. особенно прославились авторы из Загреба (Титуш Брезовачки, Штефан Загребец и др.), которые писали на загребском варианте кайкавского языка.

Единая форма кайкавского языка во времена его расцвета так и не сложилась. В кайкавском наречии исследователи выделяют 6 диалектов или говоров: загорско-меджумурские (zagorsko-međimurski dijalekt), туропольско-посавские (turopoljsko-posavski dijalekt), крижевицко-подравские (križevačko-podravski dijalekt), пригорские говоры (prigorski dijalekt), нижнесутлинские говоры (donjosutlanski dijalekt), горанские говоры (goranski dijalekt) [Брозович 1988]. По вопросу происхождения кайкавского наречия высказывались различные точки зрения, т. к. он обнаруживает большое сходство со словенским языком. Некоторые исследователи считали, что кайкавский диалект в основе своей словенский язык (Й. Копитар, Ф. Миклошич, В. Облак, М. Мурко, Т. Маретич и др.), который под влиянием политических событий принял штокавские черты [Stanojevic 1929: 194]. Другие же ученые (П. Й. Шафарик, В. М. Флоринский, М. Решетар, В. Родич, А. Белич) придерживались мнения, что кайкавский диа-

лект в своей основе сербскохорватский, находясь в тесном контакте со словенским языком, испытал его влияние [Belić 1927: 222].

Собственно, кайкавское (загорское) и чакавское наречия, которые ранее охватывали более широкий ареал, и есть исконно хорватские. Проникновение штокавского наречия, как уже было сказано, на территорию нынешней Хорватии связано с многочисленными миграциями населения в период Османской империи. Но хотя чакавское и кайкавское наречия и были оттеснены во второй половине XIX — начале XX вв. на «периферию культуры» [Толстой 1981: 134], после 1945 г. они вновь возродились и обогатили хорватскую литературу, особенно поэзию, замечательными произведениями. В независимой Хорватии можно наблюдать ренессанс кайкавщины и чакавщины и придание им статуса самостоятельных языков или идиом.

Таким образом, анализируя современный процесс расслоения языка и выработки нескольких литературных стандартов в постъюгославских государствах, нельзя сбрасывать со счетов и наличие целого ряда объективных условий для этого. Среди них — живучесть диалектных отличий на *штокавском* языковом пространстве, формирование нескольких языковых стандартов в прошлом и тот факт, что сербскохорватский язык, как единый идиом, несмотря на многие двухвековые попытки это сделать, так и не был создан.

Балканские языковые процессы в историческом ракурсе

Социолингвистические показатели демонстрируют важную роль лингвистической политики как компонента направления межэтнических отношений на Балканах. Здесь языковой вопрос рассматривался как один из ключевых при выработке концепции гармоничного сосуществования и в различные периоды решался по-разному. Напомню, что еще задолго до возникновения первой Югославии, 28 мая 1850 г. в Вене, крупнейшие сербские, хорватские и словенские ученые подписали так называемое *Литературное соглашение*. Его авторы выступали против смешения различных наречий и признавали наиболее целесообразным пользоваться только одним из них. В Хорватии борьба за создание единого языка в то время была связана с движением хорватского иллиризма, во главе которого стояли Людевит Гай, Иван Мажуранич и Станко Враз. Интересно, что Л. Гай был кайкавцем, И. Мажуранич — чакавцем[14], С. Враз — словенцем. Во второй половине XIX в. произошла дополнительная кодификация сербохорватского языка на базе стандарта Вука Караджича. Параллельно существовали, хотя в более ограниченном масштабе, и другие литературные нормы на базе диалектов этой зоны. Лингвистическая ситуация в первые

[14] Диалекты (или наречия) хорватского языка.

годы существования Югославии отражала централистскую концепцию устройства государства.

После Второй мировой войны в стране интенсивно шли процессы политической, экономической и культурной интеграции. Всё это нашло отражение и в языковой политике. Югославии, население которой говорило на нескольких языках, требовался общегосударственный язык — язык управления, армии, внешних связей и т. д. Логично, что им мог стать язык, понятный значительной части населения. Этот язык, который тогда называли сербскохорватским или хорватскосербским, имея равные юридические права со словенским и македонским, превосходил их по распространенности. Подобно тому, как это происходит в других странах, представители иноязычных этнических групп были двуязычны.

В 1954 г. в городе *Нови Сад* состоялось совещание, принявшее *Резолюцию*, которую подписали 25 литераторов и лингвистов (из Хорватии — 7, из Сербии — 15, из Боснии и Герцеговины — 3), а также 64 деятеля культуры и искусства (Багдасаров 2004; Dogovor o jeziku 1989). Она провозглашала, что сербы, хорваты и черногорцы говорят на одном языке (хотя и имеющем две нормы произношения — экавскую и иекавскую — и два алфавита — кириллицу и латиницу)[15]. Название языка сохраняло двучастность (српскохрватски/hrvatskosrpski), но ставилась задача выработки единых правил правописания, которые после продолжительной работы были опубликованы в 1960 г. одновременно в Загребе и Нови Саде. Конституция 1963 г. закрепила название нового лингвонима — сербскохорватский/хорватскосербский язык [Конституция СФРЮ 1966: 94–95].

Нужно сказать, что специалисты различают понятия «стандартный» и «официальный» язык. Применительно к данному языку его стандарт связывается обычно с с Венским договором 1850 г., а официальный статус — с Новисадской резолюцией 1954 г. Это, например, отмечал в своих трудах сербский социолингвист Р. Бугарски [Bugarski 2012: 16–17]. Для лучшего понимания современной ситуации показательна эволюция вариантов названий языка, на котором говорят четыре южнославянских народа: хорваты, сербы, черногорцы и бошняки. В Конституциях республик 1946 г. в пределах этого лингвистического региона официальными были следующие языки: «сербский» и «хорватский» в Боснии и Герцеговине, «сербский», «хорватский» и языки народностей в Сербии, «хорватский» или «сербский» в Хорватии, «сербский» в Черногории. С принятием Конституций 1963 г. язык стал называться «сербохорватским» в Конституци-

[15] Кириллица появилась на Балканах свыше тысячи лет назад. Ее современную форму — вуковицу (по имени лингвиста Вука Караджича) — стали использовать с 1818 г. Через семнадцать лет после этого ввели латиницу, известную как гаевица (по имени создателя грамматики хорватского языка и алфавита, базирующегося на латинице с дополнительными надстрочными знаками, хорвата Людевита Гая).

ях Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории и «хорватскосербским» в Конституции Хорватии. Согласно Конституциям 1974 г. в Сербии говорили на «сербо-хорватском», в Боснии и Герцеговине на «сербо-хорватском» или «хорватско-сербском». В Хорватии официально использовался «хорватский литературный язык — стандартная форма национального языка хорватов и сербов, живущих в Хорватии, который называется хорватским или сербским». Конституция Черногории вообще не упоминала официальный язык.

Следует отметить, что использование в политических целях, в том числе и для выяснения межэтнических отношений, различных лингвистических проблем постепенно стало традицией в СФРЮ. В частности, одной из такого рода акций еще в конце 1960-х гг. явилась так называемая *Декларация о названии и статусе хорватского литературного языка*, подписанная 16 марта 1967 г. от имени 140 хорватских интеллигентов и 18 хорватских научных и культурных центров. Недовольство хорватской интеллигенции вызывали попытки унифицировать литературный язык с преобладанием сербской лексики и норм произношения. Опасение, что их язык подвергнется ассимиляции со стороны сербского, привело к тому, что интеллектуалы выступили с протестом. Они требовали равноправия не трех, а четырех языков: словенского, хорватского, сербского и македонского, а также права использовать хорватский язык во всех органах власти в Хорватии. В этой Декларации подчеркивалось отличие хорватского литературного языка от сербского, поэтому культурное учреждение Хорватии «Матица хорватская» («Matica hrvatska») не стало завершать «Большой сербскохорватский словарь», выпуск которого готовился совместно с «Матицей сербской» («Матица српска»). Подоплека этого документа имела политический характер: Декларация не была направлена на сближение хорватов и сербов, цель ее была совершенно противоположной. Этот документ, встретивший активное сопротивление в Белграде, прекратил политику языкового объединения. Вышеописанные события вошли в историю под названием *Хорватская весна*.

Сразу после появления Декларации сорок два сербских писателя на своем Годовом собрании подписали так называемые *Предложения для размышления* (опубликованы в газете «Борба» 3 апреля 1967 г. [Предлози за размишљање 1967], в которых предлагали считать Венское и Нови-Садское соглашения о языке, направленные на его единство, утратившими силу, а сербский и хорватский языки должны были развиваться впредь независимо друг от друга. Кстати, еще в 1965 г. на съезде славистов в Сараево хорватские лингвисты выступили с критикой преобладания в языке населения БиГ сербской лексики за счет вытеснения хорватской. В то время стремление разделить языки было оценено как националистическое

действие и подавлено политическими мерами. Однако в конце 1980-х гг. споры по этому вопросу вспыхнули с новой силой.

Весной 1986 г. в Загребе состоялось совещание Президиумов центральных партийных комитетов республик СФРЮ с участием языковедов. Была принята так называемая *Резолюция Загребского соглашения*, в которой характеризовалась языковая ситуация в стране и намечались пути преодоления напряженности в этом вопросе. Однако переговоры на высшем уровне не помогли урегулировать ситуацию. Бурное обсуждение вызвал вопрос о внесении поправки в статью Конституции Хорватии, касавшейся названия официального языка. Дело дошло до того, что Конституционный суд СФРЮ в 1988 г. вынес заключение о неконституционности Ст. 1 Конституции Хорватии. Статья гласила, что в Хорватии используется «хорватский литературный язык — стандартная форма народного языка хорватов и сербов в Хорватии, который называется хорватский или сербский». Была предложена поправка, согласно которой в «СР Хорватии официально употребляется хорватский или сербский язык, стандартная форма народного языка хорватов и сербов в Хорватии, который называется и хорватским литературным языком, а также литературным языком сербов в Хорватии» [Арсенић 1989а]. После двухлетнего публичного обсуждения вопроса о названии языка его двучленное название всё-таки не было принято[16]. Произошедшее в Хорватии разделение сербскохорватского (хорватско-сербского) языка на сербский и хорватский и официальное признание лишь хорватского языка вызвало в то время негативную реакцию, особенно резкой она была в среде сербов, проживающих в Хорватии. В июле 1990 г. Сербская демократическая партия обратилась в Конституционный суд Югославии, а также в Скупщину СФРЮ, Союзное исполнительное Вече, Сабор СР Хорватии и его конституционную комиссию, выступая за единство сербского и хорватского языков и требуя изменить статью Конституции Хорватии, в которой зафиксировано, что «хорватский литературный язык является языком и сербов в Хорватии» [Четник 1990].

Что касается Боснии и Герцеговины, то в силу смешанного этнического состава населения республика долгое время была заинтересована занимать нейтральную позицию в сербско-хорватских языковых спорах. В то же время с конца 60-х годов XX века и здесь начала постепенно формироваться автономная языковая политика. Сначала на лингвистические проблемы обратили внимание ученые-филологи. В 1970 г. состоялся научный симпозиум, посвященный вопросам языковой толерантности. В его резолюции говорилось о необходимости разрешить жителям республики полную свободу выбора языкового поведения, о важности равноправия кириллицы и латиницы, о возможности употребления иекавского произноше-

[16] Хронологию событий см., напр.: Košić 1989 (ежедневные публикации в разделе *Publicistika*).

ния и региональной (диалектной) лексики в преподавании. Эти инициативы были взяты на вооружение общественно-политическими организациями, подготовившими еще в 1971 г. документ под названием «Литературный язык и литературно-языковая политика в Боснии и Герцеговине» (*Književni jezik i književnojezička politika u Bosni i Hercegovini*). Данный документ в свою очередь стал основополагающим в выработке подходов к языковым вопросам на долгие годы. В 1973 г. в Сараево был создан Институт языка (*Institut za jezik*), благодаря деятельности которого языковая политика в республике получила научную основу. С нарастанием кризиса в югославских межреспубликанских отношениях на страницах ежедневной газеты «Освобождение» («*Oslobođenje*») развернулась полемика по поводу названия боснийского языкового стандарта, и в ходе анкетного опроса, проведенного в начале 1991 г., читателями было высказано пожелание, чтобы наряду с литературным вариантом языка были признаны и местные лексические и фонологические вариации, отражающие боснийскую языковую действительность [Šipka 2001: 35–36; Baotić 2005: 339–386; Halilović 2014: 125].

Политизировались лингвистические вопросы и в других регионах Югославии. В частности, в Черногории в 1990-е годы вспыхнула борьба за чистоту «национального», как его тогда называли, языка, сопровождавшаяся известной долей агрессивности по отношению к другим. Иногда в подходе к языкам побеждала так называемая «объединительная» тенденция: был, например, поднят вопрос об «объединении южного албанского и северного албанского языков».

Недовольство словенцев и македонцев вызывало то обстоятельство, что, несмотря на официальное равенство языков всех народов Югославии, сербско-хорватский, или хорватско-сербский язык, на котором говорило большинство населения (согласно переписи населения 1981 г. — 73% жителей СФРЮ), стал доминировать в официальном общении, в средствах массовой информации и т. д. Функции словенского и македонского языков сокращались не только на федеральном уровне, но и на территориях соответствующих республик. У ряда словенцев, а вслед за ними и македонцев, вызывало недовольство то, что названия государственных учреждений писались на двух языках, инструкции к товарам, титры фильмов и т. д. были на сербскохорватском. Сербскохорватский язык был обязательным предметом в школах на всей территории страны, тогда как словенский и македонский не изучались даже факультативно в сербскохорватском лингвистическом ареале. В начале 1970-х гг. словенцы добились включения в школьные программы приграничных городов своего языка.

Все эти действия вызывали весьма неоднозначную реакцию в стране. Кое-кто считал их просто излишними, а распространение сербскохорватского языка — объективной необходимостью, другие же расценивали как демонстрацию сепаратистских настроений.

Тем не менее, и Македония еще в составе Югославии присоединилась к словенским попыткам повысить статус своего языка. Дискуссии привели к тому, что Поправки к Конституции страны 1960-х годов, а также Конституция 1974 г. еще раз урегулировали отношения между языками народов Югославии — сербско-хорватским, словенским и македонским, и провозгласили их равенство. Албанский и венгерский языки также сохраняли свои функции. В СФРЮ провозглашалось гарантированное Конституцией равноправие народов и народностей страны в самых различных его проявлениях, в том числе и в области языка и письменности (статьи 245, 246). Словенская Конституция 1974 г. обозначила словенский язык как служебный на своей территории (в том числе в этнически смешанных регионах, населенных итальянцами и венграми) и лишила сербскохорватский язык положения языка общения в республике.

К сожалению, непонимание и конфликты между различными сторонами не только продолжались после 1974 г., но и обострялись. В средство выяснения отношений между народами превратились многие, казалось бы, чисто лингвистические проблемы. Такое явление наблюдалось, например, с письменностью на кириллице, которой пользовались сербы, черногорцы, македонцы, частично — бошняки. Следует отметить, что в последние десятилетия СФРЮ в сфере служебной переписки и документации в Сербии, так же, как и в других республиках, написание латинским шрифтом было распространено довольно широко. В этой связи и в периодической печати, и в научной литературе появился целый ряд публикаций о письменности на латинице и кириллице. Здесь не место оценивать взгляды различных авторов, выступавших «за» и «против» использования той или иной письменности у народов, для которых кириллица была традиционной, в частности, вопрос о том, какая из них больше соответствует фонетическим особенностям языка. Однако очевидно, что недопустимы те крайности, к которым нередко прибегали сторонники латиницы или кириллицы, когда первые, например, объявляли употребление кириллицы одним из проявлений великосербского национализма, а вторые призывали к полному отказу от латинской письменности и письму только на кириллице, считая ее определенным символом сербской культуры и не учитывая, что она, с некоторыми изменениями, распространена и среди других народов. При этом вопрос о целесообразности применения той или иной письменности, ее распространенности и т. п. вышел за рамки научной дискуссии и использовался как один из аргументов в политической борьбе. В частности, сербские националисты достаточно широко пропагандировали тезис об ущемлении права пользоваться письменностью на кириллице и подавлении ее латиницей как одном из показателей неравноправного положения в СФРЮ сербской культуры в целом [Лукић 1989; Павловић 1989; Пејин 1989].

В последние годы существования СФРЮ в периодической печати нередко появлялись сообщения, свидетельствовавшие о несоблюдении местными чиновниками положений Конституции о равноправии языков. В частности, на пограничных пунктах Словении с Австрией были случаи, когда служащие таможни и отделений банка отказывались принимать или принимали после долгих и унизительных препирательств чеки для уплаты таможенного сбора только потому, что они были заполнены кириллицей, а не латиницей (в Словении пользуются письменностью на латинице). Такие поступки имели место по отношению к жителям Сербии, Македонии и др. [см.: Вујић 1989; Цебаловић 1989; *М.К.* 1989 и др.].

В Хорватии и Словении в то время нередко в типографиях отказывались печатать продукцию на кириллице, хотя в республиках существовала полиграфическая база, позволявшая выпускать такую продукцию, причем достаточно высокого качества. В частности, была сорвана попытка напечатать плакаты на кириллице, приуроченные к созданию Сербского культурного общества «Саво Мркаль» в Кордуне и Бании (Хорватия) [Дмитровић 1990]. К концу 1980-х гг. выпуск печатных изданий на кириллице в этих республиках почти полностью прекратился. В ряде школ Хорватии учителя не хотели обучать детей письменности на кириллице, ссылаясь при этом на их нежелание. Учебники на кириллице не являлись обязательными даже в тех местностях, где в школах учились в основном сербские дети [Арсенић 1989б].

В хорватском городе Сплите и его окрестностях, где проживало около 40 тысяч сербов, практически невозможно было заказать на кириллице надпись на надгробном памятнике — ее или писали латиницей, или заказывали в г. Книн — в 100 км от Сплита [Кашуба, Мартынова 1995; ПМА]. Так проявлялось недружелюбное отношение к лицам другой национальности. Что касается этнических меньшинств («народностей» по югославской терминологии), то их языки имели статус официальных или, в крайнем случае, равных на территориях распространения. С другой стороны, языковая политика общественного и индивидуального билингвизма поощрялась как необходимое условие общения, поскольку языки малочисленных этнических сообществ не могли быть включены во все сферы общения по демографическим и экономическим причинам. Эта практика подвергалась сомнению в регионах концентрации крупных этнических общин. В частности, наиболее активно этому сопротивлялись албанцы.

Современные языковые стратегии

Хорватия. В каждой из стран Западных Балкан немало сделано для размежевания языков. Появление языковых различий не происходило спонтанно. Процесс шел при определенных усилиях национальных элит, которые поставили цель увеличить языковую дистанцию. Процесс инжинирин-

га языка начала Хорватия, и именно она наиболее последовательно из всех государств боснийско-сербско-хорватско-черногорского (БСХЧ) языкового пространства реализовала политику разграничения языков. В хорватский язык стали внедряться ранее забытые слова — архаизмы, мало употребляемые слова из диалектов, в т. ч. из кайкавского и чакавского наречий. Проводилась политика т. н. пуризма, применялась практика «консервативных неологизмов», т. е. создавались слова на основе хорватских (славянских) корней вместо заимствованных. Из библиотек были изъяты книги на кириллице. В стране принят ряд законов, касающихся языка, созданы всевозможные комиссии, следящие за чистотой речи и способствующие исключению «нехорватизмов» и заимствований из административного дискурса. Министерство образования и спорта утвердило учебный стандарт, по которому из текстов учебников убраны «иностранные» слова и т. д. Кампания за чистоту языка шла повсеместно: на радио, телевидении, в госучреждениях и классных комнатах. Во многом эта тенденция продолжила языковую практику 1940-х гг. [см., напр.: Kordić 2010: 16], когда реализовывалась антисербская политика под лозунгом «мы не имеем ничего общего с сербами»[17]. Что парадоксально, порой по недосмотру хорватские неологизмы, образованные из сербских корней, вытеснили исконно хорватские слова, происходящие из кайкавского и чакавского диалектов. Специалист по хорватскому языку Степан Бабич признает, что если посмотреть хорватские тексты XIX в., в них можно увидеть слова, которые сейчас считаются сербизмами. И в первой половине XX в. многие слова не имели оттенка поляризации двух языков, они не воспринимались как маркеры языков, а просто как диалектные отличия [Babić 2004: 94, 208]. В 1990-е гг. были изданы словари новохорватского языка, в которых собраны новые слова, введенные вместо тех, которые совпадали с сербскими. Публиковались специальные словари различий между хорватским и сербским языками, например, словарь под авторством В. Бродняка [Brodnjak 1991]. В то время возник анекдот: Разговаривают два хорватских профессора лингвистики. Один другому говорит: «Ну, надо же, сербы тоже говорят *хорват*. Придется придумать новое слово». Хорватский лингвист Снежана Кордич пишет, что думать о правильности языка в то время нужно было везде: в трамвае, у мясника

[17] Так, пронацистское правительство Павелича в рамках языковой политики активно насаждало неологизмы (напр., krilnik — генерал, slikopis — кинопленка, munjovoz — трамвай и др.), однако после войны они исчезли и в современном хорватском языке не возродились. Современное хорватское правительство продолжило эту „традицию“: университет — универзитет (серб.) и sveučilište (хор.), футбол — фудбал (серб.) и nogomet (хорв.). Отличие сербского от хорватского состоит и в названиях месяцев. В сербском языке названия восходят к латыни (фебруар, март, април, как и в современном русском языке), в хорватском используются славянские названия (veljača, ožujak, travanj, как в современном украинском языке).

и парикмахера. В продовольственной лавке просьба взвесить вместо десяти *deka* (дециграмм по-хорватски) *сто грама* (по-сербски) колбасы могла привести к неприятным, а то и опасным последствиям [Kordić 2010: 40].

Филолог и переводчик из Загреба Синан Гуджевич в интервью с автором заметил, что в Хорватии за годы независимости неожиданную популярность получила профессия корректора — только они, вместо того чтобы править ошибки правописания, были призваны заниматься цензурой текстов, удаляя из них все слова и выражения, которые не соответствуют «чистоте» нового языка. «Катастрофа в культуре зашла так далеко, — сказал Синан Гуджевич, — что у нас теперь переводятся фильмы, снятые на сербском языке». Например, был переведен фильм сербского режиссера Срджана Драгоевича «Раны». Картина шла с субтитрами, и на протяжении четырех месяцев демонстрировавший ее кинотеатр в Загребе был переполнен зрителями, которые приходили, чтобы посмеяться над переводом [ПМА]. Появилась информация о том, что белградский продюсер фильма просил хорватскую копию картины с субтитрами, чтобы показать ее в Белграде. Ведь там у кинотеатра тоже стояли бы очереди желающих посмотреть это лингвистическое чудо.

В Хорватии официальный язык — хорватский, алфавит — латиница. В отдельных регионах разрешено использовать (по настоянию Брюсселя) другие языки и другое написание, в т. ч. кириллицу. В то же время, алфавит на Балканах играет не только утилитарную, но и символическую роль, связанную с идентичностью (латиница используется хорватами, кириллица традиционно характерна для сербов). Во время боевых действий 1991–1995 гг., начавшихся после провозглашения независимости Хорватии, одним из лозунгов хорватов был „*Vukovar nikad neče biti* Вуковар“ (*Vukovar* никогда не будет Вуковаром). За этот город в восточной части Хорватии со значительной долей сербского населения шли тогда ожесточенные сражения. Вуковар оставался под контролем сербских ополченцев до 1998 г. Сейчас сербское население в нем превышает 34%. В связи с требованием соблюдения прав меньшинств в соответствии с Европейской хартией региональных языков и языков меньшинств (выдвигалось как одно из главных условий вступления Хорватии в ЕС) в 2011 г. правительство Хорватии впервые решило к табличкам на латинице в Вуковаре добавить указатели на кириллице. Это вызвало бурю протестов со стороны хорватских националистов и ветеранов войны. Надписи были убраны. Их решились вернуть лишь в 2013 г., когда Хорватия была принята в ЕС. В Вуковаре вновь эмоции стали доходить до крайностей: демонстранты разбивали адресные таблички на кириллице, на сербских православных церквях появлялись оскорбительные надписи. Тысячи недовольных решением правительства хорватов собирались на акции протеста, скандируя «Нет кириллице в Вуковаре», «Мы погибали за Вуковар, а правительство нас предало» и, как

в 1990-е гг., «*Vukovar* никогда не станет Вуковаром». Протесты перекинулись в столицу Хорватии — город Загреб, где на митинги вышли тысячи хорватов, разгневанных введением кириллицы в Вуковаре. Спустя несколько месяцев националисты потребовали от парламента проведения референдума. Подписи под соответствующей петицией поставили 680 тысяч граждан. Однако до плебисцита дело не дошло: 17 августа 2015 г. конституционный суд страны постановил отказаться от кириллицы в Вуковаре. Формально использование этого алфавита запрещено как якобы оскорбляющего чувства хорватских участников войны. Реальной причиной стали предстоящие муниципальные выборы: городские власти (в прошлом сами вводившие надписи на двух языках) таким образом решили заручиться поддержкой местных националистов. Сербы, возмущенные случившимся, потребовали от Брюсселя осудить действия вуковарских градоначальников. Однако Совет Европы 21 августа 2015 г. лишь выразил сожаление по поводу принятого в Хорватии решения [в российских СМИ см. об этом: Мельникова 2015]. Кстати, в начале августа 2020 г. исполнилось 25 лет со дня окончания операции «Буря» за Вуковар, в результате которой хорваты разгромили сербские войска.

Говоря о языковых процессах в Хорватии, нельзя обойти вниманием судьбу кайкавского и чакавского наречий. В последние годы, как уже было сказано, происходит их возрождение. Всё чаще они позиционируются как самостоятельные языки. Работу по повышению их статуса, продвижению идиома в жизнь ведут ученые, деятели культуры, просто любители, в т. ч. через различные организации.

Культурно-языковое движение в поддержку кайкавщины особенно активно. Его сторонники, т. н. «кайофилы», ожесточенно дискутируют о перспективах внедрения своего древнего языка в современную общественную практику. Как отмечают лингвисты, проблема возникает в связи с дробностью наречия, отсутствием единого стандарта и унифицированной орфографии. В 1999 г. Хорватская академия наук и искусств выпустила 8-томный словарь хорватского кайкавского литературного языка (Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnoga jezika). Ежегодно проводятся научные симпозиумы, по материалам которых уже издано пять томов. Лингвист, писатель и актер Дарио Вид Балог перевел Новый Завет на кайкавский язык. Предлагается ввести кайкавский язык в школьные программы (хотя бы в качестве факультатива). Живучести языка, несмотря на его постепенное вытеснение, способствовало никогда не прекращавшееся полностью его использование на бытовом уровне, в семейном кругу. В прошлые десятилетия забвения он имел свою нишу в культурной жизни, но тогда кайкавская литература и песни рассматривались как диалектные варианты культурного наследия, без претензии на позиционирование в качестве литературной нормы.

Несколько крупных городов Хорватии, в т. ч. ее столица Загреб, расположены на исторически кайкавской территории. «Культурной столицей» кайкавщины считается г. Крапина в Хорватском Загорье. Одним из его брендов является фестиваль кайкавской песни — Festival kajkavske popevke, который проходит здесь регулярно, начиная с 1967 г. Им заканчивается осенняя неделя кайкавской культуры, во время которой с 1997 г. организовываются всевозможные выставки, поэтические форумы, музыкальные мероприятия [Festival]. Ассоциация «Кайкавское примирение» («Kajkavsko spravišče») в Загребе издает журнал «Kaj», посвященный кайкавской литературе, искусству, культуре и истории Хорватии. Журнал был основан еще в 1968 г., и с тех пор вышло более 45 томов в почти 100 брошюрах. В 2018 г. при поддержке редколлегии журнала «Kaj» была издана книга для детей «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери в переводе на кайкавский [Brkan 2018]. А сдвоенный 3–4 номер за 2021 г. был посвящен современной кайкавской прозе авторов, победивших в соответствующем конкурсе 2020 г. [Kaj 2021]. Ежегодное периодическое издание «Хорватский север» (Hrvatski sjever), издаваемое Матицей Хрватской в г. Чаковац, тоже значительную часть текстов печатает на кайкавском языке. Еще одна организация, деятельность которой направлена на популяризацию кайкавщины — «Кайкавский ренессанс («Kajkavska renesansa»), была основана в 2012 г. в г. Сисак. Она проводит разнообразные культурные мероприятия, представлена в интернете и других сферах. В нескольких городах осуществляется радио- и телевещание на кайкавском языке. Кайкавское радио в г. Крапина имеет постоянную радиопрограмму, местное телевидение в г. Вараждин, радиопрограмма «Sljeme» в Загребе часть эфирного времени тоже отводят под кайкавскую тематику. Некоторые газеты, издаваемые в северо-западных городах Хорватии — в Вараждине, Чакавце, Самоборе и др. печатают материалы на кайкавском.

Об успехах продвижения кайкавского наречия свидетельствует тот факт, что 12 января 2016 г. Международная организация по стандартизации (ISO) признала его отдельным языком в статусе исторического с присвоением ему кода kjv по стандарту ISO 639 [Kajkavski 2016].

Другой архаичный язык или наречие — чакавский — тоже не остается без внимания хорватской общественности в последние годы. Хорватская академия наук и искусств подготовила многотомный словарь чакавского литературного языка, в основу которого положены сведения более 40 всевозможных изданий, в которых собрана локальная лексика и акцентные диалекты, употреблявшиеся в окрестностях г. Сплит, на островах Адриатики Брач, Вис, Крк и др. Ведется довольно много научных исследований чакавского наречия и издаются словари его локальных вариантов. Литературная ассоциация «Книжный круг» («Književni krug»), созданная в Сплите в 1979 г., объединяет более сотни интеллектуалов, интересующихся мест-

ной историей и культурой. Она же взяла на себя печать периодического издания «Чакавское слово» («Čakavska rič»), опубликовав к настоящему времени более 35 томов [Književni krug]. Другой ежегодный журнал «Винодолский сборник» («Vinodolski zbornik») издается в г. Криквеница центром культуры «Ivan Kostrenčić» и публикует тексты на чакавском языке по истории, этнологии и культуре населения долины Винодол [Vinodolski zbornik]. Ежегодно в разных городах полуострова Истрия и Кварнерского залива проходит певческий фестиваль «Мелодии Истры и Кварнера», где звучат музыкальные произведения на чакавском языке. Местные телевизионные и радиостанции в городах Далмации (Сплит, Риека, Пула, радио острова Крк) транслируют передачи на чакавском языке [ПМА].

Укреплению позиций чакавского идиома способствует то, что он распространен и за пределами Хорватии, в австрийском Бургенланде, где имеет официальный статус языка меньшинства. Паннонским институтом в Гуттербахе (Австрия) издается ежегодник «Pannonische Jahrbuch» с текстами (частично) на языке живущих здесь градишчанских хорватов. Отметим, что расширение позиций кайкавского и чакавского языков в самой Хорватии имеет как своих сторонников, так и противников, которые усматривают в этом ущерб стандартному языку, основанному на штокавском наречии [ПМА].

Черногория. Черногория отделилась от общего сербскохорватского языка позже остальных. Черногорский язык стал служебным в 2007 г. согласно Конституции Черногории, его существование официально провозглашено в 2008 г. Тогда же был учрежден Совет по стандартизации черногорского языка. Нельзя сказать, что идея черногорского языка не имеет под собой благоприятной почвы. По мнению лингвистов, Черногория расположена на пересечении сразу нескольких языковых ареалов. Здесь распространено *штокавское* наречие с *иекавским* типом написания и произношения, как в хорватском языке, но без характерной для него лексики старославянского происхождения. С сербским языком, тоже основанным на штокавском наречии, но в *экавском* варианте, местный говор роднит словарный ряд (с заимствованиями из иностранных языков) и (преобладавшая до недавнего времени) кириллическая письменность. В Черногории сохраняется несколько поддиалектов, выходящих за переделы ее территории (*восточно-герцеговинский* — на севере и *зетский* — на юге) [Стојановић 2008; ПМА].

Термин «черногорская лингвистика» — *лингва монтенегрина* — был озвучен еще в годы Второй мировой войны, затем о нем забыли в период социалистической Югославии, хотя идея «черногорской нации» тогда всячески поддерживалась. В середине 1990-х годов была опубликована *Декларация об угрозах черногорской культуре*, в которой говорилось о не-

обходимости поиска основы для конструирования культурного национализма с целью последующего обоснования независимости Черногории [Ђурковић 2006:54; Шугурова 2011]. В дальнейшем целый ряд интеллектуалов поддержал и стал развивать идею национальной самобытности черногорцев. С особой силой движение за признание самостоятельности черногорского языка активизировалось в начале XXI в. после свержения режима Милошевича и усиления политической борьбы за выход Черногории из СРЮ [ПМА]. В русле концепции *новочерногорства* еще в 1997 г. была опубликована книга «Правописание черногорского языка» [*Правопис црногорског језика*, Цетиње, 1997], а в 2001 г. — «Грамматика черногорского языка» [*Грамматика црногорског језика*, Цетиње, 2001]. Их автор — главный идеолог *монтенегристики,* лингвист Воислав Никчевич стал первым директором созданного по его инициативе Института черногорского языка и литературы. В 2004 г. поддержку черногорскому языку выразил премьер-министр Мило Джуканович, назвав в интервью сербской газете «Политика» свой язык черногорским. В том же году правительство заменило в школьных программах предмет «Сербский язык и литература» на «Родной язык и литература — (сербский, черногорский, хорватский, боснийский)» [Slobodan Backovic 2004]. В 2007 г. появился первый доктор наук, защитивший диссертацию по специальности «черногорский язык» — Аднан Чиргич 1980 г. рождения (он же стал новым директором Института черногорского языка и литературы после смерти Воислава Никчевича). В недалеком историческом прошлом все известные черногорские писатели и поэты утверждали, что пишут на сербском языке [ПМА]. В законе о школьном образовании начала прошлого века речь шла о преподавании на сербском языке [Закон о народнијем школама 1911]. Спустя полстолетия Конституции Черногории 1963 и 1974 гг. официальным языком назвали сербскохорватский. В Конституции 1992 г., когда Черногория входила в состав СРЮ, упомянут сербский язык иекавского наречия. Но постепенно ситуация стала более противоречивой.

Последние переписи населения в Черногории демонстрируют динамику лингвистической ситуации в стране. Впервые возможность назвать свой язык черногорским появилась в 2003 г. Тогда 63% населения Черногории своим родным языком называли сербский, 22% — черногорский [Раковић 2004]. В 2011 г. число граждан, считавших своим языком сербский, составило 43%, зато число назвавших родным языком черногорский возросло до 37% [Popis 2011]. По Конституции Черногории, в отличие от других постъюгославских государств, отдающих приоритет титульному народу, «носителями суверенитета являются все, кто имеет черногорское гражданство», официальный язык — черногорский. Кириллица и латиница равноправны, однако в большинстве публикаций латиница преобладает (при том, что до 1990 г. использовалась исключительно кириллица).

Три ежедневные газеты — *Pobjeda*, *Dnevne novine* и *Vijesti* — печатаются на латинице, а *Дан* — на кириллице. На телевидении все текстовые сегменты вещания даются на латинице. В Интернете используются оба алфавита. Сайт правительства Черногории также доступен в двух системах письма [ПМА].

Черногорский язык теперь отличается от сербского двумя дополнительными буквами — мягкой š и мягкой ž (в кириллице — Ć и З́), которых нет в других языках. В результате черногорская азбука состоит из 32 букв. В официальном употреблении также сербский, боснийский (*босанский*), албанский и хорватский языки. В стремлении придать черногорскому языку самостоятельное значение был выбран интересный путь, ищущий опору в фольклоре, традициях, в употреблении локализмов.

По мнению уже цитировавшегося профессора Р. Бугарски, это необычный путь развития нормированного языка — уходить в прошлое, уходить из городской среды и ее языкового стандарта и искать свою самобытность в речи деревни или в речи давних поколений. Однако это был единственный способ размежевания языков. И, как полагает профессор, это до сих пор так и не удалось сделать [Bugarski 2001: 25]. Более того, как говорит черногорский журналист Веселько Копривица, сам народ тоже до сих пор не приспособился к новому языку. По его наблюдениям, почти ничего не изменилось: в повседневном общении остался тот же язык, на котором говорили и раньше, а новый, литературный, почти нигде не употребляется. В. Копривица около 10 лет назад проанализировал язык черногорских СМИ и заметил, что «новый» черногорский практиковали лишь двое журналистов! Один телевизионный журналист, который жил в Черногории лишь пару лет, и один профессор из Сербии, который на этом языке вел блог в черногорской государственной газете «Победа». Его тексты состояли из архаизмов. Веселько Копривице всё это казалось ложным патриотизмом. При этом он был одним из тех, кто в начале девяностых годов во время переписи населения заявлял, что говорит на черногорском языке. Ведь Югославия распалась, и ему казалось логичным, что в ситуации, когда Сербия вместо сербскохорватского называла свой язык сербским, Хорватия — хорватским, Босния — боснийским, и Черногория имеет право назвать язык своим именем. «Однако мне в те времена и в голову не приходило, что в черногорский язык будут введены новые буквы, изменена фонетика и в стандартный язык включены разные архаизмы, которые крайне редко употреблялись, разве что где-то в дальних деревнях», — говорил журналист [Koprivnica 2012].

Босния и Герцеговина. В Боснии и Герцеговине официальные языки — боснийский (*босанский)*, хорватский и сербский (хотя в конституции вопрос языка не прописан, но текст ее опубликован в трех вариан-

тах). На ее территории в ходу четыре диалекта: староштокавские зеторашский и восточнобоснийский, а также новоштокавские младоикавский и восточногерцеговинский. Только восточнобоснийский распространен исключительно в Боснии и Герцеговине, а ареалы трех остальных простираются также на соседние государства. Две трети площади страны занимают два новоштокавских варианта. К этому нужно добавить, что миграции жителей под влиянием военных действий начала 1990-х годов привели к значительной этнической однородности населения на внутрирегиональном уровне, но в то же время и к хаотичному смешению местных говоров (диалектов). Создается впечатление, что языковая ситуация в этой стране чрезвычайно сложна. Но на самом деле все 4 млн. ее жителей объединены одним и тем же литературным языком, а диалектные различия не мешают коммуникации. Национальные меньшинства, которых в списке около 20, очень малочисленны, к ним относится не более 1% населения. Сложность языковой картины обусловлена исключительно внеязыковыми проблемами: непростыми социальными и политическими обстоятельствами в регионе, когда на первый план вышла символическая значимость языка.

Если во времена Югославии кодификация языка происходила на республиканских уровнях и распределение диалектов имело под собой территориальную основу, то в новом государстве можно говорить об одновременном сосуществовании трех языковых стандартов, напрямую зависящих от этнической принадлежности ее носителей. При этом языковая политика не универсальна в общегосударственном масштабе, ситуация в двух субъектах страны — в Федерации Босния и Герцеговина и Республике Сербской несколько отличается. В конституции Республики Сербской (ст. 7) официальными тоже провозглашены три языка, но при этом в тексте на первом месте стоит «язык сербского народа» (так в Конституции — М.М.), а вторым назван *бошняцкий* (а не *босанский* — М.М.). Письменность на основе кириллицы и латиницы. На территории, где живут другие языковые группы, в служебном использовании и их языки и письменности [Ustav Republike Srpske]. В другом субъекте страны — в Федерации Боснии и Герцеговины в настоящее время в официальном употреблении три языка и два алфавита. Коррективы были внесены в 2002 г. на основании поправок к Конституции. Первоначально же, согласно ч. 1 ст. 6 Конституции Федерации БиГ, принятой в 1994 г., официальные языки в Федерации — *босанский* и хорватский, письменность — латиница (о сербском речи не было — М.М.). Дополнительные языки определялись как служебные каждой палатой Парламента Федерации, включая большинство голосов *бошняцких* делегатов и большинство голосов хорватских делегатов в Палате народов [Ustav Federacije Bosne i Hercegovine]. Эти языки могли использоваться также для коммуникации и в образовании [Ibid.].

Права национальных меньшинств на использование своих языков закрепил Закон БиГ о защите прав представителей национальных меньшинств от 2003 г. Позднее аналогичные законы были приняты в Федерации БиГ и в Республике Сербской. Они гарантировали право национальных меньшинств на использование своих языков при общении в органах власти, в топографических и иных надписях при условии, что национальное меньшинство представляет в данной местности абсолютное или относительное большинство [Zakon o zastiti prava 2003].

Вариативность названий языка подтверждает подробный анализ законодательных актов административных субъектов БиГ более низового уровня, который был предпринят томским филологом Д. А. Катуниным. Он обратил внимание на то, что на территории Федерации БиГ на местах есть различия в обозначении официальных языков в зависимости от преобладающего населения в той или иной административной единице — общине или населенном пункте. В преимущественно хорватских жупаниях (хорватское название кантонов) один из официальных языков законодательно именуется бошняцким, а в кантонах, где преобладают бошняки — босанским. В статуте дистрикта Брчко также используется термин босанский. В Республике Сербской в большинстве документов язык номинируется как «язык сербского народа», «язык хорватского народа», «язык бошняцкого народа» [Катунин 2009; ПМА].

Вместе с тем, уместно также отметить, что о роли политического фактора в языковых процессах свидетельствует, в частности, тот факт, что Конституционный суд Федерации БиГ в конце 1990 гг. по требованию бошняцких чиновников принял решение о неконституционности, т. е. практически о запрете употребления термина жупания (хорв. *županija*) — хорватское название кантонов — в кантональных конституциях на хорватском языке [Šipka 2001: 280–303]. Т.е., с одной стороны, принималось решение о полном равноправии трех языков и в то же время вводились ограничения для использования терминов, относящихся к лексике, присущей другому народу, в данном случае — хорватам.

Можно констатировать, что в законодательстве БиГ отношение к троичности языка постепенно становится всё более толерантным. Последующие редакции Конституций и статутов, которые первоначально не содержали положение о языке и алфавите, дополняются им. Вместе с тем, по поводу названия языка/языков в боснийском обществе не первое десятилетие не утихает полемика. Название языка в БиГ — чисто политическая, а не лингвистическая проблема. На самом деле, как уже было сказано, всё население БиГ говорит на *штокавском* наречии одного (?) языка, подобно жителям Сербии, Хорватии и Черногории. По мнению специалистов, грамматические различия в говорах региона незначительны, а лексические — редки. Государственные границы не формируют одновременно и языковые

границы. По мнению хорватского лингвиста Мате Каповича, говор хорватов и сербов в БиГ имеет больше сходства между собой, чем с говором, распространенным в Хорватии и Сербии, да и там не везде говорят одинаково [Kapović 2008].

Но в постъюгославских государствах названия официальных языков соответствуют названиям государств. Поэтому логично, что и БиГ могла бы назвать свой язык по названию страны. Но сербы и хорваты, несмотря на то, что живут за пределами Сербии и Хорватии соответственно, не видят причин для переименования родных языков. Название языка *босанский* не нравится боснийским хорватам и боснийским сербам, т. к. это бы имплицировало, что на нем говорят все жители БиГ, а не только бошняки. Президент Республики Сербской Милорад Додик утверждал, что термин *босанский* применительно к языку искусствен, но не возражает, чтобы бошняки называли свой язык *бошняцким* (*bošnjački*). Сараевские интеллектуалы в свое время сигнализировали общественности о том, что хорватский язык через СМИ внедряется в БиГ, и даже назвали этот факт другим видом агрессии. Среди части хорватов эти заявления были восприняты как давление на них, с тем, чтобы БиГ отказалась от хорватского языка [ПМА].

Различия в языке имеют тенденцию к увеличению в процессе того, как сообщества устанавливают барьеры между собой, не заключают смешанные браки и учатся раздельно, придумывают новые слова, преследуя одну цель — сделать так, чтобы их язык как можно больше отличался от языка жителей соседнего села. Одни смотрят телевидение Сербии, другие Хорватии. А третьи — подобно тому, как это происходит в других постъюгославских государствах, внедряют в язык архаизмы или локализмы из сельских диалектов (*hlopta* вместо общепринятого *lopta* — мяч, *hudovica* вместо *udovica* — вдова и др.). Вследствие того, что язык воспринимается как маркер идентичности, бошняки в последние годы форсируют распространение тюркизмов, которые после ухода Османской империи постепенно исчезали из употребления[18]. Этому способствует и активный просмотр турецких сериалов, демонстрируемых местным телевидением. Бошняки, формирующиеся как этническая группа значительно позднее сербов и хорватов, стремятся сделать опорой для своего языка исламскую культуру и заимствования из турецкого, арабского и персидского языков [ПМА].

В некоторых случаях была изменена фонетическая структура языка. Например, в слово «кофе» — на сербском *кафа*, на хорватском *кава* —

---

[18] Как известно, в силу многовекового пребывания в составе Османской империи у сербов, бошняков и в меньшей степени у хорватов турцизмы присутствуют в речи в т. ч. вне зависимости от этнической принадлежности носителей языка.

в боснийском был добавлен звук «х» — *кахва*. Этот звук «х» был добавлен во множестве слов, где он по прежним нормам отсутствовал [ПМА].

Десять лет назад был опубликован словарь боснийского языка, который содержит 8300 тюркизмов [Ibrahimović 2012]. Его автор и переводчик Фарук Ибрахимович утверждает, что, по крайней мере, половину из них можно услышать в повседневной жизни. Хорватские и сербские интеллектуалы высказывают мнение, что вряд ли стремление лидеров бошняков насытить свой язык заимствованиями из турецкого языка будет способствовать тому, чтобы *боснийский* язык стал языком всех жителей Би Г. Пока же жители БиГ на вопрос о том, на каком языке они говорят, отвечают — на нашем («naški») [ПМА]. Да и смогут ли простые обыватели разобраться в паутине языковых сходств и различий на своей земле? На Филологическом факультете Сараевского университета на кафедре боснийского, хорватского и сербского изучается отдельно бошняцкая, боснийско-хорватская, хорватская и сербская литература. Одна небольшая страна, но четыре отечественных литературоведения.

Примером особой значимости политических факторов в языковых вопросах, служит решение, по которому на едином языковом пространстве этническая принадлежность маркируется и с помощью произношения/выговора. Если ранее использование экавицы или иекавицы (екавица, ијекавица) независимо от того, какой выговор на данной территории употребляется в служебной коммуникации и в образовании**,** было вопросом личного предпочтения, то в новых условиях были попытки ввести в Республике Сербской, одной из административных единиц БиГ, где население говорит на иекавском варианте языка, обязательное использование экавицы, которая характерна для Сербии [см., например, Ковачевић 1997: 80–106; [ПМА]. Через суд эта инициатива была отменена, но вопрос до конца не исчерпан.

Отметим, что языковое проявление деления боснийского общества по этническому принципу находит отражение во многих сферах жизни, в том числе и в образовании. Так, в Республике Сербской в школах ведется преподавание с использованием сербского языкового стандарта, а в Федерации Боснии и Герцеговины — боснийского и хорватского. Под влиянием требований мирового сообщества есть попытки интегрировать детей на территориях со смешанным населением в одной школе, но это не привело к отказу от сегрегации детей и слабо способствовало их совместному обучению. В Федерации БиГ есть такой феномен, как «две школы под одной крышей», в детском коллективе хорваты и бошняки разделены и практически не коммуницируют [Мартынова 2014: 39].

В этой связи уместно отметить такое явление, как возникновение «новых лингвистических меньшинств», когда в единое языковое пространство внедряются диалектные лингвистические варианты и ведется борьба

за право их употребления. При этом, по словам очевидцев, в повседневной жизни в языковом отношении ничего не меняется, поскольку данное явление имеет место в чисто символическом измерении. Такие же процессы происходят и с языком большинства, когда согласно новому языковому стандарту в официальных сферах используется утвержденный его вариант, а в других случаях население говорит на привычных диалектах и социолектах, часто не зависящих от этнического измерения [Škiljan 2001: 186]. Последствия происходящего имеют двоякий характер: люди легко коммуницируют и понимают друг друга, а национальная карта разыгрывается со знаковым акцентом в информационных, культурных и образовательных сферах.

Сербия. Согласно ныне действующей Конституции Сербии, в стране на государственном уровне используются сербский язык и кириллическое написание (вуковица), и отмечается, что служебное использование языков национальных меньшинств определяется законом на основании конституции. Но на бытовом уровне латиница (гаевица), появившаяся здесь лишь в XIX в., тоже распространена. В период существования Югославии латиница стала вытеснять кириллицу на территории всей страны. В 1990-е гг. в среде патриотически настроенной интеллигенции активизировалось движение за сохранение кириллицы. Лозунги «Кириллица — это наше письмо», «Кириллица — это Сербия» распространялись не только в СМИ и Интернете, но и на стенах домов и заборах [ПМА].

Современный сербский языковой стандарт ближе всего к языку, использовавшемуся в СФРЮ. Сербский язык, в отличие от остальных трех, пришедших на смену общему, не был подвергнут лингвистическому инжинирингу, не пошел путем искусственного отмежевания от остальных родственных языков. По мнению профессора Р. Бугарски, ситуация с сербским языком отличается из-за сочетания геополитических, исторических, культурологических и психологических причин. Во-первых, сербский язык определенным образом представлял и представляет собой основу того, что называлось сербскохорватским языком. Во-вторых, он был центральным в географическом и геополитическом смыслах. Были еще разные другие причины, но и этого достаточно, чтобы утверждать, что с самого начала сербский язык себя чувствовал независимым, воспринимался его носителями как основа и защита сербскохорватского наследия. Образно говоря, сербский язык, как и русский, чувствовал себя старшим братом. Поэтому в Сербии не было официально предпринято ничего, чтобы отделить сербский язык от хорватского. Но это не означает, что в Сербии вопрос языка воспринимался с равнодушием. Просто сербский национализм искал различия не в самом языке, не в речи, а в системе написания, сделав упор

на поддержке «сербской» кириллицы и разгромив или, по крайней мере, резко ограничив использование «хорватской» латиницы.

Если проанализировать конституции Сербии со времен Югославской федерации и по сей день, то видно, что вначале было записано, что две эти системы письменности — кириллица и латиница — имеют равные права. В следующую Конституцию было внесено, что кириллица имеет приоритет и обязательна в служебном употреблении. Латиница также имела служебное применение, но с определенными ограничениями. А в последней Конституции, принятой в 2006 г., латиница даже не упоминается как алфавит, используемый для сербского языка.

В том, что сербская национальная идентичность частично опирается именно на кириллицу, по мнению Р. Бугарски, заложен источник многих проблем. «Многие конфликты в обществе, — говорит ученый, — вплоть до войн, в своей основе имеют такую позицию — всё свести к одному: если ты по национальности, по этническому происхождению серб, тогда ты должен быть православным. Ведь считается, что не может серб быть католиком. Серб — православный — пишущий кириллицей — это обязательная триада». Согласно этой европейской культурной схеме конца XVIII в., которая оставалась в силе весь XIX век, а кое-где сохранилась и по сей день, язык, нация и государство являются святой троицей. Порой туда добавляется и религия. И именно такой подход и благоприятствует постоянным конфликтам и войнам, в том числе войнам из-за языка и религии [Bugarski 2001: 15].

В бывшей Югославии в школе дети с первого класса обучались и кириллице, и латинице. В Сербии по сей день многие книги печатаются на латинице, на латинице выходят многие газеты и журналы, и более-менее образованные люди даже не замечают, какими буквами они пишут. На официальном уровне предпочтение по-прежнему отдается кириллице. На ней пишутся официальные документы в государственных учреждениях и армии. Использование в стране двух алфавитов не создает жителям никаких неудобств, т. к. все они знают оба алфавита [ПМА].

Однако государственные и близкие к властям средства информации издаются обязательно на кириллице, среди них — «Политика» и «Вечерње новости». Политическая ориентация партий и СМИ влияет на используемый ими алфавит. В частности, Сербская прогрессивная партия и консервативная партия «Новая Сербия», Сербское движение обновления и Социалистическая партия на своих сайтах обращаются к избирателям на кириллице, а Социал-демократическая партия, входившая вместе с ними в правящую коалицию, пишет исключительно на латинице. Ряд политических партий выступает за более активное использование кириллицы. Например, в феврале 2015 г. Демократическая партия Сербии предложила освободить от НДС книги, газеты и журналы на кириллице, а фирмам, активно исполь-

зующим кириллицу, предоставлять налоговые льготы в размере пяти процентов. Несколько лет назад по инициативе демократов во втором по величине городе Сербии — Нови Сад — на автобусах стали размещать рекламу только на кириллице [ПМА].

В наши дни, по мере смягчения политического и межэтнического накала на Балканах, латиница вновь завоевывает свои позиции в Сербии [ПМА]. Тому есть несколько причин. Среди значимых — более широкая аудитория пользователей латиницы в мировом масштабе, чем кириллицы. Современная система международных отношений, стремление интегрироваться в ЕС, желание сделать свои книги и журналы доступными большему числу людей играют в пользу латиницы. Способствуют ее широкому использованию и набирающие оборот Интернет-коммуникации. Вместе с тем, несмотря на объективные факторы, провоцирующие сокращение сферы использования кириллицы, представляется, что этот алфавит в Сербии не уступит место латинице. В пользу этого говорят такие обстоятельства, как символическая роль кириллицы в сербской культуре, ее многовековые традиции, представление о взаимосвязи своей индивидуальности с особенностями письма, и, конечно, многолетний опыт удачного использования двух алфавитов в повседневной практике.

Выводы

Социальные процессы, происходящие в постъюгославских государствах, демонстрируют очевидность использования языковых ресурсов в конструировании идентичностей самого разного уровня: национальных (общегосударственных), этнических, региональных и др. Представленный в данной главе материал на конкретных примерах наглядно подтверждает воздействие целого ряда как субъективных, так и объективных обстоятельств на актуальное функционирование и статус языков. Сменявшие друг друга объединительные и разделительные процессы в этом европейском регионе на протяжении долгого времени обуславливали привлечение языка в качестве важнейшего инструмента государственной политики. Использование лингвистического фактора в целях национальной эмансипации на Балканах с особой силой высветилось в конце XX века в процессе становления здесь новых суверенных стран.

В этот период сербский язык, подобно тому, как это происходит с русским языком на постсоветском пространстве, оказался виноватым за все старые обиды и идеологические клише. Сходство заключается и в том, что образование на территориях СССР и СФРЮ самостоятельных независимых государств породило множество труднейших проблем не только в области экономического и государственного строительства, но также в сфере культуры и, в частности, языковой политики. Особенно сложная ситуация

возникла в такой важной среде, как положение и роль русского и сербского языков и их взаимоотношение с языками преобладающих этнических групп во всех новых государствах. В отличие от Балкан, в постсоветских странах, где язык в значительной степени тоже трактуется как государствообразующий фактор, где официальные языки аналогично укрепляют свой статус, причем за счет сужения использования русского языка, языкам «титульных» наций не требовалось отстаивать сам факт своего существования. Они имели и сохраняют свои названия, а также словарный запас. Они, по сути дела, не нуждаются в дополнительном конструировании, т. к. имеют реальные отличия от русского языка. На Балканах в этом отношении всё обстоит гораздо сложнее. Как уже было сказано, сербский, хорватский, боснийский и черногорский языки основаны на новоштокавском наречии. «Синдром малых отличий» усложняет решение выдвигаемых национальной элитой задач в плане подтверждения своей лингвокультурной уникальности.

Вместе с тем, наличие некоторых объективных предпосылок, позволивших реализовать задачу вычленения из сербско-хорватского языка четырех национальных языков, всё-таки необходимо признать. Упоминаемый выше лингвист Милан Шипка объединил способствовавшие этому факторы в три блока: общественно-исторический, социально-культурный и лингвистический [Шипка 2006: 79].

Прежде всего отметим, что цель создания общего идиома на основе новоштокавского наречия (диалекта) как отражения протекавших на протяжении более столетия в Южной Славии объединительных процессов, вопреки желанию его сторонников так и не была достигнута. В годы существования СФРЮ языковые литературные стандарты разрабатывались параллельно в двух центрах: Белграде и Загребе, Сараево и Подгорица к ним добавились позже. Каждый из них постарался вычленить для своего идиома какое-то особенное, базовое зерно, позволяющее ему функционировать автономно. Хотя при этом общими являются структура языка и основной лексический фонд, процент отличий остается по-прежнему небольшим (по оценкам, от 3 до 8%) [Шипка 2006: 101], что не мешает повседневной коммуникации. Целенаправленная работа специалистов по актуализации специфики фонетического, морфологического и (всё-таки) лексического характера с использованием не исчезавшего никогда диалектного базиса сделали реальным и возможным формирование нескольких стандартов — самостоятельных языков, что продекларировано всеми постъюгославскими государствами.

Сказалось и то обстоятельство, что территории, на которых недавно располагалось государство СФРЮ, в предыдущие века находились в сферах влияния разных культур и цивилизаций (Византии, Османской империи, Австро-Венгрии и др.). Жизнь по соседству с представителями других

народов приводила к неодинаковым межъязыковым контактам и обогащала речь в каждом случае своими лексическими и иными заимствованиями. Сербы пополнили свой идиом включениями слов из греческого, а также русского, французского, в меньшей степени немецкого и румынского языков. Хорваты соприкасались преимущественно с латинским, итальянским, немецким, чешским мирами. Бошняки/мусульмане ориентировались на восточные языки: турецкий, арабский, персидский. Хотя отметим, что турцизмы присутствуют и в сербском языке. На стартовые позиции современного языкового ренессанса повлияло и то, что фольклорные произведения вместе с древними письменными памятниками донесли до наших дней неодинаковые сюжеты и прославляют разных исторических героев. Современники имеют возможность насладиться хорватскими средневековыми литературными произведениями на кайкавском и чакавском наречиях. Жители Боснии и Герцеговины интегрируются в среду восточного содержания. Сербы и черногорцы также имеют свое богатое культурное наследие. Еще один культурообразующий фактор — конфессиональный. Местное население исповедует разные религии (сербы и черногорцы — православие, хорваты — католицизм, бошняки — ислам). Языковой пуризм черпает свои силы и в этом источнике.

Центробежные процессы усилились под воздействием политических факторов и межэтнических конфликтов, сопровождавших распад федерации. Усложненные межгосударственные и межличностные отношения проецируются, в том числе, на языковые процессы. Нациестроительство в этом регионе Европы идет с использованием языкового ресурса. Все вышеперечисленные факторы между собой тесно связаны. Если бы какой-то из них выпал из обоймы, можно предположить, что языковая ситуация на территории Западных Балкан сложилась бы иначе.

Источники и материалы

ПМА — Полевые материалы автора. Данные, полученные в результате сбора информации в Боснии и Герцеговине, Сербии, Хорватии, Черногории в 1991–2021 гг.

Арсенић 1989а — *Арсенић Р.* Одложена одлука о називу језика // Политика. 22.06.1989.

Арсенић 1989б — *Арсенић Р.* Учење ћирилице зависи од воље наставника // Политика. 22.10.1989.

Вујић 1989 — *Вујић М.* Пожељна двојезичност // Политика. 07.01.1989.

Дмитровић 1990 — *Дмитровић Р.* Срби у Хрватској више не пристају на неравноправност // Политика. 18.03.1990.

Закон о народнијем школама 1911 — Закон о народнијем школама у Краљевини Црној Гори. Цетиње: Кр. ц. државна штампарија, 1911.

Конституция СФРЮ 1966 — Конституция СФРЮ. М., 1966.
Brkan 2018 — Brkan B. Mali Princ je pregovoril kajkavski! — Umjesto kave 15. prosinca 2018 // Bozica Brkan (Эл. ресурс). URL: http://www.bozicabrkan.com/mali-princ-je-pregovoril-kajkavski-umjesto-kave-15-prosinca-2018 (дата обращения: 19.01.22).
Kajkavski 2016 — Kajkavski jezik međunarodno priznat // Kronike Velike Gorice, 17. siječnja 2016. URL: http://www.kronikevg.com/kajkavski-jezik-medunarodno-priznat. (дата обращения: 19.01.2022).
Лукић 1989 — *Лукић Р.* За и против ћирилице // Политика. 25.02.1989.
М.К. 1989 — *М. К.* Словенички цариници опет не признају ћирилицу // Политика. 18.05.1989.
Мельникова 2015 — *Мельникова К.* Языковой барьер. Кириллица стала камнем преткновения в отношениях сербов и хорватов // Лента.ру. 28.08.2015. URL: lenta.ru/articles/2015/08/28/cyrillic. (дата обращения: 19.01.22).
Павловић 1989 — *Павловић П.* Рачунари нису разлог за потискивање ћирилице // Политика. 19.08.1989.
Пејин 1989 — *Пејин Ј.* Ћирилица није заборављена, али се тихо потискује // Политика. 06.08.1989.
Предлози за размишљање 1967 — Предлози за размишљање // Борба. 03.04.1967.
Раковић 2004 — *Раковић А.* Пописи от Црној Гори од 1909. до 2003 // Принцип. 2004. Фебруар. С. 12.
Цебаловић 1989 — *Цебаловић М.* Устав СФРЈ не важи у Словенији!? // Политика. 15.04.1989.
Четник 1990 — *Четник М.* Вратити српски језик // Политика. 11.07.1990.
Codes for Representation — Codes for Representation of Names of Languades (Library of Congress). URL: hbs | ISO 639–3 (sil.org). (дата обращения: 19.01.2022).
Dogovor o jeziku 1989 — Dogovor o jeziku i pravopisu. 8.12.1954 // Vjesti. 1989. 8 prosinca.
Festival — Festival kajkavske popevke [Электронный ресурс] URL: http://www.kajkavske-popevke.hr (дата обращения: 19.01.2022).
Ibrahimović 2012 — *Ibrahimović F.* Rječnik turcizama u bosanskom jeziku s tumačenjem i prijevodom na engleski jezik. Tuzla: Narodna i univerzitetska biblioteka „Derviš Sušić“, 2012.
Kaj 2021 — Kaj. Časopis za književnost, umjetnost i kulturu. 2021, № 3–4.
Književni krug — Književni krug [Электронный ресурс] URL: https://www.knjizevni-krug.hr (дата обращения: 19.01.2022).
Košić 1989 — *Košić M.* Jezik i ustav. Dosje o nazivu jezika // Vjesnik. 1989. 24.05–13.06 [ежедневные публикации в разделе *Publicistika*]

Popis 2011 — Prvi rezultati. Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Crnoj Gori 2011 godine. Podgorica, Zavod za statistiku Crne Gore, 2011. URL: www.monstat.org/userfiles/file/popis2011/saopstenje/knjiga_prvi_rezultati(1)[1].pdf (дата обращения: 19.02.2021).

Slobodan Backovic 2004 — Slobodan Backovic potpisao odluku o preimenovanju srpskog u maternji jezik // Voice of America. 26.03.2004.

Ustav Federacije Bosne i Hercegovine — Ustav Federacije Bosne i Hercegovine. URL: eudo-citizenship.eu/NationalElectoralLawsDB/docs/ustav_federacije_bosne_i_hercegovine.pdf (дата обращения: 19.02.2021).

Ustav Republike Srpske — Ustav Republike Srpske. URL: skupstinabd.ba/images/dokumenti/hr/ustav-republike-srpske.pdf (дата обращения: 19.02.2021).

Vinodolski zbornik — Vinodolski zbornik // Hrčak. URL: https://hrcak.srce.hr/vinodolski-zbornik (дата обращения: 19.01.2022).

Zakon o zastiti prava 2003 — Zakon o zastiti prava pripadnika nacionalnih manjina Bosne I Hercegovine // Službeni glasnik Bosne i Hercegovine, Godina VII — Broj 12, Utorak, 6 maja 2003. godine, Sarajevo. URL: bhric.ba/dokumenti/BHSZakonomanjinama.pdf (дата обращения: 19.02.2021).

Научная литература

Багдасаров А. Р. 2004. История развития хорватско-сербских этноязыковых отношений (1940–1990-е гг. XX в.) // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС пресс. С. 30–49.

Катунин Д. А. 2009. Современное языковое законодательство Боснии и Герцеговины: становление и тенденции // Вестник Томского университета. Филология. № 1. С. 22–46.

Кашуба М. С., Мартынова М. Ю. 1995. Новая этнополитическая карта Балкан. М.: ИЭА РАН.

Ковачевић 1997 — Ковачевић М. У одбрану јзика српскога. Требник, Београд.

Кречмер А. Г., Невекловский Г. 2005. Сербохорватский язык // Языки мира. Славянские языки. 2-е изд. РАН. Институт языкознания; Ред. колл.: А. М. Молдован. С. С. Скорвид, А. А. Кибрик и др. М.: Academia. 656 с.

Мартынова М. Ю. 1988. Этнографические группы хорватов. М.: Наука.

Мартынова М. Ю. 2014. Боснийцы, бошняки, мусульмане: коллизия идентичностей // Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность. М., Индрик. С. 9–62.

Толстой Н. И. 1981. Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале

сербскохорватского, болгарского и словенского языков) // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М.: Наука. С. 122–134.
Тяпко Г. Г. 2006. Хорватское «триязычье» в начале XXI в. // Глобализация — этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2 кн. Кн. 2 / Отв. ред. Г. П. Нещименко / Ин-т славяноведения РАН. М.: Наука. С. 153–173.
Шугурова И. А. (*Мирич И. А.*) 2011. Черногория как переходное общество // Политэкс. № 1 (т. 7). С. 249–262.
Стојановић Ј. 2008. Српски језик у Црној Гори у времену «стварања» «монтенегристике» // Српски језик 13/1–2, година ХШ, Београд. С. 631–639.
Ђурковић М. 2010. Како се конструишу нације: црногорски случај // Социолошки преглед, год. XLIV. № 1. С. 3–36.
Babić S. 2004. Hrvanja hrvatskoga. Hrvatski u koštacu sa srpskim i u klinču s engleskim. Zagreb: Školska knjiga.
Baotić J. 2005. Književnojezička politika 1970–1990 — borba za zajedništvo i ravnopravnost // Mønnesland S. (ed.), Jezik u Bosni i Hercegovini. Sarajevo–Oslo: Institut za jezik — Institut za istočnoevropske i orijentalne studije.
Belić A. 1927. Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. Zagreb-Beograd. knj. 2.
Brodnjak V. 1991. Razlikovni rječnik srpskog jezika i hrvatskog jezika. Zagreb: Školske novine.
Brozović D., Ilić P. 1988. Jezik srpskohrvatski/hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski // Jugoslovenski leksikigrafski zavod „Miroslav Krleža“. Zagreb, 1988. № V–XI. S. 1–119.
Bugarski R. 2001. Lica jezika — sociolingvističke teme. Beograd: Biblioteka XX vek.
Bugarski R. 2012. Portret jednog jezika. / Urednik Ivan Čolović. Biblioteka XX vek, Knj. 201. Beograd: Knjižara krug. (Beograd: Čigoja štampa). 278 s.
Bugarski R., Hawkesworth C. 2004. Language in the Former Yugoslav Lands / Eds. Bugarski R., Hawkesworth C. Bloomington, IN: Slavica.
Halilović S. 2014. Jezička stvarnost u Bosni i Hercegovini // Socjolingwistyka, XXVIII. S. 121–135.
Hraste M. 1929. Čakavski književni jezik // Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb. Knj. 4.
Hraste M. 1929. Kajkavski dijalekt // Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, Knj. 4.
Kapović M. 2008. Uvod u indoeuropsku lingvistiku: pregled jezikâ i poredbena fonologija. Zagreb: Matica Hrvatska.
Koprivnica V. 2012. Naj Crna Gora. Novi Sad: Media Art Content Ltd.

Kloss H. 1967. Abstand languages and Ausbau languages// Anthropological Linguistics. Vol. 9(7). P. 29–41.
Kordić S. 2010. Jezik i nacionalizam, Zagreb: Durieux.
Peko A. 1978. Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd.
Stanojevič S. 1927. Slovenski jezik // Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. Zagreb-Beograd. Knj. 4.
Šipka M. 2001. Standardni jezik I nacionalni odnosi u Bosni I Hercegovini (1850–2000). Documenti. (Posebna izdanja, knj.11). Sarajevo: Institut za jezik u Sarajevu. 348 s.
Škiljan D. 2001. Stara jezična prava i nove manjine // Jezik i demokratizacija (Zbornik radova). Institut za jezik u Sarajevu. Posebna izdanja. Knjiga 12. Sarajevo. S. 179–190.
Trudgill P. 2004. Glocalisation and the Ausbau sociolinguistics of modern Europe // Speaking from the margin: global English from a European perspective / Eds. Duszak A., Okulska U. Frankfurt: Peter Lang. P. 35–49.

Раздел 2.

ЯЗЫК
И РЕГИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ

Глава 5. БРЕТОНСКИЙ ЯЗЫК: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И ВОПРОСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ситуация, сложившая сегодня с бретонским языком в самом западном регионе Франции — Бретани, во многом объясняется историческим прошлым и языковой политикой, которая на протяжении долгого времени проводилась государством.

Формирование французской нации и национального государства, начиная с эпохи Возрождения, было связано с усилением роли и даже насаждением французского языка в разных сферах общественной жизни. Французский являлся важным инструментом в создании национального единства и важной составляющей того, что сегодня называют французской идентичностью. Разнообразие же «местных» языков, к числу которых относился и бретонский, доставшееся стране от времен средневековой раздробленности, воспринималось как угроза или, по крайней мере, препятствие для утверждения центральной государственной власти. И хотя Франция — одна из первых стран Европы, где государство начало проводить политику языковой унификации, история и других западноевропейских стран показывает, что строительство единого государства происходило параллельно с языковым объединением населения, в частности за счет обязательного использования одного языка [Arlettaz 2021: 87–88].

Более того, вопросы языкового единства и существования на территории страны других «исторических» языков сохраняют свою значимость и сегодня, «говорить о языке во Франции — значит говорить о государстве, а следовательно, и о нации, и о республике», а статус французского языка и соответственно языков меньшинств продолжает оставаться в центре политического и правового построения государства [Fenet 2009: 29].

Несмотря на заметные успехи в языковой унификации, лингвистическая ситуация в стране и сегодня не выглядит однозначной. Следствием регионального культурного своеобразия Франции является то, что в стране продолжают существовать так называемые *региональные*[19] («автохтонные») языки, т. е. языки, на которых говорит коренное население истори-

[19] Согласно принятому определению, «региональные языки или языки меньшинств Франции — это установленный перечень языков, географически и исторически существующих на территории Франции, помимо французского языка» [Langues régionales].

ческих регионов Франции. К ним относятся окситанский (точнее — его варианты) и франко-провансальский на юге страны, бретонский в регионе Бретань, диалекты немецкого в Лотарингии и Эльзасе, корсиканский на о. Корсика, баскский и каталанский на пограничье с Испанией, фламанский в соседних с Бельгией регионах, и др. Кроме того, в стране говорят также на языках французских заморских территорий и департаментов, а также на языках иммиграционных сообществ, численность которых растет.

В условиях проводившейся столетиями политики централизации и языковой гомогенизации, региональные языки смогли выжить не только потому, что являлись языками повседневного общения крестьянского населения, но во многом благодаря тому, что выполняли важную функцию идентичности. К началу XX в. они стали символом принадлежности к своей малой родине, «локальной культуре» сообществ, как их называют во Франции, избегая называть этническими меньшинствами. Крупнейшим среди таких сообществ, продолжающих сохранять свое своеобразие, являются бретонцы. По переписи 1999 г. бретонский является третьим по числу на нем говорящих региональным языком. Как указывают специалисты, на бретонском говорит около 680 000, в том числе около 280 000 являются «постоянными носителями» [Redéfinir une politique publique 2013: 10].

Число носителей бретонского языка, как и в случае других малочисленных народов, сокращается. Однако процесс этот далеко не линеен, впрочем, как и вопрос его связи с региональной идентичностью. Совсем недавно лингвистическую политику Франции в отношении так называемых региональных языков, в том числе и бретонского, можно было охарактеризовать как весьма рестриктивную, направленную на их нивелирование. Однако сегодня мы можем наблюдать, что ситуация находится в динамике, модель государственной лингвистической политики меняется, а социолингвистические процессы в Бретани неоднозначны и весьма интересны.

Бретонский язык: численность бриттофонов и ареал распространения

Бретонский язык — язык, на котором на территории Бретани говорят уже около 1500 лет, весьма отличается от французского, государственного языка Франции. Он принадлежит к бриттской ветви кельтской группы индоевропейских языков, близок к валлийскому и корнуэльскому языкам, распространенным в Великобритании. На протяжении веков и вплоть до начала XX в. это был основной язык общения в Бретани. Сегодня число говорящих на бретонском — бриттофонов (brittophones или bretonnants — фр.) в четырех департаментах региона Бретань (Финистер, Кот-д'Армор, Морбиан, Иль-и-Вилен) и в деп. Атлантическая Луара, входившем в состав исторической Бретани, составляет около 5,5% населения [Enquête socio-

linguistique]. Около 9% населения Бретани владеет бретонским языком пассивно, причем в Западной Бретани, где исторически бретонский был более распространен, это владение достигает 20%, а в Восточной — 2% [Wakeford, Broudic 2018: 13].

Знание бретонского в западной части полуострова выше (около 13%), при этом в самом западном департаменте — Финистер — по-бретонски говорит 14% населения, а в восточной — ниже (около 1% населения) [Wakeford, Broudic 2018: 16, 18, 24, 25]. Исследователи отмечают снижение активного владения бретонским. Так, с 2007 по 2018 гг. оно упало на 0,5% [Wakeford, Broudic 2018: 18]. Существуют также данные о том, что чем малочисленнее населенные пункты, тем больший процент людей в них говорит на региональных языках. Пропорция говорящих на бретонском также больше в сельской местности. Наблюдается зависимость владения языками и от возраста — среди пожилых когорт его знание выше [Wakeford, Broudic 2018: 30–31]. Понятно, что старение основных носителей этого языка является для будущего бретонского отнюдь не обнадеживающим фактором.

По классификации «Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств» бретонский относится к *региональным языкам* [Conseil de l'Europe 1992: art.1, al. A.], признан ЮНЕСКО (наряду с другим автохтонным языком этого региона — галло) в числе «находящихся на грани исчезновения» языков [Atlas UNESCO]. Определение, данное в «Европейской Хартии» (1992 г.) «региональным языкам», обозначает их как языки, которые традиционно используются на территории государства жителями этого государства, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства; отличаются от официального языка (языков) этого государства; не включают в себя ни диалекты официального языка (языков) этого государства, ни языки мигрантов. Определение вполне подходит и для бретонского языка.

Помимо бретонского, еще одним «автохтонным» языком в Бретани является галло (гало), — романский язык западно-романской группы, галло-романской подгруппы индоевропейских языков, по существу диалект, развившийся из народно-латинского языка на полуострове Бретань, который бытовал в основном в восточной части полуострова. На сегодняшний день он еще менее распространен, чем бретонский, и также признан ЮНЕСКО находящимся «в опасности», т. е. на грани исчезновения [Atlas UNESCO]. Условная граница между зонами распространения бретонского и галло проходит примерно по центру полуострова с севера на юг по линии поселения Plouha (на севере) до поселения Muzillac (на юге). Общая численность говорящих в 2013 г. составляла около 20 тыс. чел. (а в 1999 г. — 29060), что во много раз меньше, чем число говорящих на бретонском. Не имея возможности в рамках данной работы характеризовать ситуацию с галло, отметим лишь, что характерной его чертой является то, что среди носите-

лей сегодня — почти исключительно люди преклонного возраста, школьного обучения на нем не существует (в первую очередь из-за его невостребованности). И, хотя с 1982 г. ведется его факультативное преподавание в школах, всё же он остается языком разговорного (народного) общения. Большинство говорящих на нем (44%) проживает в самом восточном департаменте — Иль-и-Вилен [Wakeford, Broudic 2018: 25].

Лингвистическая политика государства и «угасание» местных языков

Ситуация, из-за которой бретонский оказался в числе языков, которым угрожает исчезновение, сложилась вследствие упоминавшейся политики языковой унификации, направленной на утверждение французского как единственного государственного языка. Такая политика целенаправленно проводилась с времен Великой французской революции 1789 г., вполне согласуясь с идеями построения французской нации. Однако государственная политика была не единственной причиной распространения на территории Бретани французского языка. Еще в XVI в., после ее присоединения к Франции (1532 г.), бретонская знать стала предпочитать французский, а со времен эпохи Возрождения именно он являлся языком общения горожан и грамотных людей, языком культуры, языком одной из самых сильных монархий Европы. В городах Бретани французский стал преобладать еще в XVIII в. А бретонский, как и другие «местные» языки, оставался средством общения широких слоев населения, прежде всего крестьянства. Еще одной, весьма важной сферой бытования бретонского была церковь. Проповедническая деятельность на бретонском началась довольно рано, ведь еще в Средние века местная церковь выделялась рядом особенностей. Приверженность бретонского духовенства своему языку являлась отличительной чертой еще долгое время.

Указ от 2 термидора II года по республиканскому календарю (1794 г.) объявил французский язык единственным языком всей администрации, и революционеры оказали давление, чтобы навязать французский язык и выступить против языков населения провинций, называемых ими «наречиями» или феодальными «идиомами». Законы того времени были столь жесткими, что его иногда называют «лингвистическим террором». В течение XIX века французский еще более прочно утвердился в городах, а «локальные» языки продолжали бытовать в сельской местности. Однако будем помнить, что речь идет о большинстве населения, Франция тогда была по преимуществу крестьянской страной. К середине XIX в. бретонский был фактически запрещен в школах. «ученикам запрещается говорить на бретонском языке даже во время перемены, а также произносить какие-либо грубые слова. Никакие бретонские книги нельзя принимать

или терпеть», — говорится, например, в статье 21 Положения о начальных школах в районе Лорьян, принятого в 1836 году [цит. по: Broudic 1995: 362]. В конце века, во времена Третьей республики, политика языковой унификации стала проводиться еще более решительным образом. В 1880-х гг. в соответствии с законами Ж. Ферри было введено обязательное начальное образование на французском языке, заменившее образование на местных языках. Запрещалось не только обучение или изучение в школе этих языков, но и какое-либо иное их использование в школе. Школьники наказывались даже за разговор на родном языке на перемене.

Политика усиленной французизации неизбежно приводила к деградации местных языков. Однако их использование продолжалось в повседневной речи. В регионах, и в Бретани в частности, сложилась ситуация классической диглоссии, где доминирующее положение занимал французский, распространенный в престижных сферах — в политике, государственном управлении, образовании, бизнесе, средствах массовой информации, литературе, на нем говорили во французской Академии, и т. д. Сферой же бытования бретонского оставалась повседневная, бытовая коммуникация. Впрочем, государственная лингвистическая политика была не единственным фактором, способствовавшим укреплению позиций французского языка. Свою роль сыграл и ряд других объективных обстоятельств — промышленная революция и урбанизация, связанные с этим исход из сельской местности, появление железной дороги, усилившее интенсивность коммуникаций между регионами страны, служба молодежи в армии, распространение образования и грамотности, общие процессы демократизации, и т. д. Как отмечает Р. Ле Куадик, «бретонцы, находящиеся в ситуации двойного доминирования — социального (отсутствие перспектив социального роста для носителей бретонского языка) и идеологического (французский — язык, предназначением которого было “передать миру самое утонченное свободомыслие“»), тогда как бретонский считался «варварским инструментом суеверных помыслов» [Barère 1794], полагали, что у них нет другого выбора, как только подчиниться требованию монолингвизма, исходящему от государства-нации, архетипа современности. «Упадок бретонского языка, — как справедливо отмечает исследователь, — тем не менее, не был ни тотальным, ни бесповоротным» [Ле Куадик 2013: 111].

Имело значение также и то, что бретонский на протяжении долгого времени являлся по преимуществу языком устной речи (langue de l’oralité), и, по выражению французских исследователей, всегда был «недопредставлен в печатной литературе», при этом большая часть печатных изданий до XX в. — это религиозная литература, еще один заметный «корпус» печатных изданий — это словари, в основном франко-бретонские [Lagrée 1995]. Хотя, благодаря усилиям энтузиастов, в течение XIX — нач. XX в. и увеличивался выпуск других изданий на бретонском, их было неизмери-

мо меньше, чем на французском. В XIX в., благодаря Кельтской Академии, исследователям — собирателям бретонского фольклора, поднялась волна интереса к изучению бретонского языка [Любарт 1997: 294–295], а известным ученым Жаном-Франсуа Ле Гонидеком были предприняты меры к созданию современного бретонского литературного языка, тем не менее бретонский с его четырьмя диалектами не был кодифицирован, нормативной грамматики и учебников разработано не было. Письменный бретонский оставался не столько языком собственно бретонской культуры, сколько языком церкви, языком народным. Бретонский язык активно поддерживался местными церковниками, занимавшими доминирующее положение в бретонском обществе на протяжении веков и поддерживавшими тесную связь с паствой. Это обстоятельство в Париже также воспринималось как тревожное: бретонский ассоциировался с автономистскими настроениями местного священства, а также (в особенности в связи с Законом 1905 г.) клерикализмом.

XIX в. во Франции — это время усиления позиций официального французского языка и угасания языков «локальных». Однако в Бретани ситуация выглядела сложнее. Сдавал позиции заметнее галло, бретонский же, видимо в силу развития самосознания, с которым ассоциировался прежде всего кельтский язык, а также в связи с деятельностью энтузиастов и ученых, был затронут этим процессом в меньшей мере. Значительное число людей продолжало знать бретонский пассивно. На рубеже XIX–XX вв. бретонский всё еще являлся повседневным языком подавляющего большинства сельского населения и моряков [Brunel 1995].

Заметное сокращение числа бриттофонов отмечается с середины 1920-х годов. А с середины 1930-х годов тенденция еще более ускорилась, продемонстрировав настоящий коллапс: всего за десять лет число активно владеющих бретонским с 70% сократилось до 10% [Politique linguistique].

Во время оккупации в годы Второй мировой войны, стараясь продвигать идентичность местного населения (подобно некоторым другим народам), их культуру и язык, власти Бретани получили поддержку этих своих стремлений со стороны нацистов. В это время было допущено изучение в местных школах бретонской истории и языка, поощрялись деятельность Кельтского Института, публикации на бретонском языке, началось радиовещание на бретонском (Radio-Rennes). Проводились исследования в области унификации бретонского языка. Режим Виши попытался ввести преподавание «диалектных языков» в начальной школе двумя законами (1941, 1942), но они были отменены после освобождения от фашистской оккупации.

В послевоенные десятилетия ситуация с бретонским вновь изменилась: он перестал преподаваться, его использование стало сокращаться, и вскоре даже в сфере повседневного общения он стал языком меньшинства, имевшим хождение в среде фермеров, сельскохозяйственных рабочих

и моряков. В эти годы ситуация с бретонским языком в регионе обострялась, приобретая политический оттенок. Отсутствие легального статуса и почти полное исключение бретонского из публичной жизни и школы привели в 1950-е гг. к нарушению его семейной трансмиссии.

Эволюция лингвистической политики во второй половине XX в. «Культурное возрождение» Бретани

Только со второй половины XX века постепенно региональные культуры начали всё-таки восприниматься государством как то разнообразие, которое необходимо сохранять. В 1950-х гг. в отношении региональных языков, наконец, были предприняты меры по их признанию. Первое официальное признание статуса бретонского языка и галло было определено законом 1951 г. (la loi Deixonne), согласно которому они являются региональными языками (как и другие региональные языки (каталанский, окситанский, баскский) [Lois de 1951: art. 1]. Закон сформулировал право *изучать их факультативно* в школе, кроме того, эти языки были допущены в высшее образование (бакалавриат).

Несмотря на некоторый поворот в лингвистической политике, эти меры, конечно же, оказались недостаточными, чтобы предотвратить сокращение бытования бретонского языка. В 1970-е годы даже в Нижней Бретани он являлся языком меньшинства. В 1950–1970 годах стало заметным, что число детей исключительно бретоноязычных очень малО, большинство были либо двуязычны, либо говорили уже только на французском. При этом была выражена тенденция полного перехода детей на французский, что было, конечно связано с представлением многих родителей о его большей престижности и востребованности в жизни.

Тенденция утраты бретонского языка стала вызывать всё большую обеспокоенность в обществе, и в 1960-е гг. власти в регионах приступают к разработке программ билингвального образования. Только к 1970-м годам ситуация начала меняться, причем при активном участии общественных организаций. Среди самых заметных была «Skol an Emsav» (SAE — «Школа бретонского движения» — брет.) — культурное движение, основанное в 1969 г. рядом бретонских энтузиастов (П. Калвезом, Б. Рузом, Л. Кергоатом и др.) для обучения бретонскому языку как современному языку общения. В 1970-е годы активисты «Skol an Emsav», подражая вдохновившему их уэльсскому опыту, пытались организовать обучение бретонскому, но, как оказалось на практике, в целом большого спроса его преподавание не находило, и эксперимент прекратился в 1985 году. Тем не менее офис «Skol an Emsav», расположенный в Ренне, с 1980-х годов превратился в профессиональную организацию обучения бретонскому, которая предлагает вечерние уроки, языковые курсы и длительные курсы (в основном

для взрослых). Сейчас здесь работает 13 человек. SAE принадлежит также издательство, выпускающее, в частности, ежемесячный журнал Bremañ.

На 1970-е годы пришелся значительный подъем движения за возрождение бретонской культуры, который привел к ряду знаменательных событий. В 1975 г. был принят так называемый Закон Аби (по имени министра образования R. Haby), который провозгласил, что «региональные языки и культуры могут преподаваться на протяжении всего образовательного цикла» и «все языки меньшинств могут преподаваться в школах» [Loi de 1975].

Важным событием в культурной жизни Бретани явилась «Культурная хартия Бретани», подписанная в 1977 г. тремя сторонами — государством, Администрацией региона Бретань (Établissement public régional de Bretagne) и Генеральными Советами пяти исторических департаментов Бретани. Хартия впервые признала культурное своеобразие Бретани («personnalité culturelle») и констатировала, в частности, что языкам Бретани (бретонскому и галло) следует уделять особое внимание в образовании, на радио и телевидении. В документе записано, что «преподавание этих языков и связанных с ними культур должно быть обеспечено средствами, необходимыми для их развития, включая преподавание, а также звучание на радио и телевидении» [Chartre Culturelle 1977: Titre II]. Государство обязывалось нести расходы на эти нужды по всей Бретани, кроме того, предусматривалось внедрить новые образовательные программы по вопросам культурного наследия под эгидой Министерства национального образования. Обучение бретонскому языку, согласно Хартии, становилось возможным на факультативной основе со среднего (школьного) цикла (6, 5 классы), а изучение бретонского языка и культуры вводилось в более старших классах (4 и 3 классы), начиная с 1979/80 учебного года. Кроме того, изучение бретонского могло быть продолжено в высшей школе, где этот язык мог преподаваться на правах второго живого языка с возможностью получения степени бакалавра. Министерство национального образования обязывалось обеспечивать подготовку учителей как в рамках повышения квалификации, так и в педагогических колледжах. Кроме того, в университетах планировалось развивать исследования в области бретонского языка и культуры [Ibid.].

Весьма важной структурой, созданной в том же 1977 г. стал Совет по культуре Бретани (Conseil culturel de Bretagne — сокращенно ССВ), в ведении которого находятся разные аспекты бретонской культуры, в том числе и язык. В частности, этот Совет исполняет функции бретонского отделения Европейского бюро малоиспользуемых языков и является одним из инициаторов учреждения ежегодно отмечаемого Европейского дня языков. Вместе с Европейским бюро малоиспользуемых языков ССВ организует «Rencontres des langues et cultures régionales ou minoritaires» («Встречи региональных и миноритарных языков и культур»), которые ежегодно

собирают представителей культуры из примерно десяти регионов. Совет по культуре Бретани также принимает участие в ежегодных встречах организации «European Partnership For Diversity», где собираются представители ассоциаций и общественности различных региональных языков и языков меньшинств, а также представителей европейских государств и институтов. Кроме того, в порядке текущей работы Совет проводит и другие мероприятия. Экс-президент этого Совета, Поль Молак, является депутатом от Бретани в Национальной Ассамблее Франции, в прошлом учитель, владеющий двумя языками Бретани (бретонским и галло), активный борец за государственное признание региональных языков, весьма настойчиво отстаивающий культурные интересы Бретани, о чем еще будет сказано ниже.

Следует отметить также деятельность Института бретонской культуры — Institut Culturel de Bretagne — влиятельной общественной организации при региональном органе власти — Региональном совете Бретани, возникшей в 1982 г. в результате подписания Культурной Хартии. Занимающаяся изучением и развитием бретонской культуры в широком смысле слова, она уделяет внимание и бретонскому языку. Здесь была создана и функционировала Бретонская языковая служба, деятельность которой приобрела столь обширный и значительный характер, что в 1999 г. она была преобразована в Офис бретонского языка — основной организм, координирующий в настоящее время вопросы этого языка в регионе.

Одним из важных последствий подписания бретонской «Культурной хартии» был подъем интереса к бретонскому языку и культуре в целом, возможность новых инициатив, участие известных деятелей культуры в ее развитии. В начале 1977 года известный бретонский музыкант, активист партии Демократический союз Бретани (UDB) Р. Л'Ости (Reun L'Hostis), вдохновленный примерами ирландской, баскской, каталонской школ, предлагающих образование на языке меньшинства, обратился к одному из муниципалитетов Западной Бретани (деп. Финистер) — Ламполь-Плудальмезо (Lampaul-Ploudalmézeau) с инициативой создания подобной школы в Бретани. Мэр этого поселения, сторонник идеи сохранения и развития бретонского языка, а также муниципальный совет, поддержали этот проект. Так уже в 1977 г. состоялось открытие первой школы ассоциации «Диван» («Diwan» — росток — брет.), — школы, где началось преподавание на бретонском языке. Первый набор на начальный уровень («материнской школы», аналог нашему детскому саду) состоял только из 7 учеников. Однако школы «Дивана» были поддержаны общественностью, удовлетворяли возрастающий интерес к бретонскому языку, а количество учеников в них постоянно росло вплоть до последнего времени. Интерес к бретонскому языку и его изучению постепенно нарастал, и скоро обучение ему стало происходить не только в школах «Дивана». В 1983 г. частично по-

явилось двуязычное (на французском и бретонском) образование в государственных учреждениях, а в 1990 г. — в частных. Бретонский начал преподаваться факультативно во многих начальных школах, в средней и старшей школе Бретани. Образование на бретонском развивалось быстрыми темпами — появилась сеть билингвальных школ, число взрослых, которые изучают язык (как правило на курсах), растет год от года.

Сегодня школы «Дивана» весьма популярны в Бретани, в особенности западной ее части. Это сеть ассоциированных с государственной программой бесплатных светских школ, где обучение ведется на бретонском языке. Школы и колледжи «Дивана» имеют статус частных учреждений, они работают по контракту, т. е. подписывают договор ассоциации с государством. Учителя должны следовать официальным программам и проходят проверки, как и их коллеги в системе государственного образования. Школы «Дивана» могут частично финансироваться государством, а также местными сообществами. На практике эта помощь принимает две формы: выплата части заработной платы учителей государством и предоставление муниципальных, ведомственных и/или региональных субсидий.

Однако закон требует, чтобы учебное заведение работало без посторонней помощи в течение пяти лет, прежде чем оно сможет претендовать на ассоциированный статус и поддержку государством. Большая часть бюджета школ «Дивана» поступает тем не менее за счет пожертвований от частных лиц, либо непосредственно школам, либо через федерацию «Дивана», которая собирает средства и перераспределяет их между различными школами [Guégan 1996]. Комитеты поддержки «Дивана» регулярно организуют различные мероприятия, в том числе и для сбора средств. Некоторые, например, «Tro Menez Are» и «Randorade», ежегодно привлекают тысячи участников.

Конечно, изучение детьми бретонского языка происходит обычно благодаря желанию и поддержке взрослых, особенно родителей. Не удивительно, что в Бретани действует немало родительских ассоциаций, занимающихся этими вопросами. Одна из первых родительских ассоциаций поддержки изучения бретонского — Association des Parents d'Eliives pour l'Enseignement du Breton (APEEB) была создана в 1979 году в г. Ренне Ж. Коскером, П. Кермоаль-Маз и П. Оливье. Цель ассоциации заключалась в том, чтобы «подчеркнуть ценность раннего двуязычия и преимущества, которые дети могли получить от изучения бретонского» в детстве, а также скоординировать действия родительских коллективов для общения с учителями бретонского, муниципалитетами, государственными структурами, связанными с вопросами его преподавания, другими ассоциациями [Broudic 2003]. Родители учеников двуязычных школ сгруппированы соответственно в две ассоциации: «Div Yezh» («Два языка» — брет.) — ассоци-

ация родителей учеников государственных школ, и «Dihun» («Пробуждение» — брет.) — для католических школ.

Таким образом, в современной Бретани существует три разновидности школ, в которых дети обучаются бретонскому языку. Самыми многочисленными из них являются школы «Дивана». В 2020/21 учебном году в 5 департаментах Бретани работало 47 таких школ. Всего в школах разных ассоциаций в 2020 г. обучалось бретонскому следующее число учеников: 4059 чел. в школах «Diwan»; 9 583 чел. в государственных школах («Div Yezh»); 5523 чел. в католических школах («Dihun») [Ecole Diwan].

Ассоциация «Диван», ставящая целью развитие образования на бретонском языке, пользуется поддержкой властей региона и общественности. Региональный Совет Бретани способствует деятельности «Дивана», в том числе помогая решать некоторые финансовые вопросы, которые возникают из-за колебаний правительства в вопросах субсидирования работы школ этой ассоциации, выступает посредником в переговорах с министром национального образования, и т. д. Поощряет деятельность «Дивана» и авторитетное в регионе политическое движение «Бретонский демократический союз» (UBD), который поддерживал ассоциацию «Диван» в вопросах автономии управления школ, и, — что очень важно, — в вопросе иммерсивного метода преподавания бретонского в этих школах, вопроса, который вызывает серьезные возражения со стороны национальных властей. Считается, что изучение бретонского языка методом «погружения» нарушает конституционный принцип, согласно которому единственным государственным языком является французский [«*Contrat aidé*» 2017].

Многие известные деятели культуры Бретани публично заявляют о своей поддержке «Дивана», среди них такие известные в Бретани личности как певец и музыкант Алан Стивель, мореплаватели Эжен Ригидель, Флоранс Арто и Филипп Пупон, известные в Бретани профессор палеонтологии Ив Коппан, профессор кардиологии Кристиан Каброль и др. Празднование 30-летнего юбилея открытия школ «Дивана», которое состоялось в 2008 г., приобрело большой масштаб и стало праздником всей Бретани: были организованы различные праздничные мероприятия — концерты, выставки, фестивали. К нему были приурочены первые национальные соревнования по настольной игре «скрабелл» (*skrabell*), состоялась эстафета «Ar Redadeg» на 600 км Нант-Брест-Каре, и т. д. Конечно, это и другие события вокруг бретонского языка говорят, какое значение он имеет сегодня для бретонского общества.

Отметим, что бретонские активисты согласовывают действия в продвижении своего языка с представителями других регионов. Речь идет прежде всего о деятельности асоциации «Федерация региональных языков в государственном образовании» («Fédération pour les langues régionales dans l'enseignement public» — FLAREP), которая объединяет основные

ассоциации родителей учеников и учителей, задействованных в преподавании региональных языков в системе государственного образования. FLAREP, созданный в Байонне в ноябре 1987 г., субсидируется Министерством национального образования и является коллективным представителем своих членов перед органами государственной власти. От Бретани туда входит упоминавшаяся ассоциация «Div Yezh».

Кроме школьного образования, немалый интерес вызывают различные курсы бретонского языка для взрослых — краткосрочные и долгосрочные стажировки, курсы заочного обучения, вечерние занятия, летние школы и т. п. Так, в современной Бретани около 165 организаций предлагают вечерние занятия, а кроме того, около 30 — за пределами Бретани, в том числе 15 в районе Парижа [Office public]. К их числу относится старейшая — KEAV — «Kamp Etrekeltiek Ar Vrezhonegerion», летняя школа бретонского языка, созданная в 1948 году и базирующаяся в Скаере, деревне в Корнуайле. Ассоциация U. B.A.P.A.R. («Union Bretonne pour l'Animation les Pays Ruraux») на протяжении тридцати лет занимается развитием досуга на бретонском и галло по всей Бретани [UBAPAR]. Среди относительно недавно созданных выделяются школа для взрослых «Pol Brezhoneg Skol An Emsav» (в Ренне), «Kentelioù An Noz» (в департаменте Атлантическая Луара). В 2001 г. ряд подобных организаций объединились в ассоциацию «Deskiñ Brezhoneg from an Oadourien» («Изучение бретонского для взрослых» — брет.).

Бретонский язык на рубеже XX и XXI вв.: «новая динамика»

С 1980-х годов, когда интерес к бретонскому языку возрос, он попал в своеобразную «новую динамику», стал заметнее в публичной жизни. В самом начале 1980-х годов движение «Skol An Emsav» выступило с инициативой введения двуязычных (на бретонском и французском) дорожных указателей. Именно дорожные указатели и вывески оказались важным наглядным символом бретонской идентичности. Их появление на улицах городов Бретани (осуществляемое тогда еще «явочным порядком») относится к середине 1980-х годов, когда органы местного самоуправления начали принимать соответствующие решения, как это было, например, в департаменте Кот-д'Армор (1986 г.), затем — в департаменте Финистер (1990 г.), в департаменте Морбиан, Атлантической Луаре. Таких двуязычных обозначений много в городах Брест, Кампер, Каре, Лорьян, Ланестер.

Начиная с 1984 г. на арену «борьбы за бретонский язык» вступила ассоциация с говорящим названием «Сражение за бретонский язык» — «Stourm ar Brezhoneg» (SAB), возникшая в недрах «Skol An Emsav» из более радикального крыла и впоследствии отделившаяся в самостоятельную организацию. Ее целью стало признание *официального статуса* бретон-

ского языка в общественной жизни. Организация требовала мер по утверждению бретонского языка в разных сферах жизни — сделать официальным дорожное двуязычие, дать место бретонскому языку на радио, телевидении, в государственном образовании, административной жизни. А с середины 1990-х гг. среди требований стала фигурировать возможность говорить на бретонском языке в суде, заполнять на нем чеки и другую банковскую документацию, иметь бретонский интерфейс для банкоматов и т. д.

В результате многочисленных акций «сопротивления», т. е. борьбы за права бретонского языка (включая митинги, протесты, бойкоты), активисты SAB оказались участниками многих судебных разбирательств, в большинстве случаев заканчивавшихся суровыми приговорами. С 1984 по 1988 год было проведено 12 судебных процессов, и 19 активистов были осуждены за свою деятельность [Nicolas 2012:161]. Ассоциации и ее членам помогает «Skoazell Vreizh», организация, оказывающая гуманитарную помощь бретонским активистам.

В 1990-е гг. интерес к бретонскому стал проявляться не только в Западной, но отчасти и в Восточной Бретани. При этом число говорящих на нем сокращается — в основном из-за ухода людей старших возрастов, для которых он был родным, а также нарушенной межпоколенной трансмиссии и тому обстоятельству, что изучение бретонского среди детей и молодежи реально охватывает лишь небольшую их часть. Однако сам бретонский язык всё чаще оказывается в центре общественных дебатов. «Чем меньше мы говорим на нем, тем больше говорим о нем», — это высказывание одного из журналистов, прозвучавшее 1 августа 1991 года в региональной газете, стало афоризмом, как нельзя лучше характеризующим ситуацию с бретонским языком [Broudic 2010: 2].

Закон № 94–665 от 4 августа 1994 года об использовании французского языка, известный как «Закон Тубона», официально признал использование *региональных языков* в образовании. Кроме того, он признал право французского гражданина получать юридическую и деловую информацию (юридические документы, трудовые договоры, потребительскую информацию о продуктах, инструкции и гарантии) на французском языке, а также перевод этих текстов на другие языки. Под последними имеются в виду прежде всего региональные языки Франции. В развитие этого закона Циркуляр министра национального образования Франсуа Байру от 7 апреля 1995 г. включил в школьную программу изучение регионального языка и культуры.

Главной организацией, координирующей вопросы, относящиеся к бретонскому языку на территории Бретани, стал «Office de la langue bretonne». В своем первоначальном виде он был создан в 1999 году по инициативе администрации региона Бретань, при поддержке Министерства культуры и коммуникаций Франции. Его главной задачей виделась реа-

лизация языковой политики в регионе. Позднее, в 2010 г., он был преобразован в «Office public de la langue bretonne» (OPLB), (фр. «Общественный офис бретонского языка»; по-бретонски — Ofis Publik ar Brezhoneg), являющийся «общественным учреждением культурного сотрудничества» с теми же функциями. «Офис» финансируется как из регионального, так и из центрального бюджета и исполняет несколько важных миссий. Одна из них — *научная, исследовательская*. Офис занимается мониторингом различных аспектов бытования бретонского языка, публикует результаты своих исследований, консультирует по ряду вопросов (двуязычные обозначения, топонимы и т. д.), проводит диагностику состояния использования бретонского языка в каждой местности, которая осуществляется по запросу «заинтересованных сообществ». Важным направлением деятельности Офиса является преподавание бретонского языка, в частности помощь в работе курсов для взрослых.

В 2001 г. эта организация инициировала программу, сыгравшую, на мой взгляд, заметную роль в укреплении позиций бретонского языка в повседневной жизни. Местным предприятиям, учреждениям, предпринимателям, а также, — что весьма существенно, — местным коллективам (коммунам), было предложено в добровольном порядке участвовать в движении с говорящим названием «*Ya d'ar brezhoneg*» («Да, по-бретонски»). Эта инициатива имеет два варианта, один ориентирован на профессионалов, предприятия и организации, второй — на местные коллективы. В соответствии с выдвигаемыми целями и обязательствами коллектив включается в тот или иной уровень поддержки бретонского языка. Смыслом программы является общение между собой, с клиентами, поставщиками на бретонском, ведение на этом языке документации, использование бретоноязычных надписей в офисах и т. д. В зависимости от принимаемых обязательств это может быть различная степень коммуникации на бретонском — от частичной до полной, последняя означает выполнение всей внутренней работы на бретонском языке.

Версия участия в этом конкурсе, предназначенная для местных органов власти, таких как мэрии или общины муниципалитетов, направлена на содействие использованию бретонского языка в повседневной жизни граждан. Большинство мер ориентировано на развитие двуязычия, среди них уже упоминавшиеся — установка двуязычных указателей и вывесок на муниципальных учреждениях; двуязычные приглашения на культурные мероприятия, организованные мэрией, визитные карточки для выборных должностных лиц; двуязычный муниципальный автоответчик; формы для регистрации гражданских состояний (брак, рождение, смерть и т. д.); финансовая или техническая помощь для создания или развития двуязычного образования в муниципалитете; двуязычный муниципальный веб-сайт; двуязычная редакция городской газеты; участие муниципалитета в кампа-

нии Офиса бретонского языка для продвижения курсов бретонского для взрослых, и т. п.

Участие организаций и коллективов в этой программе афишируется, поощряется и пропагандируется Офисом бретонского языка. Главным ориентиром его деятельности является увеличение числа людей, владеющих языком. Считается, что для этого бретонский язык нуждается в поддержке во всех социальных слоях и сферах общественной жизни, именно на это направлен получивший в Бретани популярность проект «Ya d'ar brezhoneg». Показательно, что общественность откликается на инициативы Офиса. Большинство коммун Бретани подписали соглашения о введении на своей территории различных мер в соответствии с этим проектом [«Ya d'ar brezhoneg»]. Общественный офис бретонского языка и телеканал «Франция 3» каждый год проводят награждение людей, способствующих «будущему бретонского языка». Существует 7 номинаций, согласно которым соревнуются участники — организации, кампании, ассоциации, создатели аудиодисков и видеопроизведений, — внесшие вклад в развитие и продвижение бретонского языка. И, хотя сами по себе призы не велики, награда является почетной и имеет общественный резонанс.

Офис оказывает также практическую лингвистическую поддержку населению. С этой целью действует ряд служб: команда профессиональных переводчиков, работающих над текстами на бретонском для бизнеса и других организаций. В 2017 г. здесь было осуществлено 1788 переводов. Кроме того, функционирует служба TermOfice, деятельность которой направлена на разработку терминологии, связанной с бизнесом, новыми техническими реалиями современной жизни, на бретонском языке. Консультации по этим вопросам имеют немалый спрос, в день в среднем — около 300 обращений [Les services de l'office].

В работе этой и других консультационных лингвистических служб велика роль Ученого совета Офиса. Эта организация имеет статус *справочной инстанции* (organisme de référence)**.** В совет входит 11 лингвистов под руководством проф. Ф. Фаверо (F. Favereau**)**, специалистов в разных областях бытования языка — лексикографии и терминологии, стандартизации имен собственных (бретонских фамилий, экзонимов-топонимов и др.). Собираемый материал интегрируется непосредственно в конкретные базы данных, идет работа по выработке новых терминов, и т. д. Новая и выверенная терминология считаются, после утверждения Ученым советом Офиса, официально принятыми.

Поскольку в Бретани хорошо осознают, что старшее поколение — основной носитель этого языка, — постепенно уходит, задача системного сбора лингвистического материала понимается как безотлагательная. Сбор устного и письменного наследия бретонского языка, его сохранение, изучение и распространение являются миссией Службы лингвистическо-

го наследия Офиса бретонского языка (Le Service Patrimoine linguistique et signalisation). Сотрудники службы осуществляют фиксацию наследия бретонского языка в регионе, включая местные названия и топонимику, ибо одна из ее задач — верификация названий на бретонском для дорожных и иных указателей. К концу 2014 г. усилиями службы было собрано 83700 топонимических единиц, в том числе методом опросов старшего поколения [Les services de l'office].

«Агентство развития», которое также является одной из структур «Офиса», осуществляет деятельность, направленную на поощрение использования бретонского в разных сферах общественной жизни, изучения языка людьми всех возрастов, начиная с раннего детства до преклонного возраста. По данным 2018 г. в Агентстве насчитывается 136 членов-организаций, деятельность которых связана с преподаванием и поддержкой бретонского языка. Агентство сотрудничает в этих вопросах с муниципалитетами, ассоциациями (прежде всего Diwan), курсами, ассоциациями родителей школьников, изучающих бретонский, и т. д. [Les services de l'office].

Интересна также работа еще одной структуры Офиса — «Обсерватории лингвистических практик» (Observatoire des pratiques linguistiques), специалисты которой занимаются мониторингом и анализом бытования языков на территории региона — в первую очередь бретонского, но также галло и языков мигрантов. Сотрудники Обсерватории выступают с докладами, публикуют ежегодные досье по результатам анализа лингвистической ситуации и проблем изучения бретонского языка. Эта информация обращена не только к общественности, но также и к лицам, принимающим политические решения. Печатным органом Обсерватории является журнал «Keleier Ofis Publik ar Brezhoneg». Темы публикуемых здесь материалов весьма разнообразны и охватывают многие аспекты бытования языка, как то: его межпоколенная передача, правовой статус, изучение языка и вопросы образования, использование официальными учреждениями, средствами массовой информации, функции в экономической жизни и т. д. Понятно, что подобный мониторинг, представляющий лингвистическую ситуацию региона в динамике, позволяет видеть проблемы и формулировать четкие и целенаправленные предложения по проведению языковой политики. Как представляется, именно Офис является тем институтом, который сильнее всех выражает обеспокоенность состоянием бретонского языка и перспективами его существования.

Бретонский язык сегодня: проблемы трансмиссии и изучения

Эта обеспокоенность неслучайна: несмотря на большой интерес к бретонскому и работу по его сохранению, будущее этого языка вызывает трево-

гу: «бретонский язык, несомненно, является одним из тех, число говорящих на котором сократилось больше всего с середины XX века» [Broudic 2010: 2]. В самом деле, если в старших поколениях (возрастной категории 70+) 88% бретонцев усвоили бретонский язык в семье от родителей, то среди молодежи — таковых очевидное меньшинство (в категории 15–24 года — только 10%), а 90% освоили его через систему образования [Wakeford, Broudic 2018: 51]. Данное обстоятельство обратило общественное внимание на проблему изучения бретонского с самого раннего возраста. Стремление родителей и родительских ассоциаций к тому, чтобы дети изучали бретонский язык с дошкольного возраста — это, конечно же, в первую очередь культурный выбор, связанный с представлениями бретонцев о своей идентичности. Пример такой ассоциации — «Divskouarn» («Уши» — брет.), которая была создана (в 2005 г.) для популяризации бретонского языка для дошкольников, наиболее активная в Западной Бретани.

Деятельность другой, одной из старейших родительских ассоциаций APEEB («Association des Parents d'Elèves pour l'Enseignement du Breton»), направлена на изучение текущей ситуации и создание наилучших условий для изучения бретонского малышами. Очень важным условием является наличие нянь, воспитателей, учителей, которые могли бы говорить с детьми на этом языке. Ассоциация ведет каталог тех лиц, кто может работать на бретонском, и предлагает объединение в группы желающих трудоустроиться. Поскольку идеальным местом для передачи языка является семья, то энтузиастами ассоциаций проводятся консультации с родителями, а также организуются группы встреч, чтобы семьи могли обмениваться опытом и изучать язык со своим ребенком. Для этих непростых задач созданы курсы с учетом степени знания бретонского родителями и их детьми [Mazo 2010: 6]. Еще одной из форм обучения языку маленьких детей являются курсы, в том числе летние. Они существуют в центрах отдыха, центрах хобби и т. п. Большинство из этих центров расположены в деп. Финистер (15 центров) и Кот-д'Армор (7). Три находятся в деп. Морбиан [Chevalier 2007: 83].

Депутат П. Молак отмечает, что большой вклад в развитие преподавания бретонского маленьким детям вносят сами родители. Однако несмотря на несомненный успех в этом деле, двуязычное образование в регионе всё еще недостаточно развито. «Доля детей в детском саду составляет почти 6% от возрастной группы в Финистере, 5,24% в Морбиане и 2,75% во всей Бретани» [Molac 2010: 5]. Число детей, изучающих бретонский, пока отстает от европейских стандартов в этой области.

Каковы же причины, по которым система образования не удовлетворяет запросу на двуязычие? Самой очевидной является то, что в регионе просто не хватает учителей бретонского языка. Сказывается также и то, что «учреждения образования не имеют для этого необходимых инстру-

ментов. Поощрение двуязычного образования остается делом ассоциаций родителей, тогда как во многих регионах Европы оно осуществляется государственными органами». Кроме того, порой возникают другие административные препятствия — со стороны муниципалитета, школьного педагогического коллектива, и т. д. Для изменения ситуации необходимо изменение законодательства, которое признает право, являющееся реальностью в большинстве европейских стран: право на преподавание региональных языков [Molac 2010: 5].

«Европейская хартия региональных языков» и изменение официальных парадигм

Важным этапом в упрочении позиций бретонского языка стала «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств», принятая Комитетом министров Совета Европы 25 июня 1992 г. и вступившая в силу 1 марта 1998 года. Хартия была ратифицирована двадцатью пятью из сорока семи стран-членов Совета, восемь государств, включая Францию, подписали, но не ратифицировали ее. При подписании Хартии Францией (7 мая 1999 г.) французской стороной был «выговорен» целый ряд особых «условий, которые несколько снижали языковые полномочия региональных языков в стране» [Ермакова 2015: 120]. Однако Государственный Совет Французской республики, а затем и Конституционный совет отказались от ратификации Хартии. Решением Конституционного совета от 15 июня 1999 г. она была признана в ряде положений противоречащей Конституции страны. Несовместимыми с основным законом страны считаются Преамбула в ее первом параграфе (статья 1 (пункты a и b), а также статья 7 (пункты 1b и 4). Они были признаны «нарушающими конституционные принципы неделимости Республики, равенства перед законом и уникальности французского народа». Кроме того, было сочтено, что положение, предусматривающее, что «государства облегчают или поощряют использование региональных языков в общественной жизни» (статья 7–1d), противоречит статье 2 Конституции, согласно которой «французский язык является языком Республики» [Redefinir une politique publique 2013: 22].

Несмотря на то, что Хартия не была ратифицирована, Франция тем не менее взяла на себя обязательство исполнять ряд положений, которые были сочтены соответствующими целям государства в отношении региональных языков, обеспечении мер их защиты. Правительство Франции продемонстрировало волю к реализации ряда весьма существенных ее положений. Сама по себе эта установка — намерение присоединиться к охране «исторических» языков Европы как элемента европейского культурного наследия, нуждающегося в защите от исчезновения, — является весьма показательной и говорит о заметном изменении отношения к этим языкам.

В числе прочего Франция поддерживает и положение Хартии о праве «использовать региональный язык или язык меньшинства в частной и общественной жизни», которое признается Хартией неотъемлемым правом людей, говорящих на нем [Redefinir une politique publique 2013: 21].

Хартия включает предложения по мерам использования языка в разных сферах общественной жизни, как то — образование, правосудие, административные органы и общественные услуги, средства массовой информации, культурная деятельность и объекты, экономическая и социальная жизнь, трансграничные обмены. Предусматривает она и меры контроля за их соблюдением. Предполагается, что государства, подписывающие Хартию, должны взять на себя выполнение минимум тридцати пяти обязательств (из девяноста восьми) [Redefinir une politique publique 2013: 22].

Вопрос о подписании и ратификации Хартии вызвал оживленные политические споры. Левые политические силы, в особенности представители социалистической партии, приветствовали Хартию (как например, С. Руаяль), настаивали даже на внесении изменений в Конституцию, которые бы позволили Франции принять документ (премьер-министр Л. Жоспен). Однако против ее ратификации выступали правые партии во главе с президентом Жаком Шираком. Дискуссии о ратификации Хартии продолжались еще как минимум десятилетие.

Начало XXI в. ознаменовало собой, как представляется, новый этап в бытовании бретонского языка. Произошло определенное смягчение государственной политики по отношению к региональным языкам, они стали рассматриваться не столько как угроза единству государства, сколько в парадигме культурного наследия, нуждающегося в сохранении. Эта государственная либерализация включает и ряд вполне конкретных мер, и сопровождается немалой активностью самих бретонцев. Созданы и благополучно существуют институты и практики, поддерживающие бытование и изучение бретонского языка. В последние годы региональные языки, и бретонский в частности, действительно заметно поддерживаются государством в рамках существующих законов. Что касается Бретани, то это явление ощутимо как с точки зрения выделяемых (в том числе государством) ресурсов, так и по активизации различных общественных практик.

Заметим также, что вопрос о бретонском языке в самой Бретани не вызывает, в общем, значительных разногласий у представителей разных политических взглядов. Это в определенной мере вопрос, который, несмотря на его сложность, неодинаковые представления его носителей, объединяет большинство.

К началу 2000-х гг. относится повышение внимания к лингвистической политике со стороны научного сообщества и политиков, введение новых лингвистических понятий, и даже частично смена парадигмы в этом отношении. По мнению французского лингвиста А. Вио, занимающегося

вопросами политики в отношении региональных языков, в начале 2000-х годов получает распространение (при поддержке министерства культуры) понятие *«языки Франции»*. Оно является наиболее широким и включает в себя некоторые языки без территории или языки, появившиеся во Франции в результате иммиграционных процессов в XX веке. Здесь *отсутствует идея меньшинства*, часто ощутимая в лингвистическом дискурсе других европейских стран. Возможно, понятие «языки Франции» хорошо вписывается в общую европейскую ситуацию — ситуацию Совета Европы и его 47 стран [Вио А. 2009].

В 2004 г. Региональный Совет Бретани возглавил известный политический деятель Жан-Ив Ле Дриан, который является активным поборником существования и развития бретонского языка. Во многом при его поддержке 17 декабря 2004 г. Региональный совет Бретани единогласно признал существование бретонского и галло (наряду с официальным французским) как языков Бретани. Региональный совет разработал дальнейшие меры по сохранению и развитию бретонского языка и еще раз призвал Париж ратифицировать Европейскую хартию региональных языков [Breton].

При поддержке Регионального совета и других структур с 2004 г. в Бретани началось ежегодное празднование Дня Бретонского языка.

Конституционное признание бретонского и ряда других языков как *региональных* состоялось 21 июля 2008 года: с принятием новой статьи 75–1 Конституции, которая признает, что все региональные языки являются «*национальным достоянием Франции*». Таким образом, они попали в сферу деятельности Министерства культуры, которое в частности, занимается обеспечением «защиты культурного разнообразия». При этом бретонский (как и другие региональные языки) не объявляется официальным языком региона, таковым остается только французский. Но и признание его статуса как регионального языка имеет вполне практическое выражение, влияющее на лингвистическую ситуацию: оно означает поддержку (в т. ч. финансирование) государством, региональными и муниципальными властями мер по защите и продвижению бретонского языка. Речь идет в первую очередь об обучении бретонскому языку, а также — официальном признании со стороны Парижа двуязычных топонимических названий и дорожных знаков, поддержке телевизионных и радиопрограмм и некоторых других мерах, на которых так долго настаивали в Бретани.

В 2009 году ЮНЕСКО классифицировала бретонский и галло как «языки, находящиеся под серьезной угрозой исчезновения». Однако это решение и принятие Конституционной поправки (75–1) всё-таки не позволили ратифицировать «Европейскую Хартию региональных языков или языков меньшинств», — так велико было сопротивление ее противников, в т. ч. решительно возражавшего президента Республики Николя Саркози. Франсуа Олланд в ходе своей избирательной кампании в 2011 г. (особенно

во время выступлений на Корсике) обещал вернуться к обсуждению вопроса о Хартии в парламенте в случае своего избрания и добиться ее ратификации. Но и он столкнулся с сопротивлением тех, кто считает, что такие меры повредят в конечном итоге единству страны.

Шестого марта 2013 г. министром культуры и коммуникаций О. Филиппетти был создан «Консультативный комитет по продвижению региональных языков и внутреннего языкового многообразия». Комитет занялся разработкой методов и рекомендаций по применению 39 обязательств, взятых на себя Францией в результате подписания «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств». В сфере полномочий Комитета оказался немалый круг вопросов: изучение реального положения этих языков в стране, результатов политики, проводимой в отношении них; формулирование предложений и мер во всех сферах деятельности органов государственной власти, затрагивающих языки Франции в соответствии с конституционными рамками. Комитет заслушивает выступления многочисленных выборных должностных лиц, представителей образовательных и культурных ассоциаций, СМИ и университетов, экспертов, представителей основных языков, на которых говорят во Франции, в метрополии Франции и за рубежом [Redéfinir une politique publique 2013: 8].

Комитет, в полномочиях которого не находится решение конституционной проблемы по ратификации Хартии, сосредоточил свое внимание на оценке реального положения языков в стране, предложений по реализации «политики многоязычия, которая соответствует социальным, экономическим и культурным вызовам, связанным с владением несколькими языками» [Ibid.]. Предложения Комитета были основаны на убеждении, что развитие внутреннего языкового плюрализма является необходимой государственной политикой, отвечающей общим интересам, — защите и сохранению этих языков как неотъемлемой части национального наследия. Помимо обязательств, взятых на себя Францией в соответствии с «Европейской хартией региональных языков или языков меньшинств», эта тенденция соотносится также с Конвенцией ЮНЕСКО 2005 г. об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, в преамбуле которой говорится, что «языковое разнообразие является основополагающим элементом культурного разнообразия», а также с Конвенцией ЮНЕСКО 2003 г. об охране нематериального культурного наследия.

Результаты политики, проводимой в пользу региональных языков государством (в особенности Генеральной комиссией по французскому и местным языкам), местными властями, организациями гражданского общества в течение последних двух десятков лет, отнюдь не незначительны. Например, в области правосудия (статья 9 Хартии) наиболее важные законодательные акты Франции переведены на региональные языки, в том числе на бретонский [Redefinir une politique publique 2013: 42]. Вследствие

политических противостояний Хартия до сих пор не ратифицирована Францией, но следует отметить, что ряд ее положений фактически исполнялись и исполняются.

Бретонский язык в региональной политической повестке

Вопрос о бретонском языке, неопределенность статуса которого в регионе ощущается, остается, так или иначе, на повестке дня. С особой силой он возникает в случаях обострения каких-либо региональных проблем. Так было, например, во время событий 2013 г. в Бретани, — поднявшегося массового протеста «красных колпаков». Этим выражением, отсылающим к известным историческим событиям, было названо движение современных фермеров региона против фискальных ужесточений, увеличения «эко-налога», и т. д. Экономические по существу протесты выплеснулись в политическую сферу. Ассоциация, руководившая выступлениями — «Жить, решать, работать в Бретани» («Vivre, décider, travailler en Bretagne») наряду с экономическими требованиями выдвинула политические, среди которых оказались и относящиеся к бретонскому языку и культуре: «Сделать официальными бретонский язык и культуру» («Officialiser la langue et la culture bretonnes!»), «Обеспечить Бретань собственными аудиовизуальными и цифровыми медиа» («Doter la Bretagne de ses propres médias audiovisuels et numériques»). Вновь, как и в 1970-е гг., время подъема регионалистского движения, был выдвинут лозунг о присоединении к региону Бретань департамента Атлантическая Луара, исторически входившего в ее состав [См. например: «Morlaix: les 11 revendications» 2014].

Акции и требования движения «красных колпаков» получили поддержку многих политических партий, ассоциаций и других организаций Бретани. Показательно, что в поддержку манифестаций, имевших место на протяжении нескольких месяцев 2013 г. в разных местах Бретани, выступили также музыканты, певцы и композиторы, приверженцы бретонской культуры. Специально на бретонском языке известным музыкантом Эрве Куденнеком была написана песня о событиях в Кемпере и Каре («Sklerijenn war ar Bonedoù Ruz»). Одна из бретонских музыкальных групп «Les Glochos» записала песню «Красные колпаки» (Les Bonnets Rouges). Напомним, что бретонская музыка, в особенности рок, является сегодня одним из самых ярких маркеров бретонской культуры. Выступления музыкантов и групп, — Les Frères Morvan, Gilles Servat, Dom Duff, Gwennyn, Plantec, OlavH, — исполняющих композиции в бретонском стиле, на бретонском языке нередко сопровождают демонстрации и политические акции в регионе.

Недовольство, спровоцированное проблемой (не)признания региональных языков, отказом в воссоединении с регионом Бретань историче-

ски бретонского департамента Атлантическая Луара, вопреки поддержке этого требования депутатами, — не раз приводило к многолюдным акциям протеста, одна из которых, проведенная 27 сентября 2014 г. в Нанте, насчитывала около 30 тысяч человек» [Беван 2017].

Активную позицию бретонцев по языковому вопросу поддерживает президент Э. Макрон. Во время визита в г. Кемпер 21 июня 2018 г. он поделился своими планами относительно региональных языков, выразив свое желание о принятии некоторых мер, и обещал сделать из Бретани некую «лабораторию» языковой децентрализации [Lacoste 2018]. Однако, намерения президента встречают сопротивление в законодательных органах власти, по причинам, о которых уже говорилось. Поистине, важным событием в отношении лингвистического законодательства страны ознаменовался 2021 год. Депутат от Бретани в Национальной Ассамблее Франции, экс-президент Совета по культуре Бретани Поль Молак явился инициатором и докладчиком по закону о региональных языках.

Важный закон, расширяющий употребление региональных языков, был одобрен Национальной ассамблеей Франции 10 апреля 2021 г., получив неофициальное название — «Закон Молака». Однако в мае 2021 г. Конституционный Совет признал две статьи (4 и 9) предложенного закона не соответствующими Конституции. Речь идет о ст. 4 — об «иммерсивном» обучении (изучении языка при помощи лингвистического «погружения»). Использование регионального языка в качестве основного языка обучения, по мнению юристов Совета, противоречит ст. 2 Конституции. Вызвала возражения и ст. 9 о допущении диакритических знаков, используемых, например, в бретонском языке, в частности, при написании имен и фамилий, что признано также противоречащим ст. 2 Конституции, постулирующей, что «языком Республики является французский» [Dйcision n° 2021].

Заметим, что активным противником принятия закона, значительно расширяющего права региональных языков, по ряду причин, сходных в целом с заявленными юристами, был Жан-Мишель Бланкер, министр образования страны. Бретонские же депутаты активно проявили свою позицию при голосовании в парламенте по этому вопросу, состоявшемся 8 апреля 2021 г. Сто депутатов президентской партии «Вперед, Республика!», вопреки своей партийной установке проголосовали за принятие этого закона. Среди них оказалось 15 из 17 бретонских депутатов. В итоге закон был принят значительным большинством голосов.

В ответ на эти купюры из закона весной-летом 2021 г. по Бретани прокатилась волна протестов. П. Молак ответил предложением изменить ст. 2 Конституции страны с тем, чтобы региональные языки получили признанный статус. Активно проявили себя участники разных ассоциаций. Так, например, ассоциация АРЕЕВ 25 мая 2021 г. выступила с заявлением «Конституционному совету: разрушителю культурного и лингвистическо-

го разнообразия, мы говорим НЕТ!». В заявлении выражается протест Конституционному Совету Франции по поводу его «деструктивной позиции» по отношению автохтонных языков Бретани, Окситании, Корсики, Страны басков. Речь идет, в том числе и об изъятиях, которые были внесены Советом в предложения Поля Молака. Ассоциация заявила также, что будет делать всё возможное для реализации идей билингвального образования, заложенного этим законом [La proposition de Loi 2021].

Несмотря на изъятие из закона указанных положений, в депутатском корпусе, средствах массовой информации и мнениях специалистов звучит оценка этого закона как исторического события, «исторического прорыва». Принятие этого закона приближает Францию к выполнению требований Европейской хартии по защите региональных и миноритарных языков. Закон Молака получил во Франции довольно большой резонанс. Совсем не случайно он был воспринят в регионах, и в частности, в Бретани, как эпохальное событие, как скрытый бунт, как «эмансипация от Парижа» [«La proposition de Loi» 2021; «Во Франции приняли «мятежнический» закон» 2021].

Конечно, усиление позиций региональных языков и региональных культур, к которому с большой вероятностью может привести его реализация, говорит о центробежной тенденции и усилении процессов регионализации. Такая тенденция вполне соответствует концепции «Европы регионов», юридические основы которой заложены в Маастрихтском соглашении 1992 г. и которая имеет немало сторонников во Франции. Кроме бретонского, новый закон затронет такие языки, как корсиканский, окситанский, эльзасский, каталонский и баскский, но не все «языки Франции», к числу которых относятся и языки населения мигрантского происхождения. Напомним, что по оценкам экспертов, сейчас во Франции насчитывается до 20 региональных языков, с учетом заморских территорий — около 75. Однако официальный статус имеют только 11 региональных языков. В этом списке есть бретонский, корсиканский, эльзасский, окситанский, баскский, каталонский, но нет, например, фламандского [Дмитриев С. 2021].

Главным нововведением, которое предписывает этот закон, является возможность преподавания *на* региональных языках в школах. Отныне бретонские школьники могут и изучать этот язык, и получать на нем образование в государственных школах. Обучение на региональном языке в частных школах будет осуществляться при финансовой поддержке муниципалитетов. Комплекс мер, направленных на поддержание региональных языков в обучении, по сути дела создает возможность настоящего двуязычного школьного образования, при этом роль регионального языка значительно усиливается. Серьезность этих мер может привести к реальному билингвизму детей уже к окончанию ими начальной школы, чему способ-

ствует также существующая практика обучения бретонскому еще в «экольматернель». Формируются условия для того, чтобы бретонский из языка, ассоциировавшегося с прошлым, «фольклором», переходил вновь к живому, «актуальному» состоянию.

Бретонский язык в разных сферах современной культуры

Музыкальное творчество. Влияние бретонского языка весьма заметно в различных сферах культуры, в частности, в исполнении бретонских песен, имеющих большой резонанс в регионе и за его пределами. Мода на кельтскую музыку и песню, продолжающаяся уже не одно десятилетие, весьма способствует интересу бретонской молодежи к своему языку и культуре. В Бретани существует довольно много профессиональных певцов, а также любительских коллективов, которые исполняют на бретонском произведения разных жанров — песни в традиционной манере, в том числе в специфическом бретонском жанре дуэта кан-а-дискан, а также в современных стилях — рок, техно-фьюжен, и др. При этом аудитория песен на бретонском (и галло) заметно больше, чем число тех, кто говорит на этих языках.

«Coop Breizh», бретонское издательство, созданное еще в 1957 г. фондом Kendalc'h, специализируется на производстве книг и музыкальной продукции, связанных с бретонской культурой, на бретонском языке. Ежегодно на бретонском выпускается около 20 новых компакт-дисков. Очень известен также лейбл студий звукозаписи кельтской и бретонской музыки «Keltia Musique» [Chevalier 2007: 93, 103]. Отметим также работу известной культурной ассоциации «Dastum». Созданная в 1972 году и базирующаяся в Ренне, она вместе со своими шестью филиалами возглавляет миссию по сбору, сохранению и распространению устного наследия исторической Бретани. Сюда относятся бретонские песни и музыка, а также сказки, легенды, рассказы, пословицы, поговорки и другие формы фольклора на бретонском и галло. В течение тридцати лет активной работы ассоциация создала звуковые архивы, которые теперь оцифрованы и доступны на сайте ассоциации.

Что касается ***художественной литературы***, то на книжном рынке Бретани однозначно доминируют издания на французском языке. Однако выпускается литература и на бретонском. Во-первых, печатается так называемая классическая бретонская литература, к числу которой относятся такие известные авторы, как например, Жан-Пьер Каллох, Анжела Дюваль, Пьер-Жакез Элиас. Эти три писателя являются одними из самых популярных сегодня бретонских писателей XX века, для которых бретонский язык был родным. Во-вторых, целый ряд издательств выпускает современ-

ную литературу на бретонском. Это художественные, популярные издания, а также лингвистическая литература. Такова, например, специализация издательства «Skol Vreizh» («Бретонская школа» — брет.), которое публикует около пятнадцати наименований на бретонском языке в год, таким образом каталог его изданий давно превысил сотню наименований. Издательство «Emgleo Breiz» или группа издательств («Brud Nevez», «Ar Skol Vrezoneg» и «Emgleo Breiz»), выступающая под этим названием, предлагает более 450 работ на бретонском языке или относящихся к бретонскому языку. Публикуя от 15 до 20 новых изданий в год, группа «Emgleo Breiz» теперь предоставляет более трети изданий на бретонском языке, в том числе около пятидесяти наименований за последние три года, при этом происходит рост количества изданий на бретонском.

Среди других упомянем также издательство «Mouladurioù Hor Yezh», выпустившее уже сотни наименований книг на бретонском языке, в основном современных авторов. Издательство научного профиля «Preder» издает бретонские словари, специализирующиеся в научных областях, таких как математика, физические науки и даже философия. «Keit Vimp Bev» («Пока мы живы» — брет.) — издательство, базирующееся в Лазе (Финистер). В его каталоге — детские книги и комиксы, романы, игры, пластинки, видео и газеты на бретонском языке.

Издательства, выпускающие литературу на бретонском, сегодня нередко субсидируются из разных источников, благодаря этому в наши дни на бретонском издается больше книг, чем еще несколько десятилетий назад. По инициативе издательства «Coop Breizh», а также «Office de la Langue Bretonne» и Регионального книжного центра ежегодно в октябре в книжных магазинах, библиотеках, организациях и местах, где изучается бретонский язык, проводится Месяц бретонской книги. В ходе мероприятий месячника организаторы знакомят публику с разнообразием изданий на бретонском языке: художественной литературой, различными иными изданиями, в том числе руководствами, грамматиками и словарями бретонского языка. Из 1300 книг, публикуемых ежегодно в Бретани, от 80 до 100 новых книг выходят каждый год на бретонском языке или в двуязычной французско-бретонской версии и доступны на сайте: http://www.klask.com/.

Кроме того, на бретонский язык переводится и выпускается и детская литература, включая столь популярные у детей и молодежи комиксы и японские манги. В этой сфере выделяются издательства «Éditions Bannoùheol», «Casterman». Отдельный вид изданий — журналы, в том числе посвященные изучению бретонского языка — «Skol Vreizh», «Emgleo Breiz», «Al Lanv», «Ar Skol Vrezoneg», «Mouladurioù Hor Yezh», «An Here», «Evit ar brezhoneg» и другие.

Театр на бретонском языке. В мае 2005 г. с целью популяризации и развития театра на бретонском языке была создана федерация «C'hoariva», которая объединяет различные театральные коллективы и театральные мастерские Бретани [Mairie-douarnenez]. В Федерацию входят пятнадцать театральных трупп, включая профессиональные и любительские коллективы, которые ставят спектакли в помещениях и на открытом воздухе, участвуют в фестивалях и шоу во многих городах и местечках Бретани (в основном западной). В числе постановок и классика, переведенная на бретонский язык, и новые, специально написанные на бретонском пьесы [Teatr brezhonek].

Бретонский язык и СМИ. К числу мер, направленных на поддержание и расширение статуса бретонского языка, относится развитие региональных СМИ**:** прессы, радиопередач, интернет-сайтов. Что касается печатной прессы, то чаще всего это издания на французском языке с частью информации (колонки, страницы, часть статей, резюме) — на бретонском. Так региональные издания «An Dasson», «Le Huchoèr», «Le Peuple breton», «Minihi Levenez», «Tudjentil Breizh», «War Raok!», «Le Trégor» частично публикуют статьи на бретонском.

Наиболее известным новостным печатным изданием в регионе является «Ouest-France» — ежедневная общая и региональная информационная газета (тираж ок. 800 тыс. экз.) с частью статей на бретонском языке. Пользуется популярностью и «Le Télégramme de Brest et de l'Ouest», ежедневная газета с общей и региональной информацией, тиражом ок. 200 тыс. экземпляров. С марта 2002 г. каждый четверг она выпускает страницу на бретонском языке, написанную Лионелем Буанником и озаглавленную «Spered ar Vro» («Душа страны» — брет.). Еще одно СМИ Агентство «Agence Bretagne Presse», бретонский эквивалент Agence France Presse, публикует новости из Бретани и кельтских стран. Среди новостных ежемесячных изданий отметим «Bremañ» («Сейчас» — брет.), основанное в 1980 г., которое выходит тиражом 1000 экземпляров. «Bremaik» — еженедельный информационный журнал на бретонском языке в Интернете. Весьма заметным также является издание «Le Peuple Breton» — ежемесячный новостной журнал, основанный еще в 1964 году. В наши дни — это универсальный медиа-журнал, который предлагает своим читателям возможность «взглянуть на мир и понять его из Бретани». Как и многие другие издания, он сократил печатный тираж, поскольку значительным и возрастающим спросом пользуется его интернет-версия [«Le Peuple breton»].

Среди журнальной продукции бретонской прессы заметную часть составляют литературные, лингвистические и культурные обозрения и издания. Это, например, «Armor Magazine», ежемесячник, специализирующийся на статьях и интервью на бретонском языке. «Le Cri de l'Ormeau»,

ежемесячный журнал о культуре деп. Кот-д'Армор с тиражом 20 000 экземпляров, предлагает статьи на бретонском языке. «Hopala!» — ежеквартальный литературный обзор, созданный в марте 1999 года, в котором публикуются статьи о Бретани и поэзии на бретонском и галло. Кроме того, в регионе выходят и другие обозрения: «Aber», «Al Lanv», «Al Liamm», «Brud Nevez», «Hor Yezh», «Kannadig Imbourc'h», «Nidiad». Они часто работают на общественных началах.

Сегодня средства массовой информации играют важную роль в распространении бретонского языка и утверждении позиций бретонской культуры. Это обстоятельство весьма важно для общества, потому бретонские СМИ поддерживаются региональными и местными властями, а также имеют неформальную поддержку. Так, например, в 2003 г. в Ванне была создана ассоциация «Korvigelloù An Drouizig», которая специально ставит своей задачей продвижение бретонского языка в сфере новостей.

Если говорить о современном бретонском радио, то оно получило ощутимое развитие после подписания «Культурной Хартии» (1977 г.). В 1982 г. была создана государственная станция, программы которой посвящены событиям и культуре Бретани — «Radio France Bretagne Ouest», но ее передачи могло слушать только население Нижней Бретани и вещание происходило на французском. В 2000 г. радиостанция изменила свое название на «France Bleu Breizh Izel» и добавила 12 часов бретонских программ в неделю, а также еще 21 час франко-бретонских передач. В 1983 г. появились две новые независимые радиостанции — «Radio Bro Gwened» и «Radio Kreiz Breizh». Эти два радио до сих пор транслируются в некоторых районах Бретани. В 1992 году христианская радиосеть Франции открыла вещание новой радиостанции «Radio-Rivages», которая также предлагает программы на бретонском языке.

Самой популярной из 36 бретонских радиостанций является в настоящее время «Radio Kerne» — универсальное радио, еженедельно транслирующее 60 часов программ на бретонском языке, с 2003 г. оно присутствует и в Интернете. В структуре вещания — новости, репортажи, хроники, важное место уделяется музыкальным программам, посвященным бретонской музыке, современной музыке в целом, музыке мира. «Radio Kerne» поддерживается (в т. ч. финансово) региональными и местными властями — Региональным советом Бретани и Генеральным советом деп. Финистер. Подобной поддержкой пользуются и другие радиостанции, вещающие (обычно частично) на бретонском. Это относится прежде всего к радиосети «Brudañ ha Skignañ», которая объединяет в свою очередь ряд станций — «Radio Kreiz Breizh» (21 час вещания на бретонском в неделю), «Radio Bro Gwened» (созд. в 1984, 4 ч. в день на бретонском), «Arvorig FM» (музыкальное радио, 60 часов в неделю вещания на бретонском), «Radio Kerne» и «Radio Kerne Naoned». Последняя из названных радиостанций

была удостоена премии «Breton Language Future 2019», поощряющей развитие и укрепление позиций бретонского языка. В регионе действует Федерация ассоциативных радиостанций (FRAP), поддерживающая работу своих членов [Radio Kerne].

На региональном уровне поддерживаются также «Radio Bleu France Armorique», базирующееся в г. Ренне, которое вещает один час на бретонском в воскресенье днем с музыкальной программой «Sul gouel ha bemdez» («Праздник в воскресенье и каждый день» — брет.) и по десять минут в день в течение недели, «Breizh Aktu» (= Brittany News), и ряд других радиостанций. Роль радио в современной Бретани не так мала, оно имеет свое место среди других СМИ, ведь радио часто слушают в разных ситуациях, дома, в офисах, в автомобилях, по дороге, в которой современные бретонцы проводят немало времени. Кроме того, вещание многих радиостанций доступно и в интернете. Тем не менее, такое количество эфирного времени считается недостаточным, в разговоре люди отмечают отсутствие передач по обучению бретонскому языку [ПМА 2008, 2020].

Существование СМИ на бретонском языке не раз оказывалось в центре внимания культурных ассоциаций. Так, уже упоминавшаяся ассоциация «Stourm ar Brezhoneg» неоднократно (особенно в начале 1990-х гг.) протестовала против ограничения времени вещания на бретонском языке на теле- и радиоканалах (1 час 10 минут в неделю на телевидении в Нижней Бретани и 40 минут в Верхней Бретани) и заявляла о необходимости существования собственно бретоноязычного телеканала [Nicolas 2012: 160].

Что касается телевещания, то передачи на бретонском на общественном телевидении существуют уже более 40 лет. Самым популярным является телеканал «France 3», ориентированный на региональное вещание, одна из дирекций канала — «Bretagne Pays-de-Loire» (региональный телеблок FR3 Bretagne Pays-de-Loire и региональный радиоблок FR3 Radio Armorique). Телеканал совмещает в себе национальное, региональное и местное вещание, это единственный из всех французских каналов, который ставит себе целью освещение местных событий и культуры. Отметим также, что собственно региональное вещание составляет 4 часа в день.

Телеканал «France 3» вносит немалый вклад в вещание на основных региональных языках, в 2012 г. объем его вещания составил 380 часов, затем это время постоянно увеличивалось в течение последующих лет [Redefinir une politique publique 2013: 37]. На веб-сайте «France 3 Bretagne» доступен интернет-портал и на бретонском языке, который предлагает молодежный журнал, ежедневные информационные встречи, новости региона, блог-твит на бретонском языке, ретранслятор музыкальных программ. Кроме этого канала, в интернет-вещании появляются и новые региональные телеканалы, в том числе на бретонском языке, такие как «Brezhoweb». Хотя этот канал не может считаться государственным оператором, он более

чем на 90% финансируется за государственный счет (из бюджета региона, департаментов, городов Бретани) [Redefinir une politique publique: 38].

Судя по данным, приводимым специалистами, место бретонского языка в основных аудиовизуальных средствах массовой информации, тем не менее, остается весьма ограниченным. «Бретонский язык — это язык, социальная практика которого постоянно сокращается, а его место в основных аудиовизуальных средствах массовой информации, — как отмечают специалисты, — всегда оставалось весьма ограниченным» [Jacq 2010: 4].

Однако заметен рост присутствия бретонского в весьма актуальной на сегодня сфере интернета. Здесь существуют не только многие двуязычные (французско-бретонские) сайты, но и собственно бретоноязычные сайты. Развивается вариант «Википедии» на бретонском языке, которая уже в 2018 г. насчитывала более 50 000 статей, количество их всё время увеличивается. Динамика бретонского в Интернете заметна во многих отношениях. Так, основное бесплатное программное обеспечение (Open Office, Firefox, Thunderbird, Skype, Wiki projects, Google, OpenStreetMap, и др.) имеет регулярно обновляемую бретонскую версию, создан автоматизированный франко-бретонский переводчик. Существуют ассоциации, спонсирующие разработку программного обеспечения на бретонском языке, включая те, которые будут являться для пользователей бесплатными. Действует также бесплатная платформа для создания блогов на бретонском языке, основанная на уже существующей платформе Nireblog [Chevalier 2007:95]. Создана и доступна в продаже компьютерная клавиатура «C'lnverty directemeirt», адаптированная к бретонскому языку.

Немаловажным является и то обстоятельство, что местные администрации, мэрии ряда городов в Бретани представляют свои сайты в двуязычном режиме. Особенно это касается мэрии Бреста (http://www.mairie-brest.fr/breton/). Увеличивающемуся присутствию бретонского в интернете есть объяснения: хороший общий образовательный уровень бретонцев, давнее присутствие индустрии информационных технологий и коммуникаций, и желание пользоваться новой возможностью — Интернетом.

Однако распространение бретонского языка в интернет-сфере имеет свои особенности. Это уже не совсем тот язык, на котором столетие назад говорили деревенские жители. Это язык, который, существуя в интернет-пространстве, существует и развивается по другим законам. Новые технологии определяют развитие некоторых аспектов языка. Присутствие бретонского в этой сфере обеспечивается в том числе и благодаря целенаправленным усилиям энтузиастов, для многих из которых бретонский является выученным языком.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что ситуацию с бретонским языком в регионе следует признать сегодня неоднозначной. С одной стороны отчетливо заметно изменение статуса бретонского языка. Законодательство и государственная лингвистическая политика в последние десятилетия заметно изменились в пользу его признания как одной из составляющих культурного разнообразия страны, признания его статуса как регионального языка. В настоящее время фактически обеспечено немало возможностей для его изучения, преподавания, бытования в ряде сфер общественной жизни.

Изменилось отношение к своему языку и самих бретонцев. Если еще несколько десятилетий назад этот язык ассоциировался с фольклором, архаикой, провинциальностью, считался чуть ли не «тормозом общественного прогресса», и т. д., а французский, напротив, ассоциировался с прогрессом, причастностью к высокой и престижной культуре, то теперь ситуация изменилась, и статус бретонского, безусловно, поднялся. Политический и социально-культурный контекст эволюционировал так, что бретонский «язык пользуется в основном положительным мнением в бретонском обществе как маркер идентичности, который необходимо сохранить» [Broudic 2009]. Он ассоциируется с богатым культурным наследием, своеобразием бретонской культуры, ее уникальностью и ценностью. Его изучение и укрепление позиций в обществе поощряется программами и мерами ряда государственных структур, институтами гражданского общества, энтузиастами. Он вызывает интерес у молодежи. «С точки зрения культурного самовыражения бретонский язык динамично захватил множество областей» [Broudic 2010: 2] общественной и культурной жизни.

Однако, как на это справедливо указывает бретонский исследователь Р. Ле Куадик, речь идет о своеобразном явлении, который он называет «эффектом ножниц», состоящем в том, что «вот уже на протяжении нескольких десятилетий практическое использование языка сокращается, тогда как интерес к нему постоянно растет. Несмотря на создание формально благоприятных условий для изучения и бытования бретонского языка, число его носителей тем не менее падает» [Ле Куадик 2013: 104]. В самом деле, «с 1950-х по 2010-е годы число носителей бретонского языка упало с миллиона до двухсот тысяч человек, и есть опасения, что к концу нынешнего века оно сократится до двадцати тысяч» [Там же].

Бретонскому, как и другим региональным языкам, приходится конкурировать с французским, преимущества которого перед ними очевидны. Бретонский язык не является сегодня витальной необходимостью ни в самой Бретани, ни тем более во Франции. В такой ситуации владение и пользование им приобретает факультативный характер, а общение на нем,

во всяком случае для молодежи, стремление его знать является не столько необходимостью, сколько выражает другую потребность — реализации причастности к истории своей локальной общности и наследию предков, принадлежности к одной общности.

Поскольку изучение бретонского языка сегодня требует определенных, и, в общем, немалых усилий, его освоение подчас ассоциируется с большей приверженностью «бретонизму», т. е. акцентуации бретонской идентичности.

Наконец, бретонский по-прежнему не имеет официального статуса, являясь лишь одним из «региональных» языков Франции. Будучи одним из важных маркеров бретонской идентичности, он продолжает сдавать свои позиции, если иметь в виду число его носителей, однако что касается интереса бретонцев к своему языку, то он продолжает оставаться высоким, а его адепты осваивают новые сферы, одной из которых стало интернет-пространство.

В одно из своих пребываний в Бретани, еще в 2008 г., в разговоре о языковой ситуации в Бретани, роли английского языка, который занимает всё большие позиции, тесня французский, я спросила своего собеседника — директора Центра Бретонских и кельтских исследований проф. Ж.-Ф. Симона, как он оценивает перспективы бретонского языка в этих обстоятельствах. Меня интересовал вопрос, имеет ли бретонский шанс выжить в современном мире, не умрет ли этот язык? Ж.-Ф. Симон ответил тогда, ничуть не колеблясь: «Бретонский не исчезнет, слишком большие усилия для этого прикладываются». Подобные же ответы я слышала от студентов, слушателей и преподавателей курсов бретонского языка в г. Бресте (Западная Бретань) [ПМА 2008]. Тогда я подумала, что ответ ученого, возглавляющего бретонские исследования и людей, активно вовлеченных в процесс изучения языка, и не может быть иным. Сегодня, по прошествии уже 13 лет, я могу вполне согласиться с мнением Ж.-Ф. Симона. И вот почему.

Сегодня вполне очевидно, что бытование бретонского поддерживается большими сознательными усилиями, однако речь не идет о каком-либо принуждении, а о доброй воле, интересе, желании его сохранить. Он сохраняется благодаря осознанным усилиям тех, для кого его существование важно, для кого он является значимой частью бретонской культуры и идентичности. В последние десятилетия произошел ряд важных изменений в статусе бретонского языка, которые были бы невозможны без большой заинтересованной активности гражданского общества региона.

Источники и материалы

ПМА 2008 — Полевые материалы автора, собранные в Бретани (2008).
ПМА 2020 — Полевые материалы автора, собранные в Бретани (2020).

Во Франции приняли «мятежнический» закон 2021 — Во Франции приняли «мятежнический» закон о региональных языках. Инф. агентство Красная Весна. 11 апреля 2021 г. URL: https://rossaprimavera.ru/news/4d22083a (дата обращения: 14.09.2021).

Atlas UNESCO — Atlas UNESCO des langues en danger dans le monde. URL: //http://www.unesco.org/languages-atlas/fr/atlasmap.html (дата обращения: 07.07.2021).

Breton — Breton. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Breton#Promotion_du_breton/ (дата обращения: 07.07.2021).

Conseil de l'Europe 1992 — Conseil de l'Europe. *Charte des langues régionales et minoritaires,* Strasbourg, Éditions du Conseil de l'Europe.

«Contrat aidé» 2017 — *«Contrat aidé»: « les écoles Diwan sont en danger!»* // «Ouest-France» 2 septembre 2017.

Chartre Culturelle 1977 — La Chartre Culturelle Bretonne de 1977. URL: http://www.ofis-bzh.org/upload/travail_paragraphe/fichier/126fichier.pdf/ (дата обращения: 07.07.2021).

Dйcision n° 2021 — Dйcision n° 2021–818 DC du 21 mai 2021. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2021/2021818DC.htm/ (дата обращения: 07.07.2021).

Ecole Diwan — Ecole Diwan. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/école_Diwan (дата обращения — 11.09.2021) (дата обращения: 07.07.2021).

Enquête socio-linguistique — Enquête socio-linguistique: qui parle les langues de Bretagne aujourd'hui? URL: https://www.bretagne.bzh/actualites/enquete-socio-linguistique-qui-parle-les-langues-de-bretagne-aujourdhui/ (дата обращения: 07.07.2021).

Langues régionales 2021 — Langues régionales ou minoritaires de France. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Langues_régionales_ou_minoritaires_de_France (дата обращения: 22.07.2021).

«La proposition de Loi» 2021 — «La proposition de Loi 2021 sur les Langues Rйgionales portйe par Paul Molac est adoptйe!» URL: http://div-yezh.bzh/index.php/fr/item/1441-la-proposition-de-loi-sur-les-langues-regionales-portee-par-paul-molac-est-adoptee// (дата обращения: 11.09.2021).

Lois de 1951 — Loi N51–46 du janvier 1951.

Loi de 1975 — Loi n° 75–620 du 11 juillet 1975.

Mairie-douarnenez — Mairie-douarnenez. URL: https://www.mairie-douarnenez.fr/index.php?option=com_sobipro&pid=56&sid=486&Itemid=767/ (дата обращения: 11.09.2021).

«Morlaix: les 11 revendications» 2014 — «Morlaix: les 11 revendications des Bonnets rouges pour la Bretagne»//Le Parisien, 08.03.2014. URL: https://www.leparisien.fr/economie/morlaix-les-11-revendications-des-bonnets-rouges-pour-la-bretagne-08–03–2014–3655139.php). (дата обращения: 09.09.2021)

Office public — Office public de la langue bretonne. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Office_public_de_la_langue_bretonne (дата обращения: 07.09.2018).
«Le Peuple breton» — «Le Peuple breton». URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Le_Peuple_breton/ (дата обращения: 01.09.2021).
Les services de l'office — Les services de l' office de la langue bretonne. URL: http://www.fr.brezhoneg.bzh/146-les-services-de-l-office-de-la-langue-bretonne.htm/
Politique linguistique — Politique linguistique de la France. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Politique_linguistique_de_la_France#cite_ref-41/ (дата обращения: 11.08.2018).
Radio Kerne — Radio Kerne. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Radio_Kerne/ (дата обращения: 07.07.2021).
Redéfinir une politique publique 2013 — Redéfinir une politique publique en faveur des langues régionales et de la pluralité linguistique interne. Rapport présenté à la ministre de la Culture et de la Communication par le Comité consultatif pour la promotion des langues régionales et de la pluralité linguistique interne. Juillet.
Teatr brezhonek — Teatr brezhonek. URL: http://www.teatrbrezhonek.org/index.php?rub=3&smb=3 (дата обращения: 11.09.2021).
UBAPAR — UBAPAR. URL: http://www.ubapar.org/article219.html (дата обращения: 14.09.2021).
«Ya d'ar brezhoneg» — «Ya d'ar brezhoneg». URL: https://www.fr.brezhoneg.bzh/31-ya-d-ar-brezhoneg.htm/ (дата обращения: 12.08.2021).

Научная литература

Беван Я. 2017. Бретань: контр-пример современного пробуждения национализмов в Европе? // Конфликтология / Nota bene. № 3. С. 1–18.
Вио А. 2009. Региональный язык, говор и диалект во Франции: три связанных понятия // Психологические исследования: электрон. науч. журн. [Электронный ресурс]. № 6(8). URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 07.09.21).
Ермакова Э. В. 2015. Франция и Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств — неразрешимая дилемма // Вестник МГИМО. № 5 (44). С. 118- URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frantsiya-i-evropeyskaya-hartiya-regionalnyh-yazykov-ili-yazykov-menshinstv-nerazreshimaya-dilemma (дата обращения: 07.09.2021).
Любарт М. К. 1997. Бретонцы Франции // Этнические меньшинства в современной Европе. М.: Восточная литература. С. 268–308.
Arlettaz J. 2021. Droit de la langue française: entre inclusion et exclusion. Cités. № 2 (86). P. 87–98.

Broudic F. 1995. La pratique du breton de l'Ancien Régime à nos jours, Presses Universitaires de Rennes.

Broudic J.-Y. 2003. Un regars sur l'histoire de div yezh. URL: http://div-yezh.bzh/index.php/fr/div-yezh-breizh/historique/item/1010-un-regard-sur-l-histoire-de-div-yezh/ (дата обращения: 07.03.2018).

Broudic F. 2010. Le breton: une langue menacee ou une langue officialisee? // Langues et cite.

Brunel Ch. 1995. *L'Académie bretonne au grand séminaire de Quimper // Les parlers de la foi: Religion et langues régionales* [en ligne]. Rennes: Presses universitaires de Rennes URL: http://books.openedition.org/pur/15940> (дата обращения: 01.09.2018)

Chevalier G. 2007. Gallo et breton. Complémentarité ou concurrence? Cahiers de sociolinguistique, 2007/1 (n° 12). pp. 75–109.

Guégan Y. 1996. Portes ouvertes à l'école Diwan // «Le Télégramme», 13 mai 1996.

Fenet A. 2009. Le droit français des différences à l'épreuve de la langue // La politique de Babel. Du monolinguisme d'Etat au plurilinguisme des peuples. Paris, Karthala, « Recherches internationales ». p. 29–86.

Jacq Ph. 2010. Langue bretonne et nouvelles technologies. // Langues et cite. p. 4.

Lacoste C. 2018. Quel est le statut des langues régionales en Fance? // Liberation.fr. URL: https://www.liberation.fr/france/2018/06/23/ quel-est-le-statut-des-langues-regionales-en-france_1661183/ (дата обращения: 07.07.2021).

Lagrée M. 1992. Religion et culture en Bretagne 1850–1950. Fayard, Paris.

Lagrée M. 1995. La littérature religieuse dans la production bretonne imprimée: aspects quantitatifs. // Les parlers de la foi: Religion et langues régionales [en ligne]. Rennes: Presses universitaires de Rennes. URL: http://books.openedition.org/pur/15946/ (дата обращения: 01.09.2018).

Nicolas M. 2012. Breizh: La Bretagne revendiquée: des années 1980 à nos jours. Morlaix, éd. Skol Vreizh.

Violo G. 2013. Héritage, patrimonialisation, révitalisation: approche ethnologique des transmissions de la langue bretonne en Bretagne France, éclarées par celles de la langue française en Saskatchezwan Canada, dans les filiations. Anthropologie sociale et ethnologie. Université de Bretagne occidentale, Brest, 2013.

Wakeford P., Broudic F. 2018. Les langues de Bretagne. Enquête sociolinguistique Sondage 2018: les principaux résultats. Brest.

Глава 6. «ЗАКОН СЕЛАА» И ЯЗЫКОВОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В АВТОНОМНОЙ КАТАЛОНИИ

Эпизод с обсуждением, а затем принятием центральным правительством Испании нового закона об образовании, получившего известность как «закон Селаá», по имени действующего на тот момент министра образования и профессиональной подготовки Марии Исабель Селаá Диегес (María Isabel Celaá Diéguez), — не только стал причиной обострения внутриполитической ситуации в стране, но и в очередной раз привлек внимание к весьма непростой коллизии, которая уже несколько десятилетий развивается на северо-востоке Испании, в автономном регионе Каталония. Речь идет о целенаправленно реализуемой региональными властями, в условиях обретенной более сорока лет назад автономии, политике «нормализации» исторически распространенного здесь каталанского языка, целью которой, по мнению ее проводников и сторонников, является повышение его общественно-политического статуса, нетерпимо низкого, и даже спасение от грозящей ему гибели, а по мнению противников — установление его монополии во всех значимых сферах жизни населения региона посредством вытеснения из этих сфер прежде доминировавшего там испанского (кастильского) языка. Одной из важнейших составляющих решения поставленной задачи по укреплению позиций каталанского языка видится «каталанизация» школьного образования в Каталонии, и «закон Селаа» объективно оказался значимой вехой на этом пути. В событиях вокруг его утверждения в 2020 г., на фоне пандемии «ковида-19», отразилась важная, сложная и драматичная проблема положения и сосуществования в этом регионе в постфранкистское время двух основных языков его населения, со многими сопутствующими этой проблеме и влияющими на нее факторами и обстоятельствами. Более выразительно и концентрированно, чем до той поры, обозначились установки и настроения в этой сфере, характерные для различных частей испанского общества. Таким образом, волею событий у наблюдателей и аналитиков появилась возможность увидеть своего рода «срез» текущей — весьма интересной и сложной — лингвистической ситуации, прежде всего в Каталонии, но и в стране в целом. А без ее анализа трудно оценить общий ход и направление этнонационального развития населения Испании, на данный момент не вполне ясные в силу одновременного действия многих разнородных тенденций. При этом, ко-

нечно же, языковая проблематика представляет собой лишь один, хотя и весьма существенный, аспект так называемого «каталонского вопроса» в современной Испании, — чрезвычайно объемного, многостороннего и динамично — а порою и причудливо — эволюционирующего.

В данном случае, как не во всяком другом, необходимо принимать во внимание его фон — исторический, общественно-политический, демографический, культурный, а также то, как в обществе — и региональном, и в масштабах всей страны — события и процессы, связанные с языком, трактуются и воспринимаются в аспекте коллективной идентичности.

Официальный статус каталанского языка в постфранкистской Испании

Как известно, с конца 1930-х гг. и вплоть до кончины в 1975 г. диктатора Франко Испания была авторитарным и жестко централизованным государством, граждане которого официально составляли единую испанскую нацию, а единственным официально признанным языком был испанский (кастильский); соответственно, только на нем велось преподавание во всех образовательных учреждениях всех уровней. Пространство использования других языков коренного населения страны (баскского, галисийского, каталанского/валенсийского) вне приватной сферы было крайне ограничено, некоторые возможности для его расширения появились лишь в последние годы существования франкистского режима.

Либерально-демократическая «перестройка», начавшаяся во второй половине 1970-х гг., кардинальным образом изменила ситуацию. Было официально провозглашено (в конституции 1978 года), что единая испанская нация состоит из «национальностей и регионов» (без их оговоренного разграничения), и вся территория государства была административно разделена на так называемые «автономные сообщества» — областные образования, получившие весьма значительные прерогативы за счет прежде полновластного Центра. В тех регионах, где исторически существовали местные языки, последние также получили статус официальных («сооофициальных»), наряду с общегосударственным кастильским. Таким образом каталанский язык стал вторым официальным в Каталонии, на Балеарских островах и в регионе Валенсия (где он обозначался как «валенсийский»). Образование, вместе с целым рядом других важных социальных сфер, перешло в ве́дение вновь созданных автономных сообществ.

Согласно некоторым оценкам, в результате этих реформ Испания стала одним из самых децентрализованных государств Европы. В 2010 г. 55% госбюджета распоряжались региональные автономии [Núñez Seixas 2010]. Тем не менее, по мнению ряда испанских авторов, конституционная формула, исходно призванная согласовать интересы всех политических сил,

в конечном счете не удовлетворила никого. Региональные националисты укрепили свои позиции и всё решительнее проявляли стремление к полному суверенитету своих областных автономий и к признанию их жителей особыми самостоятельными нациями.

Автономные власти Каталонии: курс на «каталанское языковое погружение»

Каталонский национализм, в сравнении с баскским, исторически считался более «мягким» и прагматичным, его сторонники в массе своей отвергали вооруженную борьбу и террористические методы действия и ставили перед собой куда более умеренные цели, нежели скорейшее достижение независимости всеми доступными средствами. Однако со временем, с приходом новой генерации политиков, уже в условиях автономии, требования каталонских националистов, влияние которых в регионе неуклонно возрастает, становятся всё более широкими и жесткими, как и их риторика в отношении испанского государства; со второй половины 2000-х гг. особенно отчетливо усиливаются «независимские», т. е. сепаратистские, настроения в местном обществе.

Между тем в случае с Каталонией имеет место важное обстоятельство демографического характера. Эта область исторически является одной из наиболее промышленно развитых в Испании, и за последние полтора столетия сюда перебралось множество выходцев из других — прежде всего южных испаноязычных — регионов страны, искавших больший заработок и лучшие условия жизни, чем на своей «малой родине». Особенно значительный наплыв мигрантов случился в 1960–1970-е гг., т. е. в последние десятилетия франкизма, когда Каталония переживала экономический рост. Присутствие массы исходно испаноязычного населения вкупе с многолетним монопольным положением испанского языка во всех областях официальной жизни способствовали долговременному доминированию последнего в сравнении с каталанским, оттесненным на периферию общественной жизни и в частную сферу, и радикальное изменение этой неравноправной и несправедливой ситуации стало одной из первостепенных задач регионального правительства с первых лет провозглашения каталонской автономии. Предполагалось и, в общем, декларировалось, что в результате комплекса целенаправленных действий каталанский язык в регионе со временем достигнет паритета с кастильским и будет использоваться на равных с ним во всех возможных обстоятельствах.

Одной из главных сфер реализации задуманного стала региональная школьная сеть, а в качестве наиболее действенного средства был избран метод так называемого «языкового погружения», т. е. осуществление всего учебного процесса исключительно на каталанском языке, незави-

симо от того, какой язык — каталанский или кастильский — является родным для ученика.

Региональные власти энергично взялись за дело. В 1981 г. полномочия в области образования были переданы Женералитату (правительству автономной Каталонии), в 1983 г. был принят региональный «Закон о языковой нормализации» (Ley de Normalización Lingüística), который стал официальным обоснованием «языкового погружения», и в 1984/1985 учебном году глава автономной администрации Жорди Пужоль дал санкцию на обучение по этой методике в 19 школах соседней с Барселоной муниципии Санта-Колома-де-Граменет (Santa Coloma de Gramenet), население которой по большей части было кастильскоязычным. А 10 лет спустя уже 75% бюджетных школ Каталонии работало по модели «погружения» [Gallego 2020], и этот процент неуклонно возрастал.

Одним из расхожих и вполне благовидных объяснений введения полностью каталаноязычного обучения в регионе со стороны местных образовательных инстанций было «нежелание разделять детей по критерию языка» [Gallego 2020]. Насколько изменилась ситуация с языком преподавания в школе за сравнительно непродолжительный отрезок времени, видно из рассказа одной из каталонских матерей, родной язык которой, как и ее двоих детей-школьников — испанский. По ее словам, в ее собственные школьные годы здесь же, в Каталонии, «дети учились на том языке, на каком хотели, и учителя преподавали на том языке, на каком им было проще. И ученик говорил на том языке, каким лучше владел». Однако, когда пошли в школу уже ее дети, оказалось, что за их обучение на кастильском языке надо бороться с образовательной администрацией, — вплоть до обращения в суд [Gallego 2020].

В ответ на поток такого рода обращений и протестов из Каталонии центральное правительство и высшие судебные органы страны пытались оспаривать действия каталонских автономных властей в языковой сфере. Уже в 1994 г. Конституционный суд (КС) потребовал, чтобы оба основных языка региона функционировали на равных в процессе обучения, оба были языками преподавания. Более того, предписывалось, что в период начального обучения ученик должен получать образование «в ауре родного языка», но к концу образовательного (обязательного) цикла средней школы «все ученики должны обладать знаниями в равной мере на обоих языках» [Serra 2019]. Однако, судя хотя бы по тому, что в последующие годы суды разных инстанций (Конституционный и Верховный суды Испании, Высший суд Каталонии) неоднократно выносили решения о том, что полная замена испанского языка как языка преподавания каталанским в бюджетных школах Каталонии недопустима, и он должен быть сохранен в этом качестве в школах региона, — приостановить его последовательное вытеснение в качестве инструмента обучения из начальных и средних учебных

заведений не удалось. Последнее из таких постановлений перед принятием «закона Селаа» было принято летом 2020 г. и требовало «присутствия кастильского языка как языка преподавания в разумной пропорции». Эта пропорция в своем минимальном значении теперь определялась как 25% учебного времени. При этом указывалось, что речь идет о праве школьника, а вовсе не учебного центра, и это означает, что если даже лишь один ученик выразит такое желание, школа должна будет обеспечить эти 25% для всех учащихся [Campos 2020].

Были, правда, и судебные постановления противоположного характера. Так, в 2018 г. Конституционный суд страны аннулировал положение так называемого «закона Верта» (предыдущий общеиспанский закон об образовании), которое обязывало автономные сообщества, и в том числе Каталонию, предоставлять финансовую помощь тем родителям, которые требовали 25% обучения на кастильском языке для своих детей и при этом не могли найти бюджетную или «договорную» («кооперативную») школу, которая могла бы обеспечить такое обучение, а частная школа была им не по карману. Тем самым вопрос, что делать таким родителям, уже тогда повисал в воздухе [Campos 2020].

Реальность же состояла в том, что каталонская сторона все эти годы под разными предлогами и обоснованиями или же «по умолчанию» фактически отказывалась выполнять решения судебных инстанций в пользу кастильского как языка преподавания. Более того, даже принятая судом в 2007 г. рекомендация о введении в школах Каталонии третьего часа в неделю на изучение кастильского языка, в дополнение к тем двум, что имелись в расписании (при этом на английский язык отводилось три часа, а на каталанский как предмет — четыре), не была реализована ни в одной из школ региона [Cañizares 2020].

Общая тенденция последних десятилетий — нарастающая форсированная языковая каталанизация региона

«Каталанизация» образования происходит в полном соответствии с общим изначальным курсом властей автономии, который «теоретически» строится на том, что каталанский — единственный «исконный» («собственный», propio) язык для Каталонии, при этом он не имеет «своего» государства и вынужден соперничать с двумя мощными «государственными» языками — французским и испанским — тех стран, между которыми исторически оказались поделенными каталонские земли. И в силу этого первостепенной обязанностью каталонского автономного правительства является защита и поддержка каталанского языка — всеми возможными средствами [López 2020a]. В наиболее радикальной форме позиция «языковых каталанистов» была выражена в получившем широкий резонанс

манифесте так называемой «Группы койне», под названием «За подлинный процесс языковой нормализации в независимой Каталонии» [Tercero 2016], обнародованном в 2016 г., под которым поставили свои подписи 276 филологов, ученых, писателей, переводчиков, преподавателей и других жителей региона, чья деятельность связана с лингвистической сферой [El catedrático 2019; Rico 2021]. Авторы данного текста потребовали перехода всего каталонского населения, во всех сферах его жизнедеятельности, на каталанский язык, с использованием методов форсированного внедрения, и прежде всего — в школьном образовании, посредством «погружения» в каталанский с самого раннего возраста. В противном случае, по их убеждению, этот язык с неизбежностью ждет угасание, а в конечном счете и гибель, чего нельзя ни в коем случае допустить, поскольку каталанский — «эндогенный» язык для территории Каталонии, где он и возник, и именно на нем всегда говорил каталонский народ [Texto íntegro 2016]. Нынешний исторически сложившийся каталано-кастильский билингвизм в регионе они решительно отвергают как результат насильственного навязывания кастильского языка на протяжении многих лет, категорически отказываясь видеть в равноправном двуязычии оптимальный вариант развития событий, но, напротив, требуя покончить с ним вовсе, в том числе и путем отказа от «дублирования» на кастильском языке всего массива социально-административной информации, которая должна воспроизводиться в регионе только по-каталански [López 2020a]. Текущую ситуацию с каталанским языком они считают «ненормальной», продолжающей ухудшаться, а в каких-то случаях даже критичной — здесь в качестве аргумента приводится то обстоятельство, что на каталанском в Каталонии якобы нельзя спонтанно обратиться к незнакомцу, поскольку нет никакой уверенности, что он поймет такое обращение [Texto íntegro 2016].

Столь негативная оценка положения каталанского языка в регионе на исходе трех с половиной десятилетий автономного существования может показаться странной, учитывая «прокаталанскую» лингвистическую политику, которую всё это время целенаправленно проводили местные власти и которую ее противники жестко характеризуют как «преследование кастильского языка». В подтверждение своей оценки последние приводят, к примеру, данные о том, как регулируется здесь в языковом аспекте официальная информация и коммуникация. По их сообщениям, электронный доступ к основным социальным службам и сотрудникам официальных учреждений, включая запись к врачу, вызов пожарных, обращение в связи с каким-либо происшествием или конфликтом и т. д., серьезно ограничен или вовсе не доступен для тех граждан, родным языком которых является кастильский, поскольку соответствующие цифровые сервисы предоставляют такую возможность преимущественно или исключительно на каталанском языке. 74% каталонских аюнтамьенто (муниципалитетов) вообще

не имеют электронных сервисов на кастильском, а на интернет-страницах самогó Женералитата (правительства региональной автономии) только 14,2% информации доступны на кастильском языке [Arrufat 2019].

Оппоненты региональных властей с возмущением говорят об отсутствии дорожных знаков на испанском языке, чем прямо нарушается формальное правило, требующее двуязычных указателей [Arrufat 2019]; о штрафах, налагаемых специальными надзорными органами на предприятия и публичные заведения, где используется кастильский язык вместо каталанского; о практике отслеживания кастильских слов на региональном телевидении; о стремлении навязать детям «правильное» (то есть исключительно на каталанском) языковое поведение не только на уроках, но и на школьном дворе, во время игр и общения друг с другом, и т. д. [Cañizares 2020]. Более того, социологи и репортеры местных СМИ часто слышат жалобы живущих здесь людей на то, что те, кто говорит по-кастильски, воспринимаются в регионе как люди второго сорта, и на тяжелую для них психологическую атмосферу в целом, а также сетования на то, что столь высокой степени «идентичностной экзальтации» («exaltación identitaria», т. е. «зацикленности» на особом характере своей общности) нет более нигде в Испании [Anguera de Sojo 2020]. Звучат утверждения, что речь идет о самой настоящей и притом безнаказанной дискриминации носителей кастильского языка, который является «родным, языком идентификации и повседневного употребления для большинства каталонцев», что, кстати, упорно подтверждается всеми опросами, проведенными в регионе с 1978 г., то есть с самого начала постфранкистского периода истории Каталонии. По данным последних лет, его считают родным 55,1% каталонцев, тогда как каталанский язык — 31% [Arrufat 2019].

В ходе другого исследования 45% опрошенных назвали своим родным языком кастильский, 40% — каталанский, 10% — оба языка в равной степени [Mateo 2020]. Примерно таким же оказался расклад по языку, которым респонденты, по их словам, пользуются в повседневной жизни: для 45% — это кастильский, для 40,2% — каталанский, для 13,2% — оба языка. Зато в случае с языком, который был первым для респондентов, языком их детства, выявилось отличие: 56,9% назвали кастильский язык, 36,3% — каталанский. Таким образом, изменение со временем в пользу каталанского языка представляется очевидным [Mateo 2020], однако это нимало не смягчает борцов за его доминирование в Каталонии.

Необходимо отметить очевидную связь «лингвистической ориентации» жителей Каталонии с их политической позицией. Кастильский язык безусловно превалирует среди избирателей общеиспанских партий, от Народной партии и «Вокса» до социалистов, тогда как среди приверженцев региональных националистических партий столь же безоговорочно лидирует каталанский язык [Mateo 2020].

В связи с не теряющей остроты проблемой языка ожидаемо всплывает тема «каталонской идентичности». Здесь прежде всего следует отметить, что характерная для всех областей страны и для подавляющего большинства ее населения двойная идентичность, в соответствии с которой человек ощущает себя одновременно испанцем и каталонцем, испанцем и баском, испанцем и астурийцем и т. д., хотя соотношение этих двух составляющих может быть различным («более испанец, чем каталонец»; «столько же испанец, сколько и каталонец»; «более каталонец, чем испанец», и т. д.), — продолжает превалировать и в Каталонии [Núñez Seixas 2010]. Примечательна, однако, эволюция «определения каталонца» за период каталонской автономии. В 1980-х гг. упоминавшийся выше Ж. Пужоль обнародовал формулу: «Каталонец — это тот, кто живет и работает в Каталонии». Позднée он добавил к ней слова: «и хочет быть каталонцем» (т. е. содействовать благополучию и отстаивать интересы этого региона). Сравнительно долгое время в общественно значимых дискуссиях и политических заявлениях относительно права считаться каталонцем не было принято использовать критерий языка [Rius 2016]. Положение изменилось в середине 2010-х гг., когда в регионе всё чаще стали повторять фразу местного филолога Жуана Марти Кастеля (Joan Martí Castell): «Каталонец — это тот, кто, родившись здесь или в другом месте, хочет им быть, и это желание быть им проявляется главным образом в использовании языка нашей страны [Каталонии]» [Rius 2016]. Это последнее определение выглядит как очевидный отход от повсеместно принятой в Испании понятийно-терминологической традиции, упомянутой выше, к позициям каталонских националистов, «тех, кто определяет свою нацию строго в категориях культурных и языковых» и отвергает в качестве критерия принадлежности к ней так называемое «право почвы»: одного лишь факта постоянного проживания в Каталонии, по их мнению, недостаточно, чтобы «быть каталонцем» [Núñez Seixas 2010]. Сторонники лингвистической каталанизации региона видят в укреплении позиций каталанского языка магистральный путь «утверждения коллективного своеобразия Каталонии …в самом глубоком смысле ее идентичности» [Jordi Pujol reclama 2019], а своих земляков, не разделяющих этой убежденности, называют «испанцами, которые живут в Каталонии» [El catedrático 2019].

До недавнего времени такая установка оставалась здесь уделом меньшинства. Основные националистические и сепаратистские партии долгое время не решались провозглашать лозунги в поддержку доминирования каталанского в регионе, опасаясь лишиться поддержки «кастильскоязычных каталонцев», без которой им никогда не получить электорального большинства. Очевидным проявлением такой стратегии было создание организации «Súmate» («Присоединяйся!»), объединившей кастильскоязычных сторонников независимости Каталонии. Но в середине 2010-х гг. позиция

означенных партий сместилась к фактической поддержке доминирования каталанского языка в регионе, при этом ведéние агитации в среде кастильскоязычных каталонцев, по-прежнему составляющих более половины жителей региона, продолжалось [Tercero 2016].

Характерна в этой связи реакция «системных», т. е. «встроенных» в организационно-политическое устройство страны, каталонских националистов на то место из уже упоминавшегося манифеста «Группы койне», где происходившая в прошлом массовая миграция сюда из кастильскоговорящих областей Испании была названа «инструментом языковой колонизации» [López 2020a]. В таком определении они увидели крайность, неуместный «фундаментализм», который «только отпугивает людей от поддержки независимости» Каталонии, «вносит тенденцию к нарушению сосуществования двух языковых общин» и стремится поделить каталонцев на «хороших» и «плохих», — и заявили, что о полном искоренении кастильского языка в регионе речи не идет [Rius 2016]. Но интересно, что и сами авторы манифеста ратуют за широкую поддержку всем каталонским обществом предлагаемых ими мер по «решению языковой проблемы» в Каталонии, за создание в этих целях такого «движения, в котором сольются все, независимо от своего происхождения и исходного языка» [Texto íntegro 2016]. То есть и в этом документе, при всем его осуждаемом многими радикализме, разнородное по своим корням и языку население Каталонии трактуется его авторами как «каталонская общность», совокупность «каталонцев».

Между тем тенденция к тому, чтобы воспринимать каталонцев, настаивающих на своем праве быть испаноязычными, как «неправильных», к их отчуждению и даже дискриминации, проявляется в самых разных формах. Так, советника по культуре (министра культуры) автономного правительства Марианжелу Вилальонга (Mariàngela Vilallonga) обвинили в том, что она использовала выражение «каталонская раса» и тем самым заявила о «биологических» различиях между «истинными каталонцами» и всеми остальными. Высокая чиновница была вынуждена оправдываться, объясняя, что имела в виду архаичное метафорическое значение этого слова — «порода», «категория», а не то, что ей вменяют оппоненты. Однако известно, что именно она стала одним из организаторов кампании за то, чтобы, вопреки издавна сложившемуся в регионе обыкновению, продолжать говорить по-каталански с собеседником, который явно не понимает этого языка, а не переходить в такой ситуации на испанский, заведомо понятный всем участникам разговора [López 2020].

Наблюдая за происходящим в Каталонии, администрация другого автономного сообщества, Андалузии, разработала механизм предоставления субсидий, предназначенных для поддержки живущих в Каталонии андалузийцев и их потомков, потерпевших от политики «обязательного культурного и языкового погружения». Глава андалузийского правительства Хуан-

ма Морено в своих выступлениях сообщал, что на встречах с земляками во время визитов в Каталонию многократно слышал от них жалобы на усиливающееся давление со стороны сепаратистов, стремящихся унифицировать культурное и языковое многообразие жителей Каталонии, стереть их исходное своеобразие, — и просьбы о помощи. На этом фоне власти Андалузии решили поддерживать андалузийские общины и организации вне родного региона, помогать им в проведении акций по пропаганде андалузийской культуры, истории, традиций, языковых особенностей, сведений о видных исторических деятелях андалузийского происхождения и т. д. [Los descendientes 2020].

Борьба за язык преподавания в Каталонии и фатальное неравенство противостоящих сторон

Таким образом, сосуществование основных языков населения автономной Каталонии переживает период, который трудно назвать гармоничным. Но даже здесь имеются свои «болевые точки». И одной из них, несомненно, является уже упоминавшееся «языковое погружение» в рамках школьного обучения.

В 2019 г. было проведено (общественной организацией «Ассамблея за двуязычную школу») специальное исследование в 2214 бюджетных средних школах региона на предмет того, как выполняются упоминавшиеся выше судебные решения об обеспечении 25% учебного процесса на кастильском языке. Выяснилось, что лишь в 126 школах есть преподавание на кастильском каких-то предметов помимо самого кастильского языка, но только в 25 школах это какой-то из основных, а не второстепенных, предметов, к тому же и в этих случаях преподавание на кастильском языке ведется не на протяжении всего учебного года. Что же касается учебных центров дошкольного и начального образования, то там лишь 7,7% имеют хотя бы один предмет, преподающийся на кастильском языке — опять же помимо изучения самогó этого языка [Anguera de Sojo 2020].

«Навязывание» каталанского языка, по словам недовольных родителей, не ограничивается классными занятиями, но распространяется на перерывы между уроками, на внешкольные занятия — «на всё». Соответственно устное использование кастильского предельно ограничено практически во всех сферах школьной жизни [Anguera de Sojo 2020]. Та же линия проводится в отношении родителей испаноязычных учеников. 88,8% школ в своих контактах с ними используют исключительно каталанский язык, и лишь 2,3% школ посылают родителям информацию и сообщения на двух языках [Anguera de Sojo 2020].

Большое значение имеет то обстоятельство, что при комплектовании преподавательского корпуса здесь учитываются политические взгляды

претендента на вакансию. Кроме того, региональная система преподавания фактически закрыта для учителей из большинства других областей страны, поскольку от желающих найти в ней место требуется довольно высокий уровень знания каталанского языка [Gallego 2020]. В итоге целенаправленной многолетней селекции сформировалось региональное учительское сообщество, демонстрирующее показатели политических позиций и предпочтений, весьма отличные от средних по Каталонии. Так, если по региону в целом самая большая группа опрошенных (40%) определилась как «столько же испанцы, сколько и каталонцы», то среди преподавателей самой популярной (41%) оказалась опция «только каталонец» (во всем населении Каталонии таких — 21%). Положительно (на 2017 г.) к возможности независимости Каталонии отнеслись 38% жителей региона в целом и 61% местных преподавателей. Последние в большинстве своем поддерживают националистические партии и очень активны политически. И именно в руках настроенного столь недвусмысленным образом коллектива, как отмечают комментаторы, уже многие годы находится воспитание новых поколений каталонцев [Perfil del profesorado].

В согласии с педагогами действуют и родительские ассоциации, где тон задают решительные сторонники «погружения», недовольство которых могут вызвать даже песни на школьном празднике, исполненные на испанском, а не на каталанском [Anguera de Sojo 2020]. Испаноязычные родители прямо говорят об идеологической обработке, которой подвергаются дети в каталонских школах. Они рассказывают о том, что повсеместно на фасадах школьных зданий и в их интерьерах размещена символика сторонников независимости региона; о конфликтах с преподавателями, которые возникают у школьников, не согласных с «правильными» с точки зрения националистов оценками политических событий в автономии, например — в отношении референдума по вопросу о суверенитете Каталонии. Наиболее активные из таких родителей обращаются в вышестоящие образовательные инстанции, чтобы добиться права общаться со школьной администрацией на своем родном языке.

Но подобных смельчаков совсем немного, как и тех, кто обращается в суд с требованием о кастильскоязычном преподавании хотя бы некоторых предметов, поскольку они, а главное — их дети, с большой вероятностью подвергнутся осуждению, а то и бойкоту со стороны не только «более сознательных» соучеников и педагогов, но и тех родителей, что поддерживают «погружение». Мало кто решается противостоять столь массированному давлению, большинство же не верит в успех, видя, что попытки настоять на своих «языковых» требованиях чаще всего заканчиваются неудачей, и даже опасается подписывать петиции с такими требованиями [Anguera de Sojo 2020]. В самом деле, в 2011 г. в Женералитат было передано около 500 ходатайств родителей о двуязычном обучении их детей, но эти обра-

щения не были удовлетворены [Alonso 2020a]. И даже победив в суде, куда они обратились с подобного рода исками, многие из таких семей затем отказались от реализации своего права, а некоторые даже покинули Каталонию — настолько нетерпимая обстановка сложилась вокруг них и их детей [Campos 2020].

Власти автономного региона взяли на вооружение политику «свершившихся фактов», т. е. отказа от пересмотра уже принятых решений в деле продвижения каталанизации школьного образования, в сочетании с созданием формальных трудностей для ее оспаривания недовольными родителями и весьма затратной стоимости этой процедуры [Buil Demur 2020]; в качестве юридического обоснования использования ими методики «погружения» они ссылаются на автономный статут Каталонии и региональный закон об образовании 2009 г., который, по отзывам комментаторов, «послужил упрочению моноязычия и идеологизации» [Serra 2019]. В итоге модель «погружения» всё больше укреплялась как доминирующая [Campos 2020], а обучение на испанском языке окончательно переместилось в частные школы и в меньшей степени — в так наз. «договорные», они же «чартерные» или «кооперативные» (с частичным бюджетным финансированием) [Alonso 2020a]. В бюджетных же школах, составляющих ок. двух третей учебных заведений начального и среднего образования, на его изучение стало отводиться меньше времени, чем на изучение иностранного языка [Arrufat 2019].

Согласно заявлениям педагогического руководства региона, помещение всех школьников в единое каталаноязычное образовательное пространство и отказ от формирования испаноязычных классов должно вполне адекватно компенсироваться неким «индивидуальным вниманием» преподавателей к отдельным ученикам, испытывающим трудности с языком — что, по мнению критически настроенных экспертов, по сути означает психологическое давление на таких детей, которые таким образом оказываются в категории ущербных в сравнении с остальными [Serra 2019]. Ведь, как сообщают некоторые родители, детям прямо внушается в стенах учебных заведений, что испанский язык не является языком культуры, достойным того, чтобы передавать на нем научные знания [Ramírez 2020].

Неизбежным и очень актуальным в этой ситуации выглядит вопрос о том, насколько успешна система «погружения» в плане обучения как такового, как ее использование сказывается на усвоении знаний детьми. Сторонники этой методики, как и следовало ожидать, говорят о ее успешности — но их утверждения оспариваются критиками на том основании, что информация об истинном положении дел в данной области контролируется властями автономии. Напротив, противники считают спорную методику провальной, ссылаясь, во-первых, опять же на результаты сравнительных проверок каталонских школьников, которые, по их словам, от-

стают от своих сверстников из других регионов страны [Campos 2020], а во-вторых — на данные, которые говорят об отставании, уже в пределах самой Каталонии, испаноязычных учеников от каталаноязычных в знании учебного материала. Заявления официальных лиц автономии о том, что каталонские школьники лучше знают испанский язык (при двух часах его изучения в неделю), чем школьники из испаноязычных регионов, по мнению оппонентов «погружения» недобросовестны и необъективны, реальность же свидетельствует об обратном [Alonso 2020a]. Так, эксперты из Барселонского университета сравнили итоги PISA (контрольных испытаний уровня подготовки школьников) 2015 г. по Каталонии, и получилось, что при равных социально-экономических условиях результаты испаноязычных учеников на 11 пунктов ниже каталаноязычных [Ramírez 2020]. Конечно же, критики видят причину столь прискорбного положения дел прежде всего в основанной на методике каталанского языкового «погружения» системе регионального образования, которая «одним каталонцам обеспечивает привилегии, а других лишает культурных и языковых прав». Упоминавшийся выше региональный закон об образовании, по их мнению, «призван пропитать [каталонским] националистическим духом новые поколения каталонцев» и «делит наше [каталонское] общество на две части», одна из которых подвергается дискриминации и обрекается на «культурное и языковое исключение» [Serra 2019].

Новый закон об образовании: государство уступает «периферийным националистам» в вопросе о государственном языке

Чем же оказался примечателен новый общегосударственный закон об образовании 2020 г. («закон Селаá») в условиях, когда на протяжении многих лет каталонская автономная администрация упорно отказывалась следовать циркулярам и рекомендациям центральных органов власти, постановлениям судов разных уровней, вплоть до Верховного и Конституционного? Прежде всего тем, что, вопреки прежней многолетней линии Центра на отстаивание — не слишком настойчивое и еще менее результативное — равноправного функционирования в регионе двух основных исторически бытующих там языков, — согласно тексту нового закона, последовательно утвержденного двумя палатами испанского парламента, кастильский язык лишился статуса языка школьного обучения в Испании. Формально действовавшее до той поры — хотя и не исполнявшееся на территории Каталонии — предписание образовательного закона гласило, что кастильский язык является языком преподавания на всей территории государства, тогда как другие официальные языки, наряду с ним — в соответствующих автономных сообществах. В «законе Селаа» этой формулировки уже не было, а право выбирать, на каком языке будут учиться дети

в школах региона, фактически предоставлялось его властям [Ramírez 2020]. Кроме того, новый директивный документ существенно ограничивал права и возможности так наз. «договорных» («кооперативных») школ, составлявших в Каталонии — вместе с частными школами — около одной трети всех учебных заведений начального и среднего уровней образования. По мнению некоторых экспертов, наиболее вероятным результатом введения новых правил станет сокращение количества учебных заведений этой категории [Pereda 2020] — что в случае с Каталонией означает еще большее сужение пространства, где можно получать школьное образование на испанском языке.

Как получилось, что испанское правительство пошло на этот шаг, даже на сторонний взгляд ослабляющий позиции кастильского языка на части территории страны, языка, в соответствии с Конституцией являющегося официальным государственным языком Испании, который все ее граждане обязаны знать и которым они имеют право пользоваться? Как принятие «закона Селаа» было воспринято в испанском обществе?

Согласно доминирующему в СМИ мнению, утверждение закона в столь спорной формулировке стало возможным именно в данный политический момент, когда находящейся у власти в стране коалиции левых партий понадобилась поддержка представленных в испанском парламенте каталонских националистов для важного голосования, неудача в котором могла разрушить хрупкую и с трудом достигнутую стабильность политической ситуации и обречь страну на новые досрочные выборы. Уступку по вопросу о языке школьного образования многие комментаторы уверенно назвали вынужденной платой за критически необходимые голоса.

Что же касается реакции общества, то она оказалась весьма разнородна. Видимо, справедливо мнение наблюдателей, которые считают, что в практическом смысле, применительно к современным каталонским реалиям, принятый закон не изменил ничего. К этому моменту модель «погружения» уже несколько лет как переместила кастильский язык в положение иностранного в региональной системе образования, чему по большому счету так и не смогли помешать многочисленные и разнообразные призывы, постановления и действия, которые были предприняты как Центром, так и местными противниками лингвистической каталанизации всего социального и информационного пространства автономного сообщества. Спорадические успехи отдельных родителей в борьбе за испанский язык образования для своих детей достигались огромным напряжением сил и ресурсов и имели, как правило, весьма относительный характер. Известны случаи, когда школа, проигравшая суд по обращению с требованием ввести в расписание предметы на кастильском языке, нехотя уступала на какое-то время, но гораздо чаще аналогичные судебные постановления так и оставались невыполненными [Gallego 2020]. Зато теперь, когда про-

изошло законодательное, на уровне всей страны, закрепление положения дел, сложившегося в Каталонии, это должно было сильно обескуражить тех, кто не желал мириться с фактической языковой ассимиляцией.

Весьма характерно дополнение, внесенное в образовательный закон в ходе его парламентского обсуждения по требованию баскской националистической партии: предмет «lengua cooficial y literatura» (со-официальный/второй официальный язык и литература) будет отныне называться «lengua propia y literatura» (собственный/родной язык и литература) [Sanmartín 2020a], что само по себе работает на отчуждение испанского языка в ряде регионов страны, где он таким образом лишается статуса «своего», «исконного» для данных регионов. При этом выдвигавшиеся предложения восстановить в проекте закона упоминания об испанском языке как официальном языке государства и школьного обучения, а также гарантировать 25% преподавания на нем в регионах со вторыми официальными языками были отклонены.

«Лингвистическое противостояние» в Испании как проявление исторического конфликта двух концепций понимания населения страны: «мононациональной» и «многонациональной»

Представители правительства настаивают на том, что с принятием нового закона об образовании ничего принципиально значимого не произошло, и его формулировки указывают лишь на право автономных властей определять, на каком языке будет идти школьное преподавание в подведомственном им регионе, а изучение испанского языка там будет обеспечено. Критики, однако, возражают, что в законе ничего не говорится о процедурных и прочих механизмах, гарантирующих желающим ученикам преподавание на испанском языке, а также компенсацию отсутствия такого преподавания или отказа в нем со стороны руководства автономии или же учебного заведения [Campos 2020; Sanmartín 2020]. При этом правящая на тот момент ИСРП продолжает номинально придерживаться линии на «единую и многообразную Испанию», где лишь одна нация (Испания в целом) является субъектом суверенитета, тогда как ее «внутренняя этнокультурная множественность» и языковое многообразие рассматриваются как «позитивная и обогащающая ценность» [Núñez Seixas 2010], требующая развития и защиты [Ramírez 2020]. А вот политические союзники социалистов из относительно недавно возникшей общеиспанской левой партии «Подемос» (буквально «Мы можем!») демонстративно гордятся поправкой к закону, устраняющей гарантии обучения школьников на кастильском языке, и убежденно поддерживают ее. По их мнению, новый закон благотворен для «социальной сплоченности» каталонцев и для знания обоих языков в регионе [Alonso 2020a], а подразумеваемое им понижение статуса ка-

стильского языка означает продвижение вперед в утверждении «многонациональности» и признания «многоязычия» в стране [Alonso 2020].

Противоположную позицию занимают правоцентристские и правые партии страны, считающие, что «закон Селаа» подрывает целостность испанской нации и играет на руку сепаратизму. По их призывам и с их поддержкой во второй половине 2020 г. по всей стране было организовано множество протестов со стороны значительной части испанского общества, — в особенности в регионах распространения каталанского языка. В ноябре по улицам десятков испанских городов прошли «автомобильные марши» против принятия нового образовательного закона [Buil Demur 2020]. Митинги протеста состоялись в разных местах Валенсии, более всего — в г. Ориуэла, где на улицы вышли от 15 до 20 тыс. чел. под лозунгами «За право выбирать язык преподавания» и «Валенсиано (региональное название каталанского языка. — А.К.) — да, кастильский — тоже да!» [Sanmartín 2020]. По сообщениям прессы, ок. 1,5 млн. человек поставили свои подписи против «закона Селаа», будучи уверенными в том, что он способствует ограничению прав и свобод граждан и посягает на плюралистический характер действующей системы образования [León 2020].

История с «законом Селаа» стала поводом для привлечения внимания к лингвистической ситуации в двуязычных регионах Испании. Президент автономной Хунты (правительства) Галисии Альберто Нуньес Фейхоо (Alberto Núñez Feijóo) заявил, что в его регионе проводится политика гармоничного двуязычия, в пропорции 50/50, и этот курс будет продолжен, т. е. в Галисии испанский и дальше будет использоваться в качестве языка преподавания. По опросу Галисийского института статистики на предмет знания и употребления галисийского языка, 59,57% учащихся в регионе получают знания поровну на галисийском и испанском [Ramírez 2020].

Однако слишком многим лингвистическая ситуация в двуязычных автономиях совсем не кажется гармоничной, но, напротив, вызывает недовольство и опасения. Новый образовательный закон его противники назвали «объявлением войны всем кастильскоговорящим гражданам Испании». В сентябре 2020 г., в разгар его обсуждения, более семисот преподавателей университетов, институтов и колледжей, а также научных работников, подписали письмо министру образования с просьбой принять меры против той языковой политики, которая проводится в школах автономных Каталонии, Балеарских островов, Валенсии, Страны Басков, Наварры и Галисии, где «грубо нарушают языковые права кастильскоязычных детей, их родителей и учителей», — и гарантировать соблюдение этих прав [Sanmartín 2020]. Зазвучали опасения, что каталонская ситуация с неуклонным вытеснением испанского может быть воспроизведена в других регионах, где каталанский является вторым официальным языком. В подтверждение сообщалось, что на Балеарах уже в 300 школах кастильский перестал быть языком препода-

вания [Ramírez 2020]. На всеобщее обозрение выносились случаи, подобные произошедшему с учителем английского языка в одной из школ на о. Ивиса, т. е. опять же на Балеарах, которому его начальством было прямо запрещено говорить по-испански с другими учителями, со школьниками и их родителями, на том основании, что языком данного учебного центра как в преподавании, так и в общении является каталанский, и это правило имеет преобладающую силу в сравнении с правами личности. Сообщалось, что подобные ситуации имеют место и во многих других местах, где учителей принуждают не говорить по-испански, но они, как правило, не жалуются на это, опасаясь неприятностей [Sanmartín 2020]. Из Наварры звучали сетования на то, что там сокращают сотни мест в бюджетных школах с обучением на испанском языке, а из Галисии — на то, что консерваторское начальство г. Виго требует от преподавателей вести служебную переписку только по-галисийски [Sanmartín 2020] — и т. д., и т. п. Некоторые участники дискуссии трактовали происходящее как возмутительное и еще недавно не мыслимое положение, при котором одни граждане Испании имеют право учиться на государственном языке (в большинстве регионов страны), другие же этого права лишены либо вынуждены прилагать всё больше усилий, чтобы его отстоять (в Каталонии, в меньшей степени — в ряде других автономных сообществ) [Ramírez 2020].

Вместе с тем «лингвистические дискуссии», в том числе в СМИ, показали, что тенденция к укреплению социально-политических и культурных позиций «региональных» языков страны в соответствующих автономных образованиях за счет государственного испанского языка не сводится к сиюминутной политической конъюнктуре, но имеет весьма серьезную поддержку значительной части граждан. Одни из них оказывают ее по идейным соображениям, будучи сторонниками партий и движений левого толка, весьма влиятельных на сегодняшнем этапе исторического развития страны; другие — восприняв аргументацию «региональных националистов». Характерны отклики читателей одного из электронных СМИ на статью с критикой «закона Селаа»:

> «чтобы знать кастильский язык как большинство испанцев, его не обязательно изучать в школе»;
>
> «в Каталонии всегда говорили на каталанском языке, и именно он сейчас находится под угрозой! А навязывают нам только кастильский! Они хотят всю Испанию унифицировать по образцу Кастилии!»;
>
> «не хватает уважения к культурным меньшинствам! Дошло до того, что из-за этого многие некастильцы уже не могут чувствовать себя испанцами!»;
>
> «почему это кастильский язык должен иметь больше прав, чем какой-либо другой испанский язык?» — и т. д., и т. п. [El Congreso 2020].

Выводы

События вокруг принятия нового испанского закона об образовании, так называемого «закона Селаа», произошли совсем недавно, в 2020 г., т. е. прошло слишком мало времени для того, чтобы понять, как скажется — если скажется вообще — этот закон на лингвистической ситуации в Испании и, шире, на этнонациональных отношениях в среде ее населения. Некоторые влиятельные должностные лица, ответственные за принятие решений, высказались в том смысле, что данный документ не претендует ни на какое радикальное изменение уже сложившегося положения дел. Однако нам представляется, что содержание закона — если согласиться с позицией его критиков, а также принять во внимание реальную расстановку сил в сегодняшнем испанском обществе, в том числе в соотношении «регион–центр» — принципиально меняет прежнюю картину, снимая хотя и номинальные, но всё же существовавшие препоны для установления в ряде автономных областей страны доминирования или даже монополии тех «региональных» языков, которые по конституции имеют статус «вторых официальных», а испанский язык переводя в категорию «не-своего», полуиностранного. Возможность для сколько-нибудь убедительных аналитических выводов появится со временем, но пока что важно зафиксировать произошедшее событие и попытаться понять, будет ли оно иметь те последствия, о которых столько говорилось в ходе обсуждения проекта закона. При этом придется смириться с тем, что основным источником информации еще долго будут здесь разрозненные сообщения в СМИ, которые нужно будет вылавливать из общего новостного потока и очищать от обильных наслоений идеологического и конъюнктурного характера, к сожалению, неизбежных для такого рода публикаций.

Источники и материалы

Alonso 2020 — Alonso M. Podemos se jacta de que degradar por ley el castellano es avanzar en la «plurinacionalidad» // El Español. URL: https://www.elespanol.com/espana/20201106/podemos-jacta-degradar-ley-castellano-avanzar-plurinacionalidad/533698136_0.html (дата обращения: 06.11.2020).

Alonso 2020a — Alonso M. Las 5 falacias del Gobierno para justificar la retirada del español como lengua vehicular en España // El Español. URL: https://www.elespanol.com/espana/20201107/falacias-gobierno-justificar-retirada-espanol-vehicular-espana/533947916_0.html (дата обращения: 07.11.2020).

Anguera de Sojo 2020 — Anguera de Sojo I. La presión de las madres que piden educación en castellano en Cataluña: «El desgaste es brutal» // El

Independiente. 08.11.2020. URL: https://www.elindependiente.com/espana/2020/11/08/la-presion-de-las-madres-que-piden-educacion-en-castellano-en-cataluna-el-desgaste-es-brutal/ (дата обращения: 07.11.2020).

Arrufat 2019 — Arrufat C. La Generalitat está persiguiendo al idioma castellano // Bcnisnotcat.es. 03.08.2019 URL: https://bcnisnotcat.es/el-idioma-castellano-esta-siendo-perseguido-en-cataluna/ (дата обращения: 07.11.2020).

Buil Demur 2020 — Buil Demur A. La ley Celaá saca a la calle a miles de españoles // Euronews. 23.11.2020. URL: https://es.euronews.com/2020/11/23/la-ley-celaa-saca-a-la-calle-a-miles-de-espanoles (дата обращения: 07.11.2020).

Campos 2020 — Campos C. ¿Qué quiere decir que el español es «vehicular» y qué consecuencias tendrá la Ley Celaá? // El Español. 09.11.2020. URL: https://www.elespanol.com/espana/politica/20201109/quiere-decir-espanol-vehicular-consecuencias-ley-celaa/534447303_0.html (дата обращения: 07.11.2020).

Cañizares 2020 — Cañizares M. J. Que 30 años de discriminación del castellano no es nada // Crónica Global. 05.11.2020. URL: https://cronicaglobal.elespanol.com/pensamiento/zona-franca/30-anos-discriminacion-castellano-no-es-nada_402948_102.html (дата обращения: 07.11.2020).

El catedrático 2019 — El catedrático que apoya que sólo son catalanes los independentistas // Crónica Global. 23.12.2019. URL: https://cronicaglobal.elespanol.com/politica/catedratico-apoya-catalanes-independentistas_303386_102.html (дата обращения: 07.11.2020).

El Congreso 2020 — El Congreso aprueba la 'ley Celaá', que elimina el castellano como lengua vehicular en la enseñanza // Expansión. 19.11.2020. URL: https://www.expansion.com/economia/2020/11/19/5fb693a4468aeb992a8b45c4.html (дата обращения: 07.11.2020).

Los descendientes 2020 — Los descendientes de andaluces «afectados» por la inmersión lingüística recibirán una subvención // Crónica Global. 03.06.2020. URL: https://cronicaglobal.elespanol.com/politica/subvenciones-andaluces-afectados-inmersion-linguistica_354024_102.html (дата обращения: 07.11.2020).

Gallego 2020 — Gallego J. Así gestó Rufián el golpe al castellano // La Razón. 08.11.2020. URL: https://www.larazon.es/cataluna/20201108/dtctixb52bbcbjf7se4k6mrvym.html (дата обращения: 07.11.2020).

Jordi Pujol reclama 2019 — Jordi Pujol reclama a los independentistas que defiendan la inmersión lingüistica // Crónica Global. 09.12.2019. URL: https://cronicaglobal.elespanol.com/politica/jordi-pujol-reclama-independentistas-defiendan-inmersion-linguistica_299318_102.html (дата обращения: 07.11.2020).

León 2020 — León S. La plataforma que ha conseguido un millón y medio de firmas contra la Ley Celaá anuncia manifestaciones en toda España // Libertad Digital. 13.11.2020. URL: https://www.libertaddigital.com/espana/2020–11–14/mas-plurales-millon-y-medio-de-firmas-contra-la-ley-celaa-anuncia-manifestaciones-en-toda-espana-6680429/

López 2020 — López R. La consejera Vilallonga justifica su apelación a la «raza catalana» // Crónica Global. 13.02.2020. URL: https://cronicaglobal.elespanol.com/politica/consejera-vilallonga-justifica-apelacion-raza-catalana_318185_102.html (дата обращения: 07.11.2020).

López 2020a — López R. Grupo Koiné exige «eliminar» el castellano en la Generalitat // Crónica Global. 31.12.2020 URL: https://cronicaglobal.elespanol.com/politica/grupo-koine-eliminar-castellano-generalitat_427047_102.html (дата обращения: 31.12.2020).

Mateo 2020 — Mateo G. El castellano es la lengua propia de la mayoría de los catalanes // Crónica Global. 01.08.2020. URL: https://cronicaglobal.elespanol.com/politica/castellano-lengua-propia-catalanes_372849_102.html (дата обращения: 01.08.2020).

Pereda 2020 — Pereda O. El Senado aprueba definitivamente la 'ley Celaá' // El Periódico. 23.12.2020. URL: https://www.elperiodico.com/es/sociedad/20201223/senado-aprobar-ley-celaa-11419112 (дата обращения: 23.12.2020).

Perfil del profesorado — Perfil del profesorado en Cataluña. Análisis socio-político de los profesionales de la educación catalana. S.l., s. f. URL: http://files.convivenciacivica.org/Perfil%20del%20profesorado%20en%20Cataluña.pdf (дата обращения: 07.11.2020).

Ramírez 2020 — Ramírez E. Ley Celaá: su aprobación aviva el debate del uso del castellano en las escuelas // El Economista. 03.12.2020. URL: https://www.eleconomista.es/ecoaula/noticias/10920960/12/20/Ley-Celaa-su-aprobacion-aviva-el-debate-del-uso-del-castellano-en-las-escuelas.html (дата обращения: 03.12.2020).

Rico 2021 — Rico J. El 'grupo Koiné': «El franquismo aspiraba a una 'solución final': la residualización demográfica de los catalanes» // El Periódico. 05.04.2021. URL: https://www.elperiodico.com/es/politica/20210405/grupo-koine-manifiesto-franquismo-solucion-final-11636588 (дата обращения: 05.04.2021).

Rius 2016 — Rius J. C. Koiné, el manifiesto que se olvidó de la Catalunya real // El Diario. 10.04.2016. URL: https://www.eldiario.es/catalunya/opinions/koine-manifiesto-olvido-catalunya-real_132_4061523.html (дата обращения: 07.11.2020).

Sanmartín 2020 — Sanmartín O. 700 profesores piden a Celaá que tome medidas frente a las políticas lingüísticas nacionalistas de las escuelas de Cataluña y Baleares // El Mundo. 28.09.2020. URL: https://www.elmundo.

es/espana/2020/09/28/5f71962cfdddff8db88b4627.html (дата обращения: 07.11.2020).
Sanmartín 2020a — Sanmartín O. La asignatura de Lengua Cooficial pasará a llamarse Lengua Propia en la Ley Celaá // El Mundo. 14.11.2020. URL: https://www.elmundo.es/espana/2020/11/14/5faee9af21efa0e9098b45cd.html (дата обращения: 07.11.2020).
Serra 2019 — Serra M. Se cumplen 10 años del mejor discurso de la historia contra la inmersión linguistica // Bcnisnotcat.es. 21.06.2019. URL: https://bcnisnotcat.es/se-cumplen-10-anos-del-mejor-discurso-de-la-historia-contra-la-inmersion-linguistica/ (дата обращения: 07.11.2020).
Tercero 2016 — Tercero A. Los castellanohablantes, ese oscuro objeto del deseo del independentismo // Crónica Global. 02.04.2016. URL: https://cronicaglobal.elespanol.com/politica/los-castellanohablantes-ese-oscuro-objeto-del-deseo-del-independentismo_35912_102.html (дата обращения: 07.11.2020).
Texto íntegro 2016 — Texto íntegro del manifiesto del Grup Koiné a favor del catalán como única lengua official // El Periódico. 01.04.2016. URL: https://www.elperiodico.com/es/politica/20160401/grup-koine-manifiesto-catalan-unica-lengua-oficial-5018986 (дата обращения: 07.11.2020).

Научная литература

Núñez Seixas X. M. 2010. La nación en la España del siglo XXI: Un debate inacabable // Pasado y Memoria. Rev. de Historia Contemporánea. № 9. URL: file:///C:/Users/Acer/Downloads/Dialnet-LaNacionEnLaEspanaDelSigloXXI-3900239.pdf (дата обращения: 07.11.2020).

Глава 7. ФРИУЛЬСКИЙ ЯЗЫК: МИНОРИТАРНЫЕ ЯЗЫКИ ИТАЛИИ МЕЖДУ ПОЛИТИКОЙ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ И ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

Соотношение языковой, этнической и политической (гражданской) идентичностей актуально для такой социально неоднородной страны, как Италия. Как известно, существует два подхода к освещению соотношения языка и этничности: примордиалистская [Гердер 1772, Бромлей 1973] и конструктивистская [Anderson 1983, Gellner 1983, Тишков 2003]. Первая утверждает обязательную связь между языком и этносом, вторая говорит о факультативности этой связи, более того, выбор и создание национального языка будет целенаправленным осуществлением политического намерения. Исторически сложилось, что оппозиция «национальная идентичность — идентичность этническая» в Италии нагляднее всего актуализируется в противопоставлении «национальный язык» — «язык локального сообщества». Следовательно, наша гипотеза: чем более явственным будет целенаправленное позиционирование национальной идентичности и государственного языка, тем сильнее будет реакция локального сообщества, отстаивающего свою самобытность и апеллирующего к языку, который сообщество считает самым естественным проявлением своей этнокультурной идентичности.

Цель исследования, представленного в данной главе, — выявление реакции в коллективном сознании этнического меньшинства на языковую политику Итальянской Республики по поддержке миноритарных языков. В качестве предмета анализа было выбрано территориально-лингвистическое (этническое) меньшинство жителей области Фриули, входящей в мультиэтнический регион Фриули–Венеция-Джулия на северо-востоке Италии. Постановка цели определяет следующие задачи: 1) вывить этапы конструирования национальной и локальной языковой идентичностей в законодательной практике государства (уровень национальных и региональных законов); 2) проанализировать ответную реакцию локального сообщества, реакцию поддержки и продвижения своего миноритарного языка (на примере фриульского языка); 3) выявить основные моменты актуализации лингвистической идентичности; 4) определить, какое место занимает языковая идентичность в этнической идентичности фриулов.

Дискурс национального государства в политике языкового регулирования

Проблеме противостояния национального и локального в сфере языкового сознания посвящена небольшая, но емкая часть известной монографии «Banal Nationalism» известного социолога М. Биллига [Billig 1995]. Майкл Биллиг изучает вопрос языковой идентичности в аспекте диахронии, рассматривая историю становления идеологии национальных государств. В период XVIII–XX вв. для достижения национальной гегемонии было необходимо утверждение единого государственного языка с неизбежным подавлением языков-соперников, которые в дискурсе национализма и становятся «диалектами» — языками «без права голоса», с более низким социальным статусом, хотя с лингвистической точки зрения они не являются вариантами диалектного дифференцирования национального языка [Биллиг 1995: 75].

Действительно, саму практику подавления языков меньшинств обычно связывают с этапом становления национальных государств, однако и в конце XX века подобная тенденция в ряде случаев сохраняется. Так, известный австралийский журналист, критик колониальной политики Дж. Пилджер приводит два примера: в Конституции Турецкой Республики (1982 г.) заявляется, что «ни один язык, запрещенный законом, не должен использоваться при выражении и распространении мыслей»; в Восточном Тиморе после оккупации было официально запрещено преподавание тиморского языка в школах во имя общей и отныне непреложной, данной как факт «индонезийской цивилизации» [Pilger 1994].

Однако для европейских государств конца XX века более типична другая тенденция. М. Биллиг указывает на «послабление» к локальным наречиям (миноритарным языкам или диалектам) со стороны государства, уверенного в господствующей языковой гегемонии и идущего на уступку, упреждающую возможность сепаратизма: «ограничения языковых прав ослаблялись в интересах возрождения безвредного наследия или в целях удовлетворения требований сепаратистских или ирредентистских групп» [Биллиг 1995: 75]. Ключевым определением здесь, на наш взгляд, является словосочетание «безвредное наследие», то есть предполагается, что коллективные представления локального сообщества о своей территориальной и культурной целостности в силу его малочисленности не могут навредить «настоящей» целостности — целостности национального государства.

Но М. Биллиг не останавливается на этом, а делает более широкое и смелое обобщение, говоря о том, что современный человек воспринимает сконструированную идеологию национального государства как нечто само собой разумеющееся, полагая, что так было всегда. И такой же акси-

оматичной ему представляется основная роль национального языка в установлении национальной гегемонии и само понятие языка, якобы превосходящего своей кодификацией и богатством письменной традиции диалекты. В то время как и первое, и второе, по мнению автора, может быть «изобретенной непреложностью», созданной в эпоху становления национального государства. Если дело обстоит именно так, пишет Биллиг, то «не столько язык создает национализм, сколько национализм создает язык» [Биллиг 1995: 77–80]. Другими словами, система «государственный язык — локальные языки» возникает в коллективном сознании именно во время утверждения национальных государств. Средневековый человек, к примеру, вообще не уразумел бы, о чем идет речь: он объяснился *словами* с жителем соседней деревни, города или даже страны, и те его поняли, какая разница, как он объяснялся — на наречии, диалекте или языке? Об этом же говорит и британский социолог Дж. Б. Томпсон: определенный говор стал государственным языком благодаря притязаниям среднего класса столичных областей, которые в нужный момент дали именно своему наречию статус языка, сводя остальные языки к «диалектам» и самим термином определяя их более низкое положение в воображаемой языковой иерархии [Thompson 1984: 132]. Еще раньше, в 1960-х гг., известный социолингвист Э. Хауген дает нарочито нелингвистическое, политическое разграничение терминов «диалект» и «язык»: диалект — это язык, которому повезло стать средством общенационального общения: например, пьемонтский в Италии получил статус диалекта, несмотря на наличие кодифицированной грамматики, словарей, письменных литературных памятников, функционирования в качестве языка официального документооборота; и диалектом он стал после того, как итальянским языком на государственным уровне решено было сделать тосканский [Haugen 1966].

Возвращаясь к миноритарным языкам, хотелось бы подчеркнуть, что проведение границ между национальным языком, миноритарными языками и диалектами осуществляется именно в рамках политического и националистического дискурса. Языковые различия внутри страны приведут, скорее, к диалектной классификации, в то время как языковые различия по разные стороны национальной границы повлекут за собой признание двух разных языков. К примеру, галисийский в Испании и португальский в Португалии считаются различными языками несмотря на всё их типологическое сходство [Ruhlen 1987]. Интересующий нас фриульский (миноритарный язык) в северо-восточном итальянском регионе Фриули–Венеция-Джулия сходен с романшским языком в Швейцарии, но именно их расположение по разные стороны национальной границы заставляет говорить о разных языках, а не диалектах [White 1991].

В пользу того, что именно политическая практика является определяющей в признании за наречиями статуса языка, говорит и ситуация с фик-

сацией статуса официального языка для сардинского и фриульского языков. Эксперты ЮНЕСКО в 1953 г. предложили разграничить понятия «государственный язык» и «официальный язык». Государственный язык — язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства. Официальный язык — язык государственного управления, законодательства, судопроизводства. Уточняющим определением будет производный термин: официально признанные языки национальных меньшинств или регионов, которые могут использоваться в делопроизводстве и в качестве языка обучения детей в школах (а могут и не использоваться).

Государственный язык и миноритарные языки в законодательной практике Итальянской Республики

Раздел посвящен выявлению этапов языкового регулирования миноритарных языков в законодательстве Итальянской Республики; анализируются законодательные документы трех уровней: Конституция, государственные законы, региональные законы.

К XXI веку на территории Итальянской Республики сложилась крайне неоднородная языковая ситуация: наряду с государственным языком (итальянским) в нормативно-правовой базе государства официально признаны 12 языков (как романской группы, так и других языковых групп), помимо них существует более 1000 диалектов [Челышева 2001: 92]. С точки зрения репрезентативности языковой ситуации (воспользуемся типологией Л. Б. Никольского) Италия представляет собой благодатное поле для исследователя: наличествуют как эндоглоссные ситуации — в этом случае взаимодействуют системы одного и того же языка (итальянский язык, региональные варианты, диалекты), так и экзоглосные ситуации — взаимодействуют системы разных языков (итальянский язык и другие 12 языков); есть как функционально равнозначные системы (сбалансированная ситуация), так и системы, функционально дополняющие друг друга (несбалансированная ситуация) [Никольский 1976: 80–88]. Однако всё это языковое богатство, столь приятное для филологов, в рамках государства представляет проблему для выработки единой политической линии в области языкового регулирования: процесс создания законодательной базы в данной области неизменно сопровождается определенным конфликтом интересов между государственным и субнациональными (региональными, областными, локальными) уровнями, эволюция законодательной системы оказывается одновременно и прогрессивной, и регрессивной.

В качестве материала в этом разделе были выбраны тексты основных законодательных документов, целью которых является регламентация и регу-

лирование статуса и границ функционирования миноритарных языков: Конституция Итальянской Республики, государственные законы (закон № 482 от 1999 г. «Нормы по защите исторических лингвистических меньшинств»), региональные законы (закон региона Фриули–Венеция-Джулия № 29 от 2007 г. «Нормы по защите, признанию и продвижению фриульского языка»), а также отчеты о проведенной работе органа исполнительной власти — Регионального агентства по продвижению фриульского языка (госучреждение, образованное Региональным Советом Фриули–Венеция-Джулия).

Термин «миноритарный язык» равнозначен термину «язык лингвистического меньшинства», который, в свою очередь, обозначает «лингвистическо-территориальное меньшинство». Под термином «миноритарный язык» подразумевается «язык, исторически функционировавший на данной конкретной территории проживания определенного этнического сообщества и обладающий значительной культурной традицией» [Legge 15 Dicembre 1999, n. 482]. На территории Италии «лингвистическими меньшинствами», согласно закону № 482 от 1999 г., являются 12 языков: албанский, каталанский, немецкий, греческий, словенский, хорватский, французский, франко-провансальский, окситанский, фриульский, сардинский, ладинский. Не все миноритарные языки являются, действительно, миноритарными. Немецкий (в Альто-Адидже), французский (в Валле-д'Аоста) и словенский (во Фриули–Венеция-Джулия) появились на итальянской территории уже будучи национальными языками соседних государств и, следовательно, всегда имели определенный политический престиж в этом качестве. Стоит отметить, что и в 2020-е гг. их институциональные позиции относительно других миноритарных языков являются более прочными. Немецкий, французский и словенский не являются языковыми «островами», но реально функционирующими и, что более важно, официальными языками на областном или региональном уровне. Языки эти для Италии иностранные, но по сложившейся территориально-исторической практике воспринимаются как автохтонные.

Главным нормативным документом Итальянской Республики является Конституция, принятая в 1946 г. Статья № 6 Конституции гласит: «Республика поддерживает (охраняет) соответствующими нормами лингвистические меньшинства» (здесь и далее перевод наш — Д. Ш.) [Costituzione della Repubblica Italiana]. В данной статье явно выражен тот курс, который взяла молодая Итальянская Республика после Второй мировой войны в пику политике фашизма, которую можно определить как тоталитарную, унифицирующую и ксенофобную по отношению ко всему иностранному и иноязычному. Политические партии — составители Конституции — всячески отгораживаются от предыдущей политической тенденции и на словах демонстрируют готовность поддерживать миноритарные языки. Однако показательным фактом является отсутствие номенклатуры предполагаемых

«миноритарных языков», они остаются неназванными, следовательно, нет и объекта для дальнейших актов законодательной, а тем более — исполнительной власти, потенциальная реализация на практике блокируется на корню. В статье № 116 Конституции Итальянской Республики наличествует лишь перечисление регионов, обладающих особыми формами автономности в соответствии со специальными (региональными) уставами, принятыми в конституционном законодательстве, это приграничные регионы Фриули–Венеция-Джулия (граница со Словенией), Трентино-Альто Адидже (граница с Австрией), Валле д'Аоста (граница с Францией) и два островных региона: Сардиния и Сицилия. Однако речь идет именно о намеренной и декларируемой территориально-административной децентрализации, до языковой ситуации дело не доходит. Показателем того, что вопрос не был решен на системном уровне, является отсутствие оппозиции «национальный (итальянский) язык» (центр) — «другие языки» (периферия). Первый компонент данной оппозиции тоже были вынуждены обойти намеренным молчанием — итальянский язык в качестве общенационального (государственного) языка Итальянской Республики не только не был удостоен отдельной статьи, но и в принципе не упоминается в тексте Конституции.

Прошло более полустолетия до появления государственного закона № 482 от 1999 г. «Нормы по поддержке исторических лингвистических меньшинств» (опубликован в «Официальной газете» Итальянской Республики, № 297 от 20 декабря 1999), конкретизировавшего в более-менее ясных терминах расплывчатые формулировки упомянутой статьи 6 Конституции о государственной поддержке миноритарных языков. Пятьдесят лет спустя после принятия текста Конституции политики наконец набрались храбрости и провозгласили в первой же статье закона: «Официальный язык Республики — итальянский». Таким образом оппозиция «национальный (итальянский) язык — языки титульных групп в субнациональных образованиях» задается с уверенных и сознательно обозначенных позиций центра. Однако итальянский язык не называется «государственным языком». Согласно определению ЮНЕСКО, «государственный язык — язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках страны в политической, социальной и культурной сферах, это язык, выступающий в качестве символа данного государства», в то время как «официальный язык — язык государственного управления, законодательства, судопроизводства» [UNESCO]. Соответственно, в использовании термина «официальный язык» позиционируется именно функциональный и прагматический аспект итальянского языка — необходимость официального делопроизводства и официальной правовой и деловой коммуникации — на едином, понятном всем языке. И уже в следующем абзаце с поспешной политкорректностью закон выдает явную реминисценцию на пресловутую статью 6 Конституции: «Республика, которая высоко ценит лингвистиче-

ское и культурное наследие итальянского языка, равным образом продвигает высокую оценку языков и культур, охраняемых настоящим законом» [Legge 15 Dicembre 1999, n. 482].

Закон № 482 «Нормы по поддержке исторических лингвистических меньшинств» предоставил в законодательной практике эксплицитное определение лингвистическо-территориального меньшинства: «Область проживания определенного этнического сообщества, обладающего значительной языковой и культурной традицией» [Там же]. Определение кажется юридически нейтральным, но именно в «области проживания» имплицитно заложен принцип, который не позволит миноритарным языкам экспансировать и выдерживать конкуренцию по функционалу с официальным языком — итальянским. Кроме этого, законом № 482 были определены этнические группы, язык и культуру которых государство готово было поддерживать: албанский, каталанский, немецкий, греческий, словенский, хорватский, французский, франко-провансальский, окситанский, фриульский, сардинский, ладинский — всего 12 этнических сообществ. На момент принятия закона количество людей, формирующих данные «лингвистическо-территориальные меньшинства», составляло 2,4 млн. — менее одной десятой населения в 60 млн. человек.

В законе также были очерчены области (исторического) проживания лингвистических меньшинств (закреплено за городами и городскими областями), и был прописан принцип количественной легитимизации миноритарного языка наряду с национальным языком (итальянским): согласно статье 3 закона № 482, закрепление за городом и городской областью статуса «лингвистического протектората» происходит в том случае, если не менее 15% населения, проживающего на данной территории (совершеннолетние), выдвинут запрос такого протектората. Помимо этого, были прописаны сферы социального функционирования миноритарного языка: образование — введение преподавания миноритарного языка в детском саду, начальной и средней школе (по предварительному запросу родителей), письменная и устная коммуникация в органах городского и областного самоуправления, лингвистическое обеспечение масс-медиа — региональные каналы теле- и радиовещания, газеты на миноритарном языке наряду с итальянскими аналогами, а также разрешение на топонимические корреляты на итальянском и местном языках — названия улиц и дорожные указатели на двух языках.

Фриульский язык в законодательной практике Итальянской Республики

Самыми интересными для исследователя практики итальянского законодательства в области языковой политики являются сардинский, фриуль-

ский и ладинский (только в области г. Больцано) — единственные миноритарные языки, действительно функционирующие как официальные языки, то есть как языки делопроизводства в регионе или в областях определенных городов, при этом не имеющие дистанционной поддержки иностранного государства (как в случае с французским, немецким, словенским и др.) Фриульский и сардинский, безусловно, обладают большим количеством носителей среди языков меньшинств, признанных национальным рамочным законом от № 482 от 15 декабря. 1999 г. Споры о том, являются ли фриульский и сардинский диалектами или самостоятельными языками, могущими претендовать на признание в качестве официальных языков государства, велись уже давно: со стороны авторитетных лингвистов преобладали доводы в пользу признания языков, но решающей силой стали фриульские и сардинские активисты, ведущие борьбу много лет и пригрозившие в начале 1990-х гг. сепаратизмом пограничных областей [Petrosino 1992].

Фриули–Венеция-Джулия и Сардиния, два пограничных региона на окраине Итальянской Республики, являются совершенно разными со всех точек зрения: географической, рельефной, климатической, исторической, экономической и культурной. Регион Фриули–Венеция-Джулия расположен в северо-восточной части полуострова, где на протяжении веков сталкивались, но в то же время обогащали друг друга латинские, германские и славянские культуры. Сардиния расположена на юго-западе и представляет типичный пример «островной» культуры, замкнутой, изолированной, опасающейся захвата со стороны крупных морских держав и нападений морских пиратов. С экономической точки зрения Фриули–Венеция-Джулия является частью экономически развитого Севера Италии, Сардиния — экономически отсталого Юга.

Однако с лингвистической точки зрения у этих двух максимально отдаленных друг от друга регионов есть несколько общих черт. В обоих есть коренные языки (фриульский и сардинский), которые, хотя и составляют меньшинство относительно национального большинства, широко распространены на территории регионов; в некоторых городских областях носители миноритарных языков составляют большинство местного населения. Оба языка прошли процесс письменной кодификации, который насчитывает много веков: уже Данте пишет как о фриульском, так и о сардинском народном языке в *De vulgari eloquentia*, что свидетельствует о факте существования литературной традиции на данных языках. Помимо этого, сардинский язык был административным языком острова в XII в. и оставался языком обычного права (правового обычая) Сардинии на протяжении многих веков, почти до начала XIX в. Фриульский язык, как это хотят представить активисты фриульского движения, был языком исторического общения Аквилейского патриархата вплоть до начала XV в., сохранились рукописи на фриульском языке, датированные XII–XIII вв.

Наконец, оба языка прошли через определенную политизацию языковой идентичности: местные органы власти и политические активисты под лозунгом защиты фриульского или сардинского языка на самом деле продвигали концепцию политической идентичности, отличной от итальянской национальной. Фактически речь шла о целенаправленном создании политического сепаратизма. В качестве предмета исследования мы как раз и выбрали фриульский — официально признанный Итальянской Республикой миноритарный язык. Он нам интересен как «миноритарный язык без государства-референта», обладающего при этом статусом «официальный (признанный) язык»: разрешено как делопроизводство, так и преподавание фриульского в качестве школьного предмета. С другой стороны, он не так изолирован от остального итальянского многоязычия, как островной сардинский язык.

Фриульский язык (восточный ретороманский, фурланский) — язык этнического меньшинства фриулов, романский язык с ареалом распространения в областях (провинциях) городов Удине, Гориция, Порденоне, которые входят в область Фриули, являющуюся составной частью региона Фриули–Венеция-Джулия. Приблизительное количество говорящих на языке — около 300 тыс. человек. Диалекты представлены в трех ареалах: западнофриульский, карнийский, центрально-восточный фриульский. Для нашего небольшого исследования важно то, что активисты фриульских партий еще в 1960–70-х гг. начали активно позиционировать фриульской язык в качестве символа своей этническо-территориальной идентичности, преуспев в этом настолько, что фриульский получил статус официального языка в 1990-е гг., а в последующие тридцать лет региональные власти вели планомерную политику по формированию сильной языковой идентичности жителей области Фриули [Нарумов, Сухачев 2001: 365–368; Susič, Janežič, Medeot 2010].

Основным законодательным документом по позиционированию фриульского языка в качестве официального на территории области Фриули является региональный закон Фриули–Венеция-Джулия № 27 от 2009 г. «Нормы по защите, признанию и продвижению фриульского языка». Следует сказать, что в период с 1999 г. до 2009 г. фриульский язык и так весьма упрочил свои позиции в качестве официально признанного миноритарного языка в областях (городских округах, провинциях) фриульских городов Удине, Гориция и Порденоне: количество итальянцев, декларирующих данный язык в качестве родного, составляло 300 тыс. человек [Нарумов, Сухачев 2001: 382–387]. Было создано государственное учреждение областного уровня, дочернее по отношению к региональным властям Фриули — Agenzia regionale per la lingua friuliana — ARLeF (Агентство по продвижению фриульского языка), целью которого была координация региональной программы по обеспечению реализации закона № 482/1999.

Однако при плановой процедуре утверждения регионального закона Фриули–Венеция-Джулия № 27 от 2009 со стороны федеральных властей закон был передан в Конституционный суд Итальянской Республики на предмет проверки соответствия итальянской Конституции. В результате некоторые положения закона были признаны противоречившими Конституции, в частности — положение о расширении ареала использования фриульского языка как второго официального языка *всего* региона Фриули–Венеция-Джулия, а не только городских округов области Фриули, население которых задекларировало желание ввести в узус регулярное использование фриульского языка. Особое негодование вызвало положение регионального закона о том, что государственные учреждения регионального уровня, которые находятся в региональном центре г. Триесте (ареал словенского лингвистического меньшинства), должны были вести деловую переписку и устное официальное общение на фриульском языке, чтобы удовлетворить права носителей фриульского языка: «Во взаимоотношениях с властями Региона и его структурными подразделениями (учреждениями) право использования фриульского языка осуществляется безотносительно территориального расположения соответствующих учреждений» (Статья 6 Регионального закона) и «Использование фриульского языка гарантируется также во взаимодействии с госучреждениями и в распространении официальной информации на территории всего региона» (Статья 8 Регионального закона) [Legge regionale 18 dicembre 2007, n.29].

И здесь Конституционный суд предъявил тот скрытый предохранительный механизм, который был заложен в определении лингвистическо-территориального меньшинства. Согласно Статье 9 закона № 482 «Нормы по поддержке исторических лингвистических меньшинств» все лингвистические права имеют хождение строго *на исторической территории распространения данного языка*: как только субъект «лингвистическо-территориального меньшинства» покинул свою территорию, его лингвистические притязания становятся необоснованными и вызывают немедленную реакцию государства, которое сразу же апеллирует к закону более высокого уровня. Является ли такой шаг свидетельством репрессивности современного национального государства (Итальянской Республики), заинтересованного в наименьшем количестве официальных языков? По справедливому замечанию М. Биллига, как национальное государство создается посредством насилия, так и контроль за удержанием единого националистического дискурса идет через борьбу за монополию на средства насилия: «Торжества отдельного национализма редко удается достигнуть, не одержав победы над альтернативными национализмами и другими способами воображения народа» [Биллиг 1995: 76]. В данном конкретном случае этническая группа фриулов может сколь угодно воображать свой коллектив отдельным народом, но в перестраховочном дискурсе Итальянской

Республики это не народ, а «лингвистическо-территориальное меньшинство», которое не должно покидать очерченных границ локуса исторического распространения.

Реализация законов по сохранению миноритарных языков в региональной практике: на примере фриульского языка

Какие же направления поддержки миноритарного языка оказались наиболее актуализироваными, какие меры по сохранению языковой идентичности оказались наиболее эффективными и встретили наибольшую поддержку этнического сообщества в области Фриули региона Фриули–Венеция-Джулия?

Власти области Фриули сначала при поддержке различных общественных организацией, затем всё более опираясь на создаваемые дочерние государственные учреждения (основное из них — уже упомянутое Агентство по продвижению фриульского языка — *Agenzia regionale per la lingua friuliana (ARLeF)*, созданное с целью реализации законодательных положений), в период 1999–2021 гг. успешно реализовали следующие задачи, которые были прописаны в законе государственного уровня № 482, но рисковали остаться без исполнения:

1) на средства регионального бюджета были созданы телеканалы, радиопрограммы, периодические печатные издания на фриульском языке; 2) была введена практика делопроизводства и устной официальной коммуникации на фриульском языке, а также служба перевода с / на фриульский в органах местного самоуправления; 3) в области Фриули были введены двуязычные указатели, то есть названия улиц, дорог, дорожные указатели (повороты, развилки, съезды и т.д,) и мемориальные надписи стали двуязычными, что впоследствии нашло свое отражение и в региональной картографии; 4) были переведены на фриульский язык некоторые прецедентные тексты, например, Библия; 5) были созданы курсы по изучению фриульского языка для всех желающих; 6) была введена практика преподавания фриульского языка в детских садах, начальной и средней школе; 7) была разработана система сертификационных экзаменов для преподавателей фриульского языка; 8) была обеспечена мягкая пропаганда преподавания учебных дисциплин и ведения научно-исследовательской работы на фриульском языке в высших учебных заведениях.

А теперь подробнее разберем каждое направление деятельности государственных учреждений области Фриули, начиная с интенсификации теле- и радиовещания на фриульском языке. Еще до принятия закона № 482 от 1999 г. Итальянская Республика в силу ряда международных договоров была обязана обеспечить и обеспечивала теле- и радиовещание на языках, миноритарных в Италии, но «полноценных» с политической

точки зрения в других европейских странах: на французском — в регионе Валле д'Аоста, на немецком и ладинском — для жителей Южного Тироля, на словенском — в областях городов Триеста и Гориции, Удине. Миноритарные языки, которые не имели за пределами Италии национальное государство-референт, незримо защищающее интересы зарубежных представителей своего языка, остались без теле- и радиовещания на государственном уровне. В случае фриульского языка в конце 1990-х гг. существовало всего несколько локальных передач, финансируемых из бюджета региона, которые шли в наименее выгодное эфирное время (воскресенье в 10 утра) и длились всего 5–15 минут. Помимо этого отсутствовали новостные рубрики на фриульском языке, созданные профессиональными журналистами. Не удивительно, что во фриульском сообществе начала 2000-х гг. настроения недовольства существующим положением вещей достигли определенного критического порога, и в г. Удине в 2002 г. была создана некоммерческая организация защитников фриульского языка и языкового разнообразия *Comitât482/Comitato482*, которая объединила 30 мелких ассоциаций любителей фриульского, словенского и германских языков с благородной целью отслеживать реализацию закона на практике, а именно сделать теле- и радиовещание на миноритарных языках постоянным, высокопрофессиональным и востребованным зрителем, вне зависимости от политического удельного веса того или иного миноритарного языка Италии [Cisilino 2006].

С введением закона № 482 ситуация стала постепенно улучшаться, появились источники финансирования как на государственном, так и на региональном уровне. Были созданы телевизионные информационные каналы *Telefriuli, Telemare, Telepordenone*, а также частный канал радиовещания *Radio Onde Furlane*. Практика смешанного теле- и радиовещания (в основном, на итальянском, но некоторые рубрики — на фриульском) также получила широкое распространение: в двуязычном формате вещает телеканал *Rai Friuli Venezia Giulia*, радиостанция *Radio Onde Furlan*e (70% на фриульском языке). Подобную двуязычную практику поддерживают и средства печати: еженедельники *Il Friuli* и *La Vita Cattolica*, ежедневное издание *Messaggero Veneto-Giornale del Friuli*.

Вторым важным направлением реализации законов по признанию миноритарных языков стало введение делопроизводства и устной официальной коммуникации на фриульском языке в местных органах власти. Данное положение было прописано в законе № 482: предполагалось, что использование языков этнических меньшинств должно быть осуществлено в рабочей практике областных и городских советов, а также других органов управления областного и муниципального уровня при условии, что не менее 15% жителей городского округа или региона официально подтвердили факт своей языковой принадлежности. При наличии необходимого процен-

та носителей миноритарного языка планировалось, что в местных органах самоуправления будет не менее 15% служащих, владеющих искомым языком или хотя бы находящихся в процессе изучения оного. Именно для этого университет г. Удине, в котором был учрежден Межфакультетский центр по развитию фриульского языка и культуры *Centro interdipartimentale per lo sviluppo della lingua e della cultura del Friuli (Cirf)*, в 2017 г. открыл специальный курс повышения квалификации «Курсы фриульского языка для государственных служащих» (функционируют по настоящее время, 2021 г.). Курс предусматривает три образовательных модуля в зависимости от уровня лингвистических компетенций учащихся — базовый, средний и продвинутый. Подобная диверсификация сделала доступным изучение миноритарного языка как для тех, кто не знает фриульского вообще, но проявляет интерес к его изучению, так и для носителей языка, которые хотели бы улучшить свои навыки в устной и письменной речи. Каждый этап предусматривает всего 30 академических часов подготовки: предполагается, что проявленный госслужащим интерес к фриульскому языку в дальнейшем найдет свое развитие в самоподготовке, самообучении и в практике живого фриульского языка в профессиональной сфере (на госслужбе). Если судить по данным выпуска 2017 г., то подобных энтузиастов фриульского языка набралось совсем немного — всего 19 госслужащих, поэтому администрация университета была вынуждены объединить торжественную церемонию вручения сертификатов госслужащим с аналогичной процедурой для 37 студентов и старшеклассников, изучавших фриульский язык в университете г. Удине по велению сердца [Pusiol: 2017].

В целях обеспечения свободного делопроизводства на фриульском языке в области Фриули было учреждено Региональное лингвистическое бюро (служба перевода фриульский-итальянский) в органах местного самоуправления. Частным лицам, желающим подать любой официальный документ на фриульском языке, предлагается бесплатная услуга письменного перевода с итальянского на фриульский, объем документа — до 10 000 печатных знаков, включая пробелы. Для полного охвата ареала фриульского языка в Региональном лингвистическом бюро была создана система офисов-корреспондентов: центральный офис, расположенный в Удине, и четыре периферийных офиса, расположенных в Толмеццо в Верхнем Фриули; в Музсана-дель-Тургнано в районе Нижнего Фриули; в Гориции для Восточного Фриули; в Сан-Вито-аль-Тальяменто для Западного Фриули. Для пользователей проект был назван *Sportello linguistico* — Служба единого лингвистического окна. Проект полностью финансируется из регионального бюджета и осуществляется Агентством по распространению фриульского языка ARLeF.

Помимо этого в помощь тем итальянским гражданам, которые предположительно свободно говорят на фриульском языке, но испытывают

определенные затруднения в письменной речи (не очень уверены в некоторых орфографических и грамматических моментах, так как не получили классической школьной подготовки), было создано электронное приложение *Correttore Ortografico Friulano* (*COF*) — Автокорректор правописания на фриульском языке, который выявляет орфографические ошибки пользователя и предлагает варианты исправления.

В качестве инструмента для перевода с/на фриульский язык был создан Большой двуязычный итальянско-фриульский словарь (2017 г., 70.000 словарных статей). В качестве корпуса итальянского языка в словаре используется *Grande Dizionario dell'Uso della Lingua Italiana* известного итальянского лингвиста Туллио Ди Мауро, а в качестве корпуса для фриульской части словаря были взяты все опубликованные фриульские лексикографические работы, основная часть которых была создана в период 1990–2010 гг. Традиция одноязычных толковых словарей восходит к концу XIX века [Pirona 1871], но на рубеже XX–XXI вв. тип толкового словаря миноритарного языка особой популярностью не пользуется, в основном их разработкой занимаются члены Фриульского филологического общества [Faggin 1985; Vicario 2010]. Однако наблюдается изобилие двуязычных словарей, начиная с итальянско-фриульских лексикографических продуктов, которые выдерживают множество переизданий с увеличением количества словарных статей, как мы видим по публикационной динамике словарей одних и тех же авторов [Matalon 1978, 1979; Nazzi 1993, 1997, 2003, 2005, 2010, 2017]. В сфере двуязычных словарей поражает намерение вобрать в орбиту фриульского языка как можно больше иностранных языков — существуют двуязычные словари: фриульско-английский [Nazzi, Saidero 2000], фриульско-французский [Nazzi 1995], фриульско-испанский [Capello, Nazzi 2005], фриульско-словенский [Brecelj 2005], фриульско-чешский [Kozlova, Nazzi 2006], а также мультиязычные словари [Brecelj 1998; Brecelj, Nazzi 2011]. Список двуязычных словарей венчает загадочный «Фриульско-бразильский словарь» [Brindani, Michelotti 2007]: очевидно, что его авторы знают о том, что официальным языком Бразилии является португальский, а не фантастический «бразильский», но они намеренно сдвигают смысловую ось в сторону самобытности и потенциальной самостоятельности варианта португальского в Бразилии, идеологическим коррелятом которого и выступает фриульский, как раз долго считавшийся диалектом итальянского языка, но обретший статус отдельного, пусть и миноритарного языка.

Какой еще лексикографический продукт получил распространение помимо толковых словарей на рубеже XX–XXI вв.? Это все те словари, которые косвенно, самим фактом своего существования указывают на богатое культурно-историческое и языковое наследие области Фриули: этимологический словарь [Fantini 2011], фразеологические словари [Nazzi, Ricci

1982, 1995]. Как это ни странно, в эту же категорию следовало бы включить и орфографические словари [Carrozzo 2008, 2010], ведь они косвенно указывают на исторически существовавший язык письменности, один из лингвистических признаков отличия языка от диалекта.

Возвращаясь к синтезу всех этих словарей — Большому двуязычному итальянско-фриульскому словарю, созданному Агентством по продвижению фриульского языка, — словарь был издан в бумажной версии, но, что более актуально, был представлен в электронном виде в открытом доступе не только на веб-сайте Агентства по продвижению фриульского языка ARLeF, но и на компакт-диске, который бесплатно распространяется Агентством. Кроме того, благодаря приложению, всё содержимое словаря можно просматривать в режиме реального времени даже на смартфонах и планшетах — перед нами разработанный по всем правилам и досконально продуманный современный инструмент для перевода и изучения фриульского языка.

Вопрос о двуязычных словарях как о необходимом инструменте неминуемого перевода встал не просто так, ощущалась экзистенциальная необходимость перевода значимых, прецедентных для этноса текстов на фриульский язык. Какие же тексты были переведены в первую очередь? В 1983 г. на фриульский язык была переведена Библия и Лекционарий (сборник фрагментов Священного писания по порядку церковного года для Литургии). Казалось бы, мы имеем дело с реминисценцией на историю средневековых итальянских вольгаре, народных наречий, которые неизбежно «переводили» элементы католических богослужений с мало понятной прихожанам латыни на живые народные говоры. Но, во-первых, из элементов богослужения в Средние века переводилась не сама месса, а проповеди, самый свободный и коммуникативно ангажированный жанр [Coletti 2006]; перевод же самой Библии на итальянские наречия происходит сравнительно поздно, это перевод с латинской версии Вульгаты, сделанный Николо Малерми в 1471 г. Во-вторых, перевод Библии на фриульский язык мало что говорит нам о носителе миноритарного языка, якобы не могущего прочитать Библию на итальянском языке (язык их инкультурации, обучения и социализации), но много говорит о том, кто был активным сторонником возрождения идентичности этнической. Активистами возрождения фриульской этничности были представители клира области Фриули — именно они в 1960–70-х гг. развернули лихорадочную деятельность по позиционированию фриульского языка в качестве самого яркого атрибута этнической идентичности, отдельной и явно противопоставленной общенациональной итальянской; зримым воплощением антагонизма стала оппозиция «фриульский (родной) язык — итальянский (внешний) язык государства». Фриульские священники создали ассоциацию *Scuele Libare Furlane* («Свободные фриульские школы»), главной целью которых

была культурная мобилизация этнической группы вокруг языка, традиционных и христианских ценностей, свойственных фриульской этнической культуре — как мы видим, фриульский язык входит в качестве ценности в аксиологическую систему традиционной культуры. Священниками же была возрождена идея об Аквилейском патриархате, якобы реально существовавшем историческом воплощении независимой Родины фриулов. Аквилейский патриархат был автономной (и непризнанной автокефальной) Церковью, которая располагалась как раз на территории современного региона Фриули–Венеции-Джулии. Патриархат просуществовал в разных формах с VI по XV вв., патриархи были крупными феодальными государями. Помимо воссоздания (конструирования?) подобных мифов в пространстве коллективной памяти церковные деятели были также политически активны: так, в 1967 г. 519 фриульских священнослужителей подписали документ, в котором критиковалась социально-экономическая программа развития недавно созданного двухкомпонентного региона Фриули–Венеция-Джулия, т. к. в этой программе области Фриули была отведена вторичная роль по сравнению с более богатой Венецией-Джулией. Они выразили явное недовольство экономической отсталостью области и нежеланием правительства выделить необходимые средства для стабилизации экономики, но главное — они не были согласны с той важной ролью, которая отводилась в качестве регионального центра г. Триесту (олицетворению другой части региона, юлианской Венеции), подчеркивая радикальные культурные отличия между областью Фриули и областью г. Триеста. Открыто город Триест никто не называл оплотом словенской этнической культуры, что вызвало бы обвинения в разжигании этнической розни. Тем не менее, подчеркивалось, что Триест представляет собой скрытую угрозу по отношению к «глубинной идентичности области Фриули», так как это «город изобретенный, гибридный, без глубоких связей с окружающей его территорией, нарочито светского характера». Другими словами, город, не принадлежащий традиционной культуре исторической территории фриулов (под традиционной культурой понимается «религия-традиция-история-язык»). Далее недовольство священнослужителей приобретает всё более выраженную политическую направленность: на региональных выборах 1968 г. местная политическая партия *Il Movimento Friuli* («Фриульское движение»), созданная всего за 2 года до выборов и состоящая из католиков-традиционалистов и социалистов, набрала 5,1% голосов на региональном уровне и 10,1% в области г. Удине, наиболее активного «рупора» этнического меньшинства фриулов (эта партия сойдет с политической сцены только в 1993 г., когда весь политический класс области будет и так настроен профриульски). В политических требованиях партии было заявлено: создание независимого фриульского региона, отдельного от области г. Триеста, сокращение срока воинской службы, борьба с эмиграцией,

развитие экономики и промышленности, рост инфраструктуры, создание единого фриульского университета [Segatti, Guglielmi 2016: 283–285].

В 1976 г. страшное землетрясение разрушило города и поселки области Фриули, и необходимость восстанавливать памятники архитектуры, вооружившись знаниями по археологии и истории родного края, подтолкнуло фриулов к новому витку осознания своих этнических корней, а также к осознанию себя отдельным сообществом с самобытной историей и языком. Закон № 546 от 8 августа 1977 г. «Восстановление районов региона Фриули–Венеция-Джулия и региона Венето, пострадавших от землетрясения 1976 г.» содержит первое признание фриульского языка. Этим же законом учреждается университет г. Удине (9 лет назад его создание присутствовало в программе партии «Фриульское движение»), который должен был «стать естественным инструментом развития и обновления оригинальных течений культуры, языка, традиций и истории области Фриули». И снова важную роль в процессе консолидации локальной группы вокруг культурно-исторических ценностей играют служители церкви. Особенно активна группировка молодых священнослужителей *Glesie furlane* («Фриульские церкви»), которые вновь апеллируют к истории Аквилейского патриархата как референту уже не только исторически независимого государства, но и сообщества, говорившего на одном языке. Данная группа выдвигает требования признать права говорящих на фриульском языке, а год спустя, в 1977 г., священнослужители направляют в Ватикан коллективный запрос о переводе священных текстов на фриульский язык. Святой престол отказывает им в этом, выражая «обеспокоенность по поводу возможного ослабления самой идеи национального единства, а также нежелание увлекаться чисто политическим дискурсом «разрешить» или «признать» лингвистическую автономию». Однако Библия была переведена на фриульский уже в 1983 г., таким образом, фриульский язык получил более чем авторитетную письменную фиксацию. Следует отметить, что профессиональные политики медленнее включились в этнический дискурс, только в 1977 г. была создана региональная комиссия по изучению «миноритарных наречий» [Roseano 1999: 345–348].

К вопросу о важности письменной фиксации миноритарного наречия можно отнести и практику двуязычных указателей — еще одно направление деятельности региональных властей в период 1999–2021 гг. Названия улиц, дорог, дорожные указатели (повороты, развилки, съезды и т. д.), а также мемориальные надписи становятся двуязычными, что впоследствии находит свое отражение и в региональной картографии. Процесс, следует отметить, не был быстрым и тотальным: к примеру, в 2004 г. существовало всего 40% двойных названий в городах области Удине, в 2019 г. — уже 80%. Быстроте и экономичности процесса не способствовало и политкорректное решение разрешить письменную фиксацию топонимов не только

на фриульском языке, но и на локальном варианте фриульского. Например, в провинции г. Порденоне городское поселение Будоя будет иметь три именования: Budoia (*итал.*), Budoie (*фриул.*), Buduoia (*фриул. локальный*). Не стоит также забывать, что дорожные указатели могут быть и трехъязычными: в области Гориция существует города с тройными названиями там, где присутствуют и носители словенского языка.

Здесь мы могли бы задаться вопросом: а зачем потребовалось дублировать на фриульском топонимы, и так понятные всем билингвам, так как они уже более 150 лет циркулируют в обиходе на итальянском языке, языке общенациональной коммуникации? Как справедливо указывает М. Биллиг, нельзя недооценивать именно сам факт письменной фиксации регионального языка, т. к. он служит наглядным и защищенным во времени подтверждением и свидетельством, что отдельный язык существует [Биллиг 1995: 81].

В этом пример фриульского языка далеко не единственный: к примеру, в 1980-х гг. Ломбардская лига (партия сепаратистов) провозгласила ломбардский диалект языком [Ruzza 1993]. С позиции классического языкознания некоторые лингвисты и ранее признавали ломбардский в качестве отдельного языка [Grimes 1988], другие же считали его диалектом [Vincent 1987]. Активисты партии коллективным политическим решением присвоили ему статус языка и перешли к решительным и, главное, незамедлительным действиям: на существующих уличных указателях в Ломбардии они закрашивали последние гласные буквы на итальянских названиях. Таким образом менялся сам облик письменной фиксации итальянского языка, важно было получить хотя бы псевдо- или протофиксацию искомого ломбардского языка в качестве свидетельства его существования. Как справедливо указывает М. Биллиг, если бы в 1980-х гг. Ломбардская лига добилась отделения Ломбардии от Италии, то ломбардский сразу же получил бы статус официального языка, а через какое-то время и в области лингвистики зафиксировали бы политическую данность, как это уже случалось с норвежским, датским и шведским языками [Биллиг 1995: 82].

Однако странным образом именно вопрос о языке послужил своеобразным камнем преткновения для сплоченного движения Ломбардской лиги в сторону сепарации Ломбардии от Италии: многие потенциальные адепты партии не являлись носителями ломбардского языка и поэтому в партию не вступили, не чувствуя себя там до конца «своими» именно по критерию языковой принадлежности. Помимо этого, вопрос встал о выборе «правильной» формы ломбардского языка из всего многообразия локальных вариаций ломбардского диалекта, единогласия по этому вопросу не было, т. к. признание одной правильной формы сделало бы автоматически «неправильными» все остальные варианты, оскорбив подавляющую часть ломбардцев [Ruzza 1993]. Подобную проблему, как мы видим, мягко и ненавязчиво решили чиновники области Фриули, которые наряду с об-

щим языковым именованием города разрешили и локально-фриульское (диалектально-фриульское) наименование. Вопрос ставился не по принципу «правильный/неправильный», но «общий/локальный», и локальному позволили присутствовать, поместив его в иерархию «итальянский язык — фриульский язык — диалект фриульского языка» на последнее место.

Одним из наиболее реализованных направлений по поддержке и продвижению фриульского языка было создание доступных инструментов для изучения фриульского языка любыми заинтересованными лицами, вне зависимости от этнической, территориальной, социальной принадлежности. Основным инструментом стали краткосрочные интенсивные курсы фриульского языка (и культуры) для самой широкой аудитории, предлагаемые *La Società Filologica Friulana* (Фриульским филологическим обществом) в сотрудничестве с органами муниципальной администрации городов области Фриули и финансируемые ARLeF. Курс включает в себя знакомство с грамматикой фриульского языка для обучения чтению и письму на фриульском языке. Курс является бесплатным и доступным для всех желающих независимо от возраста, уровня образования, профессиональной подготовки и не требуют предварительных знаний фриульского языка. Длительность курса составляет всего 26 академических часов, сертификат участника выдается тем, кто посетил не менее 70% уроков; сертификат является документом, дающим доступ к конкурсу на включение в региональный список учителей, владеющих фриульским языком. Не остается без внимания и изучение историко-культурных, литературных и народных традиций — организуются открытые уроки, мастер-классы, круглые столы и конференции, в которых может принять участие каждый слушатель. Из внеаудиторной деятельности стоит упомянуть организованные поездки с гидом во фриульские города и села, представляющие особый исторический и художественный интерес.

В сфере начального и среднего образования была создана система обязательных сертификационных экзаменов для преподавателей фриульского языка, а впоследствии была сформирована постоянно пополняющаяся база данных воспитателей, владеющих фриульским языком, для детского сада, учителей начальной и средней школы. Стоит отметить, что на настоящий момент (2021 г.) база данных, размещенная на официальном ресурсе Агентства по продвижению фриульского языка ARLeF, включает в себя 2304 учителя, которые обязаны проходить процедуру подтверждения своей профессиональной квалификации каждые три года. Более подробная статистика выглядит следующим образом: детский сад — 845 воспитателей, начальная школа — 1001 учитель, средняя школа 1-й ступени — 256 преподавателей, средняя школа второй ступени — 202 преподавателя. Сразу же бросается в глаза прогрессивное уменьшение количества преподавателей по мере взросления ребенка от детского сада к средней школе,

но это не удивительно, а вполне логично: естественный или прививаемый билингвизм создается в самые ранние годы развития индивидуума, дальше следует только сохранять и поддерживать наработанные речевые навыки.

Какие требования предъявляются к кандидатам на должность преподавателей фриульского языка? Преподаватели должны обладать одним и более документом об окончании следующих курсов по фриульскому языку и культуре: 1) постдипломный курс повышения квалификации (переквалификации); 2) профиль специализации (цикл дисциплин) в университетском направлении подготовки; 3) любые направления подготовки бакалавриата, магистратуры или аспирантуры, в учебном плане которых наличествует как минимум один курс по фриульскому языку и культуре; 4) направление подготовки педагога начальной школы с возможностью преподавания фриульского языка; 5) специализированный курс по фриульскому языку и культуре, организованный высшим учебным заведением; 6) специализированный курс по фриульскому языку и культуре, организованный местными учреждениями культуры, госучреждениями, любыми образовательными учреждениями. Таким образом, принимаются практически все возможные дипломы и сертификаты, выданные любыми образовательными или даже государственными учреждениями, при условии задокументированного знания или хотя бы проявленного интереса к фриульскому языку. Так стимулируется преподавательский интерес, который подогревается значительной безработицей в Италии 2000-х гг. вообще и в области начального и среднего образования в частности: преподаватели, изучавшие фриульские язык и культуру, получают преимущества при приеме на работу в школах области Фриули при прочих равных (качество же преподавания обеспечивается практикой и обязательным экзаменом подтверждения профессиональной квалификации раз в три года). С целью создания новых рабочих мест для преподавания фриульского языка в детских садах, начальной и средней школе, согласно региональному закону № 29 от 2007 г., областные власти Фриули выделяют ежегодные гранты.

Каким образом вводится миноритарный язык (фриульский) в систему начального образования? В детском саду он появляется как второй родной язык наряду с итальянским языком в воспитательной и образовательной деятельности детского сада при условии, что имеется достаточное количество официальных запросов родителей на введение языка этнического меньшинства. Введение *предмета* по изучению миноритарного языка и культуры в начальной и средней школе («родная речь») также должно быть обосновано официальным запросом родителей школьников. Подобным же образом должно быть запрошено использование языка этнического меньшинства в начальной и средней школе в качестве *лингвистического инструмента для преподавания других дисциплин* (математики, географии,

истории и др). На основании проанализированных отчетов по школьному образованию в базе данных ARLeF можно сделать вывод, что в качестве предмета «родная речь и родная культура» фриульский язык нашел поддержку у родителей школьников, а вот в качестве метаязыка, языка преподавания и дальнейшей академической и профессиональной коммуникации — нет, эта роль закреплена за итальянским языком, языком национальной коммуникации. По закону № 482 средства для изучения миноритарного языка в системе начальной и средней школы должны выделяться как на общенациональном, так и на региональном уровне, но, судя по годовым отчетам региональных органов власти Фриули–Венеция-Джулия, преподавание фриульского языка в системе начальной и средней школы финансируется из регионального бюджета.

Очевидно, что и в системе старшей школы, университетах, научно-исследовательских учреждениях ведется мягкая пропаганда преподавания фриульского языка (и на фриульском языке), а также постулируется необходимость ведения на нем научной работы. В университете г. Удине в 1995 г. был создан Межфакультетский центр по развитию фриульского языка и культуры *Centro interdipartimentale per lo sviluppo della lingua e della cultura del Friuli (Cirf),* в задачи которого входит: 1) продвигать инициативы по изучению языка, литературы, искусства, науки и культуры области Фриули; 2) развивать отношения сотрудничества с национальными, иностранными и международными организациями; 3) осуществлять консультационную и исследовательскую деятельность для организаций и учреждений; 4) продвигать, поддерживать и организовывать в тесном сотрудничестве с университетскими кафедрами образовательные мероприятия: курсы повышения профессиональной квалификации по языку и культуре Фриули (адресная аудитория — госслужащие местных органов власти); 5) продвигать посредством публикаций, конференций, семинаров и выставок информацию о языке и культуре области Фриули; 6) поощрять инициативы среди студентов университета г. Удине, направленные на изучение и продвижение фриульского языка с помощью новых средств медиакоммуникации: музыкальных, телевизионных, сетевых и т. д.

На практике Межфакультетский центр по развитию фриульского языка и культуры реализует два больших проекта: курсы повышения квалификации и/или курсы обучения фриульскому языку, предназначенные для сотрудников государственной администрации, летние курсы по изучению фриульского языка для студентов университета и старшеклассников (20 академических часов, начиная с 2017 г. по настоящее время, 2021 г.), а также новые спецкурсы для студентов по языковой политике и законодательству (с 2018 г. по настоящее время, 2021 г.). Однако ввиду создания общеевропейского академического пространства, где на фоне английского трудно удержать свои позиции и итальянскому языку, продвижение фриульского

языка в сферах вузовского образования и науки не имеет реальных перспектив и носит спорадический характер.

Несмотря на такую целенаправленную работу по активизации языкового компонента этнической идентичности, стоит задаться вопросом, насколько люди, проживающие в области Фриули, воспринимают специфику как региональную (культурно-историческую) или как собственно языковую. Исследование, проведенное в 2008 г., показывает, например, что идентификация с областью Фриули будет более акцентирована у носителя фриульского языка (3 человека из 10) по сравнению с носителями другого родного языка (только 1 человек из 10). Однако если респондентами сделать исключительно носителей фриульского язык и задать им вопрос, кем они себя ощущают в первую очередь — фриульцами или итальянцами, — большинство выберет итальянскую идентичность (6 из 10). Это опровергает общераспространенную идею о том, что принадлежность к языковому меньшинству сама по себе ведет к обязательной идентификации с сообществом, которое на языке говорит. Более того, носители фриульского языка определяют его как «язык семьи», что функционально практически уравнивает фриульский язык с диалектами. Кроме того, если взять геронтологический параметр в социолингвистическом обозрении фриульского языка, то новые поколения всё менее склонны использовать фриульский в качестве языка коммуникации. С каждым поколением потеря в носителях фриульского языка среди молодежи составляет 10%, что еще раз ставит миноритарный язык в парадигму традиционной культуры наряду с религией, обычаями и фольклором [Picco 2013].

Разное значение вкладывают респонденты и в само понятие «фриульский язык». Так, всего 17% жителей области Фриули определили его как «язык происхождения моей семьи», в то время как подавляющее большинство определяет фриульский как «язык традиций, историко-культурное наследие Фриули» (39%) и «язык фриульского народа» (38%). Другими словами, в понятии языковой идентичности превалирует этнокультурный компонент, а не собственно языковой [Segatti, Guglielmi 2016: 284–285]. Данная ситуация является характерной не только для фриульского этнического меньшинства. Как отмечает Е. Ю. Макарова, когда определенная этническая группа переходит на прагматически более выгодный язык, то «оставленный» язык сохраняет роль этнического символа и референта «малой родины» [Макарова 2009: 187]. Всё это говорит о том, что языковая идентичность является лишь одним из компонентов этнической идентичности сообщества фриулов, входя в общее тематическое поле «исторические традиции нашего народа».

Выводы

Итак, как можно кратко охарактеризовать политическую интенцию Итальянской Республики в регулировании миноритарных языков и ответную реакцию этнического сообщества фриульцев? На основе изученных законодательных документов государственного и регионального уровней было выявлено следующее. Изучение самих текстов законов уже дает общую картину политических намерений в сфере регулирования лингвистических меньшинств, при этом: 1) в Италии на уровне Конституции прослеживается компромисс между политическими силами, и в вопросе поддержки миноритарных языков формируется традиция высокопарной политической риторики, лишенной конкретики и не дающей выход на практическую реализацию; 2) на уровне национальных законов (закон № 482 от 1999 г.) прослеживается стремление к конкретизации политических интенций (перечень языков, дефиниция городов — исторических областей проживания лингвистических меньшинств), и только на данном уровне можно говорить о реализации, о переводе закона в сферу исполнительной власти; 3) на уровне региональных законов (инициатор — область Фриули) проявляется центробежная антинациональная сила этнической культуры — она начинает экспансию миноритарного языка за пределы области его исторического становления.

Государство, которое поддерживает центростремительную тенденцию в языковой политике — утверждение официального статуса итальянского языка в качестве языка общенациональной коммуникации, выявляет региональную экспансию миноритарного языка и запускает механизм (не) прохождения регионального закона через Конституционный суд. Последний подтверждает несомненный приоритет государственного языка — основного инструмента единой национальной коммуникации, — продемонстрировав таким образом, что все законодательные утверждения конституционного и национального уровня о продвижении и поддержке языковых меньшинств относятся к области политической риторики.

Органы власти Фриули, со своей стороны, не заостряя внимание на возникшем противоречии, направляют свои силы в языковой политике на: 1) телевидение и радиовещание на локальном языке; 2) внедрение языка в детском саду, общеобразовательной начальной и средней школе; 3) делопроизводство и официальную коммуникацию на миноритарном языке в органах локальной власти; 4) письменную фиксацию фриульского языка (словари и орфографические корректоры, грамматики и учебники фриульского языка, служба бесплатного перевода официальных письменных текстов, переводы прецедентных текстов на фриульский, дорожные двуязычные указатели) — вот четыре вектора поддержки фриульского языка, которые показывают, что актуально для коллективного языкового созна-

ния фриулов. Такие сферы, как язык науки, преподавание на фриульском в вузах, литература на миноритарном языке будут менее актуализированы в исполнительной практике местных властей.

Приоритетной и первой по времени мерой было создание медиаканалов, вещающих на фриульском полностью или частично: именно медиа в современном обществе удерживают ведущую роль в конструировании социально-пространственных «воображаемых сообществ» — национальных, региональных, локальных. Второй стратегически важной задачей было введение миноритарного языка в практику взращивания (воспитание + обучение) будущих поколений фриульского этнического сообщества: в детском саду, в начальной и средней школе. И эта политическая мера была воспринята как конгруэнтная территориально-лингвистическим меньшинством, что объясняется общей ситуацией диглоссии, свойственной итальянскому национальному сознанию: итальянский язык в качестве языка государства — диалект (миноритарный язык) в качестве семейно-домашнего языка. Определенные трудности вызвало преподавание других школьных дисциплин на фриульском языке, так как родители учащихся, если и выбирали отдельным предметом изучение родного языка наряду с итальянским, были против преподавания других предметов на фриульском, предпочитая общенациональный (итальянский) язык в качестве наиболее перспективного. Наименее эффективной оказалась деятельность по стимулированию локальных университетов к проведению и публикации результатов научной работы на фриульском языке.

Касательно введения делопроизводства и официальной коммуникации на фриульском языке в органах местного самоуправления, в прагматическом аспекте данная мера представляется излишней — все представители территориально-лингвистического меньшинства фриулов выросли в системе италоязычной школы и общенациональной коммуникации, поэтому реальной необходимости осуществлять переводы с фриульского языка не было. Однако в перспективе возможной экспансии фриульского языка на северо-восток региона Фриули–Венеция-Джулия именно практика коммуникации и документооборота в органах власти является псевдоисторическим залогом того, что этот язык официально использовался (в Аквилейском патриархате) и используется поныне государством, следовательно, подтверждается статус официального языка. С идеологической и политической точки зрения данная мера обоснована, с лингвопрагматической — нет.

Неожиданно сильным вектором актуализации лингвистической идентичности оказалось внедрение письменной фиксации фриульского языка, наблюдается прямо-таки одержимость письменной фиксацией языка даже там, где в ней нет никакого практического смысла (перевод Библии, дорожные указатели). Можно предположить, что речь идет об установке как

можно дальше отвести фриульский от статуса диалекта, ведь миноритарные языки и диалекты сходны именно по сфере функционирования: они используются в устной речи, не в письменной. О стремлении закрепить статус фриульского как языка свидетельствуют и дорожные указатели с диалектными его вариантами: только язык может обладать диалектной диверсификацией.

Насколько языковая идентичность является порождающей, производящей основой для этнической, а впоследствии и для гражданской (политической) идентичности? Такая установка, безусловно, понравилась бы примордиалистам, однако результаты нашего анализа говорят об обратной связи: не только вопрос о языке, но и «открытие заново» этнической идентичности фриулов произошло как реакция на политический шаг: регион Фриули–Венеция-Джулия был в своем современном виде образован в 1963 г. и представлял собой административное соединение двух областей, разительно отличавшихся по истории, культуре и языку: Фриули (90% территории) и восточной части Венеции-Джулии (пограничной со Словенией, областной центр — г. Триест) с сильным этническим и культурным славянским субстратом Юлийской Крайны — сербским, хорватским, словенским [Мартынова 2016: 148–160]. Как ни странно, именно это насильственное слияние, к тому же с выбором в качестве регионального центра не итальянского (австро-венгерского) по своей истории и культуре г. Триеста, стало тем «вызовом», который и обусловил вторичное рождение фриульской идентичности в активизации этнических групп области Фриули. Причем политическая интенция исходила от представителей фриульского клира, которые видели в возрождении этнической идентичности определенный идеологический потенциал: сохранение ценностей традиционной культуры, в которую помимо языка и фольклора, этнических традиций и обычаев входит (католическая) религия, освященная историческим призраком Аквилейского патриархата. Так как предлагать в качестве знамени этнической идентичности католичество было бы абсурдно, то на первый план священнослужители выдвигают: из материального культурно-исторического наследия — архитектуру (заново «читаемую» археологами и реставраторами в результате землетрясения 1976 г.), а из нематериального наследия — язык, который, якобы, обязательно родной и страстно желаемый в качестве второго национального (официального) языка. Получается такое неогердерианство, политическое возрождение примордиалистских идей Гердера, что есть оксюморон, так как политики всегда создают целенаправленный конструкт, а самый оптимальный территориальный конструкт на настоящее время — национальное государство.

Таким образом мы от языковой идентичности, которая является лишь компонентом этнической идентичности, возвращаемся на макроуровень гражданской (национальной) идентичности. Национальное государство

(Итальянская Республика) имеет интенцию оставлять под своим контролем объем и характер социальных функций, который выполняет миноритарный язык. Традиционной же сферой употребления миноритарного языка (как и диалекта) является сфера обиходно-бытового общения. Государство лишь вынужденно впускает миноритарный язык в сферу функционирования именно государственного языка — официальное делопроизводство, образование (начальная и средняя ступени). Государство выступает категорически против его выхода за «гетто» — исторически сложившегося лингвистического ареала в качестве средства региональной и внутринациональной коммуникации — в последнем случае миноритарный язык практически сравнялся бы с государственным языком. Учитывая, что официально признанных миноритарных языков в Италии двенадцать (имеют статус языка, а не диалекта), в случае действительного равноправия итальянского языка и всех миноритарных языков на территории страны воцарился бы настоящий лингвистический хаос.

Вернемся к идеям Майкла Биллига о языковом регулировании в дискурсе национального государства, относительно недавнем дискурсе (XVII–XX вв.) по сравнению с более хронологически протяженным Средневековьем, которое было индифферентно к противопоставлению язык/диалект, зато было более восприимчиво к стилевым регистрам. Выбор национального (государственного) языка, с признанием его обязательности для всех граждан страны, с неизбежной девальвацией остальных языков этнических сообществ, релевантен именно в контексте национального государства. «Возвеличивание» национального языка и «принижение» всех остальных языков не имеет ничего общего с лингвистическими характеристиками языка, это чисто политический выбор. Однако парадоксальным образом именно вынужденно репрессивная лингвистическая политика национального государства в отношении миноритарных языков и является тем «вызовом», который пробуждает к жизни в качестве ответной реакции идентичность этнического сообщества. Из нематериальных компонентов этноидентичности самым значимым будет языковая идентичность, т. к. как раз коллективная память сообщества близка по логике к философскому течению примордиализма.

Источники и материалы

Законы

Costituzione — Costituzione della Repubblica Italiana. URL: https://www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione.pdf (Дата обращения: 24.11.2021)

Legge 15 — Legge 15 Dicembre 1999, n. 482. Norme in materia di tutela delle minoranze linguistiche storiche. URL: https://www.parlamento.it/parlam/leggi/99482l.htm (Дата обращения: 24.11.2021)

Legge regionale 18 — Legge regionale 18 dicembre 2007, n.29. Norme per la tutela, valorizzazione e promozione della lingua friulana. URL: https://lexview-int.regione.fvg.it/fontinormative/xml/xmlLex.aspx?anno=2007&legge=29&ART=000&AG1=00&AG2=00&fx=lex (Дата обращения: 24.11.2021)

Официальные сетевые ресурсы органов государственной власти и государственных учреждений, некоммерческих организаций Итальянской Республики:

ARLeF — Agenzia regionale per la lingua friuliana. URL: https://arlef.it

ARLeF COF — Agenzia regionale per la lingua friuliana: Correttore Ortografico Friulano. URL: https://arlef.it/it/strumenti/correttore-ortografico-friulano/ (Дата обращения: 24.11.2021)

ARLeF Segnaletica stradale — Agenzia regionale per la lingua friuliana: Segnaletica stradale: Consulenza sulla toponomastica in lingua friulana. URL: https://arlef.it/it/attivita/cartellonistica-stradale/ (Дата обращения: 24.11.2021)

ARLeF Settore multimedia — Agenzia regionale per la lingua friuliana. Settore multimedia. URL: https://arlef.it/it/multimedia (Дата обращения: 24.11.2021)

ARLeF Settore servizi — Agenzia regionale per la lingua friuliana. Settore servizi di traduzione e consulenza linguistica. URL: https://arlef.it/it/attivita/servizi-di-traduzione-e-consulenza-linguistica/traduzioni-e-consulenze-linguistiche-per-soggetti-privati/ (Дата обращения: 24.11.2021)

Banca dati — Banca dati insegnanti di lingua friulana. URL: http://www.regione.fvg.it/rafvg/cms/RAFVG/istruzione-ricerca/regione-per-scuole/FOGLIA227/ (Дата обращения: 24.11.2021)

Centro interdipartimentale — Centro interdipartimentale per lo sviluppo della lingua e della cultura del Friuli (Cirf). URL: https://cirf.uniud.it/ (Дата обращения: 24.11.2021)

Comitât482 — Comitât482/Comitato482. URL: https://com482.altervista.org/index_it.html (Дата обращения: 24.11.2021)

Consiglio regionale — Consiglio regionale del Friuli Venezia Giulia. URL: http://www.lexviewint.regione.fvg.it/fontinormative/xml/xmlLex.aspx?anno=2007&legge=29&ART=000&AG1=00&AG2=00&fx=lex (Дата обращения: 24.11.2021)
Corsi ufficiali — Corsi ufficiali di lingua friuliana. URL: http://www.filologicafriulana.it/corsi-pratici-di-lingua-friulana/ (Дата обращения: 24.11.2021)
Gazzetta Ufficiale — Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. Corte Costituzionale. URL: htpp://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2009/05/27/009C0364/s1 (Дата обращения: 24.11.2021)
Messaggero — Messaggero Veneto-Giornale del Friuli. URL: https://messaggeroveneto.gelocal.it/udine (Дата обращения: 24.11.2021)
Radio Onde — Radio Onde Furlane. URL: https://radioondefurlane.eu/ (Дата обращения: 24.11.2021)
Rai Friuli — Rai Friuli Venezia Giulia. URL: http://www.fvg.rai.it/dl/fvg/home_.html (Дата обращения: 24.11.2021)
Parlamento della — Parlamento della Repubblica Italiana. URL: htpp://www.parlamento.it/parlam/leggi/99482l.htm (Дата обращения: 24.11.2021)
Provincia di Udine — Provincia di Udine URL: https://www.tuttitalia.it/friuli-venezia-giulia/provincia-di-udine/ (Дата обращения: 24.11.2021)
Scuole friuliane — Scuole friuliane. URL: http://www.scuelefurlane.it/ita (Дата обращения: 24.11.2021)
Società Filologica — Società Filologica Friulana. URL: http://www.filologicafriulana.it/
Telefriuli — Telefriuli. URL: https://www.telefriuli.it (Дата обращения: 24.11.2021)
Telemare — Telemare (Friuli-Venezia Giulia). URL: http://www.telemaretv.it/ (Дата обращения: 24.11.2021)

Словари

Brecelj 2005 — *Brecelj M.* Furlansko-Slovenski slovar. Nova Gorica: Goriska knjiznica Franceta Bevka, 2005.
Brecelj 1998 — *Brecelj M., Nazzi G.* Dizionari multilengâl — Multilingual dictionary. 1998. URL: http://www.friul.net/multilingue/
Brecelj 2011 — *Brecelj M., Nazzi G.* Lingue d'Europa. Dizionario pratico italiano-friulano-sloveno-tedesco-inglese. Udine: Comunità montana Torre. 2011.
Brondani 2007 — *Brondani A., Michelotti A.* Dicionario Friulano-Brasileiro. Udine: Fondazion Chase dai furlans tal Mond. 2007.
Capello 2005 — *Capello S., Nazzi G.* Diccionario Friulano. Español-Friulano / Friulano-Español. Udin: Chase dai furlans tal mond. 2005.

Carrozzo 2008, 2010 — *Carrozzo A.* Dizionari Ortografic talian/furlan-furlan/talian. Udine: Serling — Cooperative di informazion furlane. 2008, 2010.
Di Mauro 2002 — *Di Mauro T.* Grande Dizionario dell'Uso della Lingua Italiana. Torino: *UTET.*
Faggin 1985 — Faggin G. Vocabolario della lingua friulana. Udine: Del Bianco Editore, 1985.
Fantini 2011 — *Fantini S. Etims.* Dizionari etimologic essenzial. Gurize Pordenon Udin: Clape cultural Aquilee. 2011.
Grant Dizionari 2004. — Grant Dizionari Bilengâl Talian-Furlan. Vignesie Julie, Udin: Regjon Autonome Friûl. 2004.
Kozlova 2006 — *Kozlova L., Nazzi G.* Furlansko-Cesky Slovnik. Udin: Clape cultural Aquilee, 2006.
Matalon 1978, 1979 — *Matalon Z. N.* Dizionario tascabile illustrato italiano-friulano. Udine: Ribis, 1978, 1979.
Nazzi 1995 — *Nazzi G.* Dictionnaire frioulan. Français-Frioulan / Frioulan-Français. Udine: Ribis, 1995.
Nazzi 2003, 2005 — *Nazzi G.* Vocabolario italiano-friulano / friulano-italiano. Udine: Clape cultural Aquilee-Designgraf, 2003, 2005.
Nazzi 1993 — *Nazzi G.* Dizionario pratico italiano-friulano. Udine: Ribis, 1993.
Nazzi 2003, 2010 — *Nazzi G.* Vocabolario italiano-friulano / friulano-italiano. Udine: Clape cultural Aquilee — Designgraf, 2003, 2010.
Nazzi 1982 — *Nazzi G., Ricci G.* Dizionario dei modi di dire della lingua friulana. Udine: Istituto per l'Enciclopedia del Friuli-Venezia Giulia, 1982.
Nazzi 1995 — *Nazzi G., Ricci G.* La flôr des détulis. Dizionario fraseologico italiano-friulano. Udine: Institūt di studis furlans — G. A. Benvenuto editore, 1995.
Nazzi 2000 — *Nazzi G., Saidero D.* Friulan Dictionary. Friulan-English / English-Friulan. Udin: Ent Friul tal Mond, 2000.
Nazzi 1997, 2000. — *Nazzi N., Nazzi L.* Dizionario friulano. Italiano-Friulano/ Friulano-Italiano. Milano: A. Vallardi Editore.
Pirona 1871 — *Pirona J.* Vocabolario friulano, disponibile a questo indirizzo. Venezia: Antonelli, 1871.
Vicario 2010 — *Vicario F., Roseano P.* Vocabolari furlan. Udin: Societât Filologjiche Furlane, 2010.
Grande dizionario 2009–2021. — Grande dizionario bilingue Italiano-Friuliano URL: https://arlef.it/it/strumenti/grande-dizionario-bilingue/ (Дата обращения: 24.11.2021)
La Bibie 1997 — La Bibie (Bibbia in friulano). Udine: Istituto Paschini, 1997.

Научная литература

Алисова Т. Б., Челышева И. И. 2001. Романские языки // Алисова Т., Челышева И., Нарумов Б. и др. Языки мира. Романские языки. Москва: Academia. С. 15–56.

Алпатов В. М. 2013. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. № 5(17): Филология. С. 8–28.

Бромлей Ю. В. 1973. Этнос и этнография. Москва: Наука.

Бурыкин А. А. 2004. Язык малочисленного народа в его письменной форме. Социолингвистические и собственно лингвистические аспекты. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Дробижева Л. М. 2010. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. № 12. С. 49–58.

Дьячков М. В. 1996. Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. Москва: ИНПО.

Кабицкий М. Е., Мартынова М. Ю. (под ред.). 2016. Европа меньшинств — меньшинства в Европе. Этнокультурные, религиозные и языковые группы. Москва: Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Еремичева О. И., Иванова Е. П. 2020. Языковая политика Италии по защите региональных языков (на примере сардинского языка) // Древняя и Новая Романия. S26. С. 177–186.

Карасик В. И., Дмитриева О. А. 2005. Лингвокультурный типаж: к определению понятия //Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Сб. науч. трудов под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма. С. 5–25.

Карасик В. И., Ярмахова Е. А. 2006. Лингвокультурный типаж «английский чудак». Москва: Гнозис.

Кожанов И. В. 2013. Гражданская и этническая идентичности личности: проблема взаимосвязи и взаимозависимости // Современные проблемы науки и образования. № 3. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9187

Ларина Т. В., Озюменко В. И. 2016. Этническая идентичность и ее проявление в языке и коммуникации // Cuadernos de Rusística Española. 12. С. 57–68.

Красновская Н. А. 1971. Фриулы (историко-этнографические очерки). Москва: Наука.

Макарова Е. Ю. 2009. Язык в системе этнических признаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языки. № 2. С. 184–188.

Мартынова М. Ю. 2016. Модель Триеста и население итальяно-славянского пограничья // Европа меньшинств — меньшинства в Европе. Этнокультурные, религиозные и языковые группы / Отв. редакторы и составители М. Ю. Мартынова, М. Е. Кабицкий. Москва: ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. С. 146–173.

Михеева Н. Ф. 2013. Типология языковых ситуаций в современном мире и языковая политика в России и мире // Типология языковых ситуаций и языковая политика в России и мире. Под ред. Н. Ф. Михеевой, Ю. Н. Эбзеевой. Москва: РУДН. С. 4–20.

Нарумов Б. П., Сухачев Н. Л. 2001. Фриульский язык // Языки мира. Романские языки. Москва: Academia. С. 365–391.

Никольский Л. Б. 1976. Синхронная социолингвистика (Теория и проблемы). Москва: Наука.

Скачкова И. И. 2015. Языковая политика и языковое планирование: определение понятий // Политическая лингвистика. № 1 (51). С. 126–130.

Табаринцева-Романова К.М. 2010. К вопросу об изучении языковых меньшинств Италии // // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. No 2 (75). С. 225–231.

Тишков В. А. 2003. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. Москва: Наука.

Филипацци Ю. А. 2010. Итальянский язык и его диалекты: культурная концепция против реальности? // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. Т. 75. № 2. С. 220–225.

Челышева И. И. 2001. Итальянские диалекты // Языки мира. Романские языки. Москва: Academia. С. 90–145.

Челышева И. И. 2009. Миноритарные романские языки — проблемы языковых контактов и тенденции структурного развития // Миноритарные языки Евразии: проблемы языковых контактов. Москва: Тезаурус. С. 113–136.

Челышева И. И. 2010. О проблеме нормирования миноритарных романских языков // Вопросы филологии. 1 (34). С. 53–59.

Челышева И. И. 2001. Предисловие // Алисова Т., Челышева И., Нарумов Б. и др. Языки мира. Романские языки. Москва: Academia. С. 7–14.

Челышева И. И. 2003. Современное лингвистическое законодательство Италии // Решение национальных языковых вопросов в современном мире. Москва: Златоуст. С. 161–169.

Anderson B. 1983. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso.

Billig M. 1995. Banal Nationalism. London: Sage Publications. Пер с англ: Биллиг М. Нации и языки // Логос. № 4 (49), 2005. С. 60–86.

Coletti V. 2006. Parole dal pulpito. Chiesa e movimenti religiosi tra latino e volgare nell'Italia del Medioevo e del Rinascimento. Milano: CUSL, 2006.
Cooper R. L. 1989. Language Planning and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press.
Susič E., Janežič A., Medeot F. 2010. Indagine sulle comunità linguistiche del Friuli Venezia Giulia. Trieste: Università degli studi di Trieste.
Nelde P., Strubell M., Williams G. (ed). 1996. Euromosaico. Produzione e riproduzione delle lingue minoritarie dell'UE. Bruxelles: Ufficio delle pubblicazioni ufficiali delle Comunità Europee.
Gellner E. 1983. Nations and nationalism. *Oxford:* Basil Blackwell.
Herder J. G. 1772. Abhandlung über den Ursprung der Sprache. Berlin.
Grimes B. F. 1988. Ethnologue: Languages of the World. Dallas: Sumner Institute of Linguistics.
Haugen E. 1966. Dialect, language, nation // American Anthropologist, 1966, № 68. P. 922–935.
Picco L. 2001. Ricercje su la condizion sociolenghistiche dal furlan, Udine: Forum, 2001.
Orioles V. (ed.). 2002. La legislazione nazionale sulle minoranze linguistiche. Problemi, applicazioni, prospettive. Udine: Forum.
Segatti P. (ed.). 2008. Lingua e identità in una regione plurale. Gorizia: LEG.
Roseano P. 1999. Identità friulana. Così è e così l'hanno prodotta i miti, i parroci, le élite locali. Gorizia: Isiq.
Picco L. 2013. Lingua friulana e società. Studi sociolinguistici sul Friuli di oggi // Quaderni del CIRF. Udine: Università di Udine, Forum editrice universitaria.
Pilger J. 1994. Distant Voices. London: Vintage.
Pusiol S. 2017. Cerimonia di chiusura dei corsi di lingua friulana, con il rapper Doro Gjat // Notiziario Università di Udine.15.12.2017 URL: https://qui.uniud.it/notizieEventi/studio-e-lavoro/cerimonia-di-chiusura-dei-corsi-di-lingua-friulana-2017-con-il-rapper-doro-gjat
Ruhlen A. 1987. A Guide to the World's Languages. Vol. I: Classification. Stanford, CA: Stanford University Press.
Ruzza C. E., Schmidtke O. 1993. Roots of success of the Lega Lombarda: Mobilisation Dynamics and the Media // West European Politics, 16 (2). P. 1–23.
Guglielmi S. 2010. Minoranza linguistica, identità territoriale ed etnonazionalismo: il caso friulano // Polis, 2. P. 225–256.
Segatti P., Guglielmi S. 2016. Identità regionali e varietà linguistiche: Friuli-Venezia Giulia e Sardegna // L'Italia e le sue regioni. Vol. 1. Istituzioni. Roma: Enciclopedia Treccani P. 281–289.

Thompson J. B. 1984. Studies in the Theory of Ideology. Cambridge: Polity Press. Piergigli V. 2013. La tutela delle minoranze linguistiche storiche nell'ordinamento italiano tra principi consolidati e nuove (restrittive) tendenze della giurisprudenza costituzionale // Rivista Associazione italiana dei costituzionalisti 12.11.2013 URL: http://archivio.rivistaaic.it/dottrina/libertadiritti/Piergigli

Vincent N. 1987. Italian // The World's Major Languages / Ed. by B. Comrie. London: Routledge. P. 233–253.

White P. 1991. Geographic aspects of minority language situations in Italy // Linguistic Minorities, Society and Territory / Ed. by C. H. Williams. Clevedon: Multilingual Matters. P. 44–65.

Cisilino W. 2006. Friulano lingua viva. La comunità linguistica friulana. Udine: Edizione Forum (Editrice Universitaria Udinese).

Глава 8. СИЦИЛИЯ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

В научном дискурсе многократно отмечалась важность роли, которую язык играет в жизни каждой общности не только как средство коммуникации, но и как средство ее консолидации. Особое звучание приобрело сегодня известное определение, согласно которому «язык есть зеркало, в котором отражается не только реальный мир, окружающий человека, его образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира, но и национальный характер, менталитет и самосознание народа». Исследователями подчеркиваются эти особые функции языка в сфере коллективного сознания, в частности, значимость языка как формообразующего, или, по крайней мере, релевантного для формирования идентичности общности элемента, особенно сегодня, а также тот факт, что язык (языки) и требование лингвистической легитимизации всё чаще обретают характер доминирующего, краеугольного концепта в идеологии современных националистических движений и занимают всё большее место в настроениях широких слоев населения [Edwards 1985, 1991, 2009; Fishman 1972; Billig 1995]. Исходя из подобного «звучания» языка в наши дни, мы хотим в парадигме антропологии остановиться на *сицилийском* идиоме — одной из лингвистических единиц Италии, вербальном средстве общения населения области Сицилия и ряда итальянских регионов, а также сицилийских диаспор в мире.

Обращение к этому языковому феномену и всей социолингвистической ситуации в Сицилии[20] и за ее пределами обусловлено многими факторами. Так, из всех естественно-языковых знаковых систем Италии *сицилийский* идиом и его современное состояние изучены менее всего (в том

[20] Предвосхищая возможные критические замечания, отметим, что, вопреки бытующей отечественной традиции устойчивого употребления предлога «на» в отношении островных регионов (например, на Крите, на Кипре, на Сицилии), полагаем корректным применительно к Сицилии использовать предлог «в» (в Сицилии), поскольку этот топоним представляет собой не только природно-географический хороним и инсулоним, но, в соответствии с нормами международного права, в свете геополитических реалий и в контексте нашего исследования, и кратоним, обозначающий название автономной области Италии.

числе и в отечественной науке)[21]. Еще менее исследованы социолингвистические аспекты бытия этого идиома в исторической ретроспективе, его *эмическое* видение в Сицилии в прошлом и настоящем.

Но ввиду того, что в Сицилии, как и в других регионах Италии и Европы, резкий подъем популярности понятия «идентичность» и обращений к корням произошел недавно, в 80-е годы XX в., на фоне кризиса универсалистских и глобализационных перспектив, в первую очередь наше внимание привлекают современные механизмы «взаимодействия» языка и самосознания, актуализация языка и повышение его престижности в видении населения, специфика превращения идиома в детерминанту локальной идентичности, его интегрирование сегодня в систему исторической памяти, катализация его значимости под воздействием крайне непростых взаимоотношений Сицилии с центральной властью и итальянским государством [Luna Mascolino 18.01.2020].

В силу этого объектом анализа предстают не только исторические и социолингвистические характеристики сицилийского идиома, но и политическая подоплека его «бытия», имеющая прямое отношение к современной дихотомии «язык — идентичность». Уместно вспомнить, что в контексте Италии *сицилийский* остается единственным из распространенных в стране самостоятельных идиомов, которому законодательно отказано в статусе «языка», даже в границах автономной области Сицилия [Vecchio 2013: 1306–1329]; вопреки эстимации компетентных международных организаций, доводам лингвистов и историков и точке зрения носителей, государство продолжает считать *сицилийский* диалектом итальянского языка[22]. Подобная официальная оценка языка, но в первую очередь непростые взаимоотношения Сицилии с итальянским государством, непосредственно влияют на «состояние» и «качество» осознания сицилийцами своей принадлежности к особой этнической общности, «подогревая» и радикализируя националистические настроения на всех уровнях сицилийского социума.

Однако, прежде чем мы перейдем к освещению различных граней бытования *сицилийского* как социолингвистического явления, его взаимоотношений с носителями этого идиома и роли этого языка в становлении их идентичности, остановимся на его «анкетных данных».

---

21 Едва ли не единственными современными отечественными исследованиями, затрагивающими проблемы сицилийского идиома, являются статьи Фаис О. Д. [Фаис 2016: 271–301; 2020: 129–158] и статья Комаровой В. Н. «Язык в контексте взаимоотношений государства и регионов в Италии: casus Сицилии» [Комарова 2021: 110–118], основанные на полевых материалах.

22 В полном соответствии с итальянской политической традицией, восходящей корнями к концу XIX в. и очень укрепившейся в эпоху фашизма, такая точка зрения, опровергаемая в международном дискурсе большинством лингвистов и социолингвистов, сохраняется и в отечественном языкознании [Алисова, Челышева 2001: 15–56; Челышева 2001: 90–145].

Сицилийский язык: основные характеристики

С социолингвистической точки зрения этот идиом, исторически именуемый носителями *Sicilianu*, а в наши дни всё чаще — *Lingua siciliana* (ит., сиц. *сицилийский язык*), представляет собой естественно-языковую знаковую систему обширного ареала, известного как *сикулофонный мир* (ит. *mondo siculofono*) (данный термин, запущенный филологом М. Скализи, «прижился» в международном научном дискурсе). Статистически этот мир насчитывает от 7 до 10 млн. человек, из которых 5 млн. человек (2019 г.) — население непосредственно Сицилии. Географически же ареал *сикулофонности*, помимо Сицилии, Сицилийского архипелага и двух крупных островов Средиземноморья — Пантеллерии и Лампедузы, включает ряд регионов материковой Италии (большую часть Калабрии, зоны юга Апулии и Кампании), Мальту, где *Sicilianu* «сосуществует» с мальтийским языком, а, кроме этого, территории компактного проживания многочисленных диаспор в странах «исторической эмиграции» сицилийцев (Тунисе, США, Канаде, Австралии, Бразилии, Аргентине, Уругвае, Венесуэле) и регионах «нео-эмиграции» (Германии, Бельгии, Швейцарии, Франции и севере Италии) [Luna Mascolino 18.01.2020].

Нигде в мире *Sicilianu* не является официальным; итальянское государство отказывается признавать его таковым и в контексте Сицилии; лишь в 3-х населенных пунктах области — Бивона (пров. Агридженто), Калтаджироне и Граммикеле (пров. Катания) — местные власти объявили *Sicilianu* «официальным языком» [Gazzetta Ufficiale 2005].

Сицилийский идиом — полноценная система речевого общения (устная и письменная), обладающая древними словарем и грамматикой [Varvaro 1981: 14]. Начиная с раннего Средневековья, он был и литературным языком; на нем творили представители Сицилийской поэтической школы XIII в., сочинители XIX в. (Дж. Мели, Л. Пиранделло, Дж. Верга, Л. Капуана, Дж. Томази ди Лампедуза) и литераторы XX в. (А. Камиллери, Л. Шаша, Э. Витторини, Дж. Буфалино, И. Буттитта). С лексико-грамматической точки зрения литературный *Sicilianu* весьма отличается от народной разновидности.

Язык имеет многочисленные диалекты: западносицилийский; центральносицилийский; юго-восточный; мессинский; реджийский (калабрийский); пантеско; эолийский и др. [Devoto, Giacomelli 1972: 143]. В народном *Sicilianu* отмечают и наличие гендерлектов — диалектов мужчин и женщин, различающихся особенностями грамматики и лексики, коммуникативных стилей и стратегий [Oppo, Perra 2008: 168]. К числу диалектов относят и *‘u baccàghiu* — городской социолект «низов» сицилийского общества, возникший в Сицилии в начале XX в. как результат гибридизации сицилианизмов и американизмов вследствие эмиграций сицилий-

цев в США, а затем и их реэмиграции [Calvaruso 1929]. Уместно упомянуть и *Siculish* [Clyne 2003: 152–158] — американизированный вариант *Sicilianu*, оформившийся в США в начале XX в. и официально признанный американскими лингвистами в 2005 г.[23] Однако *Siculish*, на котором, наряду с «чистым» *Sicilianu*, говорят представители сицилийских диаспор, вызывает споры филологов, диалектом какого языка (сицилийского или американского) он является [Lambert 2018: 30].

На территории Италии (включая Сицилию как автономную область государства) *сицилийский* сосуществует с государственным итальянским языком, а за ее пределами — с титульным/государственным языком региона проживания сицилийских мигрантов и их потомков. Вплоть до 80-х гг. XX в. это сосуществование протекало в режиме нарастающей *диглоссии*[24], но в последние годы в Сицилии ситуация и равновесие сил изменились. Так, еще недавно филологи и языковеды констатировали применительно к Сицилии устойчивые позиции и «растущие акции» итальянского языка на фоне сильной и быстрой социолингвистической деградации *Sicilianu*, его «ветшания» и «оскудения» (что отмечает, например, и ЮНЕСКО, именуя его «уязвимым языком» [Luna Mascolino 18.01.2020]). Если еще в начале 60-х годов XX в. *Sicilianu* был эксклюзивным и абсолютным разговорным средством для 35% жителей Сицилии и регионов Юга Италии [De Mauro 1963: 35], то к 2010 г. число его пользователей сократилось на треть [Ruffino 2018: 7].

Однако применительно к сегодняшнему дню антропологи и социолингвисты всё чаще фиксируют очевидную психологическую и социальную реабилитацию *Sicilianu*, изменение его статуса в эмическом видении (от еще недавно «низкого» до «престижного» в наши дни), постепенное «отвоевывание» им, при поддержке со стороны властей Сицилии, всё большего числа позиций в различных сферах применения, включая официальную. Одновременно можно говорить об изменении статуса итальянского языка, «престижного» вплоть до конца 80-х гг. XX в., но в наши дни оцениваемого просто как «ординарный», «утилитарный», и проигрывающего *сицилийскому* по части «социальной значимости» [Billitteri 2003b: 55]. Невзи-

---

23 Этнолекты, подобные *Siculish*, но отличающиеся от него, есть также в Канаде и Австралии [Carnevale 2009; Lombardo 05.04.2017; Siculish 26.03.2019; Magnano 04.02.2020]; кроме этого, многочисленные этнолекты, построенные по принципу «сицилийский + локальный язык», бытуют и в Латинской Америке — например, *cocoliche* в Аргентине [Pecorari 2016/2017: 68–69].

24 Диглоссия — особая форма билингвизма, предполагающая параллельное существование в обществе двух языков, применяемых носителями в различных функциональных сферах; один из них обладает статусом «высокого» идиома, а другой — «низкого»; термин *диглоссия* был предложен социолингвистом Ч. Фергюссоном [Ferguson 1959: 325–340] и развит Дж. Фишманом [Fishman 1967: 29–38].

рая на лексическое обеднение *Sicilianu*, в последние три года наблюдается также стремительный рост числа лиц, говорящих и «стремящихся на нем говорить», расширилась социальная база его носителей [Bartalotta 2020]. Происходящее дает основание исследователям применительно к Сицилии нашего времени говорить уже не о *диглоссии*, но о ярко выраженном *билингвизме* как практике попеременного пользования двумя языками [Вайнрайх 1979:22], в «конкурентной борьбе которых *Sicilianu* сегодня делает явные попытки вырваться вперед» [Paternostro, Sottile 2020].

Таким образом, современной Сицилии присущи те же социолингвистические тенденции, которые, на фоне роста самосознания населения и пробуждения его идентичности, исследователи наблюдают во многих регионах Европы и мира. А именно — как это показывает, например, кейс Сардинии, очевиден «парадокс сосуществования двух имеющих противоположную направленность явлений: повышения статуса языка в глазах его носителей и роста уважения к нему, обратно пропорциональным его лингвистической редукции, обеднению и деградации» [Posner, Green 2011: 288]. Однако, если, говоря о Сардинии, правомочно утверждать, что «носители языка сегодня оценивают его выше и уважают его больше, чем ранее, но используют всё реже, а его лексический состав и ареал узуса сузились» [там же], то применительно к Сицилии можно уверенно констатировать устойчивый курс на более частое и активное использование языка, пусть и в «обедневшей», по сравнению с прошлым, форме [Bartalotta 2020].

Чем же является *Sicilianu* с точки зрения экспертов — языком или диалектом? И какое место он занимает в мировой классификации языков?

Сицилийский идиом признан самостоятельным языком международными компетентными организациями — например, ЮНЕСКО [Цит. по: Luna Mascolino 18.01.2020.], а также всемирным «классификатором языков», изданием *Etnologue* [Etnologue]. Правда, власти Италии, отводящие *Sicilianu* статус диалекта итальянского языка, эту оценку игнорируют. В той же степени ими не принимается во внимание и Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств; согласно Хартии, которую на сегодняшний день Италия не подписала и не ратифицировала [Stefancic 2018], *Sicilianu* относится к числу «региональных языков» [Carta europea].

Ниже мы еще вернемся к определению понятия «диалект» и к критериям определения таксономии лингвистических единиц. Пока же предоставим слово лингвистам, приводящим веские доводы в защиту «языковой природы» *Sicilianu*: практически все языковеды (в отличие от политиков) единодушно относят идиом к числу древних самостоятельных языков романской группы индоевропейской семьи языков [Varvaro 1981]. Однако, как отмечает Дж. Халл — специалист мирового уровня и один из наиболее компетентных экспертов в сфере социолингвистической итальянистики и сицилианистики, отстаивающий в международном дискурсе «принад-

лежность *Sicilianu* к числу языков, а никак не диалектов итальянского языка» — «путь этого идиома в ряды неолатинских языков крайне нетипичен и уникален… в силу специфики истории региона» [Hull 2001: 12].

Действительно, как доказывает исследование формирования *Sicilianu*, он, единственный из всей семьи неолатинских языков — следствие не прямой и постепенной эволюции народной вульгарной латыни, как остальные романские языки, но результат поздней романизации и в целом значительно более сложных исторических и этнолингвистических процессов [Ibid.]. Халл — не единственный, кто настаивает, при определении статуса языка, в том числе и сицилийского, на необходимости учета не только (а порой — и не столько) лингвистических критериев, но и истории, и социальных, а часто и политических аспектов бытия. Требование «комплексного подхода» и скрупулезного анализа историко-политической подоплеки таксономии идиома исходит и от многих других исследователей — и от «чистых» лингвистов [Varvaro 1981, 1984], и от социолингвистов [Moseley, Asher 1994: 249; Bonner 2001; Cipolla 2004], и от антропологов, исследующих феномен национализма и сталкивающихся с языковыми проблемами [Billig 1995].

Сицилийский язык в контексте истории

Для того, чтобы продемонстрировать убедительность таких утверждений, обратимся к наиболее значимым с точки зрения формирования *Sicilianu* вехам истории Сицилии. Начнем с греческого периода: реконструировать предшествующую лингвистическую ситуацию крайне сложно. Древнегреческая колонизация в VIII в. до н. э. Юга Италии привела к абсорбции идиомов обитавших в Сицилии элимов, сикулов и сиканов, а также пунического языка захвативших ее финикийцев; регион стал ареалом архаичной греческой культуры и территорией грекофонности [Trovato, Valenti 2013: 11–25]. Греческий язык довлел и после колонизации острова Римом в I в. до н. э. и попыток латинизации. Завоевание же Сицилии Византией в VI в. укрепило его гегемонию в официальной, повседневной, культовой сфере; латынь же сохранялась в западной части острова [Varvaro, Sornicola 2008: 51].

В IX в. Сицилия, завоеванная арабами и берберами, стала частью исламского мира. В созданном Эмирате Сицилии — одном из богатейших государств тогдашней Европы — государственными и культовыми языками[25] были провозглашены «классический» арабский и греческий; арабский был и языком культуры [Rizzitano 1975: 155–202]. Население восточной части острова в повседневности осталось грекофонным, а западной, сохраняя греческий и реликты латыни, перешло на арабский язык [Varvaro, Sornicola 2008: 51]; именно там начал формироваться *сикуло-арабский* идиом — «за-

[25] При исламских правителях отправление христианских обрядов не подверглось запретам.

родыш» *Sicilianu*. Постепенно «этот язык улицы», на котором говорили в основном *dhimmi* («немусульмане»), стал «универсальным повседневным, разговорным средством общения» всего острова [Trovato, Valenti 2013: 40] и обрел письменную форму, что подтверждают нотариальные акты того периода [Amari 2002: II, 345].

Точный состав его неизвестен, поскольку «население было погружено в очень пеструю с этнической точки зрения среду, что приводило к мультилингвальности и языковым взаимовлияниям и напластованиям в повседневном узусе» [Caracausi 1987–1988: 13]. Так, население, наряду с арабским языком («классическим» и диалектальными вариантами), владело также берберскими идиомами, ивритом и причудливой его смесью с арамейским, арабским, берберским языками; широко распространена была практика арабизации греческого языка и реликтов латыни, «огречивания», ивритизации и латинизации арабских вокабул [Rocco 1995: 357].

Не меньшей значимостью обладает и эпоха Королевства Сицилии под властью норманнов (XI–XII вв.), — время экономического подъема региона, его государственной славы, «успехов и цивилизованности политической мысли» [Houben 1999: 29], высочайшего развития культуры и науки. Именно тогда начинается реабилитация и наступление латыни в Сицилии: внедряется классическая латынь, оживают ее реликты на западе острова, привносятся галло-романские или старонормандские (*лангедойль*) варианты *volgare* [Varvaro 1974: 360–372], а также, за счет появления переселенцев из Прованса и ряда регионов Италии, — франко-провансализмы и итальянизмы [Trovato, Valenti 2013: 48].

Интересно распределение языков с точки зрения узуса. При дворе говорили на старонормандском, арабском и *сикуло-арабском* идиомах [Al-Idrisi 2015: 44; Aubé 2006: 170], официальными государственными языками (языками политики, парламента[26] и документов) были латынь, греческий, арабский[27], иврит; «наряду с ними широко использовался и *сикуло-арабский*»

---

26 О степени развития политической культуры при норманнах свидетельствует тот факт, что в эпоху их правления, в 1097 г., свою работу начал сицилийский парламент — старейший в мире законодательный в современном понимании орган.

27 Оговорки требует факт сохранения ислама, арабского языка и мусульманской культуры в Сицилии той эпохи. Они — следствие пестрого полиэтнического состава населения Сицилии, ее мультилингвизма, «культурной уникальности и мозаичности», «высокого градуса кросс-культурности» [Houben 1999: 64], но в первую очередь — духа либерализма, межконфессиональной и межэтнической толерантности, которую проповедовали норманнские правители в качестве стратегии государства. Эти христианские монархи, «разбив мусульман-воинов и сменив исламских политиков», были терпимы к вере «мавров», сохранив и развив исламское культурное и научное наследие, «включая язык и полученные от арабов традиции»; при них арабская, точнее, *сикуло-арабская* культура достигла наивысшего расцвета [Rizzitano 1975: 269; Amari 2002: 309; Ibn Giubayr 2007: 9].

[Aubé 2006: 162], языками культа — греческий и арабский (идиом действующего и при норманнах ислама), а также латынь, начавшая понемногу теснить греческий в христианском богослужении [Varvaro, Sornicola 2008: 52]. Интересны данные о конфессиональной функциональности *сикуло-арабского* языка. Исходя из того, что показательным маркером «статуса» идиома в средневековой Европе является применяемость его в качестве языка проповедей (начиная с X в. европейские религиозные практики предполагали запись проповедей на латыни, а их декламацию на латинском и на народных языках [Coletti 2006: 14]), отметим, что чтение проповедей на *сикуло-арабском* языке подтверждает его социолингвистическую значимость в тогдашнем социуме [Costantino 2017: 11].

В науке довлели латынь и арабский, в литературе — арабский и провансальский, реже — латынь; в сферу культуры начал проникать и *Sicilianu* [Costantino 2017]. В эту эпоху зарождается и *Сицилийская школа поэзии и перевода*, представленная пиитами, уроженцами Сицилии и италийцами, первыми в Италии начавшими творить не на латыни, а на *вольгаре*, — веком позже она получит максимальное развитие [Houben 1999]. Сочетая провансальские, арабские, византийские традиции, воспевая культ куртуазной любви, эти поэты переводили на *volgare* стихи авторов из Прованса и первыми в истории итальянской литературы начали создавать оригинальные поэтические формы, заложив, по утверждению Данте Алигьери, основы итальянской национальной поэзии[28].

Хотя 1/3 населения родным языком считала греческий, а остальные — латынь, галльские или италийские варианты *volgare*, старонорманнский язык, арабский и арабизированный иврит [Simonsohn 2011: 343–345], в повседневном узусе использовались одновременно несколько из вышеперечисленных языков и их «смесь». Что до *сикуло-арабского* языка, то он был«наиболее распространенным средством межэтнического общения» и «обнаруживал влияния всех прочих языков, использовавшихся в обществе» [Simonsohn 2011: 344]. Согласно новейшим открытиям ученых, именно в эту эпоху окончательно устанавливается его письменная форма [Aubé 2007:49].

Свою лепту в становление *Sicilianu* внес период правления южногерманской (швабской) династии Гогенштауфенов (XII–XIII вв.). Язык пополняют германо-швабские инклюзы; прекратилась дальнейшая его арабизация: под давлением папства император Фридрих II изгоняет арабов из Сицилии, «изживая» ислам и арабские веяния в культуре [Houben 2009: 55–79].

---

28 Данте отмечал: «Исследуем вначале природу сицилийского, поскольку видим, что вульгарный сицилийский получил славу бо̀льшую по сравнению с другими (языками); всё то, что есть Италийского в сфере поэзии, — сицилийское…» [Alighieri 1948: I, XII, 2].

Важнейший след оставило присутствие Испании, сохранявшееся вплоть до начала XIX в.; вначале «воцарился» каталанский идиом, ставший языком двора и литературы, затем *кастельяно*, что привело к сильной иберизации *Sicilianu* [Trovato, Valenti 2013: 95].

Сицилийский язык в объединенной Италии

Таким образом, к 1870 г. (дате унификации Италии), по единодушному мнению исследователей, *Sicilianu* представлял собой «особый язык романской группы»; включающий большой процент арабизмов, галлицизмов и иберизмов и ограниченное число архаичных реликтов *volgare* и итальянизмов [Trovato, Valenti 2013: 62–66], он «никак не принадлежал к числу ни италийских языков, ни диалектов итальянского языка» [Trovato 2002: 836–837]. Объединение Италии в 1870 г. имело разнокалиберные последствия для сицилийского идиома. Отметим, не анализируя причин, что оно обернулось началом массовых эмиграций из Сицилии, преимущественно в США и Латинскую Америку (и последующих реэмиграций на родину), в свою очередь обогативших *Sicilianu* «чистыми» и диатопическими англицизмами, американизмами, иберизмами, а также их сицилианизированными производными [Tropea 1957: 82–85; Prifti 2017: 183–196].

Главным же социолингвистическим последствием унификации было то, что с созданием «объединенной Италии» был запущен продолжающийся и сегодня процесс итальянизации *Sicilianu*. Еще в конце XIX в. идеологами объединения была сформулирована необходимость распространения по всей стране единого «стандартного» итальянского языка как фактора консолидации. В качестве такого «стандарта» был избран тосканский (флорентийский) диалект итальянского, а в качестве основного способа его распространения, а заодно средства преодоления неграмотности — школьное преподавание. При этом все остальные идиомы страны, включая сицилийский, объявлялись диалектами [Avolio 1882].

В этой связи уместно остановиться на понятии «диалект». Согласно официальному определению, в Италии таковым считается «лингвистическая система, распространенная в ограниченном культурном или географическом ареале, не получившая автономию и не имеющая престижности или утратившая их по сравнению с другими системами, с которыми она генетически связана и образует единую группу» [Dialetto]. Достаточно близка к данной дефиниции трактовка понятия «диалект» и в отечественном дискурсе [Коряков 2017: 79–101]. При этом надо отметить, что вопрос таксономии идиома, его отнесения к числу языков или диалектов всё еще остается одним из наиболее сложных в лингвистическом, а вследствие его — и в антропологическом дискурсе; его нерешенность даже в филологическом плане обусловлена как обилием используемых при распозна-

вании природы идиома критериев (*внутренних*, структурных, сугубо лингвистических, и *внешних*, социо-этно-политических), так и различиями их «прочтения» [Там же]. Не останавливаясь сейчас на этих вопросах, подчеркнем, что в парадигме антропологии именно *внешние* критерии часто оказываются решающими [Wichmann 2019:1–10].

Так, пример Италии позволил исследователю национализма М. Биллигу еще раз настаивать на примате политических и вторичности лингвистических доводов при решении вопросов таксономии идиомов [Billig 1995: 19, 30–33], а также напомнить, со ссылкой на социолингвиста Э. Хаугена, что «слово „диалект“ не имело своего лингвистического значения до начала современной эпохи» и что «различия между языками и диалектами превратились… в очень острые политические вопросы» только в эпоху «установления национальными государствами официальных образцов речи и письма» [Haugen 1966: 923]. Уместно привести известный афоризм: «Язык — это диалект, у которого есть армия и флот», также указывающий на то, что политический фактор является важнейшей детерминантой таксономии того или иного идиома [Wichmann 2019:7–8].

Вернемся к унификации Италии; необходимо вспомнить, что, обосновывая политику властей и необходимость повсеместного насаждения итальянского «стандарта», государственный деятель конца XIX в., сторонник объединения страны Массимо д’Адзельо сказал ставшие знаменательными слова: «Италию мы уже создали. Теперь нам предстоит создать итальянцев» («L’Italia è fatta. Restano da fare gli italiani») [Azeglio 1867: 13]. Подобная задача, при всей ее актуальности, была непростой: к концу XIX в. «стандартом» владело лишь 2,5% будущих «итальянцев» [De Mauro 1963:57]. С большими сложностями была сопряжена и реализация плана школьного образования: в 1871 г. индекс неграмотности в городах Севера Италии достигал 54,2%, Центра — 74,7%, Юга — 84,1% (а в сельской местности 100% даже в начале XX в.) [ibid.: 59].

О том, насколько «успешной» была реализация лингвистической стандартизации страны в первые годы существования «единой Италии», говорит тот факт, что еще «век назад рабочий с Севера Италии и крестьянин с Юга вряд ли бы поняли друг друга» [Martinelli 2019]. В Сицилии в ту эпоху итальянский язык звучал лишь в столице, Палермо, и только в официальных кругах, причем владели им единичные представители администрации [Gabaccia 1949: 20]. Более того, так как выбор «разговорного языка всегда определяется реалиями и практикой», в силу довления *Sicilianu* и «тотальной оторванности сицилийцев от участия в жизни страны» не было и особого стимула в изучении итальянского языка [Pasolini 1964: 81].

Сицилийский язык в эпоху фашизма

Ярким показателем глоттологической ситуации в большинстве областей Италии, в первую очередь в иноязычных регионах страны, включая Сицилию, даже в 30-е — 40-е гг. XX в., служит отмечавшийся исследователями феномен так называемого «лингвистического одиночества» [Sabatini 2014]. Речь идет о недостаточном знании или полном незнании итальянского языка солдатами, уроженцами различных областей страны, в первую очередь Юга; во время боевых действий оно оборачивалось непониманием приказов командиров, разобщенностью действий с однополчанами и в конечном итоге гибелью целых подразделений, укомплектованных по региональному принципу [ibid.].

Обескураживающие результаты распространения в стране итальянского «стандарта» привели к тому, что с приходом в 1922 г. к власти режима Муссолини проблемы языка были объявлены приоритетными в национальном масштабе, тем более что сама идея «стандарта» более чем соответствовала идеологии фашизма и курсу Дуче на тоталитаризм и «единую Италию». Итальянский язык и топонимика «очищались» от иностранных заимствований [Raffaelli 1983: 39–42], «языковая цензура» присутствовала в социальной и культурной жизни страны. Большие надежды в деле итальянизации Муссолини возлагал на СМИ и радиовещание: так, население обязывали слушать радиопередачи на итальянском языке, это строго контролировалось (эмиссары режима без предупреждения посещали дома с целью проверки выполнения этих норм), особенно жестко — в Сицилии, где идеи фашизма были крайне непопулярны, а население массово обнаруживало неподчинение режиму [Licata 1965: 164–171].

Особое внимание уделялось приобщению к «стандарту» детей в школах и вне ее, в кружках «Дети волчицы», куда входили дошкольники, и в «Национальное дело Балилла» — подростки [Ibid.].

Параллельно в рамках кампании по языковой «стандартизации» был взят курс на монолингвизм: после призыва Муссолини в 1931 г. к «поддержанию чистоты языка Отечества» [Raffaelli 1983] режим объявил войну иноязычию. Во всех «неитальянских» регионах Италии, включая Сицилию, она обернулась *лингвоцидом*, или *глоттофагией* — гонениями на носителей иноязычной традиции, мерами по искоренению «региональных» и «миноритарных» языков и диалектов. Нарушение монолингвизма, например, в общественных местах, в «присутствиях», в университетах, где отслеживалось даже приватное межличностное общение в кругах студентов и преподавателей, строго каралось [Migliorini, Baldelli 1964: 315].

Однако кампания по усиленной итальянизации в иноязычных регионах не оправдала надежд режима. Особенно явным был ее провал в Сицилии [Ibid.]. Отчасти это было обусловлено прочными позициями *Sicilianu*

в регионе, но в значительно большей степени — усилением в годы фашизма движения сепаратистов, призывавших к саботированию любых начинаний «черных рубашек» и противодействию им, а также сильнейшей оппозицией всего населения режиму и его инициативам (вследствие декларированной Муссолини «борьбы с мафией», имевшей целью подавление духа сепаратизма) [Turri 1944]. Даже церковь была оплотом сохранения языка: из солидарности с населением, клир в пику режиму фашизма массово проводил богослужения на *Sicilianu* [Crociata 2011: 3, 10–11]. Не оправдала себя и итальянизация путем школьного образования, поскольку индекс непосещения детьми школ — как в силу экономических причин, так и ввиду неприятия режима — был особенно впечатляющим [Migliorini, Baldelli 1964: 316].

Феномен сицилийского сепаратизма

Однако отметим, что за непопулярностью итальянского языка в Сицилии стояли отнюдь не только неприятие режима фашизма населением и его протест против лингвистической политики Муссолини — она была обусловлена значительно более глубокими причинами, а именно, историческим отказом сицилийцев воспринимать себя как составную часть итальянского государства и нежеланием принять власть Италии[29].

Позволим себе отступление, имеющее прямое отношение к теме исследования. Массовые антиитальянские настроения, питающие сепаратистские движения и поддерживаемые ими, с конца XIX в. вызревали не только в Сицилии, но и, например, в Сардинии и Фриули [Segatti, Guglielmi 2015: 282–283]. Однако в Сицилии сепаратизм отличали значительно более давние и глубокие традиции существования[30], охват практически всех слоев населения и более высокий уровень организации [Battaglia 2015:7]. Толчком к усилению сепаратизма и к оформлению сепаратистских партий и движений в Сицилии стала высадка союзников в 1943 г. Именно после этого на арену событий вышли «Движение за независимость Сицилии» (MIS), возглавляемое политиком А. Финоккьяро Априле, ратовавшим

---

29 Его детерминировали экономические (усугубляющаяся нищета большинства населения), военные (участие в Первой мировой войне и военных кампаниях фашистов), социальные (стагнация общественной жизни), культурные (фактический лингвоцид и притеснение локальной культуры начались задолго до эры фашизма) факторы. Именно к концу XIX — началу XX вв. относится появление в Сицилии устойчивого выражения: «Мы – Китай Европы и негры Италии».

30 Сицилийский сепаратизм уходит своими корнями в XVIII–XIX вв., но ряд историков увязывает его истоки с феноменом «сицилийской вечерни» — антифранцузским восстанием сицилийцев, произошедшим 30 марта 1282 г. и позволившим свергнуть власть Карла Анжуйского, сына французского короля Людовика VIII [Marino 1979: 11–19].

за отделение области от Италии мирным путем, и более радикальная «Добровольческая Армия за Независимость Сицилии» (EVIS), сформированная преподавателем А. Канепа, призывавшим к вооруженным действиям [Cimino 2018].

Однако MIS и EVIS, лидеры сепаратизма, были не единственными его представителями. Наряду с ними, но независимо от них за независимость ратовали латифундисты, социалисты, профсоюзные активисты города и деревни, мафия и бандитские формирования; кроме того, невидимая поддержка плана отделения Сицилии от Италии исходила от американского командования и стоявших за ним политических сил США. И хотя будущее Сицилии виделось каждому из представителей этого фронта по-разному[31], их объединяло одно — борьба за государственную независимость региона и «отрыв» его от Италии.

Сепаратисты развернули военные действия, партизанскую борьбу (вначале против сил фашистов, а затем против сил итальянского правопорядка) и «продержались на плаву» вплоть до 1947 гг.; в трех крупных населенных пунктах острова — Комизо, Корлеоне и Пьяна-дельи-Албанези ими были образованы «свободные (от Италии) народные республики», также просуществовавшие до конца1940-х годов [Lo Piccolo 2018]. По словам историка О. Феррара, «в течение несколько лет Сицилия была для Италии тем, чем была Ирландия для Англии — очагом всеобщего сопротивления власти „метрополии„ и оплотом непримиримости» [Ferrara 2013: 130]. К 1947 г. совместными усилиями итальянских армии, полиции и карабинеров сицилийские сепаратисты были разгромлены и на долгие годы прекратили свое существование как политический феномен.

Показатели языковой лояльности в Сицилии

Возвращаясь к теме языка, подчеркнем, что сепаратисты (в отличие, например, от сторонников независимости Фриули или Сардинии, которые в тот же период считали приоритетным вопрос легитимизации родного языка) в программных документах никогда не ставили во главу угла проблему лингвистической официализации, не требовали признания двуязычия в регионе, не оспаривали статуса «диалекта», навязанного *Sicilianu*. Более того, вопросы языка вообще не затрагивались в контексте обоснования прав Сицилии на самоопределение — сепаратисты говорили о си-

[31] Так, например, С. Джулиано, «человек мафии» и выходец из крестьянской среды, пользовавшийся репутацией «народного бандита», что обеспечивало ему симпатии и поддержку широчайших беднейших слоев населения, основал «Движение за аннексию Сицилии в пользу Американской Конфедерации», которое, при поддержке Америки в лице американского командования, выступало за превращение Сицилии в заокеанский штат США [Finkelstein 1998: 178–179].

цилийцах как *Nassone* (сиц. *нация*), заслуживающей «собственного государства», но апеллировали при этом к таким признакам их «инаковости», как самобытность истории, государственности, экономики, ментальности, даже антропологические особенности, не упоминая специфику *Sicilianu* [Battaglia 2015: 36–38].

Отметим, что и широкие слои населения в самой Сицилии, уже тогда позиционировавшие себя «особой общностью» (об этом пишут изучавший эту проблему священник о. Базилио Рандаццо [Basilio Randazzo 1985: 53] и другие исследователи [Giunta 1996: 24]), также никак не сопрягали и не соотносили собственную «самость» с языком, в отличие, например, от представителей сицилийских диаспор. Для последних, погруженных в инокультурную среду, родной язык и сохраненные пищевые традиции были не только столпами идентичности, но и осознаваемыми факторами отличия от «других», которые представители диаспор «выпячивали в демонстративном противопоставлении себя окружающему миру» [Renda 1989: 74].

Резюмируя, можно сказать, что сицилийская эмпирика середины XX в. прекрасно вписывается в концепцию социолингвиста Дж. Фишмана, согласно которой родной язык далеко не для всех сообществ играет ведущую роль в становлении коллективной идентичности и не всегда поднимается на щит при ее публичном декларировании; при этом степень полноты использования языка и его полноценность как средства общения не имеют особого значения [Fishman 1991: 330]. И если для одних общностей родной язык есть главный признак их этнокультурной «самости», то для других — например, для тамилов Малайзии или бретонцев — он служит только маргинальным и необязательным ее выражением [Fishman 1991: 330], «лишь одним из аспектов этнического и культурного своеобразия», тогда как «этничность может поддерживаться использованием других символов» [Naji, David 2003: 102].

Вследствие этого Сицилия «легче, чем Сардиния или Фриули, пережила „непредоставление“ ей статуса лингвистического меньшинства» [Santoro 2020: 199]. Следует пояснить, что, согласно Конституции 1947 г., страна, вопреки статусу «унитарной республики парламентского типа», «выстраивалась» как децентрализованное государство с элементами федерализма, в котором административно-территориальным единицам предоставлялись порой достаточно широкие права и полномочия. Из 20 автономных областей в составе Италии пять (Трентино-Альто-Адидже, Валле-д’Аоста, Фриули–Венеция-Джулия, Сицилия, Сардиния) наделялись «специальным статутом автономии» — правами широкого самоуправления [Costituzione 1972]. В первых трех случаях это было связано с фактом проживания защищаемых Конституцией «иноязычных меньшинств» (лингвистическое отличие общности — единственное признаваемое в официально-юридической сфере Италии; термин «этнические

меньшинства» фигурирует в быту и в научных кругах страны): германоязычного — в Трентино-Альто-Адидже; франкофонного и говорящего на окситанском языке — в Валле-д'Аоста, словенского — во Фриули–Венеция-Джулии [Ibid.].

Что же касается Сицилии и Сардинии[32], то их населению не был предоставлен статус такого рода меньшинств, что влекло за собой непризнание *Sicilianu* и сардинского идиома языками и запрет на право официально использовать и преподавать их. Наделение же областей специальной автономией мотивировалось тем, что в них исторически существовали «особые экономические и политические условия и особая психологическая атмосфера, требующие такого решения» [Caminiti 2018: 7]. Фактически же непризнание «иноязычия» Сицилии и Сардинии диктовалось попытками властей противостоять сепаратизму (набирающему силу в Сардинии и показавшему свою мощь в Сицилии) [Комарова 2021: 112], держать «строптивые» регионы под контролем и не предоставлять им «козырную карту в виде признания их лингвистической и культурной самобытности» [De Mauro 2014: 19].

Надо отметить, что в Сицилии не вызвал особого резонанса и принятый в 1999 г. «Закон № 482»; согласно ему, в число «лингвистических меньшинств» в Италии наконец вошли сардинцы и фриулы — титульное население Фриули–Венеция-Джулия, но вновь не были включены сицилийцы [Santoro 2020: 199].

Языковая ситуация второй половины XX в.

Однако вернемся к вопросу распространения итальянского языка в Сицилии. Только к 1953–1954 гг. итальянизация «наконец достигла Юга» [Martinelli 2019]; показатели владения итальянским языком, хотя и не достигли уровня других областей страны, всё же объективно возросли сравнительно с довоенными [De Mauro 1963: 69]. С середины же 1950-х гг. итальянский стал активно завоевывать позиции в Сицилии.

Это было обусловлено комплексом очень разноплановых причин: например, разгромом одиозного режима Муссолини; предоставлением области особого статута автономии, в «широту и возможности которой сицилийцы тогда еще верили» [Santoro 2020: 199] и в которой, после событий конца 1940-х годов, видели попытку государства «найти компромисс с населением острова» [ibid.]; проведенной государством в 1950 г. аграрной реформой (крестьян наделили землей, урезав права и собственность ла-

[32] Властями страны замалчивался тот факт, что население обоих островов «не было итальянским в этническом отношении», «говорило на „своих“ языках, обладало „своей“ специфической культурой, историей и особым самосознанием» [De Mauro 2014: 113–117].

тифундистов); необходимостью интегрироваться в новую Италию; феноменом «итальянского бума», давшим сицилийцам работу, обеспечившим рост доходов, а за счет этого снизившим их «антиитальянский настрой» и благотворно повлиявшим и на отношение к школьному образованию: даже в сельской среде «детей стали отсылать в школы, чтобы обеспечить им будущее» [Santoro 2020: 194]; массовой популярностью радио- и телевещания: по словам антропологов, «телевидение в 1950-е годы объединило страну крепче, чем Гарибальди и политика, и значительно подняло уровень знания итальянского языка» [Billitteri 2003b: 104].

Период с середины 1950-х гг. до середины 1960-х гг. стал хронологическим рубежом, знаменующим собой начало качественно новой эры в судьбе сицилийского языка. Речь идет о начале изменений лингвистического и социолингвистического характера (подрыве гегемонии *Sicilianu*, стартовавшем его оскудении, росте числа италофонов), но также — о начале переоценки ценностей в обществе, смене психолингвистических установок населения, затронувших видение и «котировку» итальянского и сицилийского языков: статус первого начал расти, второго — понижаться [Martinelli 2019].

В этой связи необходимо вспомнить такое понятие, как *языковая лояльность*, или приверженность к языку (англ. *language loyalty*), введенное и разработанное У. Вайнрайхом [Вайнрайх 1979: 145], и получившее дальнейшее развитие в работах Дж. Фишмана и его последователей [Fishman 1989; Perez et al. 2006]. Под положительной языковой лояльностью понимается поддержка, оказываемая носителями идиому, отрицательная предполагает готовность отказаться от него. Осознанная языковая лояльность характерна скорее для интеллектуальной элиты, чем для обычных носителей идиома, как показывает Дж. Фишман на примере пуэрториканцев в Нью-Йорке [Fishman 1989: 485–497], и приводит к тому, что этничность становится осознанным фактором в процессе сохранения языка или при отказе от него.

Кроме того, вне зависимости от степени лояльности языку любое сообщество обладает системой его оценок по таким признакам, как эстетическая ценность, высокий или низкий статус, коммуникативная пригодность и пр. Подобные представления о своем языке постоянно меняются под влиянием контактов с другими группами и идиомами. Часть сообщества (например, его интеллектуальная элита) может стремиться поднять престиж языка, в то время как среди простых носителей лояльность языку будет достаточно низкой [Вайнрайх 1979: 145].

Соотнося эти концепты с сицилийскими реалиями, отметим, что к концу 1960-х гг. в «народных» слоях населения города и деревни преобладала нулевая лояльность языку, хотя степень владения им оставалась очень высокой; положительная лояльность наблюдалась у высших слоев

общества — активных пользователей и патриотов локальной культуры и языка, сторонников идеи его сохранения и продвижения, в меньшей степени — у интеллигенции. Растущий же в численном отношении средний класс стал ярым проводником идеи «престижности» итальянского языка и «необходимости его продвижения» в ущерб сицилийскому «диалекту как знаку отсталости» [Billitteri 2003a: 55], и именно его позиции, в первую очередь в городах, во многом обусловили закладку основ режима фактической *диглоссии* [Vecchio 2013: 1306].

Изменения психологического климата и социологингвистической ситуации в Сицилии в 70–80 — е годы XX в.

Кризис *Sicilianu* и снижение его статуса усугубились в 1970-е годы, чему способствовали изменения психологического климата во всей Италии, не оставившие в стороне и Сицилию. Речь идет о повороте в сознании жителей всей страны в направлении своего рода «панитальянизма», «нео-унификации» [Ginsborg 2001: 117–122]. Не касаясь его социально-экономической и политической подоплеки, отметим, что Сицилия, разделяя эти настроения, «преодолевала комплексы принадлежности к провинции, к отсталому Югу страны»; сицилийцы «начали открываться навстречу всему исходящему „с континента“; … едва ли не впервые в жизни они хотели стать итальянцами и стремились продемонстрировать это Италии» [Granata 2020: 29]. Роль проводника и проповедника идеи «преодоления косности и неразвитости» Сицилии и приобщения региона если не к мировой культуре, то хотя бы к культуре Италии, пусть и ненадолго, взяла на себя ведомая благими побуждениями местная интеллигенция.

Эти процессы привели к «полному отмежеванию сицилийцев от себя, отречению от собственной этнической принадлежности и культуры» [Granata 2020: 32], и, как следствие, к углубляющемуся кризису *Sicilianu*. Наблюдалось его прогрессирующее обеднение, «размывание» его лексики, насыщение итальянскими вокабулами, сужение сферы его коммуникативной функциональности. Стесняясь использовать *Sicilianu* на людях, носители сознательно ограничивали его применение только «домашним»/ «околодомашним» кругом и общением с родственниками или друзьями, но и в этом обиходе его начал «подменять» итальянский. Более того, он стал «выпадать» даже из общения детей и игровой сферы [Portale 9.10.2018], в силу того, что дома их старательно приобщали к итальянскому языку.

Кроме этого, определение «диалект», данное *Sicilianu* властями, в этот период «окончательно прилипло к языку пользователей и обрело в их видении пейоративную оценку» [Cruschina 2015/2016]. Статус сицилийского продолжил снижаться; и, хотя он не достиг столь «низкого» уровня, как, например, сардинский язык в Сардинии, тем не менее значительно утратил

престижность; параллельно с этим возросла «элитарность» и востребованность итальянского языка, начавшего считаться не только «нужным», но также «высокостатусным» [Vecchio 2013: 1320].

Ряд исследователей начинает говорить о таком явлении, как *дилалия*[33]. *Снижение языковой лояльности усугубили негативные коннотации Siciliani* «с криминогенной репутацией Сицилии, с политической коррупцией в регионе и активизацией деятельности мафии», а также то, что в нем часто видели знак невежества, отсталости, «деревенскости» [Beszterda 2011: 21–31]. Отречение носителей от языка подогревалось тем, что в «континентальной» Италии в это время возросло негативное отношение к южанам, в первую очередь уроженцам Сицилии и Сардинии [Manenti 2019].

Однако период «смены культурных ориентиров» в Сицилии не продлился долго — уже к концу 80-х XX в. в обществе произошла радикальная переоценка ценностей, обусловленная многочисленными факторами экономического, социального, политического характера, которые мы сейчас не будем анализировать, хронологически совпавшая с общемировым и паневропейским трендом поиска своей «самости», обретения идентичности и обращения к корням.

В результате население, «сполна вкусившее прелестей контакта с чужой цивилизацией, массово начало откат к себе, к приоритетам локальной культуры, к своей аутентичности» — был взят курс на активное противодействие инновациям, в том числе и в культурно-лингвистической сфере [Miliziano 2009]. Активную роль в мобилизации масс и в пропаганде локальных культурных ценностей вновь сыграла «переориентировавшаяся» интеллигенция, но еще большую — локальная администрация, ставшая на позиции прорегиональности.

Каково современное состояние *Siciliani*, степень его лингвистической сохранности и масштаб популярности и престижности? С чем связан подъем идентичности сицилийцев, наблюдающийся в наши дни, и какую роль в ее становлении играет язык, не игравший ее ранее? Чтобы ответить на эти вопросы, следует рассмотреть по отдельности каждый из двух взаимосвязанных процессов — рост идентичности населения и возрастание

---

[33] Термин *dilalia* — не путать с *дислалия (лат. dislalia)*, «нарушением звукопроизношения» — изначально распространенный в научном дискурсе Италии, Испании, Португалии, Латинской Америки, был введен социолингвистом Г. Беррутто как обозначение «типичного (для Италии) крайнего проявления диглоссии, при котором функциональность одного из сосуществующих языков ввиду смены его статуса и осознаваемой непрестижности сознательно „урезается“ носителями языка исключительно до коммуникативности в рамках только домашней сферы и до непублично выражаемой посредством „индивидуального речевого акта“ преимущественно инвективной эмоциональности» [Berrutto 1999: 37–90]; сегодня термин принят и в международном научном дискурсе [O’Reilly 2001: 14].

популярности *Sicilianu*, а также подвергнуть анализу обстоятельства и контекст этих изменений.

Идентичность: концепты и сицилийская эмпирика

В первую очередь необходимо, вслед за многими антропологами, отметить иерархический характер идентичности, ее многоипостасность. Как подчеркивает А. Мажиа, на примере Сардинии проследивший историческую эволюцию коллективной идентичности, «она развивается в двух направлениях, показывающих нам всю сложность концепта этнической идентичности как таковой, в которой сосуществуют внутренние (эмические) и внешние (политические) аспекты» [Мажиа 2021: 33]: речь идет о сформулированных антропологом У. Фабиетти понятиях «переживаемой» и «показной» идентичности [Fabietti 1995: 143].

Первая из них — порождение практического контекста, она совпадает с неявным, внутренним ощущением человека и чувством общности, о ней нет необходимости сознательно размышлять и как-то ее осмысливать в повседневной жизни. Элементарная человеческая сущность, как ее определил Д. Анджони [Angioni 1988: 360], или своего рода «нулевая степень» идентичности, максимально обобщенная и простая, согласно дефиниции антрополога Б. Калтаджироне [Caltagirone 2007: 30], переживаемая идентичность лишь изредка выражается в конкретных формулировках. Вторая идентичность — показная, явно подчеркиваемая носителями в определенных контекстах. Фактически она выбирает только отдельные детали, которые меняются от контекста к контексту и являются значимыми, потому что реагируют на ситуации оппозиционного и контрастирующего характера. Более того, она находится в диалектических отношениях с идентичностью, навязанной извне, «спускаемой сверху», исходящей от радикально настроенной интеллигенции, представителей националистических движений [Fabietti 1995: 143].

Что до сицилийской коллективной идентичности, то она — как уже отмечалось ранее — даже в середине XX в. представляла собой достаточно оформленное явление и зачастую носила показной характер. Во второй же половине века, на фоне определенных политических, экономических, социальных процессов в Италии, напрямую касающихся Сицилии, на фоне болезненных проблем стагнации в экономике, безработицы, в том числе среди молодежи, низкого уровня жизни, коррупции, нерешенности социальных проблем, а главное — на фоне массового разочарования сицилийцев в самой идее автономии и в формах ее воплощения в регионе [Aglianò 1996: 65], оказавшихся на практике весьма ограниченными» [Costa 2009: 24], — обоснованность этого углубляющегося скепсиса, ввиду несоблюдения итальянским государством многих конституционных обязательств

по отношению к области, подтверждают и исследователи [Armao 2017: 4–12], — произошла сильнейшая политизация и радикализация взглядов сицилийцев во всех слоях социума.

Она повлекла за собой рост «переживаемой» национальной идентичности, сопряженной с усилением антиитальянских (читай: антигосударственных) настроений и одновременно с укреплением просицилийского настроя и установок на собственную государственность. Несомненно, катализатором таких метаморфоз стали и общемировые антиглобализм и поиск идентичности, и своего рода «мода» на всё «аутентичное», возведенная в ранг политики и превратившая в иконы понятия *исторической памяти*, *поиска своих корней* и т. д. Дополнительным же стимулом дальнейшего роста сепаратистских настроений в сицилийском обществе стала политическая конкретика в Италии последних лет, в частности, приход к власти популистской правой партии *Лиги* (*Севера*), открыто декларирующей курс на расизм, национализм, ксенофобию и жесткий антимеридионализм, направленный в первую очередь на Сицилию и Кампанию [Barcella 2018: 95–119].

Сознательное и массовое отождествление сицилийцами себя с особой общностью, «заслуживающей собственной государственности», позиционирование себя как *Nassone* (сиц. *нация*) «[Di Paola 07.09.2019], приобрело в наши дни особенную остроту и актуальность. Во всех слоях социума, и, что показательно, в народных, тема «сицилийскости» (именуемой в Италии *sicilianità*, а в Сицилии — *sicilitudine*[34], как с гордостью именует свою «самость» население) — всё чаще выходит на первый план.

В контексте этих настроений подчеркнем активизацию интереса населения к собственной культуре и истории. Приведем поразившие нас доказательства этой «обращенности к себе»: опросы в народных «маргинальных» кварталах городов Сицилии, с высоким и сегодня уровнем неграмотности среди взрослого населения, показывают глубокое знание сицилийцами своей истории и культурного наследия [ПМА1].

Нам рассказывали — со ссылкой на «учительницу сына», на «речь мэра», на слова священника, на услышанное в телепередаче или по радио, рассказанное соседями, прочитанное в газетах или в Интернете — и о государственной славе Сицилии в эпоху арабов и норманнов, дающей региону право претендовать на государственность и сегодня; и о литературной известности области в Средние века и в XX столетии; и о старейшем в мире локальном парламенте и об основанном в XV в. университете Палермо;

---

34 Ставший очень популярным в Сицилии и получивший международную распространенность термин был образован сицилийским художником К. Кане [Cane 1987: 3], по аналогии с термином *негритюд* (фр. *Négritude*: *негритянство*), а развит и пущен в оборот классиком литературы, писателем Л. Шаша [Sciascia 2007: 13–14]. Имеет дополнительную смысловую коннотацию, поскольку «прочитывается» как сочетание слов *sicilianità* и *solitudine* (ит. *одиночество*).

и о влиянии на *Sicilianu* арабского, норманнского и испанского идиомов; и об исторически непростых отношениях Сицилии и Италии, весьма обострившихся в последнее время [ПМА1].

Этот необычный феномен «повышенной информированности населения, даже представителей народа, в отношении событий собственных истории и культуры», присущий Сицилии в отличие от других областей Италии, отмечают антропологи [Santaromita Villa 2010: 11]. Как точно указывает А. Кузумано, сегодня наблюдается «переформатирование исторической памяти» у широких, включая народные, слоев населения, ее «формирование наново за счет просвещения, насыщения информацией, культурой, историческими фактами и знаниями», позволяющее переосмыслить «как „свое“, органичное и пережитое» то, «что еще недавно было неизвестным» [Cusumano 2020: 10]. По словам священника дона Педро Рибаудо, настоятеля прихода Св. Марии дел Кармело в народном квартале Орето в Палермо, такие знания «о себе» — «результат постепенного накопления информации и сведений, исходивших за долгие годы от школы, церкви, локальных правительства, прессы и телевидения, распространяющихся через Интернет, звучащих повсеместно, — данных, помноженных на уходящее корнями в прошлое и присущее сицилийцам ощущение своей „инаковости“» [ПМА2]. Ему вторят и исследователи, усматривающие в процессах информирования населения предпосылку последовательного «вызревания» сицилийцев в русле своего рода «латентного сепаратизма» [Di Paola 7.09.2019].

Убедительным доказательством того, что для жителей области в последнее время вопрос самоопределения стал приоритетным, являются данные массовых опросов, проводившихся итальянским агентством *Demos*. Так, в 2014 г. 44% сицилийцев высказалось за отделение Сицилии от Италии [Balduzzi 10.11.2014], к 2017 г. численность сторонников государственной независимости Сицилии, упиравших «на специфику языка, истории, культуры, экономики», выросла до 75% [Guglielmino 2021: 11].

Еще одним свидетельством параллельного усиления также «показной» и политизированной идентичности является факт недавнего появления в Сицилии, после долгого периода стагнации, нео-сепаратистских движений — таких, как Национальный Сицилийский Фронт (FNS), Движение за Независимость Сицилии (MIS), Социалистическая Партия Сицилии (PSS), Сицилия-Нация (SN), Свободные Сицилийцы (SL) [Nasce Sicilia Nazione 2015:1; Nasce il movimento autonomista 2016: 1].

Продолжая тему политики и «идущих сверху» стимулов подъема прорегионального настроя населения, коснемся кратко фигуры нынешнего главы Сицилии Н. Музумечи — личности весьма неоднозначной, представителя радикального крыла ультраправых, чья политическая позиция вызывала категорическое отторжение у сторонников левых и центристских

взглядов [Sicilia, Nello Musumeci 18.11.2017]. Однако его политика крайнего национализма и протекционизма в отношении различных начинаний в Сицилии, от экономических до культурных [Musumeci 2021], в скором времени расположила к нему представителей всего социума, включая и политических оппонентов. Симпатий к нему добавили предпринятые им шаги по санации области и ограждению ее от риска заражения в эпоху ковида в 2020–2021 гг. — ради защиты локальных интересов Музумечи продемонстрировал решительное неподчинение указаниям центральной власти, что необычайно повысило его локальный рейтинг [Coronavirus 24.10.2020].

Разумеется, выход на политическую арену определенных партий и деятелей и рост политизированной идентичности — прямое следствие экономических и социально-политических процессов в области и за ее пределами. Детерминантами же роста народного самосознания и усиления идентичности «внизу», помимо этих факторов, оказываются также разноплановые меры по пропаганде «локальности» во всех ее проявлениях и повышению ее статуса в глазах сицилийцев, предпринятые совместно интеллигенцией, научно-образовательными структурами, региональным правительством. Ниже мы рассмотрим такого рода инициативы в языковой сфере, пока же отметим, что начиная с послевоенного периода регион занимает лидирующее положение в Италии не только по уровню научного регионоведения[35], но и по широчайшему распространению и пропаганде их результатов во всех слоях общества.

Так, в 1973 г., наряду с учреждением в Университете Палермо факультета антропологических наук, при поддержке А. Бомбаче, тогдашнего министра культурного наследия правительства Сицилии, в его стенах была основана и Палермская интердисциплинарная школа антропологии. Родившись по инициативе этнолога А. Буттитта, ученика Дж. Коккьяра, Школа сразу взяла курс на проведение исследований и на популяризацию их результатов «в массах», тем самым отказавшись от роли «башни из слоновой кости», которую в Италии по традиции играют университеты. Под ее эгидой при поддержке правительства Сицилии были основаны музеи народной культуры и быта, куда в качестве консультантов, наряду с профессурой, приглашались и мастера «из народа», дававшие мастер-классы; проводились семинары для широкой публики, в том числе и в народных кварталах городов. С ней сотрудничают и многие рестораторы, взявшие курс на консервацию и возрождение алиментарных традиций: консультируясь с учеными, они также кооперируются с носителями и хранителями

[35] Подобный масштаб изысканий обусловлен давними исследовательскими традициями в Сицилии; достаточно вспомнить, например, многочисленные «классические» труды видных сицилийских этнографов и фольклористов С. Саламоне Марино, Дж. Питре, арабиста с мировой славой М. Амари, известного социального антрополога и фольклориста Дж. Коккьяра, внесшего очень значимый вклад в развитие сицилийской и итальянской науки.

традиций «из народа». Эту тему можно было бы продолжить, поскольку Школа — не единственная научная организация, несущая, при поддержке властей Сицилии, знания «в народ», однако ограничимся кратким выводом — подобные структуры за последние годы провели гигантскую работу по просвещению населения, по повышению уровня знаний «о себе», «наращиванию» гордости за собственную историю и культуру и «усилению» чувства локальной идентичности.

Сицилийский язык и его состояние сегодня

Но вернемся к теме языка. На первый взгляд, *Sicilianu* всё еще вполне популярен на острове. Так, к 2013 г. в семейном кругу только на сицилийском говорило 35,5% жителей крупных городов и 76,9% населения провинциальных центров и сельской местности, с друзьями — соответственно 38,9% и 74,3%, а в офисах и «присутствиях» — 4,8% и 28,5% [Paternostro, Sottile 2020]; к 2020 г. в среднем 50% населения региона говорило дома только на *Sicilianu*. Не менее 20% горожан в повседневности используют его как в чистом виде, так и в сочетании с итальянским, в сельской же среде эти показатели достигают 60–70%, причем она меньше тяготеет к лингвистической гибридизации и больше — к использованию «чистого» *Sicilianu* [Santoro 2020]. Более того, наметился и рост числа его пользователей [Paternostro, Sottile 2020].

Но, невзирая на эти, казалось бы, утешительные данные, филологи в Италии, Сицилии и мире [Paternostro 2013: 48] утверждают: сицилийский идиом очень «сдал», и его лингвистическое «существование» находится под угрозой. Так, констатируется его деградация за счет пополнения *Sicilianu* итальянскими неологизмами, замены сицилийских вокабул заимствованиями, утраты многих лексем, фразеологических оборотов. Отмечается повышенная частота нарушений монолингвизма в одном речевом акте и такое явление, как *переключение*, или *смешение кодов* (*code switching*): говорящий, начав фразу по-сицилийски, разбавляет ее «чистыми» или сицилианизированными итальянизмами, формируя тем самым «смешанный формат» [Alfonzetti 2013: 19].

Процессы глобализации, появление новых технологий и мировой сети Интернета усугубили деструкцию *Sicilianu*: сегодня его активно пополняют «интернациональные технологизмы» и в целом лексические универсалии; эти процессы быстро прогрессируют, особенно среди молодежи [Scaglione 2015: 26; Scaglione 2016: 523–535]. О деградации сицилийского идиома, а главное — о пугающих темпах «оскудения языка», обеднения его лексического состава, утраты им множества характерных выражений и слов, говорят и наши респонденты в Сицилии, особенно пожилые, указывающие, что им часто приходится объяснять собственным внукам смысл

того или иного идиоматического выражения или слова [ПМА]; эту же тенденцию отмечали и информанты в ходе полевых исследований В. Н. Комаровой [Комарова 2021: 115].

Более того, факты стремительного ухудшения лингвистического состояния *Sicilianu* в ареале его титульного распространения (т. е. в Сицилии) подтверждают и эмигранты (и их потомки), представители сицилийских диаспор, ежегодно совершающие паломничество «в точку исхода» [Aliotti 2014: 12]. Для них очевидны эти изменения ввиду того, что диаспора владеет практически не изменившейся, «законсервированной», более богатой и архаичной формой сицилийского языка, унаследованной от предков и передаваемой из поколения в поколение, позволяющей сравнить «былое» состояние языка и современное.

Однако, как мы неоднократно отмечали, параллельно с лингвистической деградацией *Sicilianu*, в наши дни наблюдается необычайный подъем его популярности и статуса, рост интереса к нему и увеличение числа пользователей практически во всех слоях сицилийского социума, вне зависимости от их социальной, гендерной, возрастной принадлежности, экономического и культурно-образовательного уровня, в том числе и среди молодежи.

В этой связи вспомним замечание лингвиста Р. Бейна, согласно которому культурное (лингвистическое) поведение населения детерминируется двумя факторами: спонтанным (неосознанным) использованием культурных ценностей и языка «внизу», в среде носителей и пользователей, — и политикой, осуществляемой «свыше» государством/локальной администрацией в сферах культуры и лингвистики [Bein 2017: 3].

Остановимся на последнем факторе. На наш взгляд, именно активной просицилийской лингвистической и в целом культуртрегерской политике, проводимой в последние десятилетия локальной администрацией, регион во многом обязан сегодняшним усилением локального самосознания, в том числе и «вовлечением» языка в систему детерминант «самости» и значимых для формирования идентичности элементов, усилением лингвистической лояльности *Sicilianu* и «поднятием» языка на щит борьбы Сицилии за признание государством специфики ее культуры и истории и в целом — ее права на самоопределение. Действительно, если оглянуться на систему принятых властями области мер, станет очевидно, что в области было сделано немало в языковой сфере.

Так, например, еще в 1951 г. при поддержке Региональной Ассамблеи (парламента Сицилии) при Университете Палермо был создан упомянутый выше научный *Центр сицилийских филологических и лингвистических исследований* (Centro di studi filologici e linguistici siciliani), деятельность которого регламентирована Высшим Советом правительства Сицилии и советом ректоров всех Университетов области и регулируется Законом

№ 54 Автономной области Сицилия от 21.08.1984 [Legge Regionale 1984]. Согласно закону, Центр уполномочен «осуществлять исследования современного и древнего сицилийского языка, уделяя особое внимание освещению этой проблемы в системе школьного образования, в целях выработки корректного подхода к лингвистической истории Сицилии» [Ibid.]. Фактически же его деятельность выходит далеко за рамки оговоренного. Опираясь на собственные полевые материалы, Центр не только проводит сугубо академические изыскания в области лингвистики, истории языка, диалектальных различий и сфер применения, анализу инноваций в его составе, тяготея к междисциплинарности на стыке лингвистики, истории и этнографии. Он также выпускает словари, периодические издания и тематические исследования, «внедряет» полученные данные в систему преподавания в школах, а главное — делает знания достоянием широких слоев населения посредством семинаров в приходских церквях, церковных и культурных центрах региона, при помощи информационно-коммуникационной сети Интернета, через СМИ, радио и телевидение [Ruffino 2013: 1411–1419], тем самым способствуя повышению статуса сицилийского языка и росту его популярности.

Стоит отметить, что еще недавно представители среднего класса и народных слоев населения мало что знали об этой сугубо научной организации, кроме факта ее существования, и тем не менее превозносили ее как форпост защиты родного языка [Фаис 2016: 287]. Сегодня же они, продолжая считать *Центр* лидером защиты *Sicilianu*, обнаруживают значительно большую осведомленность в отношении его деятельности, что свидетельствует об интересе к ней и в целом к проблеме языка [ПМА].

В 2016–2017 гг. по инициативе правительства Сицилии и при поддержке Центра в области также были созданы *Ассоциация Сицилийской культуры* и *Академия Сицилийского языка* [Nasce l'Accademia 2017], призванные дополнить деятельность Центра и интенсифицировать исследование языка, его преподавание и пропаганду на всей территории области. При содействии Центра, по просьбам сицилийской диаспоры в США, в 2004 г. в Нью-Йорке были основаны *Кафедра исследования и преподавания сицилийских языка и культуры* и *Центр сицилиановедения*. Аналогичные структуры для сицилийских мигрантов и их потомков были созданы Центром в 2012 г. в университете Росарио (Аргентина), а в 2016 г. — основаны кафедры *Sicilianu* при университетах в Пенсильвании и в Манубе (Тунис), где также сосредоточены крупные диаспоры сицилийцев [De Mauro 2014: 17].

В 2011 г. парламент Сицилии, после многолетних безуспешных апелляций локальных научных и политических кругов к властям Италии, пойдя на решительные шаги и фактически в нарушение законодательства страны, принял Закон о пропаганде и преподавании «сицилийских истории,

лингвистического наследия (языка) и литературы» в школах; правда, практическая его реализация до недавнего времени протекала медленно, постоянно наталкиваясь на препятствия бюрократического характера [Legge Regionale 2011].

Наконец, в 2018 г. указом губернатора Сицилии Н. Музумечи и усилиями Р. Лагалла, министра образования в правительстве Сицилии, дело сдвинулось с мертвой точки [Il Siciliano 2018]: начиная с 2019 г. в школах области стартовало преподавание сицилийского языка как обязательного предмета, вначале в объеме 1 час в неделю, увеличенном в течение 2020–2021 учебного года до 2-х часов, с перспективами дальнейшего его расширения [Bianca 2018]. Кроме этого, в 2016 г. на Филологическом факультете Университета Палермо было введено как обязательная дисциплина преподавание *Sicilianu*, причем, что показательно, число слушателей постоянно увеличивается [Corso di lingua siciliana 2016, 2020].

В рамках проводимой властями Сицилии политики, согласно правительственным указам, также отслеживается «лингвистическая чистота и аутентичность в сфере производства, предпринимательства и уличной торговли» [Famoso 2016: 42–44]. На практике это означает, что производители и продавцы традиционной локальной продукции, будь то промышленной или пищевой, обязаны соблюдать «аутентичность не только видов производимых или продаваемых изделий, а также технологии их производства, но и аутентичность их *названий* (выделено мной — О.Ф.), не прибегая ни к итальянским, ни к иностранным заимствованиям»; нарушения караются высокими штрафами [ibid.].

Можно было бы долго перечислять идущие «сверху» меры в лингвистической сфере, однако уместно задаться вопросом, что же происходит «внизу», в среде пользователей языка. К сожалению, объемы данной работы не позволяют подробно и детально остановиться на касающемся языка и идентичности эмпирическом материале — результатах опросов населения, заслуживающих отдельного самостоятельного исследования. Ниже мы приведем сводные итоги этих полевых изысканий, но прежде бегло перечислим несколько разноплановых феноменов, недавно появившихся в Сицилии и, на наш взгляд, служащих показателем и доказательством стремительного повышения языковой лояльности сицилийцев, изменения статуса и эмического видения *Sicilianu*: усиления его значимости и радикализации его роли.

Во-первых, в последние несколько лет термин «диалект» применительно к *Sicilianu* постепенно уступает место термину «язык», о чем свидетельствуют как официальные документы, так и повседневный узус Сицилии, в том числе и ответы респондентов [ПМА].

Во-вторых, наблюдается геометрический рост числа центров преподавания сицилийского языка в Сицилии — показатель его растущей

популярности; спрос, как известно, рождает предложение. Платные курсы существуют при филологических факультетах всех университетов Сицилии, а также при *Центре сицилийских филологических и лингвистических исследований*, *Ассоциации сицилийской культуры* и *Академии сицилийского языка*. От этих институтов не отстают и многочисленные культурные ассоциации, клубы и просветительские структуры, частные и общественные, — такие, например, как ASAS в Мессине [Associazione siciliana arte e scienza 10.01.2011], также предлагающие обучение языку.

Есть и бесплатные курсы: например, при приходах церквей, в том числе уже упомянутого храма Св. Марии дел Кармело (S. Maria del Carmelo) в Палермо [ПМА2], на сайтах *Balarm* [Corsi gratuiti 26.08.2013] и *Siciliafan* [Parole siciliane 07.04.2021; Le parole siciliane 08.04.2021]; на последнем язык преподают путем проведения серии семинаров, посвященных отдельным темам и сюжетам. Существуют и многочисленные веб-сайты, с частично разработанными страницами, конечное содержание которых определяется по запросу пользователя, предлагающие курсы сицилийского языка различной степени сложности — как, например, web-app *Learn Sicilia* [La Rosa 13.06.2018].

В-третьих, актуализация значимости родного языка для сицилийцев доказывает изменение реакции сицилийского социума на массовое присутствие мигрантов в регионе. Так, если еще недавно население более чем толерантно относилось к «пришлым», то в наши дни 94% респондентов ревностно и с осуждением отмечают тот факт, что зачастую мигранты, а также их дети, родившиеся в Сицилии, владеют сицилийским языком, в локальном видении, позиционируемом не только как часть культурного достояния сицилийцев, но и как отличительный признак культурно-политической идентичности сицилийцев, особенно в непростом диалоге Сицилии с Италией [Фаис 2019: 63]. Владение мигрантами *Sicilianu* и постепенная аккультурации последних в русле традиционной культуры региона, столь приветствовавшиеся интеллигенцией Сицилии еще недавно, сегодня в этой же среде именуются «посягательством на локальное культурное наследие и на культурную идентичность тех, кто прилагает немало усилий, чтобы сохранить это достояние» [Mercuri 2019].

В-четвертых, упомянем и не менее показательный факт «появления» *Sicilianu* в сегодняшних программных документах нео-сепаратистов — в отличие от своих предшественников 40-х годов XX в., вне зависимости от политических программ, все они демонстрируют высокую лояльность к сицилийскому идиому, включив язык, наряду с историей и культурой, в число «базовых обоснований для предоставления населению Сицилии, представляющему собой нацию, государственной независимости» [Musumeci 2005: 10–12; Caminiti 2018: 3].

Вернемся к эмпирическому материалу: опросы, затрагивающие проблемы языка и идентичности, проводились в Сицилии в 2014–2019 гг. и охватывали все социальные слои социума в городах и в сельской местности. Они показали, что хорошее знание сицилийского языка и высокую степень языковой лояльности сегодня обнаруживают, вне зависимости от возраста, представители «народа», высших классов Сицилии и интеллигенции; эти же социальные слои тесно увязывают язык и владение им со своей политической и национально-государственной идентичностью. Особняком стоят представители среднего класса, тяготеющие к итальянскому языку и обнаруживающие размытое локальное самосознание. Примечательна позиция молодежи вне зависимости от социальной принадлежности: в силу самосознания и усиления чувства идентичности она всё больше проявляет интерес к родному идиому, и, пусть не всегда владея им в совершенстве, своей заинтересованностью и тягой к языку обещает в перспективе вновь поднять его знание на более высокий уровень и ревитализировать его в рамках региона.

Выводы

Разумеется, *Sicilianu* как социолингвистическое явление сам по себе вызывает немалый научный интерес. Но в первую очередь мы обратились к примеру Сицилии как к парадигме, позволяющей очертить и проиллюстрировать взаимосвязь и взаимозависимость языка/лингвистической идентичности и самоопределения владеющей им компактной группы населения, а также механизм их «взаимодействия». Схематизируя, можно сказать, что мы попытались отследить параллельную эволюцию самосознания и эмического видения языка (в контексте региона, в котором, подчеркнем, еще недавно язык не воспринимался населением как маркер общности), а также совокупность факторов, повлиявших на повышение значимости языка и катализировавших процессы «вызревания» идентичности населения.

Признавая, что анализ идентичности, равно как и осмысление, переосмысление и переоценка роли родного языка — мейнстрим наших дней, что поиск своих корней и обретение идентичности — во многом дань глобальной социокультурной и политической моде мирового масштаба, мы, тем не менее, усматриваем в увиденных в Сицилии тенденциях некий органичный, закономерный и логичный результат исторических, политических, экономических, социальных, культурных процессов, протекавших в этом регионе. Процессов, обусловивших глубокие изменения в жизни локального социума и, в том числе, задавших тон и направление развитию ментальности населения, радикализировавших взгляды и приведших его к «созреванию» и «вызреванию» в духе оппозиции нынешним концеп-

циям и реалиям итальянской государственности. Несомненно, правы исследователи, как, например, А. Кузумано, говорящий об «автоматическом, не инспирируемом „верхами“, зревшем веками стихийном народном национализме сицилийцев» [Cusumano 2020: 9–10], либо, как социолог Дж. Ди Паола, — об их «латентном сепаратизме» [Di Paola 2019].

Но не менее верно и утверждение политических антропологов, например, М. Биллига, что «национализм надо взрастить» [Billig 1995: 21–22]. Не погружаясь сейчас в анализ концептов «нация» и «национализм», отметим лишь, что в этих процессах «взращивания» ведущую роль играют националистические идеи, которыми руководствуются локальные потестарные структуры, а также практики реализации этих идей, осуществляемых властью [Gellner 1993: 1–2, 134–135].

В процессе их широкой и систематической диссеминации в социуме — а тем более при наличии самостоятельно «вызревшей», фертильной почвы, как в Сицилии — по мере претворения этих идей в жизнь создаются национальные идентичности — отнюдь «не внутренние психологические состояния», а формы социальной жизни, «также представляющие собой идеологические творения» [Billig 1995: 25]. А заодно — формируются многие современные обыденные представления, порой кажущиеся нам «банальными и очевидными», но оказывающиеся «идеологическими конструкциями национализма»; в этом смысле «прекрасным примером служит идея языка» [Ibid.: 28]. При этом, что важно, степень лингвистической сохранности языка не играет никакой роли — на вооружение сторонниками национальной суверенности региона берутся не лингвистические реалии, а сам концепт языка, в крайнем случае социальная широта его распространения [Mongili 2007: 84–85].

Пример Сицилии красноречиво подтверждает правоту всех высказанных антропологами положений. Как показывает сицилийская эмпирика, как свидетельствуют результаты опросов, язык, в отличие от недавнего прошлого, сегодня активно фигурирует среди декларируемых сицилийцами этно- и национально объединяющих, культурных и политических, признаков их как общности, маркирующих их отличие от других групп итальянцев и подтверждающих их «самость». Взяв на вооружение слова антрополога А. Мажиа, описывающего сардинские реалии, подчеркнем, что в Сицилии «язык в настоящее время признан одним из самых важных диакритических знаков идентичности», на основе которого население конструирует понятие „свой“» [Мажиа 2021: 30].

Это подтверждает эволюция взглядов респондентов и разница в их ответах в ходе опросов 2010–2014 гг. и 2019 г. Если ранее тема *Sicilianu* никак не поднималась, то в последние годы представители всех слоев локального социума в националистическом порыве в первую очередь апеллируют к языку и, противопоставляя себя Италии и итальянцам, исходят из раз-

личий языка и культуры («у сицилийцев свои язык и культура»; «мы – носители другого языка» и т. д.). Однако при этом, по сравнению с прежними респондентами, требуя признания историко-культурной и лингвистической «самости» сицилийцев внешним миром и особенно — Италией, они всё меньше готовы довольствоваться расширением прав Сицилии как особого культурно-лингвистического региона и всё больше настаивают на ее государственной независимости. Этот факт подтверждает мысль историка М. Монтанари, подчеркивающего, что «идентичности не представляют собой ни метафизические реалии („дух народов“), ни что-то раз и навсегда закрепленное в генетическом наследии сообщества, но безостановочно модифицируются и постоянно меняют свои очертания и значения, гибко адаптируясь к новым ситуациям» [Montanari 2004: 154].

Источники и материалы

Алисова Т. Б., Челышева И. И. Романские языки // Языки мира. Романские языки / Т. Алисова, И. Челышева, Б. Нарумов и др. М.: Academia, 2001. С. 15–56.

ПМА — Полевые материалы автора. Опросы в Сицилии 2014–2019 гг. Опросная группа — 376 человек.

ПМА1 — Полевые материалы автора. Опросы в Сицилии 2014–2019 гг. (Народные кварталы Палермо, Катании, Мессины, Трапани, Рагузы, Агридженто). Опросная группа — 78 человек.

ПМА2 — Полевые материалы автора. Опросы в Сицилии 2014–2019 гг. Респондент — don Pedro Ribaudo (1946 г. р.).

Челышева 2001 — *Челышева И. И.* Итальянские диалекты // Языки мира. Романские языки. М.: Academia. С. 90–145.

Alfonzetti 2013 — *Alfonzetti G.* I giovani e il code-switching in Sicilia. Palermo: Csfls.

Al-Idrisi 2015 — *Al-Idrisi*. La Sicilia e il Mediterraneo nel Libro di Ruggero. Scicli: Libri Mediterranei.

Alighieri Dante 1948 — *Alighieri Dante*. De Vulgari Eloquentia. Firenze: F. Le Monnier.

Amari 2002 — *Amari M*. Storia dei Musulmani di Sicilia. Firenze: Le Monnier. Vv. II, III.

Associazione siciliana 2011 — Associazione siciliana arte e scienza // ASAS. Associazione siciliana arte e scienza di Messina. URL: https://associazioneasas.jimdofree.com/chi-siamo/ (дата обращения: 10.01.2021)

Avolio 1882 — *Avolio C*. Introduzione allo studio del dialetto siciliano. Noto: Ufficcio Tipografico di Fr. Zammit.

Azeglio 1867 — *Azeglio M*. d’. I miei ricordi. Firenze, G. Barbèra.

Bianca 2018 — *Bianca G*. Scuola, dal prossimo anno un'ora la settimana sarà dedicata alla lingua siciliana//La Sicilia. 18.05.2018. URL: https://www.lasicilia.it/news/cronaca/161630/scuola-dal-prossimo-anno-un-ora-la-settimana-sara-dedicata-alla-lingua-siciliana.html/. (дата обращения: 10.10.2021).

Berruto 1999 — *Berruto G*. La varietà del repertorio // Sobrero A. (a cura di). Introduzione all'italiano contemporaneo. Vol.1. La variazione e gli usi. Roma-Bari: Laterza. 1999. Pp. 37–90.

Buttitta 1982 — *Buttitta I*. Io faccio il poeta. Milano: Feltrinelli. 1982.

Calvaruso 1929 — Calvaruso G. M. 'U Baccàgghiu. Dizionario camparativo etimologico del gergo parlato dai bassifondi palermitani. Catania: Libreria Tirelli. 1929.

Carta europea — Carta europea delle lingue regionali o minoritarie. s. d. URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007bf44/. (дата обращения: 10.10.2021).

Corsi gratuiti — Corsi gratuiti di lingua siciliana per scoprire il dialetto// Balarm. 26.08.2013. URL — https://www.balarm.it/news/formazione/corsi-gratuiti-di-lingua-siciliana-per-scoprire-il-dialetto-11708 (дата обращения: 10.10.2021).

Corso di lingua siciliana — Corso di lingua siciliana // UniPalermo. 2016, 2020. URL: https://www.unipa.it/cerca.html?query=%22dialetto%22&searchMacro=argomenti&ruolotype=Dipartimenti&ruolopagequery=. (дата обращения: 10.10.2021).

Costantino 2017 — *Costantino A*. Soffitto della Cappella Palatina nelle favole di Ibn Zafar, scrittore arabo-siciliano del XII secolo. Palermo: Antonino Costantino ed. 2017.

Costituzione della Repubblica Italiana 1972 — Costituzione della Repubblica Italiana // Manuale per i deputati. Assemblea Regionale siciliana. Palermo: A. Renna.1972.

Dialetto — Dialetto // Enciclopedia Treccani. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/dialetto/

Etnologue. Languages — Etnologue. Languages of the World. s. d. URL: https://www.ethnologue.com/. (дата обращения: 10.10.2021).

Ferguson 1959 — *Ferguson C*. Diglossia // Word. 1959. 15 (2). P. 325–340.

Fishman 1967 — *Fishman J*. Bilingualism with and without diglossia; diglossia with and without bilingualism //Journal of Social Issues. 1967. 23(2). P. 29–38.

Fishman 1972 — *Fishman J*. Language and Nationalism. Rowley (MA): Newbury House. 1972.

Gazzetta Ufficiale 2005 — Gazzetta Ufficiale della Regione Siciliana// GUSRegioneSicilia.it. 1.07.2005. N.28. P. 1. Art. 2. URL: http://www.gurs.

regione.sicilia.it/Gazzette/g05–28s/g05–28s-p1.htm/. (дата обращения: 10.10.2021).
Ibn Giubayr 2007 — Ibn Giubayr. Viaggio in Sicilia. Messina: Edi.bi.si. 2007.
Il Siciliano sarà 2018 — Il Siciliano sarà materia scolastica aggiuntiva nelle scuole dell'Isola//Orizzontescuola.it. 27.08.2018. URL: https://www.orizzontescuola.it/il-siciliano-sara-materia-scolastica-aggiuntiva-nelle-scuole-dellisola/. (дата обращения: 10.10.2021).
Legge Regionale 1984 — Legge Regionale № 54 «Sull'attività del Centro di studi filologici e linguistici siciliani» del 21.08.1984 // Gazzetta Ufficiale Regione Siciliana. 25.08.1984.
Legge Regionale 2011 — Legge Regionale № 9 «Norme sulla promozione, valorizzazione e insegnamento della storia, della letteratura e del patrimonio linguistico siciliano nelle scuole» del 31.05.2011// Gazzetta Ufficiale Regione Siciliana. 3.06.2011. № 24.
Le parole siciliane 2021 — Le parole siciliane che meritano di essere usate più spesso//Siciliafan. 08.04.2021. URL: https://www.siciliafan.it/20-parole-siciliane-che-meritano-di-essere-usate-piu-spesso/.
Luna Mascolino 1920 — *Luna Mascolino E*. Is Sicilian a dialect or a language and why isn't there an answer for this question? // SicilianPost. 18.01.2020. URL: https://www.sicilianpost.it/en/is-sicilian-a-dialect-or-a-language-and-why-isnt-there-an-answer-for-this-question/. (дата обращения: 10.10.2021).
Magnano 2020 — *Magnano C*. Il Siculish, la lingua dei siciliani nei paesi anglofoni // La Civetta di Minerva. 04.02.2020. URL: https://www.lacivettapress.it/2020/02/04/il-siculish-la-lingua-dei-siciliani-nei-paesi-anglofoni/. (дата обращения: 10.10.2021).
Martinelli 2019 — *Martinelli A*. L'italiano e i suoi dialetti// Lingostan. 2019. URL: https://www.lingostan.com/it/lingua-italiana/italiano-e-dialetti.php/. (дата обращения: 10.10.2021).
Miliziano 2009 — *Miliziano M*. (a cura di). Io, Siciliano. Tra orgoglio e disincanto.Palermo: Officina Trinacria. 2009.
Moseley, Asher 1994 — *Moseley C., Asher R. E*. Atlas of the World's Languages. London & New York: Routledge. 1994: 249.
Musumeci 2021 — Musumeci «La Regione siciliana investe sulla cultura» //Tiscali Sicilia — Notizie.tiscali.it. 5.03.2021. URL: https://notizie.tiscali.it/regioni/sicilia/articoli/musumeci-regione-siciliana-investe-sulla-cultura-00001/. (дата обращения: 10.10.2021).
Nasce l'Accademia 2017 — Nasce l'Accademia della lingua Siciliana: un patrimonio da scoprire e preservare // I Nuovi Vespri. 21.02.2017. URL: https://www.inuovivespri.it/2017/02/21/nasce-laccademia-della-lingua-siciliana-un-patrimonio-da-scoprire-e-preservare/. (дата обращения: 10.10.2021).

O'Reilly 2001 — *O'Reilly C.C.* (eds.by). Language, Ethnicity and the State: Minority Languages in the European Union. London: Palgrave Macmillan. 2001.

Parole siciliane 2021 — Parole siciliane che bisogna per forza conoscere prima di arrivare in Sicilia//Siciliafan. 07.04.2021. URL: https://www.siciliafan.it/10-parole-siciliane-che-bisogna-conoscere-prima-di-arrivare-in-sicilia/. (дата обращения: 10.10.2021).

Portale 2018 — Portale S. I giochi in strada da riscoprire// Catania.italiani. 9.10.2018. URL: https://catania.italiani.it/scopricitta/i-giochi-in-strada-da-riscoprire/. (дата обращения: 10.10.2021).

Putzu, Ramat 2001 — *Putzu I., Ramat P*. Articles and quantifiers in the Mediterranean languages// Bisang W. (a cura di). Aspects of typology and universals. Studia typologica. Vol. 1. Berlino: Akademie Verlag. 2001. P. 99–132.

Scaglione 2015 — *Scaglione F*. Colloquialità e dialetto nella Palermo d'oggi // Marcato G. (a cura di). Dialetto parlato, scritto, trasmesso. Padova: CLEUP. 2015. P. 23–34.

Scaglione 2016 — *Scaglione* F. Il dialetto su Facebook. Identità, riflessioni (meta)linguistiche sulle pagine campanilistiche palermitane// Marcato G. (a cura di). Il dialetto nel tempo e nella storia. Padova: CLEUP. 2016. P. 523–535.

Sciascia 2007 — *Sciascia L*. Sicilia e sicilitudine // La corda pazza. Scrittori e cose della Sicilia. Milano: Adelphi. 2007. P. 11–18.

Turri 1944 — *Turri M. (Canepa* A.). La Sicilia ai siciliani. Catania: Battiato.1944.

Научная литература

Буттитта И. Э. 2019. Трапезы предков: аграрно-хтонические корни и постмодернистские переосмысления «столов Святого Иосифа» на Сицилии // Традиционная культура. № 3. С. 150–164.

Вайнрайх У. 1979. Языковые контакты. Киев: КГУ Вища школа.

Коряков Ю. Б. 2017. Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода // Вопросы языкознания. № 6. С. 79–101.

Комарова В. Н. 2021. Язык в контексте взаимоотношений государства и регионов в Италии: *casus* Сицилии // Этносоциум. № 5 (155). С. 110–118.

Кузумано А. 2021. Сицилия как часть Средиземноморья и ретикулярное пространство циркулирующих миграций // Этнография. № 1. С. 75–102.

Мажиа А. 2021. Языковая идентичность и языки идентичности (на примере острова Сардиния, Италия) // Вестник антропологии. № 3. С. 24–41.

Фаис О. Д. 2016. К вопросу об идентичности сицилийцев // Европа меньшинств — меньшинства в Европе. Этнокультурные, религиозные и языковые группы /под ред. Мартыновой М. Ю., Кабицкого М. Е. М.: ИЭА РАН. С. 271–301.
Фаис О. 2020. «Свои» и «чужие»: casus Сицилии в контексте современных миграционных процессов» // Этнография. № 4. С. 129–158.
Aglianò S. 1996. Che cos'è questa Sicilia? Palermo: Sellerio.
Aliotti A. 2014. L'immigrazione siciliana a Monterey in California e il suo retaggio // The Kennesaw Tower Undergraduate Foreign Language Research Jornal. Vol.6. Art.2. P. 1–17.
Angioni G. 1988. L'identità come fatto e come valore // Le autonomie etniche e speciali in Italia e nell'Europa mediterranea. Processi storici e istituzioni. Cagliari: Consiglio Regionale della Sardegna. P. 359–365.
Armao G. 2017. Premessa // Redimibile Sicilia: l'Autonomia dissipata e le opportunità della insularità. Sovaria Mannelli: Rubettino. P. 4–12.
Aubé P. 2006. Les empires Normands d'Orient. Paris: Perrin.
Aubé P. 2007. Ruggero II. Re di Sicilia, Calabria e Puglia. Un normanno nel Mediterraneo. Roma: Newton Compton.
Balduzzi G. 2014. Sondaggi politici Demos, indipendenza regioni: quanti gli italiani favorevoli//Termometro Politico. 10.11.2014. URL: https://www.termometropolitico.it/1146296_sondaggi-politici-indipendenza-regioni-italiani.html/. (дата обращения: 10.10.2021).
Barcella P. 2018. Percorsi leghisti. Dall'antimeridionalismo alla xenofobia // Meridiana. No 91. P. 95–119.
Bartalotta E. 2020. Le origini della lingua siciliana: dalle dominazioni di Elimi e Siculi fino all'Immigrazione in America/;/ Siciliafan. 11.08.2020. URL: https://www.siciliafan.it/origini-lingua-siciliana-dalle-dominazioni-elimi-siculi-allimmigrazione-in-america/. (дата обращения: 10.10.2021).
Basilio Randazzo. 1985. S. p. Sicilianità. Subcultura, tradizioni, ethos e comportamenti, tendenzialità. Palermo: EDI Oftes.
Battaglia A. 2015. Il Separatismo siciliano. I documenti militari. Roma: Nuova Cultura.
Bein R. 2017. Legislacion sobre lenguas en la Argentina. Manual para docents. (Proyecto UBACyT 2011–2017 «El derecho y la palabra: perspectiva glotopolitica de las desigualdades/diferencias»// Linguasur.com.ar. URL: https://linguasur.com.ar/panel/archivos/8e7b4dd361b63f707ab820a8c595f447manual-para-docentes.pdf. (дата обращения: 10.10.2021).
Beszterda I. 2011. Lingua e dialetto nella conversazione // Romanica Cracoviensia vol. 11. P. 21–31.
Billig M. 1995. Banal Nationalism. London: Sage.
Billitteri D. 2003a. Homo Panormitanus, cronaca di un'estinzione impossibile. Palermo: Sigma.

Billitteri D. 2003b. Femina Panormitana, ovvero l'arte del matriarcato occulto. Palermo: Sigma.
Bonner J. K. 2001. Introduction to Sicilian Grammar, Ottawa: Legas.
Buttitta A. 2006. Prefazione // Coria G. Profumi di Sicilia. Il libro della cucina siciliana. Catania: Vittorietti.
Caltagirone B. 2007. Note preliminari a un rilevamento dell'identità in Sardegna // Angioni G. (a cura di). Sardegna; seminario sull'identità, Cagliari CUEC/ ISRE. P. 29–35.
Caminiti L. 2018. Perché non possiamo non dirci «indipendentisti». Roma: DeriveApprodi.
Cane C. 1987. La Memoria Collettiva. Palermo: Centro Jatino di Studi e Promozione Sociale «Nicolò Barbato» (Partinico).
Caracausi G. 1983. Arabismi medievali in Sicilia. Palermo: Centro di studi filologici e linguistici siciliani.
Caracausi G. 1987–1988. I documenti medievali siciliani in lingua araba // Journal of Maltese Studies. № 17–18. P. 13–26.
Carbone F. 1990. Godranopoli. Palermo: STASS.
Carnevale N. C. 2009. A New Language, A New World: Italian Immigrants in the United States, 1890–1945. Illinois: University of Illinois Press.
Cimino M. 2018. Storia del separatismo siciliano. 1943–1947. Roma: Edizioni dell'Asino.
Cipolla G. 2004. „U sicilianu è na lingua o un dialettu? // Arba Sicula, XXV (1&2).
Clyne M. 2003. Dynamics of language contact: English and immigrant languages. Cambridge: Cambridge University Press.
Coletti V. 2006. Parole dal pulpito. Chiesa e movimenti religiosi tra latino e volgare nell'Italia del Medioevo e del Rinascimento. Milano: CUSL.
Coronavirus, nuova ordinanza 2020 — Coronavirus, nuova ordinanza del Presidente della Regione, Nello Musumeci, per limitare il contagio//Comune. erice.tp.it. 24.10.2020. URL: https://www.comune.erice.tp.it/it/news/ coronavirus-nuova-ordinanza-del-presidente-della-re-3df766ba-5cb8–46f4-af80-b9e1a2df7182.
Costa M. 2009. Lo statuto speciale della regione siciliana. Un'autonomia tradita? Commento storico, giuridico ed economico allo statuto speciale. Palermo: Herbita.
Crociata M. A. 2011. Sicilia nella Storia. Palermo: Flaccovio. No 3. P. 10–11.
Cusumano A. 2020. Per fili e per segni. Un percorso di ricerca. Palermo: Museo Marionette A. Pasqualino.
De Mauro T. 1963. Storia linguistica dell'Italia unita. Roma — Bari: Laterza.
De Mauro T. 2014. In Europa son già 103. Troppe lingue per una democrazia? Roma — Bari: Laterza.
Devoto G., Giacomelli G. 1972. I dialetti delle regioni d'Italia. Firenze: Sansoni.

Di Paola G. 2019. Ideologia sicilianista, siclianismo. Sicvilitudine di Salvatore Vaiana // Siciliafan. 07.09.2019. URL: https://www.siciliafan.it/ideologia-sicilianista-sicilianismo-sicilitudine-salvatore-vaiana/.
Edwards J. 1985. Language, Society and Identity. Oxford: Basil Blackwell.
Edwards J. 1991. Gaelic in Nova Scotia // Linguistic Minorities, Society and Territory (Ed. by C. H. Williams). Clevedon: Multilingual Matters.
Edwards J. 2009. Language and identity: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press.
Fabietti U. 1995. L'identità etnica. Roma: La nuova Italia scientifica.
Famoso N. (a cura di). 2016. Le nuove vie del turismo in Sicilia. Roma: A&G.
Ferrara O. 2013. Memorie di guerra. Roma: IBN.
Finkelstein M. S. 1998. Separatism, the Allies and the Mafia: The Struggle for Sicilian Independence, 1943–1948. Bethlehem: Lehigh University Press.
Fishman J. A., Fishman A. 1989. Language & Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective. Clevedon: Multilingual Matters.
Fishman J. A. 1991. Language and Ethnicity. Amsterdam & Philadelphia: Benjamins Pub. Co.
Gabaccia D. 1949. Militants and Migrants: Rural Sicilians become American Workers. London: Rutgers University Press.
Gellner E. 1993. Nations and Nationalism. Oxford: Basil Blackwell.
Ginsborg P. 2001. La società italiana, 1945–2000 // Cassese S. (a cura di). Ritratto dell'Italia. Roma — Bari: Laterza.
Giunta F. 1996. Sicilia, Siciliani, „sicilitudine"// Bresc H., Bresc-Bautier G. Palermo 1070–1492. Mosaico di popoli, nazione ribelle: l'origine della identità siciliana. Soveria Mannelli (Cz): Rubbettino.
Granata F. 2020. Siciliano per cultura. Roma — Acireale: Bonanno.
Guglielmi S. 2010. Minoranza linguistica, identità territoriale ed etnonazionalismo: il caso friulano// Polis. 2. P. 225–256.
Guglielmino S. 2021. Microcosmo Sicilia. Soveria Mannelli: Rubbettino.
Haugen E. 1966. Dialect, language, nation //American Anthropologist. 68. P. 922–935.
Houben H. 1999. Ruggero II di Sicilia. Un sovrano tra Oriente e Occidente. Roma-Bari: Laterza.
Houben H. 2009. Federico II. Imperatore, uomo, mito. Milano: Il Mulino.
Hull G. 2001. Polyglot Italy: Languages, Dialects, Peoples, Ottawa: Legas.
Lambert J. 2018. A multitude of 'lishes': The nomenclature of hybridity // English World-wide. 39(1). P. 1–33.
La Rosa S. 2018. Dalla passione di tre studiosi è nata la Learn Sicilia, la web app per chi vuole imparare il siciliano // Storie di chi 13.06.2018. URL: http://storiedichi.com/learn-sicilian/.
Licata G. 1965. Le origini del fascismo in Sicilia //Aevum. A. 39. F. 1/2. P. 164–171.

Lombardo E. 2017. La riscoperta del *Siculish* per rivendicare l'identità // La Repubblica. 05.04.2017. URL: https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2017/05/04/la-riscoperta-del-siculish-per-rivendicare-lidentitaPalermo07.html. (дата обращения: 10.10.2021).
Lo Piccolo A. 2018. Il movimento separatista siciliano//Storico.org. Settembre URL: http://www.storico.org/seconda_guerra_mondiale/movimentoseparatista_siciliano.html./. (дата обращения: 10.10.2021).
Manenti F. 2019. «Non si affitta ai meridionali», finalmente qualcuno l'ha (ri) detto//Ilfattoquotidiano. 14.09.2019. URL: https://www.ilfattoquotidiano.it/2019/09/14/non-si-affitta-ai-meridionali-finalmente-qualcuno-lha-ridetto/5452913/. (дата обращения: 10.10.2021).
Marino G. C. 1979. Storia del Separatismo Siciliano. Roma: Editori Riuniti.
Mercuri M. 2019. Dalla Libia all'Italia. Tutte le incognite della questione migratoria// Dialoghi Mediterranei. N.38. URL: http://www.istitutoeuroarabo.it/DM/dalla-libia-allitalia-tutte-le-incognite-della-questione-migratoria/. (дата обращения: 10.10.2021).
Migliorini B., Baldelli I. 1964. Breve storia della lingua italiana. Firenze: Sansoni.
Mongili A. 2007. Qualche approfondimento interpretativo // Oppo A. (a cura di). Le lingue dei sardi. Una ricerca sociolinguistica. P. 83–94. Cagliari: Regione autonoma della Sardegna.
Montanari M. 2004. Il cibo come cultura. Roma-Bari: Laterza.
Musumeci S. 2005. Tra separatismo ed autonomia: il Movimento per l'Indipendenza della Sicilia. Messina: Siciliano.
Naji I., David M. K. 2003. Markers of ethnic identity: focus on the Malaysian Tamil community // International Journal of the Sociology of Language. P. 91–102.
Nasce il movimento autonomista Siciliani Liberi 2016 // Giornale di Sicilia. 4.01.2016.
Nasce Sicilia Nazione, soggetto fondato dall'ex assessore Armao 2015 // Giornale di Sicilia. 30.03.2015.
Oppo A., Perra S. 2008. Lingua delle donne? Ragazze e ragazzi fra italiano e dialetti// Lavinio C., Lanero G. (a cura di). Dimmi come parli… Indagine sugli usi linguistici giovanili in Sardegna Cagliari: Cuec. P. 155–172.
Pasolini P. P. 1964. Nuove Questioni Linguistiche// Parlangèli O. (a cura di). La Nuova Questione della Lingua. Brescia: Paideia.
Paternostro G. 2013. Discorso, interazione, identità. Studiare il parlato attraverso i parlanti. Frankfurt am Main: Peter Lang.
Paternostro G., Sottile R. 2020. Il siciliano è una lingua o un dialetto? Riflessioni utili su una domanda inutile // Dialoghi Mediterranei. 1.07.2020. N.44. URL: http://www.istitutoeuroarabo.it/DM/il-siciliano-e-una-lingua-o-

un-dialetto-riflessioni-utili-su-una-domanda-inutile/. (дата обращения: 10.10.2021).
Pecorari A. 2016/2017. L'integrazione linguistica degli emigranti italiani in Argentina e nel Rio Grande do Sul // Corso di studio in Lingua e cultura italiane per stranieri. Suola di lingue e letterature, traduzione e interpretazione. Università di Bologna. Bologna: University Press. URL: https://www.fhuc.unl.edu.ar/portalgringo/crear/gringa/itininerarios/pdf/tesis_pecorari.pdf. (дата обращения: 10.10.2021).
Pérez W. V., Fishman J. A., Chávez R. 2006. Developing Minority Language Resources: The Case of Spanish in California. Clevedon: Multilingual Matters.
Petrotta F. 2006. La Repubblica contadina del 1945. Palermo: La Zisa.
Posner R., Green J. N. (ed.). 2011. Bilingualism and Linguistic Conflict in Romance. Berlin: Walter de Gruyter.
Prifti E. 2017. Americanismi d'Italia, italianismi d'America. Cenni sulle tracce lessicali della Grande Emigrazione// Testi e linguaggi. No 11. P. 183–196.
Privitera J. F. 2004. Sicilian: The oldest romance language. Ottawa (ON): Legas.
Raffaelli S. 1983. Le parole proibite. Purismo di Stato e regolamentazione della pubblicità in Italia (1812–1945), Bologna: Il Mulino.
Renda F. 1989. L'emigrazione in Sicilia, 1652–1961. Caltanissetta: Sciascia.
Rizzitano U. 1975. Storia e cultura nella Sicilia saracena. Palermo: Flaccovio.
Rocco B. 1995. Le tre lingue usate dagli ebrei in Sicilia dal sec. XII al sec. XV // Italia Judaica. Gli ebrei in Sicilia sino all'espulsione del 1492. Roma: Ministero per I beni culturali ed ambientali. P. 354–369.
Ruffino G. 2013. Il Centro di studi filologici e linguistici siciliani // Ruffino G. (a cura di). Lingue e culture in Sicilia. V. II. Palermo: CSFLS. P. 1411–1419.
Ruffino G. 2018. Introduzione allo studio della Sicilia linguistica. Palermo: Centro Studi Filologici e Linguistici Siciliani.
Sabatini F. 2014. La „Grande Guerra" e gli italiani nella trincea della lingua // Accademia della Crusca. 06.03.2014. URL: https://accademiadellacrusca.it/it/contenuti/la-grande-guerra-e-gli-italiani-nella-trincea-della-lingua/7376. (дата обращения: 10.10.2021)
Santaromita Villa A. 2010. Frammenti di cultura popolare. Brolo (Me): Armenio.
Santoro P. 2020. Il Siciliano come strumento dell'Intercomprensione: una proposta di integrazione didattica e culturale // Silva R. C., Degache C. (Ed.). Atlas do II Congresso Internacional DIPROling2019: Línguas em trânsito: desafios e perspectivas para professores e formadores. Casmpinas: Universidade Estadual de Campinas.

Segatti P., Guglielmi S. 2015. Identità regionali e varietà linguistiche in Friuli Venezia Giulia e Sardegna // L'Italia e le sue regioni (a cura di Salvati M., Sciolla L.). Vol I. Istituzioni. Roma: Enciclopedia Treccani. P. 281–289.
Sicilia Nello Musumeci proclamato presidente della Regione / TGCOM.mediaset.it. 18.11.2017. URL: https://www.tgcom24.mediaset.it/politica/sicilia-nello-musumeci-proclamato-presidente-della-regione_3107191–201702a.shtml.
Siculish: quando perfino l'inglese si arrende al siciliano! // Siciliafan. 26.03.2019. URL: https://www.siciliafan.it/siculish/. (дата обращения: 10.10.2021)
Simonsohn S. 2011. Tra Scilla e Cariddi. Storia degli ebrei in Sicilia. Roma: Viella.
Stefancic M. 2018. Italia: Sulle lingue minoritarie passi ancora da fare// Affarinternazionali. 24.08.2018. URL: https://www.affarinternazionali.it/2018/08/italia-tutela-lingue-minoritarie/].
Tropea G. 1957. Americanismi in Sicilia // Lingua Nostra. 18.3. P. 82–85.
Trovato S. C. 2002. La Sicilia // I dialetti italiani. Storia, struttura, uso. (a cura di Corttellazzo M., Marcato C. et al.). Torino: UTET. P. 834–897.
Trovato S. C., Valenti I. 2013. Lingua e storia // Lingue e culture in Sicilia (a cura di G. Ruffino). V. I. Palermo: Centro di Studi Filologici e Linguistici Siciliani.
Valenti I. 2015. Fatti di interferenza linguistica e culturale. Leonforte (EN): Euno Edizioni. V. 1.
Varvaro A. 1974. Problematica dei normannismi del siciliano // Atti del Congresso Internazionale di studi sulla Sicilia Normannna (Palermo, 4–8 dicembre 1972). Palermo: Ist. Di Storia medievale dell'Università. P. 360–372.
Varvaro A. 1981. Lingua e storia in Sicilia. Palermo: Sellerio.
Varvaro A. 1984. La parola nel tempo. Lingua, società e storia. Bologna: Il Mulino.
Varvaro A., Sornicola R. 2008. Considerazioni sul multilinguismo in Sicilia e a Napoli nel primo Medioevo // Bollettino Linguistico campano. N.13/14. P. 49–66.
Vecchio S. 2013. Da lingua a dialetto. Percorsi dell'ideologia linguistica in Sicilia // Lingue e culture in Sicilia, vol. II, Ruffino G. (a cura di). P. 1306–1329. Palermo: Centro di studi filologici e linguistici Siciliani.
Wichmann S. 2019. How to Distinguish Languages and Dialects // Computational Linguistics. October. 45(3). P. 1–10.

Глава 9. ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЯЗЫКИ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ОСТРОВЕ САРДИНИЯ

Расшифровывая механизмы авторепрезентации идентичности жителями Сардинии и, соответственно, выявляя скрытые в данном понятии функции, фокус особого внимания сосредоточим на сардинском языке. Через посредство этого идиома попытаемся обнажить механизмы искусственного конструирования идентичности и представить актуальные интерпретации сардинской идентичности, проанализировав ее взаимосвязь с местным языком. Работа основана на результатах этнологического исследования, проведенного в одном из регионов внутренней Сардинии в 2019–2020 гг. Материал собирался методом интервьюирования сардинцев и включенного наблюдения в их среде, в результате чего были получены и затем проанализированы сведения, отражающие состояние сардинского языка, уровень его сохранности и особенности использования населением острова в различных сферах жизни. Данные, полученные в ходе собственного полевого исследования, сравниваются с фактами двух более ранних масштабных исследований: социолингвистического опроса, проведенного в 2007 г. в Сардинии сотрудниками университетов Кальяри и Сассари, а также с итоговыми результатами мега-опроса по миноритарным языкам, осуществленного Европейским Союзом в 1996 г. во многих странах, в том числе и в Италии. Сравнительно-сопоставительный подход с использованием данных разных лет позволяет оценить культурные и социолингвистические тенденции и изменения в регионе, произошедшие в течение последнего времени.

Языковая идентичность

Нет необходимости оценивать степень важности той роли, которую язык играет в жизни каждой общности, представляя собой средство коммуникации и ее консолидации. Но одновременно он выполняет особую функцию в сфере коллективного сознания, что многократно отмечали исследователи [Edwards 2009; Edwards 1985, 1991, 1992, 1993; Fishman 1972; Gudykunst and Ting-Toomey 1990; Billig]. Язык является формообразующим элементом идентичности и маркером самосознания ее представителей. Именно этими факторами обусловлено наше обращение к феномену сардинского языка, его современному состоянию и его эмическому виде-

нию населением, но наряду с этим — и тем обстоятельством, что позиции данного идиома в сардинском социуме в последние годы всё более редуцируются, и из полноценного языка в недавнем прошлом он превращается в своего рода социолект, узус которого ограничен преимущественно домашней сферой.

В качестве рабочей гипотезы исследования принято наше предположение, что, вопреки оптимистическим утверждениям многих ученых, сардинский язык в настоящее время продолжает размываться и утрачивать активные позиции не только в городах и крупных центрах, но и в небольших населенных пунктах — объектах нашего исследования, где еще недавно господство сардинского языка было незыблемым, что масштаб социальной сферы его употребления резко сокращается и он сохраняется как средство полноценного общения только в очень ограниченной среде. Одновременно в исследовании представлены и подвергнуты анализу концепции сардинской идентичности и осмысливается взаимосвязь идентичности и языка, а также «пути» реализации первой через посредство локального идиома.

Данная глава основана в первую очередь на результатах этнолингвистического исследования, проведенного в одном из районов «внутренней», горной Сардинии в 2019–2020 гг. В его ходе, путем опросов и включенного наблюдения, нами были получены и проанализированы материалы, освещающие уровень сохранения и применения родного языка местными жителями Сардинии в различных сферах их жизни. Помимо собственно полевого материала, нами использовались и резюмировались данные подробного социолингвистического обследования региона Сардиния, проведенного в 2007 г. университетами Кальяри и Сассари [Oppo 2007], а также итоговые результаты мега-опроса по состоянию миноритарных языков и степени владения ими, проведенного Европейским Союзом в 1996 г. в различных европейских регионах, в том числе в Сардинии [Nelde, Strubell, Williams 1996]. Собственно, сравнительно-сопоставительный подход с использованием этих данных и позволяет оценить культурные и социолингвистические тенденции и изменения в регионе, произошедшие в течение последних лет.

На первый взгляд полученные нами сведения кажутся несопоставимыми с более ранними материалами ни с формальной, ни с количественной точек зрения, поскольку они были получены вследствие обследования разных по охвату территорий и массивов опроса: пансардинское исследование Европейского Союза, равно как и проведенный университетами опрос, имели общерегиональный масштаб и затрагивали как сельскую, так и городскую среду, тогда как наше исследование ограничивалось значительно более скромным ареалом, поскольку охватывало всего лишь небольшой район центральной горной области Барбаджа, а именно — Барбаджу-ди-Бельви и Барбаджу Мандролисай, в частности, деревни Аритцо, Бельви, Гадони, Меана, Тонара, Дезуло. Однако, забегая вперед, отметим, что, хотя собран-

ные нами данные имеют отношение исключительно к сельской среде и небольшим поселениям, в которых проживает по несколько тысяч человек, они, похоже, вполне показательны и подтверждают рабочую гипотезу.

Отметим особенности нашего метода работы, вытекающие из специфики объекта анализа. В ходе исследования мы прибегали преимущественно к интервью в свободной форме или к непринужденным, произвольным беседам с представителями разных социальных слоев при различных обстоятельствах и контекстах (а многие почерпнутые факты были и вовсе невольно подслушаны из чужих разговоров). Полученный материал является ценным, аутентичным и интересным с научной точки зрения, равно как и репрезентативным с точки зрения отображения тенденций современной социолингвистической реальности, хотя бы потому что позволяет взглянуть на нее с эмической позиции, то есть «изнутри».

Кроме того, проведение исследования в процессе обычной повседневной жизни совместной с респондентами, в ходе различных бытовых ситуаций, а также неформальный метод включенного наблюдения минимизируют риск отказа собеседников отвечать, а также позволяют избежать возможной формализации, условности и неестественности их ответов, которые могло бы вызвать применение формализованной анкеты, особенно в таком «закрытом» и традиционно ригидном регионе, как Сардиния и особенно ее горные районы.

Уместно в этой связи напомнить, что вся область Барбаджа в целом, особенно ее центральный горный массив, исторически существует в режиме «интровертности», изоляции от центральной власти, и что бытование там до сих пор многих форм традиционности (норм обычного права, реликтов кровной мести, конфронтации локальной этики и этики государственной, отторжения всех форм внешнего «казенного» давления на население) неизбежно порождает недоверие к любому проявлению официальности, будь то опрос или полицейская проверка. Таким образом, использовавшийся нами с учетом локальных реалий исследовательский метод должен был оказаться и оказался более действенным и полезным при опросе больших групп населения, чем применение формализованного опросника или научных анкет, которые в соответствии и в контексте прошлого исторического опыта и стандартного мышления респондентов неизбежно ассоциируются у них, например, с полицейскими протоколами[36].

---

[36] Кроме того, как показал наш более ранний опыт работы, ответы опрашиваемых на «принудительные» вопросы формализованной анкеты чаще пронизаны неуверенностью и сомнением («я не знаю, прав ли я, но…»; «может быть, я ошибаюсь…»; «возможно, ты не согласишься …»; «может случиться так, что я неправильно понял …» и т. д.). С одной стороны, респондент, очевидно, пытается уйти от прямого, точного ответа, с другой — он как будто желает расположить к себе спрашивающего, ищет его одобрения и стремится оправдать его ожидания.

Результаты социолингвистического исследования 2007 г. [Oppo 2007], на которые мы опираемся, апеллируют к еще более раннему отчету 1996 г. о состоянии сардинского как идиома языкового меньшинства, в котором уже тогда звучала мысль, что в Сардинии «существует опасность вымирания языка» [Nelde, Strubell, Williams 1996: 17]. При сравнении с его данными университетское социолингвистическое обследование 2007 г. подтверждает стремительное ухудшение фактического положения сардинского языка. Исследователями, в частности, отмечается, что сардинский язык в оценке его носителей почти полностью утратил сколь-либо существенную «престижность» и «значимость», а также — что он используется людьми не постоянно, а преимущественно ситуационно — например, в процессе совместного труда, на рабочих местах, а также в домашней обстановке. Но даже дома, в узком кругу, при общении друзей и родственников, на сардинском говорят в четко определенных контекстах и в достаточно ограниченных ситуациях — только при обсуждении очень личных, сугубо семейных проблем, на крестинах, свадьбах, похоронах.

Кроме того, респондентами констатировалось, что сардинский больше не продвигается органами публичной власти и образовательными учреждениями в той мере, в какой это происходило в течение короткого периода времени, охватывавшего 80-е и 90-е гг. XX в. В то десятилетие местные законы автономной области Сардиния предписывали популяризировать сардинский, преподавать его в школах и использовать в качестве официального языка в учреждениях (отметим, что лишь в единичных случаях эти законы получили практическую реализацию) [Marongiu 2019: 202]. Также подчеркивалось, что на начало XXI в. сардинский язык практически выведен из официального употребления и что он находится в состоянии упадка.

Еще более очевидным доказательством кризиса языка является тот факт, что даже те респонденты, которые утверждали, что хорошо им владеют, предпочитают не говорить на сардинском в присутственных и общественных местах. По заключению составителей итогового документа, «единственный положительный момент при оценке нынешнего состояния сардинского языка заключается в том, что его носители обеспокоены ситуацией с сардинским языком, так как сильно привязаны к нему на эмоциональном уровне и связывают его со своей идентичностью» [Oppo 2007: 5].

Добавим, что в отчете 1996 г. [Nelde, Strubell, Williams 1996] утверждалось, что активно сардинский язык используют, в основном, пожилые мужчины, не имеющие высшего образования, принадлежащие к наименее привилегированным классам общества и проживающие в маленьких агрогородках и сельских населенных пунктах. Отмечалось, что подобное положение вещей обусловлено массовым распространением билингвизма и иерархичностью социально-лингвистической значимости отдельных

языков Италии для населения. итальянский язык интерпретировался как язык официального узуса, предназначенный для продвижения по карьерной лестнице и интеграции в общество; сардинский — как язык общения с определенной («своей») группой и идентификации с ней, осознанно служащий целям консолидации и декларирования внутригрупповой солидарности. Отмечалось также, что корреляция между языком и идентичностью начинает давать трещину, и что «обесценивание культуры» происходит из-за лингвистического обесценивания. В общем, результаты отчета 1996 г. о будущем сардинского языка уже были весьма неутешительны: представители Европейского Союза классифицировали его как язык, который «подлежит защите и требует помощи в развитии».

Более того, отмечалось, что аналогичные процессы касаются и остальных идиомов Сардинии: табаркино Карлофорте, имеющего лигурийское происхождение; каталанского Альгеро; турританского Сассари, относящегося к диалектам тосканской группы, и галлурского, представляющего собой корсиканский идиом. Как уже говорилось выше, исследование 2007 г. подтвердило эту тенденцию. Использование итальянского языка в общении с иностранцами или «чужими» становится общей нормой, а процент тех, кто обращается к местному идиому, уменьшается и имеет ярко выраженную социальную маркировку: как было сказано выше, речь идет о мужчинах с низкой квалификацией, занятых физическим трудом, в большинстве своем проживающих в небольших муниципалитетах.

В общественных заведениях и публичных местах (магазинах, барах, на рынках и т. д.) уже преимущественно используется итальянский язык. Его же всё чаще выбирают при неформальном общении даже представители вышеуказанных категорий говорящих, если предполагается более или менее общественный контекст. Наконец, в школе, церкви и в офисах именно итальянский используется как предпочтительный и более престижный лингвистический код. К сардинскому языку прибегают, когда нужно выразить сильные и неконтролируемые эмоции, как для одобрения, так и для угроз и брани, ярости или юмора. В этих случаях местный идиом имеет преимущество перед итальянским языком или используется вместо него. В других коммуникативных ситуациях, например, для поздравлений или соболезнований, всё зависит от пола и социального статуса говорящего, то есть сардинский будет использоваться всё той же группой (мужчины, невысокий уровень образования, низший класс, ручная работа, небольшие сообщества и т. д.). Более четкой представляется картина в интроспективных или одиночных речевых актах, таких как размышление про себя и подсчет в уме, где предпочитаемым языком становится итальянский, в то время как мужчины с низким уровнем образования и рабочей квалификацией, преимущественно пожилого возраста, обращаются к местному языку, для которых он является первым.

Конечно, это общие тенденции, потому что реальное положение вещей требует более четких формулировок и предполагает большее разнообразие нюансов. У молодого поколения знакомство с местным языком происходит, как правило, в семье: ему учат родители, а самых младших — бабушки. Общение с товарищами и с одноклассниками играет важную роль в ситуации, когда нет возможности освоить местный язык в семье, т. к. дома все говорят по-итальянски. Лишь небольшое количество сардинцев (около 20%) не знает сардинского языка, потому что в семье была сделана сознательная установка не говорить на «диалекте», который «малопригоден для жизни». При этом у большинства молодых двуязычных людей первым языком является итальянский. Юношей и девушек, выучивших в качестве первого языка местный его вариант, гораздо меньше и это всегда те, чьи родители говорят друг с другом на сардинском языке. При анализе социального статуса семей наблюдаются те же тенденции, что закономерны у старших поколений, то есть на сардинском языке говорят дети, родители которых имеют средний или низкий уровень образования и проживают в сельской местности, а не дети родителей с дипломами или учеными степенями, живущие в более-менее крупных городах. Следует также добавить, что детьми сардинский язык используется меньше, чем во взрослом мире, сфера его применения ограничена семьей, товарищами по играм и одноклассниками.

С одной стороны, позитивными тенденциями стоит считать заинтересованное восприятие языка самими носителями, что подтверждается и нашим исследованием. Широко распространена идея о том, что сардинский язык следует продвигать, потому что он является «важным и поддерживающим элементом нашей идентичности», или из-за его эстетической ценности, «потому что он красив», «музыкален», потому что это «древний язык» и т. д. Лишь меньшинство жителей Сардинии высказывает отрицательное суждение о нем. По их мнению, сформулированному М. Л. Вагнером, не стоит сохранять или оживлять этот «вымирающий» и «бедный язык пастухов и крестьян» [Paulis 1996: 30], потому что он «бесполезен для современной жизни», «неспособен выразить и передать всю сложность сегодняшней реальности» и т. д.

Контексты, в которых, как считается, следует благоприятствовать распространению языка, определяются чаще всего как семья и школа, в меньшей степени — как институциональная сфера, например, государственное управление. Здесь наблюдается антиномия между реальным поведением, переживаемым опытом и заявленными намерениями, «верой в язык». Фактически, более используемый языковой код, даже в контексте первой социализации, то есть в семейном кругу, — это итальянский язык, а, значит, позитивные суждения о ценности сардинского языка — дань некой ностальгии и способ самоубеждения. Еще больше вопросов и противодей-

ствий вызывает использование сардинского языка как вспомогательного вместо итальянского в школе для преподавания всех предметов, а не только истории. Такое отношение ясно показывает, как итальянский язык поддерживает свой статус языка «высокой культуры».

Исходя из этой сложной языковой картины, можно сделать некоторые убедительные выводы. Очевидно, что сардинский язык находится в состоянии упадка и, кажется, всё меньше используется даже в среде низших классов, в сельской местности, не говоря уже о более высокообразованном обществе [Mongili 2007: 84–85].

Этот феномен объясняется неравным статусом языков и их социального престижа. На самом деле у сардинского языка нет настоящего официального статуса: он не используется в школах или органами управления, церковью или политиками. Заметна в некоторой мере его дискриминация, т. к. только у итальянского языка есть высокий уровень престижа, тогда как сардинский занимает в иерархии социальных взаимоотношений ступень пониже: его роль — семейные и дружеские связи. Но и в этих сферах продолжается разрушительное воздействие итальянского языка, он уже доминирует в общении между супругами, а также между родителями и детьми. Это означает, что итальянский язык, то есть язык вторичной социализации (язык школ, контор, церкви, культурных организаций, собраний политических партий и т. д.), определенно вторгся в сферу первичной социализации и образования, отобрав у сардинского даже его роль языка общения в семье. Итальянский язык стал лингвистическим кодом «большего престижа и полезности», языком социальной мобильности. Престижный язык вызывает определенные ожидания в плане продвижения в иерархии общества, потому что его использование является маркером социального положения личности [Там же].

У сардинского языка настолько низкий социальный статус, что говорящий даже может подвергнуться стигматизации. Тенденция к использованию только итальянского языка в общении с детьми, которая наблюдается у более молодых родителей, показывает, насколько скомпрометированы механизмы передачи сардинского языка из поколения в поколение. Более того, противодействие использованию сардинского языка вместо итальянского для преподавания многих учебных предметов свидетельствует о желании сохранить сардинский язык лишь в качестве диалекта [Lupinu 2007: 96–97], чтобы в школе он играл только вспомогательную роль, по сравнению с итальянским. Запутанность языковой ситуации на Сардинии проявляется в противоречивом отношении большинства сардинцев к своему собственному языку, который они любят и воспринимают как идиому идентичности, но на самом деле считают диалектом, то есть как бы рассматривают его как нечто вторичное и зависимое от итальянского языка.

Несмотря на данное противоречие или, возможно, именно из-за плохо скрываемого убеждения в его вторичности, сардинский язык большее число жителей знает и понимает, чем использует. В области его кодификации существует много теоретических размышлений, но так и не достигнуто единое стандартное решение для транскрипции. Сейчас этот язык находится скорее в фазе, когда высокий стиль используется чаще в неформальной и разговорной речи, чем в диглоссии. Этот язык жестко связан с определенным местом проживания и употребляется в функциональных сферах, определяемых самими говорящими. Однако, благодаря некоторым манипуляциям с выстраиванием идентичности, неожиданно и, казалось бы, вопреки логике изложенных выше обстоятельств в настоящее время он признан одним из самых важных диакритических знаков идентичности сардинцев, одной из культурных черт, по которой они узнают друг друга и на основе которой конструируют понятие «свой».

Вместе с тем, ничего необычного в этом нет, поскольку в кажущемся противоречии на самом деле наиболее очевидно представлены все признаки сущности идентичности, которые складываются из «нарезок и сборных частей» или даже из «лохмотьев и заплат», как говорит Ф. Ремотти, «выдающих отсутствие органичности и связности, но скрытых с более или менее тонким искусством» [Remotti 2010: 22].

Языки идентичности

Еще одна цель нашего исследования — расшифровать механизмы авторепрезентации идентичности на Сардинии и, соответственно, выявить скрытые в ней функции. Теоретической основой анализа послужили идеи интерпретации культуры и идентичности Ж.-Л. Амзеля. Ученый противопоставляет «метисовскую логику» методу «этнологического разума», стремящегося классифицировать и каталогизировать такие категории, как этнические группы и культуры. в реальности это этнографические условности, которые часто рассматриваются как нечто исключительное и не связанное друг с другом.

Данному методу изучения отдельных элементов противопоставлен подход, который делает акцент на универсальности культур, на их «нечеткости или изначальном синкретизме» [Amselle 1999: 9–10], «смеси, которую сложно разложить на отдельные части» [там же: 248], так как они связаны самыми настоящими неразрывными узами. Из этого можно сделать вывод, что понятия этноса, культуры и идентичности являются историческими категориями, то есть культурными конструктами или изобретениями. Если их внимательно проанализировать, раскроются любопытные процессы манипуляции, объективации и эссенциализации. То есть станет ясна условность понятий этнической принадлежности и идентичности, по-

кажется иллюзорной идея классифицировать этнические группы как онтологически дифференцированные и несвязанные между собой единицы, а этническую идентичность — как нечто четко очерченное и сложившееся [Fabietti 1995: 60–64; Remotti 2010: 36–37].

Результатом этого теоретического и эпистемологического переосмысления является вывод, что этнические группы больше нельзя рассматривать как замкнутые и противопоставленные один другому миры, и что этническая принадлежность является продуктом общественной договоренности различных групп, которые используют культурные различия, часто очень тонкие и почти незаметные, превращая их в неоспоримые этнические различия [Caltagirone 2000: 16].

Такие манипуляции могут иметь разные цели и санкционируются то политической властью, то самими антропологами, которые не застрахованы от «придания плоти и крови» некоторым своим идеям [там же: 16; Terray 1987: 19–31]. Иногда же (как мы увидим позже) это практикуется внутри самих сообществ не без помощи местных интеллектуалов, у которых всегда есть свое видение местной идентичности. Подобные размышления порождают оксюморон, т. е. объект, который действует, но парадоксальным образом не существует, призрак, становящийся телом, или чем-то «подобным самому себе». как это определяет Ф. Ремотти, имея в виду использование концепции идентичности, последняя постоянно «трактуется в признании ее функциональности, при этом мы действуем, исходя из того факта, что она действительно соответствует реальному объекту» [Remotti 2010: 34–36].

В данном исследовании предпринимается попытка обнажить механизмы искусственного конструирования идентичности, при помощи которого на Сардинии творцы этой идентичности скрывают «простое подобие самому себе» и превращают его в реальность [Там же; Remotti 1993: 113–124], таким образом объективизируя характеристики идентичности, которые ее внутренне структурируют: замкнутость, раздельность, определимость и, прежде всего, постоянство во времени. Особый интерес в данной связи представляют модули, с помощью которых идентичность ассимилируется с предметом, который по своему определению далек от переговоров, конкурентности имеющихся возможностей, и, в этом смысле, от постоянно надвигающихся рисков кризиса и исчезновения [Remotti 2010: 36].

Всюду, в том числе на Сардинии, понятие «идентичность» и обращение к корням стали актуальными в относительно недавнее время. Это произошло в 70-е и 80-е годы XX века, которые совпали с кризисом универсалистских или глобализационных перспектив. Именно на этом историческом этапе возник ряд требований политического характера: автономия острова и признание сардинцев в качестве особого культурно-языкового меньшинства (отчасти этому способствовала деятельность сардинских

партий сепаратистского характера). Такие требования получили поддержку, а идея возвращения к истокам мотивировала, оправдала и облагородила претензии. Эксперименты, направленные на восстановление «сардинской идентичности, попираемой итальянскими колонизаторами», в 1970-х годах позволили достичь прочного консенсуса, который развился вокруг движений «Su populu sardu» и «Sardigna natzione». Более того, это период, когда гуманитарные и социальные науки начали заниматься темой идентичности, появились многочисленные публикации, сделавшие идентичность широко распространенной и вездесущей концепцией.

С этого момента идея взаимозависимости идентичности и языка проникает повсюду, без разбора распространяется на все идеологические установки, способствует всеобщему согласию и на Сардинии обретает нынешнюю устоявшуюся формулировку, которая защищается и ценится в региональных нормативных источниках.

Конечно, актуальность вопросов идентичности не связана с причинами местного характера: хорошо известна связь между глобализацией и поисками этнической идентичности. Отрицательные последствия глобальной экономики и политики требуют в рамках многих культурных, политических и научных традиций размышления над неизбежными проблемами, касающимися управления ресурсами. На Сардинии, например, встает вопрос о защите общественных инстанций, развития территориальных структур до такой степени, что даже проекты по охране окружающей среды, например, по созданию национального парка Дженнардженту, отвергаются сильной оппозицией, потому что они считаются препятствием для самобытной пастушеской традиции. В таких условиях требуется также переосмысление идентичности как ресурса, который в моменты кризиса может быть экономически выгодным «для развития туризма, последнего фатального миража сардинцев» [Caltagirone 2000: 116].

Устранить фикции идентичности означает определить поле социальных сил, которые разрабатывают концепцию идентичности, и выявить риторические приемы, применяемые для убеждения в ее реальности. Необходимо задаться вопросом, кто и для чего создает идентичность? Какими средствами? На какие сегменты общественной структуры осуществляется воздействие? Какие символы используются для этой цели? [Faeta 2005: 81].

Группа, которая занимается конструированием идентичности на Сардинии, — это некий союз интеллектуальных сил, которые разработали свое видение истории и культуры острова. Следует отметить, что объединившиеся вокруг них личности не сильно отличаются от интеллектуалов, которые, по замечанию Ф. Фаеты, пытаются создать местные идентичности для Юга Италии на материке [Там же: 81–85]. Будучи, в основном, представителями левых политических течений, они берут на себя миссию рупора для выражения общественного недовольства и сильного негодования по по-

воду ущемленных прав жителей, обращаются к реальным потребностям в коллективной идентификации. В числе их требований — освобождение от воинской службы, развитие инфраструктуры (связи с полуостровом), официальное признание сардинского языка и его внедрение в школы, офисы и т. д. На самом деле, даже на Сардинии проблема идентичности не так уж волнует обездоленные группы населения [Там же]. Гораздо чаще можно услышать об этом от учителя, государственного служащего, мелкого предпринимателя, артиста фольклорного ансамбля, исполняющего традиционные танцы или песни, которых хватает в каждой островной деревне.

Без этнографического и антропологического описания сардинских интеллектуалов картина будет неполной. Как правило, к этой группе принадлежат работники образовательной сферы, местного управления, профсоюзов, разнообразные любители фольклора или представители свободных профессий: журналисты, издатели, небольшие предприниматели, туроператоры и т. д. Они оказывают влияние на некую «боевую группу», распространителей их идей и прочих преданных последователей, которые имеют различное социальное происхождение и невысокий по сравнению с лидерами уровень образования. Этот фронт подпитывается, в основном, из своих же ресурсов: публикаций, посвященных острову, трудов исторической, этнографической и археологической направленности.

За редким исключением, местные интеллектуалы, как правило, далеки от академических кругов и не имеют адекватных концептуальных инструментов для интерпретации реальности и проблем, связанных с этносом и идентичностью. Их знания по антропологии и этнологии ограничиваются самыми известными работами итальянских исследователей, но они игнорируют иностранные тексты и новейшие теории, что также приводит к формированию местного (регионального) фольклорного видения мира, ностальгии по миру, который местные интеллектуалы, в сущности, никогда не знали по-настоящему. Часто они становятся привилегированными и немного самодовольными посредниками для передачи краеведческих знаний, народных традиций, лингвистических и исторических данных различным внешним наблюдателям, журналистам и даже ученым, которым они транслируют свой собственный подход к толкованию фактов. Справедливо будет упомянуть еще одно наблюдение Ф. Фаэты, пусть даже сформулированное для других этнографических контекстов. Исследователь заметил, что местные интеллектуалы не всегда соглашаются с пришлым антропологом. Они публично отмежевываются от него, щеголяя мелочами, которые ускользнули бы, с их точки зрения, от внешнего взгляда, но которые зачастую не оставляют следов в памяти непосредственных носителей традиции [Faeta 2005: 85]. Хотя, с одной стороны, в этом видится доказательство их культурной ограниченности [Fabietti 1999: 107], всё это красноречиво свидетельствует о типичном механизме конструирования идентичности, когда

местная реальность формируется для собственного использования, а местная интеллигенция стремится стать ее эксклюзивным переводчиком.

Тот вариант идентичности, который представляют сегодняшние интеллектуалы Сардинии, чаще всего не опирается на конкретные данные, они больше склонны к теоретизированию, причем не всегда последовательному. Впрочем, последовательность — не самое главное для идентичности. Ничто на Сардинии не выявляет наличие каких-либо биологических предрассудков вроде: одна и та же кровь, одна и та же группа. Уместно отметить, что строго биологизированные оппозиционные настроения, как правило, не являются ключевыми, можно сказать, их практически нет. [Geertz 1999: 88]. То, что отличает сардинцев центральных областей от «меурреддос» Сульцис-Иглезиенте, — это этноним, с которым идентифицируются местные жители, предположительно берберского происхождения, мавританцы, изгнанные вандалами-германцами в свое время на Сардинию. Для их дифференциации важнее расстояния, а не биологический контекст. Исключительно важными могут стать и другие факторы, как мы увидим позднее.

Идентичность на Сардинии развивается в двух направлениях, показывающих нам всю сложность концепта этнической идентичности как таковой, в которой сосуществуют внутренние (эмические) и внешние (политические) аспекты: речь идет о сформулированных У. Фабиетти понятиях «переживаемой» и «показной» идентичности [Fabietti 1995: 143].

Первая, «переживаемая», идентичность проистекает из практического контекста, совпадает с неявным, внутренним ощущением человека и чувством общности, о ней нет необходимости сознательно размышлять и как-то ее осмысливать в повседневной жизни. Элементарная человеческая сущность, как она определена Д. Анджони [Angioni 1998: 360], или своего рода «нулевая степень» идентичности, максимально обобщенная и простая [Caltagirone 2007: 30], первичная идентичность лишь изредка выражается в конкретных формулировках.

Вторая идентичность — показная, которая явно подчеркивается ее носителями в определенных контекстах. Фактически, она выбирает только отдельные детали, которые меняются от контекста к контексту и являются значимыми, потому что реагируют на ситуации оппозиционного и контрастирующего характера. Более того, эта идентичность находится в диалектических отношениях с идентичностью, навязанной извне [Fabietti 1995: 143].

Важно понять, как на Сардинии переживаемая идентичность, не являющаяся политическим конструктом или условной категорией, но формирующаяся в процессе социальной жизни, в которую погружен индивид, взаимодействует с показной идентичностью. В каких случаях? Как восприятие и местная репрезентация идентичности взаимодействуют с репрезентациями культурного и политического происхождения? [Лай 2007: 228–236].

В рамках данного исследования предпринята попытка выявить степень влияния интеллектуального дискурса в создании культурной памяти Сардинии через ориентализацию, экзотизацию, а также архаизацию традиций для доказательства их неизменности и длительности по времени. Подобные тенденции заметны в литературе, посвященной острову, начиная с XVII века. В частности, интересно наблюдать, как приписываемый извне характер принимается самими же этническими субъектами; как с этого момента саморепрезентация развивается в однозначно экзотическом направлении и используется для выстраивания особой идентичности. Прославление этой культурной архаичности и исключительности начал примерно в 1790 г. иезуит Маттео Мадао, опираясь на материалы XVI и XVII вв. Этот феномен создания мифического образа первородности и исконности также имел место позже в исследованиях Сардинии [Cirese 2006: 17].

В своей работе Маттео Мадао пытался доказать, что каждая традиция острова, от поэзии до танцев, от музыки до одежды, почти в нетронутом виде восходит к греко-римской античности или к самым отдаленным временам золотого века соседней восточной цивилизации. В том же духе иезуит Франческо Четти, и тоже в конце XVIII в., писал, что «сардинские обычаи обнаруживают греческие и восточные черты во всех своих проявлениях: одежде, питании, нормах поведения, работе, празднествах и гостеприимстве» [Cetti 1774: 163]. Продолжил линию М. Мадао и отец Антонио Брешиани, обратившись к убеждающей силе ораторского искусства. В названии своего труда он использовал такую риторическую фигуру, как пролепсис: «Об обычаях острова Сардиния в сравнении с обычаями древних восточных народов». Так автор сразу же заявил о своем видении сардинской культуры и выразил ключевую мысль повествования. На Сардинии, писал он, «как будто возвращаешься на тридцать веков назад, оказываешься то на Тигре и Евфрате, то на Иордане и Оронте, среди вавилонян, ассирийцев, финикийцев, армян и многих других народов, ранее всего населявших этот Восток» [Bresciani 1850: 69–70]. С удивлением А. Брешиани восклицал, что обычаи здесь сохранились без изменений.

В 1869 году немецкий барон Генрих фон Мальзан так описал женский костюм из Аритцо: «У этих женщин самое мрачное на Сардинии платье … Эти темные покровы отчасти напоминают одеяния африканских бедуинов, от которых и ведут родство жители Барбаджи» [Prunas Tola 1886: 373]. И еще: «…Сардинские женщины, особенно в горных районах Барбаджи и Ольястры, предпочитают одеваться в платья, которые я назвал бы финикийскими, пеласгическими и эллинскими, за исключением некоторых элементов, возможно, принадлежащих самым первым жителям острова и чем-то похожих на то, что носили египтяне и вавилоняне» [Там же].

В первой половине XX века специалист по музыкальной этнографии, Джулио Фара, также развил миф об изначальности, автохтонности и неиз-

менности во времени сардинской культуры. Для него традиционная сардинская музыка сохраняет почти полностью архаичные, доисторические черты, как в музыкальных мотивах, так и в инструментах [Cirese 2006: 17]. В приведенном нами кратком списке приведены цитаты из самых известных работ. Но подобного рода идеи долгое время переходили из одних путевых заметок в другие, воспроизводились в разных компиляциях [Там же: 21], пока не стали парадигмой и авторитетным мнением, которые нужно учитывать, чтобы компетентно говорить об острове.

Можно согласиться с утверждением Клиффорда Гирца, что эти авторы «санкционировали» настоящую традицию письма и стратегии убеждения [Geertz 1990: 16], которые до середины XX века сильно влияли на местные хроники, сборники монографий, посвященные поселениям Сардинии. Именно этими источниками обычно пользовалась местная сардинская интеллигенция, работники муниципалитетов, учителя начальных школ, наиболее образованные и начитанные врачи и мэры [Devilla 1885]. В этом духе составлены отчеты местных приходских священников, книги об истории и происхождении деревень, их жителях и обычаях. Кроме того, подобные нарративы воздействовали на спонтанные формы первичной или переживаемой идентичности, которые, сформировавшись под этим влиянием, поддаются обобщению на более высоком уровне развития идентичности и культуры.

В 60-е годы XX века архаика уверенно заняла важную позицию в дискурсе идентичности. Это запустило механизм мифотворчества и заставило переписывать под него реальную историю [Asman 1997: 50–59].

Благодаря археологу Джованни Лиллиу нурагическому периоду[37] стало отводиться центральное место в коллективном воображении островитян [Lilliu 1963]. Это положило конец модной с XIX века идее, согласно которой золотым веком Сардинии считались времена юдиката и Элеоноры Арборейской, создавшей «Carta de Logu» (сборник законов, направленных на регулирование правовой системы независимого сардинского государства) и защищавшей остров от испанских завоевателей. По мнению Лиллиу, именно нурагическая эпоха была образцом сардинской идентичности и свободы. Главный тезис теории исследователя — так называемая «константа сопротивления Сардинии» [Lilliu 1971]. Согласно ученому, сардинское самосознание выстраивается вдоль непрерывной историко-этической и социальной линии, которая состоит в постоянном сопротивлении и антагонизме сардинцев по отношению к сменяющим друг друга завоевателям в долгой истории притеснений и внешних завоеваний. Эта интерпретация древней и современной истории Сардинии в духе конструирования «основополагающего мифа», которая получила широкое признание в различных

[37] Период, когда создавались мегалитические башни — нураги — на Сардинии, примерно II-е тысячелетие до н. э.-VIII в. до н. э.

культурных кругах, но слабость которой была продемонстрирована с помощью археологических данных [Madau 2001], по-прежнему является точкой отсчета при разработке «революционной мифодинамики» движений за независимость и при поисках идентичности.

Из этого мифа происходит и легенда о неукротимом сардинце (побежденном, но не сломленном), которая приписывает пастухам Барбаджи и даже бандитам гордый и мятежный дух древних пастухов-воинов нурагической эпохи из научных работ Лиллиу [Lilliu 1994: 19–22]. Идея получила распространение и признание даже у тех сардинцев, кто далек от поисков идентичности и сепаратистских партий, она по-прежнему питает глубоко укоренившийся в народных массах общий дух. Следует отметить, что легенда имеет литературное происхождение, пусть даже ее создатель осознанно не ставил перед собой задачи продвигать какую-либо политическую идею или заниматься мифотворчеством. В своей поэзии Себастьяно Сатта, поэт-нуорец рубежа XIX и XX веков, воспевал жизнь внутренней пастушеской Сардинии, «суровых отцов», противостоящих легионерам, и «прекрасных, свирепых и храбрых» разбойников [Satta 1924: 39, 71].

С этого момента развернулось непрекращающееся мифотворчество, преобладающей стала риторика сардинской идентичности с подчеркнутой архаикой как доказательства автохтонности. Народные традиции Сардинии, выражение любого исторического состояния стали сводиться к концепции этнической общности. Всё оказалось этническим и потребовало этнологических объяснений: музыка, танец, стили одежды, поэзия и песни, выпечка хлеба, узоры на текстиле, резьба по дереву и прочие «древнейшие изделия».

Именно в этой атмосфере родилась риторика «украденного прошлого», «наказания забвением» и «истинной» истории сардинцев, которая была перечеркнута очередными оккупантами и скрыта, чтобы сардинцы не осознали себя как этнос, имеющий свою собственную цивилизацию, и не освободились от колониального порабощения, в котором они в настоящее время живут. Авторами этой кампании по сокрытию «истинных исторических фактов», согласно данному подходу, является итальянское государство, которое навязывает соответствующие школьные программы, а также сама школа и, в частности, главное управление по охране объектов культурного и археологического наследия, академический мир и собственно творцы официальной историографии, скрывающие компрометирующие их доказательства, особенно когда те ставят под сомнение их теории.

Но официальную историю пытаются развенчать новые участники мифотворческого процесса и дилетанты (журналисты, какие-нибудь представители академической среды, ученые второго плана или работающие без привязки к какому-либо исследовательскому центру, археологи-самоучки и т. д.).

Список мифов, которые истолковываются как «скрываемая» официальными учеными история, довольно обширен: миф об Атлантиде, которую Серджио Фрау пытался отыскать на нурагической Сардинии [Frau 2002: 6]; миф о шарданах, «людях моря», которых отождествляют с воинами нурагического периода; миф о башнях-нурагах как о храмах или древних обсерваториях, или о донурагических мегалитических кругах с функцией астрономического календаря; всевозможные нарративы, приписывающие целительную силу памятникам нурагического и более древнего периода; недавние мифы о нурагической письменности [Cossu 2007: 123–124]; миф о древней Сардинии, населенной племенем гигантов. В последней легенде как будто проявляется комплекс неполноценности из-за невысокого роста, которым всегда отличались сардинцы, а также используется типичный для мифотворчества механизм, строящийся на выделении какой-то исключительной черты.

Конечно, среди прочих не мог быть упущен миф о сардинском языке, так как язык — это наиболее яркое и непосредственное выражение идентичности и принадлежности к группе. Но группа сама должна осознать и выделить наиболее подходящие свойства, которые будут отличать ее от остальных. Они не могут быть заимствованы или навязаны извне, потому что в этом случае функция мифотворчества, необходимая для построения идентичности, окажется сильно дискредитированной. А процесс конструирования идентичности по-прежнему открывает неожиданные ресурсы и стратегии. Например, сардинский язык иногда рассматривается не как наиболее архаичный романский язык, происходящий от латыни, но выдвигаются теории о происхождении латыни от древнего сардинского языка. Вот так переосмысляется статус языка и поднимается его престиж.

Тенденция экзотизации и ориентализации проявляется и в том, что некоторые исследователи возводят нурагический язык к месопотамскому [Sardella 1991: 14–16], а «народ моря» — шардана, строители сардинских нурагов и «основатели» цивилизации нурагов, трактуются как выходцы из Шумерского царства.

Даже различные народные традиции переосмысляются в духе экзотики и абсолютной инаковости. Маскарады, связанные с карнавальным циклом, деликатная тема идентичности сардинцев, легко возводятся к архаичным дионисийским культам, хотя тип ряженых со звериными масками и в шкурах с коровьими колокольчиками встречается на довольно обширной территории от Средиземноморья до Балкан, от Альп до Скандинавии. Очевидна общая типология карнавала и его корней, поэтому местные традиции требуют более глубокого анализа. Подобные же упрощенные представления не без помощи средств массовой информации получили широкое распространение и в конечном итоге привели к созданию рито-

рических условностей, которые в атмосфере «повторного открытия корней» спровоцировали «эксгумацию» местных звериных масок во многих сардинских деревушках и городках. Эти «древние маски» — по сути реконструкции, соответствующие заранее установленным моделям и санкционированные интеллектуалами-экспертами по дионисийским обрядам. Интеллектуалы контролируют разработку «правильных» символов идентичности, таким образом обреченных на то, чтобы стать «самореализующимся пророчеством».

«Живая простота», даже примитивность и исключительность черт сардинской идентичности теперь будут гарантированы не исторической отсталостью и культурной изоляцией, а гордым сознательным сопротивлением сардинцев влиянию извне, угрозе распада этнической группы и попыткам «лишения сардинцев общности» [Lilliu 1995: 9].

Здесь может показаться, что первичный или исключительный характер этнической группы определяется тем, что она «является категорией приписывания и идентификации со стороны самих агентов», как утверждает Фредерик Барт [Barth 1994: 34]. Однако в понятии этничности в самом широком смысле и в строгом научном термине сохраняется некая семантическая двусмысленность, напоминая об общей культурной среде или общем наследственном происхождении [Stewart 1995: 318–319]. Эта неопределенность, по-видимому, также касается понятий этнос и этническая идентичность, под которыми в контексте Сардинии имеются в виду не только культура и традиции, но также происхождение, родословная или кровное происхождение в физическом смысле, тех самых «суровых отцов» из поэзии Себастьяно Сатты.

Очевидный факт, что остатки эссенциализма присутствуют в сардинской риторике идентичности. Достаточно вспомнить их «расхожие и достаточно спекулятивные представления о том», что и сегодняшним сардинцам присуще «скругленное мышление» (сард. *fiad in tundu puru su pensamentu*), восходящее, как они считают, к способу мышления их древних предков [Lilliu 2004: 1], то есть идею о том, что ход мыслей местных жителей подчиняется преобладающей над всем концепции круговорота. При помощи забавного тезиса, согласно которому «сардинцы мыслят кругами», сторонники теории этничности и идентичности пытаются доказать исключительность мыслительного процесса островитян.

Тем не менее, в таком конструировании сардинской идентичности нет ничего странного. Даже на этом острове «непостижимой архаичности» идентичность есть не что иное, как великий утешительный миф, который через механизм «разрезов и сборок» [Remotti 1996: 11] гарантирует свою обновляемость и при этом стабильность.

Источники:

ПМА — Полевые материалы автора. Данные опросов, проведенных в Сардинии (провинция Нуоро), 2019–2020 гг.

Научная литература:

Amselle J.-L. 1999. Logiche meticce. Antropologia dell'identità in Africa e altrove. Torino: Bollati Boringhieri.

Angioni G. 1988. L'identità come fatto e come valore // Le autonomie etniche e speciali in Italia e nell'Europa mediterranea. Processi storici e istituzioni. Cagliari: Consiglio Regionale della Sardegna. P. 359–365.

Assman J. 1997. La memoria culturale. Scrittura, ricordo e identitá politica nelle grandi civiltà antiche. Torino: Einaudi.

Barth F. 1994. I gruppi etnici e i loro confini // Maher V. (a cura di). Questioni di etnicità. Torino: Rosenberg e Seller. P. 33–71.

Bresciani A. 1850. Dei costumi dell'Isola di Sardegna comparati cogli antichissimi popoli orientali. Napoli: All'Uffizio della Civiltà cattolica. XXV, IVI. P. 69–70.

Caltagirone B. 2000. Identità al confine. Il caso del Barigadu. Cagliari: Università degli studi di Cagliari.

Caltagirone B. 2007. Note preliminari a un rilevamento dell'identità in Sardegna //In: Angioni G. (a cura di). Sardegna; seminario sull'identità, Cagliari CUEC/ISRE. P. 29–35.

Cetti F. 2000. Storia naturale di Sardegna. Mattone A., Sanna P. (a cura di). Nuoro: Illiso.

Cirese A.-M. 2006. All'isola dei sardi. Nuoro: Il Maestrale.

Cossu T. 2007. Dall'identitá al passato: il caso della preistoria sarda // Angioni G. (a cura di). Sardegna, seminario sull'identità. Cagliari: CUEC/ISRE.

Devilla G. L. 1885. La Barbagia e i barbaricini. Cagliari: Tipografia dell'Avvenire di Sardegna.

Fabietti U. 1995. L'identità etnica. Roma: La nuova Italia scientifica.

Fabietti U. 1999. Antropologia culturale. L'esperienza e l'interpretazione. Roma-Bari: Laterza.

Faeta F. 2005. Questioni italiane. Demologia, antropologia, critica culturale. Torino Bollati Boringhieri.

Frau S. 2002. Le colonne d'Ercole. Un'inchiesta. Roma: Nur Neon.

Geertz C. 1990. Opere e vita. L'antropologo come autore. Bologna: Il Mulino.

Geertz C. 1999. Mondo globale, mondi locali. Cultura e politica alla fine del ventesimo secolo, Bologna: Il Mulino.

Lai F. P. 2007. Per uno studio dell'identità in Sardegna: alcuni strumenti per la "cassetta degli attrezzi" // Angioni G. (a cura di). Sardegna; seminario sull'identità. Cagliari CUEC/ISRE. 226–237.
Lilliu G. 1963. La civiltà dei sardi dal Neolitico all'età dei nuraghi. Torino: ERI Edizioni RAI.
Lilliu G. 1971. Costante resistenziale sarda. Cagliari: Stef.
Lilliu G. 1994. L'eredità delle origini // Brigaglia M. (a cura di). La Sardegna. Enciclopedia. III. Aggiornamenti, Cronologie e Indici generali. Cagliari: Della Torre. P. 19–22.
Lilliu G. 1995. Una vita da archeologo. Sassari: Delfino.
Lilliu G. 2004. Intervista su l'Unione Sarda. 10.03.2004. P. 1.
Lupinu G. 2007. Alcune valutazioni sulla lingua // Oppo A. (a cura di) Le lingue dei sardi. Una ricerca sociolinguistica. Cagliari: Universitá degli studi di Cagliari; Universitá degli studi di Sassari; Regione autonoma della Sardegna. p. 93–105.
Madau M. 2001. Alla ricerca dell'identitá perduta: il contributo dell'archeologia in Sardegna // In: Khanoussi M., Ruggeri P., Vismara C. (a cura di). L'Africa Romana. Lo spazio marittimo del mediterraneo occidentale. Geografia storica ed economica. Atti del XIV convegno di studio. Sassari, 7–10 Dicembre 2000. Roma: Carocci. P. 1085–1092.
Marongiu A. 2019. La situazione linguistica in Sardegna // Corsale A., Sistu G. Sardegna. Geografie di un'isola. Milano: Franco Angeli. P. 195–214.
Mongili A. 2007. Qualche approfondimento interpretativo // Oppo A. (a cura di) Le lingue dei sardi. Una ricerca sociolinguistica. Universitá degli studi di Cagliari; Universitá degli studi di Sassari; Regione autonoma della Sardegna. p. 83–94.
Nelde P., Strubell M., Williams G. (a cura di). 1996. Euromosaico. Produzione e riproduzione delle lingue minoritarie dell'UE. Bruxelles: Ufficio delle pubblicazioni ufficiali delle Comunità Europee. URL: http://www.uoc.es/euromosaic/web/ document/ sard/.
Oppo A. (a cura di). 2007. Le lingue dei sardi. Una ricerca sociolinguistica. Cagliari: Universitá degli studi di Cagliari; Universitá degli studi di Sassari; Regione autonoma della Sardegna.
Prunas Tola G. 1886. Il barone di Maltzan in Sardegna. Luogo: Alfredo Brigola e …editore.
Remotti F. 1993. Luoghi e corpi. Antropologia dello spazio, del tempo e del potere. Torino: Bollati Boringhieri.
Remotti F. 1996. Contro l'identità. Roma-Bari: Laterza.
Remotti F. 2010. L'ossessione identitaria, Laterza, Roma-Bari.
Sardella R. 1991. Il sistema linguistico della civiltà nuragica. Isili: Tipografia F.lli Ghiani.

Satta S. 1924. Canti del salto e della tanca. Cagliari: Il Nuraghe.
Sauzeau Boetti A. M. (a cura di). 1987. Dal museo al terreno. L'etnologia francese e italiana degli anni trenta. Milano: Angeli.
Stewart M. S. 1995. Identitá sostanziale e identitá relazionale: gli zingari ungheresi sono un gruppo „etnico?// Piasere (a cura di).
Terray E. 1987. L'etnologia francese degli anni '30 e la situazione coloniale // Sauzeau Boetti A. M. (a cura di). Dal museo al terreno. L'etnologia francese e italiana degli anni trenta. Milano: Angeli.
Wagner M. L. 1996. La vita rustica della Sardegna riflessa nella lingua // Paulis G. Max Leopold Wagner e la Sardegna del primo Novecento.

Раздел 3.

ДИАЛЕКТЫ И ИДИОМЫ НА ПОГРАНИЧЬЕ КУЛЬТУР

Глава 10. ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА И ИДЕНТИЧНОСТИ ГРЕКОВ КАЛАБРИИ

О происхождении и статусе греческого диалекта Калабрии

В настоящее время на Юге Италии осталось два островка греческой культуры, где в течение многих веков поддерживались с разной интенсивностью греческий язык и традиции, — Калабрия и Апулия. Данное исследование ограничено языковой ситуацией в Калабрии в XX-XXI вв. Культурно-историческое присутствие греков в этом регионе со времен эллинских колоний VIII века до н. э. не ставится под сомнение и подтверждено многочисленными археологическими данными и этнологическими исследованиями. Калабрия является частью исторической территории, которую итальянцы называют Magna Grecia (Великая Греция). Однако у лингвистов до сих пор нет единого мнения о континуитете греческого языка в этом регионе. Две основные теории о происхождении местного греческого диалекта *grecanico* представлены немецким ученым Герардом Рольфсом и итальянским лингвистом Джузеппе Морози. Рольфс пишет о непрерывном существовании и развитии греческого языка на территории Калабрии со времен древнегреческих колоний до нашего времени. Согласно теории Морози, в основе греко-калабрийского диалекта лежит язык византийских проповедников и переселенцев, которые обрели приют в Южной Италии во времена иконоборчества [Morosi 1870; Rohlfs 1974]. Другие исследователи развивают одну из этих двух идей.

Дискуссии о древности диалекта часто носят идеологический и аксиологический характер. Для местных греческих общин это вопрос их идентичности и престижа *grecanico*. За последние два века отношение к калабрийским грекам существенно менялось, как со стороны доминирующей культуры, то есть итальянской, так и внутри самого этноязыкового меньшинства.

Довольно подробно описана динамика в XX веке, но по архивным данным очевидно, что в середине-конце XIX в. грекоязычное население Калабрии было более многочисленным. Этот факт подтверждается, например, обилием фольклорных текстов на *grecanico*, которые были собраны непосредственно в поле именно в этот период. В начале XX века, по переписи населения, количество грекоязычных значительно уменьшается. С 1901 по 1921 гг. на греческом разговаривали в Реджо-ди-Калабрия

и небольших коммунах и селах так называемой Бовезии или «Калабрийской Греции», расположенных рядом с Реджо: Бова, Бова Марина, Галличиано, Кондофури, Роккафорте-дель-Греко, Рогуди [AILDSM 1975: 17; Κατσογιάννου 1997: 39–45]. В конце 1940-начале 1950-х гг. Рольфс занимался исследованием региона. Он приводит цифру 2200 грекоязычных на 1949 год [Rolhfs 1950: 14].

Что касается социального положения носителей диалекта, в начале 1900-х гг. повседневно и активно греческий калабрийский использовался, в основном, в изолированных и небольших поселениях среди необразованных или малообразованных жителей, занимавшихся сельским хозяйством, рыбной ловлей и пастушеством. Соответственно он воспринимался как язык, определяющий принадлежность к самым низам общественной лестницы. Местная интеллигенция из относительно крупных городов, вроде Реджо-ди-Калабрия, даже этнически греческого происхождения, говорила и писала на итальянском. Два последующих поколения фактически были близки к утрате языка, так как для повышения своего социального статуса избегали говорить на греческом диалекте и употребляли итальянский язык, причем нередко это был калабрийский диалект итальянского языка. В архивных записях есть характерные примеры. Одна из респонденток из Галличиано, 1922 года рождения, детство которой пришлось на довоенный период, подтверждает, что в деревне все, в основном, общались на *grecanico* и «немного говорили и понимали» калабрийский диалект итальянского языка, когда нужно было общаться с итальянцами и «выходить за пределы деревни». Когда респондентка переехала в Реджо-Ди-Калабрия к старшим сестрам и пошла в общеобразовательную школу, ей «пришлось выучить» итальянский литературный язык, чтобы иметь возможность получить хотя бы среднее школьное образование. Архивная запись была сделана уже у пожилой респондентки в 1985 г. на grecanico. Это подтверждает тот факт, что греческий диалект остался у нее в активном состоянии [Κατσογιάννου 1997: 43–44].

В 1960-е годы политическая номенклатура меняется. Италия, как и многие европейские страны, проявляет интерес к миноритарным общинам, берет курс на политику мультикультурализма и старается позиционировать себя как многонациональное государство. Группы исследователей выдвигают различные инициативы по возрождению местной греческой языковой традиции, но сразу же возникают споры, какой вариант греческого языка использовать для преподавания в школах в качестве «второго языка»: местный греко-калабрийский диалект или всё-таки вводить в оборот современную греческую димотику, на которой говорят в Греции. В 1972 г. в Бове Марина возникает общество «Jalò tu Vúa», которое существует и сейчас. В 1979 г. его члены издают методическую разработку для преподавания именно греко-калабрийского языка.

Несмотря на инициативы по поддержке греческого языка в 1960–70 годы, в последующие два десятилетия наблюдается существенный отток молодежи из грекоязычных поселений Калабрии на Север Италии, который фиксировался и в первое послевоенное десятилетие. Снова наблюдается резкое снижение эллинофонов, которые могли бы выучить *grecanico* непосредственно в семье от старших поколений или хотя бы в школах и центрах, где он преподавался энтузиастами «греческого возрождения» [Katsoyannou 1986: 47–51].

На законодательном уровне в 1999 г. был внесен законопроект о признании особого статуса греков Калабрии как миноритарной этноязыковой общины, а в 2003 г. закон вступил в силу. Сейчас территория, на которой можно встретить говорящих по-гречески, ограничивается Галличиано, Рогуди, Бовой, Бовой Марина. И если говорить о месте, где эта традиция существовала более-менее непрерывно и греческий язык использовался и был выучен в семье, то среди вышеперечисленных можно назвать с уверенностью только одно — Галличиано. В Бове Марина, где расположен главный центр по изучению греческой культуры и именно греко-калабрийского диалекта, названия улиц, площадей, переулков и общественных учреждений дублируются на итальянском и на греческом.

Тем не менее, например, один из моих респондентов — президент общества «Jalò tu Vúa» Тито Сквиллачи в 2005 г. — не придерживался энтузиазма других реконструкторов традиции. По его словам, молодежь часто подменяла греческий калабрийский диалект современной новогреческой димотикой, выученной в школе как второй иностранный язык или на летних курсах в Греции. Греко-калабрийский вариант скорее использовался на фольклорных фестивалях, на концертах в духе ньюэйдж. Все ключевые вопросы и рабочие моменты обсуждаются по-итальянски. Слова Т. Сквиллачи отчасти подтверждает любопытный эксперимент музыкальной фолк-группы «Nistanimera», которая исполняет песни на местном диалекте, а также на диалекте апулийских греков. Но если материал на апулийском греческом собирается «в поле», то для калабрийского варианта артистам пришлось обратиться к текстам из архивов XIX — начала XX вв.

Однако на 2022 г. ситуация выглядит более оптимистично. По крайней мере, среди молодых греков-калабрийцев или девушек и юношей, происходящих из смешанных семей, наблюдается интерес к корням и изучению своего диалекта. Проект отца продолжила дочь Т. Сквиллачи — молодой лингвист, защитившая диссертацию в Оксфорде, Мария Олимпия Сквиллачи. В частности, она участвовала в создании лингвистических лабораторий в Кондофури и Реджо-ди-Калабрия, где можно изучать бесплатно греческий калабрийский. Преподавателями становятся молодые энтузиасты, поставившие амбициозную задачу «по-настоящему» возродить язык. В качестве учеников лингвистических лабораторий привлекаются, пре-

жде всего, дети младшего и среднего школьного возраста из разных социальных слоев. Но очевидно, что диалект не является для них языком первичной социализации, несмотря на то, что еще есть немногочисленные представители старшего поколения, которые могли бы непосредственно передать языковую традицию в семье, но сознательно выбрали путь ассимиляции для своих детей и внуков. По всей видимости, в ближайшее время общение на греческом калабрийском будет ограничиваться стенами дополнительных языковых курсов, где в качестве метаязыка используется всё тот же Italiano Standart. М. О. Сквиллачи также является соавтором интерактивного словаря диалекта. Словарь размещен в приложении для телефонов-андроидов или айфонов — Grecopedia. В данном случае наблюдается интересный феномен, когда язык, некогда бывший языком низших слоев общества, становится объектом интереса образованной молодежи.

Любопытно отношение итальянцев к грекам-калабрийцам как к грекам из Греции. Некоторые респонденты отмечали, что итальянцы парадоксальным образом относились к ним как к мигрантам-чужакам, при том что Италия — их родина. На международных собраниях и конференциях, посвященных идентичности итальянских греков, саморефлексирующие докладчики подчеркивают, что «мы не дети современной Греции, у нас общая древняя мать». Установления подобного родства — это вопрос иерархий в «большой греческой семье». Греки Калабрии подчеркивают братские равные отношения между греческими диаспорами, а не отношения родитель-ребенок. Некоторые называют себя «греками Запада», хотя к этому определению отношение не всегда было однозначным именно в греческой среде, но уже по причинам конфессионального характера. Для общегреческой идентичности важным аспектом является принадлежность к греческому православию. Эта идентификационная черта иногда даже более важна, чем язык. Итальянские греки в прошлом и сейчас исповедуют католицизм, что их дополнительно дифференцирует от соплеменников из Греции и греков из диаспор в других странах, например, в России, США или Австралии.

При опросах респондентов калабрийские греки подчеркивают, что они жили на территории Бовесии всегда, едва ли не с античных времен. Таким образом, в местной школе и обществе поддерживается теория немецкого ученого Рольфса о непрерывном существовании греческой культуры и языка в Калабрии.

Общая характеристика греческого диалекта Калабрии

Дадим общую характеристику греческому диалекту Калабрии. Это один из диалектов новогреческого языка. Он делится на говоры, основными из которых являются говоры Бовы, Галличиано, Рогуди. Любопытно,

что спор лингвистов об изменениях в языке иногда выходит за лингвистические рамки и переходит в область аксиологии, политики и идентичности.

Фонетическими особенностями, отличающими его от литературного новогреческого языка, являются сохранение так называемых «двойных согласных»[38], предпочтение открытых слогов, приводящее к падению конечных согласных[39] или подстановке гласного [e][40]. С. Карацас и Дж. Фальконе склонны считать, что первая особенность восходит к древнегреческому языку [Caratzas 1958; Falcone 1973], тогда как Марианна Катцояну, напротив, приписывает это влиянию итальянского языка. Она же выделяет любопытное влияние со стороны местного итальянского калабрийского диалекта: вместо удвоенной ll в словах вроде βαλλω, подставляется dd, как в южно-итал. диалектах.

Сильная тенденция к падению конечных согласных также рассматривается иногда как естественный процесс эволюции языка, иногда как влияние итальянского. Теория влияния сейчас менее престижна, так как идет вразрез с механизмом удревнения языковой традиции в регионе и истории общины в целом.

Что касается морфологии, вследствие реализации открытых слогов, сложным становится различие падежных окончаний. Это приводит к редукции падежной системы и развивающемуся аналитизму (родительный падеж, например, часто заменяется винительным с предлогом). Система глаголов греческого калабрийского диалекта характеризуется отсутствием форм будущего времени (в этой функции выступает настоящее время) и перфекта (παρακείμενος), функцию которого выполняет аорист[41]. Однако в пользу древнего происхождения диалекта говорит оставшаяся форма инфинитива, которая исчезла из современной греческой димотики. Широко используются конструкции «глагол steko + герундий настоящего времени» в значении настоящего длительного или «immo + герундий аориста» в значении прошедшего законченного[42]. Это тоже можно расценивать скорее как романское влияние.

Лексика данного диалекта содержит некоторое количество архаизмов, итальянских и новогреческих заимствований. Г. Рольфс, А. Каранастасис и П. Казиле пытались находить «доризмы». У Рольфса — 20 языковых

---

38 Ср. ξέρω, ψέμα (новогр.) — zzero, zzema (Bova) или scero, spomi (Rochudi, Galliciano) — знать, ложь

39 Ср.εσύ δεν ξέρεις (новогр.) — esu ni zzeri (калабр.) — ты не знааешь

40 Ср. τρείς, πώς (новогр.) — trise, pose (калабр.) — три, как

41 Ср. θα πάω αύριο (новогр.) — pao avri (калабр.) — приду завтра
έχω πάει στην Αθήνα (новогр.) — eyiana stin Atene — я ездил/а в Афины

42 μιλώ — steko plategonda — я сейчас разговариваю
είχα μιλήσει — immo platessonda — я поговорил/а

единиц, у Каранастасиса — 14. Катцояну отмечала 40% заимствований из разных источников. Интересно отметить, что заимствования из современного литературного новогреческого языка — явление недавнего времени, и служат они для обозначения предметов, вошедших в употребление в относительно недавнее время, например, автомобиля, стиральной машины, телевизора, а также некоторых абстрактных понятий. Запись текстов на калабрийском диалекте производится, как правило, в латинской транслитерации, то есть утрачена связь с греческим письмом.

Литература на калабрийском греческом, по сути, не существует, за исключением экспериментов местного поэта Бруно Казиле, который, однако, записывал свои тексты латиницей, а не греческими буквами. В 1983 году при поддержке Министерства Культуры Греции про греков Калабрии снимается фильм «I ponti sull' Ionio». В качестве главного героя и информанта как раз выступил Бруно Казиле. Он пытался придать литературный статус именно местному греческому диалекту, издав корпус стихов и рассказов на языке, которым до сих пор владели безграмотные пастухи и крестьяне. Он пытается повторить опыт греческого поэта Соломоса, творившего новогреческую литературу на современном ему языке, а не на архаичном «мертвом» варианте, который законсервировался со времен падения Восточной Римской империи.

Использование греческого алфавита тоже связано с конструированием идентичности. Греческое письмо в Калабрии широко использовалось до 1500-х гг. Последний пример такого рода — это проклятие 1574 г. от священника из Бовы Николаса Гариноса другим священникам, которые способствовали латинизации его епархии. В период с 1600 по 1900 гг. к греческому письму изредка обращались местные священники или интеллектуалы. Поскольку непрерывно язык существовал среди безграмотного населения, то вопрос о письме не ставился. Проблема возникла, как записывать фольклорные тексты собирателям в XX–XXI вв. С 1960-х гг. при сборе фольклорно-языкового материала стали использовать латиницу. Местные респонденты, особенно пожилого возраста, не умели читать греческие тексты, так как в школе учили итальянский язык, а греческим диалектом владели только в устной форме. Молодые энтузиасты сейчас предлагают вести запись греческими буквами. Многие из них заканчивали классический лицей — одну из ступеней итальянской старшей школы, в которой изучается древнегреческий язык. Однако пока единообразия в записи не существует, более того — некоторые калабрийцы отстаивают латинское письмо как местную особенность, которая дифференцирует их лишний раз как «греков Запада».

Вообще отношение к «латинскому» элементу своей идентичности, как уже говорилось выше, тоже имеет довольно длительную историю и связано с религиозным аспектом.

Понятия «свой-чужой» в фольклоре греков Калабрии

Исследователи культурно-языковой ситуации греков Калабрии, которые придерживаются теории Джузеппе Морози, описывают византийский период греческой общины как «золотой». Он охватывает VIII–XI вв., пока не приходят норманны с «галльским языком и латинской культурой». Это расценивается как нечто негативное, но не столько из-за утраты «истинной веры» и последующего усиления позиций католицизма на «греческой территории», сколько из-за ослабевания греческого языка, который был инструментом греческой церкви. Со временем большинство калабрийских греков принимают католичество, но в обрядах иногда сохраняются особенности греческого православия, которые порой используются неосознанно. Негативное отношение к «латинянам» всплывает в некоторых народных песнях XIX века, которые сейчас исполняются фольклорными коллективами, но уже, естественно, без прежнего накала.

Основным источником, который использован в данной работе помимо личных наблюдений, послужило собрание Дж. Каракаузи, которое является наиболее полным изданием калабрийских фольклорных текстов и содержит большое количество народных песен, сказок, пословиц и поговорок, любопытные интерпретации библейских текстов, одно письмо, написанное на греко-калабрийском диалекте, переводы и т. п.

Интересным представляется пример следующего текста, в котором жители Бовы насмехаются над людьми из села Амендолея:

Irta na travudio ando Sam Bestyano,	Пришел петь я из Святого Себастиана
appotte na kui ol'i Amiddalia;	чтобы слышала вся Амендолея,
na sas ipo na'rtete s'anano	чтобы сказать — приходите сюда
me runge, me peleca, me raddia;	с ножами, топорами, дубинами.
ti irta na sas ipo pia en'i razza,	Я пришел, чтобы сказать,
	какова ваша порода,
payinnomeni andin Amiddalia;	оборванцы из Амендолеи;
c'a θθelite na tsiporeite ti rrattsa:	и если хотите знать вашу породу —
oli mularya tu Madda ce tu abbatiu.	все вы ослы (?) и аббата[43].

В песне прослеживается и конфессиональный момент или его отголоски: «ослы аббата» может быть намеком на латинскую веру, которая здесь явно воспринимается негативно. Но такие случаи редки.

Есть ряд песен религиозного содержания на греко-калабрийском диалекте, в которых присутствует сильное влияние католической религиозной образности. В песнях, посвященных Богородице, она часто называется Мадонной и почитается в образе именно Девы Марии, а не Богоматери.

[43] Примечательно, что в другом варианте этой песни слово «mularya» заменяется словом «bastardi» («ублюдки»).

О религиозной принадлежности греков-калабрийцев недвусмысленно говорят последние строчки любовной песенки:

Aime, ti mu sanneggwi tin gardia!
Sa sse xoro ti pai disperemmeni
    Ce de ssu sonno dosi afudia
C'I marimu kardia pos t'apomeni?
Ela m'ettunda loya ta glicia
Ce yanemu tin gardia pu e llagomeni;
    ma, an dem meritetts' i amartia,
    manko sti rRomi ise perdunemmeni.

Горе мне, ты мне сердце разбила!
Когда я вижу тебя в отчаянии
    и не могу помочь тебе.
Как это перенести мое-
    му бедному сердцу?
Приди с нежными словами
и исцели раненое сердце,
    если нет, то это греху равно,
    который даже Рим тебе не отпустит.

Под Римом, естественно, подразумевается Ватикан. Однако есть свидетельства, что в некоторых отдаленных районах Калабрии пастухи и крестьяне просили священников совершать обряд крещения с погружением, а не окроплением, как это принято в католической церкви, объясняя, что так делали их предки и что они не хотели бы отступать от этого обычая. Сохранилось также несколько записей молитвы «Отче наш» на несколько искаженном литературном новогреческом языке, которые часто произносились без понимания, почти как некая магическая формула.

Примечательно, что в фольклоре греков Апулии слышится большая дифференциация по конфессиональному признаку. «Ηθελα να σου μάσω να τραγούντι Γκρέκο να μη το φσέρουν οι Λατίνοι»/ «Хотел бы обучить тебя петь по-гречески, чтобы нас не поняли латиняне», — это отрывок одной песни из Саленто. Здесь слово «латинянин», с одной стороны, может обозначать не национальную, а конфессиональную атрибуцию. Для греков Саленто важно было религиозное различие, так как, в отличие от греков Калабрии, они довольно долго придерживались традиций греческой православной церкви. С другой стороны, «латинянами» назывались и итальянцы.

Внутри таких широких категорий, как единство языка, религии и этноса, существуют и более узкие рамки: принадлежность определенной семье, особенности говора, традиции и обычаи, иногда встречающиеся в пределах одного небольшого городка или деревни. В греко-калабрийских текстах в виде шутливых частушечных перепалок отображается и деление по двум полюсам универсальной бинарной оппозиции на «свой»- «чужой» внутри греческих общин, которое можно встретить до сих пор.

В одной из песен молодой парень из Бовы спрашивает у родителей разрешения взять в жены девушку из Амендолеи, он клянется, что, если родители ему не позволят, то он примет их запрет:

Ivra mam mani tse tundi yitonia,
ma ffacca mani ti ego en ivra mai,

У соседей нашел я красавицу,
лица красивее не видал никогда.

ce irt'appost'andin Amiddalia:	Я бы пошел в Амендолею,
thelo to matrimono ego ya sai.	чтобы жениться.
Mana ce patre, an esi kudendi iste,	Мать и отец, если вы довольны,
kudendo imme c'ego ce otu pao;	и я доволен и пойду туда,
ma, an esi mu leggite de,	Но если вы скажете нет,
ego petheno ce stin Amiddalia dem bao.	умру, а в Амендолею не пойду.

Конфликтные отношения между Бовой и Амендолеей отображены еще в одной песне, направленной уже против жителей Бовы:

Anittssete te pporte, esi Vutani,	Эй вы, из Бовы! Открывайте двери!
irtame i gwappi andin Amiddalia!	Из Амендолеи к вам пришли!
Tis eχi tsodde sčette n ate ggwali,	Покажите-ка нам девиц незамужних,
t'irtame apposta na'ddatts i genia:	мы пришли, чтобы поменять породу:
yati I Vutani en guveggu pleo,	Парни из Бовы не годятся ни на что,
ti eχu katevamena oli t'astia.	У них уши отвисли.
Če mi kamite podda loya,	И не болтайте много,
mande sas ta trogome san gličia.	А то мы съедим вас, как сладости.

В другой песне жители Бовы ругают жениха или свата из Рогуди:

Anθropo τu Rifudi sentsa skorno	Человек из Рогуди без стыда
Iθelε parentera mε Vutanu	Захотел породниться с семьей из Бовы.
I Vutani éne tse rispettu, oli to tseru,	Все знают, что из Бовы все уважаемые люди
Δε θθelu parentera με kraparu.	И не желают родни с козлами.
Μι γιρέττσι να κάμι presuntsyoni,	И не вздумай бахвалиться,
Ka ta čerata su ta klannu sto murtari.	А то тебе рога обломают и перетрут, как в ступке.
Υiριττσε parentera' ci pu tseri,	Ищи родню, где знаешь,
Μι γιρέττσι να' pparentettsi με Vutanu.	А с Бовой родни не ищи.

Исполнители этих песен сейчас справедливо предполагают, что когда-то они носили обрядовый характер, и песенные перепалки, особенно в контексте сватовства или свадебного ритуала, могли носить апотропейный характер. Однако тенденции заключения браков внутри замкнутых общин и даже близкородственных браков среди калабрийских греков тоже зафиксированы.

Необходимо отметить, что жители Рогуди и Амендолеи имели говор, несколько отличный от говора жителей Бовы. По словам респондентов, это тоже становилось основой для разделения на «свой — чужой». Не лишним будет упомянуть и тот факт, что греки Бовы гордились более высоким культурным статусом своей коммуны, по сравнению с другими греческими общинами Калабрии.

Любопытны свидетельства с другой стороны, то есть, как воспринимались греческие соседи калабрийцами-итальянцами. Можно привести свидетельства, относящиеся к 50-м годам XX века. Один из информантов

вспоминает, как итальянские ребята дразнили его турком, когда он начинал говорить по-гречески со своей матерью. В свою очередь, образ турка в греческом калабрийском фольклоре встречается довольно редко и носит полумифический характер, и он не настолько определен, как у апулийских греков или греков из Греции, что опять-таки служит для утверждения более древней идентичности местных общин, по крайней мере среди местных жителей и исследователей. Также «турок» для грека-калабрийца — это скорее любой представитель мусульманского мира. Часто он смешивается с арабами или берберами.

Существует песня, в которой встречается образ турка, но эта песня была занесена из Греции, по всей видимости, во времена турецкого владычества каким-нибудь беженцем, который нашел пристанище в «греческой» Калабрии, и переложена на калабрийский диалект:

O turco agapie ti reumopulla,
I reumopulla éne agapie ton turco:
I schilla manati pu tine abborchinai:
“Pireto, jemo eftundo calopidi;
Su ferri mati ce hrisomondili.”
— Manamu, manamu, ton turco den ton perro,
Ce perdiculla ghienome,
Ce me ta plaja perro...
“Efte ton mesimeri
“Mofighe ton peristeri:
“Arotao tin ghitonammu:
“Ivrete forsi tin berdicammu?”
— To parascioguo, to vradi,
Tin ivra’s to livadi
M’enan omorfo pedicadi
Evosciussa to hortuci
M’enan omorfo pedicaduci...

Турок полюбил гречанку,
Но гречанка турка не любила,
Мать-собака всё ее просила:
«Выходи за этого красавца!
«Шитый золотом платок тебе подарит».
— Мама, мама, турка не приму я,
Перепелкой улечу
В поля я…
Вчера в полдень
Улетела моя голубка,
Я спросила соседку:
«Не видела ли ты мою перепелочку?»
— В пятницу вечером
На лугу ее видела
С прекрасным молодцем.
Травку они щипали
С прекрасным молодцем.

Эта песня имеет много греческих вариантов и важна с точки зрения отношения греков Южной Италии и греков Греции. Данный фольклорный текст подтверждает, что при всей замкнутости греческой общины Калабрии она поддерживала связи с греческим миром за ее пределами, пусть даже редкие и окказиональные. Отметим, что в калабрийском фольклоре не представлен жанр исторической песни, в отличие от апулийского фольклора, где и образ турка носит более определенный исторический характер.

Интересны тексты, в которых упоминается самоназвание греков, и чаще всего оно представлено «γρέκοι» или «γρέτσι».

В Калабрии была церковь Греческой Богоматери. В эту церковь ходили на второй день Пасхи. Сейчас церковь не существует, однако от нее осталось название места — Γρετσία — и песня:

Στην Πατρούνα της Γρετσία	К Богоматери Греческой
Πάου με ποντύ ακριβεία	Обязательно пойдут
Χωρίζουνται μα κομπανία	Разделятся на компании
Να πάου στην Πατρούνα ισμία	Вместе к Богоматери пойдут
Οι Γκανιτζανέζοι στες οσσια	Жители Галличиано
Πάου πάου όλοι ισμία.	Пойдут, пойдут все вместе.

Отметим, что в этой песне применяется топоним Γρετσία, а не Ελλάδα. Греки Калабрии вообще довольно редко употребляли название «эллин», «Эллада» по отношению к себе. Интересно, что подобное явление можно заметить и у понтийских греков, которые сознательно противопоставляют себя «эллинам», то есть грекам Греции. Это еще один ракурс проблемы самоидентификации.

Проблема самоназвания греков Калабрии

Необходимо отметить, что проблема самоназвания греков и экзоэтнонима находится в ракурсе различных исследователей уже давно. Над этнонимом, который объединил бы всех представителей греческого этноса, а не только представителей отдельных племен, задумывались еще в античности. Главную интригу создали две номинации: греки и эллины. Известно, что изначально эллинами называлось одно из фессалийских племен. Но уже в древности «Έλληνες» стало официальным названием Коринфского союза и постепенно распространилось на все греческие народы. Правда, есть довольно противоречивое утверждение Аристотеля из «Метеорологик», согласно которому «греки» — первоначальное название эллинов: «те, кто назывался тогда греками, а ныне зовутся эллинами» (οι καλούμενοι τότε μεν Γραικοί, νυν δ’ Έλληνες).

В период христианизации Восточной Римской империи понятие «эллин» стало синонимом слова «язычник». Это хорошо фиксируется в русских переводах греческих богословских сочинений (см. речь Максима Грека «Против эллинской прелести»). «Ромеями» именовалось довольно мультиэтничное население Византии, в котором, однако, преобладали греки, при этом нередко противопоставление «эллин»-«ромей» в византийской литературной традиции имело религиозный оттенок: «язычник»-христианин». Наименование «грек», а не «эллин» и не «ромей» в качестве эндоэтнонима, прозвучит, по распространенному греческому преданию, в словах участника Греческой революции 1821 года Афанасия Дьякоса: «Εγώ Γραικός γεννήθηκα, Γραικός θε να πεθάνω». Хотя в его устах это понятие равнялось, скорее, понятию христианин, учитывая, что это был ответ туркам, желающим обратить героя в ислам.

Итак, всё тот же выбор между «греком», «ромеем», «эллином» будет волновать калабрийцев в качестве объединяющего с другими греками

и их общей историей названия, но к ним добавится еще дифференцирующее — ellinofoni.

Представители греческих общин в Южной Италии также, пусть даже редко, использовали этноним, восходящий к корню «rom-» (римский): reumopulla, reumopullo, хотя он тоже фиксируется в источниках, например, в народных песнях. Более характерным является этноним, производный от итал. «greco»: в том же названии диалекта *grecanico*. Предпочтительное наименование greci в Италии понятно и имеет исторические предпосылки. Согласно Павсанию, Грея — старое название города Танагра в Беотии. Георгиос Хадзидакис утверждал, что «граи» и «греки» частично переселились из города Танагра в Южную Италию (в Кумы). Названием «греки» обозначали эллинов италийцы. Римляне перенесли название «греки» на весь народ эллинов, правда с сомнительным аксиологическим статусом, который упомянут уже у Плутарха, который пишет о том, что любитель греческой культуры Цицерон «часто слышал за спиною: «Грек!», «Ученый!» — самые обычные и распространенные среди римской черни бранные слова». В известном итальянском толковом словаре Treccani и других источниках отображено, что римляне презрительно называли греческих философов-педантов greculi. В истории уже итальянского языка, точнее диалектов, можно найти и свидетельства более позднего времени о том, что «греками» называли также пустословов и демагогов. Но это касалось скорее внешнего восприятия термина.

Тем не менее, по отношению к калабрийским грекам в разные исторические эпохи чаще употреблялись наименования ромеи и эллины. Правда, «эллинами» их в негативном смысле называл, например, в своей гомилии епископ Де Лука, намекая на то, что местное население справляет «эллинские», то есть языческие обряды. В частности он пишет, что калабрийские греки украшают двери своих домов, церквей и портики лавровыми венками; опоясываются ножами и устраивают пиры у порога церкви с закланием животных; посыпают различные семена перед церковью, просеивают и перемалывают зерно, чтобы под звук кастаньет, приготовить хлеб; женщины произносят что-то вроде молитвы или заклинания над большими круглыми хлебами или камнями в виде круга с дырой посередине; также местные смешивают овес с сидром и поют странные песни и т. д. Епископ Де Лука пользуется оппозицией *Ελλην- Γραικός*, чтобы отличить грека-язычника (точнее справляющего языческие обряды или еретика) от грека-христианина (будь он православный или католик). Здесь на первый план выходит религиозная дифференциация, но эллин сохраняет и значение этнонима, так как наряду с эллинами упоминаются агаряне (так епископ называет арабов!) [Casile 2012].

Итальянский лингвист и этнограф Паскуале Казиле приводит еще одно интересное наименование, которое применялось именно к грекам-

калабрийцам: zagrei или zangreu. Некоторые исследователи, вроде Дж. Мозино и Г. Рольфса, возводят его к диалектному «крестьянин», «чужак», «бродяга», «говорящий на непонятном языке» и т. д., тогда как Казиле довольно убедительно выводит к поклонникам культа Диониса-Загрея. Его аргументы на этот раз не кажутся спекуляцией с удревнением традиции [Casile 2012]. Происхождение этого слова связывали с родом занятий греков-калабрийцев и возводили к греческому слову ζαγλαιος „жнец“, которое шире трактовалось как «крестьянин» или даже как «наемный сезонный работник». Но Казиле оспаривает эту версию, аргументируя свое несогласие тем, что термин применялся не только по принципу рода деятельности, но и распространялся на всю общину, а также на представителей франкопровансальской или вальдостанской этноязыковой общины на Сицилии в Сан Фрателло, в Мессине. В этом смысле он как бы подтверждал верность трактовки значения слова как «чужой, говорящий на непонятном языке». Но исследователь идет дальше. Прежде всего, он приводит ряд текстуальных свидетельств, из которых становится очевидным, что термин больше применялся к «язычникам», «еретикам», при этом важной становилась не столько языковая, сколько религиозная дифференциация. Это, действительно, объединяет вальдостанцев и греков-калабрийцев. Первые — протестанты, вторые включают в свои обряды греко-православные элементы и даже пережитки архаичных обрядов.

В пользу того, что zagrei восходит к эпитету Диониса — Загрей, Казиле ссылается как раз на обряды греков-калабрийцев, которые были описаны в упомянутой выше гомилии епископа Де Лука в конце XI-начале XII века и которые дошли до наших времен: например, украшение лаврами домов, символический сев зерна во время религиозных праздников, шествие женщин с круглыми хлебами с дырой в Страстную пятницу. Кроме этих обрядов, стоит отметить пережитки пифагорейской орфической традиции в виде запрета на похороны человека в шерстяной одежде. Такое табу на шерсть без осознанного оправдания традиции встречалось в похоронном обряде греков-калабрийцев в XX веке.

Изыскания П. Казиле не кажутся спекулятивными еще и потому, что, помимо описанных в его работе, в Калабрии действительно фиксируется много пережитков культа Коры-Деметры, которые были связаны с дионисийским культом. Конечно, стоит заметить, что они характерны не только для греческих, но и для местных итальянских общин. Например, накануне Пальмового Воскресенья в Бове Марина в приходе Сан Лео плетут из тростника, оливковых ветвей, цветов и лент statue vegetali ‘растительные фигурки’ разных размеров, одна из которых, большего размера, изображает «мать», другая, поменьше — «дочь». Во время праздничной службы их кропят святой водой и затем обносят вокруг городка. По окончании шествия его участники разбирают statue vegetali на части, чтобы использовать

в обрядовых действиях апотропеического свойства. Согласно археологическим материалам, Бова расположена близко к древнему поселению Локри, где был обнаружен один из важнейших храмов, посвященных культу Персефоны, со знаменитыми локрийскими табличками, изображающими похищение дочери Деметры Аидом. Обряд разрывания фигурок напоминает о культе Диониса-Загрея, который был связан с Персефоной, согласно орфическим гимнам [Hymn. Orph. XXXXVI]. Культ, близкий культам Деметры-Персефоны, наблюдается в Бова-Хора и в связи с христианским покровителем этого места — святым Львом. В день его поминовения (5 мая) святому патрону Бовы приносят блюда с пророщенной пшеницей [Сиднева 2011: 329–335].

Современные самоназвания греков-калабрийцев — greci или ellinofoni. К понятию greci сейчас отношение нейтральное, так как оно совпадает с общим для всех греков этнонимом в современном итальянском языке. А вот ellinofoni/грекоязычные можно считать дифференцирующим, чтобы всё же отличать калабрийцев от греков из Греции и для понимания того, что речь идет о языковом меньшинстве Италии.

Выводы

Неоднозначное отношение к языку у калабрийцев наблюдалось в разные периоды истории. В довоенную эпоху и до кризиса идентичности под влиянием глобализации grecanico рассматривался скорее как непрестижный язык малообразованной части населения. Молодое поколение делало выбор в пользу более статусного итальянского языка, особенно при миграции в северные регионы страны, что едва не привело к исчезновению традиции.

До 60-х годов XX века были попытки возрождения традиции греков Калабрии в виде частных инициатив местных преподавателей классических лицеев или университетских исследователей Magna Grecia, но без централизованной поддержки. Однако после 1960-х гг. общественная идеология приобрела мультикультурный вектор. Греки-калабрийцы даже стали получать поддержку сверху, от итальянского правительства, что привело к переоценке языка и традиции. В Италии стало престижно считаться потомками колонистов Magna Grecia вплоть до спекуляций с удревнением традиций и происхождения общин и языка. Например, даже калабрийцы-итальянцы иногда причисляют себя к потомкам «древних эллинов».

Однако, для греков-калабрийцев иногда присуща идентификация себя с довольно узкими группами, в зависимости от места поселения, принадлежности к определенному семейному клану, особенностей регионального говора.

В языковом отношении, на территории «греческой Калабрии» существует ситуация многоязычия, то есть греки Калабрии знают итальянский

язык (чаще калабрийский диалект итальянского языка) и греческий калабрийский диалект, иногда албанский диалект арбереш.

В религиозном отношении несмотря на то, что калабрийские греки — католики, они сохраняют некоторые обряды, имеющие православное происхождение (крещение погружением в воду).

В целом, греки Южной Италии подверглись не полной ассимиляции, сохранив своеобразие своего языка и культуры и, несмотря на сильное влияние доминирующих лингвистических и культурных факторов, этой культуре и, самое важное, языку, удалось выжить.

Сейчас наблюдается новый всплеск интереса к местной этноязыковой традиции. Лидерами движения по возрождению языка становятся довольно хорошо образованные молодые люди, как из греческих, так и смешанных семей.

Источники и материалы

AIDLCM 1975 — association internationale pour la défense des langues et cultures menacées // La situation des communautés linguistico-culturelles de la région de Calabria. Rapport établi par la Commission Internationale d'Information et d'Enquête désignée par l'AIDLCM, Perpignan — Reggio Calabria, 189 p.

Научная литература

Сиднева С. А. 2011. Statue vegetali в калабрийских обрядах Вербного воскресенья / Salix Sonora. Памяти Николая Михайлова. Москва: Центр лингвокультурных исследований Balcanica и Центр балто-славянских исследований Института славяноведения РАН. С. 329–335.

Caratzas S. 1958. L'origine des dialectes neo-grecs de l'Italie Meridionale. Paris: Les Belles Letteres,

Casile B. 1991. Strafonghia sto scotadi. Piimata ce adda grammata me enan grammato tu Antonio Piromalli. Barlume nel buio. Poesie e altri scritti con uno scritto di Antonio Piromalli. Testi grecanici e italiani dell'autore. // Biblioteca di Quaderni Calabresi del Sud — Quderni Calabresi n. 8. Vibo Valentia: Qualecultura.

Casile P. 2012. Dei e Zagrei. Athens: Flipping book.

Karanastasis A. 1992. Origine e sviluppo dei dialetti italogreci // Studi linguistici e filologici offerti a Girolamo Caracausi. Palermo. P. 177–183.

Falcone G. 1973. Il dialetto romaico della Bovesia. Momografia. Memorie dell'Istituto Lombardo di Scienze e Lettere (Classe di Lettere), 34.

Katsoyannou M. 1986. Il caso Gallicianò: Aspetti socio-linguistici della Grecità calabrese. Calabria sconosciuta 4(6). P. 47–51.

Morosi G. 1870. Studi sui dialetti greci della terra d'Otranto. Lecce: Tip.Editrice Salentina.
Mosino F. 1977. Zangreu / Note e ricerche linghistiche. Reggio Calabria.
Rohlfs G. 1974. Scavi linguistici nella Magna Grecia. Galatina: Congedo.
Rohlfs G. 1950. Historische Grammatik der unteritalienischen Grazitat. Munich: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.
Rossi Taibi G., Caracausi G. 1994. Testi neogreci di Calabria. Palermo: Istituto bizantino e studi neoellinici.
Κατσογιάννου Μ. 1997. Ελληνικά της Κάτω Ιταλίας: μορφολογία των ονομάτων και εξέλεξη του κλητικού σηστήματος // Μελέτες για την ελληνική γλώσσα. Πρακτικά της 17ης Ετησίας Συνάντησης του Τομέα Γλωσσολογίας του Α.Π.Θ. Θεσσαλονίκη: Αφοι Κυριακίδη, Σ. 328–341.

Глава 11. ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АРБРЕШЕЙ ИТАЛИИ

Глава посвящена языку албанской диаспоральной группы, проживающей в пятидесяти селах, расположенных на территории Южной Италии. Многочисленные преобразования последних десятилетий в социальной и экономической сферах в значительной степени способствовали повышению внимания арбрешей к собственной культуре, которую они сохраняли на протяжении более пяти веков. Одной из ключевых особенностей, характеризующих и отличающих арбрешские общины, является диалектная форма албанского языка, которая сохраняет многие архаичные черты, преобразовавшиеся со временем в результате длительного контакта с итальянским. Для большинства арбрешей их собственный диалект является предметом гордости и передается из поколения в поколение. Несмотря на усилившуюся в последнее время италоязычную коммуникацию, молодежь проявляет живой интерес к изучению своего языка, в этом им помогают образовательные учреждения и различные ассоциации. Однако в условиях глобализационных процессов происходит изменение языковой компетенции носителей арбрешского диалекта, который является частью коллективного самосознания. В этой связи проблема утраты арбрешами своего идиома, выполняющего этнодифференцирующую функцию, и, как следствие, своей идентичности, особенно актуальна. Сегодня арбрешский находится под угрозой исчезновения и официально признан языком этнического языкового меньшинства. Поэтому представители диаспоры борются за его сохранение и расширение функций и прилагают все усилия, направленные на поддержание и продвижение своей традиционной культуры.

На территории Южной Италии расположены поселения арбрешей — потомков албанских мигрантов, переселившихся с территории Балканского полуострова еще в середине XV века. Одним из ключевых элементов культуры, которые характеризуют и отличают арбрешские общины, является их язык. Он передается устно от отца к сыну и формирует этнокультурную идентичность представителей диаспоральной группы. Именно посредством устной традиции происходит наследование народных обычаев и фольклора. Особенность идиома арбрешей заключается в том, что он сохранялся и развивался на протяжении пяти веков, не имея постоянного контакта с албанским, в силу чего приобрел новые черты. Арбрешский диалект возник

в центре новой языковой среды и претерпел различные модификации под воздействием итальянского и других романских диалектов. С лингвистической точки зрения он характеризуется, с одной стороны, рядом консервативных черт, присущих албанским говорам XV века, а с другой стороны, благодаря автономному развитию обладает инновационными чертами.

Во время первых поселений сохранению языка способствовало прежде всего условие изоляции албанских колоний, а также трудности в понимании во время контактов с местным населением. В настоящее время постепенный отказ от многовековой сельскохозяйственной экономики и домашнего производства, радикальное изменение в передаче информации, распространение средств массовой информации и повышение уровня школьного образования приводят к изменению языковой компетенции носителей арбрешского. Становится всё более заметной тенденция перехода на итальянский язык, при этом знание собственного диалекта нивелируется. В этой связи проблема утраты носителями своего языка и, как следствие, своей идентичности, особенно актуальна. Для арбрешей их диалект является частью коллективного самосознания, его потеря равносильна утрате собственной истории. Представители диаспоры борются за сохранение и развитие своего языка, поскольку через него выражается их этнолингвистическая идентичность и специфика.

Языковой вопрос всегда был и продолжает оставаться в центре внимания арбрешских лингвистов, историков народных традиций, антропологов и писателей. В разные периоды исследовались такие темы, как становление и стандартизация письменности [Brancati 1735, Keta 1799], лексикология, соотношение устной и письменной речи [Camarda 1864, Schiro 1940, 1998], языковое поведение в условиях многоязычия [Altimari 1986, 1994, 2004, 2010, Mandala 2009, 2017], статус и преподавание арбрешского в учебных заведениях [Berruto 1987, 1989, 2001; Perta 2004, 2012], роль языка в конструировании и репрезентации идентичности [Matranga 1995; 2010; 2015] и др. Однако, несмотря на широкий спектр изученных вопросов, учеными не были предприняты попытки обобщения и структурирования данных, касающихся разных языковых аспектов.

Объектом исследования в данной главе является язык представителей албанской диаспоры, проживающих в селах, расположенных на территории Южной Италии, в парадигме антропологии. Предметом исследования является актуальный лингвистический статус арбрешского диалекта в условиях глобализационных процессов. Научная проблема исследования заключается в анализе роли языка арбрешей в формировании их этнической специфики и конструировании идентичности. На данный момент отсутствует комплексное изучение этого феномена как части традиционной культуры арбрешей Сицилии. Необходим анализ современных условий функционирования языка, а также выявление факторов, влияющих на его дальнейшее

развитие. Актуальность темы исследования обусловлена потребностью в изучении как современных тенденций традиционной культуры арбрешей, испытывающей влияние соседней итальянской, так и роли языка в конструировании идентичности арбрешской диаспоральной группы.

Основными методологическими принципами исследования послужили описательный и сравнительно-исторический подходы. Рассматривая язык как сложную систему, выполняющую целый комплекс различных функций, мы применили методы структурного и функционального анализа. Исторический подход позволил проследить изменение языковой ситуации в арбрешских общинах с момента их возникновения до наших дней, формирование и дальнейшие пути развития арбрешского диалекта. Исследовательскую базу работы составили этнографические и социолингвистические исследования ученых-предшественников, включенные в научные издания, законодательные акты, данные статистических центров, а также собственные полевые материалы автора, собранные во время экспедиций на Балканский полуостров и в Южную Италию: Южная Албания (2014–2015 гг.), Пьяна-дельи-Альбанези, Палермо, Сицилия (2016–2020 гг.), а также результаты удаленной работы в 2020–2021 гг.

К истории вопроса

Присутствие албанского населения на юге Италии связано с несколькими миграционными волнами с территории Южной Албании и Пелопоннеса[44]. Еще в середине XV в. Османская империя подчинила себе практически весь Балканский полуостров, за исключением прибрежной полосы вдоль Адриатического моря, где в течение длительного времени албанцы под предводительством полководца и национального героя Георга Кастриоти по прозвищу Скандербег противостояли армиям султана [Арш 1992: 76–78]. Благодаря своим внешнеполитическим успехам Скандербегу удалось заключить договор о протекторате Неаполя над Албанией, взамен он должен был предоставлять неаполитанскому королю военную помощь. Многие албанские солдаты, помогавшие Альфонсо V Арагонскому в подавлении восстания в Калабрии, получили от него в дар земли, где и основали первые поселения [Zangari 1940: 52]. Наиболее продолжительная миграция происходила уже после смерти Скандербега и продолжалась вплоть до XVIII в. С нарастающим давлением османских завоевателей население Албании стало покидать Балканский полуостров, воспользовавшись тем, что на юге Италии уже были основаны первые колонии [Mastroberti 2008: 149]. Там албанцы поселились в изолированных, отдаленных и труднодоступных районах, в большинстве случаев заново заселяя ранее существо-

[44] Об истории переселения арбрешей см. [Romata 1964, Mastroberti 2008, Сулоева 2021: 45–63].

вавшие деревни. При одобрении католической церкви албанские мигранты получили земли и права от местных феодалов и продолжили вести привычный образ жизни [Emmanuele 1988: 90]. Влияние соседей-итальянцев в значительной мере сказалось на всех уровнях культурно-социальной жизни: архитектура, способы ведения хозяйства, социальные институты, одежда, кухня и ритуальные практики. Многие из основанных мигрантами поселений со временем утратили свои этнокультурные особенности[45]. Однако некоторые колонии, хотя и подверглись в значительной степени итальянизации, всё же сохраняют хорошо узнаваемые черты, присущие албанской культуре. В этих землях поселенцы продолжают вести привычный образ жизни, говорить на языке отцов, поддерживать византийский религиозный обряд, справлять народные праздники и передавать из поколения в поколение фольклор и ритуальные практики, а в сфере материальной культуры сохранять традиционный костюм, украшения и прочие предметы быта в аутентичном виде, характерном для запада Балканского полуострова.

В настоящее время арбреши живут в пятидесяти селах, находящихся в семи областях и десяти провинциях Южной Италии. Значительное количество представителей албанской общины проживает в промышленных районах Северной Италии (особенно в Турине и Милане), в центральной части страны (в частности, в Риме), а также в таких южных городах, как Неаполь, Палермо, Бари, Козенца, Кротоне. Выходцы из итало-албанских поселений, эмигрировавшие в разное время из малых городов Южной Италии, обосновались в европейских мегаполисах (Париже, Лондоне, Берлине), в США, Бразилии, Аргентине [Matranga 2019]. На сегодняшний день доступна лишь приблизительная оценка количества представителей албанской диаспоральной группы. Согласно данным, полученным в ходе опроса 1980 г., проводимого Гамбаррой, общий процент албанцев в большинстве общин составил 70% [Gambarra 1980: 55].

Сегодня число арбрешей колеблется от ста пятидесяти до двухсот тысяч человек[46]. Неточность в подсчетах вызвана отсутствием единого метода включения или исключения лингвистически интегрированных представителей смешанных браков и их потомков, проживающих в арбрешских общинах, а также тех, кто переехал в крупные итальянские города или эмигриро-

---

45 Полностью ассимилированные албанские поселения в основном находятся в Апулии, что может быть объяснено равнинным расположением и близостью к крупным городам, таким как Таранто и Лечче. Деревни, население которых в наибольшей степени сохранило этническую и языковую самобытность, находятся в Калабрии и на северо-западе Сицилии, в отдаленных горных районах, которые долгое время в прошлом были недоступны для транспорта [Romata 1964: 26–27].

46 По данным Итальянского национального Института Статистики за 2011 г., в Италии постоянно проживают также 483 тысячи албанских мигрантов, а в Греции — 577 тысяч (данные Евростат за 2008 г.) [INSTAT 2014].

вал за границу[47] [Belluscio 2010: 8]. Сбор статистических данных о языковых меньшинствах Италии был инициирован фашистским правительством, и негативное отношение жителей к данному вопросу до сих пор сохраняется. Приведем слова информанта из Пьяна-дельи-Альбанези [Паррино Г. 1990 г. р., арбреш]: «На самом деле, нас намного больше, чем сообщается в официальных данных, которые можно посмотреть, например, в Википедии. Определить точное количество арбрешей не так просто, потому что при подсчетах обычно берут среднее число жителей в деревнях, не учитывая, что многие имеют второе жилье в Палермо и приезжают в Хору (Пьяна-дельи-Альбанези на местном языке) только на выходные. Кроме того, в народе еще сохраняется негативное отношение к переписи: «Мы не скот, чтобы нас пересчитывать, как во времена фашистов!»» [ПМА1].

До тех пор, пока этот вопрос не будет решен либо на государственном уровне в рамках следующей переписи населения, либо отдельными муниципалитетами, трудно дать точную оценку численности арбрешской общины в Италии.

Общая характеристика языка арбрешей

Представители албанской диаспоры используют бытовавший до начала переселения этноним *арбреш* (алб., арбр. arbëresh) и глоттоним *арберишт* (алб., арбр. arbërisht), которые выполняют самоидентифицирующую функцию. И хотя во многих итало-албанских сообществах этноним / глоттоним может происходить от названия конкретной местности[48], сегодня чаще используется коннотативно нейтральное слово *арбреш*, которое маркирует идентичность представителей всей албанской диаспоры, а не отдельной группы. В итальянском языке принят этноним *италоалбанези* (ит. italoalbanesi «итало-албанцы») и глоттоним *италоалбанезе* (ит.

---

47 Региональным Научно-исследовательским Институтом в области образования были собраны статистические данные, касающиеся 24 арбрешских сообществ в Калабрии. При сравнении отчетов за 2001 и 2002 гг. было выявлено, что общее количество носителей диалекта в двадцати общинах почти одинаково: в 2001 г. 27 030 говорящих, в 2002–27 860. Однако изучение данных по отдельным сообществам показывает, что ответы, полученные с разницей в год, сильно отличаются: Караффа-ди-Катандзаро (2001: 849 говорящих; 2002: 1250 говорящих), Чивита [2001: 835; 2002: 1124], Лунгро [2001: 3425; 2002: 2950], Сан-Костантино-Альбанезе [2001: 835; 2002: 1000] [IRRE, 2001, 2002].

48 В коммуне Гречи (арбр. Katundi «деревня») местный говор отождествляется с выражением *parlare a la katundsha / alla paesana* «говорить на катундском / на деревенском; в Санта-Кристина-Джела (арбр. Sëndastina) используется глоттоним *сендастинар* (sëndastinar) или *santacristinese* (сантакристинский язык), в коммунах Зангарона (арбр. Xingarona) и Андали (арбр. Andalli) принято говорить *ndriku / ngreku*, то есть «по-гречески» (ПМА 1).

italoalbanese «итало-албанский»), который также имеет вариации *калабро-албанезе* (ит. calabro-albanese «калабро-албанский») и *сикулоалбанезе* ит. siculo-albanese «сицилийский албанский»), и демонстрирует связь двух языков: исконного и приобретенного [Matranga 2019].

Арберишт является неоднородным языковым образованием и демонстрирует большое разнообразие лингвистических вариаций[49]. Фактически в исследуемой области сосуществуют разные языковые системы. Наряду с арбрешским диалектом, более распространенным в городских центрах, используются местные говоры, присущие сельской местности. Несмотря на то, что большинство из них схожи друг с другом, носители не используют единый языковой код. Это связано с тем, что некоторые вариации, обнаруживаемые сегодня на территории итало-албанских общин, демонстрируют настолько сильные различия на фонетическом, морфологическом и семантическом уровнях, что часто говорящие испытывают трудности в понимании [Belluscio 2010: 7–8]. После переселения албанцев с Балканского полуострова на территорию Италии в результате перемещений носителей внутри сообществ и взаимного культурного влияния происходило смешение различных по своему происхождению албанских говоров с диалектами итальянского языка. Между двумя языками сложились особые отношения: с одной стороны, влияние приобретенного элемента, а с другой — сопротивление унаследованного, [Çabej 1994: 86]. В течение нескольких столетий албанский испытывал значительные изменения на всех уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом и структурном, что в дальнейшем способствовало возникновению многочисленных вариаций.

Согласно исследованиям, черты, характеризующие язык арбрешей, в большей степени присущи южному (тоскскому) диалекту албанского, а именно говорам юго-западного региона, где находятся краины Ляберия и Чамерия[50], а также диалекту арванитов современной Греции. Посколь-

---

49 Выдающийся лингвист, основатель и руководитель кафедры албанского языка и литературы в университете Калабрии, Франческо Солано, исследовал различия между разновидностями итало-албанского диалекта на юге Италии и выделил две основные и три второстепенные диалектные группы [Solano 1979]. В 1991 г. Савойя расширил параметры, по которым производилась классификация языковых вариаций, но общая картина, изложенная Солано, осталась практически неизменной [Savoia 1991: 13–56]. В 1981 году Франческо Альтимари проводил исследования в албаноязычном районе Козенцы, и обнаружил социолингвистическую ситуацию, которая ранее была сформулирована Фергюссоном [Ferguson 1959], а затем и Фишманом (Fishman 1972) как «диглоссия с социальным двуязычием», однако итальянский исследователь уточнил, что, если учесть лингвистические разновидности, активно или пассивно известные большинству членов двух языковых групп (албанской и итальянской), то можно говорить о ситуации диглоссии с социальным многоязычием [Altimari 1983: 52].

50 Находится на территории современной Греции.

ку и албанские, и арбрешские говоры эволюционировали независимо друг от друга в течение пяти веков, лингвисты полагают, что в прошлом их сходство было еще более заметным, чем сейчас [Çabej 1994: 90]. Тот факт, что в качестве основы литературной нормы албанского языка был выбран именно тоскский диалект, дает представителям арбрешской диаспоры возможность легче выучить стандартный вариант. Однако трудности во взаимопонимании между современным балканским албанцем и арбрешем связаны прежде всего с происхождением лексических пластов. Если в албанском, распространенном на территории Балканского полуострова, преобладают заимствования из турецкого и / или греческого, то в языке арбрешей прослеживается влияние итало-романских диалектов. Заимствования затрагивают в первую очередь сельскохозяйственную, производственную и коммерческую сферы, типичные для экономики развитых обществ. При этом семейно-бытовой лексикон арбрешей остается практически неизменным [Matranga 2019].

В последние десятилетия взаимодействие между албанской и итальянской языковыми группами еще больше усилилось. Итальянский является вторым языком для большинства и родным только для небольшой группы носителей [ПМА 1]. Помимо албанцев, мигрировавших из Албании в XX веке после падения коммунистического режима, сегодня в основанных их предшественниками исторических поселениях живут представители смешанных браков. Часто один или оба супруга не владеют арбрешским диалектом, и их дети растут в ситуации диглоссии. Во время внегруппового общения с итальянцами, а также при обсуждении представителями арбрешского сообщества тем, выходящих за рамки повседневного диапазона, может происходить ситуативное переключение с итало-албанского на итальянский. Гораздо реже арбрешский приобретается представителями других этнических групп, проживающих внутри сообщества [Maddalon et al. 2002: 196–199].

Алфавитный вопрос

Проблема создания единого алфавита для арбрешского языка заняла важное место в работе многих просветителей и публицистов. До XVI в. у арбрешей не было собственной письменной традиции. Она зародилась программно и осознанно лишь в 1592 г. с переводом катехизиса «Христианская доктрина» с латинского на средневековый албанский, который выполнил священник Итало-албанской церкви из Пьяна-дельи-Албанези Лука Матранга. Книга была издана в Риме, в греческом колледже Св. Афанасия, и насчитывает 28 страниц, в нее также вошло восьмистрочное стихотворение Матранги, которое является первой из обнаруженных форм поэзии на албанском языке. «Христианская доктрина» имеет особое историческое, лингвистическое и литературное значение и является старейшим

документом, написанным на тоскском диалекте в арбрешской литературе. Впервые по образцу народного языка были заложены основы письма во всех его аспектах: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, функциональном, стилистическом и орфографическом. Латинский алфавит Матранги стал основой всех последующих разработок, с этого времени арбрешские писатели начали использовать местный идиом для создания более сложного койне.

В Албании единая система письменности была разработана только в 1908 году, и потребовалось несколько десятилетий, прежде чем ее использование стало нормой. Долгое время в стране одновременно действовали несколько письменных систем, что связано прежде всего с влиянием различных конфессий. На севере Албании, где традиционно исповедовали католичество, использовались латинские буквы, на юге страны языком христианского образования был греческий, приверженцы ислама (в частности, представители движения младотурок) выступали за принятие арабского алфавита, кроме того, предпринимались многочисленные попытки изобретения оригинальной письменности [Osmani 1999: 316].

На протяжении нескольких лет, пока в Албании решался этот вопрос, арбрешские общественные деятели настаивали на объединении усилий для создания общего алфавита. В периодической печати арбрешей появлялись статьи, посвященные дискуссиям, которые велись вокруг алфавитного вопроса. Также арбреши неоднократно выступали с предложениями собственных письменных систем. Например, Иероним де Рада организовал два лингвистических конгресса: в Корильяно Калабро (октябрь 1895 г.), а затем в Лунгро (1897 г.). На последнем был предложен вариант алфавита, который Де Рада использовал в 1894 году по случаю публикации работы «Символы и грамматика албанского языка». Однако несмотря на первоначальный энтузиазм, обсуждения на обоих конгрессах не вызвали положительных и единодушных отзывов даже среди самих арбрешей, которые продолжали использовать разные алфавиты. Предложенный вариант не нашел поддержки и в албанских кругах, где всё больше укреплялся алфавит Фрашери[51], на котором печатались основные литературные и идеологические произведения албанского Возрождения. Поэтому долгое время арбрешская печать использовала Стамбульский алфавит в качестве основного. В 1902 г. был выдвинут алфавит Джузеппе Скиро[52], состоявший из 38 знаков, но и эта попытка оказалась неудачной [Gurga 2011: 85].

---

51 Алфавит Фрашери, или Стамбульский алфавит — система письменности, основанная на латинских символах, которую изобрели Сами Фрашери, Пашко Васо и Яни Врето. С 1905 г. широко использовался на всей территории Албании [Osmani 1999: 302].

52 Джузеппе Скиро (1865–1927) — арбрешский неоклассический поэт, публицист, лингвист и фольклорист из Сицилии.

Арбрешские публицисты неоднократно обращались к наиболее авторитетным албанским культурным обществам и газетам с просьбой прийти к соглашению относительно единого алфавита и литературной нормы. Особого упоминания заслуживают две статьи лингвиста Александра Джувани, который преподавал албанский язык в колледже Св. Адриана в Сан-Деметрио-Короне. В публикации под названием «О создании литературного албанского языка» автор утверждает, что стандарт должен быть основан на тоскском диалекте, при необходимости дополненном и обогащенном элементами гегского диалекта. Во второй статье, «Алфавитный вопрос», появившейся в 1907 г., Джувани в целом высказался в пользу алфавита Башкимского общества[53], но предложил некоторые изменения [Gurga 2011: 87].

К 1908 г. арбреши всё чаще стали обращаться к албанцам с предложением согласовать общий алфавит, при этом большинство склонялось в пользу варианта Башкимского общества. В период с 14 по 22 ноября 1908 г. в городе Монастир[54] албанские общественные деятели провели конгресс, на котором было решено использовать как Стамбульский, так и модифицированный Башкимский алфавиты. В 1909 и 1910 гг. сторонники младотурок провели несколько демонстраций в пользу арабского письма, однако провокации вскоре прекратились, и был принят Башкимский алфавит, которым албанцы пользуются до сих пор [Osmani 1999: 330].

Редактор арбрешской газеты «Албанская нация» Ансельмо Лореккио в статье «Албанские отступления» проанализировал вклад арбрешей в алфавитный вопрос и предложил провести еще один лингвистический конгресс, но уже в Италии, однако развития этой темы не последовало. Несмотря на незначительное сопротивление арбрешей решение придерживаться резолюций Монастирского конгресса сблизило лингвистическую политику албанцев и арбрешей в вопросе письменности [Gurga 2011: 90]. Тем не менее, в настоящее время продолжает существовать противоположная точка зрения, основанная на том, что албанский язык и арбрешский диалект поразному эволюционировали на историческом, лингвистическом и культурном уровнях, а также имеют различные литературные традиции [ПМА 1].

Статус арбрешского диалекта до 1999 года и динамика изменений

Степень владения родным языком и включенности в собственную культуру зависит не только от семейного воспитания, но также и от образования, полученного внутри самой диаспоральной группы. Вплоть до конца XX в. образованием и приобщением молодого поколения к культурным

---

53 Башкимское общество (алб. Shoqnia e Bashkimit të Gjuhës Shqipe) — литературное общество, основанное в Шкодре, одной из основных задач которого было создание единого албанского алфавита.

54 Прежнее наименование города Битола в Республике Северная Македония.

ценностям своей общины занимались церковные учреждения. Так, в основанной Джорджио Гудзеттой Итало-албанской Семинарии в Палермо представители духовенства — выдающиеся ученые, историки, лингвисты и литературоведы, чья деятельность была направлена на сохранение культурной и языковой идентичности арбрешей, воспитали не одно поколение семинаристов [Manali 2009]. Коллегиальные сообщества внесли весомый вклад не только в сохранение языка и византийского обряда, но также оказали влияние на культуру и образование в целом [Schirò 2001: 235]. В конце XX века им на смену окончательно пришли государственные образовательные институты, а вместе с ними и новый педагогический контингент, состоявший в основном из сицилийцев или итальянцев, прибывших с материковой части Италии. Проводимая государством политика в отношении этнических меньшинств и их языков также не способствовала укреплению представления арбрешей о ценности принадлежности к собственной этнической группе [Giacomarra 2003].

До 1999 г. арбрешский было разрешено преподавать в начальных и младших классах средней школы только в качестве факультативного предмета вне основной программы. Общение на диалекте происходило исключительно между родителями и учителями, поскольку вести занятия на языке арбрешей было запрещено, даже если учитель и являлся носителем. Так, в 1974 г. были приняты новые декреты об образовании, дававшие государственным школам современную демократическую организацию, которая предполагала представительство родителей в школьном совете и участие в составлении учебных программ [Bolognari 1978]. При поддержке органов власти стало возможным адаптировать школьное образование к потребностям языковых меньшинств, но только в качестве факультативов. В 1980-е гг. после вступления в силу нового декрета [Decreto Ministeriale del 09.02.1979] стали доступны дополнительные занятия по языку и культуре, поскольку школьные программы содержали более четкие инструкции [Matranga 2019].

Тем не менее, язык арбрешей использовался практически во всех сферах деятельности, за исключением таких публичных мероприятий, как собрания городского совета, когда для обеспечения более эффективного общения носители переходили на итальянский. Также представителями местных администраций в городских и сельских районах внутри муниципальных границ были введены двуязычные топонимы. Однако официальное признание культурного и языкового наследия арбрешских диаспоральных групп началось только после вступления в силу закона номер 482 от 1999 г. о защите исторических языковых меньшинств [Brunetti 2005].

После 1989 года, в свете автономистских и даже сепаратистских движений в некоторых европейских странах, в Италии стала особенно актуальной проблема этнических меньшинств. В этой связи правительством страны было решено издать закон № 482 от 15 декабря 1999 г., получивший название «Нор-

мы относительно защиты исторических и лингвистических меньшинств». Реформа затронула 14 из 20 областей и 30 из 103 провинций и имела целью распространить некоторые особые гарантии на все этнические меньшинства, проживающие на территории Италии. Согласно этому закону, Республика защищает культурное наследие итальянского языка, который объявляется государственным, а также официально признает языки и культуры групп населения, говорящих на албанском, греческом, каталанском, словенском, хорватском, французском, франко-провансальском, фриульском, ладинском, окситанском, сардинском и германских языках (Мотта 2018). Таким образом, данный закон регулирует защиту двенадцати языковых меньшинств, проживающих на территории Италии. Его исполнение в основном делегировано региональным властям, а в некоторых случаях — центральным администрациям. Выделение средств на проекты, представленные местными управлениями, происходит в соответствии с положениями конкретного постановления (статья 8 указа президента от 2 мая 2001 г.) [Scuderi 2011].

После принятия закона № 482 от 1999 г. в арбрешских общинах, окончательно признанных историческим языковым меньшинством, началась разработка основных принципов, которыми необходимо руководствоваться при подготовке учебных пособий по арбрешскому языку. Однако лингвистическое планирование выявило трудности, связанные с выбором и дальнейшим использованием единой языковой модели. На семинаре, проведенном в Пьяна-дельи-Албанези, было решено, что необходимо прежде всего ориентироваться на местное лингвистическое разнообразие, поскольку использование стандартного албанского языка или искусственно созданного койне приводит к утрачиванию исторических ценностей [Savoia 2000: 35–36]. Планировалось, что школа должна превратить арбрешский в живой разговорный язык. «Даже при наличии лексических заимствований из итальянского и итало-романских диалектов, которые представляют специфику арбрешских говоров, может быть разумным предпочесть итальянизму албанский синоним, существующий в современном обиходе, даже если он архаичен» [Altimari 2000: 16].

Несмотря на предложения, выдвинутые на семинаре, первое языковое руководство под названием «Скандербег 3000», опубликованное в рамках одноименного проекта арбрешского сообщества, представляло лингвистическую модель, строго ориентированную на албанский стандарт. Год спустя муниципалитет Пьяна-дельи-Альбанези внес в руководство некоторые корректировки, расширяющие область применения местного диалекта [Matranga 2015].

С 1999 г. муниципалитеты стали активно разрабатывать свои проекты, получившие значительное государственное финансирование. Так, например, в 2001 г. в Пьяна-дельи-Альбанези был представлен проект «Hora 2002», предусматривавший курсы языковой подготовки, перевод на диалект и печать туристических справочников, создание документальных

фильмов об арбрешах, приобретение и установку топонимических двуязычных знаков [Scuderi 2011: 189–190]. Кафедра албанского языка и литературы педагогического факультета Университета Палермо представила проекты «Alba first annuity» и «Alberia 2002», на которые была выделена сумма в размере свыше 600 тысяч евро. Проект «Alba» был направлен на реализацию более широкого распространения арбрешского диалекта посредством медиа, которые бы связывали между собой албанские общины; «Alberia 2002» предусматривал открытие языковых центров с устными и / или письменными переводчиками, образовательную подготовку студентов университетов, архивные исследования для восстановления топонимии, а также рекламную деятельность [Ministero 2002]. Студенты получили возможность поехать в Албанию и Косово с целью выучить албанский язык, чтобы затем работать в языковых бюро. По словам информантов, на тот момент служащий мог получать до 400 евро в месяц, и такая зарплата считалась в селах престижной [Новик, ПМ 2002 г.].

Все вышеупомянутые проекты были повторно профинансированы, и к 2004 г. было завершено 9 документальных фильмов. Муниципалитеты Санта-Кристина-Джелы и Медзоюзо также разработали свои проекты по восстановлению языка и традиций[55]. В Палаццо-Адриано планировалась редакционная деятельность, создание мультимедийной библиотеки рукописей, а также нового веб-сайта для популяризации арбрешской культуры. Муниципалитет Контесса-Энтеллины представил проект, включавший запись видеоматериалов, посвященных византийскому обряду, выпуск радиопередач о греческой литургической музыке, печать монографий по истории сообщества, открытие театральных мастерских, создание цифровых платформ [Scuderi 2011: 190–192].

К 2006 г. коммуны Пьяна-дельи-Альбанези, Контесса-Энтеллина и Санта-Кристина-Джела создали ассоциацию “Besa,, (арбр. «Клятва»), к которой позднее присоединился Медзоюзо. Проект включал несколько направлений: обучение студентов, издание в печатном и онлайн-формате двуязычного журнала, посвященного истории, традициям и языку; выпуск документального фильма, открытие театральной мастерской.

До 2003 г. денежные средства выделялись не только муниципалитетам, но и отдельным ассоциациям, культурным центрам, университетам и религиозным организациям, работавшим над защитой языка и культуры языковых меньшинств. Например, Народный театр арбрешей готовил музыкальный проект, некоторые частные ассоциации (Pro Loco Piana degli Albanesi, Contessa Entellina, Palazzo Adriano) при участии региона реализовали дея-

[55] Проект Медзоюзо носил название «Возвращение в прошлое — это наше настоящее: мы восстанавливаем язык и традиции» и предполагал издательскую деятельность, выпуск видео- / телевизионного журнала, производство DVD, организацию выставки «Духовное искусство в Медзоюзо», и был профинансирован в размере 90 тысяч евро.

тельность по продвижению культуры и туризма. Pro Loco опубликовала издание «Историко-антологический облик арбрешской литературы на Сицилии». Кооперативное сообщество Медзоюзо «Alessandro Scarlatti» проводило работу по возрождению песен византийской литургии. Благодаря предложению совместить современные оркестровые аранжировки с чтением религиозных текстов возрос интерес арбрешей к собственному историко-культурному наследию, и впоследствии на факультете изящных искусств Университета Палермо и в Музыкальной консерватории «Винченцо Беллини» были учреждены кафедры византийской музыки [Scuderi 2011: 196–197].

Другие меры, так или иначе связанные с осуществлением закона 482/99, были предприняты арбрешскими общинами совместно с провинцией Палермо, проект носил название “Brinjat,, (арбр. «Склоны»). Задача по достижению соглашения между участниками была поручена Пьяна-дельи-Альбанези как ведущему муниципалитету, а надзор и координация деятельности выполнялась Университетом Палермо. Проект имел большое социальное и культурное значение и был направлен на развитие туризма, социально-культурное продвижение, принятие мер по восстановлению культурного наследия, расширение библиотечных коллекций [Belluscio 2010: 37].

Итало-албанская церковь с активной позицией духовенства, как и в прошлом, выполняет роль одного из самых сложных и значимых социальных и культурных институтов. На протяжении веков его представители организовывали и проводили мероприятия, направленные на культивирование этнической специфики арбрешей и поддержание их идентичности. Епархия Пьяна-дельи-Альбанези играет решающую роль в сохранении византийского обряда [Сулоева 2021: 49–56]. Одной из важнейших инициатив не только в религиозной, но и в культурной и туристической сферах стала организация празднования Пасхи с привлечением различных СМИ. Кроме того, епархия выступила с проектом по популяризации как печатных, так и видеоматериалов [ПМА 1].

Кафедра албанского языка и литературы педагогического факультета Университета Палермо под руководством профессора Маттео Мандала провела серию конференций, семинаров, языковых курсов, опубликовала множество научных исследований. Кафедра филологических и лингвистических наук факультета литературы Университета Палермо осуществила создание Лингвистического атласа Сицилии (ALS: Atlante linguistico della Sicilia) и Архива сицилийских говоров (APS: Archivio delle Parlate Siciliane), уделив при этом особое внимание защите языков меньшинств. Различные научно-исследовательские институты внесли неоспоримый вклад в развитие образования, реализовав программы по языковому обучению для учеников и их родителей, педагогического состава и взрослых в целом, они добились больших успехов и возродили интерес к местной культуре. Так-

же было проведено библиографическое исследование, которое позволило сделать обзор основных журналов, специализирующихся на лингвистике, литературе и истории, осуществлен перевод брошюр и других материалов, относящихся к распространению информации как о законе 482/99, так и о местной истории и культуре. В этот же период развернулась активная деятельность по поддержке преподавания арбрешского в школах посредством создания «Языковой лаборатории», которая позволила школьникам улучшить свои знания в соответствии с современными методами обучения. Для начальной и средней школы были написаны учебники арбрешского с использованием албанского алфавита[56]. В учебный процесс были внедрены новые методы, опирающиеся на театральные подходы, аудирования, различные творческие задания [Scuderi 2011: 188].

Университет Калабрии, а именно кафедра албанского языка и литературы, в силу своего опыта, а также местоположения всегда являлась основным центром защиты и продвижения культуры арбрешей в Калабрии. После издания закона 482/99 Калабрийский университет открыл координационный центр образовательных программ для исторических общин провинции Козенца. Университетом были запланированы различные учебные курсы для подготовки госслужащих, отвечавших за языковую политику провинции, а также магистратура по теме итало-албанской лингвистической и культурной политики. В соответствии с законом и открывшимися новыми возможностями в начальных школах начали реализовывать учебные программы [Belluscio 2008:112].

Таким образом, ключевыми центрами культурного сопротивления албаноязычных меньшинств стали образовательные учреждения, а именно кафедры албанского языка и литературы, церковные организации и некоторые частные ассоциации. Поставленные перед ними задачи изначально включали ведение переписки с офисами государственной администрации на языке меньшинства, обеспечение перевода актов и документов, предназначенных для общения с общественностью, распространение знаний о культуре и языке. За семь лет активной деятельности благодаря приложенным совместным усилиям сфера использования арбрешского значительно расширилась.

Актуальные проблемы, связанные с изучением и преподаванием арбрешского

С наступлением мирового финансово-экономического кризиса в 2008 г. обострились многие экономические проблемы в стране. По раз-

---

56 В 2000 г. одним из первых появился букварь “Udhëtimi„ под редакцией Матео Мандала, Джузеппе Скиро ди Маджио, Джузеппе Скиро ди Модика и др. а в 2001 г. учебник “Udha e mbarë„ [Belluscio 2008].

мерам государственного долга Италия вошла в пятерку «лидеров» по Европе. Стремительный рост безработицы, дефицит бюджета и возросший внешний долг повлияли не только на итальянскую, но и европейскую экономику в целом. Страна до сих пор преодолевает последствия кризиса, затронувшие все сферы деятельности. Начиная с 2008 г. арбрешские общины были лишены финансирования, а вместе с ними и все частные организации, занимавшиеся вопросами местного языка и культуры, оказались без поддержки государства. Многие представленные ранее проекты были приостановлены или прекращены, и в целом языковая ситуация в общинах обострилась.

Приведем слова одного из информантов (Бертини К. 1991 г. р., арбреш):

> Мне было 10 лет, когда вышли первые школьные учебники, по которым мы занимались, я даже помню цвета обложек. Тогда в учебном расписании стояло четыре часа арбрешского, сейчас хорошо если один час оставили, а то, может, и ни одного. С наступлением кризиса закончились деньги, перестали издавать новые пособия. Многие наши учителя уже ушли на пенсию, преподавать некому, ситуация становится опасной. (ПМА1).

Во всех арбрешских общинах есть как дошкольные учреждения, так и начальные и неполные средние школы, высшие средние школы обычно являются частью других образовательных институтов и имеются лишь в очень немногих поселениях. Большинство образовательных учреждений находятся в ведении государства, однако на территории епархий Лунгро и Пьяна-дельи-Альбанези дошкольные организации могут быть как государственными, так и частными, то есть управляться представителями орденов Итало-албанской церкви. На основании полученной автономии обучения[57] школы могут подавать заявки на финансирование программ по арбрешскому диалекту в соответствии с законом 482/99 [Belluscio 2010: 18–19].

---

[57] В сентябре 2000 г. в итальянской системе образования была проведена реформа, обеспечивающая преподавательскую и административную автономию и лишь косвенно улучшающая стратегии, программы и учебную деятельность. Чтобы упростить управление и увеличить численность учеников, многие школы объединились, в результате чего появились общеобразовательные учебные заведения (ит. istituti comprensivi). При этом финансовые и организационные ограничения, возникающие в результате слияния школ, в некоторых случаях могут создавать трудности для реализации конкретных учебных программ, направленных на сохранение культуры языковых меньшинств. Однако положительным опытом стало объединение сразу трех школ в Калабрии, в результате чего появился Distretto Scolastico 19 (девятнадцатый школьный округ) с благоприятными для представителей арбрешской общины условиями [Belluscio, Lentini, 2002: 105–151].

С законодательной точки зрения все школы интегрированы в итальянскую систему образования[58]. Как правило, всё преподавание ведется исключительно на итальянском языке, а арбрешский в его местном варианте в основном используется при организации художественных мероприятий в зависимости от личного выбора преподавателя. На сегодняшний день в итальянском законодательстве нет положения, которое бы гарантировало, что только носители арбрешского диалекта могут преподавать ученикам на начальном уровне, поэтому школы, в которых нет учителей-арбрешей, приглашают на работу итальянцев. Если в прошлом дети первые шесть лет говорили только на арбрешском, и основной задачей школы было обучение их итальянскому языку, то в настоящее время дети идут в начальную школу уже с уверенными и постоянно улучшающимися знаниями итальянского, в то время как всё меньшее количество дошкольников владеет обоими языками. Программа двуязычного образования пока не может быть реализована не только в связи с отсутствием соответствующего закона, но также со слабым финансированием. Проблемы вызывают учебные материалы[59], а также несогласованный и фрагментарный характер двуязычного преподавания, которое зависит исключительно от инициативы учителя [Altimari 2007: 69–71].

Сегодня вопрос изучения арбрешского в школе сформулирован более четко по сравнению с первыми годами сразу после утверждения закона 482/99. Представители арбрешской диаспоры считают, что лингвистические различия между местными вариантами диалекта, а также между арбрешским и литературной нормой албанского языка сами по себе не являются решающими в вопросе возможного преобразования местного

---

58 Школьное образование в Италии состоит из трех ступеней: пять лет в начальной школе, три года в младшей средней и пять в старшей средней. Посещение неполной средней школы обязательно для учащихся в возрасте от одиннадцати до четырнадцати лет, изучающих предметы, которые относятся к общеобразовательной программе. После трех лет обучения ученики получают аттестат и начинают высшее среднее образование или профессиональную подготовку к работе. Высшее среднее образование не является обязательным и дает ученикам возможность выбрать путь обучения, наиболее соответствующий их потребностям и интересам. Сертификат, выданный в конце этого периода, позволяет поступить в университет.

59 В 1960-х годах были опубликованы различные пособия по преподаванию арбрешского языка [Gangale, 1964; Golletti, Baffa, 1977 и 1979]. Для младших классов средней школы единственный учебный материал состоит из “Udha e mbarë„ [Mandalà et al. 2001], “Alfabetizzazione arbëreshe„ [Bruno et al. 2000], “Libri im i parë„ [Baffa et al. 2003], “Zëmi e xëmi„ [Cardamone 2005], которые предназначены больше для начальной школы, чем для средней. На сегодняшний день не существует новых учебников или переизданий старых, кроме того, Министерством образования и науки не проводятся официальные проверки на предмет языковых стандартов и содержания [Belluscio 2010].

идиома в Ausbausprache[60]. Современный разговорный арбрешский нуждается в письменном языке, который представлял бы расширенный вариант стандартного албанского, включающий некоторые архаичные особенности морфосинтаксической и лексической системы арбрешского диалекта [Matranga 2015].

По мнению Альтимари, гипотеза преобразования арбрешского в самостоятельный язык, отделенный от албанской макросистемы, лингвистически несостоятельна и политически недостижима. Дистанция, существующая между арбрешами и албанцами, не представляет собой вопрос языковой политики, а является дидактической проблемой, которая должна быть поставлена и решена изнутри при помощи соответствующих методологий. Принимая во внимание уже приобретенные лингвистические знания, а также все языки, используемые в сообществе, необходимо развивать коммуникативную компетенцию учащихся образовательных учреждений в местах компактного проживания языковых меньшинств [Altimari 2007: 75–77].

Арбрешскому ученику, который живет в ситуации сложного двуязычия, необходимо предложить лингвистическое образование, цель которого состоит в том, чтобы гарантировать ему эффективные условия равного двуязычия. Для достижения этой цели сначала должен быть осуществлен переход от устной речи к письменной с учетом как местного языкового разнообразия, так и стандарта. Далее необходимо акцентировать внимание учащегося на различиях между диалектными вариантами как арбрешского, так и албанского, а также на общих чертах, которые характеризуют обе лингвистические системы. На последнем этапе для пятидесяти диалектных разновидностей арбрешского можно будет принять некую общую форму, в значительной степени сосредоточенную на орфографической, фонологической и морфологической модели стандарта [Altimari 2007: 78].

Несмотря на то, что арбрешский не является основным языком обучения и никогда не использовался для преподавания других дисциплин, благодаря закону 482/99 он перестал быть внеклассным предметом, также увеличилось количество отдельных мероприятий, связанных с его восстановлением, защитой и распространением. Автономия школ позволяет адаптировать программы к особым языковым и культурным потребностям различных итало-албанских общин. На сегодняшний день арбрешский преподают в государственных школах, но только два-три часа в неделю (чаще один час в неделю). Это может быть локальная разновидность диалекта или стандартный албанский язык. В частных школах у родителей есть возможность высказывать свои пожелания относительно учебного процесса. Если большинство считает, что язык диаспоры обладает более

---

60 Ausbausprache («развитый язык») — автономный по отношению к другим языкам, функционально полноценный язык, имеющий собственный письменный стандарт и определенный официальный статус [Kloss 1967].

низким культурным статусом и в современном и глобализированном мире не является полезным с практической точки зрения (в отличие, например, от английского), то арбрешский может быть исключен из программы [Belluscio 2008: 132].

Младшие средние школы почти во всех арбрешских общинах находятся в ведении государства. По сравнению с 1995 г., когда многие из них были автономными, в результате реформ последних лет они стали частью других образовательных учреждений. Большинство арбрешских детей посещают высшие средние школы за пределами своей общины, например в Спеццано-Альбанезе, Сан-Деметрио-Короне, Сан-Марцано-ди-Сан-Джузеппе, Пьяна-дельи-Альбанези и Лунгро. Преподавание арбрешского диалекта в средней школе распространено еще меньше, чем в начальной. Учителя, которые имеют албанское происхождение, редко используют свой диалект в качестве основного языка [Altimari 2007: 75–75]. Однако общественные мероприятия и научные исследования, связанные с местным языком и культурой, более распространены. Курс албанского языка и литературы есть только в Сан-Деметрио-Короне при классическом лицее, открытом Иеронимом де Рада[61], и он регулируется в соответствии с образовательными стандартами Итальянской Республики, в остальных общинах подобные курсы не являются обязательными и осуществляются только при наличии необходимого финансирования[62].

В результате общего сокращения населения по всей Италии в настоящее время наблюдается снижение численности школьников, особенно в арбрешских общинах. Такая тенденция в большей степени связана с трудовой миграцией, когда молодые семьи в поисках работы и бóльших возможностей вынуждены переехать в областные центры, где не говорят на языке арбрешей [ПМА 1]. На сегодняшний день нет официальной статистики относительно количества учеников, изучающих арбрешский в школах, расположенных как на территории общин, так и за их пределами, также нет общих данных о языковом статусе учащихся. Это касается всех уровней школьного образования. Проблема сбора статистики в арбрешских селах

---

61 Иероним де Рада (1814–1903) — арбрешский писатель, поэт, журналист, прославленный общественный деятель.

62 В течение 2002–2003 учебного года Государственный научный лицей в г. Паола (Калабрия) получал финансирование от регионального правительства для проведения 30-часовой программы по изучению албанского языка и культуры. Курс проводился во второй половине дня для арбрешских учеников из соседней общины Фальконара-Альбанезе и существовал благодаря тесным отношениям с албанской средней школой Pjetër Meshkalla в Шкодре. Данный курс был частью разработанной почти десять лет назад программы по обмену между школами и завершился двуязычным театральным представлением, поставленным арбрешскими и итальянскими учениками, а также гостями из других общин [Belluscio 2010: 43].

остается актуальной, так как пока не разработан комплексный подход к ее решению [Savoia 2015: 278].

Для студентов, которые решили не продолжать учебу после окончания неполной средней школы, существуют программы профессионального обучения. Такие курсы проводятся на уровне региона или провинции и различаются по продолжительности и целям. Нет конкретных законов о профессиональном образовании, предполагающем изучение арбрешского или его использование в качестве средства обучения. Курсы не предназначены специально для студентов, говорящих на языке диаспоры [Belluscio 2010: 57].

Посещая высшие учебные заведения на территории Италии, арбрешские студенты так же не могут изучать, практиковать и улучшать свой язык. Такая возможность есть только в университетах Калабрии, Палермо, Рима, Неаполя, Лечче, Бари и Венеции, где были учреждены следующие кафедры: албанского языка и литературы, албанской филологии и албанской диалектологии. Только в вышеупомянутых специализированных областях, благодаря присутствию лекторов албанского или арбрешского происхождения, студенты, помимо изучения албанского языка, могут посещать лекции и сдавать экзамены на албанском языке. По окончании курса выпускники часто выражают желание написать и защитить диссертацию на тему, связанную с албанистикой, и вносят тем самым значительный вклад в продвижение знаний, связанных с арбрешской общиной [Belluscio 2008: 139–141].

В 1991–1992 учебном году впервые в Италии была учреждена докторская степень по албанологическим исследованиям. В феврале 2004 года в Университете Потенцы (ит. Università degli Studi della Basilicata) для албаноязычных выпускников из разных регионов была открыта программа постдипломного образования[63] «Преподавание арбрешского языка», аналогичная программа появилась чуть ранее в Университете Молизе [Belluscio 2010: 35]. Наконец, в феврале 2009 года в Университете Калабрии была учреждена университетская магистратура второго уровня программы «Лингвистический и культурный оператор арбрешского региона» (ит. Operatore linguistico e culturale di area arbëreshe). Данный учебный курс был рассчитан на сотрудников муниципальных служб для оказания языковой поддержки в районах компактного проживания меньшинств. Учреждение магистратуры и учебного курса произошло на основании меморандума о взаимопонимании, заключенного между провинцией Козенца и университетом Калабрии. Основная цель заключалась в том, чтобы посредством профессиональных тренингов обучить персонал вести переписку с представите-

[63] Согласно итальянской системе образования, по окончании четырехлетнего курса бакалавриата студент может пройти магистерский курс обучения, проводимый государственным или частным университетом. Итальянская магистратура является двухуровневой системой образования: первый уровень считается магистратурой, а второй — докторантурой.

лями языковых меньшинств и помочь им лучше понимать текущую ситуацию на территории арбрешских общин (Brunetti 2005). Также в Калабрии работает Ассоциация албанских учителей Италии (AIADI: Associazione Insegnanti Albanesi d'Italia), основанная в 1965 г. Целью AIADI является сохранение культурного наследия арбрешей и работа со школьными сообществами для развития понимания настоящей и исторической ценности местной культуры. Однако, по словам информантов, в последнее время ассоциация дистанцировалась от реальных проблем школьного образования, последней значительной услугой для школ стало издание учебника как для начальных, так и для младших классов средней школы [ПМА 1].

Университеты осуществляют поддержку также при подготовке специалистов по языку и культуре арбрешей для начальных и неполных средних школ, если в учебную программу включены такие курсы. Кафедры албанского языка и литературы в Университете Калабрии и Университете Палермо поддерживают тесное сотрудничество в области образовательной деятельности и проводят постоянные консультации для преподавателей. Однако нет каких-либо структурированных программ обучения, и оно не является обязательным. Школы берут на себя инициативу по проведению курсов повышения квалификации, которые носят непродолжительный характер [Belluscio 2010: 50].

Кроме того, не существует каких-либо учебных программ по арбрешскому диалекту для взрослых, которые были бы рассчитаны на разные социальные группы. В поселениях Акваформоза, Паллагорио, Сан-Костантино-Альбанезе, Вена-ди-Майда и Караффа-ди-Катандзаро в соответствии с положениями закона 482/99 периодически проводились курсы для сотрудников местных органов власти, однако участники проявили очень низкий интерес к обучению, поскольку половина из них не владела арбрешским [Savoia 2001: 45]. Несмотря на то, что за последние два года проводимые меры способствовали достижениям арбрешских исследователей в таких областях, как лингвистика, литература и история, они не были направлены непосредственно на повышение грамотности[64]. На сегодняшний день нет точной информации о степени владения арбрешским диалектом и его использовании. В годовом отчете Министерства внутренних дел Италии за 2002 год сообщалось, что в 46 поселениях проживали 70 343 носителей итало-албанского языка, однако в расчет не были приняты те села, жители которых утратили свой язык и частично традиции и более не ощущают себя частью арбрешской диаспоры [Perta 2004].

---

[64] Еще в 1972–1976 гг. исследователь Харрисон проводил полевые исследования. Согласно полученным данным, лишь 8% арбрешей могли грамотно писать на своем языке, с тех пор ситуация изменилась в незначительной степени [Harrison 1979: 185].

Отношение арбрешей к своему языку

Из-за сложной лингвистической ситуации, сложившейся в арбрешских общинах, среди населения возникли диаметрально противоположные взгляды в отношении местного языка и культуры. В отличие от итальянского, который используется в сфере бизнеса, торговли, производства и воспринимается арбрешами как официальный язык, арбрешский диалект имеет достаточно ограниченную область применения, распространяющуюся на частную жизнь. Такое неравное соотношение двух языков привело к тому, что некоторые арбреши стали считать итальянский более престижным по сравнению с их собственным идиомом. Это прослеживается на примере двух исследований, проведенных в некоторых общинах Козенцы (Калабрия) Марио Болоньяри. По данным опроса 1978 г., популярность использования арбрешского была очень низкой [Bolognari 1978: 47–48]. Многие респонденты высказались о невостребованности родного языка, о трудностях, которые он создает при общении с представителями других этносов, не давая при этом никаких преимуществ. Другие выразили желание не раскрывать своего происхождения и не использовать арбрешский в повседневной жизни. Наконец, респонденты из третьей группы, состоявшей в основном из мигрантов, отметили, что полностью отказались от родного языка в пользу итальянского [Там же: 49]. Однако к 1986 г., т. е. более чем десятилетием ранее принятия закона 482/99 о защите исторических меньшинств, престижность языка арбрешей существенно возросла [Bolognari 1986].

Интенсивность преподавания арбрешского в школах и его более широкое использование после вступления в силу вышеупомянутого закона 482/99 способствовали улучшению ситуации в целом [(Brunetti 2005]. Однако, по словам информантов, этого недостаточно, чтобы современная молодежь в полной мере могла овладеть родным языком, хотя интерес к нему и возрос в последнее время. Несмотря на законодательство, которое разрешает применение языков меньшинств в различных сферах, продвижение языка арбрешей и его использование в официальных документах и социально-бытовых контекстах всё еще является проблемой. Письменный арбрешский пока не получил достаточного распространения. В отличие от своих бабушек и дедушек, молодое поколение, хотя и выражает желание говорить на своем языке, вовсе не умеет на нем писать или использует для этого итальянский алфавит [ПМА 1].

Степень присутствия и распространения языка в социальных сферах варьируется в зависимости от количества носителей в каждом конкретном сообществе. Например, на Сицилии в селе Пьяна-дельи-Альбанези, которое более развито в социально-экономическом плане, чем другие, уровень распространенности арбрешского диалекта намного выше, даже среди

молодого поколения. Приведем слова одного из информантов [Скиро Дж. 1970 г. р., арбрешка]:

> «Молодежь не стесняется своего языка, наоборот, испытывает радость и даже гордость за него. В Хоре никто не чувствует, что итальянский лучше или престижнее, поскольку на протяжении всего существования нашей деревни всегда были люди и институты, говорившие о важности нашей культуры. Я слышала о том, что в Калабрии были случаи, когда арбреши стеснялись или даже боялись разговаривать на своем диалекте, думаю, это связано с невежеством. На Сицилии арбреши гордятся своим происхождением. Трудности могут возникать из-за особенностей нашего акцента, который имеет характерную интонацию и звучит тяжело. В основном дети, которые поступают в учебные заведения Палермо, быстро ассимилируются и перенимают акцент палермских итальянцев» [ПМА 1].

Тем не менее, наметившаяся в последние годы тенденция перехода на итальянский язык становится всё заметнее, и связано это еще и с трудовой миграцией. Согласно данным, полученным от информантов, население деревень сократилось в три раза, многие эмигрировали в Европу и Америку, в крупные итальянские города[65]. Арбрешей меньшинство, поэтому основным языком большинства становится итальянский. Кроме того, языковая проблема тесно связана с утратой многими общинами византийского обряда. Приведем отрывок из нарратива:

> «Когда ассимилируется церковь, утрачивается и язык. Например, греки, живущие в Италии, утратили свой язык, потому что не смогли сохранить обряд. На Сицилии тоже есть поселения, где с исчезновением византийского обряда население перешло на итальянский. Проблема противостояния сицилиец vs арбреш или калабриец vs арбреш по-прежнему актуальна» [ПМА 1].

Не только в арбрешских поселениях, но и в Италии в целом произошли заметные демографические изменения: увеличился уровень смертности, снизилась рождаемость, значительный процент жителей сельской местности составляют пенсионеры. В деревнях сократился прием в дошкольные учреждения и начальные школы, при этом всё более распростра-

---

65 Согласно переписи 2001 г., в Калабрии наблюдается устойчивое сокращение арбрешской общины: в провинции Козенца с 1991 г. общая численность населения уменьшилась на 2,3%, а в провинции Кротоне сокращение составило 3,4% [IRRE: 2001].

нены комбинированные классы. Информанты отмечают, что число тех, кто заканчивает обязательное школьное образование внутри общины, заметно уменьшилось [ПМА 1].

Однако есть и положительные тенденции: важный вклад вносят многочисленные службы поддержки языков (ит. sportelli linguistici), осуществляющие деятельность по распространению арбрешского в системе государственного управления на уровне провинций. Также прилагаются усилия к тому, чтобы почтовая служба распознавала двуязычные географические названия и использовала их в любых официальных документах, выпускаемых внутри сообщества [Belluscio 2010: 15]. Согласно сведениям, полученным от информантов, молодое поколение проявляет большой интерес к семинарам и летним школам албанского языка и литературы, которые ежегодно проводятся университетами Тираны и Приштины. Приведем пример из нарратива [Паче Ф. 1985 г. р., арбреш]:

> «С тех пор, как мы стали участвовать в международном семинаре албанского языка и литературы в Приштине, мы почувствовали еще большую гордость за свой язык и культуру. Каждый год число арбрешских студентов, отправляемых на семинар, растет, надеюсь, что так будет и дальше» [ПМА 1].

Также с каждым годом увеличивается процент арбрешей, которые уезжают в Албанию и работают в сфере туризма или гостиничного бизнеса, многие вступают в брак с албанцами и учат стандартный албанский. Жители тех поселений, где местный язык был утрачен, также стремятся поступить на отделение албанского языка или поехать в Албанию, чтобы изучать литературную норму [ПМА 1].

Сегодня арбреши не только лучше понимают свое место в истории, социально-политическое положение, но также осведомлены в культурных и образовательных проблемах. Возросший интерес к собственному языку прослеживается в многочисленных проектах, разработанных ассоциациями по развитию культуры, в исследовательской и педагогической работе, которую ведут отделения албанского языка и литературы в итальянских университетах. Преподавание арбрешского языка не является непосредственной обязанностью регионов, оно во многом зависит от руководства провинций, муниципалитетов, готовности учителей и директоров школ. Тем не менее, местные законодательные акты могут стать мощным стимулом для развития языковых программ для детей и / или взрослых.

Выводы

Многочисленные преобразования последних десятилетий в социальной и экономической сферах в значительной степени способствовали повышению внимания арбрешей к собственной культуре, которую они сохраняли на протяжении более пяти веков. В условиях глобализационных процессов язык диаспоры по-прежнему остается ключевым маркером идентичности и выполняет этнодифференцирующую функцию. Для большинства представителей албанской общины арбрешский диалект является предметом гордости и передается из поколения в поколение, несмотря на усилившуюся в последнее время италоязычную коммуникацию. Молодежь проявляет живой интерес к изучению своего языка, в этом им помогают образовательные учреждения и различные ассоциации. Увеличилось число мероприятий, связанных с преподаванием диалекта, а также восстановлением, защитой и распространением арбрешской традиционной культуры.

Благодаря введению закона о защите языковых меньшинств, для арбрешей Италии школьное образование превратилось из инструмента, долгие годы поддерживавшего доминирование итальянского, в средство защиты местного языка и культуры. В настоящее время прилагаются все усилия, направленные на поддержание и продвижение арбрешского диалекта. Однако такие проблемы, как общее сокращение населения, трудовая миграция, закрытие школ, почтовых отделений и других объектов инфраструктуры, недостаток образовательных стратегий и слабое финансирование привели к тому, что сегодня язык арбрешей находится под угрозой исчезновения. Быстрое развитие коммуникационных технологий, растущая мобильность людей влияют на восприятие своей традиционной культуры, наблюдается ослабление социальных связей, размывание этнических границ и снижение ценностных ориентиров.

Для решения проблем, связанных как с внутренней, так и с внешней «жизнеспособностью» арбрешского диалекта и его вариаций, необходимы меры, направленные на защиту и моделирование коммуникативного пространства, в котором носители могли бы использовать свой язык. И хотя многочисленные исследования последних лет внесли вклад в теоретико-методологический подход к этим вопросам, угроза исчезновения арбрешского остается актуальной. Не только образовательная система и повышение уровня грамотности могут продлить жизнь местных языков, необходимо достаточное финансирование, направленное на развитие языковых проектов.

Источники и материалы

ПМА 1 — Полевые материалы автора. Интервью, записанные с помощью программ Whatsup, Viber, Zoom в 2020–2021 гг. (информанты — С. Скиро 1988 г. р., Г. Паррино 1990 г. р., Дж. Скиро 1970 г. р. и др.).

Новик 2002 — Албания. Полевая тетрадь. Интервью, записанные от студентов Пьяна-дельи-Альбанези, принимавших участие в Летней школе по албанскому языку в Университете Тираны в сентябре 2002 г.

INSTAT 2014 — INSTAT, Albanian Institute of Statistics, (2014) Migration in Albania https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.10/2014/mtg1/WP_22_Albania_1_ru.pdf (дата обращения 10.05.2021).

Ministero dell'Istruzione — Ministero dell'Istruzione, dell'Università e della Ricerca. Piano di interventi e di finanziamenti per la realizzazione di progetti nazionali e locali nel campo dello studio delle lingue e tradizioni culturali degli appartenenti ad una minoranza linguistica. https://www.miur.gov.it/documents/20182/2432359/prot+499+del+14+gennaio+2020.pdf (дата обращения 16.03.2021).

Matranga 2015 — *Matranga V*. Arbëreshë, Versione 2 // Korpus im Text, Serie A, 12805. 2015. http://www.kit.gwi.uni-muenchen.de/?p=12805&v=2 (дата обращения 20.12.2020).

Научная литература

Арш Г. Л., Иванова Ю. В., Колпакова О. А., Смирнова Н. Д. 1992. Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней / под ред. Г. Л. Арша. М.: Наука. 512 с.

Сулоева М. А. 2021. Роль итало-албанской церкви и функция византийского обряда в конструировании идентичности арбрешей Сицилии // Вестник антропологии, № 2 (54). С. 44–60.

Altimari F. 1986. Lesilio della parola. La minoranza linguistica albanese in Italia. Profili storico-letterari, antropologici e giuridico-instituzionali. F. Altimari. Bolognari. P. Carrozza (a cura di). Cap. I. P. 1–31.

Altimari F. 2007. L'albanese in ambito scolastico arbëresh: alcune questioni poste dalla didattica di una lingua minoritaria // Convegno Minoranze linguistiche e Italiano L2 in area abruzzese e molisana. Tra sociolinguistica e glottodidattica. C. Consani, P. Desideri (eds.). Pescara, Italy, 6–8 April 2005. Roma: Carocci. P. 73–84.

Belluscio G. 1995. Albanian in the Albanian communittes in Italy // Teacher Training of Minority Languages for Primary and Secondary Education. Dekkers (ed.), Mercator Education, Vol. II. P. 443–462.

Belluscio G. 2010. Albanian: the Albanian language in Education in Italy (Regional dossiers series). Mercator European Research Centre on Multilingualism and Language Learning. 73 p.
Belluscio G., Lentini V. 2002. La minoranza linguistica italo-albanese: Aspetti educativi e culturali. Catanzaro: IRRE Calabria.
Bolognari M. 1986. Profili antropologici // La minoranza linguistica albanese in Italia. Profili storico-letterari, antropologici e giuridico-istituzionali. F. Altimari, M. Bolognari, P. Carrozza (a cura di). Pisa, ETS Editrice. P. 34–113.
Bolognari M. 1978. L'insegnamento scolastico dell'arbresh // Il silenzio della tradizione. Caltanissetta-Roma: Sciascia. P. 45–86.
Brunetti C. 2005. Dalla negazione al riconoscimento. La condizione giuridica delle minoranze linguistiche. Soveria Mannelli: Rubbettino.
Çabej E. 1994. Storia linguistica e struttura dialettale dell'abanese d'Italia // I dialetti italo-albanesi. Studi linguistici e storico-culturali sulle comunità arbëreshe. F. Altimari e L. M. Savoia (a cura di) Roma: Bulzoni. P. 85–105.
Emmanuele D. 1988. Arberia: storia, cultura e folklore. Castrovillari. 260 p.
Ferguson Ch.A. 1959. Diglossia // Word (the journal). No 15. P. 325–40.
Fishman J. A. 1972. Language in sociocultural change, Standford California: Standford University Press.
Gambarra D. 1980. Parlare albanese nell'Italia unita // Zjarri, anno XII, No. 27. P. 49–67.
Harrison G. 1979. La doppia identità. Una vertenza antropologica nella minoranza etnicolinguistica arbëresh. Palermo: Sciascia.
Harrison G. 1992. Scuola, dialetto, minoranze linguistiche. L'attività legislativa in Sicilia (1946–1992) // Centro di studi filologici e linguistici siciliani, Palermo.
Maddalon M., Belluscio G. 1999. Albanian and Italo-Albanian a difficult case of (socio-) linguistic contact // L. Rapp (ed.), Akten des 34. Linguistischen Kolloquiums, Germesheim (10–14 October 1999, Vol. 1) Mainz: Peter Lang. P. 193–202.
Mastroberti F. 2008. Le colonie albanesi nel Regno di Napoli tra storia e storiografia. Bari: Università degli studi di Bari. Cacucci editore. P. 241–251.
Perta C. 2004. Language decline and death in three Arbërsh communities in Italy. A sociolinguistic study, Alessandria: Edizioni dell'Orso.
Romata E. 1964. I paesi italo-albanesi dell'italia meridionale. L'Accademia Nazionale delle Scienze di Washington. 27 p.
Savoia L. 1991. Alcuni elementi per una classificazione dei dialetti arbëresh // La lingua albanese nell'Italia meridionale. Salerno: Universita di Salerno. P. 13–52.

Savoia L. 2001. La legge 482 sulle minoranze linguistiche storiche. Le lingue di minoranza e le varietà non standard in Italia // Anon Rivista Italiana di Dialettologia. Lingue dialetti società, year XXV. Bologna: Cooperativa libraria universitaria editrice (Clueb). P. 7–50.

Scuderi G. 2011. La tutela delle minoranze linguistiche nella Regione Siciliana. Esperienze e prospettive // Miscellanea arbëreshe / A cura di Pietro Manali. Quaderni di Biblos: Società e Instituzioni 30/6. Palermo: Unione dei Comuni Besa. P. 187–215.

Solano F. 1979. I dialetti albanesi dell'Italia meridionale. Appunti per una classificazione // Quaderni di Zjarri.

Savoia L. 1991. Alcuni elementi per una classificazione dei dialetti arbëresh] // La lingua albanese nell'Italia meridionale. Salerno: Universita di Salerno. P. 13–52.

Savoia L. 2001. La legge 482 sulle minoranze linguistiche storiche. Le lingue di minoranza e le varietà non standard in Italia // Rivista Italiana di Dialettologia. Lingue dialetti società, year XXV. Bologna: Cooperativa libraria universitaria editrice (Clueb). P. 7–50.

Scuderi G. 2011. La tutela delle minoranze linguistiche nella Regione Siciliana. Esperienze e prospettive // Miscellanea arbëreshe / A cura di Pietro Manali. Quaderni di Biblos: Società e Instituzioni 30/6. Palermo: Unione dei Comuni Besa. P. 187–215.

Solano F. 1979. I dialetti albanesi dell'Italia meridionale. Appunti per una classificazione [The Albanian dialects of southern Italy. Notes for a classification] // Quaderni di Zjarri.

Zangari D. 1940. Le Colonie Italo-Albanesi di Calabria. Napoli. 175 p.

Глава 12. ВЛАШСКИЕ ГОВОРЫ И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В МАРГИНАЛЬНОМ ДАКОРУМЫНСКОМ АРЕАЛЕ ВОСТОЧНОЙ СЕРБИИ

Носители говоров румынского языка, типологически примыкающих в основном к его банатскому и олтенскому региональным вариантам, компактно проживают в восточной Сербии — в долине Тимока (на территории округов Браничево, Бор, Заечар и Поморавлье), а также в Воеводине (в Центральнобанатском и Южнобанатском округах). Последние традиционно именуются румынами, тогда как носителей дакорумынских говоров на территории восточной Сербии принято называть *влахами*. Этот этноним, как и соответствующий лингвоним, в настоящее время бытуют и среди носителей тимокских румынских говоров[66].

Общие сведения о влахах восточной Сербии

По состоянию на 2011 г., совокупное число жителей округов Браничево, Бор, Заечар и Поморавлье, декларировавших себя влахами, составляет около 31500 чел., а число жителей, назвавших себя румынами — немногим более 3000 чел. [Становништво 2011]. Города с наибольшим количеством влашского населения — Бор, Кучево, Петровац-на-Млаве и Болевац [Ethnic Minorities… 2008: 24]. Нужно иметь в виду, что материалы переписей являются не самым надежным источником для установления численности румынского (влашского) населения восточной Сербии. Данные переписей за разные годы демонстрируют резкие колебания его численности в течение коротких периодов времени. Так, согласно переписи 1948 г.,

[66] Рум. *valah* (варианты: *vlah*, *vloh*) при ср.-лат. *valachus*, слав. *влахъ*, н.-греч. Βλάχος, впервые отмечено в летописи Мирона Костина (ок. 1661 г.). В Малом академическом словаре румынского языка определяется как: (1) В прошлом название, дававшееся романскому населению другими народами. (2) Лицо, принадлежащее к романскому населению. (3) Средневековое название румын у других народов. (4) Лицо, относящееся к румынской этнической общности. (5–6) Относящийся к Валахии и валахам. (7–8) Применительно к Валахии и валахам [MDA 2010. V. 2: 1408]. Следует иметь в виду, что соответствующий этноним обычно не бытовал как самоназвание румын. В русскоязычной традиции влахи (волохи), под которыми чаще имелись в виду выходцы из Молдавского княжества, упоминаются с конца XVI в.

в восточной Сербии проживали 102953 влаха, а по данным 1953 г. — только 28074[67]. В 1961 г. их число снизилось до 1368 чел., затем снова начало возрастать: 14724 чел. — в 1971 г., 25596 — в 1981. В переписи 1991 г. зафиксировано новое падение численности влахов — 17807 чел. [Report on the state… 1998].

По словам активистов правозащитного движения, такие «появления» и «исчезновения» влахов связаны с давлением на местных жителей со стороны властей, в результате которого значительная их часть декларировала себя сербами. Крупные «исчезновения» влахов совпадали с определенными периодами в истории Югославии. В частности, с резолюцией Информбюро от 29 июня 1948 г. «О положении в Коммунистической партии Югославии» и связанной с ней антиюгославской кампанией, и в связи с так называемой антибюрократической революцией 1988 г., положившей начало концепции национальной «гомогенизации» государства [Report on the state… 1998].

Этноним «влах» (южнославянский — серб. и болг. — вариант, ср. др.-рус. и укр. «волох», устар. рус. «валах»[68]) является общим названием предков восточнороманских народов (румын, молдаван, арумын, мегленорумын и истрорумын). В прошлом у славян влахами могли называться романские народы в целом. Впервые влахи упоминаются в византийских источниках XI в. Основным занятием влахов являлось отгонное скотоводство [Русаков 2006]. В средневековых источниках наблюдается перенос термина «влахи» на представителей других этнических групп, занимавшихся отгонным скотоводством [Литаврин 2001: 135].

Л. Шэиняну определял термин *Valahia* — название, данное соседними народами княжеству *Ţara Românească*, возникшему в начале XIV в. между Карпатами, Дунаем и реками Милков, Путна и Сирет — как топоним славяно-германского происхождения, вошедший и в другие языки, но лишь изредка использующийся в румынской литературе и официальном языке [см. Şăineanu 1929]. Для большинства восточнороманских этносов термин «влахи» является экзоэтнонимом, однако у отдельных групп, живущих

---

67 В переписи 1953 г. в пункте «этническая принадлежность» среди возможных ответов отсутствовали варианты «влах» или «румын», однако влахами записывали тех, кто на этом настаивал [Report on the state… 1998].

68 Ср. также польск. *włoch* «итальянец»; ст.-чешск. *vlach* «итальянец», чешск. *valach* «пастух» (Моравия, Бескиды), венг. *olah* «румын» (от *волох*, ед. ч.) и *olász* «итальянец» (от *волоси*, мн.ч.) при *Olaszország* «Италия»; нем. *Walhe* «романцы, итальянцы, французы, народное название, которое германцы дали своим южным и западным соседям»; герм. *Wahl*, *Walak* (мн. ч. *Walahâ*) «римляне, жители римских областей», франк. *Walagoti*, герм. Wallach «мерин, кладеный жеребец» [Гирфанова, Сухачев 1994: 156–172; Фасмер 1964: 345; Grimm 1922: 544–548]. Впрочем, А. Х. Гирфанова и Н. Л. Сухачев, изучавшие происхождения топонима «Валахия», указывают, что сближение значений *валах*

в иноэтничном окружении, он принят в качестве самоназвания (например, у мегленорумын (мегленитов), а также у части истрорумын) [Русаков 2006; Гирфанова, Сухачев 1994: 156–172].

В настоящее время термин *vláhi* (*valáhi*) иногда употребляется румыноязычными информантами из восточной Сербии в качестве самоназвания наряду с термином *rumâni*.

Словосочетание *límba vláhă* («влашский язык») можно услышать в первую очередь из уст общественных деятелей, настаивающих на том, что это именно отдельный язык, а не диалект (говор)[69] румынского, хотя в настоящее время оно проникает и в речь сельских жителей. Традиционно же румыноязычные жители восточной Сербии говорили о своей речи „vorbím rumânéşte / rumâneáşce“ («мы говорим по-румынски»).

После Второй мировой войны румыноязычное население восточной Сербии подвергалось интенсивной ассимиляции. В современных школах учителя говорят и проводят занятия только на сербском. В 1960-х — 1970-х гг. во влашских селах существовали подготовительные классы, где детей обучали сербскому языку, так как многие из них, поступая в школу, абсолютно им не владели. По словам информантов, в некоторых школах

«мерин» и соответствующего этнонима является сомнительным, и что высока вероятность фонетического совпадения таких лексем, как *валах* «кастрированный бычок» (Воронеж), «боров» (Смоленск), *валух*, *валюх* «кастрированный баран или бык» (Калуга, Смоленск, Орел и др.), *волох* «падеж скота» (Тобольск) и др. с формами, продолжающими ст-слав. *влахъ*. Внелингвистические критерии в данном случае одинаково доказательны: скотоводство как основное занятие влахов (валахов, волохов) и приемы осуществления операции по оскоплению животного — бескровное механическое повреждение семенников подвязыванием (*volъ* < *valjati* «вертеть, катать, зажимать») [Гирфанова, Сухачев 1994: 156–172; Трубачев 1960: 44]. По мнению Гирфановой и Сухачева, этноним *влах* (*волох*, *валах*) мог быть отражением тюрк. *бөл* «делить», давшего в сочетании с отглагольно-именным аффиксом со значением результата действия –ы(қ)/-ы(ғ) тур. (осм.) *bölük* «часть, отдел» — форму, заимствованную впоследствии многими соседними языками: болг. *болюк*, *буюк*, макед. *булук*, рум. *buluc*, алб. *bylyk* и др. Гуннским нашествием, в которое были втянуты многочисленные тюркоязычные племена, тюрк. *бөл(ыг)* могло быть занесено на Балканы. Оно могло дать и слав. *волохъ* (в том числе и в значении «пастух»), трансформировавшееся на славянской почве в *валах* и *влах* и контаминировавшее с нем. *Wahle* [Гирфанова, Сухачев 1994: 156–172].

69 В румыноязычной лингвистической литературе принято именовать диалектами (*dialect*) дакорумынский, арумынский (македорумынский) и мегленорумынский, а территориальные варианты дакорумынского называются говорами (*grai*), что не вполне соответствует узусу приведенных русских словоупотреблений. При такой интерпретации терминов понятие «румынский язык» оказывается синонимичным восточнороманскому или балканороманскому типу в целом.

в послевоенный период и вплоть до 1970-х гг. детям запрещали говорить по-румынски не только на уроках, но и на переменах между собой[70].

Территориальное варьирование

Среди румын (влахов) восточной Сербии бытует несколько вариантов румынской речи. Это «унгурянский»[71], «царанский»[72], «мунтенский» («унгурянско-мунтенский»), представляющий собой смешение царанского и унгурянского, и «буфанский»[73] говоры. (Мы используем терминологию, предложенную Моникой Хуцану и Аннемари Сореску-Маринкович [Huţanu, Sorescu-Marinković 2015: 201–211]). Биляна Сикимич именует *царанский* говор *мунтенским* и выделяет всего три румынских говора на территории восточной Сербии: *мунтенский* (*царанский*), *банатский* (*унгурянский*) и *буфанский* [см. Sikimić 2005: 148–158].

Румынские лингвисты именуют «унгурянский» говор *банатским*, а «царанский» — *олтенским* [Panea, Bălosu, Obrocea 1996: 11]. Термины, принятые у сербских исследователей, происходят от самоназваний проживающих на территории Сербии влахов. Области распространения *царанского*, *унгурянского*, *унгурянско-мунтенского* и *буфанского* говоров можно видеть на картах, составленных местным исследователем Пауном Дурличем [Durlić 2020: 41][74].

---

70 Сведения из разных населенных пунктов разнятся. Так, информантка — уроженка с. Плавна общины Неготин, вспоминает, что во время ее обучения в начальной школе (в 60-е гг. XX в.) учительница-сербка била учеников за разговоры на родном языке. Присутствовавший при этом разговоре уроженец с. Радуевац общины Неготин, ровесник первой информантки, сказал, что в их начальной школе была учительница-влашка, и ничего подобного не было. Был и рассказ о том, что учитель-влах запрещал ученикам говорить на родном языке (с. Шипиково общины Заечар). Одна из информантов, учительница начальных классов из Шипикова (влашка), отметила, что этот запрет имел свои положительные стороны — дети всегда понимали, на каком языке они говорят в данный момент, и «смешения кодов» в рамках одной фразы не происходило. В настоящее же время, когда этот запрет не соблюдается, в речи детей происходит смешение языков.

71 Рум. *ungurean* (pl. *ungureni*) обозначает румына из Трансильвании, т. е. с территории, входившей в прошлом в состав Венгрии («Венгерской страны» — *Ţara Ungurească*).

72 Рум. *ţăran* (pl. *ţărani*) — «крестьянин, сельский житель». Влахи восточной Сербии в значении «крестьянин» употребляют слово *sătean* (от *sat* ‘село’). Самоназвание *ţărani* восходит к названию страны, из которой они прибыли — *Ţara Românească* (букв. «Румынская страна», Валахия) [см. Романски 1916].

73 *Буфаны* (*bufani*, *bufeni*) — выходцы из Олтении, в XVIII в. переселившиеся в Банат и работавшие на рудниках. Часть их в середине XIX в. перебралась в окрестности Майданпека [Vert 2001: 186].

74 На карте Дурлича отмечен также диалект румыноязычных цыган.

Активисты влашского движения, настаивающие на существовании в восточной Сербии особого влашского языка, и предпринимающие усилия по его кодификации, употребляют термины «краинско-тимокский диалект» (для обозначения олтенского или царанского диалекта) и «браничевско-хомольский диалект»[75] (для унгурянского или банатского, и унгурянско-мунтенского диалектов).

Диалектологические источники, образцы фольклора, региональная литература влахов

История публикации румынских фольклорных и диалектных текстов из восточной Сербии восходит к концу XIX в. Мы попытались в самом обобщенном виде представить языковую ситуацию на рассматриваемой территории и состояние источников изучения валашских говоров. Необходимо обратить внимание на то, что, наряду с добротными диалектологическими и фольклористическими трудами, дакорумынские говоры восточной Сербии представлены также любительскими исследованиями и авторскими текстами самих носителей рассматриваемых говоров. Данная публикация не затрагивает сугубо лингвистической проблематики, будучи скорее социолингвистическим и источниковедческим обзором. Разумеется, при этом мы считались и с языковой, и с культурно-исторической составляющими рассматриваемого сюжета. При описании записей влашской речи мы даем предварительную оценку ее типа (латиница, кириллица, ориентирующаяся на нормативную орфографию или на фонетическую транскрипцию), но более последовательная оценка фонетической нотации требовала бы изучения фонематического статуса соответствующих звуковых реализаций применительно к каждому говору, что не является объектом внимания данной главы.

Первые образцы влашской речи и румынского фольклора, собранного на территории восточной Сербии, записаны в соответствии с нормами румынской орфографии конца XIX в. и датируются 1889 г. В этом году французский филолог-романист и дипломат Эмиль Пико опубликовал в Париже «Народные песни румын Сербии» (Chants populaires des roumains de Serbie) [Picot 1889]. В этой работе приводится ряд образцов народной лирики и эпоса. Э. Пико, по-видимому, не приходилось бывать в долине Тимока, хотя он больше года провел в Румынии[76] и несколько лет в Банате,

---

75 Эти термины можно найти, в частности, на сайте Национального совета влахов [Националани савет влаха 2012].

76 С сентября 1866 по ноябрь 1867 он находился в Бухаресте в качестве секретаря Кароля I — господаря (*domnitor*) Объединенного княжества Валахии и Молдавии (1866–1881), позже первого короля Румынии (с 26 марта 1881 по 1914).

тогда еще являвшемся частью Австро-Венгрии[77]. Тексты румынских песен из долины Тимока Пико получил в 1872 г. от Стояна Новаковича[78] [Picot 1889; Филиповић 2017: 338]. В этой публикации не указано место фиксации того или иного текста, но из приведенных Пико сведений о людях, их записавших — жителях г. Неготина Джордже Димитриевиче и Светозаре Стояниновиче, можно сделать вывод, что все они были записаны в окрестностях Неготина, т. е. на территории исторической области Краина. По словам Пико, в записях, полученных им от Новаковича, эти тексты приводились на сербской кириллице, поскольку собиратели, хотя и происходили из румынских семей, умели писать только по-сербски. В публикации тексты воспроизведены на румынской латинице (в ее историческом варианте). Транслитерацию автору помог выполнить румынский писатель А. Одобеску. Все тексты Пико сопроводил параллельным французским переводом. В книге представлены любовные и сатирические песни, поговорки, потешки, один погребальный плач; образцы героического эпоса — в частности, гайдуцкие песни, и исторические песни. Среди эпических произведений представлены как локальные версии, которые встречаются на большей части территории распространения румынского языка (например, песня о герое Валашского восстания 1821 г. Тудоре Владимиреску), так и песни, связанные конкретно с историей Краины, например, песня «Стоян Булибаша» (у Пико она названа по французски: „Stojan, le Bölükbaši“), имеющая ограниченное распространение в румыноязычных ареалах [Picot 1889; Tocilescu 1900: 58–62; Цухлев 1932].

Приведем фрагмент песни «Стоян Булибаша» [Picot 1889: 32–33]:

Stojan, le Bölükbaši	**Стоян Булибаша**
Frunzuliţă ş’o lelea!	Листочек и тюльпан!
Begu din Cladova plecà	Бег из Кладово выехал
(La Ţarigrad lucru avià)	(В Царьграде у него были дела)
Şi la Dia ajunjià,	И в Видин приехал,
Mulţĭ paşĭ l’aşteptà.	Много пашей его ожидало.
La Pozvangia conacu făćià.	У Пазванджи[79] он остановился.
Pozvangia bine s’îngrijià.	Пазванджи о нем позаботился,
Mare cinste-ĭ făćià,	С честью его принял,
Bun plocon mi-ĭ gătià.	Хороший дар ему преподнес.

77 С конца 1867 по 1872 г. как вице-консул Франции в Тимишоаре.

78 Сербский филолог, историк, писатель и дипломат, бывший в тот период послом Сербии в Стамбуле. Позже (в 1906 г.) стал президентом Сербской королевской академии наук (первые 16 академиков, среди которых был и Новакович, были назначены королем 5 апреля 1887 г.). В годы Первой мировой войны занимал пост премьер-министра.

79 Имеется в виду правитель Видинского санджака Осман Пазвантоглу (1758–1807).

Следующими по времени опубликованными влашскими фольклорными текстами, по-видимому, являются те, что вошли в труд Г. Вайганда „Румынские диалекты Малой Валахии, Сербии и Болгарии“[80]. В. 1913 г. в Бухаресте вышел сборник румынских фольклорных текстов «От румын Сербии» („De la Românii din Serbia“), опубликованный лингвистом Дж. Джуглей и географом Дж. Вылсаном. В нем, в частности, присутствуют мифологическая песня „Iana Sânziana“, тимокский вариант баллады о замурованной женщине (о мастере Маноле), вариант упоминавшей ранее героической песни «Стоян Булибаша» и др. [Giuglea, Vâlsan 1913: 216; 177–182]. В 1930-е — начале 1940-х гг. ряд фольклорных текстов из долины Тимока был опубликован в румынских периодических изданиях — в журналах «Тимок», «Литературные беседы», «Журнале Королевских фондов» и др. Так, в начале 1940-х гг. Думитру Каракостя, Ион Апостол, Иоан Пэтруц и Кристя Санду Тимок опубликовали в этих журналах несколько вариантов баллады «Миорица» из долины Тимока из румынских сел на территории общин Неготин и Кладово, т. е. из исторических областей Краина и Ключ. Все тексты записаны от носителей олтенского говора и опубликованы с использованием стандартной румынской графики[81] [Caracostea 1941: 141–144; Apostol 1941: 1011–1014; Pătruţ 1942: 344–345; Sandu Timoc 1942: 47; Sandu Timoc 1943a: 650–653].

Приведем начало известной баллады «Миорица» в варианте, записанном Думитру Каракостей от Меилы Петровича (рум. Miăilă a lui Mariana a lui Pătru), уроженца пос. Брза Паланка (община Кладово Борского округа, историческая область Ключ, зона царанских говоров), в 1941 г. в концентрационном лагере в коммуне Куркань округа Илфов (окрестности Бухареста, Румыния), где содержались югославские военнопленные [Caracostea 1941: 141–144]:

P’a strinului	**Песня чужака**
Ai, doboară,	Ай, спускаются,
Ai, scoboară,	Ай, спускаются,
Ai, tot din deal în vale,	Ай, всё с холма в долину,
În răsărit de soare,	На восходе солнца,
Pe acel crac de munte	По подножию горы
Turme de oi multe	Многочисленные отары овец,
Multe şi mărunte.	Большие и маленькие.
O turmă de oi	Одна отара
Cu nouă ciobani	С десятью пастухами
Cu stăpînu zece,	И с десятым — хозяином,
Nimeni nu-l întrece.	Которого никто не может превзойти.

80 Мы рассмотрим его ниже, так как Вайганд приводит тексты в фонетической записи.

81 Естественно, с учетом ее исторической специфики.

Ele scoboară	Они спускаются
Tot din deal în vale	Всё с холма в долину
Pe Stîrminul mare	По крутому холму
L'ale livezi verzi	К зеленым лугам,
L'ale ape reci	К холодным водам,
Print'ăi munţi cărunţi,	Через седые горы,
Unde-s cerbii mulţi	Где много оленей,
Ele scoboară.	Они спускаются.

В 1941 г. издательством Королевского культурного фонда им. короля Михая I была опубликована «Книга румына из Тимока» (Cartea românului din Timoc / Картја роминулуј дин Тимок / Kartja romînuluj din Timok), адресованная румынам (влахам) долины Тимока, и в первую очередь — носителям царанского (олтенского) говора. Эта книга, в которой использовались румынская и сербскохорватская латиница и сербская кириллица, должна была помочь читателям овладеть письменным румынским языком [Gacović 2016: 439–440, 495].

Наибольшее число произведений румынского фольклора из восточной Сербии опубликовал Кристя Санду Тимок (1916–2012) — уроженец с. Александровац (Злокуче), которое на момент его рождения входило в состав общины Кула Видинской области Болгарии, а сейчас находится в составе общины Неготин Борского округа Сербии. Кристя Санду Тимок опубликовал три сборника румынских фольклорных текстов (в первые два сборника вошли произведения народной поэзии, в третий — сказки) [Sandu Timoc 1943b; Sandu Timoc 1967; Sandu Timoc 1988]. Для публикации текстов использована стандартная румынская графика. В сборнике, опубликованном Санду Тимоком в 1943 г., присутствуют только тексты, записанные от носителей царанского (олтенского) говора. Основную часть сборника составляют различные образцы эпической поэзии. К. Санду Тимок в соответствии с восходящей к В. Александри традицией румынской фольклористики озаглавил этот раздел «Баллады». В нем представлены тимокские варианты известных румынских текстов — например, баллада „Кера Кералина“, а зачастую и имеющие более широкое, общебалканское распространение — например, вариант баллады о замурованной женщине (о мастере Маноле) или песни о хвором Дойчине. Однако присутствует здесь и вариант песни «Стоян Булибаша», имевшейся еще в публикации Эмиля Пико и связанной с событиями, происходившими именно в долине Тимока. Кроме произведений эпической поэзии, в сборнике приводятся частушки, а также образец обрядового фольклора — текст, произносимый дру́жками, пришедшими за невестой [Sandu Timoc 1943b].

В двух других сборниках появляются также тексты, записанные от носителей унгурянского (банатского) говора. Бо́льшая их часть вошла в сборник К. Санду Тимока «Старинные песни и дойны» (Бухарест, 1967). В этом сборнике К. Санду Тимок все эпические произведения обозначил более

новым термином «песни старины́» (*cântece bătrâneşti*), разделив их на фантастические, войницкие, гайдуцкие, «песни о пастухах и ворах», «песни о феодальном дворе», «семейные песни», а также исторические песни, и так называемые «устные журналы» или «устные дневники». Варианты самых известных румынских баллад отнесены к разным подкатегориям: варианты «Миорицы» (их в сборнике три) помещены в раздел «песни о пастухах и ворах», а вариант баллады о замурованной женщине («Мастер Маноле») отнесен к «песням о феодальном дворе», тимокский вариант общебалканской баллады о мертвом брате — «Дину и Войкица» — оказался среди «семейных песен».

В этом сборнике С. Тимока имеется бо́льшее количество произведений, связанных с сугубо локальными событиями. Наряду с очередным вариантом песни «Стоян Булибаша», в нем присутствуют и другие песни, в которых упоминаются исторические личности, жизнь которых была связана с долиной Тимока — это, в частности, песня „Pazvangia de la Dii“, в которой речь идет о правителе Видинского санджака Османе Пазвантоглу, и песня „Haiducul Velcu“, посвященная гайдуку Велько Петровичу (1780–1813), боровшемуся за освобождение Краины от турок. Местным событиям посвящен и ряд текстов о судьбах «маленьких людей» — это преимущественно так называемые «семейные песни», а также «устные журналы». Наряду с произведениями эпической поэзии в сборнике присутствуют лирические песни, которые Санду Тимок называет дойнами, несмотря на то, что слово *doină* для румынских говоров долины Тимока нехарактерно [Sandu Timoc 1967]. В сборнике присутствует словник диалектных лексем, относящихся к румынским говорам восточной Сербии и северо-западной Болгарии [Sandu Timoc 1967].

Приведем фрагмент одного из вариантов той же баллады «Миорица» из этого сборника, озаглавленный «Strinu» («Чужак») и записанный автором в с. Црномасница (община Неготин, Борский округ, Сербия, историческая область Неготинская Краина) — в зоне царанских говоров [Sandu Timoc 1967: 259]:

Doboară, coboară,	Спускаются, спускаются
Oi din deal în vale,	Овцы с холма в долину,
Nouă ciobănei,	Девять пастухов
C-o turmă de oi,	Со стадом овец,
Cu nişte cîini răi.	Со злыми собаками.
Ai nouă ciobani,	Девять пастухов
Feciori de mocani,	— Сыновья моканов,
Şi cu strinu zece,	И чужак — десятый,
Care-i şi întrece.	Что их превосходит.
Ei toţi coborînd	Все они спускались
Pe-ale livezi verzi,	По зеленым лугам,
Pe-ale ape reci,	По холодным водам,
Colea-n vale,-n reci.	Туда, в долину, к рекам.

Представим и фрагмент упомянутого словника, где, среди прочего, отмечено и слово *recă* (pl. *reci*), которое присутствует в цитированном выше фрагменте текста [Sandu Timoc 1967: 499]:

R
ra — rea
raia — cetate ocupată de turci
raiac — stăpîn de raia turcească
ragna, de-a ragna — a se da
    într-o parte pentru odihnă
rast — numele popular al
    inflamaţiei splinei
rădioară — radină, rădăcină
răstiu — resteu
răvărsăl — împestriţat de vărsat
răzăpit — probabil derivate
    de la boala rastului
recă — rîu, fluviu
refenea — beţie, chef
reşenie — hotărîre, sîrb. reşenie
rîndi — a rîndui
rîză — cămaşă veche, purtată şi ruptă
roghiţă — came, diminutive, slav. *rog*
rostea — a se pregăti, a prepara ceva

R
ra — плохая
raia — город, оккупированный турками
raiac — правитель турецкой райи (см. выше)
ragna, de-a ragna — отойти в сторону, чтобы отдохнуть
rast — народное название воспаления селезенки
rădioară — корень, ветка, стеблекорень
răstiu — гвоздь
răvărsăl — изрытый оспинами
răvărsăl — вероятно, дериват от rast (названия воспаления селезенки)
recă — река
refenea –попойка, вечеринка
reşenie — решение, от серб. *решење*
rîndi — приказывать
rîză — старая, поношенная и рваная рубаха
roghiţă — выступ, от слав. *рог*
rostea — готовиться, подготавливать что-либо

Ряд литераторов — уроженцев восточной Сербии румынского (влашского) происхождения привычно используют для своих текстов стандартную румынскую графику, при этом употребляя диалектную лексику и в некоторых случаях сохраняя фонетические особенности диалекта. Здесь можно назвать, например, поэта и переводчика Адама Пуслоича, являющегося почетным членом Румынской академии (род. в 1943 г. в с. Кобишница общины Неготин Борского округа Сербии). Адам Пуслоич — один из самых известных ныне живущих уроженцев восточной Сербии — пишет как на сербском, так и на румынском языке. Он перевел на сербский множество произведений румынских поэтов) (Никиты Стэнеску, Марина Сореску, Петре Стойку, Адриана Пэунеску и др.). А. Пуслоич является одним из зачинателей клокотризма[82] как литературного направления. Ряд произведений Пуслоича, опубликованных на румынском языке, переведен на румынский с сербского Н. Стэнеску и И. Флорой. Сам он начал писать стихи на румынском языке в 1990-е гг. Публикации на румынском языке выходили преимущественно в Румынии — его поэтические сборники пе-

[82] Клокотризм — неоавангардистское движение в югославской культуре 1970–1980-х гг., которое существовало на базе синтеза ситуаций (= ситуаций + акций), молниеносных хеппенингов, перформанса [Драшкович, Драшкович 2012: 7–15].

чатались в Тимишоаре, Крайове, Байя-Маре, ряд его стихов опубликован в журнале „Ramuri„ и др. Приведем здесь одно из стихотворений, написанных автором на румынском языке, в котором упоминается его родное село Кобишница [Puslojić 2008]:

Pe neaşteptate stau la coadă	**Вдруг стою в этом хвосте**
Pe neaşteptate	Вдруг
stau şi eu	Стою и я
aici la coadă	В этом хвосте
ce se mai vinde fraţilor?	Что дают, братцы?
moartea se vinde	Смерть продается
se vinde ieftin	Продается дешево
de tot	Совсем
aproape gratis	Почти даром
fugi dracului	Чур тебя
iarăşi mă minţi	Опять ты мне врешь
iarăşi şi iarăşi	Опять и опять
ca pe un smintit	Как чокнутому
eu de aici	Я отсюда
unde stau cuminte	Где стою мирно
la rând văd doar	В хвосте, вижу лишь
câteva bucăţi de vid	Лоскутки пустоты
şi-un kilogram	И кило
de mălai de la Cobişniţa	Кукурузной муки из Кобишницы
adus aici pe cal	Привезенной на лошади
sau pe măgar.	Или на осле.

Можно упомянуть и таких авторов, как Ратомир Маркович (публикующийся под «влашским» именем Ратку Голесын), Григоре Зэйчеряну (Глигорие Заечаранович), Божа Абраш, Станое Нягоевич и др.

Ратомир Маркович — уроженец села Ракова Бара общины Кучево округа Браничево. Учился в 1960-е гг. в Белграде на философском факультете университета, где познакомился с румынским филологом и этнографом проф. Николае Ботом, благодаря которому стал посещать языковые курсы румынского лектората Белградского университета (где Николае Бот преподавал в 1964–1965 гг.), читать румынскую литературу и, в конечном итоге, писать. Им опубликован, в частности, сборник стихов «Poetică cotidiană» («Повседневная поэтика»), первый том которого появился в 2008 г. в г. Рымнику-Вылча в Румынии, а второй — в 2013 г. в Сербии (в Пожаревце). Стихи написаны на румынском языке, однако содержат некоторые диалектные лексемы [Pachia-Tatomirescu 2014].

Григоре Зэйчеряну (Глигорие Заечаранович) и Божа Абраш опубликовали сборник «Мы и наш язык» („Noi şi vorba noastră“) в 2004 г. в Боре. В этом сборнике преобладают тексты (стихи, рассказы и сказки), написанные самими авторами, однако есть в нем и ряд фольклорных текстов — несколько лирических песен, а также пословицы, поговорки и загадки.

Где они собраны, не указывается, лишь известно, что они были записаны в зоне распространения царанских (олтенских) говоров. Все тексты записаны стандартной румынской графикой, однако имеют ряд фонетических, лексических и грамматических особенностей, характерных для царанских говоров. Сборник предваряется кратким очерком грамматики румынского языка, в котором есть и раздел, посвященный языку влахов, его фонетическим и лексическим особенностям, а завершается влашско-сербским словарем. В предисловии авторы указывают, что книга предназначена в первую очередь для влахов-царан, живущих на территории общин Заечар, Неготин и Кладово, однако выражают надежду, что ее смогут читать и влахи-унгуряне [Zăicereanu, Abraş 2004]. Приведем отрывок из рассказа Г. Зэйчеряну «Вырколак», посвященный лунному затмению, которое, по народным представлениям, вызывает некое существо, пожирающее луну [Zăicereanu, Abraş 2004: 42–43]:

Vârcolac[83]

Aş spune ceva din copilăria mea. Multă vreme a trecut de atunci. Eram copil măricel, mergeam la şcoală. Mi se pare că a fost anul 1939, dacă ţin minte bine.

Într-o dimineaţă numă ce sculasem din pat şi mă îmbrăcasem. Tăman mă spălam pe mâni ş pe oichi. O auzii pe muma cum vorbeşe singură:

— Doamne, ce să fie asta? Parcă fu soarele mai sus adinoarlea. Acuşi iar se face noapte, dar ar trebuie să mâncam de prânz.

Tata nu era acasă. Se ducea la nişte maistori pin alte sate. Surorile mele erau pin bătătură.

Вырколак

Хотел бы рассказать кое-что из своего детства. Много времени прошло с тех пор. Я был ребенком, уже большим, ходил в школу. Кажется, это был 1939 год, если не ошибаюсь.

Как-то утром, я только-только встал с кровати и оделся. Как раз мыл руки и лицо. И слышу, как мама говорит сама с собой:

— Господи, что такое? Вроде только что солнце было повыше. Вдруг опять вечереет, хотя пора бы обедать.

Отца не было дома. Уехал к каким-то мастерам в другие села. Мои сестры были во дворе.

Этот же автор (под своим сербским именем — Глигорие Заечаранович) опубликовал учебник стандартного румынского языка, предназначенный специально для влахов долины Тимока — „Vorbesc româneşte“ («Я говорю по-румынски», Ниш, 2003, тираж 100 экз.). Учебник включает сведения о фонетике и грамматике румынского языка (изложенные на сербском), ряд диалогов и коротких художественных текстов (сказок и стихотворений), а также румынско-сербский словарь [Zaječaranović 2003].

---

83 Термин *vârcolac* известен не только у влахов, но и у румын, живущих на территории Румынии. Он имеет славянское происхождение, этимологически связан со словом «волк» и, по-видимому, пришел в румынский язык из болгарского (ср. болг. *върколак*, серб.-хорв. *vukodlak*, чеш. *vlkodlak*, пол. *wilkolak*, укр. *вовкулак*, белор. *воўкулак*, рус. *волколак*) [Ciorănescu 2007: 838–839; Dicţionarul explicativ 1998: 1152; Гура, Левкиевская 1995].

Станое Нягоевич (род. в 1948 г.) — уроженец села Шипиково общины и округа Заечар, закончивший техникум в Боре и там же работавший на руднике, в настоящее время живет в Заечаре. Он овладел румынской графикой с помощью румына из Воеводины — учителя румынского языка. В 2006 г. С. Нягоевич опубликовал сборник стихов „Primovară perdută“ («Потерянная весна»). Автор, как уже говорилось, использует стандартную румынскую графику, однако сохраняет лексические и фонетические особенности своего родного олтенского (царанского) говора [Njagoević 2006].

Появлению новых публикаций на литературном румынском языке способствует его преподавание в восточной Сербии. По данным на 2015–2016 гг., нормативный румынский изучался в девяти школах (в г. Петровац-на-Млаве и пос. Велико-Градиште, Жабари и Мало-Црниче Браничевского огруга, г. Заечар и Болевац Заечарского округа, Бор, Неготин и Кладово Борского округа) [Република Србија 2017: 119]. По словам преподавательницы румынского языка в гимназии г. Кладово д-ра Дианы Шолкотович (уроженки Румынии, выпускницы филологического факультета университета Крайовы, которая пользуется учебными пособиями, изданными в Румынии), факультатив является достаточно востребованным, поскольку Кладово — приграничный туристический город, куда приезжает большое число жителей Румынии. Однако в то же время, по ее словам, классные руководители нередко пытаются отговорить учеников и их родителей от посещения этого факультатива.

Диалектологические публикации. В упоминавшейся выше монографии Г. Вайганда, посвященной румынским говорам Олтении, Сербии и Болгарии, приводится ряд фольклорных текстов (лирических песен и их фрагментов), записанных во влашских селах восточной Сербии. Они воспроизводятся в фонетической транскрипции на основе латинского алфавита (которая, по-видимому, является индивидуальной) [Weigand 1899][84]. Приведем фрагмент песни, записанный в селе Вратна нынешней общины Неготин Борского округа: [Weigand 1899: 58]:

patru rǫtśe are karu,	Четыре колеса у телеги
o-boi̯ (opt boi) la un plug,	Восемь волов в плуге,
šaptśe dzu̯ḷe-n soptomuno̯	Семь дней в неделе,
so̯bem vin, so̯ne veseḷim,	Будем пить вино, будем радоваться,
bobośel ďe ratso̯,	(Мой) утенок,
viń la ńęi̯ka-m-bratso̯	Иди к милому в объятия

Индивидуальную систему фонетической транскрипции использовал в своих работах и Стоян Романски — ученик Г. Вайганда [см., например,

[84] Фонетическая транскрипция Вайганда индивидуальна и, предположительно, опирается на работы В. Мейера-Любке.

Романски 1916]. Нужно отметить, что указанные работы Вайганда и Романского были опубликованы до появления Международного фонетического алфавита.

Известный румынский лингвист и диалектолог Эмиль Петрович (уроженец румынского села Торак в сербском Банате), в 1937 г. начавший исследование банатского говора жителей общины Петровац-на-Млаве Браничевского округа, опубликовал собранный диалектологический материал в работе «Заметки о фольклоре румын долины Млавы» [Petrovici 1942: 43–75]. Для записи текстов Э. Петрович использовал транскрипцию, которая в настоящее время известна как система Румынского лингвистического атласа (Atlasul Lingvistic Român). Приведем фрагмент колядки из названной статьи:

Bună dzîu̯a a lu Aźun,	Хорош день Сочельника,
Dă-i̯ măi̯ bună a lu Crăśun,	Но еще лучше день Рождества,
Cu mi̯ei̯ şî cu purśei̯…	С ягнятами и поросятами…

Система записи Румынского лингвистического атласа разработана на основе Международного фонетического алфавита, однако учитывает также особенности румынского национального алфавита [см., например, Atlasul lingvistic 1956; Данилова 1971: 38–56].

Среди сербских исследователей в настоящее время систему записи ALR для диалектных текстов используют, в частности, Биляна Сикимич и Аннемари Сореску-Маринкович (сотрудники Института балканистики Сербской академии наук и искусств в Белграде), а также такие исследователи влашского происхождения из восточной Сербии, как историк и фольклорист Славолюб Гацович (в прошлом директор Государственной библиотеки им. С. Марковича в Заечаре) и музыковед Филип Паунелович [Sorescu-Marinković 2005: 199–222; Sorescu, Sikimić 2003: 54–62; Sikimić 2005: 148–158; Gacović 2000; Гацовић 2002; Paunelović 2018]. В работах С. Гацовича важное место уделено фольклорным текстам, связанным с погребально-поминальной обрядностью — соответствующим заговорам и «песням перехода», долженствующим помочь душе покойника попасть в рай [Gacović 2000; Гацовић 2002]. Погребальные плачи и «песни перехода» приводятся и в публикациях А. Сореску-Маринкович [Sorescu-Marinković 2005: 199–222]. Среди подобных публикаций последних лет наибольшее разнообразие жанров устного народного творчества представлено в книге Ф. Паунеловича «Традиционная культура влахов Црноречья», где присутствуют мифологические, героические и лирические песни, пословицы, загадки, скороговорки, сказки. Приведем фрагмент опубликованной в этой книге героической песни «Гайдук Велько», записанной в с. Шарбановац общины Бор Борского округа [Paunelović 2018: 229]:

Aĭduc Vĭelcu	**Гайдук Велько**
Frundză vĭarđe ĺin peĺin-â	Лист зеленый, лист полыни,
Scriĭe paşa đi la Đin-â	Пишет паша из Видина,
Lu Aĭduc Vĭelcu-n Ńigoćin-â,	Гайдуку Велько в Неготин,
Lu Aĭduc Vĭelcu-n Ńigoćin-â.	Гайдуку Велько в Неготин.
Carće alba, sluavă ńagră,	Бело письмо, буквы черны,
Pi Aĭduc Vĭelcu mi-l întrĭabă:	Гайдука Велько просит
Or sâ ĭasă sâ să bată,	Или на битву выходить,
Or pi Craĭna sâ mi-o-npartă!	Или Краину поделить!

Упоминавшийся выше Ратомир Маркович при публикации фольклорных текстов, в частности, фрагмента баллады «Миорица», записанного в его родном селе Ракова Бара общины Кучево Браничевского округа (на унгурянском говоре), использовал транскрипцию, которая близка к системе ALR, однако не вполне с ней совпадает. Приведем пример из его версии «Миорицы»:

Întorcu-mi-să-ntorc	Возвращаются, возвращаются
Treiı pîlcuri dă uoiı	Три отары овец
Cu treiı păcurari.	С тремя пастухами.
Da-iı doiı vieri primari,	Два двоюродных брата,
Ieiı măiı mierźa-re	Они шли
Naińca uoiilor	Перед овцами
Şî-m măiı cuĺeźa-re	И собирали
Frunća florilor:	Лучшие цветы,
La fieće mierźa-re,	К девушкам шли,
Flori la fieće-m da-re.	Цветы им отдавали.

Попытки передачи влашских фольклорных текстов с помощью индивидуальных систем записи на основе латинского алфавита предпринимали и другие исследователи. Система записи, которую использовал Слободан Зечевич, близка к сербскохорватской латинице, как показывает, например, отрывок из влашской колядки, цитируемой им в одной из статей [Зечевић 1977: 141–164]:

Buna zua la ažun,	Хорош день Сочельника,
Š'maj binje la kračun,	Еще лучше день Рождества,
D'm kolaku ši karnatu	Дай мне пирога и колбасы,
Sa ma duc la altu.	Чтобы я ушел к другому.

Современный исследователь Драган Стоянелович (влах, уроженец восточной Сербии, который в настоящее время является аспирантом Западного университета Тимишоары (Румыния)), в прошлом использовал индивидуальную систему фонетической транскрипции, в которой сочетались знаки румынской и сербскохорватской латиницы, как, например, в этом фрагменте погребальной «песни перехода»:

Pušăaj saoa pe trjej kaj,	Я оседлал трех коней,
Sî pljekaj ku jej în raj,	И поехал на них в рай,
Da în raj nu puot să staj:	Но в раю не могу находиться:
dî dje dj'uokatu dj'unjiluor:	Из-за плясок юношей,
dje kîntatu fijecilour',	Из-за песен девушек,
dje paskutu uojiluor',	Из-за пастьбы овец,
dje dj'uokatu mjejiluorj.	Из-за игр ягнят.

В настоящее время Драган Стоянелович использует систему ALR, как, например, в субтитрах к выложенному им на видеохостинге YouTube варианту баллады «Миорица» на унгурянском (банатском) говоре, записанному в г. Жагубица Борского округа [Păcurar dân munce…]:

Păcurar dân munce	**Пастух с верховины**
Păcurar dân munce	Пастух с верховины
cu oiḷi mulce.	с множеством овец,
N-avea-re baş mulce,	не имеешь <их> очень много,
o mie śinś suce.	тысячу пятьсот.
În fluiear dzâśea-re	На свирели держишь речь,
dă la astrânzea-re.	чтобы <их.> собрать.
În vaḷe ḷe a băcea-re,	Чтобы их пасти в долине,
baş în Vaḷea mare.	в долине обширной.
În vaḷe ḷe a băcea-re,	Чтобы их пасти в долине,
dî ḷe adăpa-re.	чтобы напоить их.

В 2006 г. в Клуже был издан пробный выпуск Лингвистического атласа долины Тимока, авторами которого стали румынские исследователи Петру Нейеску, Эуджен Белтеки и Николае Мокану [Atlas lingvistic 2006]. С «влашской» стороны реализации этого проекта способствовали такие активисты влашского движения прорумынской направленности, как Драгомир Драгич (председатель Форума влахов в г. Бор) и Завиша Журж, причем Д. Драгич лично участвовал в полевых исследованиях [Atlas lingvistic 2006: 20]. В атласе приводятся сведения по следующим темам: человеческое тело, семья, жилище, домашние животные, земледелие, садоводство, виноградарство, пчеловодство, лес, охота и рыболовство, пища, одежда, ремесла и др. В качестве системы записи использована система ALR.

Сербская кириллица. Печатные издания на румынском языке на территории восточной Сербии появляются лишь в середине XX в., однако за предшествующий период исследователями было опубликовано немало диалектных текстов с этой территории. Сербские исследователи, в частности Стеван Мачай (в конце XIX в.), Тихомир Джорджевич (в начале XX в.), Маринко Станоевич (в 30-е гг. XX в.), использовали для записи

румынских (влашских) слов и текстов сербскую кириллицу[85] [Ђорђевић 2004; Станојевић 1931; Gacović 2016: 442]. Приведем записанный Т. Джорджевичем в с. Валаконье общины Болевац Заечарского округа обрядовый текст, который произносили на могиле человека, умершего во вторник, чтобы предотвратить его превращение в «живого мертвеца» [Ђорђевић 2004: 54]:

Влашский текст, записанный сербской кириллицей	**Тот же текст на литературном румынском, записанный румынской графикой**	**Перевод**
Кнд ва порни	Când va porni	Когда начнет
Пржапу се пржуљаска,	Parjolul să pârjolească	Жаркое жариться,
Лупу ку лупоње	Lupu cu lupoaică	Волк с волчицей
Се л’нтаљаска	Să l întălnească	Встречаться
Ш’ се затрјаска.	Şi să-l zătrească	И теряться (расставаться?).
Да кнд ва фи	Da când va fi	И когда
Ће урса урсат,	De ursa ursat,	Судьбой суждено
Ш’ће Домњезеу ласат,	Şi de Domnezeu lăsat	И Господом оставлено
Са дука ла Марја,	Să ducă la Maria	Идти к Марии
Аколо је манкаре,	Acolo e mâncare,	Там есть еда
Ш’ баутуре,	Şi bautură	И питье
Ш’ шеђерија	Şi şedere	И место для сидения
Да суфле ту	Dar sufletul ta	И твоя душа
Са фие ла рај!	Sa fie la rai!	Да будет в раю!

Как можно видеть из этого примера, Т. Джорджевич дублировал влашские тексты, записанные кириллицей, их переводом на литературный румынский язык (и с использованием румынской графики).

Первым печатным изданием на румынском языке, появившимся на территории восточной Сербии, по-видимому, была газета «Ворба ноастра (Органу лу Окружни народни фронт — Зајчер)» («Наша речь (Орган Окружного народного фронта — Заечар)»), которая некоторое время издавалась в Заечаре после Второй мировой войны (в 1945 г.). Эта газета печаталась на сербской кириллице [Gacović 2016: 440].

В 1946 г. в Заечаре была опубликована, также с использованием сербской кириллицы, книга под названием «Канћикатоарја партизањаска» («Партизанский песенник») — сборник влашских партизанских песен, написанных Янко Симеоновичем (под «влашским» именем J. лу Моана Симеоновић) на унгурянском (банатском) диалекте. Песни, вошедшие в этот сборник, являются стилизациями под народные и имеют отчетливо пропагандистский (антифашистский) характер. Приведем несколько назва-

[85] М. Станоевич, впрочем, использовал для передачи влашских топонимов как сербскую кириллицу, так и сербскохорватскую латиницу [Станојевић 1931: 45–46].

ний песен: «Нунта лу Хитлер» («Свадьба Гитлера»), «Наказу ши моарђа лу Хитлер» («Несчастье и смерть Гитлера»), «Помана лу Хитлер» («Поминки по Гитлеру»), «Кинд је Тито командант» («Когда Тито был командиром»), «Фата партизанка» («Девушка партизанка») и др. Эти песни приводит в одной из своих книг современный автор Любиша лу Божа Кичи, о котором будет сказано ниже [Gacović 2016: 498; Љубиша лу Божа Кићи 2010].

В течение длительного времени публикация румынских диалектных текстов в заечарском литературном журнале «Развитак», где уже на протяжении нескольких десятилетий публикуется большое количество этнографических и фольклорных материалов из восточной Сербии, возможна была лишь в кириллической записи (на этом настаивал Томислав Мийович, являвшийся главным редактором журнала с 1961 по 2008 г.) [Gacović 2016: 442]. Пример подобной записи можно видеть, в частности, в публикации местного тимокского варианта известной баллады о Мастере Маноле, опубликованной Савой Янковичем в 1969 г. [Јанковић 1969: 48–52]:

Пе Арџем ин жос,	По Арджешу вниз,
Пе ала мал фрумос,	По красивому берегу,
Њагра-Вода трјаче;	Негру-Водэ едет;
Ноауа мештерј лукра,	Девять мастеров трудятся,
Ноауа калфе марј,	Девять больших умельцев,
Ку Манојља заче…	С Маноле — десять…

Драгослав Девич в своей известной музыковедческой монографии, опубликованной в 1990 г., предпринял попытку записи влашских фольклорных текстов с помощью фонетической транскрипции на основе сербской кириллицы с добавлением нескольких знаков. В частности, он использовал графему â, заимствованную из румынской латиницы, однако, по утверждению С. Гацовича, ошибочно употреблял ее вместо графемы ă. Также Девич использовал графему ê, вместо которой, по мнению Гацовича, правильнее было бы использовать румынскую î [Девић 1990; Gacović 2016: 445]. В монографии Девича содержится ряд интереснейших фольклорных текстов, записанных в зоне распространения унгурянских говоров. Среди этих текстов присутствуют образцы разных жанров, в том числе образцы эпической поэзии: влашский (унгурянский) вариант баллады о замурованной женщине (под названием „Лаваље, лаваље“ — «В долине, в долине») из села Шарбановац общины Бор Борского округа, «антиосманская баллада» «Кокош његри câ кêнтарâ» («Черный петух поет»), записанная в селе Бачевица общины Болевац Заечарского округа; также здесь есть, например, погребальный плач, посвященный смерти Иосипа Броза Тито, записанный в с. Оснич общины Болевац [Девић 1990]. Приведем фрагмент влашского (унгурянского) варианта баллады о замурованной женщине (о мастере Маноле), которую цитирует Девич в своей монографии [Девић 1990: 238]:

Лаваље, лаваље (Манојља)
Лаваље, лаваље
Тот пи ваља марје
Лаваље, лаваље
Тот пи ваља марје
Ун зêд câ зêђарје.
Каре ми-л зêђарје
Манојља зêд зêђарје
Манојља зêд зêђарје
Манојља ал мâј марје
Ку грижа êн спинарје.

В долине, в долине (Манойля)
В долине, в долине,
Посреди широкой долины,
В долине, в долине,
Посреди широкой долины
Строили стену.
Кто ее строил?
Манойля стену строил,
Манойля стену строил,
Манойля, самый старший,
С тяжестью на спине.

Попытки кодификации «влашского» языка

Начиная с 1990-х гг., то есть после распада Югославии, можно отметить несколько попыток кодификации «влашского» языка, что в целом вписывается в языковой «сепаратизм», отмечающийся и в южнославянском континууме в границах бывшей федерации.

«Пауница». Паун Дурлич. Первый вариант «влашской» азбуки был создан этнологом, сотрудником городского Музея Майданпека Пауном Дурличем (влахом, уроженцем с. Рудна-Глава общины Майданпек). 27 января 1996 г. Паун Дурлич опубликовал свою «азбуку влашского языка» — «пауницу» в газете «Политика» [Sandu Timoc 1997]. Она представляла собой сербскую кириллицу с добавлением букв ћ и ђ, репрезентирующих палатализованные ћ и ђ, и букв ă и î, заимствованных из румынского алфавита [Telesković 1996 (apud Gacović 2016: 447–448)].

Новый вариант «влашского алфавита» (в латинской и кириллической версиях) был разработан П. Дурличем в 2011 г. в первую очередь для нужд его нового проекта — онлайн-словаря, именуемого Vorbarĭ romîńesk — Vlaško-srpski rećnik [Gacović 20816: 455].

В том же 2011 г. Паун Дурлич разработал учебную программу по влашскому/румынскому языку для начальной и средней школы. Согласно этой программе, с 1 по 4 класс ученики должны изучать влашский говор в том варианте, в каком он бытует в их населенном пункте (автор употребляет словосочетание «местный диалект»), а с 5 по 8 класс — должны изучать литературный румынский язык, причем в этот период желательно использовать при обучении и диалектологические материалы, собранные на территории Румынии, в первую очередь в Олтении и в румынском Банате, поскольку говоры влахов восточной Сербии являются в большинстве своем банатскими и олтенскими [Дурлић 2011: 3–5]. Говоря о языке влахов восточной Сербии, по-сербски Дурлич именует его «влашки језик», а по-румынски — „limba rumânească“; имея же в виду литературный румынский

язык, автор пишет, соответственно, по-сербски — «румунски језик», по румынски — „limba română“ [Дурлић 2011: 5].

Уже упоминавшийся онлайн-словарь Пауна Дурлича является наиболее полным из существующих в наши дни словарей «влашского» языка. Этот словарь можно найти на персональном сайте Дурлича. В словаре наличествуют лексемы, зафиксированные в различных населенных пунктах восточной Сербии, однако большая их часть записана в с. Рудна-Глава общины Майданпек Борского округа (родном селе Дурлича) и относится к унгурянскому говору (сам автор словаря определяет этот говор как «мунтенский» или «поречский»). Во многих словарных статьях приводится не только место записи лексемы, но и сведения по этимологии [Durlić].

Одной из последних публикаций П. Дурлича является книга «Румыны на закате солнца», в которой приведено множество текстов, относящихся к различным жанрам устного народного творчества — лирические, героические, свадебные, колыбельные песни, колядки, погребальные плачи, заговоры, былички, этиологические легенды, пословицы, проклятия и др., а также пять авторских стихотворений жителя влашского села Тополница общины Майданпек Марио Поляковича. Все эти тексты приводятся с параллельным переводом на сербский, выполненным самим П. Дурличем. Его этнографические и фольклористические заметки даются на сербском языке. Приведем здесь фрагмент еще одного варианта баллады «Миорица», записанный Дурличем в с. Дубока (община Кучево, Браничевский округ, Сербия, историческая область Звижд) от Миладина Николича. Этот вариант, в отличие от приведенных выше, записан в зоне унгурянских (банатских) говоров [Durlić 2020: 80]:

Uoiţa balură ku kornjicu n-gură	**Белая овечка с рожком во рту**
Ăntuorku-mi s-întuork,	Вертятся, вертятся
Triĭ nuvirĭ pră luok.	Три облака на месте.
Śe duk ăn mižluok?	Что они несут?
Duk turmĭe dă uoĭ,	Несут стада овец,
Uoĭţă (ku) ćobăńeĭ,	Овечку с пастухами,
Şă uoĭţa-ĭ ku ĭeĭ.	И эта овечка с ними.
Uoiţă balură,	Белая овечка
Ku korńiţu-n gură,	С рожком во рту,
Ś-aĭ uđit pră urmă?	Почему ты отстала?
Or ĭarba nu ţî bună,	Или трава тебе не хороша,
Or ĭarba nu-ţ plaśe,	Или трава тебе не нравится,
Kă gura nu-ţ măĭ taśe?	Почему что твой рот не умолкает?
Uoiţă balură,	Белая овечка,
Ś-aĭ uđit pră urmă,	Почему ты отстала,
Măre, gura nu(–ţ) măĭ taśe?	Эй, почему (твой) рот не умолкает?

Аннемари Сореску-Маринкович и Моника Хуцану в статье «Орфографические системы и лингвистическая идентичность румыноязычной общ-

ности восточной Сербии» относят Пауна Дурлича, также как Славолюба Гацовича и Драгомира Драгича, к сторонникам «реинтеграции» тимокских говоров с румынским языком (несмотря на то, что П. Дурлич является автором собственной «влашской азбуки»). При этом авторов других «влашских азбук» — Любишу лу Божа Кичи и активистов общества «Гергина», о которых пойдет речь далее, они относят к сторонникам «независимости» этого идиома [Huţanu, Sorescu-Marinković 2018].

«Влаољица». Любиша лу Божа Кичи. Автором другого варианта «влашской» азбуки является Любиша Ницулович, публикующийся под своим «влашским» именем — Любиша лу Божа Кичи. Свою азбуку он назвал влаолицей (этот термин, по-видимому, представляет собой контаминацию слов «влах» и «глаголица»). По словам Любиши лу Божа Кичи, влашская азбука на основе кириллицы необходима для того, чтобы старики, которые в школе учились писать только на сербском и в те годы, когда латиница для сербского языка практически не использовалась, в отсутствие диктофона или этнолога (фольклориста) с диктофоном, могли бы записать свои воспоминания или какие-то фольклорные тексты на родном языке. Любиша лу Божа Кичи является автором ряда книг, в том числе перевода на «влашский» язык Нового завета (перевод выполнен с сербского языка) и сборников фольклорных текстов [Љубиша лу Божа Кићи 2006]. Среди его публикаций есть, в частности, сборник поэтического фольклора («Влашке песме») и сборник сказок («Повјешть румйњешћ / Влашке приповетке») [Љубиша лу Божа Кићи 2010; Љубиша лу Божа Кићи 2011]. В сборнике «Влашке песме» содержится ряд фольклорных текстов, собранных самим составителем (преимущественно это стихотворные тексты — образцы любовной лирики; но есть также поговорки и загадки). Место фиксации того или иного текста составитель не указывает, хотя в ряде случаев указывает имена информантов. На основании лексики и фонетики можно сделать вывод, что тексты записаны в зоне распространения унгурянских говоров. В этот сборник включены несколько произведений народного поэтического творчества, перепечатанных из уже упоминавшихся монографии Драгослава Девича «Народна музика Црноречја» (1990 г.) и сборника песен Янко Симеоновича (1946 г.). Приведем фрагмент сказки из сборника Любиши лу Божа Кичи [Љубиша лу Божа Кићи 2011: 10]:

Стан Мйртан

А фост ун мйц пйрљит че а шадʒут йн ватра фокулуј. Ла вадʒут копији шй а вењит шй ла луват шй ја легат ђе коадѐ о кустурѐ ђе кйцйт ружинит, шй ја дат друму пе кймп. А пљекат мйцу пе кймп шй кйнд а ажунс пи врун слог йл вјеђе вро вулпје, шй сѐ мирѐ ђе јел, шйл йнтрјабѐ карје је јел.

Стан — Котофей

Жил-был облезлый кот, сидевший у очага. Увидели его дети, схватили, привязали к хвосту ржавое лезвие ножа и выпустили кота в поле. Пошел кот по полю и когда он дошел до межи, видит его лисица, смотрит на кота удивленно и спрашивает, кто он такой.

Да мйцу йј спуње: Јо сйнт Стан мйртан, капитан, ку сабја ђе аржинт, паза сй ну ће йнчинт; пи карје лош арђа капу јаш лува.

А кот ей в ответ: Я Стан — котофей, капитан, с серебряной саблей, берегись, чтобы я тебя не ожег, кого ожгу — с того голову сниму.

В 2000 г. Любиша лу Божа Кичи опубликовал влашско-сербский и сербско-влашский словарь (второе издание увидело свет в 2004 г.). В предисловии к словарю автор именует язык влахов «влахорумынским» (серб. *влaрумунски језик*, рум. диал. *љимба влaрумйњаскё*). Данные о происхождении приведенных в словаре лексем, а также сведения о том, в каком регионе бытует та или иная лексема, в словаре отсутствуют. Отсутствуют и какие-либо сведения о грамматических признаках слов [Љубиша лу Божа Кићи 2004].

«Официальная» «влашская» азбука (Неправительственная организация «Гергина»). В 2012 г. «влашская» азбука в двух вариантах — кириллица и латиница — была утверждена на заседании Национального совета влахов Сербии 24 января 2012 г. Был принят вариант азбуки, предложенный влашской неправительственной организацией «Гергина» из г. Неготина, авторами которого являются председатель «Гергины» Синиша Челоевич (уроженец пос. Прахово общины Неготин, по профессии врач-гинеколог), Часлав Радуканович (учитель музыки из с. Буковче общины Неготин) и Слободан Голубович (учитель физики, в настоящее время проживаюший в Белграде, уроженец с. Дубока общины Кучево, в прошлом депутат парламента). Этот алфавит представляет собой контаминацию сербского и румынского алфавитов. При этом обращает на себя внимание само существование двух равноправных алфавитов на основе кириллицы и латиницы, что является, очевидно, влиянием сербского языка, а также наличие нескольких диграфов (Dz, Dž, Lj, Nj), с помощью которых передается смягчение согласных. Влиянием румынского алфавита можно объяснить последовательность букв (она отличается от «гаевицы», в которой порядок букв соответствует кириллической сербской графике — «вуковице»), наличие графем Ă, Î, передающих звуки, отсутствующие в сербском, но представленные в румынском языке. Однако следует отметить, что в румынском алфавите отсутствуют графемы и диграфы, передающие мягкие согласные (смягчение согласных происходит в определенных позициях перед гласными –i, -e). Вместе с тем, в латинской версии и в алфавите на основе кириллицы появились новые графемы, которых нет ни в сербском, ни в румынском алфавитах: Ć, Ś, Ź и Ж́ и Ш́. Можно предположить, что графемы Ć, Ź, Ś были заимствованы из черногорских алфавитов, а Ж́ и Ш́ появились под влиянием болгарской или русской кириллицы.

«Влашская» азбука используется, в частности, для публикации учебников и учебных пособий, по которым ведется преподавание на факульта-

тивах по «влашскому языку с элементами национальной культуры» в некоторых влашских селах восточной Сербии. Так, например, Синиша Челоевич и Слободан Голубович являются авторами сборника сказок для детей («Повјестјиј дје копиј. Povješć dî kopij»), изданного в Неготине в 2013 г.; С. Голубович в том же году выпустил сборник стихотворений для детей «Панда изучает кун-фу» [Синă алу Челоју, dPasujoni 2013; дПасујони 2013]. Синиша Челоевич пишет под своим «влашским» именем Синă алу Челоју (Sină alu Čeloju), а Слободан Голубович — под псевдонимом дПасујони (dPasujoni), которым он пользуется и на интернет-форумах. Челоевич написал также учебник «Govorim vlaški. Vorbăsc ljimba vlahă. Ворбјеск љимба влахă», изданный в 2013 г. в Белграде.

Учебник «Вуорба шй култура влаха» вышел в 2013 г. под авторством дочери Слободана Голубовича Милены Голубович [Голубовић 2013]. Этот учебник был рекомендован Министерством образования в качестве учебного пособия. На данный момент он является первым и единственным учебником, одобренным Министерством образования Сербии и утвержденным для преподавания в начальной школе. В 2014 г. он был издан «Институтом издания учебников Республики Сербия» увеличенным тиражом.

В восточной Сербии на базе школьного образования были созданы образовательные структуры по изучению влашского говора (языка). Предмет под названием «Влашский говор и элементы национальной культуры» не является обязательным и введен в школьную программу в качестве факультатива. В настоящее время преподавание влашского говора (языка) ведется в восьми населенных пунктах региона восточной Сербии: в селах Кобишница (30 учеников) и Прахово (20 учеников) общины Неготин Борского округа, Злот (100 учеников) общины Бор Борского округа, Грлян (25 учеников) общины Заечар Заечарского округа, Лазница (50 учеников) общины Жагубица Браничевского округа, Влаоле (10 учеников) и Ясиково (10 учеников) общины Майданпек Борского округа, Волуя (80 учеников) общины Кучево Браничевского округа [ПМА 2019, 2021].

Следует отметить, что появление как учебника, так и специального семинара для преподавателей факультатива является инициативой «Национального совета влахов», а также общественных организаций «Форум Влаха» (Влашский форум) в г. Бор, влашской ассоциации «Примовара» (Весна) в общине Злот, «Заједница Влаха Пауљ Матејић» (Влашское общество имени Пауля Матейича) в общине Мелница и неправительственной организации «Гергина» в г. Неготин [Република Србија 2017: 5]. Само появление учебника является попыткой зафиксировать этнокультурную идентичность влахов. Несмотря на языковую близость двух групп румыноязычного населения Сербии, учебник влашского говора (языка) отличается от учебников румынского языка, используемых в школах Сербии.

В учебнике фиксируется разнообразие фонетических и грамматических форм «влашского языка (говора)» в зависимости от той или иной местности. Особенно заметна неоднородность лексического состава различных говоров. Автор не визуализирует ареал распространения влашского языка на карте, а представляет его с помощью персонажей, от лица которых подается материал учебника. Эти персонажи «живут» в разных районах восточной Сербии: Омуољ (Хомолье), Бор, Мајдан (Майданпек), Крајна (Краина) [Голубовић 2013: 5]. Другими словами, автор фиксирует зоны распространения трех основных говоров романоязычного населения, отмеченных на уже упоминавшейся и известной среди специалистов карте румынских говоров восточной Сербии, составленной Пауном Дурличем [Durlić 2020: 41]. Так как целевой аудиторией учебника являются прежде всего школьники младших классов, изучающие в качестве факультатива «влашский язык», его авторы избегали научных терминов, конкретных названий говоров и указаний на отчетливые границы их распространения.

Учебник состоит из четырех основных частей: «Вуорба влаха» (Влашская речь), «Култура зборулуј» (Культура общения), «Повастуиту дй батрйњацă» (Старинные рассказы), «Култура шй традиција влаха» (Влашские культура и традиции).

Первая часть представляет собой информацию об алфавите влашского языка (говора), составленного в 2012 г. и утвержденного на заседании Национального совета влахов Сербии. Как уже говорилось, это не единственный вариант влашского алфавита, однако сам факт публикации алфавита в учебнике, одобренном Министерством образования, науки и технологического развития Сербии для преподавания факультатива под названием «Влашский говор и элементы национальной культуры», легитимирует вариант алфавита, составленного членами организации «Гергина».

В учебнике отсутствуют какие-либо сведения о грамматике влашского языка (говора). Кроме алфавита, в учебнике делается упор на общеупотребительную лексику: числительные (до 10), прилагательные, обозначающие цвет, прилагательные и существительные, обозначающие внешность человека, названия частей тела, названия животных и традиционных блюд. Дидактические тексты направлены на развитие у детей коммуникативных навыков, освоение элементарных правил этикета на влашском языке. Кроме того, учебник содержит тексты народных сказок, басен, колядок. Например, отрывок сказки «Стан — Котофей», который выше был представлен нами в записи Любиши лу Божа Кичи [Golubović 2013: 48]:

Стан Мйртан

А фост врун мйц пйрљит ше́ а шадзут йн ватра фокулуј. Ла вадзут копији шй ла луват шй ја ље́гат ђе коадă о кустурă ђе куцйт ружињит, шй ја дат друму пе кймп. А пљекат мйцу пе кймп шй кйнд а ажунс

Стан — Котофей

Жил-был облезлый кот, сидевший у очага. Увидели его дети, схватили, привязали к хвосту ржавое лезвие ножа и пустили в поле. Пошел кот по полю и дошел до межи, увидела его лисица,

пи врун слог йл вјеђе вро вулпје, шй că мирă ђе јел, шйл йнтрјабă карје је јел.

Да мйцу йј спуње:

„Јо сйнт Стан мйртан, капитан, ку сабја ђе аржинт, пазйа сй ну ће йншинт; пи карје лаш арђа капу јаш лува“.

посмотрела удивленно и спрашивает, кто он такой.

А кот говорит ей:

«Я Стан — котофей, капитан, с серебряной саблей, берегись, чтобы я тебя не ожег, кого ожгу — тому голову сниму».

В разделе учебника «Культура и традиции влахов» упоминаются названия народных музыкальных инструментов, танцев, традиционных занятий, блюд местной кухни, наиболее значимых календарных и семейных праздников. Учебник содержит информацию об элементах семейной обрядности (родильной, свадебной и погребально-поминальной), представленной соответствующей лексикой и посредством иллюстраций. Например, визуальная репрезентация обряда, связанного с рождением ребенка («фэкутул») и восходящего к представлениям о духах, называемых «урзиториле» (феи, определяющие судьбу новорожденного), которым посвящалась и соответствующая обрядовая трапеза («помана» — букв. ‘поминки’), представлена фотографиями обрядового реквизита — обрядовых калачей и др. Учебник, таким образом, в сжатой форме представляет сложную систему обрядов и мифологических представлений рассматриваемой этнической группы [Golubović 2013: 55–81].

Однако цель создания учебника — не столько научить влашскому говору (языку), сколько заявить о его существовании, вопреки мнению прорумынски настроенных членов романоязычного сообщества, отвергающих существование отдельного влашского языка. В данном случае, учебник, составленный Миленой Голубович, вполне способен выполнять функции «агента социализации» для романоязычного населения, идентифицирующего себя как «гражданин Сербии» (гражданская идентичность). Этническая принадлежность его адресата — «влах» (этническая идентичность), не рассматривающий Румынию в качестве «внешней родины», однако сохраняющий язык и традиции, унаследованные от предков.

Исследователи, изучающие романоязычное население восточной Сербии, выражают два полярных мнения по поводу появления учебника влашского говора (языка), и, соответственно самого факта преподавания этого идиома в школе. Одни называют учебное пособие «Вуорба шй культура Влаха» квазиучебником [Gacović 2019: 320], другие полагают, что сам факт включения влашского говора (языка), наряду с румынским, в учебную программу школ, находящихся на территории восточной Сербии, является стимулом для прекращения активного процес-

са языковой ассимиляции, происходившей в регионе [Hutanu, Sorescu-Marinkovic 2015: 208].

Информационный контекст функционирования рассматриваемого учебника представлен возникающими с определенной периодичностью печатными изданиями, предназначенными для дошкольного и младшего школьного возраста, составленными С. Челоевичем и С. Голубовичем (о них см. выше), а также другими авторами.

В том же 2013 г. Слободан Голубович (dPasujoni) издал влашско-сербский словарь с использованием «официального» влашского алфавита. В этом словаре, как и в словаре Любиши лу Божа Кичи, не даются грамматические признаки слов и отсутствуют сведения о месте их фиксации и происхождении. В нем, как и в другой книге С. Голубовича, изданной в том же 2013 г. — сборнике стихов для детей «Панда изучает кун-фу», есть указание, что материалы по «краинско-тимокскому» (т. е. царанскому или олтенскому) говору предоставлены С. Челоевичем (Sină alu Čeloiu) [dPasujoni 2013].

Справочник по грамматике «влашского языка» (на сербском) был опубликован Надицей Н. Йованович в Неготине в 2013 г. (также под эгидой общества «Гергина») [Jovanović 2013].

В 2018 г. Синиша Челоевич вместе со своей женой Снежаной Челоевич и Элизабетой Дайич-Гримпплинович выпустил сербско-влашско-немецкий разговорник. В предисловии авторы указывают, что этот разговорник предназначен в первую очередь для подростков влашского происхождения, родившихся и / или выросших в Германии и Австрии, куда их родители уехали в результате трудовой миграции [Čelojević, Dajić-Grimplinović, Čelojević 2018].

Официальный «влашский» алфавит в настоящее время активно используется и для публикации сборников фольклорных текстов. Среди них есть книги, предназначенные для детей и имеющие определенную дидактическую направленность, как уже упоминавшийся сборник «Сказки для детей», но в последние годы появляются и книги, рассчитанные на другую аудиторию. Последними на данный момент книгами Синиши Челоевича являются сборник „Кйнтјеће дје рушиње / Еротске влашке песме“, и „Descântece / Vlaške bajalice“, вышедшие в 2021 г. в Неготине (последнюю книгу Челоевич опубликовал в соавторстве с Неманей Испировичем) [Синă алу Челоју 2021; Čelojević, Ispirović 2021].

Несколько раньше, в 2019 г., тем же обществом «Гергина» в Неготине была издана монография известного сербского музыковеда Димитрие Големовича «Власи: традиционална народна музика / Muzika Vlahilor din lumje“ (эта книга издана на сербском языке, однако в ней имеется резюме на «влашском»). Важное значение имеет также присутствующая в книге влашская музыкальная терминология [Големовић 2019; Радивојевић 2021: 173–175].

Нужно отметить, что если для публикаций, рассчитанных на детскую аудиторию, используется кириллический вариант «влашской азбуки», то для книг, предназначенных для взрослых, чаще используется ее латинский вариант. Приведем отрывок из сборника юмористических рассказов Драганы Воинович[86], публикующейся под «влашским» именем Дрэгана алу Йовэненю [Drăgana alu Jovănenju 2013: 3]:

Elvis alu Ćobanu la škoala

Jeu sînt Elvis alu Ćobanu!

Am kreskut <…> în kîmpu Praovi, la tufanji aj mari djin vremja Turćilor, undje gîndjau njetrăbîjicî că sînt îngropatje borkanjilji ku aur, dje venja una în tru una să săpe ku njištje skulje, ku njištje burgiuri, ku njištje drăkovenjij, ši aša măj multje, nu jor găsa. Ši găsau pje draku! Nu găsau nimika. Bar jeu nu vedjam. Poj! Că Turći proštj ši lje lasă lor borkanjîlji să-j djezgroapje ji.

Da zîća lumja bătrână, pje vremja aja, dje ăja kare să înbogăca aša dje njima nu štija kum: „Ba, ăla moară că a găsît borkanu ku aur!“ Aša jerja vorba.

Элвис Чобану в школе

Я Элвис Чобану!

Я вырос <…> на равнине Праховы, в густых зарослях, оставшихся еще с турецкого времени, где, как думали бездельники, зарыты горшки с золотом, так что они являлись один за другим копать с каким-то инструментом, с какими-то сверлами, еще черт знает с чем и прочим, и не находили. Ни черта они не находили! Не находили ничего! Я-то не видел. Ну! Будто турки дураки, чтобы оставлять им горшки, чтобы они их откапывали.

Но старики сказывали тогда о тех, кто разбогател неизвестно как: «Нет, этот, должно быть, нашел горшок с золотом!». Так говорили.

Эти попытки формирования и поддержания этнокультурной идентичности через школу как один из институтов формирования личности не нашли понимания в Румынии. В феврале 2020 г. на официальном сайте Румынской Академии появилось официальное письмо, подписанное ее президентом Иоаном Аурелом Попом и адресованное Академии наук и искусств Сербии. В нем содержится негативная оценка использования в официальных документах словосочетания «влашский язык», а также рекомендация использовать общий термин «румынский язык» для говоров жителей земель, расположенных между реками Морава, Дунай и Тимок, а также применительно к румыноязычным жителям сербского Баната [Scrisoare…2020].

Аннемари Сореску-Маринкович и Моника Хуцану в цитированной выше статье, пользуясь методологией немецкого социолингвиста Хайнца Клосса и опираясь на материалы собственных полевых исследований, делают вывод, что «влашский» идиом в настоящее время становится аусбау-

86 Драгана Воинович (1969 г. рожд.) — уроженка пос. Прахово общины Неготин Борского округа, в настоящее время живет во Франции, является вице-мэром городка Морто и кавалером ордена Почетного легиона (2011 г.).

языком[87], не будучи абштанд-языком[88] по отношению к румынскому [Huţanu, Sorescu-Marinković 2018]. В то же время эти авторы отмечают, что сторонники «независимости» «влашского» языка не обязательно являются более многочисленными, чем противники этой концепции, однако они, благодаря существованию Национального совета влахов, лучше представлены политически, что может создать впечатление общественного консенсуса по этому вопросу [Huţanu, Sorescu-Marinković 2018]. (О партиях и политических течениях среди румыноязычного населения восточной Сербии подробнее см. [Голант 2016: 228–241]).

В настоящее время, как мы могли убедиться, в восточной Сербии пишется и издается значительное количество книг на румынском языке (как на стандартном, так и на «влашских» диалектах, с использованием разных систем записи); кроме того, выходит большое число публикаций на сербском языке, содержащих влашские фольклорные тексты. Однако о самостоятельной литературной традиции (несмотря даже на наличие таких выдающихся личностей, как Адам Пуслоич) говорить пока не приходится.

Список сокращений

Алб. — албанский
Болг. — болгарский
Венг. — венгерский
Герм. — германский
Макед. — македонский
Мн. ч. — множественное число
Н.-греч. — новогреческий
Нем. — немецкий
Осм. — османский
Польск. — польский
Рум. — румынский
Серб. — сербский
Слав. — славянский
Словац. — словацкий

---

87 Аусбау-язык (Ausbausprache, «развитый язык») — идиом, используемый автономно по отношению к другим языкам. Обычно это значит, что это функционально полноценный язык, который имеет собственный письменный стандарт, независимый от других языков; охватывающий различные сферы письменного и устного общения; зачастую также имеющий определенный официальный статус. Идиомы, которые не являются «развитыми языками», обычно используются только в устном общении с определенным кругом лиц [см. Kloss 1967].

88 Абштанд-язык (Abstandsprache, «отстоящий язык») по отношению к другому идиому — это идиом, который структурно достаточно сильно отличается от первого, чтобы считаться отдельным языком [см. Kloss 1967].

Ср.-лат. — средневековый латинский
Ст.-слав. — старославянский
Тур. — турецкий
Тюрк. — тюркский
Франк. — франкский
Чешск. — чешский

Источники и материалы

ПМА 2019 — Полевые материалы авторов. Экспедиция в г. Неготин и Кладово Борского округа, г. Заечар и с. Шипиково, Гамзиград, Грлян, Шливар общины Заечар Заечарского округа (Сербия), г. Видин (Болгария), г. Дробета-Турну-Северин (Румыния), 2019.

ПМА 2021 — Полевые материалы авторов. Экспедиция в г. Неготин и с. Александровац (Злокуче) и Кобишница общины Неготин Борского округа, г. Заечар и с. Шипиково общины Заечар Заечарского округа (восточная Сербия), г. Вршац Южнобанатского округа (Воеводина), январь — февраль 2021 г.

Голубовић 2014 — *Голубовић М.* Вуорба шй култура Влаха: Уџбеник из предмета влашки говор са елементима националне културе за први разред основне школе. Београд: Завод за уџбенике, Петровац на Млави: Национални Савет Влаха, 2014. 83 с.

Девић 1990 — *Девић Д.* Народна музика Црноречја. Београд: Културно-образовни центар Бољевац, Факултет музичке уметности у Београду, 1990.

дПасујони 2013 — *дПасујони*. Панда йнвацӑ кунг-фу. Београд: Fondacija za otvoreno društvo, Srbija, 2013. 48 с.

Дурлић 2011 — *Дурлић П. Ес*. Компендијум за увођење влашког језика у основне школе. Мајданпек, 2011. URL: http://www.paundurlic.com/pdf/Kompendijum-SR.pdf (дата обращения: 20.11.2021).

Ђорђевић 2004 — *Ђорђевић* Т. Кроз наши румуне. Путописне бележки. Бор: Ariadnae filum, 2004. — 126 с.

Зечевић 1977 — *Зечевић С.* Народне игре источне Србије // Гласник Етнографског музеја 41. Београд, 1977. С. 141–164.

Јанковић 1969 — *Јанковић С.* Мајсторул Манољa = Мајстор Манојло // Развитак, бр. 3. Зајечар, 1969. С. 48–52.

Љубиша лу Божа Кићи 2004 — *Љубиша лу Божа Кићи*. Влашко-српски речник. Ворбарју вларумӱњеск-србјеск. Бор: Љ. Ницуловић, 2004. 267 с.

Љубиша лу Божа Кићи 2006 — *Љубиша лу Божа Кићи*. Влашки превод Библије. Јевангеља сфӱнтё. Бор: Љ. Ницуловић, 2006. 320 с.

Љубиша лу Божа Кићи 2010 — *Љубиша лу Божа Кићи*. Влашке песме. Бор: Љ. Ницуловић, 2010. — 108 с.

Љубиша лу Божа Кићи 2011 — *Љубиша* лу Божа Кићи. Повјешть румйњешћ / Влашке приповетке. Неготин: Национални савез Влаха, 2011. 133 с.

Национални савет влаха 2012 — Национални савет влаха усвојио влашко писмо. 11.08.2012. URL: http://nacionalnisavetvlaha.rs/%D1%81%D0%B0%D0%BE%D0%BF%D1%88%D1%82%D0%B5%D1%9A%D0%B0-%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%BE-%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BC%D0%BE/ (дата обращения: 21.11.2021).

Република Србија 2017 — Република Србија. Европска повеља о регионалним или мањинским језицима. Четврти периодични извештај достављен Генералном секретару Савета Европе у складу са чланом 15. Повеље. Београд, 2017. 197 с.

Синă алу Челоју 2021 — *Синă алу Челоју*. Кйнтјеће дје рушиње. Еротске влашке песме. Неготин: Удружење за очување идентитета, језика, културе и традиције Влаха «Гергина», 2021.

Синă алу Челоју, dPasujoni 2013 — *Синă алу Челоју*, dPasujoni. Повјестјиј дје копиј. Povješć dî kopij. Неготин, 2013.

Становништво 2011 — Становништво према националној припадности. Београд, 2011.

Станојевић 1931 — *Станојевић М*. Зборник прилога за познавање Тимочке Крајине. Београд: Штампарија «Јовановић», 1931. — 116 с. URL: https://commons.wikimedia.org/w/index.php?title=File%3AZbornik_priloga_za_poznavanje_Timocke_krajine%2C_Marinko_Stanojevic%2C_1931.pdf&page=1 (дата обращения: 22.11.2021).

Фасмер 1964 — *Фасмер М*. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964. 562 с.

Филиповић 2017 — Стојан Новаковић. Лични фонд (1842–1915). 1804–1928. Сумарни инвентар. Аналитички инвентар. 1804–1828. Приредила В. Филиповић. Београд: Архив Србије, 2017.

Apostol 1941 — *Apostol I*. Striinu. Variantă a Mioriţei din Valea Timocului // Convorbiri literare, LXXVI. 1941. P. 1011–1014.

Atlas lingvistic 2006 — Atlas lingvistic al regiunii Valea Timocului. Contribuţii la atlasul lingvistic al graiurilor româneşti dintre Morava, Dunăre şi Timoc / P. Neiescu, E. Beltechi, N. Mocanu. Cluj-Napoca, 2006.

Atlasul lingvistic 1956 — Atlasul lingvistic român. Serie noua / Sub direcţia acad. E. Petrovici. Cluj: Acad. RSR, 1956. Vol I. — 148 p. (с карт.).

Caracostea 1941 — *Caracostea D*. Mioriţa în Timoc // Revista Fundaţiilor regale. Anul VIII. 1 aprilie 1941. Nr. 4. P. 141–144.

Čelojević, Dajić-Grimplinović, Čelojević 2018 — *Čelojević S., Dajić-Grimplinović E., Čelojević* Sn. Da se razumemo / Să nje încăljeđem / Lasst uns verstehen. Negotin: Gergina, 2018. — 43 p.

Čelojević, Ispirović 2021 — *Čelojević S., Ispirović* N. Descântece. Vlaške bajalice. Negotin: Gergina, 2021.
Ciorănescu 2007 — *Ciorănescu A*. Dicţionaru etimologic al limbii române. Bucureşti: Saeculum I. O., 2007. — 1055 p.
Dicţionarul explicativ 1998 — Dicţionarul explicativ al limbii române. Bucureşti: Univers enciclopedic, 1998. — 1192 p.
dPasujoni 2013 — *dPasujoni*. Vuorbarj. Vlaško-srpski rečnik. Beograd: EtnoStil, 2013. 122 p.
Durlić — *Durlić P*. Es. Vorbar. On-line leksikon vlaške kulture. URL: http://paundurlic.com/vlaski.recnik/index.php (дата обращения: 22.11.2021).
Ethnic Minorities 2008 — Ethnic Minorities in Serbia. An Overview. February 2008. 25 p. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/4/6/30908.pdf (дата обращения: 21.11.2021).
Grimm 1992 — *Grimm J., Grimm W*. Deutsches Wörterbuch / Bearb. von K. von Bahner unter Mitwirkung on H. Sickel. Leipzig, 1922. Bd. 13.
Jovanović 2013 — *Jovanović N.* N. Gramatika vlaškog jezika. Negotin: Gergina, 2013. 60 s.
MDA 2010 — Micul dicţionar academic. Ediţia a II-a. Bucureşti: Univers enciclopedic, 2010.
Njagoević 2006 — *Njagoević S.* (*Stanoie lu Niagoie*). Primovară perdută. Bor: Ariadnae filum, 2006. — 52 p.
Păcurar dân munce… — Păcurar dân munce (Mioriţa din Homoli) — Čobanin iz planine. Режим электронного доступа: https://www.youtube.com/watch?v=dHN3UomuWzs. Дата обращения: 11.05.2020
Pătruţ 1942 — *Pătruţ I.* Folclor dela românii din Sârbia // Anuarul arhivei de folclor, VI. Bucureşti: Academia română, 1942. P. 344–345.
Picot 1889 — *Picot É*. Chants populaires des roumains de Serbie // Publications de III série — volume VI. Recueil de textes et de traductions publié par les professeurs de l'Ecole des langues orientales vivantes à l'occasion du VIIIe congrès international des orientalistes tenu à Stockholm en 1889. Tome second. Paris: Imprimerie National, 1889. P. 365–436.
Puslojić 2008 — *Puslojić A*. Asimetria durerii. Baia Mare: Editura Proema, 2008.
Puslojić 2014 — *Puslojić A*. Taraf de bani cu trei poeţi // Revista POESIS, nr. 6–7–8, 2014.
Report 2011 — Report on the state of human rights of Rumanians and Vlachs in Serbia (Helsinki Committee for Rights in Serbia, 1998). URL: http://www.banatul.com/info/banat-history-romanians-in-serbia.html. (дата обращения: 04.04.2020).
Sandu Timoc 1942 — *Sandu Timoc* C. Folklor din Timoc // Timocul. Nr 9. 1942. P. 47.

Sandu Timoc 1943a — *Sandu Timoc C*. Strinu // Revista Fundaţiilor regale. Anul X. Nr 12. 1 decembrie 1943. P. 650–653.
Sandu Timoc 1943b — *Sandu Timoc C*. Poezii populare de la românii din Valea Timocului. Craiova: Scrisul românesc, 1943.
Sandu Timoc 1967 — *Sandu Timoc C*. Cântece bătrâneşti şi doine. Bucureşti: Editura pentru literatură, 1967.
Sandu Timoc 1988 — *Sandu Timoc C*. Poveşti populare româneşti. Bucureşti: Minerva, 1988.
Scrisoare către — Scrisoare către Academia Sârbă de Ştiinţe şi Arte. 18 februarie 2020. URL: https://acad.ro/mediaAR/pctVedereAR/2020/d0220-ScrisoareAcademiaSarba.pdf
Şăineanu 1929 — Şăineanu L. Dicționar universal al limbei române. Ediția a VI-a, Craiova: Scrisul românesc, 1929.
Telesković 1996 — *Telesković I*. Paunica — vlaško pismo u Windows fontovima // Politika, 21.1.1996.
Zaječaranović 2003 — *Zaječaranović G*. Vorbesc româneşte. Niš: Mašinac print, 2003. 136 p.
Zăicereanu, Abraş 2004 — *Zăicereanu Gr., Abraş B*. Noi şi vorba noastră. Bor: Ariadnae filum, 2004. 254 p.

Научная литература

Гаџовић С. 2002. Бајања у култу мртвих код Влаха североисточне Србије. Београд: Чигоја штампа. 188 с.
Гирфанова А. Х., *Сухачев Н. Л.* 1994. Заметки по балканской топонимии тюркского происхождения (Валахия, Кумания) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Выпуск 5–6. СПб. С. 156–172.
Голант Н. Г. 2016. Этнический активизм в среде влахов (румын) Восточной Сербии // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 16: Памяти наших коллег-полевиков. СПб.: МАЭ РАН. С. 228–241.
Големовић Д. О. 2019. Власи: традиционална народна музика. Muzika Vlahilor djin lumje. Неготин: Удружење за очување идентитета, језика, културе и традиције Влаха «Гергина».
Гура А. В., Левкиевская Е. Е. 1995. Волколак // Славянские древности. Этнолингвистические словарь в пяти томах / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения. С. 418–420.
Данилова В. П. 1971. Сопоставительная таблица фонетических транскрипций в атласах романских языков // Лингвистические атласы и карты. Аннотированный каталог / Сост. Т. Н. Мельникова и Н. Л. Сухачев; Под ред. М. А. Бородиной. Л.: Ротапринт РПМ БАН. С. 38–56.

Драшкович В., Драшкович М. 2012. Неолиберальный миф о «минимальном» государстве, или государство сохраняется // Экономическая наука современной России. № 3 (58). С. 7–15.
Литаврин Г. Г. 2001. Влахи в византийских источниках X–XIII вв. // Византия и славяне. СПб. С. 130–161.
Радивојевић М. 2021. Димитрије О. Големовић. Власи: традиционална народна музика. Muzika Vlahilor djin lumje. Музикологија. Часопис Музиколошког института САНУ. № 30 (1), 2021. С. 173–175.
Романски С. 1916. Разпространението на власите между Тимок и Морава и на цинцарите в Македония // Научна експедиция в Македония и Поморавието. Съст. Петър Хр. Петров. URL: http://macedonia.kroraina.com/bg_1916/bg_1916_2_12.htm?fbclid=IwAR0PHhQFUs6vAk8vQhFfb_vpjbwNBhjv8xQNQYohbH2RY-0OsNF-YuwDZMA#g1 (дата обращения 28.10.2021).
Русаков А. Ю. 2006. Влахи // Великий князь — Восходящий узел орбиты. М.: Большая российская энциклопедия. (Большая российская энциклопедия: [в 35 томах] / Гл. ред. Ю. С. Осипов), т. 5. URL: http://bigenc.ru/ethnology/text/1918705 (дата обращения: 26.10.2019).
Трубачев О. Н. 1960. Происхождение названий домашних животных в славянских языках (Этимологические исследования). М.: АН СССР. 116 с.
Цухлев Д. 1932. История на града Видин и неговата област. София: Печатница «П. Глушковъ».
Durlić P. Es. 2020. Rumînji în zovîrnjit đi suare = Vlasi na zalasku sunca. Majdanpek: Udruženje građana „PEKUS“. 351 p.
Gacović S. 2000. Petrecătura (pesma za ispraćaj pokojnika) u Vlaha Ungurjana. Zaječar: Matićna biblioteka „Svetozar Marković“, 2000.
Gacović S. 2016. Odabrana dela o istoriji Vlaha istočne Srbije u pet knjiga. Kn. 5–1. Od povlašenih Srba do vlaškog jezika. O poreklu i postojbini, o seobama, o srbiyaciji i asimilaciji, o maternjem jeziku i popisama Rumuna (Vlaha) istočne Srbije. 5–1 Beograd — Negotin: FABULA NOSTRA — LEKSIKA, 2016. 788 s.
Gacović S. 2019. Odabrana dela o istoriji Vlaha istoĉne Srbije u pet knjiga. Kn. 5–2. Od povlašenih Srba do vlaškog jezika: o političkoj klimi pre formiranja NS Vlaha, o izbornim listama svih saziva NS Vlaha. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji. 936 p.
Huţanu M., Sorescu-Marinković A. 2015. Graiul vlah în şcolile din Serbia răsăriteană: provocări şi perspective // Philologica Jassyensia. vol. 11, nr. 2. P. 201–211.
Huţanu M., Sorescu-Marinković A. 2018. Sisteme ortografice şi identitate lingvistică la comunitatea românofonă din estul Serbiei // Diacronia, nr. 7, aprilie 2018. URL: https://www.diacronia.ro/ro/journal/issue/7/A106/ro/pdf (дата обращения: 21.11.2021).

Kloss H. 1967. Abstand languages and Ausbau languages // Anthropolological Linguistics. Harvard: Harvard Press.

Marković R. 1974. Privire generală asupra poeziei populare a românilor din Serbia Răsăriteană // Analele Societăţii de limba română. Nr. 5. P. 177–186.

Pachia-Tatomirescu I. 2014. Însuşirea de nume / „semnificanţi“ în direct-proporţionalitate cu capacitatea de a suporta durerea din „semnificaţi“ // Omniscop. Revista Culturală Online. 16.10.2014. URL: http://www.omniscop.ro/insusirea-de-nume-semnificanti-in-direct-proportionalitate-cu-capacitatea-de-a-suporta-durerea-din-semnificati/ (дата обращения 19.11.2021).

Paunelović F. 2018. Tradicionalna kultura Vlaha Crnorečja. Boljevac: Kulturno-obrazovni centar Boljevac. 293 p.

Petrovici E. 1942. Note de folklor de la Românii sin Valea Mlavei (Sârbia) // Anuarul Arhivei de folklore, Cluj, VI. P. 43–75.

Sandu Timoc C. 1997. Vlahii sunt români. Documente inedited. Timişoara: Astra Română. 110 p.

Sikimić B. 2005. Etnolingvistički pristup vlaškoj duhovnoj kulturi — običaj „kumačenje“ // Actele simpozionului „Banatul, trebut istoric şi cultural”. Timişoara — Novi Sad –Reşiţa, 2005. P. 148–158.

Sorescu A., *Sikimić B*. 2003. Din vocabularul dialectal al satului Gradskovo // Lumina, Pančevo. № 4–5–6. P. 54–62.

Sorescu-Marinković A. 2005. The Vlach Funeral Laments — Tradition Revisited // Balcanica. XXXV (2005). P. 199–222.

Šerbanović P. 2014. Problem rada sa Vlasima // Vlasi u dokumentima Zaječarskog istorijskog arhiva: (1945–1999). Zaječar. S. 73–75.

Tocilescu Gr.G. 1900. Materialuri folcloristice culese şi publicate sub auspicile Ministerului cultelor şi învăţământului public. Vol. I. Poezia poporană. Bucureşti.

Vert C. 2001. Tipuri de peisaje rurale din Banat. Timişora.

Weigand G. 1899. Die rumänischen dialekte der Kleinen Walachei, Serbiens und Bulgariens. Leipzig: J. A. Barth. 92 p. URL: https://archive.org/details/jahresberichtde02publgoog/page/n79/mode/2up?view=theater (дата обращения: 20.11.2021).

Глава 13. БИТВА ЗА ЯЗЫК: ИДИОМ СЛАВЯН-МУСУЛЬМАН ГОЛОБОРДЫ В АЛБАНИИ

Научной задачей данной главы является анализ языковой ситуации, состояния, бытования и восприятия идиома как одного из маркеров этнической и религиозной самоидентификации славян-мусульман Голоборды (пограничье Албании и Северной Македонии), а также роли языка в механизме передачи коллективной культурной памяти в их сообществе в начале XXI в.[89] В наше время фиксируются значительные трансформации в социальной, культурной и религиозной жизни этнолокальных и этноконфессиональных групп региона, обусловленные глобальными процессами расширения информационных связей и определенной унификацией культуры, влияющей на сохранение традиций и — как следствие — определение своего места среди других народов [Иванова 2006; Elbasani, Roy 2015].

Исследование базируется на многолетних полевых наблюдениях автора, проходивших с 2008 по 2021 г. на Западных Балканах, а также на анализе лингвистических, этнологических, фольклорных и исторических материалов, хранящихся в Архиве Института культурной антропологии и искусствоведения и Архиве Института языкознания Академии наук Албании (г. Тирана), Архиве Института македонского языка им. Крсте Мисиркова (г. Скопье), фондах Института этнологии и фольклористики с Этнографическим музеем Болгарской академии наук (г. София), фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург). В ходе анализа темы была изучена имеющаяся научная литература сербских, македонских, албанских, немецких авторов, посвятивших свои труды языкам и культурам жителей Голоборды, их обрядам, религиозным и ритуальным практикам [Филиповић 1940; Дрвошанов 1995: 37–44; Sadikaj 1999; Бояджиев 2007: 52–64; Ylli, Steinke 2008; Тончева 2009]. Также были привлечены теоретические разработки культурных и социальных

[89] Автор — вместе со своими коллегами А. Н. Соболевым и др. — использует экзоэтноним «славяне-мусульмане Голоборды», возможно, не самый удачный, зато наиболее точный и лишенный каких бы то ни было нежелательных политических и проч. коннотаций. Данный термин был использован нами также в коллективной монографии, изданной на трех языках: русском, албанском и македонском [Голо Бордо 2013; Gollobordë 2017; Голо Брдо 2018]. Автором используется албанский вариант названия региона — Голоборда, так как исследования проводились преимущественно на территории Албании, а в самой статье анализируется материал из албанской части Голоборды.

антропологов, исследовавших феномен культурной памяти на итальянском, немецком, сербском и македонском материалах.

Основными методологическими принципами исследования послужили описательный, историко-типологический и сравнительно-исторический подходы. Рассматривая языковую, этническую и религиозную самоидентификацию как феномен в конкретном историко-социальном контексте развития Западных Балкан, автор подходил к маркерам идентичности как к единому информационному и культурному коду, имеющему определенную структуру и сложный комплекс различных элементов, каждый из которых выполняет соответствующую функцию [ср.: Новик 2011б: 79–85]. В качестве основных в исследовании были применены методы структурного и функционального анализа. Исторический подход позволил выявить основные закономерности генезиса культурной памяти и эволюции языковой идентификации.

К географии и истории вопроса

Местность, о которой идет речь в исследовании, находится на востоке/северо-востоке Албании, в горном районе, расположенном на границе с Республикой Северная Македония. Эта высокогорная область, в которой разбросаны славянские поселения, по-албански называется Голоборда (*Gollobord/ë, —a*). По-македонски название звучит соответственно: Голо Брдо, или Голо Бордо, что значит «голая гора, голая вершина»[90].

Голоборда представляет собой совершенно уникальный, с точки зрения сохранности языка, традиционной культуры и уклада быта, заповедник [Голо Бордо 2013: 11]. К слову, часть данной области с 2008 г., согласно постановлению правительства Албании, включена в созданный национальный парк *"Shebenik-Jabllanica„*. Цель данного решения — привлечь отечественных и иностранных туристов в регион и способствовать притоку инвестиций в развитие экономики местных поселений.

В данном регионе проживают албанцы (мусульмане, христиане-католики и православные), македонцы (православные и мусульмане), цыгане (мусульмане), влахи (православные). Полиэтничный и поликонфессиональный состав населения определил сложность социальных и культурных процессов, происходящих в восточных и северо-восточных районах Албании и в западной части Северной Македонии. Дополнительную нестабильность региону придает политическая неурегулированность, вызванная дезинтеграцией бывшей СФРЮ и сменой общественного режима в Албании [Woodward 1995; Светиева 2006]. В силу сложившихся исто-

90 В действительности местность в наши дни не совсем лишена растительности, лишь пространные плоскогорья между вершинами высоких гор имеют скудный растительный покров.

рических условий на западе Балканского полуострова государственные границы пролегли через этнические районы без учета принадлежности той или иной области или зоны к определенному этническому ареалу [см.: Иванова 1973]. Все попытки национальных правительств и международных сил вмешиваться в этнические процессы приводили и приводят лишь к обострению ситуации. Изучение механизмов этнических и языковых процессов является совершенно необходимым.

Славян-мусульман в данном регионе Албании насчитывается примерно несколько тысяч. Привести более точные данные пока затруднительно[91]. Не внесла ясность в данный вопрос и проведенная с октября по 1 ноября 2011 г. Перепись населения и домохозяйств Албании [Censusi 2011, INSTAT], результаты которой были объявлены в 2012 г.[92] Согласно данным Института статистики страны, население Албании составляет 2 821 977 чел. Из них македонское меньшинство насчитывает 0,2% от общего числа жителей. Примечательно, что македонский язык назвали родным (алб. *gjuhë amtare*) 0,16% населения страны (не все самоидентифицирующие себя как македонцев владеют идиомом) [Censusi 2011]. В свою очередь, не все владеющие славянским идиомом самоидентифицируют и записывают в анкеты себя как славян [Censusi 2011, INSTAT]. Результаты переписи вызвали бурную дискуссию в обществе, ряд партий, в первую очередь созданных на базе этнической принадлежности и призванных отстаивать права меньшинств, и национальных обществ выступили с резкой критикой технологий и методов проведения переписи и ее результатов, назвав их сфальсифицированными и «коррумпированными». В свою очередь, представители властей настаивали на прозрачности и достоверности данных [Голо Брдо 2018: 19].

В сентябре–октябре 2017 г. в Парламенте Албании проходила дискуссия по этническим меньшинствам в стране, вызванная рекомендациями Парламента Европейского Союза. В результате переговоров законодательным органом страны, под открытым влиянием болгарских политиков, было принято решение признать «болгарское меньшинство» в Голоборде, в районе Преспанских озер и в Го́ре [Panorama 2017].

---

91 В одном из последних исследований области Голоборда, предпринятом болгарским ученым Веселкой Тончевой, по различным источникам анализируется состав населения начиная с XVI в., однако не приводятся какие-либо конкретные цифры на настоящее время, что объясняется прежде всего высоким уровнем миграции местного населения, а следовательно, невозможностью любых объективных подсчетов (риск ошибиться в такой ситуации очень высок) [Тончева 2009: 9–25].

92 Материалы переписи и рефлексия в обществе после публикации ее результатов касательно славянского населения также приводятся в коллективной монографии [Голо Бордо 2013: 10–11].

Этноним, самоидентификация и политика

Официально Албания очень долго постулировала лозунг, что является моноэтничной страной, чуть ли не единственным моноэтничным государством Европы, соответственно, в Албании живут только албанцы. В дальнейшем, не в последнюю очередь под влиянием Евросоюза, стать членом которого желает эта балканская страна, отношение к национальным меньшинствам изменилось. Албания признает, согласно государственному закону, наличие этнических меньшинств, одним из них являлось — до 2017 г. — македонское, с 2017 г. — болгарское [Новик 2018: 225–226]. Но чаще всего, когда речь заходит о македонцах, подразумеваются православные македонцы, живущие в районе озер Большая и Малая Преспа. Проживающие в Голоборде славяне-мусульмане (или македонцы-мусульмане, как иногда говорят сами представители этнической группы, а также коллеги-ученые из Республики Северная Македония [Лиманоски 1992: 27–36; Дрвошанов 1995: 37–44; Видоески 1998: 5–46; Светиева 2006], или болгары, как их называют болгарские исследователи [Асенова 1997: 124–127; Бояджиев 2007: 52–64; Христова 2007: 43–53], или сербы, как фиксируют сербские политизированные ученые [Филиповић 1940]), каким-то образом остаются в тени общественного интереса [АМАЭ: Новик 2009Б: 5]. Решение Парламента Албании на законодательном уровне объявить жителей региона болгарами в сообществе не вызвало одобрения, так как люди видели открытую политическую конъюнктуру и желание властей угодить официальной Софии [ПМА 2019]. В научном сообществе существование этой группы славян вообще вызывает неподдельный интерес ввиду практически полного отсутствия сведений и неангажированного научного описания.

Вопрос этнической идентичности славян-мусульман Голоборды заслуживает особого внимания, так как в ходе многолетних исследований автору пришлось столкнуться не с одним и не с двумя этнонимами. Среди самоназваний были зафиксированы следующие варианты: *македонцы, мусульмане, турки, наши, болгары* [АМАЭ: Новик 2008Б: 7; Новик 2011б: 79–85; Голо Бордо 2013: 177–182; ПМА 2017]. Вопрос самоидентификации в этом регионе, как отмечено в заархивированных полевых материалах, очень сложный. С одной стороны, славяне-мусульмане четко осознают свою связанность с соседним македонским этническим ареалом — государственная граница делит Голоборду на албанскую и македонскую части, и многие жители склонны считать свои земли продолжением македонского этнического ареала. С другой стороны, в соседней Северной Македонии македонское население в своем подавляющем большинстве исповедует христианство в форме православия (за исключением широкой прилегающей к границе полосы с преобладающим македонским мусульманским населением, которое рядом исследователей называется *торбеш*ами). Поэто-

му у многих опрошенных информантов (их число превышает 200 человек) и возникает некоторое сомнение при попытке этнического самоопределения [ПМА 2017; 2019; 2021].

С другой стороны, этноним *мусульмане* также не является вполне удачным для местных жителей, так как по соседству в самой Албании и в соседней Македонии проживает значительное количество албанцев-мусульман. Обратная сторона этой же медали — мусульмане Боснии, где «мусульмане» традиционно является устоявшимся этнонимом. В последние два десятилетия этот факт привел к тому, что часть славянского населения, исповедующего ислам, в Черногории и Косово стали позиционировать себя как *бошняки*, хотя никакого отношения к территории Боснии и ее населению они исторически не имели [АМАЭ: Новик 2015; ПМА 2016].

В вопросе определения этнонима весьма показательным является следующий факт. Нам не удалось зафиксировать вполне возможного и прогнозируемого самоназвания *славяне*. Очевидно, что под славянами местное население вполне определенно понимает только славян православных — македонцев, сербов, болгар, черногорцев. Здесь мы не можем сбрасывать со счетов и тот факт, что мусульманское население в соседних областях Северной Македонии, Косово и Албании славянами называет практически исключительно сербов (в большинстве исповедующих православие).

Не прижился здесь и насаждаемый со стороны этноним *болгары* (болг. *българи*). Хорошо известно, что Болгария по меньшей мере с начала 1990-х годов проводит политику «болгаризации» славянского населения, проживающего за пределами самой Республики Болгарии [см.: Голо Брдо 2018: 189]. Истоки этой политики следует искать в сложных болгарско-македонских отношениях и в целом в восприятии Болгарией македонского этноса и македонской государственности. Известный постулат части ученых и политиков в Болгарии: македонцы — это группа болгар, живущих в Македонии, созданная искусственно благодаря политике великих держав на рубеже XIX–XX вв. [Асенова 1997: 124–127; Бояджиев 2007: 52–64; Христова 2007: 43–53; Тончева 2009]. Проводя в жизнь свою политику, болгарские власти легко и охотно выдавали болгарские паспорта жителям Албании, имевшим славянские корни. Для последних получить болгарский паспорт было исключительно выгодно, так как он давал право беспрепятственного въезда в страны Шенгенского соглашения. Однако на данном этапе можно констатировать факт, что получение и владение болгарским паспортом не приводит автоматически к отнесению себя его владельцем к болгарскому народу [Голо Брдо 2018: 189].

Самоназвания *наши* и *турки* также понятны. *Наши* — результат естественного желания противопоставить себя другим, т. е. соседям-албанцам, разговаривающим на другом языке, пусть даже мусульманская вера и является у местных славян и албанцев единой. Самоназвание *наши* звучит очень часто

среди славян Голоборды [ПМА 2019]. *Наши, наши люди* часто употребляется, когда речь заходит о других — в противоположность соседям, живущим в ближайшем соседстве в этой же местности или, более широко, *краине*[93] и т. д.

Самоназвание *турки* восходит ко временам Османской империи, в которой на государственном уровне не проводилось различий между народами по этнической шкале. Главная государственная идея постулировалась и реально базировалась на конфессиональном разграничении населения империи: если ты мусульманин — то ты турок, если ты православный — значит, грек. Исповедование ислама автоматически причисляло народ или его группу к доминирующему/господствующему народу империи [Иванова 2006: 104–108]. Этноним *турки* является привычным для местных жителей [Новик 2009: 119–130]. Учитывая микротопонимику региона и отдельных сел, наличие большого количества православных храмов в регионе, архивные документы (прежде всего сведения османских дефтеров), а также мемораты опрошенных информантов, зафиксированные во время экспедиций, можно сделать вывод, что ислам был принят местными жителями относительно недавно — не ранее конца XVIII — начала XIX в. [Голо Брдо 2018: 188]. Как правило, выбор новой религии диктовался на Балканах экономической целесообразностью. Как отмечают в интервью ключевые информанты, их предки приняли ислам из-за фискальной политики османских чиновников [АМАЭ: Новик 2008А]. Однако такие полевые материалы всегда требуют корректировки — что является в таких нарративах действительно воспоминанием того, что рассказывали родители и старшие люди, т. е. фактами культурной памяти, а что стало итогом полученных знаний, почерпнутых из прессы, литературы, СМИ и т. д. [Новик 2011б: 79–85; Novik 2020: 209–234]. Тем не менее, за время исповедования ислама славянское население Голоборды стало причислять себя к господствующему народу — поэтому причисление себя к *туркам* (опираясь на конфессиональную принадлежность) сохраняется в самосознании и фиксируется в ходе полевой работы весьма четко.

Лингвоним и «своя земля»

Неразрывно с этнической самоидентификацией македонцев-мусульман связан вопрос их языка. Идиомом славян в Голоборде является говор македонского языка. И свой язык они называют следующим образом: *наш язык (наш јозик)*[94]*, македонский*, *турецкий* (sic!), *болгарский.* (Сравните:

---

93 *Краина* (алб. *krahín/ë, -a*) — историко-этнографическая область [Zojzi 1962: 16–64].

94 О самоназвании, лингвониме и маркерах идентичности у горан см.: [Dokle 2010].

болг. *наш език*, мак. *наш јазик.*) [Голо Брдо 2018: 189]. Затруднения в определении названия родного языка связаны со статусом языка македонцев в Албании (хотя это, понятно, не единственная причина). Македонский не преподают в местных школах, на македонском не выходят газеты и т. д. На местном языке разговаривают дома, беседуют в общественных местах с соплеменниками, македонский звучит с экранов телевизоров (практически в каждом доме здесь есть спутниковая антенна, и македонские каналы весьма популярны) [АМАЭ: Новик 2008А].

Вопросы этнонима и лингвонима взаимосвязаны у славян-мусульман Голоборды. Более того, они непосредственно влияют на концепт родины, или «своей земли» [АМАЭ: Новик 2010А]. *Наши*, как и *наш язык,* противопоставлены соседям-албанцам и их языку, а заодно, в какой-то мере, и македонцам-православным и литературному македонскому языку. Македонская диалектная речь звучит практически в каждом доме, информанты свободно владеют родным говором македонского языка [Лиманоски 1992: 27–36; Дрвошанов 1995: 37–44; Видоески 1998: 5–46; Светиева 2006]. При этом большая часть македонцев-мусульман — билингвы. Жизнь в албанском государстве, тесные хозяйственные, родственные и иные связи способствовали усвоению также албанского языка. Однако в славянских селах Голоборды можно наблюдать следующую картину. Многие пожилые женщины, жизнь которых прошла исключительно в данной местности, могут и не владеть в достаточной степени албанским. Так, 75-летняя информантка из Требишта, Разия Садику, сказала нам, что она совсем не говорит по-албански [Голо Бордо 2013: 180]. Подобная ситуация вполне может объясняться тем, что не было необходимости учить албанский. Дома говорили на родном языке. На работе общались также на родном — практически все работники местного сельхозкооператива были славянами. Найти никогда не работавших пожилых женщин в ходе проведения экспедиций не удалось. В социалистической Албании все обязаны были работать, равно как и, к слову сказать, нести воинскую повинность. Поэтому объяснить незнание албанского языка замкнутостью женщин стенами дома и двора нельзя. Данные наших экспедиций говорят, что в Албании и при социализме можно было прожить без знания официального языка государства [АМАЭ: Новик 2008А; Новик 2008Б]. Указанный выше случай, впрочем, является, скорее, исключением. Большинство женщин владеет албанским языком, пусть даже значительно хуже, чем славянским идиомом.

С мужчинами всё обстоит иначе. Мужчины с юных лет были втянуты в общественную жизнь. Она была связана с «добровольными» работами по строительству дорог и возведению военных объектов, со службой в народной армии, с военными сборами, с поездками в командировки и т. д. Мужчины в целом отлично владеют албанским языком. Более того, есть темы, при обсуждении которых мужчины, как правило, переходят на ал-

банский язык. Это: армия, политика, техника, космос и т. д. Т. е. всё, что было изначально воспринято на албанском, легче обсуждается на албанском. Зачастую информанты просто не в состоянии беседовать на те или иные темы на родном языке — у них не хватает лексического запаса. Их родной говор служит, скорее, для обсуждения бытовых вопросов. Говорить на все сложные и абстрактные темы им легче по-албански. То же в подобных ситуациях касается и женщин. Последние, к примеру, также переключаются на албанский, когда речь заходит, скажем, о политических акциях 1960–1970-х годов, военных сборах и т. д. [Голо Брдо 2018: 189–190].

Весьма показательным в описании ситуации в славянских мусульманских поселениях албанско-македонского пограничья может послужить следующий нарратив, зафиксированный во время полевой работы в Тиране в сентябре 2011 г. Интервью было записано у 44-летнего Кена Мучо.

> Вот мы — кто такие? Как нас назвать можно? Я из Большой Дибры [Dibra e Madhe]. Оттуда мой отец и предки были. Затем они в Албанию переселились, мы под Пешкопией жили. Я уже в Тиране сам стал жить. К кому нас отнести? Мы, вроде, как македонцы — у нас почти их язык. Но мы не македонцы, не албанцы тоже! В Македонии таких, как мы, торбеши называют. Но мы не торбеши! Может, горане? По правде, мы славяне и мусульмане.
>
> А я знаю истину! Мы — древние болгары [*bullgarët e lashtë*]. Узнал я это еще в детстве. Были мы подростками. И однажды я со своим другом сидел в локале [алб. *lokal, -i* 'кофейня, кафе, бар, ресторан, заведение общественного питания' — А. Н.], а туда пришел шофер с большой машины с болгарскими номерами. Он был водителем международных рейсов. Что-то привез к нам. И стал с нами разговаривать. Албанского он, конечно, не знал. А я его хорошо понимал. Он удивился — откуда? Я и сказал, что из села, у нас так разговаривают. Мы с ним поговорили. И сошлись на том, что, видно, мы остатки тех старых болгар, которые когда-то, давным-давно здесь жили. В самой Болгарии таких уже не осталось. У них язык испортился, и сами они уже не те! А мы — именно те чистые болгары [*bullgarët e pastër*], которых нигде больше и нет! Хотел он нас угостить — всякими там сладостями и прочим. Но мы показали с другом — нам нельзя, иначе в наручники! Так оно потом и вышло — не успели мы на улицу выйти, как нас встретили люди в штатском и доставили, куда надо. Стали спрашивать, о чем мы говорили. Подержали-подержали, а потом выпустили. Что с пацанов возьмешь? Нас потом матери ругали. Но я с тех пор запомнил — мы и есть те чистые болгары [см.: Голо Бордо 2013: 180–181].

Как видно из интервью, практически всегда причисление себя к болгарскому этносу происходит под влиянием суждения извне и никогда не фиксируется при работе с информантами как меморат или факт истории этнической группы, передающийся из поколения в поколение. Укажу, что это касается Голоборды и не относится к албанской части региона Го́ра, где часть населения в силу разных причин соотносит себя с болгарским этносом.

Страсти по языку

Вопрос идиома в «битве» за идентичность является решающим, а потому и самым спекулятивным. Славяноязычные жители Голоборды, согласно нашим многолетним наблюдениям, не особо ломают голову над тем, как назвать свой идиом: для них это родной язык, который они усваивают с младенчества и который обслуживает все сферы общения на бытовом уровне. Как мы отмечали выше, в ходе непосредственной работы в Голоборде Балканской экспедиции РАН и СПбГУ в 2008–2010 годах нами были зафиксированы случаи, когда некоторые пожилые жительницы региона владели только славянским идиомом и вовсе не знали албанского. Признаем, что таких фактов было не много, однако они весьма показательны.

Знакомство с албанским языком в наше время — в 2020-е — для большинства начинается также дома в детском возрасте — во время просмотра телепередач, прослушивания радиопрограмм и проч. Несмотря на то, что самыми популярными в регионе являются передачи македонского телевидения и радио, албанское вещание — как государственное, так и частное — не обходит стороной дома жителей Голоборды: его выпуски смотрят и слушают, чтобы быть в курсе событий в стране и мире. Дети, подражая взрослым, приобщаются к албаноязычным СМИ и уже в дошкольном возрасте обладают — пусть и не большими — компетенциями во владении государственным языком. Взрослые всячески содействуют им в этом, чтобы облегчить в дальнейшем обучение в школе и высших учебных заведениях, а соответственно и построить карьеру. При этом нами не было зафиксировано в селах Голоборды ситуаций, когда славяноязычные родители говорили дома по-албански с целью, чтобы их дети учили государственный язык — факт, который встречается в городах, где выходцы из региона пытаются адаптироваться и сделать жизнь своих детей «лучше, чем у них самих» [ПМА 2021].

Существенно изменяется степень владения албанским у маленьких жителей сел Голоборды, когда они начинают обучаться в школе — в начальной, затем в девятилетней и гимназии. Преподавание в образовательных учреждениях всех уровней региона ведется на албанском языке. Попытки обучать в школах на славянском предпринимались в период до Второй мировой войны. Этот факт любят муссировать албанские интеллекту-

алы. При этом они не всегда могут указать, какой конкретно славянский язык преподавали.

> У нас при короле Ахмете Зогу в Голоборде была открыта школа для детей на славянском языке — дети могли учиться на своем родном. Потом началась война, затем социализм. Всё закончилось. Но факт существования школы — важен. Вам это надо учитывать. (Информант албанец, 81 год, из г. Фиер, запись беседы в г. Тиране в сентябре 2018 г.) [ПМА 2018].

В настоящее время, несмотря на многочисленные декларации прав меньшинств, полный курс обучения в школах Албании можно пройти только на албанском языке (в столице и других крупных городах он может быть также на английском или турецком, но это не имеет отношения к национальной политике страны, а является фактом исключительной моды на образование на иностранных языках). С 1990-х годов в Голоборде предпринимались попытки ввести обучение на одном из славянских языков: в этом стремлении вместе с местными жителями соревновались между собой македонская и болгарская стороны. Однако всё вылилось в факультатив македонского языка, который проводился в конце 2000-х годов в селе Требишт (проходил он по воскресеньям в местной школе). Язык, который преподавали местным школьникам — литературный македонский язык [АМАЭ: Новик 2008А].

Болгарская сторона предпринимала попытки обучения славян Голоборды литературному болгарскому. С этой целью в регион отправлялись — после высадки научных десантов — учителя, которые должны были научить местных школьников болгарской норме. Однако все эти попытки — и македонские, и болгарские — закончились если не провалом, то без видимых результатов.

Вообще в деле сохранения языков меньшинств нет каких-то общих стратегий, применение которых гарантировало бы успех. Существующая обширная литература по языкам, находящимся под угрозой исчезновения, не предлагает каких-либо внятных алгоритмов [Moseley 2012]. Достаточно неопределенны и выводы ежегодно устраиваемых разными институтами и международными организациями конференций на данную тему[95].

---

[95] К примеру, в декабре 2021 г. автор принимал участие в 25-й Ежегодной конференции Общества по изучению языков, находящихся под угрозой исчезновения (Великобритания), организованной совместно с Университетом Иллинойса (США), Тиранским университетом (Албания) и Центром по изучению и публикациям арбрешей (Албания) (25th Annual Conference — FEL (Foundation for Endangered Languages) XXV (2021), „Endangered Languages and Diaspora“) [Novik, Dugushina 2021: 4].

Как показывает опыт других этнических меньшинств и диаспоральных групп, выучить язык — если на нем не говорят дома — только через преподавание в форме факультатива для школьников невозможно — как для самой молодежи (даже очень заинтересованной), так и для всего комьюнити. Форма факультатива предполагает свободу выбора, а многие школьники не проявляют интереса «на деле» к сохранению идиома, родной речи, традиционной культуры и проч. «атрибутов» этничности. Зачастую призывы к их сохранению и «возрождению» остаются высокопарными лозунгами патриотически и националистически настроенного меньшинства либо людей, «просто» любящих свой язык и родную культуру (грань между теми и другими бывает очень тонкой). А молодежь придерживается сугубо конъюнктурных интересов — изучать то, что может принести в самом ближайшем времени выгоду и очевидные дивиденды: «Я знаю, чтобы хорошо устроиться в жизни, нужно знать английский, хорошо владеть компьютером. Тогда можно найти работу где угодно» [АМАЭ: Новик 2021А].

Болгарское государство в последние 30 лет оказывает всемерную поддержку болгарской исторической диаспоре. Так, к примеру, в болгароязычных селах Приазовья (Украина) работают факультативы болгарского языка в школах, здесь, а также в вузах (к слову, в Мелитопольском государственном педагогическом университете им. Богдана Хмельницкого) преподают лекторы из Болгарии. Выпускники школ, а также вузов могут поехать, получив государственную болгарскую стипендию, для дальнейшего обучения в эту страну. Именно так многие и поступают [Anastasova 2012: 269–278]. Другая сторона медали — большинство из них не возвращается в родные места, не видя перспектив для жизни в селе или в целом на Украине [ср.: Новик и др. 2016а: 98–105; Новик и др. 2016б]. Следовательно, задуманный план — обучение специалистов в метрополии, их возвращение на родину и дальнейшее обучение уже ими болгарскому языку компатриотов на местах — не срабатывает. Такая же судьба ждет и жителей Голоборды, которые решаются на обучение в Болгарии.

Владение славянским идиомом воспринимается жителями Голоборды как самый яркий маркер приобщенности к локальному сообществу. Расположенные по соседству со стороны Албании албаноязычные села в своем большинстве населены мусульманами, соответственно важнейшая граница пролегает не в области религиозной принадлежности, а именно в сфере языка.

Объективно албанская часть Голоборды — это продолжение этнической территории славян (македонцев), силой исторических судеб оказавшейся в албанском государстве в период правления Ахмета Зогу (1922–1924, 1925–1939). По «ту сторону границы» у них осталась бóльшая часть компатриотов, у многих — семьи и родственники. Однако установившийся в 1944 г. режим, ставивший целью строительство социализма, а затем ком-

мунизма, наглухо закрыл границы, не будучи заинтересован в сношениях с внешним миром (остерегаясь его «тлетворного влияния» на граждан и систему), а уж тем более в поддержании «македонской» идентичности части своих подданных.

Для Голоборды характерен высокий уровень миграции: в первую очередь трудовой. В наше время на заработки, как правило, отправляются мужчины после службы в армии. Насколько помнят наши информанты, а также согласно имеющимся источникам, отхожими промыслами — в первую очередь строительством, возведением каменных домов — мужчины активно занимались и в XVIII, и в XIX столетиях [Sadikaj 1999; АМАЭ: Новик 2008А; Новик 2009А; Новик 2010А; Голо Бордо 2013: 118–121; ПМА 2021]. О более раннем периоде содержатся данные в дефтерах османского времени — где голобордцы отмечены как первоклассные строители [Sadikaj 1999]. Непростые судьбы XX века коренным образом меняли экономические, социальные и культурные устои сообщества. Так, почти полвека строительства социализма — с 1944 по 1991 г. — жители не имели возможности свободной трудовой миграции, равно как и прав заниматься любого вида коммерческой деятельностью. Зато начало демократических преобразований в стране, сопровождавшееся тотальным разрушением прежних хозяйственных связей и катастрофичным падением уровня жизни населения, привело к массовой миграции из региона: как в крупные города самой Албании, так и за рубеж. В Тирану, Дуррес, Эльбасан и другие города уезжали нередко целыми семьями и, как правило, навсегда. За границу чаще отправлялись только мужчины на определенный срок, а их семьи оставались в родных местах [АМАЭ: Новик 2008А; Новик 2008Б; Новик 2009А; Новик 2009Б; Новик 2010А; Новик 2010Б; Голо Бордо 2013: 120–121; ПМА 2019].

В этих условиях сохранение владения славянским идиомом напрямую зависело от характера миграции: в семьях, которые покидали Голоборду, родной язык часто вытеснялся албанским; семьи, остававшиеся в своих селах, идиом сохраняли. При этом старшее поколение семей даже в зонах миграции продолжало общаться в повседневном быту на родном идиоме, а дети, рождавшиеся в албаноязычном окружении, лучше владели уже албанским, так как он являлся языком детского сада, школы, улицы, общения сверстников и т. д., а самое важное — он покрывал большее число сфер языка.

Наши многолетние наблюдения показывают, что славяне-мусульмане Голоборды, попадая в большие города Албании, сохраняют тесные связи с родственниками и друзьями-земляками. Не редко они совершают поездки в родные места — чтобы навестить близких или принять участие в семейных мероприятиях: свадьбах, похоронах, а также религиозных (Рамазан-байрам, Курбан-байрам и др.) и светских (Новый год) праздниках. Такое общение способствует сохранению идиома и его активизации

в определенных ситуациях. Данный факт отмечается у разных народов и диаспоральных групп — общение с семьей, участие в важнейших обрядах перехода стимулируют у билингвов обостренное чувство родного языка (LI) и стремление его использовать в условиях дву- и многоязычия (об албанцах Украины см.: [Новик и др. 2016а; Новик и др. 2016б]).

Браки внутри своего сообщества остаются приоритетными, но перестали уже быть обязательными, как это наблюдалось еще несколько десятилетий назад. В Тиране, Дурресе автору приходилось работать с уроженками Голоборды, которые вышли замуж за албанцев (правда, в основном за мусульман). Дети от таких браков, как правило, не владеют славянским идиомом своих матерей. В лучшем случае они могут понимать содержание бесед, знать какие-то слова, но поддержать разговор по-славянски они не могут [ПМА 2013; 2015; 2019; 2021].

В больших городах дети от браков, в которых славяноязычны оба родителя, чаще всего лучше понимают идиом, нередко могут на нем разговаривать, но круг тем для обсуждения бывает очень узким — чаще всего он ограничен бытом, что понятно — обучаются эти дети в албанских школах, соответственно знания математики, физики, астрономии, литературы и других предметов, влияющих коренным образом на мировоззрение, приобретаются на государственном языке, а не на языке родителей.

Особенностью трудовой миграции мужчин Голоборды является ее коллективная организация — чаще всего они работают бригадами, основанными на семейных, родственных или соседских связях. Так, получая заказ на строительство дома (обычно это возведение домовой коробки, реже строительство с полной отделкой и еще реже — только отделка или ремонт), мастер вызывает себе на подмогу своих братьев, других родственников, если время выполнения заказа поджимает и позволяют финансовые и проч. квоты — то и односельчан (здесь работает устоявшийся «крестьянский» принцип — деньги в приоритете должны оставаться в семье). В этих условиях главным средством общения остается славянский идиом — будь то в Албании или за рубежом (в Греции, Словении и других странах) [АОЕ: 2009]. Работая бригадами, состоящими исключительно из компатриотов, выходцы из Голоборды, как правило, осваивают иностранные языки на минимальном уровне — достаточном, чтобы можно было договориться с заказчиками. Это характерно для людей среднего и старшего возраста (пожилые, после 60–65, в трудовую миграцию не отправляются). А вот молодежь, которая уезжает на заработки в юном возрасте, пытаясь интегрироваться в окружающее общество — даже для обычного времяпрепровождения в кафе или таверне в выходные или для посещения клуба или дискотеки время от времени, пытается учить иностранный язык, чтобы общаться. Обычно в таких случаях происходит частичная утрата языковых компетенций в идиоме, а также в албанском языке: как в плане лексическом (забы-

вание названий известных реалий или незнание новых), так и грамматики (частичная путаница форм) и фонетики (приобретение акцента).

Так, во время экспедиции 2010 г. Нарди (Леонард) Садику, сын Рамазана и Фатимы Садику, наших многолетних информантов, с юных лет работавший в Греции, делал ошибки в речи, говоря, к примеру, на местном говоре: *гра́биште* вместо *гро́биште* ‘кладбище’ и др. [АМАЭ: Новик 2010А].

Особого внимания заслуживает роль учителей в жизни местного сообщества и в деле сохранения славянского идиома. Как мы уже отмечали, попытки преподавать на родном языке предпринимались здесь еще в межвоенный период. Однако этот опыт не был продолжительным и не охватывал все населенные пункты албанской части Голоборды. К созданию системы образования и массовому строительству школ в регионе приступили в период построения социализма (1944–1991). Финансирование программ ликвидации неграмотности шло из Тираны, из столицы же присылались на первых порах и учительские кадры. Местной молодежи был открыт доступ к поступлению в педагогические вузы страны. Этот период в целом очень положительно оценивается местными жителями, а также представителями других областей страны:

> При Ходже было много позитивного. Он много хорошего сделал. Я знаю. И родители мои об этом говорят. (Информант албанец, 31 год, из Мальсии-и-Тиранес, беседа записана в октябре 2021 г. в г. Тиране) [АМАЭ: 2021].

> При Энвере было сделано очень много. В каждую глухую деревню отправили по учительнице. Везде школы строили. Людям образование давали. Теперь всё забросили. Никому ничего не надо. (Информант албанец, 65 лет, из Люми-и-Влёрес, беседа записана в сентябре 2021 г. в г. Тиране) [АМАЭ: 2021].

Приезжавшие из центра албаноязычные учителя преподавали, разумеется, — согласно программе — на албанском. Однако сумевшие получить педагогическое образование местные могли и объясняли свои предметы детям на родном идиоме — при официальном языке преподавания албанском. Демократические преобразования в стране в начале 1990-х привели к слому сложившейся системы школьного и высшего образования в стране, в том числе были ликвидированы обязательные прежде планирование и распределение специалистов по школам. Выпускники университетов не обязаны больше «отрабатывать» учительский стаж в глубинке, если они того не желают. Многие сельские учителя уехали в большие города либо за границу в поисках лучшей жизни. Вместе с тем, с конца 1990-х годов на фоне падения интереса к работе педагогов в городах отмечается опре-

деленный рост престижа профессии школьного учителя в селах Албании [ПМА 2021]. Это обусловлено экономическими условиями: при высоком уровне безработицы в стране устроиться на работу в школу является вполне реальным. А проводимая государством политика привлечения молодежи в педагогическую деятельность также дает результаты. Уже много лет зарплата учителя гимназии в стране превышает 500 евро в месяц. Жители столичного региона не считают такое жалованье достаточным (хотя отмечают стабильность статуса учителя и его доходов). А вот жители сельской местности считают такие доходы вполне достойными, поэтому местная молодежь с желанием поступает в вузы и считает везением получить ставку сельского учителя у себя на родине. Так, в селе Требишт нами было записано обширное интервью с местным учителем английского языка, который после обучения вернулся в родное село и стал преподавать. Своей должностью, условиями труда и зарплатой он был доволен: «В селе нет таких расходов, как в городе. Поэтому зарплата почти полностью остается тебе, на твои нужды. И дети послушные. Они знают, что учитель хорошо знаком с их родителями. А в городе всё не так просто!» [АМАЭ: Новик 2010А].

Схожая ситуация была зафиксирована нами и в славяноязычном регионе Го́ра (северо-восток Албании). Здесь выпускник вуза также вернулся в родное село и устроился в соседнее преподавать английский язык. Необходимость ходить несколько километров по горным дорогам каждый день — в период и осеннего ненастья, и зимней стужи — не вызывала у него негатива, так как работа и доходы приносили удовлетворение [ПМА 2011].

Эти молодые учителя являются в последние годы и проводниками, сподвижниками — преподавателями славянского идиома, так как прибегают к нему во время разъяснений своим ученикам. Важный факт — молодые мужчины учителя обладают высоким авторитетом среди учеников, подавая во многом им пример, в том числе по части владения родной речью.

В последние годы в Голоборде развернулась настоящая битва за идиом — она происходит в условиях бесконечных попыток извне навязать свое «решение вопроса», которого, в общем, не существует. Местное население в своем большинстве считает свой язык *нашим*. Предпринимаемые на протяжении почти столетия попытки его классифицировать принадлежат исследователям и политикам, преследующим свои цели либо руководствуемым приобретенной профессиональной подготовкой, разделяемыми научными или полунаучными теориями и концепциями.

Если придерживаться принятой большинством лингвистов классификации славянских языков, то идиом жителей Голоборды можно отнести к диалектам македонского языка (в болгарской версии это «официальный язык Республики Северная Македония») [Дрвошанов 1995: 37–44; Видоески 1998: 5–46; Голо Бордо 2013]. Соответственно, болгарские лингвисты, подверженные в своем большинстве идеологическим установкам и пари-

тетам, не признавая существование самостоятельного македонского языка и считая его диалектом или отдельными говорами болгарского, включают идиом населения Голоборды в ареал распространения болгарского языка [Асенова 1997: 124–127; Бояджиев 2007: 52–64; Тончева 2009]. Для подтверждения данной концепции в последние десятилетия были направлены значительные научные усилия в виде проведения исследовательских экспедиций, публикации значительного числа статей, монографий и словарей. Болгарские политики, как мы уже отмечали, со своей стороны, сумели «продавить» через парламент Албании закон, согласно которому славяне Голоборды официально признаются болгарами, а их язык болгарским [Panorama 2017]. Для албанских парламентариев такое решение было продиктовано не реальным желанием определить статус славянского меньшинства на востоке страны, а стремлением заручиться поддержкой Болгарии при «голосовании в Брюсселе» за принятие Албании в Европейский Союз и его структуры, чем местные политики не на шутку озабочены все три последних десятилетия [Novik 2020: 209–234].

Стремление навязать болгарскую «этикетку» находит среди жителей Голоборды откровенное сопротивление. Правда, можно отметить два подхода к этому вопросу. Очень многие уже давно успели или находятся в состоянии оформления болгарского гражданства — паспорт этой страны позволяет беспрепятственно не только пересекать границы государств Евросоюза, но и устраиваться в них на работу на официальном уровне. Для региона с высочайшим уровнем безработицы это неплохой шанс устроиться в жизни [Голо Бордо 2013: 179]. При этом многие такие «счастливчики» с юмором относятся к своему болгарскому подданству — факт, характерный для различных районов Балкан. (Здесь можно вспомнить предложения со стороны болгарских авторитетов «снабдить» болгарскими паспортами население долины реки Тимок в Восточной Сербии — эта зона входила одно время в XX в. в состав Болгарии [ПМА 2017].)

Одновременно ряд организаций и партий на этнической основе жителей Голоборды, к примеру, выступают резко против навязывания болгарской идентичности местным жителям. В данном случае они выступают за культурную и языковую консолидацию с македонцами Республики Северная Македония. Время от времени они публикуют меморандумы и различные обращения с протестами, направленными против вмешательства в дела меньшинства со стороны политиков, журналистов и ангажированных ученых[96]. Такие инициативы получают поддержку со стороны македонских властей. Новым брендом в СМИ и социальных сетях стало

[96] Примером может послужить опубликованное 22 января 2022 г. в одной социальной сети обращение от имени председателя общества «Праздник св. Ильи — Тирана» (*Ilinden Tirana*) Николы Гюргяй (мак. *Никола Ѓурѓај*, алб. Nikola Gjurgjaj) [Ѓурѓај 2022].

понятие «Новая Македония»[97]. Этот термин еще не закрепился в общебалканском дискурсе, но стал популярным в славяноязычных ресурсах — как печатных, так и Интернет-изданиях [Нова Македонија 2022].

Республика Северная Македония всячески пытается «взять под крыло» славяноязычное население Албании — не только в Голоборде, но и в селах, расположенных у озер Большая и Малая Преспа, а также в Го́ре. С одной стороны, эти попытки находят поддержку у славяноязычных жителей — здесь понимают, что в значительной степени славянские анклавы Албании являются продолжением южнославянского македонского этнического ареала. В Голоборде популярны каналы македонского телевидения и радио, сегмент Интернета на македонском языке и проч. С другой стороны, «быть македонцем» не особо выгодно: македонский паспорт не сулит бо́льших привилегий, чем албанский (а с 2008 г., когда обладателям последнего разрешили безвизовый въезд в страны Евросоюза, ровно наоборот), Северная Македония не оказывает сколь-либо существенной финансовой поддержки и т. п. К тому же в соседнюю страну никогда не направлялись потоки трудовых мигрантов, так как в Македонии всегда было предостаточно своей дешевой рабочей силы, и оплата труда с начала 2000-х не отличалась от заработков в самой Албании [Голо Бордо 2013]. Македония выделяет стипендии на обучение в своих заведениях молодежи из Голоборды. Однако такой возможностью пользуется совсем незначительное число молодых людей (больше парней, чем девушек). К примеру, в 2008 г. нашей экспедиции пришлось работать с информантом из села Требишт, Люльзимом Абдией, получившим профессиональное образование в Македонии, вернувшимся домой и открывшим — согласно полученной специальности — минипроизводство молочных продуктов: брынзы, сыворотки и проч. [АМАЭ: Новик 2008А].

В этой ситуации македонский язык для жителей Голоборды имеет статус официального языка соседней страны, близкой, почти «родной», для части — разговаривающей «на одном языке с нами», но он не обладает статусом престижа, как случается с другими языками у разных диаспоральных и этнолокальных групп (к примеру, как турецкий для турок г. Охрида в Северной Македонии и албанцев г. Призрена в Косово) [АМАЭ: Новик 2008А; ПМА 2018; 2019; 2021]. Изучает македонский стандарт незначительное число молодежи, получающей образование в Северной Македонии, а также небольшое число учеников в школах Голоборды во время факультативных занятий. Самым же массовым приобщением к литературной норме македонского можно считать просматривание и прослушивание программ македонского телевидения и радио, однако полученные знания

[97] В Интернет-пространстве можно найти такие броские заголовки: «Создавая Новую Македонию (Голо Брдо и Македония)» [Ѓурѓај 2022; Македонското малцинство 2022].

очень часто не перетекают в навыки владения и умения говорить — что объяснимо с учетом отсутствия разговорной практики. Впрочем, ситуация может и измениться в ближайшем будущем, тогда нам придется прибегнуть к анализу новых языковых и антропологических фактов.

Вопрос веры и языка

Религиозный фактор играет значительную роль в социальной и культурной жизни славян-мусульман Голоборды, а также оказывает сильное влияние на бытовую сторону, уклад и распорядок жизни, проведение досуга, а заодно — на поведенческие стереотипы представителей данной группы [АМАЭ: Новик 2009А; Новик 2009Б]. Вместе с тем, принадлежность к исламу является важнейшим маркером идентичности [ср.: Elbasani, Roy 2015], что отражается и в сфере языка. Влияние конфессиональной принадлежности и роль культурной памяти в трансляции традиций требует детального анализа для определения механизмов вхождения религиозных маркеров и утверждения конфессиональных символов в сознании и культуре этой этнолокальной группы. С одной стороны, практически все из опрошенных в ходе исследования информантов утверждают о безусловной принадлежности своего сообщества к исламу, называя религиозный фактор одним из основных в противопоставлении *свой ~ чужой* [ПМА 2019]. С другой стороны, лишь немногие могут определить те явления и практики, которые маркируют их отличие от соседей, исповедующих другие религии: македонцев-православных, албанцев-православных и католиков, арумын (по определению православных), евреев-иудеев (о которых знают совсем немного) и др. При этом славяне-мусульмане Голоборды склонны демонстративно указывать на отличия, которые обнаруживаются между ними и их ближайшими соседями, исповедующими тот же ислам суннитского толка: албанцами, турками, цыганами. Однако, проводя различия между собой и *другими*, на первый план чаще всего выходит языковая принадлежность, а не какие-либо отличия в религиозных практиках или вопросы веры [ПМА 2016; 2017]. Более половины опрошенных информантов скорее склонны отождествлять себя с македонцами Македонии (большинство из которых исповедует христианство в форме православия), чем с единоверными албанцами, живущими в соседних селах, отмечающими те же самые праздники и посещающими ту же самую мечеть в ближайшем городе. Этот факт говорит о том, что языковой фактор часто превалирует над остальными, и это при том, что большинство славян-мусульман Голоборды свободно владеет албанским языком: они обучались в школах, где преподавание велось на албанском языке, мужчины (а также часть женщин в период монизма) служили в армии, некоторые получали образование в высших учебных заведениях страны, где по определению преподавание

ведется на албанском (за исключением небольшого числа учебных заведений — филиалов западных вузов с высокой платой за обучение, в которых представители исследуемой этнолокальной группы не учились и не учатся в силу ограниченных экономических ресурсов) [Голо Брдо 2018: 190]. Язык семьи оказывается более важным фактором при самоидентификации, чем принадлежность к исламу.

Что касается мечети как института в структуре ценностей, необходимо указать на следующие факты. В начале 1990-х годов, после крушения системы социализма, опиравшейся на собственные силы, и тотального запрета на все религиозные практики, в Албании началась эпоха возрождения церковной жизни. Для мусульманского сообщества в данном процессе велика была роль зарубежной помощи — прежде всего со стороны Саудовской Аравии, Турции и, в меньшей степени, Ирана. На деньги саудитов и турок по всей стране стали возводить мечети, учебные и культурные центры, призванные возродить религиозную жизнь. Вначале большие культовые объекты строились в главных городах страны, затем очередь дошла и до небольших населенных пунктов и удаленных деревень. К концу 2000-х годов практически в каждом селе Голоборды была восстановлена или построена заново мечеть [АМАЭ: Новик 2010А; Новик 2010Б]. Данный факт очень высоко оценивается местными жителями, которые усматривают в нем то, что «их не забыли», «о них помнят и заботятся» [ПМА 2016]. То, что мечети строятся на зарубежные деньги, не вызывает недовольства или раздражения — в Албании многие воспринимают такую помощь как оправданную и разумеющуюся («у нас столько лет был монизм/коммунизм», «мы бедные», «нам надо помогать») [ПМА 2017]. Но доля определенной иронии и сарказма в оценках такой деятельности есть («пусть помогают и думают, что мы будем играть под их дудку, мы всё равно будем делать так, как делали наши предки», «мечеть может строить кто угодно, а молиться в ней мы будем по своим правилам») [ПМА 2019]. Такой подход в целом обусловлен хитростью, свойственной крестьянской культуре в противопоставлении *свой ~ чужой*, *село ~ город* в различных проявлениях, не только в относящемся к сакральной сфере. К примеру, все жители Требишта были отлично осведомлены, что мечеть в их селе была построена на зарубежные деньги, зато мнение местных жителей во время опросов в ходе экспедиций разделялось — кто именно выделил деньги — Саудовская Аравия или Иран. Для большинства это было не столь важно. Тем более, они вовсе не имели представления, какое учение ислама доминирует в каждой из этих стран — суннизм или шиизм (а потому и не задавались вопросом, кто же мог ее построить). Такая ситуация очень характерна для рядовых последователей пророка Мухаммада, для которых часто важнее исполнение религиозных практик, чем богословские вопросы веры (о *народном* исламе см.: [Mélikoff 1992; Elbasani, Roy 2015; Новик, Резван 2019]).

Посещение мечети считается очень благородным и угодным Аллаху делом. Однако на практике лишь немногие жители Голоборды посещают мечеть регулярно. Обычно на службу отправляются лишь по большим религиозным праздникам — как правило на Рамазан-байрам и Курбан-байрам [АМАЭ: Новик 2015]. Еженедельное посещение пятничной молитвы и поход на службу в другие праздничные дни практикуют лишь немногие, объясняя это «законом веры предков». Другие же, апеллируя к тому же закону предков, считают, что поступать так не обязательно, важнее для Аллаха «выполнять свой долг на трудовом посту», т. е. работать в поле, обеспечивать семью, заботиться о детях, помогать родителям [АМАЭ: Новик 2010А]. Похожие стратегии поведения и интерпретации религиозной жизни фиксируются и среди других исследованных сообществ Западных Балкан: черногорцев-мусульман племени мрковичи, горан албанско-косовского пограничья и др. [АМАЭ: Новик 2013; Новик 2015]. Возможно, такая ситуация коррелирует и с тем, что в селах Голоборды не живут на постоянной основе служители культа: имамы/муллы/ходжи (в повседневной речи жителей сел это синонимы) приезжают на службы лишь по большим праздникам, для участия в погребении усопших и других религиозных обрядах, но почти всегда — по договоренности с местными жителями.

Как было зафиксировано в ходе экспедиционных исследований, практически никто из местных жителей не владеет арабским языком, соответственно, не понимает текст Корана по-арабски[98] и не может пользоваться служебной мусульманской литературой, присылаемой из-за границы. А большинство книг, включая священный для мусульман Коран, в мечетях Голоборды именно на арабском. Вышедший в переводе на албанский язык текст Корана [Kur'an-i 1413 (h.)] также был разослан Мусульманской общиной Албании (англ. *The Muslim Community of Albania*) на места, однако в славяноязычном сообществе он не пользуется популярностью, и большинство опрошенных информантов его не видело, а если кто и видел, то, как признаются сами, не читали. Сведения о содержании священной для мусульман книги передаются, как правило, из поколения в поколение и носят довольно фрагментарный характер [АМАЭ: Новик 2010А; ПМА 2010].

Внимания заслуживает и такой распространенный обычай, как использование выписанного айата Корана в качестве оберега. В ситуации, когда наличие издания Корана в доме, равно как и другой мусульманской литературы, является скорее исключением, чем правилом, сакральный текст служит, тем не менее, жителю Голоборды на протяжении всей жизни. Речь идет об амулетах, которые местные носят на шее с момента рождения до самой смерти (понятно, что здесь также встречаются исключения). Ношение оберегов — от злых сил, козней нечистых, дурного глаза, ворожбы и проч. — является культурной (в широком понимании слова) универсали-

98 К примеру: [The Noble Qur'an 2022].

ей практически у всех народов и этнических групп Балканского полуострова и — шире — всей историко-этнографической области Юго-Восточной Европы [Tirta 2004: 379–382; Tirta 2006: 449–460; Murtezani 2008; Çoçaj 2012: 138–147; Lajçi 2013]. На Балканах в целом широко распространено использование подобной защитной атрибутики у представителей всех конфессий. Однако у мусульман она исключительно специфична и устойчиво сохраняется до наших дней. Славяне-мусульмане Голоборды в этом числе представляют собой яркий пример: до настоящего времени новорожденному ребенку мать или бабка по отцовской линии вешают на шею обереги, имеющие, как правило, очень давнюю традицию [АМАЭ: Новик 2010А]. Среди них особым, по убеждению самих носителей культуры, апотропеем является выписанное изречение из Корана.

Согласно народным представлениям, появившийся на свет младенец подвержен опасностям: болезням[99], негативному воздействию окружающей среды, сглазу, колдовским чарам, дурным мыслям, зависти, страху, предписаниям судьбы, козням злых сил, вреду со стороны мифологических персонажей (у жителей Голоборды фиксируется развитая система верований в разных демонов), смерти и проч. [Tirta 2007; АМАЭ: Новик 2008А]. Чтобы уберечь беззащитного ребенка от напастей, взрослые пытаются защитить его всеми возможными способами — молитвами, магическими действиями, особыми предметами, способными отвести зло. Так, в семьях, исповедующих ислам, принято надевать на ребенка или пришивать к его одежде или головному убору различные предметы, наделенные, согласно верованиям, большой магической силой: это могут быть пуля, ртуть (во флаконе), коготь медведя, изображение глаза (в данном случае апотропей от сглаза), зубок чеснока, волосы родителей, булавка, монета и др. Часто используют комбинацию «магических» предметов — это должно гарантировать комплексную защиту от возможных бед [Голо Брдо 2018: 203]. Подобные апотропеи в той или иной вариативности фиксируются и у христианского населения региона, что говорит об архаичности подобных представлений, имеющих надконфессиональную основу, однако у мусульман, как мы уже говорили, подобные практики отмечаются повсеместно и наиболее часто. При этом у христиан в наше время зачастую единственными защитными символами остаются нательный крест и/или иконка, которые носят на шее или пришивают к детской одежде (в прошлом, как нам известно из источников, христиане тоже использовали различные обереги от злых сил). У мусульман изображение полумесяца и звезды не заменило существовавшего прежде набора защитных символов.

Важным апотропеем для детей и взрослых у славян-мусульман считается ношение выписки из одной из сур Корана: обычно такой текст, завернутый в ткань либо помещенный в специальный футляр, носят на шнурке

[99] Ср.: [Gennep van 2004].

или цепочке на шее либо пришивают к изнаночной стороне одежды. Жители Голоборды, как и представители других локальных сообществ, для изготовления *аймалии*/*хаймалии* (алб. *hajmalí, -a*, тур. *hamail*, серб., хорв., бошн. *amajlji*, *hamajlija*) [Fjalor 2020] обращаются к имаму или ходже (Албания, Босния и Герцеговина, Косово, Северная Македония, Сербия, Черногория и др.). В исключительных случаях, если родители обладают достаточной грамотностью и надлежащими знаниями, айаты переписывают на бумагу сами, а затем текст в виде оберега пришивают к изнанке одежды ребенка либо надевают ему на шею: важно, чтобы оберег не был виден окружающим [Новик, Резван 2019: 60–61]. По мнению многих информантов, текст, переписанный священнослужителем, обладает большей защитной силой. Текст, написанный по-арабски (а не по-македонски или по-албански), также имеет дополнительные преимущества [ПМА 2016]. Однако не все имамы одобряют такие практики: по суждению служителей мечети, «преданная вера в Аллаха — это не ношение на себе *аймалий*, а угодная Аллаху жизнь» [Новик, Резван 2019: 60]. Более того, те имамы, которые практикуют написание оберегов для прихожан, нередко осуждаются своими собратьями — служителями культа. Такая критика, впрочем, зачастую остается непонятной пастве — люди продолжают обращаться в мечети для изготовления подобных мусульманских оберегов. Поэтому здесь мы фиксируем факты так называемых практик *народного* ислама, получающих истолкование внутри сообщества исходя из сложившихся воззрений и традиций и имеющих очень мало общего с учением классического ислама.

В гендерном плане *аймалии* с пулей, когтем медведя и проч. чаще всего вешают на шею или пришивают к одежде мальчикам [ср.: Çoçaj 2012: 138–147]. Девочки же обычно получают оберег в виде текстов из Корана. Подобные обереги носят долгие годы, иногда до конца жизни. В случае если бумага с текстом истлевает, оберег обновляют — заказывают новый. Особый футляр для ношения текста из Корана стал у ряда локальных групп балканских народов атрибутом традиционного костюма: в Албании, Косово, Северной Македонии и других странах традиционный женский костюм дополняется наряду с многочисленными украшениями специальным футляром из серебра или другого металла, в котором хранится выписка из Корана, — данное украшение носят на цепочке или шнурке. Зачастую такие футляры являются произведением ювелирного искусства[100]. У жителей Голоборды такие украшения зафиксированы не были. Обереги здесь носят под одеждой и стараются их никому не показывать.

[100] Образец с территории Северной Албании, г. Шкодра, представлен в коллекции МАЭ РАН: № 7580.

Символы и маркеры идентичности в культурной памяти и языке

В категории самосознания исключительную важность представляют символы и маркеры идентичности. У жителей Голоборды яркими маркерами самосознания группы выступают определенные элементы традиционной культуры, а именно: традиционный костюм (который отличается не только от костюма соседних регионов, но и имеет значительную вариативность внутри *краин*ы)[101], многие черты праздничной и семейной обрядности[102] — такие как сценарий проведения свадьбы, коллективная борьба *куреш*[103], отмечание жителями с. Требишт праздника святого Георгия в священном месте Vakëf и др. (их отличия от того, что принято у соседей, позволяют жителям Голоборды выделять себя из большинства населения страны), рукоделие как один из самых знаковых компонентов культуры, хозяйственные занятия и навыки населения (sic!) и т. д. [Голо Брдо 2018: 128–139]. Что касается последнего, то весьма показательным является следующий пример. Практически всё мужское население Голоборды владеет навыками строителя-каменщика [ПМА 2017]. Данное ремесло было показательным для местных жителей, как и других мужчин из Дибры, еще в эпоху Средних веков. И в наши дни профессиональное владение данным мастерством либо умение строить для себя сохраняется у большинства взрослого мужского населения и оценивается как потомственное занятие данной группы [Голо Брдо 2018: 129–131]. Все упомянутые сферы культуры обслуживаются средствами идиома — и этот факт воспринимается носителями как знаковый, определяющий самостоятельность и самодостаточность своего комьюнити.

Комплекс маркеров и символов идентичности позволяет представителям сообщества транслировать знания, умения, традиции следующим поколениям. В сфере культурной памяти оказываются самые знаковые явления и практики, имеющие прямое отношение к самоидентификации: родной язык, религиозная принадлежность, традиции, трудовые навыки, осознание общей истории группы и преемственность жизни на одной территории. Каждое из этих явлений выполняет свою важную для сообщества функцию. Такой механизм передачи тезауруса коллективной информации со сформированным культурным кодом позволяет славянам-мусульманам Голоборды сохранить самобытность в условиях проживания в полиэтничном, мультиконфессиональном и многокультурном сообществе Западных Балкан.

---

101 См.: [Gjergji 1988; Shkurti et al. 2004: 124; Новик 2018: 225–240].

102 Ср.: [Xhagolli 2008: 21–37].

103 См.: [Ермолин 2010: 217–232; Новик 2011а: 243–287].

Выводы

Для славян-мусульман Голоборды вопросы этнической и религиозной идентичности являются очень актуальными и неизменно представлены в общественном дискурсе. Этот факт получает различную интерпретацию у представителей изучаемого сообщества. Во-первых, важнейшим маркером самоидентификации выступает славянский идиом, который отличает членов сообщества от проживающих по соседству албанцев, арумын и цыган. Во-вторых, не менее значимым маркером является принадлежность к исламу, что выделяет жителей Голоборды из этнического массива македонцев, исповедующих в своем большинстве христианство в форме православия. Этот факт является основным препятствием для идентификации себя как македонцев. В-третьих, в исторической памяти сообщества свежи воспоминания о принятии ислама предками в относительно недалеком прошлом (в XVIII–XIX вв.). Соответственно, это не позволяет многим представителям сообщества декларировать ислам как «веру предков, наследуемую с незапамятных времен» [ПМА 2019]. Как раз многие из опрошенных информантов могут назвать кого-то из своих далеких предков, кто сменил веру. В-четвертых, многие явления и практики, бытовавшие до принятия ислама и сохранившиеся до наших дней, получают объяснение и трактовку, исходя из универсальных принципов адаптации к новым условиям и новым религиозным взглядам. Новую «мусульманскую» интерпретацию получают и те ритуальные практики, которые имеют непосредственное отношение к архаичным народным верованиям балканских народов (например, поклонение священным рощам, священным деревьям; апотропеи, призванные оградить от злых сил, дурного глаза и т. п.) [см.: Tirta 2004: 57–61, 149–152; Новик 2012: 52–71]. В-пятых, для сложения устойчивых маркеров и символов этнической и религиозной идентичности исключительно важен общий фон коллективной памяти, для которой ключевую роль играет привязанность к месту проживания сообщества: большинство славян-мусульман Голоборды считает себя «автохтонами», унаследовавшими территорию от своих предков и сумевших сохранить ее на протяжении многих веков в окружении иноязычных и иной веры народов и их групп.

Говоря о религиозной составляющей, мы должны в первую очередь говорить о *народном* исламе, так как представители изучаемого сообщества в целом имеют очень мало представления о постулатах мусульманской веры, священном тексте Корана и проч. Вера для них — главным образом исполнение предписаний и запретов на бытовом уровне. И именно это определяет противопоставление *свой ~ чужой*. Отдельный комплекс религиозных воззрений и ритуальных практик, связанных с рождением ре-

бенка, представляют собой многочисленные обереги, амулеты, символические знаки, распространенные у мусульман.

Важнейшим символом самоидентификации является владение идиомом. Родной язык воспринимается как неоспоримая ценность и одновременно как яркий показатель принадлежности к кругу *своих* — в отличие от *чужих*. При владении другими языками (как правило, албанским, а также в случае длительного нахождения за рубежом — в *курбет*е (*kurbet, — i*, *gurbet, —i* — из тур. яз.), т. е. на заработках, — и другими языками, чаще греческим или итальянским) значение и роль идиома в качестве символа принадлежности к группе сохраняется в высшей степени стабильно.

Источники

АМАЭ: Новик 2008А — *Новик А. А.* Македонцы-мусульмане в Албании. Полевые записи. Автограф. 2008 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1863. 33 л.

АМАЭ: Новик 2008Б — *Новик А. А.* Отчет об экспедиции в Голоборду (Северо-восточная Албания). Принтерный вывод. 2008 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1864. 25 л.

АМАЭ: Новик 2009А — *Новик А. А.* Традиционная культура македонцев-мусульман Голоборды (Восточная Албания). Полевые записи. Автограф. 2009 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1938. 92 л.

АМАЭ: Новик 2009Б — *Новик А. А.* Отчет об экспедиции в Голоборду (Восточная Албания). Принтерный вывод. 2009 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1939. 13 л.

АМАЭ: Новик 2010А — *Новик А. А.* Албания 2010 г. Полевые записи поездки 30.08–11.10.2010. Автограф. 2010 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1989. 103 л.

АМАЭ: Новик 2010Б — *Новик А. А.* Отчет экспедиции в Голоборду 2010 г. (Северо-Восточная Албания). Принтерный вывод. 2010 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1990. 18 л.

АМАЭ: Новик 2011 — *Новик А. А.* Тоскерия-2011. Изучение традиционной культуры албанцев Тоскерии (области: Корча, Колёнья, Дэвол), черногорцев Черногории, сербов Черногории. Полевая тетрадь. Автограф. Сентябрь 2011 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 2049. 123 л.

АМАЭ: Новик 2013 — *Новик А. А.* Косово. Традиционная культура албанцев Косово, ювелирное дело, албанцы и славяне. Полевые записи. Автограф. 19.08. —30.08.2013 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 2179. 36 л.

АМАЭ: Новик 2015 — *Новик А. А.* Косово. Традиционная культура албанцев Косово, ювелирное дело, албанцы и славяне. Полевые записи. Ав-

тограф. 16.08–30.08.2015 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № временно б/н. 32 л.
АМАЭ: Новик 2021 — *Новик А. А.* Балканская экспедиция — 2021. Этнолингвистические исследования на Балканах. Часть I: Экспедиционная работа в Албании (г. Тирана; г. Дуррес; Голем, область Кавая; г. Влёра; Тропоя). Полевая тетрадь. Автограф. 29.07–22.08.2021; 05.09–03.10.2021 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № вр. б/н. 36 л.
АОЕ: 2009 — Архив отдела европеистики МАЭ. 2009 г.
Ѓурѓај 2022 — Никола Ѓурѓај // Facebook. Режим доступа: https://www.facebook.com/nikola.gjurgjaj (дата обращения: 10.02.2022).
Коллекции МАЭ РАН: № 7580.
Македонското малцинство 2022 — Македонското малцинство и матицата чинат неделиво единство // Нова Македонија. Првиот македонски дневен весник. 11.2.2022. URL: https://www.novamakedonija.com.mk/makedonija/politika/makedonskoto-malcinstvo-i-maticata-chinat-nedelivo-edinstvo/?fbclid=IwAR1VH18DFaT3x5bSfX7HIFxXnNPVV8m_xiBx4fnohPo2zSOceDaksZ2–2c4 (дата обращения: 10.02.2022).
Нова Македонија 2022 — Нова Македонија. Првиот македонски дневен весник. 11.2.2022. URL: https://www.novamakedonija.com.mk/ (дата обращения: 10.02.2022).
ПМА 2002–2021 — *Новик А. А.* Полевые материалы автора. Албания. Косово. Северная Македония. Черногория. Сербия. 2002–2021.
Fjalor 2020 — Fjalor i gjuhës së sotme shqipe (me rreth 40.000 fjalë). Shkenca.org. URL: http://www.fjalori.shkenca.org (дата обращения: 10.02.2022).
Kur'an-i 1413 (h.) — Kur'an-i / Përkthim me komentim në gjuhën shqipe / Përktheu dhe komentoi H. Sherif Ahmeti. Medine: Kompleksi i Shërbyesit të Dy Haremeve, Mbretit Fehd, 1413 (h.). 768 p.
The Noble Qur'an 2022 — The Noble Qur'an. URL: https://quran.com (дата обращения: 10.02.2022).

Научная литература

Асенова П. 1997. Българо-албански интерференции в Голо Бърдо, Албания // Българите извън България: Сборник с материали от международен симпозиум Бургас юни 1997. Велико Търново. С. 124–127.
Бояджиев Т. 2007. Архаизми и иновации в диалектите на Гора и Голо Бърдо // Българските острови на Балканите. София. С. 52–64.
Видоески Б. 1998. Говорите на исламизираните Македонци во Западна Македонија // Македонски јазик. Скопје. Кн. XLII–XLIV. 1991–1993. С. 5–46.
Голо Бордо (Gollobordë), Албания. 2013. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. / Под редакцией Андрея Н. Собо-

лева и Александра А. Новика // Materialien zum Südosteuropasprachatlas / Herausgegeben von Helmut Schaller und Andrej Sobolev. Band 6. Санкт-Петербург: Наука; München: Verlag Otto Sagner. 272 с.

Голо Брдо: од материјалите на балканската експедиција на РАН и СПбДУ во 2008–2010 година. 2018. / под редакција на Андреј Н. Соболев и Александар А. Новик; главен редактор Васил Дрвошанов; превод од руски Максим Каранфиловски. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков„; Санкт-Петербург: Наука. 282 с.

Дрвошанов В. 1995. Говорот на голобрдските села Стеблево и Клење во Албанија // Одбрана и заштита на мајчиниот македонски јазик и етнос кај исламизираните Македонци. Скопје. С. 37–44.

Ермолин Д. С. 2010. Македонская свадьба в Голоборде: от танцев к поединку. Отчет об экспедиции 2009 г. // Проблемы славяноведения: Сборник научных статей и материалов / Отв. ред. С. И. Михальченко. Брянск. Вып. 12. С. 217–232.

Иванова Ю. В. 2006. Албанцы и их соседи. Москва: Наука. 367 с.

Иванова Ю. В. 1973. Северная Албания в XIX — начале XX в. Общественная жизнь. Москва: Наука. 256 с.

Лиманоски Н. 1992. Етнолошки мотиви и белези от Голо Брдо // Музеј на Македонија. Зборник. Нова серија. Скопје. Бр. 1: 1992. Етнологија. С. 27–36.

Новик А. А. 2009. Македонцы-мусульмане в Албании. Материалы экспедиции 2008 г. // Вестник Пермского государственного университета. Сер. «История и политология». Вып. 4 (11). С. 119–130.

Новик 2011а — *Новик А. А.* Греческие коллекции в собрании МАЭ — источник по традиционной культуре мариупольских греков // Культурное наследие народов Европы. (Сборник МАЭ. Т. LVII.) / Отв. ред. А. А. Новик. СПб.: Наука, 2011. С. 243–287.

Новик 2011б — *Новик А. А.* Самосознание и традиционная культура македонцев-мусульман в Албании: процессы адаптации и сохранения идентичности (материалы экспедиций 2008–2009 гг.) // Традиционная культура. № 1 (41) 2011. С. 79–85.

Новик А. А. 2012. Демоны судьбы, души умерших младенцев и возможность изменить будущее в верованиях албанцев Украины. Полевые материалы 2008–2010 гг. // Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Т. Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН. С. 52–71.

Новик А. 2018. Этнолингвистические исследования македонцев-мусульман в Голо Бордо (Албания): терминология традиционной одежды // Македонско-руска научна славистичка конференција (7, 2017, Охрид). Македонско-руски јазични, литературни и културни врски 7: зборник на трудови од VII македонско-руска научна конференција (одржана

во рамките на Меѓунардниот славистички собир на 15–16 јуни 2017 г. во Скопје). Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“. С. 225–240.
Новик и др. 2016а — *Новик А. А., Бучатская Ю. В., Ермолин Д. С., Дугушина А. С., Морозова М. С.* «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / Отв. редактор А. А. Новик. СПб.: МАЭ РАН, 2016. Часть I. Т. 1. 912 с. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978–5–88431–313–2/
Новик и др. 2016б — *Новик А. А., Бучатская Ю. В., Ермолин Д. С., Дугушина А. С., Морозова М. С.* «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / Отв. редактор А. А. Новик. СПб.: МАЭ РАН, 2016. Часть I. Т. 2. 672 с. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978–5–88431–319–4/
Новик А. А., Резван Е. А. 2019. Ислам на Балканах. Часть I. Обряды перехода и семейная обрядность: рождение, обрезание: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 190 с.
Светиева А. (ред.). 2006. Живот на граница. Голо Брдо: зборник трудови. Скопје.
Тончева В. 2009. Българите от Голо Бърдо, Република Албания. Традиции, музика, идентичност. София. Част 1.
Филиповић М. С. 1940. Голо Брдо. Белешке о насељима, пореклу становништва, народном животу о обичајима. Скопље.
Христова Е. 2007. Говорът на Голо Бърдо, Албания, в системата на българските диалекти // Македонски преглед. София. Бр. 3. С. 43–53.
Anastasova E. 2012. Identity of (Trans-) National Minorities in the Nation Building Process (the Case of Ukraine) // Migration and Identity. Historical, Cultural and Linguistic Dimensions of Mobility in the Balkans / P. Hristov, (ed.). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum; Paradigma. P. 269–278.
Çoçaj N. 2012. Hasi — enciklopedi etnokulturore. Durrës: Pavarësia. Vol. IV: Ritet e lindjes, dasmës dhe vdekjes.
Dokle E. Q. 2010. Borje dhe borjanët. Monografi. Prizren: SIPRINT.
Elbasani A., Roy O. (eds.). 2015. The Revival of Islam in the Balkans: From Identity to Religiosity. London: Palgrave MacMillan. 272 p.
Gennep A. van. 2004 [1909]. Rites of passage. London & New York: Routledge, Taylor and Francis Group. 224 p.
Gjergji A. 1988. Veshjet shqiptare në shekuj. Origjina. Tipologjia. Zhvillimi. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë; Instituti i Kulturës Popullore. 288 f.
Gollobordë (Golo Bordo), Shqipëri. 2017. Nga materialet e ekspeditës ballkanike të AShR-së dhe UShSt-P-së në vitet 2008–2010 / Redaktorë: Andrea N. Sobolev dhe Aleksandër A. Novik (në bashkëpunim me Maria S. Morozovën); përkth. Ligor Cullufe; red. Tianda Kaçi, Besa Vila. Tiranë: Botimet TOENA; Sankt-Peterburg: Nauka. 344 f.

Lajçi B. 2013. Syri i keq në besimet shqiptare. Prishtinë: Instituti Albanologjik. 307 f.
Mélikoff I. 1992. Sur les traces du soufisme turc, recherches sur l'Islam populaire en Anatolie. Istanbul: Isis, 185 p.
Moseley Ch. 2012. The UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger: Context and Process. World Oral Literature Project. University of Cambridge. 218 p.
Murtezani I. 2008. Rite dhe praktika magjike të ciklit jetësor: Rajoni i Dervenit të Shkupit. Shkup: LOGOS-5, 184 f.
Novik A. A. 2020. Adapting and Preserving the Cultural Memory. The Ethnic and Religious Identity of the Muslim Slavs/Macedonians of Golloborda (Albania) // Minorités religieuses dans le Sud-Est européen. Actes de la session organisée dans le cadre Congrès international d'études sud-est européennes (Bucarest, 2–6 septembre 2019). Volume édité par MĂDĂLINA VÂRTEJANU-JOUBERT. Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei „Carol I". (Bibliothèque de l'Institut d'Études Sud-Est Européennes (Том 13)). P. 209–234.
Novik A., Dugushina A. 2021. The Language of Albanians in Ukraine in the Twenty-First Century: Anthropological and Sociolinguistic Paradigms // Endangered Languages and Diaspora. Special theme: The State and Study of Arbëresh as an Endangered Diaspora Language. Proceedings of the XXV Annual Conference of the Foundation for Endangered Languages. Tirana, 16–19 December 2021. Book of Abstracts. Tirana: Foundation for Endangered Languages; Center for Research and Publications on Arbëresh. P. 4. URL: http://www.ogmios.org http://www.qspa.gov.al (дата обращения: 22.12.2021).
Sadikaj H. 1999. Gollobordasit e Dibrës. Tiranë.
Shkurti et al. 2004 — *Shkurti S., Gjergji A., Onuzi A., Martini Gj.* 2004. Veshje popullore shqiptare. V. 3 / Drejtore projekti Afërdita Onuzi. Tiranë: Akademia e shkencave; Instituti i kulturës popullore; Toena.
Tirta M. 2004. Mitologjia ndër shqiptarë. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë; Instituti i Kulturës Popullore.
Tirta M. 2006. Etnologjia e shqiptarëve. Tiranë: GEER.
Tirta M. 2007. Panteoni e simbolika: doke e kode në etnokulturën shqiptare. Tiranë: Nënë Tereza.
Woodward S. 1995. Balkan Tragedy. Chaos and Dissolution after the Cold War. Washington, D. C.: Brookings Institution Press. 556 p.
Xhagolli A. 2008. Synetia ndër shqiptarë // Kultura popullore. Nr. 1–2. F. 21–37.
Ylli Xh., Steinke K. 2008. Die Slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). 2. Teil: Golloborda — Herbel — Kërçishti i Epërm. München: Kubon & Sagner. 320 S.

Глава 14. ЯЗЫК АЛБАНЦЕВ УКРАИНЫ В XXI ВЕКЕ

Языки исторических диаспор во многих регионах мира характеризуются различной степенью сохранности и витальности — порой при очевидных равных составляющих развития тех или иных групп населения в иноэтничном окружении. Данные факты дают богатый материал для исследователей — лингвистов, социальных и культурных антропологов, фольклористов и др.

Территория бывшей Российской империи / Советского Союза / современной России и бывших республик СССР может служить научной площадкой для изучения механизмов сохранности и функционирования идиомов потомков колонистов, переселившихся сюда в конце XVIII — начале XIX в. с Балканского полуострова и островов Средиземноморья. Многолетний опыт полевой работы авторов по изучению языков и культуры албанцев, болгар, гагаузов, греков и др. этнических групп на территории Украины, в Молдове и России позволяет сделать обобщающие выводы об уровне сохранности языков указанных диаспоральных групп, а также предложить свои прогнозы касательно их дальнейшего функционирования. В данной главе главный фокус исследования будет направлен на язык и его роль в конструировании самоидентификации у албанцев Украины, прежде всего Буджака и Приазовья.

Характеризуя говор албанцев Украины как находящийся под угрозой исчезновения, авторы, опираясь на опыт ученых-предшественников, а также собственные материалы, отчетливо представляют себе, что витальность того или иного идиома зависит от многих факторов — и не редко находящиеся «на грани смерти» языки демонстрируют удивительную живучесть, трудно объяснимую с позиций, базирующихся на принятых в науке теориях и подходах. Так, к примеру, один из исследователей мариупольских греков, опираясь на собранные им данные, писал в начале XIX в: «Через пару десятилетий в селах, основанных греками-переселенцами, мы больше не услышим ни одного слова по-гречески, все будут говорить по-русски» [Новик, Перехвальская 2002: 355–366]. Прошло два столетия — но в румейских и урумских селах украинского Приазовья до сих пор звучит греческая речь [АМАЭ: Новик 2001; 2006]. Будем надеяться, что и с албанским говором судьба обойдется так же!

К истории вопроса

Албанское население Украины относится к историческим албанским диаспорам, которые сформировались в результате миграционных движений в течение XV–XIX столетий. Османское завоевание Балканского полуострова вызывало волны интенсивных миграций местного населения в разных направлениях — с разной интенсивностью на запад и восток, юг и север — с захваченных территорий [Арш 1992: 134; Иванова 2006: 81, 301]. В отличие от так называемых «современных» албанских диаспор, сложившихся в результате трудовых миграций в страны Западной Европы, Южной Америки и США в конце XIX и на протяжении XX в. (обозначаемых в албанском дискурсе термином *mërgata*), мотивы переселения более раннего времени были обоснованы сложным комплексом политических и экономических причин: тенденция оставлять родные земли была характерна для массовых настроений как альтернатива перспективе «погибнуть в безнадежной войне с завоевателями, покориться обстоятельствам, принять религию победителей и служить им» [Иванова 2006: 82]. С миграциями XV–XIX вв. связано «арнаутское движение» — массовое переселение албанцев, болгар и влахов из Западной Македонии, Центральной и Юго-Восточной Албании на болгарские земли. «Арнаутами» в это время именовали всех переселенцев — разной этнической принадлежности — из Албании и Западной Македонии [Шарапова 1990: 114; Иванова 2006: 301; Новик и др. 2016а: 219–226]. К первой, наиболее масштабной, волне этого движения на рубеже XV–XVI вв. относят массовый исход группы православных албанцев и славян из *краин* Девол, Корча и Колёня на восток, в Болгарию, в числе которых, по всей видимости, были и предки албанцев Украины [Шарапова 1990: 116–117; Новик и др. 2016а: 64–71]. Соотнесение албанского идиома с диалектным ландшафтом Албании, а также доступные исторические и этнографические сведения, позволяют предполагать, что зоной изначального расселения албанцев Буджака и Приазовья была юго-восточная часть Албании — современные районы Корчи и Виткукя, Девол и Колёня [Широков 1962: 34; Десницкая 1968: 475; Шарапова 1990: 117–118; Новик и др. 2016а: 64–73; Новик и др. 2016б]. В результате перехода албанцы основали многочисленные поселения на востоке Болгарии, преимущественно в пределах современной Варненской области, откуда предки албанцев Украины вместе с группами болгар и гагаузов в 1809–1810 годах предприняли переселение в пределы Российской империи.

Переселение православных подданных Османской империи в Россию происходило непрерывно с конца XVIII в. Наиболее интенсивное заселение южной части Днестровско-Прутского междуречья — Буджака — болгарами и примкнувшими к ним албанцами и гагаузами из северо-восточных районов Болгарии происходило во время русско-турецкой войны 1806–

1812 годов [Иванова, Чижикова 1979: 5; Шарапова 1990: 119; Иванова 2006: 302]. За выходцами с Балкан закрепилось название «задунайские колонисты»[104], однако официальная статистика не выделяла албанцев и гагаузов из общей массы болгар [Иванова, Чижикова 1979: 5]. Считается, что в 1811 г. вблизи центра болгарской колонии г. Болграда на левой стороне озера Ялпух было основано с. Каракурт, которое заселили численно преобладавшие албанцы с болгарами и гагаузами (Шарапова 1990: 120; Иванова 2006: 302). Вторая волна интенсивных миграций с востока Болгарии в Россию приходится на 1823–1834 годы и во многом связана с военными действиями русско-турецкой кампании 1828–1829 годов [Дихан 2001: 21]. По данным, опубликованным А. В. Шабашовым на основе исторических документов, в с. Каракурте в 1816 г. насчитывалось 637 албанцев, в 1827 г. — 700, в к 1847 г. — 1151 [Шабашов 2002: 278].

В 1861–1862 годах, после того, как часть Южной Бессарабии оказалась в Молдавском княжестве по условиям Парижского трактата 1856 г., часть жителей Каракурта и значительное число болгар и гагаузов Буджака переселились в пределы России — Бердянский уезд Таврической губернии (ныне Приазовье) [Islami 1955: 163; Иванова, Чижикова 1979: 5]. В результате болгары основали села вдоль Азовского побережья и в Крыму, а албанцы — три села вблизи Мелитополя: Девнинское, Георгиевку и Гаммовку на месте бывших ногайских поселений — Таз, Тюшки и Джандран, названия которых используются жителями албанских сел по сей день. Таким образом, в южных пределах Украины расположены четыре албанских села: с. Каракурт (прежнее название — Жовтневое) в Одесской области с изначально смешанным албанским, болгарским и гагаузским населением и три села в Запорожской области, лишь одно из которых — Гаммовка — было с момента переселения албанско-гагаузским.

По приблизительным подсчетам в пределах Украины проживает около 5 тысяч албанцев. Согласно последней официальной статистике, собранной в 2001 г. в результате Всеукраинской переписи населения, на территории Украины проживали 3308 албанцев: из них 892 человека в Запорожской области и 1862 — в Одесской [Всеукраїнский 2001]. Однако эти данные лишь косвенно могут отражать реальную на сегодняшний день численность жителей, считающих себя албанцами: в разные периоды существования этнической группы собственная идентичность и отношение к ней находились в постоянной динамике в зависимости от конкретных политических, экономических и социокультурных обстоятельств [более подробно о данном вопросе см.: Новик и др. 2016а: 39–124].

---

104 Помимо численно преобладавших болгар и примкнувших к ним гагаузов и албанцев, в переселенческом потоке участвовали сербы, греки, влахи, герцеговинцы, черногорцы, поляки, заднестровские молдаване и др., которых также именовали «задунайскими колонистами» [Иванова, Чижикова 1979: 4–5].

Албанцы Украины: в поисках идентичности

До начала XX в. жители албанских сел на юге Украины в принципе не соотносили себя с Албанией и албанским народом. Более того, их этническая принадлежность не всегда была ясна им самим [Новик и др. 2016а: 306]. Несмотря на устойчивое самосознание, сохранение языка, отличного от языка ближайших соседей, и четкое осознание сообщества *своих*, исключавшее, например, межэтнические браки, использовавшиеся этноним и лингвоним — *ga tántë* ‘из наших, наши’ и *si néve* ‘по-нашему, как мы’, которые с большой долей вероятности возникли в период проживания в албанских землях[105], — не всегда позволяли албанцам Украины соотнести себя с албанцами Балканского полуострова [АМАЭ: Новик 1998; 2002; 2005]. Одной из причин, возможно, был и этнополитический имидж балканских колонистов для царских чиновников на ранних этапах их переселения в пределы Российской империи: албанцы, гагаузы и болгары воспринимались как православные выходцы с Балкан, а точнее — из Болгарии, поскольку именно на этом условии балканским колонистам предоставлялись субсидии и освобождение от налогов для освоения земель.

Согласно исследованиям Ю. В. Ивановой, регулярно проводившей этнографические экспедиции среди албанцев Украины начиная с 1948 по 1998 г., жители албаноязычных сел Буджака и Приазовья узнали о своих связях с прародиной на Балканском полуострове и о том, что язык, на котором они говорят — албанский, лишь в первые десятилетия XX столетия благодаря исследовательской деятельности слависта и балканиста Н. С. Державина. Изучая болгарские поселения на территории Российской империи / Советского Союза в 1910–1920-х годах, он «случайно» обнаружил села, в которых говорили по-албански, и рассказал жителям этих сел, что они — албанцы-арнауты. Публикации известного ученого получили широкое распространение не только в научных кругах, но и в среде интеллигенции албанской диаспоры, и уже с 30-х годов XX в. повсеместно используется этноним «арнауты». Поскольку научный интерес к Албании, и в частности к албанцам Украины, начинает расти, во второй половине XX в. реализуются научные изыскания сотрудниками и коллективами из научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Украины и Белоруссии[106]. Вместе с распространением знаний профессионалами об албанском языке, албанском прошлом, об албанской идентичности неизбежно попу-

---

105 Современный этноним *shqiptar* получает распространение на территориях Балканского полуострова с албанским населением лишь в XVIII в. и буквально обозначает того человека, который говорит ясно, понятно, «по-нашему», «наш человек» [Иванова 2006: 120].

106 Подробно об этнографическом и лингвистическом изучении албанцев Украины см.: [Ермолин, Морозова 2016: 125–152].

ляризируется и этноним «албанцы» среди албанцев Украины [АМАЭ: Новик 1998; 2009].

Несмотря на устойчивое самосознание и рост осведомленности об этническом прошлом, степень престижности «быть албанцем» на территории советской и современной независимой Украины была различной, равно как и стратегии самоидентификации.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) партийное руководство не призывало в армию и на фронт представителей тех народов СССР, которые воевали на стороне фашистской Германии. Это решение коснулось в первую очередь болгар на юго-востоке Украины, поскольку Болгария входила в состав оси Рим — Берлин — Токио, однако албанцев и гагаузов, находящихся в близком территориальном и культурном соседстве с болгарами, на фронт также призывать не стали, «на всякий случай» [Новик и др. 2016а: 42]. Албанцев — важно указать — не коснулись репрессии и этнические притеснения, которым подверглись болгары Украины, тем не менее, в послевоенное время албанцы предпочитали открыто не декларировать свою этническую принадлежность, опасаясь возможных запретов и преследований [Там же: 44–45].

Советская реальность и официальная стратегия на формирование «новой общности *советского народа*» накладывала свой отпечаток на этническое самочувствие албанцев. Многие люди причисляли себя к таковой и не считали важным относить себя к какой-либо этнической группе: в данном случае многонациональная советская идентичность превалировала над этнической. Нередко в официальных документах игнорирование этнической инаковости приводило к стратегиям унификации: например, люди, родившиеся в этнически смешанных семьях в середине XX в., уже записывали себя как русских или украинцев, ориентируясь на престижность быть в числе «титульных» групп. Аналогичная ситуация, характеризующаяся креном в украинскую идентичность, наблюдалась и в начале 1990-х годов: после распада СССР и начала жизни в условиях новой независимой страны многие албанцы подчеркивали свою принадлежность украинскому государству и стали чаще записывать детей при рождении украинцами [Там же: 55].

Однако в середине 1990-х годов настроения резко меняются: разочарование в экономической, социальной, культурной и языковой политике государства как в целом, так и в отношении этнических меньшинств, стало причиной появления новых приоритетов самоидентификации. Албанцы Украины стали активнее декларировать свою принадлежность к албанскому народу, и это отразилось на коллективной этнической деятельности [АМАЭ: Новик 1998]. Так, в с. Каракурт создается общественная организация «*Rilindja*», ориентированная на развитие и поддержание албанской культуры. Одновременно начинает издаваться газета «Рилиндя»/*“Rilindja„*

на двух языках: на албанском говоре и на русском. Это была одна из первых серьезных инициатив кодифицировать язык, который, несмотря на попытки создания алфавита и системы правил в разные годы, оставался бесписьменным. В Приазовье попытки упорядочить систему языка предпринимались местными интеллектуалами: поэтами, писателями, краеведами, которые печатали свои произведения на албанском говоре — Петром Кирилловичем Мержевым и Павлом Константиновичем Радиусом в селах Георгиевка и Девнинское. Они записывали свои произведения, используя кириллицу; звуки, для передачи которых отсутствовали подходящие буквы русского алфавита, игнорировались или заменялись на письме другими знаками [Никольская 2010]. Однако все эти попытки оставались в итоге для «домашнего» пользования и практически были не известны другим членам этнолокальной группы [Новик, Дугушина, Ермолин 2019]. Творческая деятельность реализовалась и в создании танцевально-вокальных коллективов: «Ружа а верде» в Приазовье, «Люле» — в Каракурте. Уроженец с. Каракурт Федор Дерментли написал книгу об истории села, изданную на русском и переведенную на албанский язык [Дерментли 2003; Dermentli 2004].

Новый всплеск интереса к собственному языку и культуре у албанцев Украины наблюдается после событий конца 2013 — начала 2014 г., когда при смене геополитического вектора интересов нового правительства на европейскую интеграцию стали набирать мощную силу настроения на позиционирование своей этнокультурной инаковости, отразившиеся в новых этнических инициативах и практиках маркирования собственной идентичности. Эти инициативы были поддержаны интересом самой Албании к албанцам Украины в 2018 г. — тогда состоялся визит министра диаспоры Пандели Майко в Каракурт. Можно сказать, что «быть албанцами» стало коллективным трендом: свою принадлежность к албанскому народу и албанскому миру декларируют и представители сообщества из этнически смешанных семей, и те, кто «вспомнил» свои албанские корни или «обнаружил» их у себя. Важно отметить, что многовековое проживание в условиях полиэтничных, мультилингвальных и поликонфессиональных регионов и сообществ сформировали у албанцев Украины определенный устойчивый интернационализм [Новик и др. 2016а: 95]. В этих условиях процесс этнического возрождения протекает без стратегий этноцентризма/этнического национализма на своем микроуровне, что нередко наблюдалось в диаспоральных сообществах и сообществах этнических меньшинств в постсоветские 1990-е годы [Anastasova 2012: 271–272].

Определение собственной этнической идентичности остается сугубо индивидуальным процессом, основанным на личных ценностных ориентирах, однако сегодня он во многом поддерживается динамичной транснациональной политикой государств Европы по отношению к диаспорам. В случае Украины речь идет об успешном опыте интеграции ближайших соседей

албанцев — болгар — в культурную и экономическую жизнь исторической прародины [Лулева 2012; Коч 2016]. Развивающиеся процессы глобализации и трансграничной мобильности сопровождаются повышением важности для албанцев самоидентификации со своим этническим сообществом, которое в условиях «аборигенности» существования и накопившегося за долгий период «этнического голода» нуждается в новой декларации своей жизнеспособности. Идентичность албанцев Украины многомерна: с одной стороны, для части албанцев остается стабильной национальная украинская идентичность, связанная с понятием государственности, с другой стороны, важное место занимает региональная идентичность, имеющая отношение к сложившемуся культурному «анклаву» Буджака и Бессарабии, Одессы, Приазовья как полиэтничных территорий юга Украины [Буджак 2014]. И наконец, третья составляющая идентичности прочно связана с принадлежностью к албанскому этносу, которая в настоящее время подкрепляется новыми связями с Албанией, развивающимися с ней отношениями и постепенным процессом узнавания и принятия друг друга.

Язык как символ и ресурс

До 1970-х годов говор албанцев Украины сохранял функцию основного языка общения в указанных четырех селах Буджака и Приазовья (в Каракурте практически равные права имели также болгарский и гагаузский). Затем использование идиома стало стремительно нивелироваться. Решающую роль в этом процессе сыграла школа. В албаноязычных селах Украины школы были «русскими», то есть преподавание в них велось на русском языке. Дети из албанских семей, поступавшие в первый класс, сталкивались с серьезными языковыми проблемами [АМАЭ: Новик 2002: 35 об. —36]. Они не понимали учителей, говоривших по-русски. Этот языковой барьер преодолевался с трудом. Чтобы у детей в будущем не было проблем с учебой, многие албаноязычные родители разговаривали в присутствии детей на русском языке. Таким образом, дети, поступившие учиться в школу, уже владели русским. Но в семьях, с родителями и особенно с представителями старшего поколения — бабушками и дедушками, а также со своими сверстниками-албанцами дети продолжали общаться на албанском языке. Как вспоминают учителя, еще 30–35 лет назад (до 1990-х годов) дети на школьных переменах разговаривали между собой по-албански [АМАЭ: Новик 2002: 36]. Сейчас школьники общаются по-русски. На албанском они могут разговаривать лишь с дедушками и бабушками, у которых принято говорить на родном языке. Украинский язык, который является в последние годы основным языком образования и местной администрации, по мнению ряда информантов (и по личным наблюдениям), до начала 2000-х годов с трудом поддавался изучению албанскими детьми [АМАЭ:

Новик 1998; 2002: 35; 2013А]. После 2014 г. ситуация с освоением украинского начала быстро изменяться.

Так, относительно небольшой процент населения албаноязычных сел Украины использует албанский в повседневном общении с близкими и знакомыми — уроженцами своих сел. При этом уровень владения и частотность использования зависят от географии расселения: в Каракурте албанский сохраняется лучше, в Приазовье (Гаммовка, Девнинское, Георгиевка) — хуже (в силу разных векторов исторических и социальных процессов) [АМАЭ: Новик: 1998; 2011А; 2011Б; 2011В; 2013А; 2013Б]. По нашим наблюдениям, проводившимся практически ежегодно с 1998 по 2019 г., приблизительное число жителей Каракурта, владеющих разговорным албанским, составляет около 50%. Здесь важно подчеркнуть, что понимает албанскую речь большее число проживающих в селе — в силу сложившейся культуры коммуникации, предполагающей свободное переключение с одного языка на другой. Из жителей, владеющих албанским языком, приблизительно половина используют его в ежедневной коммуникации с близкими. При этом использование албанского идиома может быть сегментарным — т. е. в течение дня человек может переходить с одного языка на другой не только внутри своей семьи, но даже в общении с одним ее представителем [АМАЭ: Новик 1998; 2021]. Зависит это, как показывают результаты опросов, от следующих факторов и условий:

1) От темы разговора (к примеру, на сложные темы, такие как образование, техника, внутренняя и внешняя политика, финансы и проч., людям, даже свободно говорящим по-албански, проще изъясняться на русском — так как в албанском говоре многих необходимых терминов просто не существует, а «миксовать» албанскую речь большим нагромождением заимствований носители языка не желают, чувствуя в этом искусственность, которую пытаются избегать);
2) От ситуации — иногда люди не хотят, чтобы их на 100% понимали окружающие либо домашние, и в этом случае речь направлена на конкретного слушателя. В данном случае албанский идиом выступает как тайный язык;
3) От привычки — с кем-то из домашних либо локального сообщества человеку проще общаться по-албански;
4) Исходя из соображений престижности, обусловленной гендерной ролью и возрастом. Так, людям старших возрастных групп «по статусу» пристало разговаривать на «родном языке» — таким образом они входят в круг авторитетных, местных, знающих. Те же преференции движут и женским сообществом, когда коллектив родственниц или близких подруг переходит на албанский, что придает общению интимность и сакральность беседы *своих*, посвященных, глубоко понятных и полностью понимающих;

5) От обычного желания — по свидетельству ряда ключевых информантов, в какой-то момент им хочется говорить по-албански, в какой-то — по-болгарски, а иногда по-русски. Это совершенно индивидуально и спонтанно.

Как видим, на степень владения идиомом и его использования влияют не только внешние факторы, но и индивидуальная позиция каждого конкретного носителя языка. Так, некоторые женщины старшего возраста, владеющие албанским с детства и признающие его родным, могут — разбивая стереотипы — им не пользоваться, руководствуясь подходами, что, мол, «кому он нужен, этот наш язык?», «он понятен только нам», «для детей лучше разговаривать по-русски/по-украински» [АМАЭ: 2013А]. И в то же время совсем молодые люди, учившиеся в школе на русском или украинском, пытаются разговаривать в семье или с представителями локального сообщества только на албанском. Так, к примеру, во время экспедиции в Каракурт в 2011 г. ее участниками были зафиксированы случаи, когда молодые женщины (возрастная группа 20–25 лет) активно разговаривали со своими маленькими детьми исключительно по-албански: «чтобы язык наш не забывался», «чтобы ребенок с детства разговаривал по-нашему», «со мной родители по-албански разговаривали, и я со своими детьми так буду», «мы албанцы, поэтому так надо» [АМАЭ: Новик 2011А; 2011Б].

Между двумя этими крайними маркерами владения и использования идиома находится широкое поле бытования языка и отношения к нему и его будущему со стороны носителей. Так, большинство албанцев — либо тех, кто себя к ним причисляет, — молодого и среднего поколения (до 50 лет) знают албанский либо пассивно, либо вовсе не владеют им. В цифровом отношении приблизительная оценка может быть такой: около 50% в какой-то мере знают язык, около 50% не владеют им вовсе. Это касается прежде всего Каракурта, в приазовских селах процент не знающих албанский совсем намного выше. При этом степень «знания» языка тоже очень условна. Сельское сообщество склонно считать владеющим албанским человека, даже немного понимающего элементарные фразы на нем и способного ответить на простые вопросы либо — даже! — умеющего назвать на албанском самые простые реалии (такие как: хлеб, вода, соль и др.) [АМАЭ: Новик 2013А]. Важно отметить, что албанские, болгарские, гагаузские термины родства — бабушка, дедушка, мать, отец, дядя по отцу, тетя по матери и т. п. — в Каракурте и приазовских селах знают, как правило, даже русские и украинцы — в силу тесных языковых, культурных и социальных контактов.

Вместе с тем часть албаноязычных жителей четырех сел — даже в случае отличного владения идиомом — склонны считать свои языковые компетенции очень низкими (из-за отсутствия многих терминов, языковых соответствий новым реалиям и проч. в говоре). Объяснения могут быть

такими: «мы разговариваем на суржике, и сами мы суржики», «наш язык бесписьменный, зачем он нужен?», «на албанском говорим, но по-русски лучше» [АМАЭ: Новик 1998].

Показательной иллюстрацией к анализу сохранения говора албанцами Украины может послужить запись интервью, сделанного в сентябре 2021 г. в Големе, район Кавая, Албания. Здесь один из авторов данной статьи, Александр Новик, совершенно случайно встретил трех албанцев — выходцев из Каракурта, приехавших посмотреть родину своих далеких предков. Инициатором этой поездки был Александр Дерментли (34 года), председатель одного из объединений албанцев Украины (таких обществ, необходимо указать, насчитывается на территории Украины несколько). В поездке с ним были: Игорь Папазов (35 лет) и Роман Киранов (38 лет).

А. Д.: Приветствую Вас, Сан Саныч! С Вами как говорить: по-албански, по-русски?
А. Н.: Как Вам будет угодно!
А. Д.: А для меня это тоже одинаково.
А. Н.: Вы очень хорошо говорите на албанском Албании. Вы его специально учили?
А. Д.: Мне его зачем учить? У нас в семье на албанском разговаривали — мой родной язык с детства.
А. Н.: Но всё же у вас в селе свой говор, к современному албанскому надо приспособиться.
А. Д.: Надо, но! Я им, *нашим* языком, с детства владею, потом лишь немного переучился — чтобы с албанцами Албании разговаривать свободно.
А. Н.: Вы очень хорошо разучили…
А. Д.: А вот мои друзья: Роман и Игорь. Они тоже албанцы из Каракурта. Они разговаривают, как у нас в селе. Только у них дома с ними разговаривали по-русски. Родители между собой по-албански, а с ними, с детьми, по-русски! Зря так делали!
А. Н.: Это, скорее всего, потому что родители хотели подготовить их к школе — чтобы у них не было проблем с учителями.
А. Д.: Но они все равно албанский выучили — не дома, так на улице.
Р. К.: Да, мы с детства знаем албанский. Но он выучен нами не от родителей, а от друзей на улице. Мы могли с бабками, дедками там разговаривать по-албански, с товарищами, а с родителями было принято по-русски.
А. Д.: Мы вот решили родину нашу посмотреть. Я дал клич — поехали, посмотрим! Собрались и прилетели. На неделю. Летели из Киева. Здесь взяли в аэропорту машину напрокат. И помотались по стране. В Тирану, разное там. Но главное — мы съездили

в Корчу. Это была главная цель нашей поездки. Ведь наши предки из Корчи. Мы — как поехали — сразу поняли, что это наше! Там всё, как у нас в Каракурте! Дома такие же, обстановка такая же! Все эти орнаменты, ткани, покрывала — как наши женщины делают. А главное — люди! Это точно наши люди. Мы с ними разговаривали. Убедились сами, что наши предки из Корчи. И язык схожий [АМАЭ: Новик 2021].

Русский до сих пор остается языком межнационального общения. Поэтому беседы авторов во время экспедиций «Приазовского отряда» (1998–2019) с информантами-албанцами часто (а в некоторых случаях — в основном) велись на русском языке, однако нередко сами информанты вставляли фразы или приводили соответствия высказываниям на албанском говоре. По нашей просьбе информанты озвучивали также албанские соответствия терминологии родства, названиям культурных явлений и т. д. Лишь с определенными информантами, наиболее компетентными в знании говора, интервью записывались исключительно на идиоме (информанты: А. К. Бурлачко, С. И. Бурлачко, Ф. К. Бурлачко, Р. Н. Павловская, С. М. Шопова, М. Ф. Дондонова, И. Ф. Пиперко и др.) [Новик и др. 2016а; 2016б].

Битва за язык: этнический активизм в реальной и фестивальной жизни и киберпространстве

Язык, пожалуй, является основной «проблемой» для албанцев Украины в новом для них периоде конструирования этнической идентичности. С одной стороны, сохранение архаичного говора создает важный позитивный имидж диаспоры как для метрополии, так и для украинских чиновников. С другой стороны, изучение стандартного литературного албанского способствует прямым контактам с Балканами и, более того, является частью официальной культурной политики Албании. После 2015 г. албанские села Украины посетили официальные представители албанского государства: Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Албания в Польше Шпреса Курета, министр диаспоры Пандели Майко. Для жителей албанских сел появились определенные образовательные возможности в Албании, они теперь могут поехать изучать албанский язык на короткий срок или обучаться определенной дисциплине в Тиране весь курс обучения. Так, Наталья Кирчева, учитель истории из с. Каракурта, и Оксана Шило, учитель химии из с. Девнинского, прошли обучение в Тиране и после возвращения преподают литературный албанский язык школьникам. Среди молодого поколения албанцев Украины есть примеры тех, кто выучил стандартный албанский язык самостоятельно через Интернет, доступные в сети учебники и в общении с албанцами из-за рубежа через социаль-

ные сети, *Skype* и другие средства дистанционной связи (примером может послужить упоминавшийся выше Александр Дерментли).

Вместе с этим представители старшего поколения высказывают опасения, что престижность литературного стандарта вытеснит в итоге архаичный говор албанцев Украины [Новик 2018: 73]. Изучение и преподавание литературного албанского можно рассматривать и как частный пример индивидуальной этнической деятельности энтузиастов-учителей, несмотря на официальную поддержку из разных административных источников (обучение в Албании или выделение специальных часов для албанского в сельской школе). При невозможности обучения детей в школе диалекту, функционирующему на протяжении столетий в домашнем обиходе и среди сообщества односельчан, преподавание учителями литературного языка представляется альтернативной возможностью познакомить учеников с историей и культурой «прародины»: «У меня долг, не знаю, перед кем — перед предками, перед Родиной» (Наталья Кирчева, учитель истории и албанского языка в школе с. Каракурт) [ПМА Дугушина 2019].

Подъем самосознания и озабоченность сохранением этнической идентичности отразились на активности местных албанских общественных организаций в Каракурте, Одессе и Запорожской области, которые еще до недавнего времени существовали независимо друг от друга и фактически не поддерживали связи между собой. Например, была создана общественная организация «Ассоциация албанцев Украины», предполагающая совместную деятельность этнических активистов в селах Запорожской области и Каракурте.

Несмотря на то, что с середины 1990-х годов в Каракурте существует общественная организация *“Rilindja„*, занимающаяся вопросами албанской культуры, в апреле 2018 г. выходцами из села, проживающими в г. Измаиле, Ильей Русинским и Александром Дерментли, была создана новая общественная организация «*“Oborr shqiptar„*. Измаильская албанская община». Главными задачами сообщества организаторы видят объединение усилий местных интеллектуалов и энтузиастов для сохранения албанской культуры и диалекта, создание музея предметов албанской культуры и быта, изучение литературного албанского языка, популяризацию албанской культуры в регионе и установление культурных связей с Албанией, Косово и албанскими диаспорами по всему миру [ПМА Дугушина 2019].

При поддержке Измаильского государственного гуманитарного университета, на базе которого стало функционировать сообщество *“Oborr shqiptar„*, были организованы научно-ориентированные форумы и конференции, посвященные албанскому языку и культуре. Так, 19 апреля 2018 г. состоялась студенческая конференция «Албания и албанцы: история, этнография, современность», в которой приняли участие не только студенты университета, но и представители села Каракурт, вокальный и хореогра-

фический ансамбли каракуртского Дома культуры. 2 декабря 2018 г. в Измаильском государственном гуманитарном университете был организован круглый стол «Страницы истории албанского флага», посвященный Дню флага Республики Албания, на котором выступали преподаватели университета, активисты сообщества *“Oborr shqiptar,,* и представители сельской интеллигенции.

Современное самосознание албанцев Украины характеризуется неизменным желанием приблизиться к истории своей прародины и заручиться поддержкой албанцев региона и Балкан: через скайп-видеосвязь велось прямое общение с представителями албанских диаспор Молдавии, Запорожья и зарубежья. 5 мая 2019 г. общественной организацией *“Oborr shqiptar,,*, Измаильским государственным гуманитарным университетом и Центром развития Бессарабии был организован международный форум «Сохранение и развитие историко-культурного наследия албанцев Украины: проблемные вопросы и пути их решения». Форум был приурочен к празднованию дня святого Георгия, или, как его называют в Каракурте, празднованию «курбана» — традиционному общесельскому празднику, главной особенностью которого является заклание ягненка и запекание мяса с крупой «булгур» в печи. В форуме приняли участие, помимо официальных гостей из Албании, представители сельской, городской и университетской администрации, руководители и активисты албанских общественных организаций из Украины и Молдовы, учителя из села Каракурт, а также исследователи из Санкт-Петербурга М. С. Морозова и А. С. Дугушина (один из авторов данной главы). Примечательно, что на форум также приехали албанцы Балкан и представители мировых албанских диаспор — меценаты, поддерживающие деятельность активистов албанской диаспоры Украины.

На форуме обсуждались перспективы взаимодействия албанцев Украины с официальными структурами Республики Албания в сфере культурного обмена, обучения в Албании, связей в сфере предпринимательства, основания фонда поддержки диаспоры, создания музея, изучения в Каракурте литературного албанского языка, создания на базе Измаильского государственного гуманитарного университета Албанского культурного центра.

Несмотря на активную деятельность этнических активистов в реальной жизни, настоящим «окном в Албанию» и активно развивающейся площадкой коммуникации албанцев Украины с представителями албанской диаспоры за границей стал *Facebook*. Именно эта социальная сеть является местом встречи, рефлексии, транснациональным пространством выражения культурных и социальных связей едва ли не всех албанских диаспор [Kadriu 2017: 296–301]. В исследованиях, посвященных современным проявлениям этничности, зачастую высказывается мысль, что именно малые этнические группы и диаспоры проявляют наибольшую киберактивность, компенсируя посредством Интернета отсутствие участия в реальной жиз-

ни этнического сообщества [Головнев и др. 2018]. Из многочисленных групп, созданных по инициативе представителей албанцев Буджака и Приазовья, динамичную жизнь в сети ведут сообщества *“KARAKURT — 200 vjetori i ekzistences se Shqiptareve ne Ukrahine„* [KARAKURT] (алб. искаж. ‘Каракурт — 200 лет пребывания албанцев в Украине’), насчитывающее на сегодняшний день 5722 участника, и *“Albanians of Ukraina-Shqiptaret e Ukraines„* [Albanians of Ukraina] (англ., алб. искаж. ‘Албанцы Украины’), в котором 4338 подписчиков. В этих сообществах освещаются события из жизни диаспоры: праздники, инициативы, новости СМИ, конференции, позволяющие рассказать албанцам Каракурта о себе и получить, как кажется, необходимую для этнического «самочувствия» реакцию албанцев (*“Respekt!„* (алб. ‘Молодцы!’); *“bukuri shqiptare nuk mbaron, rroftë bashkimi i shqiptarëve të Ukrainës„* (алб. ‘албанская красота не имеет предела, да здравствует объединение албанцев Украины!’); *“respekt për njerëzit e gjakut tim në Ukrainën e largët„* (алб. ‘уважаю вас, люди моей крови на далекой Украине!’)). Однако в не меньшей степени созданные сообщества являются каналами получения информации обо всем «албанском» — о событиях в Албании, о традициях в различных культурных ареалах страны и т. д. Такая стратегия привлекает в первую очередь албанцев из-за рубежа: албанцев Балканского полуострова, албаноязычных мигрантов в Европе и США. Именно социальные сети способствовали огромному вниманию албанцев-меценатов по всему миру к албанцам Украины как к сообществу, сохранившему, несмотря на свое «островное» существование вдали от родины, культуру и язык. Они оказывают финансовую поддержку детям, изучающим литературный албанский в школе — присылают учебники и книги, ноутбуки, финансируют поездки в Албанию, присылают вещи с албанской символикой — флаги, значки, одежду и др.

При этом из-за разной языковой компетенции пользователей на сегодняшний день трудно оценить, насколько такая «коммуникация» успешна: в говоре албанцев Украины отсутствует письменная традиция, передача слов на кириллице мало понятна, поэтому албанцы Буджака и Приазовья как участники социальной сети часто используют знаки-эмотиконы, замещающие слова, или ограничиваются языковыми формулами, принятыми в албанском Интернет-общении (например, *flm vlla* ‘спасибо, брат’) [Новик, Дугушина, Ермолин 2019].

Тем не менее, в социальных сетях среди пользователей из албаноязычных сел Украины писать по-албански, используя латиницу и онлайн-сервисы автоматического перевода, становится трендом. Как, впрочем, стало престижно говорить на албанском говоре и в реальной жизни. По словам одного из информантов, руководителя организации *“Oborr shqiptar„* Ильи Русинского, благодаря их мероприятиям «село заговорило по-албански»:

…как бы такое пробуждение. И когда мы кидаем эти моменты, проводим мероприятия на албанском, и они об этом слышат. И когда мы звоним уже сюда друзьям, мы говорим на албанском языке. Стараемся по крайне мере. Ну, это конечно, не *“bukur„*[107], где-то не знаю, где-то забываю, где-то слова мне подскажут, а получается что-то целое [ПМА Дугушина 2019].

Публичная демонстрация национальной/этнической культуры в рамках фестивалей, концертов, дня села, официальных визитов важных персон — неотъемлемая часть современного этнического активизма албанцев Украины. Следует отметить, что городские фестивали этнических культур в последнее время стали очень популярны: в Болграде, Измаиле, Одессе и селах Одесской области регулярно проводятся мероприятия для этнических сообществ региона — албанцев, болгар, гагаузов, украинцев, русских, греков, евреев, молдаван и др. Организация *“Oborr shqiptar„*, вокальный и хореографический ансамбли с. Каракурта активно принимают в них участие. Один из таких городских праздников, посвященный дню святого Георгия — Гастрономический фестиваль «Георгьеовденски панаир» — проходил в г. Болграде в мае 2019 г. В концертной программе фестиваля приняли участие творческие коллективы села Каракурт, представляющие албанцев Украины. На площади, где проходил праздник, был установлен «албанский уголок», в котором гостей угощали традиционными для албанцев Каракурта блюдами, вином и демонстрировались некоторые предметы традиционного быта.

Как отмечает К. Гаврилова, «фестиваль является оптимальным и типичным контекстом демонстрации культуры» этнической группы, но поскольку демонстрируемый культурный комплекс входит в систему представлений о традиционном и аутентичном, то сама ситуация фестиваля предполагает выбор лишь тех практик, которые «подлежат демонстрации» [Гаврилова 2016: 75–76]. В случае албанцев Каракурта «фестивальный комплекс» включает: костюм, танец, музыкальный репертуар, традиционные блюда, предметы традиционного быта, язык, на котором написаны приглашения, баннеры и афиши и на котором исполняются песни. В контексте фестиваля репрезентация албанской культуры балансирует на позициях аутентичности и современности. С одной стороны, надписи на албанском говоре, старинные предметы быта и традиционные блюда отсылают к локальной, «архаичной» культуре албанцев Украины. С другой стороны, современный комплекс «традиционного» костюма (базирующийся на типах костюма разных *краин* Албании, а не на местном, бытовавшем до середины XX в., варианте), исполнение песен и танцев из репертуара албанцев Балкан (зачастую современных) включают албанцев Украины в мировое

[107] Алб. ‘красиво, хорошо’.

сообщество албанцев и делают их культуру более престижной в глазах зрительской (и в немалой степени внутригрупповой) аудитории. Танцы и песни албанцев Украины не являют собой оригинальных форм албанского фольклора, они составляют общий фольклорный фонд трех этнических групп в Каракурте — болгар, албанцев и гагаузов [Новик и др. 2016б: 322]. Именно Интернет позволил участникам коллективов и их руководителям познакомиться с песенным и танцевальным репертуаром албанцев Балкан и сформировать новый локальный албанский репертуар, который отличал бы албанцев Украины от их соседей.

Фестивальная культура предполагает отход от «обыденности», т. е. от сложившихся социальных и гендерных ролей индивидуумов в коллективе и семье, принятого этикета, привычных языка и речи, установленного распорядка дня, размеренного ритма всего сообщества. С переключением части локальной группы на албанский идиом в дни проведения коллективных мероприятий всё складывается неоднозначно, и отдельные факты требуют более детального анализа. Курбан, день села, фестиваль национальной кухни и подобные мероприятия превращаются в сакрализованные действа, требующие активного участия всего локального сообщества. Особая роль и высокий статус в них отводятся «родному языку» [АМАЭ: Новик 2011А]. Исключительно очевидным это становится в последние годы, когда мы фиксируем «взрыв» этничности и небывалый прежде интерес к истокам собственной культуры, истории, происхождения.

Смена парадигмы — с повседневной на праздничную — автоматически приводит к перекодировке привычного на необычное, обыденного на исключительное. В этом механизме трансформации албанский идиом становится ключом, открывающим дверь в другую реальность — преходящую, создаваемую узнаваемыми акторами и по своей сути искусственную, но гарантирующую атмосферу праздника и создающую иллюзию «старинной жизни». Албанский говор, звучащий ежедневно и в повседневном быту, получает статус своего рода пропуска в сообщество *своих*. И в праздничные дни такое вхождение в круг *своих* видится исключительно вожделенным: «нам надо показать, что мы албанцы», «там всё наше село собирается», «пусть другие видят, что мы — албанцы, сплоченные» [ПМА Новик 2021]. При этом приобщение к празднику для членов сообщества происходит по-разному: для тех, у кого албанский является родным, сложностей не возникает; те же, чьи языковые компетенции не столь высоки и кто испытывает трудности при общении на нем, проходят своеобразный квест, и проходят его добровольно. Но доказать свою способность говорить на албанском — важная самоцель, стимулирующая изучение языка. Чтобы смело справиться с задачей поговорить «с бабушками» на *своем* языке во время общих сельских или районных мероприятий, часть моло-

дых людей, в семьях которых не говорили и не говорят по-албански, готова сделать невероятные усилия — выучить язык самостоятельно.

Как выучить «родной» албанский, когда он «не родной»?

Для решения этой задачи — изучения албанского — у жителей Каракурта и Девнинского есть два пути: учить язык на факультативных занятиях в местных школах либо самостоятельно. У жителей Гаммовки и Георгиевки выбор у́же: изучать язык они могут только самостоятельно или с помощью друзей либо родственников, так как возможности преподавать албанский в школах этих сел нет.

При любом сценарии изучения языка перед любым учеником — независимо от его возраста — встает сложная дилемма: что выбрать — местный говор или стандартный язык, принятый в Албании. Учить говор можно лишь с кем-то из родственников или друзей, если они владеют идиомом. Но при этом ученик сталкивается с серьезными трудностями — ввиду того, что говор, несмотря на неоднократные попытки его стандартизировать, остается бесписьменным. Существующие на говоре литературные произведения, например созданные П. К. Мержевым и напечатанные на русском варианте кириллицы, остаются для большинства носителей идиома малопонятными из-за несоответствия фонетических и графических систем. Человеку, решившему изучать говор самостоятельно, приходится создавать самому систему записей лексического состава и грамматических парадигм для их запоминания либо отказываться от письменной формы и полагаться полностью на собственную память, делая ставку на овладение только разговорной речью.

С конца 1950-х годов жителям албаноязычных сел Украины стали доступны двуязычные словари: албанско-русские и русско-албанские, а также некоторые грамматические справочники по албанскому языку (изданные как в СССР, так и в Албании). Некоторые энтузиасты на местах приступили к их изучению. Этим фактом албанцы Каракурта и Приазовья обязаны деятельности ученых из Ленинграда и Москвы, приступивших еще в 1940-х годах к серьезному изучению языка и культуры потомков бывших балканских колонистов. В 2018 г. учителями из Каракурта, С. Басиста и Е. Жечевой, была предпринята интересная инициатива систематизировать все языки, функционирующие в языковой повседневности албанцев Буджака — украинский, русский, албанский, албанский идиом в Каракурте, болгарский и гагаузский. В опубликованный небольшой шестиязычный словарь вошли различные разделы лексики, относящейся к человеку, быту, материалам и предметам, еде, одежде, животным и т. д., а также краткий украинско-албанский-каракуртский разговорник с наиболее употребительными фразами и выражениями [Басиста, Жечева б/г]. Вероятно, для пони-

мания албанского говора разными поколениями носителей авторы используют знаки кириллицы для передачи слов на диалекте, а для некоторых звуков, аналоги которым отсутствуют в кириллическом алфавите (например, для интердентальных согласных) предлагают свои обозначения.

В начале 1990-х годов в албаноязычные села Украины начались регулярные визиты официальных представителей албанского государства (на уровне послов — к примеру, Чрезвычайного и Полномочного Посла Албании в Российской Федерации Арбена Цици), а также многочисленных групп журналистов и отдельных корреспондентов СМИ из Албании, Косово, Македонии. Все эти визиты почти в обязательном порядке завершались передачей какого-то количества учебной литературы и словарей из Албании для сельских школ и библиотек [АМАЭ: Новик 2009; 2010; 2012]. Лидером по количеству экземпляров подаренных книг были албанские буквари для начальных классов. Любой желающий мог взять эти книги на дом и изучать стандартный язык. Однако практика показала, что без преподавателя освоить албанскую азбуку было нелегкой задачей, и мало кто с ней справился. Из опросов жителей четырех албаноязычных сел следует, что большинство интересующихся своей историей и языком, видели, держали в руках и — многие — даже пытались учить албанский алфавит и читать, но не справились с задачей: ввиду сложности латиницы для привыкших к кириллице и значительного расхождения архаичного говора и современного албанского языка.

В ходе экспедиций 1998–2013 годов было зафиксировано, что в Девнинском, Георгиевке и Каракурте сложился круг интеллектуалов, кто освоил навыки чтения на литературном албанском, а также активно пользуется двуязычными словарями. Число этих любителей «родного» языка был очень узок: один-два человека в каждом из сел могли похвастать, что они читают и понимают тексты и словарные статьи. Однако главной целью обращения к таким материалам было желание узнать, как называется та или иная реалия либо понятие на «албанском Албании» в случае соответствующей лакуны в говоре [АМАЭ: Новик 2013А].

Факты такого «владения» албанским литературным языком кем-либо становились общеизвестными в локальном сообществе и с удовольствием транслировались как внутри комьюнити, так и вне. Важно, что и сами носители новых знаний приобретали убеждение, что — раз они могут свериться со словарем — владеют теперь и литературной нормой.

После 2013–2014 годов ситуация резко изменилась. «Быть албанцем» стало не только модно, но и престижно. Соответственно, резко вырос (а по сути сформировался заново) престиж албанского языка. Появились возможности его изучения как на организуемых факультативах в школах в Девнинском и Каракурте, так и в Албании — в Тиранском университете. Многие ученики школ стали посещать занятия по албан-

скому. Совсем немногие смогли обучаться в Тиране — лишь те, кого «отпускали» родители (любая государственная стипендия не покрывает всех расходов, поэтому финансовая сторона очень важна при решении ехать учиться на «родину предков»).

Курсы обучения в Тиране, как мы уже отмечали, прошли учителя из Девнинского (Оксана Шило) и Каракурта (Наталья Кирчева). Они же и стали преподавать албанский на факультативной основе в своих селах. В 2019 г. два педагога из Тираны преподавали албанский в течение двух недель в Каракурте. Всё это призвано было «возродить» албанский говор.

Но как в любом деле, кадры решают всё. Несмотря на высокую компетенцию, преподаватели не смогли выработать единый подход к обучению. Равно как и в самом сообществе нет единого мнения по главному вопросу — что преподавать: албанский говор или албанский литературный язык. Чаша весов в настоящее время склоняется к языковому стандарту — именно его пытаются преподавать в школах. Однако носители современного албанского литературного языка из Тираны пробыли совсем немного «в командировке», чтобы существенно повлиять на языковую ситуацию в Буджаке (Приазовье при этом осталось ими не затронутым). Местные преподаватели сами испытывают трудности с литературным языком, чаще переходя на говор. В результате ученики усваивают некий микс, который не совсем понятен как жителям сел, так и албанцам Балкан.

Более того, в условиях участившихся контактов жителей сел с албанцами Албании, Косово, Северной Македонии само комьюнити начинает «стесняться» своего говора и пытается «блеснуть» перед приезжающими гостями знанием литературного языка. Так, к примеру, в 2013 г. в селе Девнинском активистами для выступления на школьном концерте был сделан перевод сказки, рассказанной бабушкой одной из участниц мероприятия на говоре и еще по-русски, на албанский стандартный [АМАЭ: Новик 2013А]. При этом сельское сообщество восприняло этот факт как большой шаг к возрождению говора — «даже дети теперь пытаются учить наш язык». А в 2018 г. к одному из авторов этой статьи, Александру Новику, обратилась глава сельского совета Каракурта с просьбой перевести сказку на албанский язык. Оказалось, что сказка была записана от пожилой информантки на говоре. Ее текст был переведен на русский, а просьба заключалась в переводе этого русского варианта на албанский литературный — «чтобы продекламировать текст со сцены во время предстоящего визита высоких албанских гостей». Попытки убедить сельских коллег не поступать таким образом (мол, гостям будет куда приятнее услышать архаичный говор, чем сомнительный албанский) не находили понимания. Такое вольное обращение со своим фольклором наглядно демонстрирует размытость целей по сохранению идиома со стороны части представителей самой диаспоральной группы.

Вместе с тем, некоторые молодые жители албаноязычных сел осознанно выбирают путь освоения литературной нормы: «чтобы было легче общаться с албанцами Албании», «во всем мире есть албанцы, так будет проще», «мы албанцы — и должны знать свой язык». На эти стратегии выбора влияет политика официальной Тираны, которая пытается сверху «спустить» норму. С одной стороны, так проще — для этого существуют необходимые преподавательские и методические ресурсы. С другой стороны, в Албании в политическом и научном дискурсах не выработан единый подход к тому, как поступать с диаспоральными группами: обучать их литературному стандарту или пытаться сохранить исчезающие диалекты и говоры [ПМА Новик 2021]. К слову, в соседних с албанскими болгарских селах в Буджаке и Приазовье обучение на факультативах в школах проходит на литературном болгарском. Однако Болгария демонстрирует устойчивое упорство в поддержке сохранения болгарского языка, болгарской культуры и болгарской идентичности местных жителей. В школах и районных вузах регулярно работают оплачиваемые болгарской стороной преподаватели и волонтеры, а школьники и выпускники школ имеют возможности получения образования разного уровня в Болгарии — от школ и гимназий, языковых курсов до университетов.

Кроме того, в 2020 г. в Тиране был создан Центр по изучению и публикациям арбрешей (алб. *Qendra e Studimeve dhe Publikimeve Arbëreshe — QSPA*). Данная структура была создана по решению парламента страны (по представлению, поданному бывшим министром диаспоры Пандели Майко). Согласно закону, новая структура обязана поддерживать группы исторической албанской диаспоры — и речь идет об арбрешах Италии и арбнешах Хорватии. Албанцы Украины в этот список не вошли, так как было принято волюнтаристское и сомнительное решение не включать в него небольшие по численности диаспоральные группы, даже если они представляют собой исторически сложившиеся сообщества с устоявшимся самосознанием, витальным албанским языком и богатой и самобытной традиционной культурой. Как раз цифры — на что уповают разработчики концепции Центра — здесь не играли роли, так как в Хорватии арбнешей не более 5 тысяч (а говорит по-арбнешски около 500 человек), в то время как носителей албанского на Украине куда больше (см.: Новик 2017: 144–148). Принятие такого необдуманного и спорного решения автоматически привело к отмене поддержки албанской диаспоры в Буджаке и Приазовье. Поэтому ситуация с обучением албанскому языку в будущем лишь осложнится. А витальность говора будет зависеть — если не всецело, то во многом — от воли и желания энтузиастов и патриотов родного языка.

Gjaku nuk bëhet ujë. Возможности и перспективы

Как мы уже упомянули, 14 января 2018 г. село Каракурт посетила делегация во главе с министром диаспоры Албании Пандели Майко. Несмотря на абсолютную витальность албанского говора, встреча министра с сельчанами переводилась на русский язык: из-за различий в идиоме албанцев Каракурта и стандартного албанского языка жители села с трудом понимали речь министра. Однако последняя фраза, сказанная им: *"Gjaku nuk bëhet ujë,,* 'Кровь не вода', произвела на всех большое впечатление, потому что была понятна всем собравшимся. Впоследствии это выражение не раз тиражировалось этноактивистами албанской диаспоры и в репортажах СМИ. Можно сказать, этой фразой обозначилось сближение и официальное узнавание друг друга: Албании на Балканах и «маленькой Албании» в пределах Украины.

В данном контексте восприятие друг друга албанцами Балкан и албанцами Украины балансирует на схожих позициях. Для албанцев Украины современные албанцы и Албания — это пространство прародины и собственных этнических корней, новый ресурс обретения и поддержания идентичности. Для албанцев Балкан диаспора на юге Украины — это тоже воплощение образа прародины, ассоциирующегося с архаичным языком и архаичной культурой предков. Так, в материалах албанских СМИ — газетных статьях, документальных фильмах [см., например: Mbijetesa e shqiptarëve] и репортажах журналистов, побывавших в Буджаке и Приазовье, нередко наблюдается тенденция к героизации прошлого и настоящего албанцев Украины. Презентируя их как уникальную этническую диаспору, сумевшую сохранить язык, культуру, православную веру и идентичность на протяжении пяти веков, журналистский пафос, как правило, содержит и упоминания о противостоянии османам и коммунистам, ассимиляции доминирующим этническим и культурным окружением, о различных притеснениях в использовании родного языка и сохранении исторической памяти. Часто в подобных материалах исторические факты, почерпнутые журналистами из научных источников, перемежаются надуманными реалиями, которые удобно вписываются в систему национальной символики:

> *Flasin toskërishten e vjetër, ruajnë kostumet popullore qindravjeçare, festojnë Shën Gjergjin në kujtim të Gjergj Kastriotit… Si kanë mbijetuar në tre shekujt e fundit 5.000 shqiptarët e Ukrainës?* (алб. 'Говорят на старом тоскском диалекте, сохраняют многовековые традиционные костюмы, празднуют Святого Георгия в память о Георгии Кастриоте… Как же выживали последние три века 5000 албанцев Украины?') [Telegrafi 2015].

В каком русле будут разворачиваться дальнейшие события — сохранится ли говор албанцев Украины еще на многие столетия или исчезнет через некоторое время навсегда, заговорят ли албанцы Украины на стандартном албанском либо в некотором недалеком будущем лингвисты станут говорить о рождении нового албанско-русского или албанско-украинского пиджина — покажет время. Было бы неосторожно утверждать, что разворот любого из данных сценариев исключен.

Усиливающиеся в последние годы контакты и общение с албанцами Балкан — в том числе благодаря социальным сетям — неизбежно влияют на самосознание албанцев Украины и чувство их принадлежности к албанской культуре. Несмотря на существенную разницу в диалектах, именно языковая близость, понимание языка на бытовом уровне способствовали осознанию многими своих албанских корней. Несмотря на то, что еще до недавнего времени у албанцев Украины было весьма размытое представление об Албании как о стране на Балканском полуострове, некой условной воображаемой родине их прародителей, самосознание албанцев Украины всегда характеризовалось неизменным желанием локализовать место своего изначального проживания [Новик и др. 2016а: 234]. Сегодня практически все образованные и интересующиеся своей историей представители диаспоры благодаря деятельности и публикациям исследователей, Интернету и масс-медиа уже хорошо осведомлены об ареале своей прародины и в разговорах упоминают юг и юго-восток Албании, города Корчу, Воскопою, *краину* Девол. Однако именно язык всегда являлся тем ресурсом, благодаря которому появлялись понимание принадлежности к албанскому миру и коллективное чувство этнического родства. Неслучайно в последние годы в среде албанцев Украины особенно часто упоминается слоган *“Një komb, një gjuhë,,* ‘Одна нация, один язык’, ставший популярным в албаноязычных странах, а также среди представителей албанских диаспор в разных регионах мира.

Впечатления от Албании представителей албанской диаспоры Украины, которым удалось побывать на прародине, полны внимания к этнографическим деталям, однако понимание языка и возможность общаться подчеркиваются ими особо ярко:

> …Остановился автобус. И мы все подходим, смотрим. И у нас же они, цветы. А они и там где-то цветут. И выбежали дети со школы и спрашивают на албанском: *“Çijt rrezojni keto godile?,,*. Боже, как это интересно! Это мой язык, он так понятен! *“Çijt rrezojni keto godile?,,*! Ну, бывали такие моменты, когда не понимаешь их. Ну так, вроде бы… Женщина сидела, вязала то же самое, что и мы тут вяжем. Вот эти вот домотканые вещи, как будто бы точно такие. Выбитые на подушки накидки или чарчафы на крова-

ти… Ну, смотришь — как будто бы наши! Это в Саранде. У нас был один фотоаппарат, руководитель уронила фотоаппарат, и все фотографии пошли … обидно. Ну тогда не было этих телефонов. Ну вот и то хорошо, что вот эти две фотографии как-то сохранились. (М. Битова, жительница с. Каракурт, о впечатлениях о поездке в г. Саранда (Албания) в 1995 г. в составе фольклорного ансамбля) [ПМА Дугушина: Каракурт 2019].

Вот когда поехала в Корчу я, для меня вообще Корча… это было… Боже, разговаривают… Бабушка вот стоит, я спрашиваю, как пройти к церкви, я знаю, что я спрашиваю неграмотно, но я спрашиваю… ну не звучит оно так, как они там говорят. Ну я спрашиваю ее, пускай она мне объясняет, начинает объяснять. А она мне начинает говорить, что *unë jam plakë*… [алб. ʼя старухаʼ — А. Д.]. Сын ее привез к себе жить, дочка не хотела ее брать к себе, сын взял к себе, а невестка говорит, туда не ходи, сюда не ходи. Я всё понимала! Не могу только, как они быстро рассказывают. Но я их понимаю. И говорит, вот сейчас тут сижу, и жду, чтоб время прошло. (Н. Кирчева, жительница с. Каракурт, о поездке в г. Корча во время прохождения обучения в Албании) [ПМА Дугушина: Каракурт 2019].

На примере диаспоральной группы албанцев Украины мы наблюдаем живой, протекающий в реальном времени, процесс «этнического возрождения», сопровождающийся появлением новых этнических инициатив, переосмысления значимости своей этнической группы и новых практик маркирования этнической идентичности, а также попыток сохранения родного языка. Подобные явления имели место не только среди албанцев, но и в жизни других этнических групп — болгар, гагаузов, молдаван, греков и других, представляющих меньшинства в южных пределах мультикультурной и полилингвальной Украины. В сущности, в конце XX столетия все постсоциалистические пространства были заполнены «меньшинствами», и 1990-е годы прошли под флагом «этнического возрождения» [Anastasova 2012]. Для албанцев Украины этот процесс начался на два десятилетия позже, однако он также связан с внешними факторами национальной политики: всплеск интереса к собственному языку и культуре наблюдается после событий конца 2013 — начала 2014 г. на территории Украины, когда в ситуации новых национальных парадигм и ориентаций на Европейский Союз, с одной стороны, и на Российскую Федерацию, с другой, собственный поиск албанцев Украины сфокусировался на декларировании своей этничности [Новик 2018: 77]. Причиной этому была и запоздалая по сравнению с другими государствами (Болгарией, Грецией, Турцией) политика включения албанцев Украины в программы под-

держки диаспоры официальными министерствами и ведомствами Албании. Так или иначе, сегодня отношения Албании и албанской диаспоры Украины находятся в начальной фазе налаживания связей друг с другом и проходят тернистый путь (учитывая факт исключения данной группы из программ созданного совсем недавно Центра по изучению и публикациям арбрешей).

Вместе с тем, албанцы Украины в последние годы не только ощутили, но и стали активно декларировать свою приобщенность ко всему албанскому миру. А албанцы Балкан и диаспоры не только узнали о существовании далекой «Албании» в Украине, но и стали — благодаря современным технологиям — акторами ее судеб. Мы являемся свидетелями не только освоения стандарта албанского языка представителями албанского сообщества на территории Украины, но и исключительно важного нового этапа конструирования идентичности и попыток сохранить родной говор.

Источники и материалы

АМАЭ: Новик 1998 — *Новик А. А.* Албанцы Украины. Запорожская, Одесская области. Полевые записи. Автограф. 1998 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1726. 202 л.

АМАЭ: Новик 2001 — *Новик А. А.* Греческое население в украинских селах Приазовья (район Мариуполя). Полевые записи. Автограф. 2001 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1745. 93 л.

АМАЭ: Новик 2002 — *Новик А. А.* Об албанцах Украины. Г. Мелитополь — с. Георгиевка — г. Одесса. Полевые записи. Автограф. 2002 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1750. 104 л.

АМАЭ: Новик 2005 — *Новик А. А.* Об экспедиционной поездке в г. Мелитополь, с. Георгиевка, г. Одессу. Дневник. Автограф. 2005 // Архив МАЭ РАН. Ф. К-1, оп. 2, № 1796. 83 л.

АМАЭ: Новик 2006 — *Новик А. А.* Изучение традиционной культуры урумов, албанцев. Приазовье. Полевые записи. Автограф. 2006 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1805. 49 л.

АМАЭ: Новик 2009 — *Новик А. А.* Традиционная культура албанцев Приазовья. Приазовский район, Запорожская область, Украина. Полевой дневник. Автограф. 2009 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1934. 95 л.

АМАЭ: Новик 2010 — *Новик А. А.* Приазовский отряд 2010. Полевая тетрадь. 06.-26.07.2010 г. Автограф. 2010 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1983. 122 л.

АМАЭ: Новик 2011А — *Новик А. А.* Каракурт — 2011. Традиционная культура албанцев, болгар и гагаузов Буджака. Полевая тетрадь. Автограф. Апрель — Май 2011 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 2039. 100 л.

АМАЭ: Новик 2011Б — *Новик А. А.* Отчет об экспедиционных исследованиях в Буджаке в мае 2011 г. Принтерный вывод. Апрель — Май 2011 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 2040. 38 л.

АМАЭ: Новик 2011В — *Новик А. А.* Приазовский отряд 2011. Традиционная культура албанцев, болгар и гагаузов Приазовья, Украина. Полевая тетрадь. Автограф. Июль 2011 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 2043. 100 л.

АМАЭ: Новик 2012 — *Новик А. А.* Приазовский отряд 2012 г. Изучение традиционной культуры и языка албанцев, болгар и гагаузов Приазовья. Полевые записи. Автограф. 06.07. — 21.07.2012 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 2109. 95 л.

АМАЭ: Новик 2013А — *Новик А. А.* Приазовский отряд 2013 г. Изучение традиционной культуры и языка албанцев, болгар и гагаузов Приазовья, Украина. Полевые записи. Автограф. 11.07. — 25.07.2013 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 2173. 188 л.

АМАЭ: Новик 2013Б — *Новик А. А.* Отчет об экспедиционных исследованиях в Приазовье в июле 2013 года. Принтерный вывод. 11.07. — 25.07.2013 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 2174. 26 л.

АМАЭ: Новик 2021 — *Новик А. А.* Экспедиционная работа в Албании (г. Тирана; г. Дуррес; Голем, область Кавая; г. Влёра; Тропоя). 29.07–22.08.2021; 05.09–03.10.2021. Полевые записи. Автограф // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № временно б/н. 38 л.

Басиста С. І., Жечева Е. О. Шестимовний тематичний словник (українська, російська, албанська, каракуртська говірка албанської мови, болгарська, гагаузька лексика). Без выходных данных.

Всеукраїнский перепис 2001 — Всеукраїнский перепис населення ’2001. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua (дата обращения: 15.11.2021).

ПМА Дугушина 2019 — Полевые материалы авторов: Украина, Одесская область, Болградский район, с. Каракурт, г. Измаил, г. Болград.

ПМА Новик 2021 — Полевые материалы авторов: Албания.

Электронные ресурсы

Albanians of Ukraina — Albanians of Ukraina-Shqiptaret e Ukraines. URL: https://www.facebook.com/Albanians-of-Ukraina-Shqiptaret-e-Ukraines 366068205571/ (дата обращения: 03.12.2021).

Bashkimi — Сообщество «Bashkimi i shqiptarëve të Ukrainës». URL: https://www.facebook.com/groups/992507324266136/ (дата обращения: 03.12.2021).

KARAKURT — Сообщество «KARAKURT — 200 vjetori i ekzistences se Shqiptareve ne Ukrahine». URL: https://www.facebook.com/shqiptareteukraines/ (дата обращения: 03.12.2021).

Mbijetesa e shqiptarëve — Документальный фильм «Mbijetesa e shqiptarëve të Ukrahinës» ('Выживание албанцев Украины'), автор Agim Xhemali. URL: https://www.youtube.com/watch?v=24SYxw20rWg (дата обраще¬ния: 03.12.2021).

Shqiptarët e vjetër — Документальный фильм «Shqiptarët e vjetër të Ukrainës. Thirrja që vjen nga larg» ('Древние албанцы Украины. Зов, идущий издалека'), автор Marin Mema. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_y-bRsIVKIk (дата обращения: 03.12.2021).

Telegrafi 2015 — Газета Telegrafi. 2015. URL: https://telegrafi.com/shqiptaret 300 vjet-ne-ukraine-sa-pak-dihet-per-ta/ (дата обращения: 03.12.2021).

Научная литература

Арш Г. Л. 1992. Албанская культура под иноземным игом (XVI — первая половина XIX в.) // Краткая история Албании / Отв. ред. Г. Л. Арш. М.: Наука. С. 112–137.

Буджак: историко-этнографические очерки народов юго-западных районов Одесщины. Книга для чтения / Ред.: А. И. Киссе, А. А. Пригарин, В. Н. Станко. Одесса: PostScriptum-СМИЛ, 2014.

Гаврилова К. А. 2016. Этнический активизм и локальные стратегии производства этнической культуры в марийских деревнях Кировской области: дис. … канд. ист. наук. СПб.

Головнёв А.В., *Белоруссова С. Ю.*, *Киссер Т. С.* 2018. Веб-этнография и кибер-этничность // Уральский исторический вестник. № 1. С. 100–108.

Десницкая А. В. 1968. Албанский язык и его диалекты. Л.: Наука.

Дерментли Ф. 2003. Перелистывая страницы памяти. Донецк: Новая печать. 246 с.

Дихан М. 2001. Преселване на българите в Южна Украйна (Научно-популярен очерк). Одеса: Маяк.

Ермолин Д. С., Морозова М. С. 2016. Этнографическое и лингвистическое изучение албанцев Украины // Новик А. А., Бучатская Ю. В., Ермолин Д. С., Дугушина А. С., Морозова М. С. «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / Новик А. А. (отв. ред.). СПб.: МАЭ РАН. Часть I. Т. 1. С. 125–152.

Иванова Ю. В. 2006. Албанцы и их соседи. М.: Наука.

Иванова Ю. В., Чижикова Л. Н. 1979. Из истории заселения Южной Украины // Культурно-бытовые процессы на юге Украины / Отв. ред. Ю. В. Иванова. М.: Наука. С. 3–11.

Коч С. 2016. Идентификационни стратегии на българите в Украйна // Bulgarska Etnologia. Vol. 42. Issue 4. P. 520–537.

Лулева А. 2012. „Завръщане“ на бесарабски българи в България — интерпретативни рамки за изследване на процеса // Пимпирева Ж. (съст.). Бесарабските българи в постсъветското пространство. Култура, политика, идентичност. София: Логис. С. 343–357.

Никольская А. П. 2010. Албанская поэзия П. Мержева // Вестник СПбГУ. Сер. 9. № 1. 169–172.

Новик А. А. 2017. Арбнеши Задара (Хорватия): взгляд изнутри и извне // Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Москва, 18–20 апреля 2017 года / Редколлегия: М. М. Макарцев (отв. ред.), И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. (Балканские чтения 14. Тезисы и материалы). С. 144–148.

Новик А. А. 2018. Албанцы Украины: албанский «стандарт» vs. говор и идентичность в XXI в. // Балканский полилог: коммуникация в культурно-сложных сообществах. Материалы Круглого стола Центра лингвокультурных исследований Balcanica, посвященного памяти Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: Институт славяноведения РАН. С. 68–91.

Новик А. А., Бучатская Ю. В., Ермолин Д. С., Дугушина А. С., Морозова М. С. 2016а. «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / Новик А. А. (отв. ред.). СПб.: МАЭ РАН. Часть I. Т. 1.

Новик А. А., Бучатская Ю. В., Ермолин Д. С., Дугушина А. С., Морозова М. С. 2016б. «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / Новик А. А. (отв. ред.). СПб.: МАЭ РАН. Часть I. Т. 2.

Новик А. А., Дугушина А. С., Ермолин Д. С. 2019. „Një Komb, një gjuhë“ (?): коммуникация между албанцами Балкан и диаспоры // Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарцев, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН. (Балканские чтения. 15). С. 89–94. DOI: 10.31168/2618–8597.2019.15.14

Новик А. А., Перехвальская Е. В. 2002. Этнолингвистическое изучение Приазовья. Экспедиция к мариупольским грекам 2001 г. // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Выпуск 4 / Отв. редактор С. И. Михальченко. Брянск: Издательство Брянского государственного университета. С. 355–366.

Шабашов А. В. 2002. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса: Астропринт.

Шарапова Л. В. 1990. Албаноязычные поселения Болгарии и Украины // Основы Балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 1 (новогреческий, албанский, романские языки) / Отв. ред. А. В. Десницкая. Л.: Наука. С. 114–124.

Широков О. С. 1962. Происхождение бессарабских албанцев (опыт глоттохронологии). Доклад на Межвузовской конференции по примене-

нию структурных и статистических методов исследования словарного состава языка (МГИПИИЯ. 21–24 ноября 1961 г.) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М. Т. 4 (20). С. 26–36.
Anastasova E. 2012. Identity of (Trans-) National Minorities in the Nation Building Process (the Case of Ukraine) // Migration and Identity. Historical, Cultural and Linguistic Dimensions of Mobility in the Balkans / P. Hristov, (ed.). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum; Paradigma, P. 269–278.
Dermentli F. 2004. Duke shfletuar fletët e kujtimeve / përkth. A. Shost. Tiranë; Donetsk.
Islami S. 1955. Material gjuhësor nga kolonitë shqiptare të Ukrainës // Buletin i Shkencave Shoqërore. Nr. 2. F. 163–180.
Musliu S., Dauti D. 1996. Shqiptarët e Ukrainës. Udhëpërshkrime dhe punime shkensore. Shkup: Shkupi.
Kadriu L. 2017. Pushimet, familja, vendlindja në praktikat e diasporës shqiptare të Kosovës. Prishtinë: Instituti Albanologjik.

Глава 15. ИДЕНТИЧНОСТЬ, ЯЗЫКИ КОММУНИКАЦИЙ И РОДНОЙ ЯЗЫК НА БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОМ ПОГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Данная глава подготовлена по материалам полевых исследований, которые проводились с 2008 года по обе стороны границы между Республикой Беларусь и Российской Федерацией. Эти материалы содержат сведения, полученные в ходе интервью с экспертами (учителями, работниками администраций и домов культуры, священнослужителями) и жителями разных возрастов, данные опроса школьников старших классов в 12 средних школах на белорусском пограничье (641 человек) и в 14 средних школах (669 человек) на российском пограничье, с привлечением архивных, статистических и этнографических данных. Включая в исследование старшеклассников, молодых людей 16–18 лет, мы полагали, что на их язык коммуникаций и родной язык, на структуру идентичностей повлиял тот факт, что формирование их происходило на фоне становления Российской Федерации и Республики Беларусь как самостоятельных государств, когда шла мобилизация национальных языков и этнической идентичности.

Одной из наиболее важных проблем, которую мы попытались проанализировать, стало выявление роли языкового фактора как маркера идентичности в регионах контакта культур, в данном случае на пограничных территориях. Принимались во внимание разные виды идентичностей: этническая, региональная (территориальная), гражданская. Само понятие «этническая идентичность в данном исследовании означает тождественность (соотнесение себя) с конкретной этнической общностью и наделение себя качествами, характеризующими эту общность» [Конструирование идентичности 1998: 8]. Региональная или территориальная идентичность базируется на территориальных связях, возникающих на основе совместного проживания членов социальных групп и осознания себя частью конкретного территориального сообщества. Гражданская идентичность означает «осознание принадлежности к сообществу граждан конкретного государства, имеющего для индивида значимый смысл» [Гражданская 2013: 103].

Белорусско-российское пограничье в современном представлении — это шесть областей, расположенных вдоль государственной границы между Республикой Беларусь и Российской Федерацией: Гомельская, Могилев-

ская, Витебская со стороны Республики Беларусь; Брянская, Смоленская, Псковская со стороны Российской Федерации. Эти пограничные территории, население которых обладает многими специфическими чертами традиционной культуры, языка, уклада жизни, занимают свое определенное место в системах российского и белорусского сообществ. В рассматриваемом регионе исторически сложилось устойчивое взаимодействие культур и языков белорусов, украинцев, русских, поляков. Это взаимодействие имеет многовековую традицию, что способствовало формированию здесь трансграничной общности, сходной этнокультурной и языковой ситуации со слабо выраженной отличительностью по разные стороны границы, а также выработке механизма, обеспечивающего высокий уровень толерантности по отношению к соседям.

Интерес этнологов к изучению пограничного пространства вполне объясним. В течение многих веков на этой территории происходили пересечения и взаимовлияния культур и языков русских, белорусов, поляков, украинцев, евреев, здесь соседствовали разные конфессии — православие, старообрядчество, католицизм, иудаизм, но наиболее глубокие контакты и связи происходили между близкородственными народами — русскими и белорусами. На развитие этнокультурных и этноязыковых процессов в этом регионе оказывали сильное влияние его сложная политическая история и неоднократные изменения государственных и административных границ. Пограничные территории на протяжении веков то вместе, то врозь последовательно входили в состав различных государств — Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, СССР, что отразилось на этнокультурной и языковой ситуациях пограничных земель и на формировании этнической идентичности жителей, которая еще в начале XX века на этой территории была очень подвижной и легко трансформировалась в зависимости от политической ситуации. Незрелость этнической идентичности, неоднозначная языковая ситуация и в этой связи неопределенность этнического состава населения этого региона создавали большие сложности в 1920-ые-1930-ые годы при оформлении административных границ между БССР и РСФСР [Граница, идентичность 2020: 33–41].

Но именно появление отдельных республик, образованных по национальному признаку, с их языковой политикой способствовало консолидации населения внутри республик и усилению этнической составляющей, что стало важным фактором формирования белорусской и русской самоидентичности на пограничных территориях. Большинство жителей белорусского пограничья стали считать себя белорусами, а российского — русскими, хотя на всем рассматриваемом пространстве существовала специфическая региональная культура с множественными локальными проявлениями, выделяющая эти регионы из общего этнокультурного контекста республик и имеющая общие черты по обе стороны границы.

В XX веке население пограничья более 70 лет проживало в составе единого государства — СССР, где административные границы между БССР и РСФСР были прозрачны. Направление языковой политики на развитие двуязычия в стране, на активное освоение русского языка как языка межнационального общения способствовало распространению русского языка и на пограничных территориях. В этот период контакты между жителями пограничных населенных пунктов были особенно активными. Контакты способствовали появлению значительного числа этнически-смешанных семей по обе стороны административных границ, что еще больше влияло на процессы интеграции традиций, на формирование сходных элементов культуры, правил поведения, общих черт повседневного быта. Данное пространство представляет собой специфический объект исследования, где и в настоящее время сосуществуют смешанные формы культуры, а процессы ассимиляции и интеграции идут особенно активно. Хотя этнокультурные различия между соседними этническими общностями выражены очень слабо, этническая самоидентичность жителей довольно определенна и различна: на белорусском пограничье преимущественно — белорусская, а на российском — русская.

В историческом прошлом очень часто при определении этнической принадлежности жителей разговорный язык был важнейшим, а порой и единственным идентификационным критерием, особенно в тех случаях, когда оказывалась невозможной опора на этническую самоидентичность [Кабузан 1990: 215]. Значимость языка как основного дифференцирующего и одновременно консолидирующего фактора отмечают и современные жители белорусско-российского пограничья. По оценкам старшеклассников (данные на 2016 г.) и жителей пограничных территорий старшего поколения именно язык чаще всего обозначается ими как основной признак, разделяющий русских и белорусов. Согласно проведенным опросам старшеклассников по обе стороны границы большинство из них считают, что определить этническую принадлежность белоруса или русского можно «по разговору или акценту».

Вместе с этим современная языковая ситуация на белорусском и российском пограничьях достаточно сложная и имеет как сходство, так и отличия. Главное отличие состоит в том, что в Республике Беларусь официально установлены два государственных языка — белорусский и русский, которые разделяют все общественные функции в государстве и наиболее распространены в современном коммуникативном пространстве Беларуси. Главное же сходство языковой ситуации по разные стороны границы заключается в распространении среди жителей специфических говоров, совмещающих черты контактирующих языков, преимущественно русского и белорусского, и представленных на этом пространстве в разных вариантах. Формирование и распространение говоров стало также результатом

исторических событий на этих землях, вхождения их в отдельные исторические периоды в разные государства, перемещения отдельных групп населения во время войн, что привело к наслоению элементов разных языков, к их взаимовлиянию, трансформационным процессам и интерференции близкородственных языков. При этом данные процессы не были однородны, как не были однородны и их участники.

Специфическую речь жителей на пограничных территориях отмечали многие исследователи, однако проблема отнесения их к какой-то определенной языковой системе оставалась нерешенной. И всё же большинство исследователей отмечали в языке жителей российского пограничья сходство с говором на белорусском пограничье и заметное присутствие белорусской лексики [Этнокультурный 2018: 67–7].

Особенности идентичности на пограничных территориях

Рассматривая особенности формирования этнической идентичности у жителей пограничных территорий России и Беларуси, следует отметить, что, как показали исследования, многие из них до сих пор не могут четко определить этнокультурные границы русских и белорусов, образуемые на основе отличительных характеристик.

> «Как мне кажется, больших отличий между русскими и белорусами нет. Во всяком случае, у себя на малой родине я этого не чувствую. Здесь достаточно тесно живут русские, белорусы, украинцы, и у них никаких отличий нет» (г. Новозыбков, 42 года); «Считаю, что невозможно разделить местных русских и белорусов на разные народы. Белорусы и русские одна национальность» (а/г Клястицы, Россонский район Витебск. обл., 85 лет); «Все у нас одинаково, абсолютно ничем не отличаемся, только цены разные, а языки уже перепутались» (а/г. Ляды, Витебск. обл., 73 года).

В данном случае можно утверждать, что близкая культурная дистанция, длительные контакты и взаимодействия этих народов, нередко смешение их культур, распространение русского языка среди белорусов снижают актуальность соотнесения белорусов и русских по принципу «мы – они». Роль этнической составляющей, как свидетельствуют данные опросов, на пограничных территориях незначительна:

> «Людей по национальности не делю» (д. Руда, Псковск. обл., 40 лет); «Я не задумываюсь о своей национальности, меня воспитали советским человеком» (д. Болсуны, Гомельск. обл., 40 лет); «Муж белорус, я русская. Дочь рожала в России у мамы, считаю ее

русской. Муж сказал, что ему абсолютно безразлично» (а/г. Ляды, Витебск. обл., 27 лет); «Для меня нет никакой разницы, кто по национальности человек. Один русский, другой белорус, это ничего не значит, важно какой он человек» (а/г Клястицы, Витебск. обл., 32 года); «Я белорус, но никогда не отделял себя от людей другой национальности» (г. Городок, Витебск. обл., 52 года); «Никогда не интересовалась национальностью соседей, собеседников, сотрудников, потому что это не имеет для меня никакого значения» (г. Добруш, Гомель. обл., 55 лет).

Согласно ответам молодых людей по обе стороны границы, у них нет четких представлений об этнокультурных различиях русских и белорусов, а национальность окружающих людей их мало интересует. Около 25% подростков не смогли ответить на вопрос о национальности своих одноклассников. Типичными для них были ответы:

«Я не придаю этому никакого значения»; «Мне не приходило в голову интересоваться национальностью друзей»; «Я не знаю национальность ни своих друзей, ни соседей, и мне это совершенно безразлично».

В этой связи следует отметить, что для каждого третьего из опрошенных молодых людей рассматриваемого пространства этнокультурные границы между русскими и белорусами неопределенны или вообще не осознаются, а более половины считают, что различия хотя и есть, но они очень незначительны и малозаметны. И всё же 12% молодежи на российском пограничье и 9% на белорусском считает, что различия между русскими и белорусами довольно заметны, но при этом конкретных отличий большинство из них назвать не смогли.

«Есть какие-то отличия в свадебном обряде, но какие не знаю» (г. п. Россоны); «У белорусов много блюд из картошки, но и у нас тоже много, а чьи они, белорусские или русские — трудно сказать» (д. Ходосы, Мстиславский р-н, Могилев. обл., 38 лет); «Я и свои обряды плохо знаю, а что там у русских тем более не знаю».

Исследования на пограничных территориях, расположенных в разных государствах, подтверждают низкий уровень сформированности этнокультурных маркеров, которые, в первую очередь, отличали бы русских от белорусов и были бы характерны для определенной этнической общности и воспринимались бы жителями как таковые. Тем не менее, отмечая небольшие этнокультурные различия между русскими и белорусами или

даже их отсутствие, значительная часть населения пограничных территорий довольно определенно идентифицирует себя в России с русским народом, а в Беларуси — с белорусским. В данном случае, мы можем говорить о том, что этническая граница между русскими и белорусами на современном этапе совпадает с политической. В то же время граница эта довольно прозрачна. Этнокультурные параметры населения по обе стороны пограничных территорий имеют много общих черт и не могут выполнять роль маркеров для какого-то определенного народа.

Как свидетельствуют данные исследования, только каждый восьмой белорус и каждый шестой русский отметили, что у русских и белорусов есть некоторые отличия в свадебном обряде, в фольклоре, в блюдах национальной кухни, но при этом большинство из них не смогли уточнить конкретные отличия. Лишь в некоторых случаях жителями отмечались и такие черты, как характер, поведение, манера одеваться, внешность, но крайне редко назывались обычаи и обряды, фольклор, профессиональная культура, народные песни, религия.

В качестве дифференцирующего признака большинство участников исследования называли «язык» или чаще «особенности речи», «акцент» (91% на белорусском пограничье и 88% — на российском). Важно заметить, что дифференцирующую значимость «языка» или чаще «особенностей речи», «акцент» отмечали даже те, кто считал, что различий между соседствующими народами нет. Надо полагать, что на исследуемом пространстве при обозначении этнической идентичности важным является не столько реальное использование того или иного языка в речи, сколько его символическая роль, подтверждающая этническую принадлежность. Реально существующая языковая ситуация на пограничных территориях, как уже было сказано, очень сходна по разные стороны границы и характеризуется распространением специфического местного языка, называемого жителями «мешанный», или «смешанный», или «местный», с элементами русского и белорусского языка, и сохранившегося в большей степени на белорусском пограничье, а также большой значимостью русского языка в коммуникациях жителей не только на российском пограничье, но и на белорусском.

Как показали наши исследования, на пограничных территориях фиксируется слабая связь этнической идентичности с культурной составляющей, но при этом прослеживается тесная взаимозависимость между этнической и гражданской идентичностями. Большинство жителей считают, что

> «осознание принадлежности к белорусам особенно усилилось в 1990-ые годы в связи с образованием самостоятельного государства» (г. Добруш, Гомель. обл., 43 года).

Формирование этнической идентичности у молодых людей происходило уже после образования самостоятельных государств и мобилизации этнических идентичностей и языков. Около 80% молодых людей считают, что свою национальность они знали с детства, тогда как люди 40–50 лет, согласно их ответам, осознавали принадлежность к своему народу чаще всего уже в подростковом возрасте в ситуациях, когда нужно было ответить на вопрос: «Кто я есть?». Например, при получении паспорта, на уроках истории, географии, когда попадали в иную среду или встречались с представителями других национальностей с явно выраженными отличиями.

В процессе идентификации очень важную роль играла и играет школа. Чаще всего в школе на уроках истории, географии, литературы и языка понятия «белорус», «русский» наполняются этническим содержанием. Около половины всех опрошенных жителей среднего возраста (35–50 лет) считают, что именно в школе они впервые задумались о том, к какому народу они принадлежат.

> «Когда мы в школе стали учить белорусский язык, я поняла, что я белоруска»; «Я осознала себя белоруской под влиянием учителя истории, еврея по национальности» (а/г. Ляды, 37 лет); «О своей национальности впервые подумала в школе. Пришла из школы и спросила у мамы о том, кто я есть. Она ответила, что я русская, потому что живу в России, мои бабушка и дедушка русские, значит и я русская» (Руднянский район, Смоленск. обл., 47 лет); «Я поняла, что я белоруска в 12 лет, когда в школе стали изучать историю Беларуси» (г. п. Россоны, Витебск. обл., 37 лет).

Как показали исследования, преобладающее большинство жителей (98% на российском пограничье и 91% на белорусском), в том числе и молодых людей, по обе стороны границы идентифицировали себя с титульным народом России и Беларуси. В сложившейся ситуации на пограничном пространстве в качестве главных аргументов, которые, по оценкам жителей, стали для них опорой при определении идентичности с собственным народом, выступает государство (страна), в котором проживает и (или) родился человек и в котором основное население русские (в России) или белорусы (в Беларуси), основной язык общения в котором русский (в России) или белорусский (в Беларуси). Согласно ответам жителей по обе стороны границы, именно эти два аргумента были названы основными идентификационными критериями. Первый — *родился в этой стране* назвали 81% ответивших на российском пограничье и 79% — на белорусском. Второй — *живу в этой стране*: соответственно — 46% и 48%. Как и предполагалось, во многих случаях эти два аргумента совмещались.

Определяющая роль территориального фактора (государства) при определении этнической принадлежности подтверждается и ответами молодых людей на вопросы: «*Как Вы считаете, что означает быть русским?» и «Как Вы считаете, что означает быть белорусом?»*. Сравнение ответов старшеклассников по обе стороны государственной границы свидетельствует об очень сходных их представлениях, сопровождающихся патриотизмом, любовью к Родине. Согласно высказываниям,

> «Быть русским — это жить в России и быть готовым защищать свою страну»; «Родиться и жить в России»; «Жить в России и гордиться своей страной».

> «Быть белорусом — это родиться в Беларуси, уважать свою культуру»; «Быть белорусом — это жить в Беларуси, соблюдать конституцию своей страны, гордиться своей страной»; «Родиться и жить в Беларуси»; «Любить свою страну и народ»; «Быть патриотом своей страны».

Страна или государство в данном случае является для молодых людей территорией, на которой преобладает этнокультурная и языковая составляющая белорусов или русских, народа, с которым они ассоциируют себя.

В некоторые ответы в качестве аргументов принадлежности к русским или белорусам включены также гражданство и знание языка своего народа:

> «Я – белорус, так как являюсь гражданином Беларуси и подчиняюсь законам этой страны, знаю язык этого народа»; «Быть белорусом — это значит иметь гражданство этой страны»; «Иметь родителей этой национальности»; «Знать язык этого народа»; «Быть русским — это жить в России, говорить на русском языке и быть гражданином России»; «Я – русский, так как у меня паспорт гражданина России».

В данном случае Россия рассматривается как страна, в которой основная часть населения — русские, а Беларусь — как страна с преобладанием белорусского населения. Это территории, на которых воспроизводятся язык и многие элементы культуры основного народа страны, где происходит формирование идентичности. Актуализированы также такие критерии, как особенности речи для белорусов (акцент, манера говорить, язык), особенности внешнего облика, поведение. Меньшую роль среди идентификационных критериев играет фактор национальности родителей, т. е.

семья. На российском пограничье этот критерий занимает третью позицию (42%), а на белорусском — четвертую (28%).

При этом у многих жителей среднего и старшего возраста, чаще на территории Беларуси, этническая идентичность сочетается с представлениями о своей локальной отличительности и с территориальной идентичностью:

> «Мы белорусы, но мы не настоящие белорусы, мы люди пограничья» (а/г. Клястицы, Витебск. обл. 47лет); «Мы живем на пограничье и у нас особый акцент, мы русские, но нас часто принимают за белорусов, а мы просто жители пограничья» (с. Понизовье, Руднянский р-н, Смоленск. обл.,36 лет); «Мы, жители пограничья, отличаемся от других территорий Беларуси, у нас и обряды другие, и мы по-другому разговариваем, у нас больше сходства с соседними районами России (г. п. Россоны, 37 лет).

Опорой этой идентичности, наряду с территорией проживания, служат специфика речи, общие локальные черты культуры, сложившиеся связи и отношения, образ жизни. Следует отметить, что по нашим наблюдениям и по утверждениям экспертов эта локальная идентичность ослабевает и со временем совсем исчезает у жителей пограничья, переселившихся в города или в другие области Беларуси.

Таким образом, этническая идентичность на пограничной территории в значительной степени связывается не с культурными составляющими народа, а с государством, родной землей. Вместе с этим, именно в рамках государства с преобладающим русским или белорусским населением происходит наполнение этническим содержанием культурной составляющей основного народа, функционирование языка народа, воспроизводство традиций, правил поведения, элементов бытовой культуры. Государство выполняет функцию конструирования системы идентичностей.

Динамика этнического состава населения пограничных территорий

Это наблюдение подтверждается и тем обстоятельством, что в 1990-ые годы в связи с возрастанием статуса титульных народов во всех вновь образованных странах и отсутствием обязательной фиксации национальности в паспорте произошли существенные сдвиги в самоидентификации жителей и этническом составе населения, в частности, в Республике Беларусь — в сторону возрастания численности и доли титульного народа и моноэтничности (Таблицы 1 и 2).

Таблица 1. **Динамика этнического состава населения белорусского пограничья с 1989 по 2019 гг. по данным переписей населения***

Области	*Год переписи*	*Всего жителей*	*Этнический состав тыс. чел.* белорусы	русские	поляки	украинцы	евреи
Республика Беларусь	1989	10151,8	7904,6	1342,1	417,7	291,0	112,0
	2019	9413,4	7990,7	707,0	287,7	159,7	13,7
Витебская	1989	1409,9	1119,5	213,9	25,3	26,1	12,7
	2019	1135,7	934,9	138,1	9,8	18,0	1,6
Гомельская	1989	1667,8	1338,1	210,4	4,5	68,6	31,8
	2019	1388,5	1211,2	108,7	2,6	25,1	2,0
Могилевская	1989	1279,8	1051,9	166,0	3,7	29,4	18,5
	2019	1024,7	915,6	62,2	3,1	12,2	1,1

* [Итоги переписи 2000: 136–143; Белстат. Статистический бюллетень 2020: 24].

Как видно из Таблицы 1, в Республике Беларусь за годы, прошедшие между переписями населения 1989 и 2019 гг., численность русских заметно сократилась, а белорусов возросла. Основательный анализ миграционного прироста русских и их естественной убыли в Беларуси в 1990-ые и 2000-ые гг., представленный в своей работе авторами О. Буховец и А. Буевым, убедительно доказывает, что «значительное абсолютное и относительное сокращение в Белоруссии численности русских логичнее всего объяснить сменой их идентичности, „переходом в белорусы“ тех, кто в 1980-х годах позиционировали себя русскими» [Буховец, Буев 2018: 74–75]. Это в какой-то степени подтверждается нашими наблюдениями и высказываниями некоторых жителей пограничных территорий Беларуси:

> «В паспорте я была записана русской, так как у меня папа был русский, но я уже 30 лет живу в Белоруссии и сейчас уже считаю себя белоруской» (г. Мстиславль, Могилев. обл., 46 лет); При получении паспорта в 1982 году я записал себя русским, мне так хотелось и у меня мама была русской, а папа белорус. А в последние годы я всё увереннее чувствую себя белорусом и горжусь этим. В последней переписи населения я записал себя белорусом, и дети мои тоже белорусы (а/г Ленино, Горецкий р-н, Могилевск. обл., 52 года).

На изменение этнического состава населения оказала влияние и очень редкая востребованность сведений о национальности человека в современной жизни. В 1990-ые-2000-ые гг. и в Беларуси, и в России при оформлении различных документов чаще всего требуются данные о гражданстве и крайне редко о национальности. Согласно расчетам, произведенным на основании переписей населения Республики Беларусь, после 1990-ых годов значительно возросла не только численность белорусов, но и их доля

в общей структуре населения, при этом сократились доли других народов (Таблица 2).

Таблица 2. **Соотношение долей основных национальностей в этническом составе населения белорусского пограничья по данным переписей населения***

Республика Беларусь и пограничные области	***Национальности***	***Годы переписей и процент от общего числа жителей***			
		1989	*1999*	*2009*	*2019*
Республика Беларусь	белорусы	60,3	62,3	83,7	84,9
	русские	10,7	10,1	8,3	7,5
	поляки	4,1	3,9	3,1	3,1
	украинцы	2,9	2,4	1,7	1.7
	евреи	1,1	0,3	0,1	0,1
Витебская	белорусы	79,4	82,0	85,1	82,3
	русские	15,2	13,6	10,1	12,2
	поляки	1,8	1,5	0,9	0,9
	украинцы	1,9	1,6	1,7	1.6
	евреи	0,9	0,3	0,2	0,1
Гомельская	белорусы	80,2	84,2	88,2	87,2
	русские	12,6	11,0	7,7	7,8
	поляки	0,3	0,2	0,1	0.2
	украинцы	4,1	3,3	2,1	1.8
	евреи	1,9	0,4	0,2	0,1
Могилевская	белорусы	82,2	86,1	88,7	89,3
	русские	13,0	10,9	7,8	6,0
	поляки	0,3	0,2	0,2	0,2
	украинцы	4,1	3,3	1,2	1.2
	евреи	1,9	0,4	0,1	0,1

* [Итоги переписи 1999, 2000: 136–143; Белстат. Перепись населения 2009 года, 2010: 8, 9, 13. Белстат. Статистический бюллетень, 2020: 24].

Как видно из Таблицы 2, доля белорусов в Республике Беларусь в целом выросла с 1989 по 2019 гг. на 24,6%, а русских сократилась на 3,2%. При этом на пограничных территориях эти процессы наиболее выражены в Могилевской и Гомельской областях. Менее всего сократилась доля русских в Витебской области — на 3%, тогда как в Гомельской области — на 4,8%, а в Могилевской — на 7%. Доля белорусов больше всего выросла в Гомельской и Могилевской областях (соответственно на 7% и 7,1%) и менее всех в Витебской (на 2,9%). Согласно данным переписи населения 2019 г., численность русских и их доля в населении наиболее заметны в Витебской

области (12,2%). Всего в 3-х пограничных областях живут 23% всех русских Беларуси, из них 10,3% в Витебской области. Наиболее белорусскими являются Могилевская и Гомельская области, в которых доля белорусов в общей структуре населения выше, чем в целом в Беларуси, составляя соответственно 89,3% и 87,2% (Таблица 2).

В 1990-е — 2000-ые годы заметные сдвиги произошли и в этническом составе пограничных с Беларусью областей России, но причины их были несколько иными и объясняются главным образом возрастанием естественной убыли среди славянского населения и активными миграционными процессами в стране (Таблица 3).

Таблица 3. **Динамика численности основных этнических общностей в пограничных областях Российского пограничья по данным переписей населения***

Национальность	***Области и годы переписей населения Численность тыс. чел.***								
	Брянская			Псковская			Смоленская		
	1989	*2002*	*2010*	*1989*	*2002*	*2010*	*1989*	*2002*	*2010*
всего	1470,1	1378,9	1278,2	846,9	1378,3	1278,2	1153,6	1049,6	985,5
русские	1411,0	1328,4	1210,1	797,4	717,1	616,4	1085,1	980,0	893,7
украинцы	27,1	20,2	13,8	15,3	12,5	8,6	21,8	17,4	12,2
белорусы	11,3	7,7	5,5	12,5	9,7	6,8	22,4	16,2	12,0
армяне	0,8	3,6	4,6	0,5	2,3	2,4	1,1	3,9	4,8
азербайджанцы	1,2	2,4	2,6	0,9	1.3	1,3	1,6	2,4	2,7
евреи	6,7	2,3	1,4	1,3	0,6	0,4	3,5	1,4	1,0

* [Демоскоп. Всесоюзная перепись населения 1989 года; Всероссийская перепись населения 2002 г., 2005; Всероссийская перепись населения 2010 г., 2012].

Приведенные в Таблице 3 данные Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. свидетельствуют о несколько иных процессах на российском пограничье, о более масштабных сокращениях численности населения, преимущественно за счет русских. С 1989 по 2010 годы число русских сократилось в пограничных областях российского пограничья: в Брянской на 200,9 тыс., в Псковской на 181,1 тыс. и в Смоленской на 211,4 тыс. Во всех трех областях уменьшилось число украинцев на 29,6 тыс. и белорусов на 12,9 тыс. За эти годы во всех пограничных областях сократилось число евреев более чем в 3 раза, но увеличилось число армян в 4 раза, азербайджанцев почти в 2 раза. Что характерно, на российском пограничье, также как и на белорусском, лидирующие позиции занимает титульный народ — в данном случае русские, которые составляют в Брянской области 96,7% всего населения, в Псковской 95,0% и в Смоленской — 90,1%.

Как уже было сказано, наряду с этнической идентичностью в последние десятилетия развивается и укрепляется тенденция всё большего распространения и усиления значимости в жизни людей общегражданских идентичностей «россиянин» и «белорус» (в значении гражданин и житель Беларуси), особенно среди молодого поколения. Государство в данном случае является основой и гражданской, и этнической идентичностей. В данном исследовании мы рассматриваем российскую (гражданскую) идентичность как свободное отождествление себя с российским народом, ощущение и осознание причастности к прошлому, настоящему и будущему России. Это образ «мы» в масштабах страны. В России это осознание того, что «я –гражданин России». Сущность белорусской гражданской идентичности раскрывается в чувствах принадлежности и приверженности людей к своей стране — Беларуси, причастности к ее жизни, общности с ее народом, его культурой и историей, осознание того, что «я – гражданин Беларуси».

Согласно полученным ответам жителей пограничья, все они являются гражданами страны, в которой живут. По нашим наблюдениям и по данным исследования, факт проживания в конкретной стране и принадлежность к определенному гражданскому сообществу становится наиболее важным (среди прочих) для жителей при обозначении своей этнической и гражданской идентичностей. В некоторых случаях гражданство и этническая идентичность выступают в едином блоке. Нередко жители пограничья, чаще молодые люди, не считают возможным разделять их:

> «Я не могу разделить эти понятия — «гражданин Беларуси» и «белорус», мне кажется, что они вместе»; «Раз я — гражданин России, значит, я — русский, и другого не может быть»; «Я не понимаю, как их можно разделить. Я считаю себя белорусом, но я и гражданин Беларуси. Может быть, я поэтому и белорус»; «Я считаю, россиянин и русский — это одно и то же, русский — это же житель России».

Таким образом, можно сделать вывод, что роль гражданского компонента при формировании идентичности на пограничных территориях усиливается. Вектор формирования идентичности в значительной мере смещается в сторону гражданской идентичности, а граница между этнической и гражданской идентичностями постепенно сглаживается, в некоторых случаях происходит отождествление этих понятий. Согласно данным исследования, среди молодых людей на российском пограничье ощущают себя россиянами и русскими одновременно около 80%; при этом 62% из них считают, что они прежде всего россияне, а затем уже русские. На белорусском пограничье чуть менее половины (48%) относят себя одновременно к белорусам по национальности и к гражданам Беларуси. В России

процесс возрастания роли гражданской идентичности выражен более ярко и определенно. При этом значимость этнической идентичности в Беларуси выше, чем гражданской (государственной), и выше, чем на российском пограничье.

Языковая ситуация на белорусском пограничье

Языки коммуникаций. Рассматривая языковую ситуацию на белорусско-российском пограничье, следует отметить, что основными компонентами ее являются белорусский и русский языки, в той или иной степени близкие к литературным нормам, а также местные говоры, или, как их называет местное население — «*смешанный язык*», а лингвисты — *«трасянка»*. Это особая форма просторечия, представляющего смесь русского и белорусского языков, распространенная преимущественно в сельской местности на всей территории Беларуси. Под «трасянкой» обычно понимают «множество стихийно по-разному русифицированных индивидуальных вариантов белорусской речи» [Мечковская 2018: 226–250]. При этом «*трасянка»* представляет собой скорее не язык с четко определенной системой, а варьирующее языковое образование с большим или меньшим включением компонентов белорусского или русского языков.

Как показали наши наблюдения во время полевых исследований на белорусско-российском пограничье, ареал этих местных языковых образований, некогда довольно распространенных на этой территории, постепенно сокращается вследствие влияния школьного образования, в котором превалирует русский язык, а белорусский язык и белорусская литература изучаются как предмет, влияния СМИ, радио и телевидения, а также городской среды, где русский язык используется в речи в большем объеме, чем в сельской местности. Предполагается, что язык, созданный конкретной этнической общностью, служит основным средством общения между ее представителями. Однако это лишь в незначительной степени относится к белорусскому языку в Беларуси и еще в меньшей степени к пограничным ее территориям.

Белорусский язык — один из восточнославянских языков. Наиболее близкими к белорусскому являются русский, украинский, а также польский языки. Основное место распространения белорусского языка приходится на этническую территорию проживания белорусов — Республику Беларусь. По данным переписи населения 2019 г., 5 094 298, или 54,2%, всех жителей Беларуси указали в качестве родного языка белорусский и 3 983 765, или 42,3% — русский [Белстат. Статистический 2020: 44].

Белорусский язык в течение длительного времени разделял основные функции с русским языком. При этом соотношение их было неравное. К концу 1980-х годов в БССР наблюдалось глубокое проникновение

русского языка во все сферы жизни населения. Статус русского языка был чрезвычайно высок: на нем велось делопроизводство, шло обучение в большинстве школ, практически во всех ВУЗах. В сфере коммуникаций русский язык преобладал среди городского населения, а в сельской местности основным языком общения жителей был «смешанный» или «просты» язык. Школы с белорусским языком обучения были только в сельской местности, и число их постоянно сокращалось. В школах с русским языком обучения белорусскому языку уделялось недостаточное для глубокого освоения языка внимание. По словам 44-летней учительницы истории (п. Ленино, 2008 год), языковая ситуация в эти годы в БССР выглядела следующим образом:

> «Вся «белорусскость» держалась на селе. Когда я была девочкой, то была уверена, что во всем СССР есть сельская «мова» (язык) и городская — русская. Сама я жила в селе».

С образованием нового государства в Республике Беларусь внимание к белорусскому языку усилилось, и статус его значительно вырос. Как и во многих других бывших республиках СССР, произошла мобилизация языка основного населения. В первые годы существования Республики Беларусь белорусский язык был провозглашен единственным государственным языком и, как следствие, был взят курс на форсированную белорусизацию. Однако эта языковая политика не соответствовала сложившейся языковой ситуации в стране, особенно в сфере образования, и вызвала неприятие ее значительной частью общества.

> «Кошмар был при Шушкевиче. Хотели все школы переломить на белорусский язык. Но после референдума 1995 года осталось всё как раньше, можно выбирать, кто в какой школе хочет, тот в такой и учится» (г. п. Россоны, учитель математики 45 лет).

В 1995 г. был проведен референдум о придании статуса государственных двум языкам — белорусскому и русскому. За данное предложение проголосовало 83,3% избирателей. На основании выраженного на референдуме мнения подавляющего большинства белорусских избирателей 24 ноября 1996 г. была принята новая редакция Конституции Республики Беларусь, в которой русскому языку был присвоен статус государственного наравне с белорусским. После придания русскому языку статуса государственного Республика Беларусь заняла совершенно особое место на постсоветском пространстве, став единственным государством, где в правовом отношении оба языка — титульный белорусский и русский — абсолютно равны. Гражданам страны предоставлена полная свобода в выборе языка обуче-

ния и в использовании их в других сферах общественной жизни. Уникальность ситуации в Беларуси состоит в том, что государственное двуязычие существует в преимущественно мононациональной стране (в 2019 году белорусы составили 84,5% всех ее жителей), а оба государственных языка являются близкородственными.

В то же время в сложившейся ситуации, когда позиции русского языка оказались более прочными, чем белорусского, эти государственные языки в разной степени востребованы в различных сферах жизни населения. В этой связи требовалось особое внимание к изучению белорусского языка и развертыванию его функций. Прежде всего это коснулось школ, где независимо от основного языка обучения изучению белорусского языка, белорусской литературы, истории Беларуси стало уделяться большое внимание. Это важно еще и потому, что на пограничье, так же как и на многих других территориях Беларуси, умение говорить на белорусском, близком к литературному языку, приобретается большинством жителей не в семье, а в результате изучения его в школе, ВУЗе, на специальных курсах или освоения самостоятельно. Язык коммуникаций в значительной мере формируется в семье и определяется языковой средой, которая в сельской местности характеризуется распространением просторечия, а в городах больше русского языка и частично просторечия.

Как показали наши исследования, несмотря на огромные изменения, которые произошли в языковой ситуации по разные стороны границы в 1990–2000-е гг., языковая специфика пограничного пространства в значительной степени сохраняется. Преобладающая часть жителей районных городов и сельской местности белорусского пограничья обозначили свой разговорный язык как *«смешанный»* или *«простой»*, хотя многие из них в той или иной мере знают литературный белорусский и русский языки. Из бесед с жителями пограничных территорий становится ясно, что они понимают границу литературного белорусского и русского языков и своего разговорного.

> «На чисто белорусском языке у нас разговаривают только учителя белорусского языка» (г. п. Россоны, Вит. о.); «Чисто белорусскую речь мы слышим только по радио и от приезжих лекторов» (д. Холомерье, Городокский р-н, Вит. о.); «Мы, считай, настоящего белорусского языка не знаем. У нас «смешанный» язык. Приезжал как-то из Минска к нам лектор, он чисто по-белорусски разговаривал. А я на чисто белорусском не разговариваю, но сама чисто белоруска» (д. Сапрыновичи, Мстиславский р-н, Мог. обл.). По словам учителей а/г Ленино Добрушского р-на Гомельской обл., «на уроках белорусского языка дети свободно отвечают на белорусском языке, а как только выходят из класса, переходят на местный язык

с употреблением в речи отдельных белорусских и русских слов или на русский язык». «Есть дети в школе, которые говорят между собой чисто по-русски, но нет таких, которые бы чисто разговаривали по-белорусски. Хотя на уроках белорусского языка отвечают на хорошем белорусском» (г. Ветка, Гомель. обл.).

По нашим субъективным оценкам и по мнению учителей местных школ, «*смешанный*» язык населения белорусского пограничья ближе к русскому языку, чем к белорусскому.

По оценке жителей пограничных территорий Беларуси с Россией, белорусским языком свободно владеют около 80% населения, а остальные считают, что белорусский язык им совершенно понятен, но говорить им на нем трудно. Большинство из них полагают, что они свободно владеют и русским языком. Нам приходилось часто слышать от местных жителей среднего и старшего возрастов, что они свободно владеют двумя языками и легко переключаются с одного на другой. Однако результаты наших интервью говорят о том, что в большинстве случаяев речь идет о знании местного говора, который в разных ситуациях может быть ближе к русскому или к белорусскому языкам. В данном случае можно говорить лишь о том, что большинство жителей хорошо понимают эти два языка и могут свободно воспринимать информацию на них. Переезжая в города или в другую местность, жители пограничья относительно легко переходят на язык окружающего их населения. Типичную картину нам представила директор дома культуры г. п. Россоны Витебской области (35 лет):

«Когда я жила в Россонах, я разговаривала так же, как все у нас, на „смешанном“ языке, хотя знала и русский, и белорусский языки, но когда поехала в Витебск учиться, то уже стала стараться разговаривать правильно на русском языке, так как там все говорили по-русски. Сейчас мне часто приходится вести различные мероприятия на белорусском языке, и я легко справляюсь, а в быту я говорю и по-русски и по-белорусски, но чаще по-русски или попростому».

Как уже было сказано, в освоении литературных русского и белорусского языков главную роль играет школа. Однако выбор языка обучения для детей (при наличии возможности) определяется часто подготовленностью их обучаться в русской или белорусской школах, а также шансами в дальнейшем повышать образование на этом языке в высших учебных заведениях. На белорусском пограничье обучение в школах происходит на русском и белорусском языках. В сельской местности большинство школ — с белорусским языком обучения, в городах, в том числе и в районных центрах,

основной язык обучения — русский. Такое разделение типов школ между городом и селом типично для Беларуси и основано на особенностях языковой ситуации в городах и селах. В большей части ВУЗов основной язык обучения — русский, и это является главной причиной сокращения числа белорусских школ и учеников в них. По данным Национального Статистического комитета Республики Беларусь в 2020/2021 учебном году, по сравнению с 2016/2017 годом, доля учащихся средних школ с белорусским языком обучения сократилась на 2,8%, а в школах с русским языком обучения увеличилась на 2,9% и составила 89,7% всех учащихся средних школ страны [Образование 2021: 17].

В 1990-е годы значимость белорусского языка в разных сферах жизни населения Беларуси заметно возросла. В школах, в том числе и русских, уделяется большое внимание изучению белорусского языка, литературы, истории Беларуси и белорусского народа, особенностям белорусской культуры. За эти годы произошли значительные изменения и в отношении к белорусскому языку. Для части населения пограничных территорий становится психологически важным поднять престиж белорусского языка.

> «Мы ведь интеллигентные люди и понимаем, что значит для народа его национальный язык. Разве может народ, не владеющий своим языком, уважать себя? Можно ли вообще говорить о существовании народа, если он не говорит на своем языке? Я сама заканчивала русскую школу, белорусский язык преподавался в небольшом объеме. Сейчас я преподаю в школе и на русском, и на белорусском. Я хочу, чтобы дети знали белорусский язык» (г. Горки, учитель истории и краеведения, 35 лет). «Я не говорю на белорусском языке, но хочу, чтобы мои дети выучили его и знали бы» (г. Городок, продавец, 32 года).

В этой связи представляют интерес данные опросов старшеклассников в русских школах районных центров белорусского пограничья. Это молодое поколение получало образование уже в ситуации повышенного внимания к белорусскому языку и к белорусской культуре. В большинстве своем молодые люди хорошо различают диалектный («смешанный») язык и литературные русский и белорусский. Согласно их оценкам, около 30% семей в пограничных областях дома говорят на «смешанном» языке.

По субъективным оценкам опрошенных нами старшеклассников Витебской, Гомельской и Могилевской областей, почти все они в той или иной мере владеют белорусским языком, а около 80% — свободно. Это подтверждают и их учителя, считая, что в реальности почти все ученики старших классов хорошо знают белорусский язык, свободно читают на этом языке, пишут, свободно отвечают на уроках, но очень немногие ис-

пользуют его в речи при общении с друзьями или с родными. Для учеников русскоязычных школ, по словам педагогов, тексты на белорусском языке не вызывают никаких сложностей, но общаются они между собой чаще всего на русском, нередко с белорусским произношением многих слов, или на местном языке.

Важнейшей составной частью языковой ситуации в Республике Беларусь является русский язык. Тесные языковые контакты с русскими, большое внимание к русскому языку в системе образования, в средствах массовой информации и исторические особенности этой территории, всё это создавало условия для широкого распространения русского языка и двуязычия в коммуникативном пространстве Беларуси, в том числе на пограничной территории, особенно в среде белорусской молодежи [Юйцинь 2021: 188–190].

Русский язык на белорусском пограничье неоднороден, хотя и широко распространен. Уровень владения им варьирует от хорошего литературного (преимущественно у молодежи, у людей с высоким уровнем образования или переселенцев из города) до смешанной речи с преобладанием русской лексики с белорусским акцентом. По оценке подростков, большинство из них (более 80%) свободно владеют русским языком. При этом более половины опрошенных школьников старших классов считают, что русский язык они знают лучше, чем белорусский, а еще около 15% ответили, что они свободно владеют двумя языками. Следует отметить, что по оценкам учителей школ, в разной степени владеют двумя языками почти все подростки и, в зависимости от ситуации и языковой среды, могут говорить на обоих языках.

Согласно переписям населения Республики Беларусь, белорусский и русский языки используются в домашнем общении жителей белорусско-российского пограничья (Таблица 4). Однако следует иметь в виду некоторую условность этих данных, так как в переписях населения вопрос о «*смешанном*» языке не был предусмотрен и, в этой связи, при ответах каждый опрашиваемый относил свой домашний язык к русскому или белорусскому по собственному усмотрению. Надо полагать, что при оценке домашнего языка оказывали влияние личностные характеристики человека и психологический фактор (отношение к языку).

Данные переписей населения свидетельствуют о том, что несмотря на довольно определенную белорусскую идентичность, возрастающую долю белорусов в Республике Беларусь, высокий уровень удовлетворенности своей национальностью и чувство патриотизма, которое постоянно усиливается, обнаруживается слабая корреляция белорусской этнической идентичности и лингвистической ситуации в семье при использовании в ней белорусского языка. Белорусский язык в домашнем общении значительно уступает русскому языку.

Таблица 4. **Соотношение белорусского и русского языков в домашнем общении жителей пограничных областей Республики Беларусь по данным переписей населения (в % к общему числу жителей области)***

Пограничные области	***Год переписи населения и домашние языки***					
	1999		2009		2019	
	бело-русский	русский	бело-русский	русский	бело-русский	русский
Витебская	31,7	67,9	22,4	73,2	12,6	85,0
Гомельская	34,5	85,0	22,6	72,1	14,5	83,3
Могилевская	30,3	69,4	19,6	76,5	25,1	68,2
Республика Беларусь	36,7	62,8	23,4	70,2	26,0	71,4

* [Итоги переписи населения 1999 года, 2000: 136–143; Перепись населения 2009. Том 3: 118; Общая численность, 2020: 44].

Как видно из таблицы 5, в двух пограничных областях (Витебской и Гомельской) русский язык используется в семье в большей степени, чем в целом по Беларуси. При этом в них белорусский язык за 10 лет между переписями населения 2009 и 2019 гг. сократил свои коммуникационные позиции соответственно в 2,1 раза и 1,7 раза. В этих областях более 80% жителей говорят дома на русском языке, что превышает данные по Беларуси в целом более чем на 10%. Из всех трех пограничных областей наиболее белорусскоязычной является Могилевская область, где доля говорящих в семье на белорусском языке близка к средней по Республике Беларусь и составляет 25,1% (в республике в целом 26%). При этом белорусский язык больше сохраняет свои коммуникативные функции в сельской местности (Таблица 5).

Таблица 5. **Соотношение белорусского и русского языков в домашнем общении жителей пограничных областей Республики Беларусь в городах и сельской местности по данным переписи населения 2019 г. (в % к общему числу жителей области)***

Язык домашнего общения	***Пограничные области***						***Республика Беларусь***	
	Витебская		Гомельская		Могилевская			
	город	село	город	село	город	село	город	село
белорусский	6,6	32,7	9,6	30,5	22,6	34,4	21,3	42,1
русский	90,6	66,0	88,1	67,5	70,0	61,5	75,9	55,8

*[Общая численность 2020: 44].

Как показали данные переписи населения 2019 г., в пограничных областях русский язык используется в семьях в большей степени, чем в целом по Беларуси, и преобладает во всех пограничных областях. Белорусский

язык больше сохраняется в сельской местности, где более трети жителей в семьях разговаривают на нем (см. Табл. 5). Русский язык занимает лидирующее положение на всех пограничных территориях, но явно преобладает в городах. Таким образом, основной парадокс современной языковой ситуации в Беларуси заключается в том, что язык национального большинства не является преимущественным языком общения. Широко распространенное русскоязычие в Республике Беларусь — явление уникальное для постсоветского мира.

Родной язык. Важным показателем лингвистической идентичности является родной язык. Как подтверждают результаты опросов, проведенных среди старшеклассников на белорусском и русском пограничьях, родной язык для многих из них является символом, подтверждающим этническую принадлежность, и нередко мало связан с реальным языковым поведением. Действительно, этническая идентичность обусловлена не столько реальным использованием языка всеми членами группы, сколько его символической ролью в формировании чувства родственности с группой и одновременно в межгрупповой дифференциации.

Перепись населения подтверждает важную роль родного языка в жизни жителей пограничья. Однако если 97% русских в Беларуси считают родным русский язык, то для значительной части белорусов белорусский язык не выполняет символическую функцию, его назвали родным лишь 61,2% белорусов и 2,1% жителей других национальностей. Обращает на себя внимание тот факт, что роль белорусского языка как символа белорусского народа за 10 лет между переписями населения выросла незначительно — в 2009 году белорусский назвали родным 60,8% белорусов страны, а в 2019 году — 61,2%, а 38,1% считают родным русский язык. Вместе с этим белорусский язык выполняет роль родного для 54,5% поляков, для 2.9% русских, для 11,5% евреев, но 35,1% жителей разных национальностей Беларуси (исключая русских) назвали родным русский язык.

Таблица 6. **Соотношение белорусского и русского языков при выборе родного языка (% от общего числа жителей)**

Год переписи и родные языки	*Пограничные области*			Республика Беларусь
	Витебская	Гомельская	Могилевская	
2009 год				
Белорусский	52,5	54,6	55,1	53,2
Русский	44,2	41,8	41,9	41,5
2019 год				
Белорусский	45,3	47,0	46,1	54,1
Русский	51,6	50,0	46,6	42,3

Из всех 5094928 жителей Беларуси, назвавших белорусский язык родным, 96% составили белорусы и 4% — представители других национальностей. Русский язык назвали родным 3983765 жителей Беларуси, что в 5,6 раза больше, чем численность собственно русских (706992 человек). Данный феномен дает основание считать, что на территории Беларуси родной язык как базовый признак национально-культурной идентичности выполняет функцию межэтнической культурной интеграции на основе русского языка.

Таким образом, на белорусском пограничье вектор развития лингвистических процессов направлен на усиление значимости русского языка не только как разговорного (главным образом в семье), но и как символа белорусской идентичности. На исследуемом пространстве наблюдаются не только изменение реальной языковой практики, но и сдвиги в восприятии языка. В целом, обозначена тенденция, когда «родной язык» всё больше идентифицируется с реальным языком повседневного бытового общения, а не с этнической принадлежностью. Формула «белорусский язык — родной язык белорусов» является актуальной лишь для части белорусов, а многие русскоязычные белорусы, с раннего детства использующие русский язык в качестве основного средства общения, именно его, а не белорусский, указывают в качестве родного. Русский язык является для белорусов не просто государственным языком, а основным и родным. В современном белорусском обществе русский язык выполняет позитивную роль в деле всестороннего информирования населения. Вместе с этим сравнение сведений о реальном использовании языков в семье и статистических данных о родном языке подтверждает высказанное мнение о том, что родной язык в большей степени связан с его символической для этнической идентичности ролью, чем с речевым поведением.

Языковая ситуация на российском пограничье

В отличие от белорусского пограничья, на всем российском пограничье жители пользуются двумя языками — литературным русским и специфическими говорами, которые часто имеют общие черты с местными говорами белорусского пограничья. Многие российские лингвисты отмечали, что пограничные с Беларусью территории России представляют очень сложный по языку ареал с присутствием в речи жителей черт белорусского языка. Так, например, еще в XIX в., по мнению Афанасия Шафонского, на территории, включающей части некоторых уездов российского и украинского пограничья — Новгород-Северского, Мглинского, Стародубского, Суражского, Новомеского (позже — Новозыбковский), Городницкого, части Глуховского, Кролецкого, Сосницкого, жители «имеют такой же выговор, как в Белоруссии и Литве, и сия полоса принадлежит к Полесью, которую степные обыватели Литвою называют» [Топографическое 1851: 24].

Взгляд лингвистов на местный язык. Согласно исследованиям российских лингвистов, с ареалом белорусского языка граничат говоры западной группы южнорусского наречия, называемые также смоленскими говорами. Они распространены со стороны российского пограничья в западной части Смоленской области, центральной части Брянской области и южной части Псковской области. Говоры Западной группы являются единственными из русских говоров, которые граничат с ареалом белорусского языка. [Шаульский 2005: 3]. Они характеризуются рядом общих диалектных черт с соседними северо-восточными белорусскими говорами.

По другую сторону границы, в Белоруссии, в разговорном языке местного населения лингвисты выделяют два крупных диалекта белорусского языка: северо-восточный (Витебская обл., северо-восток и центральная часть Могилевской обл.) и юго-западный (юг Гомельской, юг Минской и Гродненская области) с переходной полосой среднебелорусских говоров (юго-запад Могилевской, север Гродненской и центр Минской областей) [Этнаграфія 1989: 187–190].

Лингвистическое пространство на границе русского и белорусского языков характеризуется наличием общих фонетических и грамматических явлений по обе стороны границы. Кроме того, ряд черт, свойственных в основном русскому языку, распространены и на пограничной территории Беларуси, а черты, типичные для белорусского языка, распространены на территории России. Ареалы этих языковых черт, частично перекрывая друг друга, образуют широкую полосу переходных говоров, сочетающих черты обоих языков [Диалектологический 1986: 5–9]. Как показали исследования лингвистов, между западной группой говоров русского языка и белорусскими говорами четкие границы отсутствуют, и в этом случае разграничение говоров западной группы русского языка (его южного наречия) и соседних с ними белорусских говоров затруднено [Диалектологический 1986: 163–164].

Таким образом, одни и те же черты на смежной территории Беларуси и России стали компонентами разных языковых систем — белорусской и русской, и потому не могут считаться чертами, характерными преимущественно для одного из этих языков. На этом основании исследователями диалектного членения русского языка была проведена граница между белорусским и русским языком (а следовательно, и граница западной группы говоров) по линии государственной границы. Тем не менее особо отмечается наличие типично белорусских черт в узкой полосе вдоль границы Беларуси с западной Смоленщиной [Захарова 2004: 34–35].

Сходство языковой ситуации на сопредельных приграничных территориях России и Беларуси подтверждают и исследования российских лингвистов И. А. Букринской и О. Е. Кармаковой, которые выделили городокско-невельский диалект, объединяющий говоры жителей погра-

ничного пространства Витебской области (Городокский и часть Полоцкого р-нов) с Псковской обл. (Себежский, Невельский и Усвятский р-ны), а также частью Велижского р-на Смоленской обл. Опираясь на материалы проведенных исследований, авторы отмечают, что: «Лингвогеографический анализ городокско-невельского диалекта показывает несовпадение лингвистических и государственных границ; изучаемые пограничные говоры обладают целым комплексом общезападных черт, которые объединяют псковские, смоленские, частично брянские, витебские, могилевские говоры» [Букринская, Кармакова 2007: 61]. Единство смоленско-витебского пограничного пространства подтверждается исследованиями топонимики Евсеевой О. С. [Евсеева 2015: 145].

Язык коммуникаций. В отличие от лингвистов, для этнологов важным является изучение соотношения лингвистической и этнической идентичностей у жителей пограничья, восприятие языка коммуникаций как «своего» или «чужого».

Еще в начале XX в. на всем белорусско-российском пограничном пространстве специфический (или «смешанный») говор жителей был основным языком общения. Этот язык не был единым — в одних населенных пунктах он был ближе к русскому, в других — к белорусскому. Это отмечают многие жители российского пограничья.

> «Считаю, что на пограничье язык всегда был «смешанный». В нем было много русских, белорусских и польских слов. В России в языке было больше русских слов, в Белоруссии — белорусских. Мы очень хорошо понимаем друг друга» (учитель истории, г. Горки, Могилев. обл.).

Несмотря на огромные изменения, которые произошли в языковой ситуации по разные стороны границы в 1900–2000-е гг., языковая специфика этого пространства в значительной степени сохраняется, хотя постепенно сокращается ареал распространения местных говоров, а сам язык становится ближе к русскому литературному. Эти изменения происходили постоянно, их отмечал в своей работе П. А. Расторгуев еще в середине XX века: «Смоленские говоры сегодня явно тяготеют к русскому литературному языку и находятся накануне утраты целого ряда специфических черт» [Расторгуев 1960: 184]. Вопреки влиянию литературного русского языка (преподавание в школах, радио и телепередачи, постоянные поездки в города, миграционная подвижность), многие особенности языка коммуникаций в сельской местности и в небольших городах в какой-то мере сохраняются, хотя и в меньшей степени, чем на белорусском пограничье. По нашим наблюдениям, в современной речи жителей пограничных тер-

риторий России белорусский компонент остается довольно заметным, особенно в сельской местности. Например, жители многих деревень Красногорского и Гордеевского р-нов Брянской обл., пограничных с Беларусью, включают в свою речь лексику белорусского языка: *услон* — скамеечка, *бульба* — картошка, *цыбуля* — лук, *павярнуць* — повернуть, *снеданне* — завтрак, *утирка* — полотенце, *мостницы* — половицы, *прясло* — изгородь вокруг дома (обычно из лозы) и другие, которые распространены также и в Беларуси (Записано во время экспедиции в Красногорском и Гордеевском р-нах Брянск. обл. в 2012 г.). А некоторые жители Невельского и Усвятского районов Псковской области, в основном старше 70 лет, и сейчас употребляют такие обороты речи:

> «А сёдни каща такая укусная удалась»; «Чи ты пойдзеш сёдни у магазин?» или «Каго ты завтрево в агароде делать будеш?»; «Какой ето сёдни праздник, что усе гуляюць?». Включают в свою речь и такие слова, как: згарода (забор), испотка (варежка), дланки (рукавицы), намедни (на днях), чуть (слышать) и другие» (Записано автором во время экспедиции 2018 года).

В отдельных районах эти говоры еще очень сильны и отличаются от разговорного языка остального населения областей. Это становится очевидным, когда жители пограничных районов оказываются в другом окружении. Так, например, жители с. Заборье Красногорского р-на Брянской обл., пострадавшие от аварии на Чернобыльской АЭС и в связи с этим переселенные в Жуковский р-н (30–40 км от Брянска), оказались в иной языковой среде. По их рассказам и рассказам местных жителей, первое время возникали трудности при общении между ними, практически — языковой барьер. И сейчас, после 20 лет совместного проживания, старшее поколение переселенцев в речи пользуется лексикой, бытовавшей в с. Заборье. Вместе с этим, следует отметить, что за эти годы произошло сглаживание языковых различий у приезжих и местных, преобладание в речи, особенно у молодых людей, русского языка, близкого к литературным нормам. Диалектные слова знают лишь те молодые люди, у которых в семье живут бабушки или дедушки.

Распространение специфического говора в современных семьях на территориях российского пограничья создает определенные сложности для школьников младших классов и учителей. По словам экспертов, в роли которых выступали учителя местных школ,

> «дети имеют большие проблемы с языком в начальной школе. В семьях разговаривают на местном говоре, в котором перемешаны белорусские и русские слова и проявляется специфическое

произношение. Дети в школе часто как говорят, так и пишут. Только к седьмому или восьмому классу они усваивают правильный русский язык» (д. Любовшо, Брянск. обл). «Мне как учительнице русского языка приходится очень трудно, дети в начальной школе говорят больше по-своему» (Руднянский р-н, Смол. обл.).

Согласно результатам наших исследований, существуют различия между российским и белорусским пограничьем в идентификации своего разговорного языка и в реальном использовании языков в жизни. Как было отмечено выше, большинство жителей пограничных районов с белорусской стороны называет специфический местный говор «смешанный» язык. На российском пограничье так называют свой разговорный язык лишь около 7% жителей, а у большинства жителей лингвистическая идентичность связана с этнической принадлежностью (свой разговорный язык называют «русским языком»), а в некоторых районах связывают с местом жительства, своим поселком или деревней. Например, по субъективным оценкам жителей Брянского пограничья, они в своих населенных пунктах разговаривают «по-коржаковски», «по-суражски», «по-голубовски». Эта локальная лингвистическая идентичность практически не встречается на смоленском и на псковском пограничье, а также на пограничных территориях Витебской, Могилевской и Гомельской обл. В то же время часто жители пограничных районов по обе стороны границы называют свой разговорный язык — «наш язык» или подчеркивают: «Мы говорим по-нашему».

На всей территории российского пограничья чаще всего специфический местный говор идентифицируется с русским языком, но в то же время местное население в какой-то степени осознает отличительные особенности своего разговорного языка от русского литературного языка:

«Мы говорим по-русски, но наш разговорный язык отличается, так как мы живем на границе с Беларусью, и в речи есть акцент и слова белорусские» (д. Мерлино, Краснинский р-н, Смоленск. обл.); «Свой местный язык мы называем русский, хотя он отличается от русского языка, на котором разговаривают в городе. У нас другая манера говорить, есть акцент» (д. Гоголевка, Монастырщинский р-н, Смоленск. обл.); «Мы отличаемся по разговору от других районов. По разговору нас часто в Смоленске принимают за белорусов» (г. Хиславичи, Хиславичский р-н, Смоленск. обл.); «Когда мы или наши дети попадают в г, Брянск или другие города, нас часто принимают за белорусов» (с. Гордеевка Брянск. обл.).

Таким образом, называемый русским языком специфический говор в большей степени соотносится с русской идентичностью, чем с регио-

нальной — человека пограничья. Некоторое несовпадение между языком декларируемым и реальным разговорным связано, прежде всего, с довольно выраженной символической функцией русского языка для жителей пограничных районов России.

С ростом образования речь молодых людей приближается к литературному русскому языку.

> «У нас здесь жители говорят по-местному, а наши дети уже больше по-городскому, правильно»; «Дети из Клинцовского района говорят чище, чем Красногорские дети»; «Наши дети, выросшие в г. Хиславичи, но которые учились в Смоленске, они разговаривают уже более правильно по-русски»; «Наши дети учились и жили в Пскове. Они говорят уже на чисто русском языке» (д. Глембочино, Себежский р-н, Псков. обл.).

Некоторое участие в языковой ситуации российского пограничья принимает и белорусский язык. Однако он не используется в коммуникациях, и роль его пассивная. Почти во всех российских пограничных районах имеется возможность смотреть белорусское телевидение. Опираясь на информацию, полученную из интервью с жителями этих районов, можно утверждать, что в целом белорусский язык они понимают, за исключением отдельных слов. По субъективным оценкам жителей российского пограничья, белорусский язык каждому второму понятен, хотя на нем они не говорят. Тем не менее пассивное владение белорусским языком дает возможность жителям российского пограничья воспринимать информацию на нем.

Надо полагать, что в действительности языкового барьера у жителей изучаемого пространства не существует. «*Мы часто ездили в Белоруссию, они говорят так же, как и мы, у нас не было проблем с языком*» (с. Заборье, Красногорский р-н, Брянск. обл.). Многие информаторы отмечали полное взаимопонимание между жителями русских и белорусских деревень. Показателен тот факт, что во времена СССР в некоторых местах в средних школах (в а/г Ляды Дубровенского района Витебск. обл и п. Езерище Городокского района Витебск. обл.) учились дети из соседних русских деревень. По утверждению учителей, ученики не испытывали особых трудностей с языком.

Родной язык. Русский язык является действительно значимым критерием русской идентичности на российском пограничье. Он выполняет как коммуникативную роль, так и символическую функцию. Практически все опрошенные назвали его родным и считают, что в быту разговаривают именно на русском языке. Подавляющее большинство, независимо от на-

циональности, свободно владеет русским. При этом чаще всего речь идет о языке, близком к его литературным нормам.

Таким образом, языковая ситуация на изучаемом пространстве в разных государствах имеет как сходство, так и различия. Государственные границы включают пограничные территории в языковые процессы, которые имеют свои особенности в каждой из стран. Тем не менее к настоящему времени еще сохраняется полоса смешанных и переходных говоров на границе между странами, так же как и сохраняется переходное этнокультурное пространство, имеющее больше сходства, чем различий по разные стороны границы.

Выводы

Проведенные исследования по обе стороны границы между Российской Федерацией и Республикой Беларусь позволяют утверждать, что этнокультурные характеристики белорусов и русских, которые очень сходны на всем пограничном пространстве, практически не участвуют в формировании этнической идентичности, а основанием для отнесения себя к русским или белорусам чаще всего становится принадлежность к тому или иному государству (где люди родились или живут) и языковые особенности. Кроме того, на этой территории усиливается и укрепляется значимость гражданской идентичности. Гражданскую идентичность определяет государственная граница. Именно она устанавливает принципиальный водораздел в этом особом культурном пространстве белорусско-российского пограничья. Конкретное государство во всем многообразии внутренних связей его политической системы, с его ориентированной на собственные приоритеты национальной и языковой политикой, единым коммуникативно-информационным пространством выполняет главную интегрирующую функцию, задает тон в складывании системы идентичностей и приоритетов его граждан. По нашим наблюдениям и по данным исследования, факт проживания в конкретной стране и принадлежность к определенному гражданскому сообществу становится наиболее важным (среди прочих) критерием для жителей пограничных территорий.

Вместе с этим, особая роль в формировании идентичности предназначена языковой ситуации на пограничном пространстве двух стран, которая имеет как общие черты, так и отличающие. Общим является распространение по обе стороны границы специфического говора, называемого жителями «смешанным» языком. Отличие состоит в объеме используемой русской и белорусской лексики. Проведенное исследование лингвистической ситуации по обе стороны границы позволило нам прийти к следующим выводам:

1. На белорусском пограничье жизнеспособность переходных говоров («смешанного» языка) оказалась более высокой. Они сохранились на этой территории в значительно большем объеме, чем в России.
2. Анализируемый материал выявляет на российском пограничье ярко выраженную тенденцию перехода молодежи в речевой практике от диалектных форм русского языка к литературному русскому языку, а на белорусском пограничье в речевой практике — к литературному русскому и к возрастанию знания белорусского языка.
3. Вектор развития языковых процессов на белорусском пограничье направлен на усиление роли русского языка не только в речевой практике, но и при выборе ответов о родном языке.
4. Интенсивность переходов к литературным нормам русского языка более выражена на российском пограничье, чем на белорусском.

Источники и материалы

Белстат 2020 — Белстат. Статистический бюллетень. Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь. Минск: Белстат, 2020.

Белстат 2010 — Белстат. Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. Население отдельных национальностей по полу и возрасту. Бюллетень. Минск: Белстат, 2010.

ВПН 2005 — Всероссийская перепись населения 2002 года: Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ. Т 4. Табл 3. М., 2005. Электронный ресурс. URL:: pub-04–03.pdf (gks.ru) (дата обращения: 10.10.2021).

ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4. Население по национальному составу и владению языками по субъектам Российской Федерации. С. 30, 45, 65. Электронный ресурс. URL: pub-04–04.pdf (gks.ru) (дата обращения: 10.10.2021).

Демоскоп 1989 — Демоскоп. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России: Брянская область, Псковская область, Смоленская область. Электронный ресурс. URL: Демоскоп Weekly — Приложение. Справочник статистических показателей. (demoscope.ru). (дата обращения: 10.10.2021).

Итоги переписи 2000 — Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Население республики Беларусь. Статистический сборник. Т. 3. Минск: Белстат, 2000.

Образование 2021 — Образование в Республике Беларусь. Буклет. Минск: Белстат, 2021.

Общая численность 2020 — Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь. Статистический бюллетень. Минск: Белстат, 2020.

Топографическое описание 1851 — Топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малыя России, сочиненное действительным статским советником и кавалером Афанасием Шафонским. Киев: б/и., 1851.

Научная литература

Аванесова Р. И., Бромлей С. В. (ред.). 1986. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I: Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. М.: Наука.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. 2007. Лексическое своеобразие переходных говоров (Псковские и Витебские говоры) // Культура народов Причерноморья. № 101. С. 59–62.

Буховец О., Буев А. 2018. Государственный билингвизм. Положение русских и русскоязычных в Республике Беларусь // Современная Европа. № 3. С. 71–82.

Григорьева Р. А. (ред.). 2018. Этнокультурный ландшафт белорусско-российского пограничья в начале XXI в. (по материалам полевых исследований в сельской местности). М: ИЭА РАН.

Григорьева Р. А. (отв.ред.). 2020. Граница, идентичность, культура: этнография белорусско-российского пограничья / Отв.ред. Р. А. Григорьева и др. Москва: ИЭА РАН.

Дробижева Л. М. (рук.) 2013. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта Л. М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия.

Евсеева О. С. 2015. Топонимия смоленско-витебского приграничья: Структурно-семантический аспект: Дис. … канд. филолог. наук. Смоленск: Смоленский государственный университет.

Захарова К. С., Орлова В. Г. 2004. Диалектное членение русского языка. М: Едиториал УРСС.

Кабузан В. М. 1990. Народы России в XVIII веке. М.: Наука.

Мечковская Н. Б. 2018. Белорусская «трасянка» как яблоко раздора и как оселок метода // Русский язык в научном освещении. № 1 (35).

Расторгуев П. А. 1960. Говоры на территории Смоленщины. М.: Издательство Академии наук СССР.

Шаульский Е. В., Князев С. В. 2005. Русская диалектология. Фонетика. М.: МГУ.

Шамякін и др.(ред.). 1989. Этнаграфія Беларусі, Энцыклапедыя. Рэд. П. Шамякін [и др.]. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя.

Юйцинь Пань, Лукашанец А. А. 2021. Динамика языковой ситуации в Беларуси и белорусский язык в мире в контексте инициативы «один пояс и один путь» // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. Т. 66, № 2.

Глава 16. ЯЗЫКОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЙ МИГРАНТОВ В ГРЕЦИИ

В 2021 г., 16 мая, в Греции для претендентов на получение гражданства страны впервые прошли письменные экзамены, которые прежде ограничивались устными испытаниями на знание языка, истории и культуры страны [Immigrant Invest 2021]. Следовательно, можно говорить о том, что с 2021 г. в понимании официальных институций греческого государства язык из категории необходимого, но инструментария, переходит в один из основных, если не основной критерий получения гражданства Греции. Современные изменения в отношении языка и языковых компетенций новых граждан позволяют рассмотреть обсуждение этой темы как весьма актуальное для греческого сообщества.

При прочтении новых и измененных статей «Кодекса о греческом гражданстве», касающихся натурализации и получения гражданства, становится очевидным, что законодательство предполагает две основные группы претендентов на получение этого статуса, требования к которым различаются. Так, в пункте 1α и 1β статьи 3 «Основные условия натурализации» [Νόμος 2020], в поправках к статье 5α «Кодекса о греческом гражданстве» [Idem.] определяется, что иностранец, желающий стать гражданином Греции путем натурализации, должен (1α) «В достаточной степени знать греческий язык, чтобы выполнять обязанности, вытекающие из статуса гражданина Греции»; (1β) «Знать в достаточной степени греческую историю и географию, греческую культуру и обычаи греческого народа, а также особенности работы институций греческого государства»[108] [Idem.].

Важным пояснением к вышеуказанной статье является «Поправка к статье 7 Кодекса о греческом гражданстве» [Άρθρο 7]. Для его рассмотрения необходимо обсудить используемый законодателем термин

---

108 «1. Ο αλλοδαπός που επιθυμεί να γίνει Έλληνας πολίτης με πολιτογράφηση πρέπει, πέραν των προϋποθέσεων του άρθρου 5: α. Να γνωρίζει επαρκώς την ελληνική γλώσσα, ώστε να εκπληρώνει τις υποχρεώσεις που απορρέουν από την ιδιότητα του Έλληνα πολίτη. β. Να γνωρίζει επαρκώς την ελληνική ιστορία και γεωγραφία, τον ελληνικό πολιτισμό και τις συνήθειες του ελληνικού λαού, καθώς και τον τρόπο λειτουργίας των θεσμών του πολιτεύματος της Χώρας».

«ομογενής» (*омоенис*[109], дословно «сородич», то есть принадлежащий к одному роду), который обозначает историческую категорию грека вне зависимости от территории проживания. В пункте 8 указанной статьи говорится, что «иностранцы греческого происхождения (οι ομογενείς), которые имеют вид на жительство в статусе *омоенис* и претендуют на натурализацию как проживающие в стране, освобождаются от пояснения пунктов α и β статьи 5А» [Άρθρο 7] (Οι ομογενείς αλλοδαποί που είναι κάτοχοι τίτλου διαμονής ομογενούς και αιτούνται την πολιτογράφησή τους ως διαμένοντες στη Χώρα, απαλλάσσονται από τη διακρίβωση της συνδρομής των προϋποθέσεων που προβλέπονται στις περ. α΄ και β΄ του άρθρου 5Α). Следовательно, эта группа будущих граждан страны освобождается от необходимости сдавать какие-либо экзамены, в том числе и обязательные письменные испытания по культуре Греции и греческому языку.

Исходя из вышесказанного, законодательство греческого государства отвечает на запросы времени, поскольку Греция актуально является одним из привлекательных направлений миграционных потоков. При этом следует отметить, что в начале XX века эта балканская страна уже становилась центром большой иммиграционной волны. В настоящее время исходные локации переселенческих групп различны, наиболее существенными являются направления из Албании, Болгарии, постсоветского пространства и др. Между тем, основное внимание здесь будет сконцентрировано на двух волнах переселения этнических греков и армян в XX и XXI в., при этом актуальные потоки арабо-турецкого и восточноевропейского направлений в данном случае рассматриваться не будут. Причины нашего интереса к вышеуказанным сообществам заключаются в аналогиях исторических судеб этих групп, в географически близкой локации исхода и некоторой эмпатии, проявляемой или хотя бы декларируемой этими сообществами друг к другу.

Основными материалами для нашего исследования послужили интервью и данные включенного наблюдения во время экспедиций в Грецию [ПМА 2007, 2016].

Первая волна[110] переселенцев, армян и греков, происходила из Османской империи и Республики Турция. В этот период основные потоки пере-

---

109 Этот термин мы полагаем переводить как «(персона) греческого происхождения», или оставлять без перевода, используя греческую лексему.

110 Говоря о первой волне, необходимо уточнить, что в нее мы включаем также переселившихся в 1950-х-1980-х гг. уже из республиканской Турции. Согласно Лозаннскому мирному договору 1923 г., при обмене населением между Грецией и Турцией переселения избежали турки-мусульмане во Фракии и Восточной Румелии, а греки — в Стамбуле. Однако позже греческое население покинуло Стамбул, в котором остался лишь один греческий район — Фанар, в границах греческой патриархии без светского населения.

селенцев были из Малой Азии, включая Константинополь[111], и южного побережья Черного моря (исторический Понтос). Во второй волне основные потоки исходили из Грузии, Абхазии, Армении, Казахстана и частично из Мариупольской области Украины. Следует отметить, что наименьшей по численности группой оставшихся в Греции переселенцев оказались греки из Приазовья несмотря на то, что в 1990-х гг. большое число греческого населения, особенно женского, приезжали в Грецию на заработки.

Две рассматриваемые миграционные группы (греки и армяне) декларируют различное отношение к себе со стороны сообщества реципиента, то есть государства и жителей балканской Греции. При этом разница отношения к ним ощущается переселенцами с момента приезда и, в некотором смысле, связана с языком. Вопросы, касающиеся языковых компетенций, будут рассмотрены ниже, здесь же мы хотим отметить, что общим местом в интервью армянских информантов является характеристика Греции в целом и греков в частности, как страны и народа, исключающих негативные проявления по отношению к армянскому сообществу. Это отличается от восприятия переселенцев-греков, которые в текстах интервью проявляли некоторое недовольство принимающим сообществом. Данное различие в восприятии связано, как нам кажется, с тем, что греки, в отличие от армян, воспринимают новую страну как свою и позволяют себе иметь ряд требований как к государству, так и к местному греческому сообществу. С другой стороны, в балканской греческой среде также сформировалось представление о греках-переселенцах как об отличных от них, «других греках», что, несомненно, связано с различиями в поведенческой культуре и в языковых компетенциях.

Для нас основными исследовательскими вопросами являются: 1. С чем связаны мотивация, скорость и качество изучения стандартного греческого языка; 2. Каковы причины медленного освоения языка в определенных группах; 3. Связано ли желание освоения или не освоения языка с предыдущими и актуальными социальными статусами мигрантов и их стратегиями в греческом государстве.

Базовые идиомы переселенцев весьма различны, уровни знания какого-либо варианта греческого языка до переселения также отличаются. Для первой волны миграции были характерны знание турецкого (вне зависимости от того, греки это или армяне), частично греческого или армянского языков. При этом была и большая группа тюркофонов, не говорящих на греческом или армянском. В данной волне было много малолетних детей, в том числе и в сиротских домах, которые учились говорить уже в Греции.

---

[111] 28 марта 1930 года турецкими властями было предписано использовать только турецкий вариант названия «Стамбул».

После заключения Лозаннского договора 1923 гг. большинство греков, а также армяне, были поселены в Афинах, Салониках, а также на севере Греции, в частности, во Фракии и Македонии. Согласно стратегии государства, как указывают информанты, армяне не получали возможность стать собственниками земли и могли селиться только в городах (Sal_13a, b_Patrik, 1954 г. р.). С другой стороны, константинопольские греки, имевшие право на земельную собственность, также предпочитали проживание в крупных городах. Таким образом, понтийские греки оказались наиболее крупной группой переселенцев, которые легитимно имели право проживания в сельской местности различных областей страны (Sal_14_otec_ Antonisa), где и образовались компактные поселения понтийцев, ставших как сельскими, так и, в меньшей степени, городскими жителями.

Вплоть до начала XXI века представители константинопольской общины и даже некоторые их потомки ощущали и декларировали свой особый высокий статус, связанный с внутриобщинной памятью о городе, откуда они были родом. Важной составляющей локальной идентичности было двуязычие — эмигрировавшие греки-константинопольцы владели и греческим, и турецким языками. Уже в Греции эти языки получили свое определенное место в лингвистической практике повседневности. С одной стороны, диалектный вариант турецкого в балканской среде стал «секретным языком» константинопольцев, а с другой, — греческий язык стал основным языком коммуникаций. В свою очередь, диалектные особенности употребляемого греческого идиома не только дифференцировали различные группы переселенцев, но и для выходцев из Константинополя стали важным маркером локальной памяти, сохранявшимся внутри сообщества посредством многочисленных, в том числе и курьезных, историй, в текстах которых фигурировала диалектная игра слов.

По воспоминаниям информантов, по прошествии ряда лет после переселения, когда константинопольская община стала более или менее многочисленной, приобрели популярность языковые анекдоты, возникавшие из-за греко-турецкого двуязычия переселенцев. Они возникали по причине того, что представители этой общины в недостаточной степени владели актуальным афинским вариантом греческого языка и иногда просто калькировали турецкие фразы, которые они привыкли использовать в повседневности.

Героями указанных ироничных рассказов часто становились старые люди. Это связано с тем обстоятельством, что данная группа менее мобильна в освоении нового, в частности языка, а с другой стороны, возраст героев делал их теми, кто персонифицировал связь между константинопольским прошлым и афинским настоящим общины. Отметим также, что в большинстве случаев речь в текстах идет не о мужчинах, которые были более мобильны и связаны с внешней, в данном случае греческой, средой,

а о «домашних» старых женщинах, традиционно мало контактировавших с окружающим внедомашним миром, но, по стечению обстоятельств, столкнувшихся с ним. Так, например, в нарратив информанта (ок. 60 лет, родился в Стамбуле, окончил престижную школу Зографу, служил в турецкой армии, переехал в 1984 г.) включен следующий анекдот: «Пожилая женщина спрашивает у водителя автобуса: «В котором часу поднимается автобус?», мы так говорили по-турецки: «Otobüs ne zaman kalkıcak». «Kalkmak» означает подниматься, и многие из нас говорили шоферу «в котором часу поднимается автобус?», а (местный) шофер отвечал: «Когда ему захочется!». В данном тексте демонстрируется двусмысленная игра слов, которая может быть понятна только тем, кто компетентен в афинском варианте греческого языка, то есть шоферу и рассказчику, и непонятна старухе, героине анекдота. Между тем, в рассказе ощущается очевидная симпатия автора к пожилой наивной и чистой женщине, которая противопоставляется грубому, невоспитанному водителю автобуса.

В ряде семейств сохранялись тексты в жанре внутрифамильной легенды, связанные с языковыми компетенциями пожилых людей. Через употребление тех или иных языковых форм и лексики структурируется ретроспектива истории семьи и передается представление о ее происхождении. В частности, таковым является нарратив, сохранившийся в одной из семей переселенцев из Малой Азии. В таком жанре представляется рассказ информантки (62 года, переехала в Афины в 1974 г.), которая родилась в Стамбуле, где окончила женский лицей Заппио. Ее родители происходили из Каппадокии, их семьи переехали в Константинополь во второй половине XIX в. и поселились в районе Фанари, то есть стали так называемыми «новыми фанариотами». Будучи из семьи торговцев, сама информантка работала служащей в греческой авиакомпании, то есть имела весьма престижную, статусную работу. В ее воспоминаниях в лексике пожилых женщин присутствовало значительное количество тюркизмов, что обыгрывается в следующем тексте информантки: «Это было странно, потому что моя бабушка, вместо того, чтобы сказать «святые отцы», говорила «aziz pateraslar». Далее информантка считает необходимым пояснить, что слово «pateras» (πατέρας) греческое, а «aziz» — турецкое. Данный пример интересен тем, что демонстрирует межпоколенческие отношения, при которых молодое поколение является более компетентным в актуальном языке. Между тем, в данном случае языковые «ошибки» воспринимаются не как повод для смущения искажением языка, а как основание для гордости, поскольку в представлении информантки двойная форма фразы была знаком широкого кругозора билингвов, происходивших из городов, которые исторически были богаче мест их актуального проживания.

Языковые компетенции в нарративах могут также демонстрировать фамильный и личный высокий статус, который отражается, например,

в тексте информантки (ок. 70 лет), родившейся в Стамбуле и переехавшей в Афины в 1962 г. Ее семья проживала в районе Чаталджа, в Афинах информантка жила в районе Каллитеа и работала модисткой. В своих воспоминаниях она приводит рассказ о разговоре бабушки с ее турецкой служанкой. Фразы гречанки-госпожи состояли из сочетания греческих и турецких слов, например: «bu *kareklayı* al, *kuzinaya* gönder» (возьми *стул* и отнеси его на *кухню*), и служанка должна была понимать этот смешанный язык. Здесь очевиден акцент на статусы госпожи-гречанки и служанки-турчанки на фоне ностальгической гордости рассказчика, демонстрирующего через примеры использования языков проявление социальных статусов действующих лиц рассказа.

Константинопольцы, как и другие эмигранты, прибывавшие в балканскую Грецию, в подавляющем большинстве начинали жизнь с нуля. Свою принадлежность к символической столице греческого мира они могли демонстрировать зачастую только сохраненными нематериальными ресурсами, среди которых был язык. Свою элитарность они обосновывали широтой использования древнегреческих слов в лексике, которые конкурировали с заимствованиями, по их мнению, принадлежавшими к низкому стилю. В частности, для обозначения губки для мытья посуды в сообществе предпочиталось использовать термин «пинакоплитис» (πινακοπλύτης) от древнегреческих слов πίναξ (табличка) и πλένω (мыть), не существовавший в афинском языковом варианте. С другой стороны, рафинированность данного сообщества декларировалась использованием в бытовой лексике престижных французских слов. При этом как будто бы французский термин облагораживал обозначаемое явление. Так, например, использовалось слово cure-dent для понятия «зубочистки», что близко к процессу эвфемизации в языковом поле. Несомненно, обращение к французскому диктовалось тем престижем, которым обладал этот язык в Османской империи, будучи языком элит.

Обсуждая бытовой, повседневный язык константинопольского сообщества, не стоит забывать о печатных текстах на этом диалекте. Публикации текстов позволяли продлить использование этого идиома, который постепенно исчезал из разговорной речи. Таким инструментом сохранения локального языка стал созданный во второй половине XX века константинопольский литературный журнал, политика которого была направлена на сохранение чистоты диалекта, по каковой причине туда не принимались к печати тексты за авторством неконстантинопольцев.

Еще одной группой репатриантов в Грецию являются понтийские греки или понтийцы, выходцы с юго-восточных берегов Черного моря. Данная группа, сохранившая греческую идентичность и православное вероисповедание, при переселении разделялась на тюркофонов и эллинофонов. Процесс перехода представителей первой миграционной

волны (начало XX в.) на стандартный балканский греческий язык в настоящее время завершился. Стандартизации и нивелированию греческого языка в сообществе способствовали государственные институции, в частности, общеобразовательные школы. Следует также отметить, что представители этой волны являлись, в основном, сельскими жителями, которые жили компактно, а индивидуальные контакты за пределами общины были опосредованы.

Прослеживаются исторические параллели данной локальной греческой группы с армянами-переселенцами двух волн. Армяне, как и понтийцы, прибывали в Грецию как в начале XX века, так и в конце столетия. Изучая эти крупные группы, армянскую и понтийскую, можно сравнить историю развития общин, сопоставить степень их интеграции в принимающее сообщество балканских греков. Так, структура диаспоральных сообществ общин, сформировавшихся в ходе двух больших волн эмиграции (1920-е и 1990-е гг.), обладает разной степенью однородности. Группа понтийских греков четко разделяется на две волны переселенцев, и они сами, и балканские греки проводят данное различие. Для обозначения двух групп используются разные субэтнонимы: пондьи (Πόντιοι) — для переселенцев в результате Малоазийской катастрофы (1920-е гг.), и росопондьи (Ρωσοπόντιοι) — для переселенцев из стран бывшего СССР (1990-е гг.). Названия подчеркивают регион происхождения каждой из групп. Переселенцы первой волны проживают в разных районах страны и смешиваются с местным населением, в то время как новоприбывшие репатрианты стараются селиться на окраинах городов в так называемых «русских» районах. Армянская община, напротив, оказывается однородной и способствует интеграции новых переселенцев. Впрочем, степень помощи зависит от места проживания общины. В Афинах армяне первой волны индифферентно относятся к переселенцам второй волны, а в Салониках они интегрировали новых иммигрантов в свое сообщество.

Место проживания двух диаспоральных групп также оказывается различным. Армяне с самого начала становятся исключительно городскими жителями, проживающими дисперсно, понтийцы селятся в пригородах и получают или приобретают земельные участки. В данном распределении важную роль сыграло изначальное отношение Греческого государства к иммигрантам. Понтийцы как первой, так и второй волны сразу получали статус репатриантов, им предоставляли гражданство, бесплатные земельные участки или ссуду на покупку земли. Армяне первой волны начали получать гражданство только в 1960-х гг. после введения всеобщей воинской повинности. Для второй волны армянских, как и для других негреческих переселенцев, государством предусмотрен законодательный курс, в рамках которого определяется вариант получения гражданства. В настоящее время, как уже было сказано выше, одной из важных составляющих этого

пакета легитимизации иммигрантов законодатель видит достаточный уровень владения государственным языком.

Между тем, различия в требованиях к двум рассматриваемым группам приводят к тому, что уровни языковой интеграции каждой из них отличаются. Две указанные группы демонстрируют разное отношение к языку принимающего государства. Первоначально картина владения языками выглядела следующим образом: армяне первой волны эмиграции говорили на западно-армянском литературном языке и на местном диалекте, а старшее поколение, выходцы из крупных городов, — по-турецки. Понтийцы первой волны владели понтийским диалектом греческого языка, а также диалектным вариантом турецкого. Что касается второй волны греков-понтийцев, основным идиомом группы являлся русский диалектный в своих локальных вариациях. В зависимости от места переселения в сообществе использовались также бытовые грузинский и армянский языки. Для представителей этой волны знание понтийского диалекта греческого языка не является общераспространенным. Им владеют, в основном, люди старше шестидесяти лет.

На сегодняшний день первая волна переселенцев (и армяне, и понтийцы) прекрасно владеют литературным греческим языком, армяне свободно владеют двумя языками и готовы вести интервью на любом из них. Вторая волна переселенцев из Армении также говорит по-гречески и даже часто использует его в качестве семейного языка. Понтийцы второй волны, напротив, осваивают литературный греческий язык медленно несмотря на то, что для них организуются бесплатные языковые курсы. Проживание анклавами в отдаленных районах города и определенные виды профессиональной деятельности, часто связанные с тяжелым физическим трудом, способствуют сохранению русского и неосвоению литературного греческого языка.

Следует отметить, что, согласно полевым материалам, в целом, наблюдается прямая зависимость между образованием и социальным статусом переселенцев и скоростью освоения языка. Квалифицированные профессионалы быстро овладевают мажоритарным языком для подтверждения профессии в новом сообществе. Так, например, врач из городской больницы города Ксанти (Северная Греция), понтиец, выходец из Краснодарского края, одинаково легко обращался к современному греческому и русскому языкам, которыми он владел в совершенстве. Однако, если профессия не нуждается в подтверждении квалификации, языковая интеграция происходит значительно медленнее, о чем свидетельствуют интервью с молодыми людьми (ок. 20–30 лет), работавшими на бензоколонке, а также беседа с женщиной-гладильщицей в Салониках. В свою очередь, имеет значение, предполагается ли трудоустройство в государственных структурах, где контролируется уровень знания собственно государственного язы-

ка, или это частный бизнес, в котором контроль над знанием языка персонала отсутствует, а совершенствование лингвистических навыков зависит от актуальных требований рынка.

В греческом поле отдельное место занимает константинопольский вариант языка. Благодаря особому историческому развитию, носители данного языкового варианта демонстрируют сложную двойную трактовку языкового материала: с одной стороны, константинопольцы настаивают на уникальности своего идиома и даже часто его непонятности другим носителям стандартного языка, а с другой, — претендуют на роль носителей наиболее верного литературного варианта. Это связано с исторической судьбой Стамбула в XIX–XX вв., когда он из имперской столицы быстро превратился в маргинальную, с точки зрения греческой государственности, территорию. Лингвистические особенности идиома таковы, что совмещают в себе архаичные статусные формы с экзотичными заимствованиями и дают простор для обеих интерпретаций. Сопоставительный анализ ситуации с диалектом в понтийском поле показал, что для его носителей также характерно стремление к умеренной экзотизации своего языкового варианта. Отметим, что диалектизмы также важны для конструирования языковой идентичности сообществ.

В настоящее время языковые практики являются важным направлением гуманитарных исследований. Однако при анализе двух и более участников процесса общественной коммуникации основное внимание акцентируется на принимающей стороне, чей язык воспринимается как нормативный. В данном случае мы рассмотрели языковой ландшафт с точки зрения мобильного сообщества, представители которого и являются акторами усложнения языкового поля.

Источники и материалы

ПМА 2007, 2016 — Полевые материалы авторов, Греция, 2007, 2016.

Immigrant Invest 2021 — Greece introduces compulsory exam on knowledge of the country's history and culture before issuing citizenship // Immigrant Invest. 4.03.2021. URL: https://immigrantinvest.com/insider/greece-written-citizenship-exam-2021/ (дата обращения: 10.10.2021).

Νόμος 2020 — Νόμος 4735/2020: URL: https://www.kodiko.gr/nomothesia/document/644125/nomos-4735–2020 (дата обращения: 10.10.2021).

Άρθρο 7 — Άρθρο 7. Διαδικασία πολιτογράφησης:. URL: http://www.dsanet.gr/Epikairothta/Nomothesia/n3838_10.htm (процесс натурализации) (дата обращения: 10.10.2021).

Раздел 4.

ЯЗЫК ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Глава 17. ДРУГОЙ НЕМЕЦКИЙ: О СОЦИОЛЕКТЕ БАМБЕГСКИХ ГЭРТНЕРОВ

О культурной и диалектной сложности Германии

Наличие множества региональных диалектов в Германии — хорошо известный факт. Немецкий язык очень выраженно дифференцирован по диалектам, границы которых не совпадают с современным административным делением страны. Формирование диалектов было связано с отсутствием мобильности населения и наличием не столько географических границ, сколько социальных и политических: долгое время территория сегодняшней Германии была раздроблена на отдельные самостоятельные княжества, графства, которые восходили к племенным группам. В политическом оформлении Германская империя Средневековья была прогрессивна, и по крайней мере в области торговли и растущих городов имелись явные подвижки в сторону национальной ориентации. Однако противостоящая императору власть Папы и в связи с этим укрепляющееся положение земельных князей привели к быстрому распаду центральной власти. Франкская политика относительной автономии в отношении отдельных племенных владений в составе империи и значительное ослабление центральной имперской власти в IX в. обусловили усиление властных позиций отдельных родовитых семей внутри племенных объединений и привели к формированию влиятельных племенных герцогств, как было, например, с Баварским и Саксонским племенными герцогствами. В эпоху Высокого Средневековья длительная, но вялотекущая борьба императорской власти со стремящимся к сосредоточению власти в своих руках высшим дворянством в герцогствах достигла окончательной стадии, поскольку племенным герцогам удалось утвердить выборный порядок получения престола, получить полные права на управление своими территориями и таким образом осуществлять политическое со-управление империей. В XIII в. были изданы «Законы в пользу князей» (statutum in favorem principum), которые закрепляли отказ императора от исполнения верховной власти в пределах территорий княжеских владений в таких делах, как чеканка монет, основание крепостей и городов, судебные и таможенные процедуры.

В то же время территории не были государственными образованиями в миниатюре, но представляли собой сложные административно-

политические организмы. Многие области были поделены между различными господствами, границы были прозрачны и проницаемы, но и существенны: они создавали помеху для взаимодействия жителей разных областей друг с другом, ограничивали миграции, определяли степень и дальность действия законов и указов, определяли политическую активность населения. Некоторые права — в частности, жениться, заниматься ремеслом, получать материальную поддержку в случае бедности — распространялись на подданных только в пределах территориальных областей господства. Таким образом, они были для населения единственным относительно надежным пристанищем, по этой причине люди сильнее идентифицировали себя с маленькими территориями, чем с Империей, которая всё больше превращалась в абстракцию. Это привело к т. н. «территоризации» [Bausinger 2000: 33], к возникновению независимых маленьких областей господства, границы и подчинения которых хотя и менялись постоянно вследствие войн, продаж и покупок, браков и наследований, но в то же время неизменно определяли политическую структуру Империи вплоть до наполеоновского времени. Религиозный раскол между католичеством и реформаторским движением, который разыгрывался в XVI–XVII вв. на германских землях, имел следствием утверждение новых конфессий (протестантизм и кальвинизм) и еще более усложнил культурно-языковую ситуацию.

К XVIII в. германское государство (Священная Римская империя германской нации, или Первый рейх) представляло собой лоскутное одеяло из территорий с самостоятельным управлением, княжескими династическими традициями, своими законами и с замкнутым в своих границах населением. Языком общения в пределах территорий были диалекты немецкого языка, отличающиеся друг от друга рядом фонетических, лексических и грамматических особенностей.

После 1800 г. малые территории вошли в состав более крупных государственных объединений, которые отныне определяли политическую карту страны. Однако стойко сохранялось ментальное деление на ландшафты, названия которых восходили к соответствующим племенам и племенным герцогствам, и т. н. «мышление в племенных категориях» [Bausinger 2000: 36]. Королевство Бавария, например, объединяло в своих границах более крупную франконскую и меньшую швабскую области. Каждая территориальная группа населения внутри империи, помимо сложившихся культурных и диалектных особенностей, обладала четко выраженным самосознанием и противопоставляла себя иным группам, что выражалось в системе стереотипных характеристик соседних групп.

Один из ярких и ранних примеров таких клишированных портретов различных групп германского населения демонстрирует народный стишок XV в., приведенный Х. Баузингером:

«Пруссы и саксы пьют слишком много.
На море с рыбами неспокойно,
А в Вестфалии божественная еда.
На Рейне красивые жены, как говорят,
В Майссене немецкий язык особо хорош,
Во Франконии встречается благородная кровь /…/
Эльзасцы то ругаются и матерятся, то приносят клятвы,
Швабы жрут чрезмерно /…/»[112].

Мышление в рамках регионов, и прежде всего — мышление в категориях племени, оказалось более стойким, чем единое государство, оно пережило основание Германского рейха 1871 г. и не утратило своих позиций до настоящего времени. Тому есть множество причин. Разделение сохранялось в основных чертах, несмотря на объединение германских земель под Прусской короной — Германский рейх был, как и Веймарская республика, федеративным образованием, в котором основная политическая мощь была в руках отдельных земель. Разделение на земли согласно бывшим племенным границам, кроме того, соответствовало органическим представлениям народа. Веймарская конституция подчеркивала разделение народа на определенные племена. Эту идею переняло позднее национал-социалистическое правительство при конструировании немецких областей (нем. Gau, «deutsche Gaue»). Конечно, подобные представления о «народном организме» постепенно были преодолены, но в административно-политическом делении ФРГ, состоящей из федеральных земель с теми же племенными или модифицированными наименованиями и границами, они по-прежнему инкорпорированы. Региональные традиции федеральных земель Германии связаны с соответствующими племенными традициями, наиболее ярким примером которых на сегодняшний день выступают диалекты немецкого языка.

Существует утверждение, будто немцы из разных земель не понимают языка друг друга. Отчасти это утверждение верно: хотя немцы, говорящие на разных диалектах, вполне могут понять сообщенную собеседником информацию, но также могут распознать по говору представителя другого региона, а в большинстве случаев — идентифицировать региональную и диалектную принадлежность собеседника. Фельетон из «Frankfurter allgemeine Zeitung» наглядно иллюстрирует эту ситуацию:

Столкновение культур может произойти где угодно, прямо в Бранденбурге, например, на летнем празднике к северу от Берлина, где баварец — как и положено баварцу — стоит в очереди за кружкой пива, и неожиданно ему на плечо ложится рука, и потом он слышит голос, говорящий ему на жестком берлинском диалекте:

112 Цит. по: Bausinger 2000: 34.

— А ты из Баварии, как я слышу?

— Гм. Ну да, и что?

— Я недавно был там пару месяцев, работал.

— Угу.

— Боже мой, это совсем другая культура!

— Ой, да ладно.

— Да, слушай, еда вкусная. Люди приветливые. Это совсем другая жизнь! Совсем другая культура!»

Можно было бы сказать, если б разговор не был таким позитивным: «Да, мне тоже так кажется, только наоборот: вашу еду я нахожу невкусной, поведение и обращение хамоватые, особенно у мужчин, когда они говорят быстро и громко, тогда я не понимаю ни слова. [Seidl 2015].

В условиях всеобщей доступности образования и массовых информационных ресурсов наддиалектная форма верхненемецкого литературного языка доминирует: на телевидении, радио, в художественной литературе, публицистике и научно-образовательной коммуникации используется верхненемецкий язык, но в неакадемической среде в ситуациях повседневного общения по-прежнему в ходу территориальные диалекты и говоры. Диалектные различия проявляются в фонетических особенностях, именно на них реагирует ухо в первую очередь. На сегодняшний день нет единого представления о точном количестве диалектов и говоров немецкого языка [Bausinger 1986: 10–11]. Как правило, особенности локальных говоров дают основание для более дифференцированной локальной самоидентификации и утверждения, что в деревне существует свой диалект: «У нас в Филанке свой *платт*, мы говорим dei hūs, а в Воосмере, например, говорят не так, у них dei hus, у них свой язык. Или в Любтеене, там опять говорят иначе» [АМАЭ: Иванова 2000: 84]. Сильные позиции в настоящее время занимают берлинский диалект, франкские диалекты с рядом локальных говоров, швабский, алеманнский, баденский, верхнебаварский, нижнебаварский, саксонский, нижненемецкий («платтдойч»), рейнские диалекты. Диалекты немецкого языка, по сути дела, представляют собой некий континуум, внутри которого один говор плавно переходит в другой без резких границ. Если на юге и востоке границы диалектов вследствие соседства с народами иных языковых групп четкие, то в северном направлении немецкие диалекты продолжают свою непрерывность в других германских языках — голландском и фламандском, скандинавских и английском.

Язык общения (диалект) в Германии выполняет важную роль маркера региональной принадлежности и культурной идентичности, хотя границы распространения диалектов и региональных идентичностей не совпадают. При этом лингвистические классификации диалектов и их научные назва-

ния (если таковые вообще известны) не имеют значения для их носителей, значение имеет региональная принадлежность. Различия диалектов служат почвой для насмешек одних групп над другими и инструментом подачи юмористического в немецкой культуре, т. к. диалект маркирует принадлежность к группе, которая высмеивается согласно стереотипам. В политических и эстрадных юмористических программах также диалект служит сигналом народного, и если разыгрывают сцены с участием народных типажей в противовес политикам и высшему классу, то ситуация классового непонимания подается буквально через неполадки в вербальной коммуникации: взаимное непонимание горожанина, многословного носителя языка телевидения, и крестьянина, говорящего простыми фразами диалекта.

Диалектологи выделяют три основные диалектные зоны — нижненемецкую (или нижнесаксонскую), средненемецкую и верхненемецкую — различающиеся основными фонетическими признаками. Дело в том, что между 7 и 9 вв. в германских языках произошло второе передвижение согласных, которое разделило региональные языки в немецком языковом пространстве на верхненемецкие и нижненемецкие диалекты. Суть второго передвижения состояла в трансформации смычных глухих p, t, k, соответственно, в аффрикаты pf/f, s/z, ch. Например, слово Appel, которое известно в английском языке как apple, в верхненемецких диалектах трансформировалось в Apfel; н.нем. Dorp — в в.нем. Dorf; н.нем. ik, maken — в в.нем. ich, machen; н.нем. dat — в в.нем. das. Трансформации согласных во втором передвижении произошли неравномерно, затронув не все региональные варианты языка, но всё же проведя диалектальную границу между югом и севером, нижненемецким и верхненемецким: на севере диалекты немецкого языка оказались не затронуты вторым передвижением согласных, их относят к нижненемецким диалектам. На юге и в срединной Германии верхненемецкие диалекты отмечены прошедшим передвижением согласных, их причисляют к верхненемецким диалектам, которые подразделяются на группы средненемецкую (mitteldeutsch) и южнонемецкую (oberdeutsch) по признаку перебоя p > pf: в средненемецких сохраняется p в удвоении и после m — appel, äppel, štrump (ср. верхненем. Apfel, Strumpf), что сближает их с нижненемецким.

В южнонемецкой области различаются наречия верхнефранкское (oberfränkisch), алеманнское (alemannisch) и баварское (bairisch). В свою очередь, верхнефранкское наречие распадается на диалекты южнофранкский (südfränkisch) и восточнофранкский (ostfränkisch). Восточнофранкский диалект, распространенный на севере Баварии, в народе обобщенно называют «франконский» или «франкский» (нем. Fränkisch). Он имеет достаточно много локальных вариантов, и, как характеризует его популярная статья в «Дойче велле», считается «диалектом с тысячей вариантов» [DW 2021]. Примечательны различия в народном и научном названиях ди-

алекта, которые приводят к некоторой путанице. Дело в том, что современное народное понятие «франкский» относится к нынешнему административному делению Баварии, иначе говоря обусловлено пространственно и соотносится с территорией, но не с языком. В Германии административные округа с 1837 г. носят название бывших «племенных объединений» — Бавария (от баваров), Швабия (швабы), Франкония (франконцы). Поэтому под названием диалекта «фрэнкиш» понимаются диалекты Верхней, Средней и Нижней Франконии, которые разительно отличаются от старобаварского, или алеманнского, или швабского, представленных тоже на территории Баварии. Но тот факт, что даже вне границ Баварии люди говорят на диалектах, генетически родственных франконскому франкскому, сегодняшнее население не осознает[113].

Сегодня Франкония — это историческая область на юго-западе Германии, в северной части федеральной земли Свободная республика Бавария (нем. Freistaat Bayern) и включающая три административных округа: Нижняя Франкония, Средняя и Верхняя Франкония. Столицами, соответственно, являются Вюрцбург, Ансбах и Байройт. Бамберг, о котором пойдет речь, является одним из крупнейших городов Верхней Франконии (Oberfranken). Жители Франконии, франконцы (нем. Franken), демонстративно отделяют себя от баварцев, сохраняют региональное самосознание и выраженную культурную идентичность. Диалекты Франконии также имеют существенные отличия от баварского. Нас будет интересовать бамбергский вариант восточнофранкского диалекта и его функционирование в одном социуме с четко определенными границами — городские овощеводы Бамберга, или *гэртнеры.* Это достаточно уникальное явление в современной экономике немецких городов, и о них следует сказать поподробнее.

Гэртнеры и диалект

Бамбергские гэртнеры (нем. Bamberger Gärtner) как профессиональная группа на сегодняшний день являются культурным наследием региона. Речь идет о земледельцах-«некрестьянах», занимающихся сельским хозяйством в рамках семейных предприятий, выращиванием преимущественно овощей и трав, при этом живущих и имеющих угодья внутри города и продающих

[113] Например, в северной части Баден-Вюртемберга (франкский или гогенлоэ-франкский (нем. Hohenlohisch-Fränkisch), которая и сама принадлежала к исторической Франконии, а также сохранила в употреблении и само название «Франкония». Немецкая диалектология локализует область распространения франкских диалектов в значительно более широких границах: они охватывают часть Гессена и Рейнского Пфальца (рейнско-франкские диалекты), Рейнланд южнее Дюссельдорфа (среднефранкские или мозельско-франкские диалекты), Северный Рейнланд, Западные Нидерланды и Северную Бельгию (нижнефранкские диалекты).

свою продукцию напрямую, также в городе. В то время как в Баварии до начала XIX в. фактически действовало крепостное право, гэртнеры с самого начала своего существования как сословие и профессиональная группа (первые упоминания гэртнеров в Бамберге датируют XIV в.) не подлежали крепостной зависимости. Они имели все права и привилегии ремесленников, входили в цеховые общества и находились в непосредственной близости и связи с рынком. Рынки всегда были в городах, и поэтому ремесло бамбергских городских земледельцев всегда имело спрос; чтобы ему соответствовало предложение, гэртнеры вынуждены были строго следить за изменчивыми вкусами горожан и соответственно им возделывать культуры. Возделываемые культуры уже в далеком прошлом отличались от культур крестьян на селе. Если сельские земледельцы возделывали главным образом постоянно необходимые базовые культуры, такие как злаки и картофель, то у городских овощеводов ассортимент был богаче и изысканнее: в городской кухне широко применялись овощи и травы. Большую роль играло разведение пряных трав (нем. Kräuter) и солодки (нем. Süßholz), которые сделали в XVI в. Бамберг знаменитым на всю Европу.

Сбыт продукции осуществлялся членами семьи овощевода, главным образом на центральном рынке города Бамберг, Grüner Markt — топоним, который также обязан своим возникновением гэртнерам. Отдельные прилавки бамбергских гэртнеров можно встретить на этой площади и сегодня. Продукция бамбергских земледельцев продавалась на рынках г. Кобург и даже в Тюрингии, а это около сотни километров от Бамберга. В начале XX в. в Бамберге была построена железная дорога, которая облегчила транспортировку овощей в отдаленные районы Южной Германии. До конца XIX в. доставка осуществлялась при помощи конных повозок, а с момента прокладки железной дороги в Бамберге — поездами [Schmitt 1988: 23]. На протяжении нескольких веков профессиональные знания передавались внутри земледельческих семейных хозяйств от старшего поколения молодым людям традиционным путем в процессе практики; специфическими умениями молодые гэртнеры овладевали, подобно ремесленникам, через соучастие в рабочих процессах. Поэтому вполне закономерно, что гэртнеры сформировали «свой язык» — социальный диалект.

Р. И. Макдэвид определяет социальный диалект как «принятый в данном сообществе субвариант речи, который благодаря действию определенных общественных сил является характерным для определенных этнических, религиозных или экономических групп или групп индивидов с определенным уровнем и типом образования» [Макдэвид 1975: 365].

В социолекте гэртнеров нет письменной нормы из-за его устного характера существования. Сфера бытования ограничена повседневным практическим общением в ходе рабочих процессов и семейного быта, необходимости использования письменной формы не было.

Социолект гэртнеров представляет собой восточнофранкский диалект с обилием специфической лексики и оборотов. В течение веков в профессиональной среде гэртнеров формировались особые названия для орудий труда, сортов овощной продукции, а также просто разговорные выражения специфической повседневности гэртнера. Речь идет о сложно объяснимых выражениях и комбинациях слов, устойчивых выражениях, семантика которых не укладывается в общепринятый лексикон немецкого языка. Интересным образом оказывается, что в этом «языке» бамбергских гэртнеров сохранились слова и звуки из средневерхненемецкого, древневерхненемецкого, готского и славянского языков. Часто помимо слов немецкого происхождения в говоре гэртнеров находятся заимствования из других европейских языков, искаженные фонетически под влиянием восточнофранкского до неузнаваемости. В частности, краеведы и историки XX в. с достаточным постоянством высказывали мнение о славянском компоненте в говоре гэртнеров или даже говорили прямо о славянском влиянии на формирование особого социолекта гэртнеров [Wussmann 200: 89], поскольку известно, что по берегам рек Майн и Регниц в районе Бамберга до XI в. проживали племена славян. Такой факт инокультурного прошлого территории сегодняшнего Бамберга в XIX и XX вв. давал почву для гипотез, объясняющих культурное своеобразие гэртнеров и их отличие от остальных жителей города славянским происхождением [Paradowska 1994; Rost 1906; Saller 1931].

Культуры, которые выращивали бамбергские гэртнеры, представляли достаточно широкий ассортимент, и названия овощей, которые и сегодня изобилуют на бабмергском рынке, будут иметь отличные от словарных немецких вариантов названия: савойская капуста (Mirsching, нем. Wirsing), краснокочанная капуста (Blaukraut, нем. Rotkohl), цветная капуста (Keesköhl, нем. Blumenkohl), редис белый (Reddich, нем. Rettich), хрен (Kren, нем. Meerretich), морковь (Gelba Rumm, нем. Karotten, Mohrrüben), салаты (Zelot, нем. Salat), шпинат (Beneet, нем. Spinat), скорцонера (Stazinäri, нем. Schwarzwurzel), картофель (Bodaggn, нем. Kartoffel). Среди выращиваемых культур были некоторые уникальные для Бамберга виды овощей, выведенные гэртнерами. Сегодня с этими сортами бамбергские овощеводы успешно выигрывают на поле региональной специфики на внутреннем аграрном рынке Германии. Их названия, во-первых, содержат географическую отсылку к Бамбергу, а во-вторых, восточнофранкские диалектные формы: капуста Bamberger Mirsching (нем. Bamberger Wirsing, Spitzwirsing), а также сорт картофеля Bamberger Hörnla (нем. Hörnchen).

Отличия в лексическом составе социолекта профессиональной группы от общенемецкого языка, по понятным причинам, касаются наличия специфических орудий труда, процессов и, соответственно, их обозначений и наименований. Большую часть продукции в прошлом отвозили

на подводах в близлежащие города и регионы и там продавали на рынках. Этот способ сбыта назывался на диалекте гэртнеров Ohnifahrn. Прозвище бамбержцев — Zwiebeltreter (букв. наступатели на лук) — происходит от необычной практики из профессионального арсенала — наступать на луковицу, стопой сворачивать перо лука, чтобы луковица зрела. Именно лук и эта практика дала прозвище всей группе, потому что Бабмерг в «золотые времена» расцвета городского овощеводства славился на округу своим сортом огромного сладкого лука.

Stehsaacher, Stehbrunzer — названия одеяний торговок овощами на рынке с прорезями в панталонах, важные потому, что раньше не было туалета, а они помогали решить проблему.

Hoodela — платок, который носили женщины на поле.

В рабочих процессах сбора урожая, транспортировки овощей от поля во двор и далее на рынок, а также при продаже на рынке использовались универсальные овальные, широкие, но при этом довольно неглубокие корзины с двумя ручками по бокам. Эти корзины гэртнеры называют Schenze. Обычно овощеводы и изготавливали их сами в зимнее время, когда работа в полях останавливалась. В настоящее время *шенце* заменили на более удобные для транспортировки в грузовиках пластиковые ящики (Kiste), определенным количеством которых (Palette) происходит подсчет объема продукции. Корзины *шенце* перешли в иную категорию объектов, приобретя особую символическую нагрузку и маркируя в торговых пространствах лавок культурную специфику профессионалов-гэртнеров не просто как продавцов своей продукции, но продукции и услуг «с историей».

Такой же знаковостью нынче обладает традиционное орудие для обработки посевов от сорняков и рыхления земли (Hacke ‘тяпка’), которое на диалекте гэртнеров называется *Beggfredde*. Мне не приходилось встречать это слово нигде более, и ни один словарь не содержит его. Использовали эту тяпку, стоя на коленях, поэтому для обработки поля гэртнеру приходилось передвигаться на коленях по земле. Эта тяпка делалась самими же гэртнерами, как и корзины *шенце*, и тележки *шубкарре,* делалась для себя и под себя, чтобы служить буквально продолжением руки, аналогом «протеза», о котором говорит применительно к орудиям труда у крестьян Утц Йеггле (Jeggle 1983: 15). Многие информанты 1930-х гг. рождения, чье интенсивное участие в овощеводческом деле пришлось на 1960–70-е гг., повествуя о своем опыте, упоминали тяжелую ручную работу *mit Beggfredde* на коленях. Сегодня профессиональные компетенции, технологии и техника механизировали овощеводческое производство, и больше не требуется столько человеческого труда с физическими усилиями, изнурительной работы в неудобной позе, ручные орудия труда ушли в прошлое. Вместе с тем и число бамбергских овощеводов в активном возрасте сократилось до единиц. В 2019 г. это были всего 5 или 6 хозяйств. В 2009 г. я наблюда-

ла ручные *Beggfredde* в качестве декоративных объектов на стенах сараев, в проездном дворе, где расположена в т. ч. торговая площадь гэртнера, в музее профессиональной группы, в интерьере дома в виде уменьшенной копии. Иными словами, *Beggfredde* превратилась в специфический символ специфической профессии, который объективирован не только в самой себе, повешенной на стену, но и в виде уменьшенной копии самой себя, предназначенной в качестве подарка одного гэртнера другому. Само слово, выходящее из употребления вместе с инструментом, перемещается из повседневной коммуникации в биографические нарративы, инициированные исследованиями, в частности, моим исследованием в 2009 г. Молодой гэртнер Себастиан Нидермайер, вспоминая детский опыт работы с *Beggfredde,* поездку на цистерне с навозом во время удобрения полей и ручной сбор улиток, делал акцент не на телесных аспектах неприятной или тяжелой физической работы, а на собственной причастности к профессиональной группе гэртнеров, закрытой и культурно обособленной, через ушедшие в прошлое практики.

Особенно часто затрагиваемая тема в языке бамбергских гэртнеров — это прозвища (Haus- und Spitznamen). Под прозвищами гэртнеров подразумеваются не просто индивидуальные прозвания, но имена, обозначающие всю семью гэртнера или весь род целиком. Они зачастую образовались от прозвищ конкретных личностей из соответствующего рода, которые как-то отличились внутри профессиональной группы. Часто с возникновением прозвища связаны исторические анекдоты о персоне. Со временем индивидуальное прозвище перешло на всю семью и род. Дома в квартале также идентифицируют по этим семейным прозвищам: Johann Dechant-Bräudla, где первые два компонента — собственно имя и фамилия, а третий — прозвище рода и дома.

Прозвища гэртнеров выполняли социальную функцию различения внутри группы, потому что настоящие фамилии гэртнеров часто повторяются и невозможно сразу понять, о каком доме и семье идет речь. Среди таких есть и связанные родственными узами, и просто однофамильцы: прозвища помогали дифференцировать разных представителей одинаковой фамилии. Гэртнеры называют друг друга именно по прозвищу, фамилии второстепенны. Я замечала, что в начале моего исследования в интервью мои собеседники называли прозвище, а после паузы и раздумий называли официальную фамилию. В конце года моей работы фамилии нам уже не требовались. Происхождение прозвищ, как и везде, обусловлено характерными выдающимися чертами его обладателя. В основу прозвища ложились дурные привычки, телесные особенности, выдающиеся черты характера, или же разные инциденты, произошедшие с обладателем прозвища, ставшие известными внутри сообщества и циркулирующие до сих пор в форме анекдотов.

Например, фамилия Бадум в среде гэртнеров была одной из самых распространенных: сразу десять представителей профессионального сообщества носили одинаковую фамилию, не принадлежа к одной семье и территориально не будучи связаны друг с другом. Для различения Бадумов в сообществе имели хождение следующие прозвища: с Эгельзеештрассе (Верхний союз, Вундербург) — Deller, два Бадума с Миттельгассе (Нижний союз, Гэртнерштадт Бамберга) — соответствнно, Hörnla и Nüssla, с Нюрнбергер штрассе (Верхний союз, Вундербург) — Natz; два Бадума с Фэрбергассе, (Нижний союз, Гэртнерштадт) — соответственно, Ölässn и Salamo. С Хайлигграбштрассе (Нижний союз, Гэртнерштадт) — Spärgn; Бадум с Зихенштрассе (Нижний союз, Гэртнерштадт) — Stix'n, Бадум с Хальштадтерштрассе или Хайлигграбштрассе — Scheißhoofm или Scheißhäfäla, Töpfer, Häfela.

Последнее — самое знаменитое прозвище в среде гэртнеров: Scheißhäfala или Scheißhoofm (букв. «горшок с дерьмом» или «куча дерьма»). В этом прозвище манифестируются сразу две клишированные особенности представителей группы: острота языка и автономность. Прозвище Scheißhäfala относится к роду Бадумов с улицы Хайлигграбштрассе и появилось благодаря одной истории, приключившейся с гэртнером Михелем Бадумом в 1920-е гг. Сама история заслуживает внимания не только как этимологическая справка, но и с точки зрения языка повествования: она передается на бамбергском диалекте, содержит много опущений и неполных предложений, отсылок к историческим и географическим реалиям, знание которых предполагает наличие фонового знания и знакомство с локальным контекстом.

> «Es wird berichtet, dass der Badum´s Michl einmal auf seiner Wies´n war, als ihm einer hoch zu Pferd vom Reiterregiment der 17-er entgegen geritten kam. Der Michl hat den Reiter zur Rede gestellt, was ihm einfalle, so mir nichts dir nichts über seine Wiese zu reiten. Darauf soll der Reiter gesagt haben; er wisse wohl nicht, wer er sei. Er sei Major von Ölhofen und könne sich das erlauben. Darauf soll der Badum´s Michl geantwortet haben: „Meinetweechä sind Sie der Baron von Scheißhoofn, schaua Sie g´fälligst, dass Sie vo´mein´ Feld runterkumma!„»[114]

[114] В переводе на верхненемецкий текст выглядел бы так:

Es wird berichtet, dass Michael Badum einmal auf seiner Wiese war, als ihm ein Mann vom Reiterregiment 17 entgegengeritten kam. Der Michael hat den Reiten zur Rede gestellt, wieso er über seine Wiese reitet und wer ihm das erlaube. Darauf soll der Reiter gesagt haben, der Michel mag wohl nicht wissen, wer er sei. Er sei Major von Ölhofen und könne sich das erlauben. Darauf soll Michael Badum geantwortet haben: „Meinetwegen sind Sie der Baron von Scheißhaufen, seien Sie so lieb, reiten Sie von meinem Feld weg!„

Для адекватного понимания этого анекдота требуется прием насыщенного описания, комментирующего упоминаемые реалии, словоупотребление, игру слов и фонетические особенности диалекта бамбергских гэртнеров.

> Однажды Михль Бадум был на своем поле, когда к нему подъехал конный из 17-го отряда Баварского кавалерийского объединения Райхсвера, основанного в 1919 г. Михль предъявил ему претензию, спросив, что это он тут выдумал, и нечего ездить по его, Михля Бадума, полю. На это всадник отвечал, что Бадум, вероятно, не в курсе, кто он такой. Так вот, он — майор Эльхофен, и он может позволить себе здесь проехать. А Бадум ответил на это так: «Да по мне — будьте Вы хоть бароном Шайсхофеном, будьте так любезны, уберитесь с моего поля!»

В последних строках анекдота обыграно фонетическое созвучие немецкой фамилии с диалектным стяжением дифтонга au > o: Ölhofen, букв. «куча масла», и грубого выражения в диалектной форме, также со стяжением дифтонга в долгий o: Scheißhoofn (нем. Scheißhaufen), «куча дерьма». Эти последние строки с игрой слов и грубым выражением адекватно завершают образ «типичного» гэртнера, обозначенный в анекдоте всем предыдущим описанием. Сам язык этого анекдота очень иллюстративен для понимания характера гэртнера, коммуникативной ситуации и языковых несоответствий: обилие модальных конструкций и использование конъюнктива I для передачи косвенной речи обещают грамматически правильную и вежливую речь, и в то же время обильные вставки диалектизмов и редукций, характерных для просторечия, а также завершающий нецензурный пассаж создают эффект напряжения и показывают на речевом уровне извечный конфликт между властью как институтом, осуществляющим контроль, и гэртнером как профессионалом, отстаивающим свою автономию.

Ситуация, описанная в этом анекдоте, как и свидетельства современников «золотого века» расцвета овощеводческого ремесла, выявляют характерные черты портрета гэртнера, которые транслируются из работы в работу на протяжении 19 и 20 вв: грубость и природная простота во вкусах, образе жизни и речи, но при этом искренность и набожность. В лексиконе гэртнера отсутствуют высокопарные слова и выражения, речь предельно проста, а обращения кажутся фамильярными: «Народный язык с простым юмором, который часто переходит в сатиру и далее в цинизм» (Wussmann 2002: 90). Так, раньше нужно было с осторожностью пользоваться прозвищами в коммуникации с гэртнерами, а некоторые, такие как Scheißhäfala, в присутствии обладателя и вовсе не произносить: прозвища создавались «за глаза», и потому они часто обидны или сатиричны. В на-

стоящее время, как мне видится, прозвища переживают ту же трансформацию, что и объективированные формы профессиональной культуры: наличие гэртнерского прозвища служит показателем аутентичности, ставит его обладателя в «пантеон» тех личностей сообщества, которые в силу трансляции локального знания профессиональной группы в массы (публикации работ, брошюр и книг с перечислением прозвищ, экскурсии в квартал овощеводов) приобретают некоторую «легендарность».

Приведу еще один анекдот, очень показательный для иллюстрации качеств профессионала в описаниях современников-историков, которые, надо сказать, очень сильно повлияли на формирование клишированного образа.

«A gläubiga Fraa

Die Fra Eichfelder wor scho´a alta Gärtnersfraa und nimmer so gut auf die Baa, dass sie nei ihr´Kärng gekönnt hätt´, wie´s eig´ntlich ihr´ Gewohnheit wor. Also is der Pfarrer zu ra kumma, um ra die Heilig´Kommion zer bringa. Wie´s so zum Speis´n ganga is, secht die Frau Eichfelder, dera wu´s o dem Tooch gor net so recht wor: „Herr Pfarrer, därf i heut´ sitz´n blei´m, bei dä Kommion?„ Drauf der Pfarrer verständnisvoll: „Blei´m Sie nä sitz´n, Fra Eichfelder! Doo is unser Herrgott net so kleinlich, die Jünger seinerzeit, die worn sogor gäleeng„. Darauf brumm´lt die Frau Eichfelder: „Die faul´n Hünd!„»[115]

Набожная женщина

Фрау Айхфельдер была уже старой гэртнершей, плохо держалась на ногах и уже не могла ходить в церковь, как это было, собственно, ей привычно. Поэтому пфаррер пришел сам к ней, чтобы причастить ее. Когда дело дошло до вкушения даров, говорит фрау Айхфельдер, которая с трудом могла справиться с платом: «Господин пфаррер, можно я посижу на причастии?» На это пфаррер ответил с пониманием: «Конечно, сидите, фрау Айхфельдер! В этих делах наш Господь не так мелочен. Его ученики в свое время вообще возлежали». На это фрау Айхфельдер проворчала: «Вот ведь собаки ленивые!»

---

115 Eine gläubige Frau

Die Frau Eichfelder war schon eine alte Gärtnersfrau und war nicht mehr so gut auf ihren Beinen, dass sie in die Kirche (kommen) konnte, wie es eigentlich ihre Gewohnheit war. Also kam der Pfarrer selbst zu ihr, um ihr die heilige Kommunion zu spenden. Und als es zum Empfang kam, sagt Frau Eichfelder, die vor dem Tuch nicht mehr recht war: „Herr Pfarrer, darf ich heute sitzen bleiben bei der Kommunion?„ Darauf antwortet der Pfarrer verständnisvoll: „Bleiben Sie mal sitzen, Frau Eichfelder! Da ist unser Herrgott nicht so kleinlich, die Jünger seinerzeit, die lagen sogar„. Darauf brummelte die Frau Eichfelder: „Die faulen Hunde!„.

В этих фрагментах текста на говоре гэртнеров хорошо видны особенности восточнофранкского диалекта. Помимо полностью прошедшего второго передвижения согласных здесь регистрируются следующие фонетические особенности: сохранение лабиализованных гласных ö, ü: Hünd; переход a, u>o: war>wor, gar>gor, Tuch>Tooch; способ образования уменьшительных форм с суффиксом -l и гласным a, e после него (–le, -la): Hafela (Häufchen), переход w > m и редукция слогов с заменой окончания на -en, -n > ´m: bleiben>blei`m, kommen > kumma. Особо следует сказать об именительном падеже местоимения множественного числа 1 лица mir вместо wir. В речи гэртнеров эта характерная черта соответствует норме всех верхненемецких диалектов. Также mir встречается вместо неопределенно-личного man. Важной чертой бамбергского говора является общее для восточнофранкского и ряда других южнонемецких диалектов сложное прошедшее время со вспомогательными глаголами haben и sein, вытеснившее простой претерит и составное прошедшее время перфект литературного языка: dass sie in die Kirche (kommen) konnte > dass sie nei ihr´Kärng gekönnt hätt´, ich habe es ihm gegeben > i haps-m gew khapt; ich sagte ihm > I haps-m ksakt khapt и употребление сложной глагольной формы перфекта ich bin gewesen вместо претерита ich war. Такая замена возможна в случаях, когда допускается смешение с настоящим временем, для различения с прошедшим слабых глаголов при отсутствии других маркеров прошедшего времени: «Простое прошедшее может быть образовано от всех глаголов. Однако крестьянин заменяет фактически существующую форму перфектом с haben/sein или описательной формой с tun в тех случаях, когда наличествует сходное настоящее время, чтобы избежать смешения или неясности» [Жирмунский 1956: 454].

Язык гэртнеров и дискурс профессии

Не только фонетические и лексические особенности интересны для исследования диалектов как систем знаков, но и фокус на диалектную речь как целое, ее функции и смысловую нагрузку в коммуникации и в различных коммуникативных ситуациях, учитывая, что язык представляет собой социально и культурно обусловленную символическую систему, использование которой, с одной стороны, позволяет отражать макроуровневые социальные значения, а с другой стороны, одновременно позволяет создавать микроуровневые социальные значения — что индивид говорит и делает в данный момент. Создатели и пользователи жаргонов и социолектов развивают функцию языка, дополнительную и отличную от собственно коммуникативной — функцию самоидентификации, обозначение групповой принадлежности/идентичности, статусных различий, они конструируют языковые границы, которые помогают им поддерживать свое самосознание как членов отдельной группы [Вахтин, Головко 2004: 79].

Ведь и официальный язык играет ту же роль для общностей более высокого таксономического уровня: Майкл Биллиг назвал язык определяющей чертой национальной идентичности: «те, кто говорит на одном языке, могут притязать на чувство национальной общности» (Биллиг 2005: 78). То, как мы используем язык, указывает на нашу принадлежность к определенной социальной группе. А наше речевое поведение содержит указание на то, кто такой говорящий, кем он себя считает, что именно он хочет сообщить. Способность производить в своем речевом поведении такие указания и способность понимать их в речи другого являются частью нашей коммуникативной компетенции.

Это с уверенностью можно сказать и о «языке» городских овощеводов Бамберга. Сегодня этот язык постепенно исчезает из широкого употребления. Социолект гэртнеров не имеет письменной нормы из-за исключительно устного характера его функционирования. Сфера применения ограничивается бытом, коммуникацией с членами социальной (профессиональной) группы и их семьями, иначе говоря — в широком смысле пространством профессии. Тем не менее, сегодня можно встретить разные случаи фиксации говора гэртнеров — по большей части, это фонетический принцип записи при помощи немецкой графики, как приведенные выше фрагменты, варьирующиеся в зависимости от индивидуальных особенностей произношения и слышания. Все случаи фиксации связаны с академическим исследовательским интересом к профессиональной группе и ее культуре, или же своеобразной музеефикацией языка, представляя собой попытку документирования уходящих культурных реалий. Краеведы, студенты-этнографы с середины XX в. записывали от старожилов квартала гэртнеров глоссарии, истории, анекдоты. В настоящее время язык поддерживают в среде среднего поколения гэртнеров, как и прочие культурные традиции группы. Тем не менее, как до сих пор живое средство коммуникации, диалект находится в постоянном изменении и движении. Старые гэртнеры, которых всё меньше, иногда используют свои специфические выражения между собой. Поколение их детей однозначно понимает диалектную речь, но, как люди, прошедшие социализацию в условиях литературного хохдойча, может выбирать ситуации, когда уместно и «выгодно» использовать в разговоре диалект, а когда стоит продемонстрировать свою принадлежность к «высокой» городской культуре. Вот об этом я и хочу поговорить.

Для дискурса о гэртнерах важно само название профессиональной группы. В отличие от общенемецкого значения слова Gärtner ‘садовник’, отраженного в словарях, словом (и самоназванием) *гэртнер* применительно к бамбергским земледельцам принято обозначать именно овощеводов, так как именно выращивание овощей было и в существенной мере поныне остается основным направлением деятельности данной профессиональной группы. Термин *бамбергер гэртнер* для обозначения группы — ин-

сайдерский. Само название ka Gärtner mehr, ist aa ka Gärtna маркирует границы принадлежности к группе и ее названию. Эта идентичность дается от рождения, принадлежность к группе невозможно получить, заслужить, приобрести «статус» или право называться *бамбергер гэртнер* и относиться к группе. Войти в группу не по рождению невозможно. Это наследственная семейная профессия, восходящая к цеховому прошлому, ремесленному способу обучения профессии, приобретения опыта и т. д. Между тем, в XX в. профессия садовода/овощевода осваивается в учебных заведениях, и уже нет необходимости инсайдерского доступа к имплицитным практикам и умениям, которые считались «секретами» бамбергских гэртнеров — например, уже упоминавшаяся знаменитая практика топтать лук ногой, выворачивая зеленое перо, чтобы дать луковице расти, считается специфической для бамбергских гэртнеров, что породило экзоним Zwiebeltreter для группы. Тем не менее, даже те профессионалы, которые получили специальное образование и имеют свои хозяйства в Бамберге, но не относятся по происхождению к рассматриваемой мной группе, которая выросла собственно из цехового объединения, не именуются *бамбергер гэртнер*, но «Gärtner in Bamberg». И это акцентируется нашими героями, хотя они и признают последних своими полноценными коллегами. Важен также факт проживания в определенных районах города — традиционно овощеводческих, сохранивших специфическую застройку и пространственную структуру. В то же время, в этих районах с 1970-х гг. происходят заметные изменения социальной структуры в связи с уходом из жизни старых гэртнеров и уходом из профессии поколения их детей. Дома гэртнеров продавались, и их покупали люди, вообще не относящиеся к профессии, и даже, возможно, к городу. Такие новые жители квартала также дифференцируются и называются гэртнерами «Privatleute» — т. е. семьи, живущие в пространстве профессии гэртнера, но не по признаку принадлежности к профессии, а по собственному желанию.

Люди постоянно конструируют свои миры, свою социальную активность и создают социальные институты, в деятельность которых они оказываются включены. Язык, а также то, как им пользуются, играет важную роль в конструировании дискурса. В любом высказывании реализуется целый набор когнитивных и социальных функций (Вахтин Головко 2004: 272). Когда мы говорим, мы используем все языковые средства и ресурсы, чтобы спроецировать себя на реальность, позиционировать себя в качестве совершенно определенного типа в зависимости от социальных обстоятельств. Можно говорить о том, что у гэртнеров этот процесс осуществляется в коммуникативных ситуациях разного уровня через их специфический язык в сочетании с нелингвистическими действиями: системами символов, определенными способами думать, оценивать, реагировать на вещи, взаимодействовать с другими индивидами и т. п.

Так, гэртнеры, действительно, очень упорно придерживаются старых традиций в очень многих сферах своей жизнедеятельности, сознательно делая этот консерватизм видным и противопоставляя себя таким образом остальным жителям города, позиционируя свою уникальность. Один из важных компонентов групповой идентичности, на самом деле отличающих гэртнеров от большинства городских жителей Германии — это глубокая религиозность и активность в религиозных практиках. Во-первых, гэртнеры регулярно посещают воскресные службы, читают ежедневно молитвы утром и перед трапезами; во-вторых, организуют и участвуют в паломничествах к святым местам в регионе; в-третьих, сохраняется старая традиция обхода полей крестным ходом с остановками и молебнами возле придорожных алтарей; в-четвертых, все гэртнеры являются активными членами религиозных католических братств (Братство св. Анны — St. Anna-Bruderschaft и Братство Пяти ран Христовых — Fünfwunden-Bruderschaft). Но самым видимым актом репрезентации традиций в городском пространстве являются католические процессии. В этой практике репрезентируются три важных и взаимосвязанных компонента идентичности группы — локальный (городской), религиозный и профессиональный. Дело в том, что Бавария — католическая земля, а Бамберг занимает особое место в церемониальной жизни католической церкви Германии, не в последнюю очередь — благодаря поддержанию традиций гэртнерами. Религиозные процессии и подготовка к ним, украшение фигур (бамб. диал. Bilderputzen) — составляют основу годовых календарных праздников и «досуга» земледельцев, если так можно выразиться о данной профессии.

Для позиционирования своей уникальности на фоне городского социального ландшафта группа конструирует определенный образ гэртнера — языковой, поведенческий и визуальный, дополняющий восприятие. Ношение традиционной одежды играет важную роль в конструировании визуальной традиционности. Надо сказать, что благодаря упорству и консервативности гэртнеров их костюм остается единственным видом традиционной одежды Бамберга на сегодняшний день. И наоборот, праздничный комплекс городской одежды сохранился только в среде земледельцев. Таким образом, у гэртнеров имеется два комплекса костюма — рабочий и праздничный. Их земледельцы хранят в своих домах, а также в фондах музея Gärtner- und Häckermusem Bamberg, надевая по определенным поводам, где гэртнерам требуется выступить основными репрезентантами города Бамберг (например, на мероприятиях городов-побратимов, юбилейных городских торжествах).

Там, где коммуникация осуществляется на уровне города и группы, работают нелингвистические (визуальные) средства. Если мы приблизим оптику и рассмотрим микроуровень — конкретные ситуации коммуника-

ции гэртнеров с клиентами, властями и коллегами по цеху, важную роль будет играть именно речевая деятельность, язык и его употребление.

Поскольку общение гэртнеров с людьми, не имеющими отношения к их профессиональной группе, является предметом анекдотов и описывается как типичные случаи разлада коммуникации и непонимания, можно говорить о наличии различий в измерениях социального контекста и определяемых ими культурно специфичных коммуникативных конвенциях гэртнеров и не относящихся к ним групп. Здесь уместно говорить о межкультурной коммуникации [Gumperz, Herasimchuk 1975].

Коммуникативная неудача в общении гэртнеров на их диалекте с носителями литературной нормы, «городскими» клиентами, состоит не только в затруднениях понимания или непонимании диалекта, но в иных правилах использования языка и коммуникативных стратегий. Стратегии «позитивной вежливости» в терминах теории лингвистического этикета Браун и Левинсона [Brown, Levinson 1987] направлены на то, чтобы слушающий чувствовал уважительное отношение говорящего, чтобы обе стороны коммуникативного процесса чувствовали себя комфортно и «на месте» в процессе коммуникации независимо от реально испытываемых эмоций, что подразумевает использование всех социальных средств для этой цели, и особенно — языковых. В немецком языке грамматическими маркерами вежливой речи обычно служат форма местоимения 2 лица Sie, использование полных предложений, модальных глаголов и сослагательного наклонения (Konjunktiv II). Диалектная речь бамбержцев лишена этих маркеров. Предложения и слова редуцированы, а в сочетании с обилием хлестких фразеологизмов и приземленной образностью речь гэртнера производила на «образованного» горожанина впечатление грубой, подчас насмешливо-язвительной и нарушала все каноны вежливой коммуникации между незнакомыми людьми. Самый яркий пример, транслируемый моими информантами в собственных пересказах — это знаменитая сцена оскорбления торговкой-гэртнершей по прозвищу Хумзера взыскательного покупателя на городском овощном рынке.

Хумзера — это реально существовавшая женщина, жена бамбергского гэртнера Зеемюллера с улицы Хайлигграбштрасе, 64, по прозвищу Humser. Хумзера является женским вариантом от Хумзер, ‘жена Хумзера’. Способ словообразования русского языка здесь как нельзя лучше отражает суть персонажа — «гэртнерша». К тому же в бамбергском диалекте женский род в словах, обозначающих деятеля, маркирован, кроме артикля, постфиксом -a (a Gärtner — a Gärtnera, см. выше Humser — Humsera), что придает слову звучание, сходное с привычным русским. Согласно опубликованным источникам, Хумзера умерла в 1910 г. в возрасте около 75 лет и по роду деятельности была не садовницей, торговавшей своими овощами на рынке, а исключительно рыночной торговкой, продававшей преимущественно

чужой товар. Прославилась она вспыльчивым характером, острым языком и вульгарностью, особенно по отношению к капризным покупателям. Так, известный эпизод, повторявшийся неоднократно, по словам современников [Rost 1909: 20], разыгрался именно на рынке Grüner Markt в центре Бамберга. Придирчивый покупатель пришел на рынок за овощами, ходил от одной торговки к другой, прицениваясь к продуктам, а торговки в это время каждая нахваливала свой товар. И как повествует тот же современник, «вряд ли найдется кто-то красноречивее гэртнерши, расхваливающей свой товар: только у нее самые красивые, самые лучшие, самые свежие, самые сладкие, и нет подобных больше на всем рынке; ее соседка повторяет всё слово в слово, когда покупатель отходит от первой торговки и присматривается к товару другой. Но горе тому покупателю, кто усомнится и переметнется к другой торговке: ему дадут тут же почувствовать, что такое оскорбить женщину!» [Ibid. 21]. Молодой человек неосторожно решил поспорить с Хумзерой, и она дала ему «достойный» отпор. Задрав юбку и оголив свой зад, она повернулась им к обидчику и стала осыпать того отборными ругательствами: «Woos wölln Sie, Sie Maulaff, doo is mei Orsch, doo steckst dei´ Nosn nei, du Rotzlöffl! Ja, scheiß´n tu ich dir wos auf dein Kupf, du Lack´l!» (выше и здесь цит. по: Wußmann 2002: 134) (Что Вы хотите, Вы, шляетесь тут и глазеете, на вот мою задницу, засунь туда свой нос, говнюк! Срала я тебе на голову, нахал!)

В этой фразе хорошо видны фонетические и грамматические черты восточнофранкского диалекта: переход гласного a>o: was>woos, da>doo, Nase>Nosn, was>wos, Arsch>Orsch, лабиализованные гласные ö на месте o: wolln>wölln, редукция гласных и слогов в конце слова: deine>dei’, wollen > wolln, Löffel> Loffl, Lackel> Lackl, mein>mei, hinein > nei; сложная форма настоящего времени с глаголом tun вместо простого настоящего: ich scheiße > scheiß´n tu ich.

Этот эпизод был описан в биографических заметках гэртнера Ханса Роста (Rost 1909: 20), а затем повторялся практически во всех работах, посвященных традиционной культуре гэртнеров [Wussmann 2002: 134]. При этом авторы делают оговорку, что приведенная выше фраза — это лишь небольшие и наиболее приличные выдержки из словарного богатства Хумзеры. Современники Хумзеры бывали свидетелями сцен, когда она выгоняла из кабаков своих родственников или работников — тогда в ход шли оплеухи и прочее рукоприкладство [Rost, op.cit.].

Разлаженная коммуникация, или коммуникативная неудача общения торговки-гэртнерши с клиентом объясняется разными представлениями сторон о том, как и в каких ситуациях каким языком пользоваться. Правило рыночного мира «клиент всегда прав» не работало в пространстве профессии гэртнера: более весомым оказывалось не стремление заработать через коммуникативное сотрудничество с клиентом, а профессиональная автоно-

мия. Поэтому хумзеры материли привередливых покупателей. Можно говорить о позиционировании себя торговками-гэртнершами таким образом как автономного профессионала через язык в сочетании с невербальными средствами (жесты), причем в координации использования этих средств с другими торговками (они поддерживали говорящую), незадачливым покупателем (на него направлена речь), правильным местом и временем. «Выступления» торговок происходили в том смысле в «правильном месте», что эти места — «их»: это либо их огороды, собственность и земля, либо городская площадь Grüner Markt, где за каждой из них была закреплена торговая точка и куда они приезжали на телегах каждое утро со своим товаром, уложенным в широкие корзины *шенце*, иными словами — в пространстве профессии.

На сегодняшний день таких точек в центре города не осталось: торговля ведется «ab Hof» — с двора, то есть прямо во дворе дома гэртнера, где оборудована лавка. Вербальное поведение гэртнеров пережило трансформацию, подстроившись под правила рыночной экономики, ориентированной на потребителя: сегодня вряд ли можно себе представить оскорбительные выпады торговца в ответ на чрезмерные претензии покупателя. Однако стигма особого речевого поведения (как характеризует Ханс Рост, «острословие и быстрый, словно скорый поезд, язык») довлеет над образом «типичного гэртнера», переместившись, однако, в иное поле — в практики инсценировок.

Образ Хумзеры для сегодняшних гэртнеров символически нагружен, он сегодня служит эталоном облика «типичной» гэртнерши для инсценировок традиционного — репрезентаций культуры гэртнеров во время праздничных мероприятий, а также там, где необходимо продемонстрировать преемственность профессии и достижений от «тех самых», старых бамбергских гэртнеров — в торговой точке, за прилавком, т. е. в пространстве профессии. Именно в этой точке, где происходит пересечение профессионала и клиента и снова конфигурируется подобная коммуникативная ситуация, происходит сознательное обращение к, казалось бы, нелицеприятному персонажу, и сегодняшняя продавщица своего товара включается в своеобразную игру с клиентом, инсценируя традиционное в том числе вербально (через определенный стиль речи и обращений).

Моя многолетняя информантка и друг Марлиз (Мари-Элизабет) Нидермайер — местная, уроженка Бамберга, но по рождению не относится к гэртнерам. Она стала второй женой Михаэля Нидермайера, который не просто зажиточный потомственный гэртнер, но гэртнер очень видный и влиятельный в городском сообществе, а заодно и активно играющий в традиции. Он по меньшей мере двадцать лет исполняет центральную роль в практиках, направленных на сохранение профессиональных традиций исчезающей группы. Марлиз, а также их общие дети, которые

с 2016 года имеют собственные семьи и овощеводческий бизнес, всегда соучаствуют в инсценировках, процессиях, шествиях и в семейном предприятии. Их чаще, чем членов других семей, можно видеть в публичном пространстве и в СМИ в традиционной одежде как репрезентантов гэртнеров. Все они владеют диалектом. Подражая Хумзере, Марлиз Нидермайер во время общения с клиентами и коллегами говорит много, громко, эмоционально, быстро и хлестко. Это делается шутки ради в кругу друзей, когда происходит пикировка остротами; так она разговаривает со мной, когда мы встречаемся после долгой разлуки. С 2012 г., когда сын Нидермайеров, Себастиан, открыл продажу своей фирменной продукции во дворе дома, продолжив дело своих предков, Марлиз стала фактически торговкой в лавке сына и обслуживает покупателей. Процесс торговли гэртнеров в домашней лавке сам по себе интересен не просто как практика, но как многослойный культурный феномен: помимо собственно акта обмена денег на товар он представляет собой акт коммуникации, помещенный в специфическое, символически нагруженное пространство профессии. Марлиз как жена, хозяйка, торговка сознательно конструирует образ гэртнерши телесно и вербально: принимая характерную позу (подбоченясь, встав в вызывающую позу, слегка отклонившись назад и набок), громко и быстро произнося обращения к присутствующим коллегам, зрителям, сообществу на диалекте, вставляя в речь колкие замечания и шутки, имитируя, иными словами, то, что и как могла бы говорить в данной ситуации знаменитая Хумзера. Речь Марлиз-Хумзеры предполагает включение и ответное парирование в том же стиле. Можно сказать, что всё описанное есть вербальная и невербальная практика, направленная на узнавание других и обеспечение собственной узнаваемости членами социума, группы, иными словами одновременно попадания в дискурс и конструирование его.

Конечно, ее коммуникативные практики не содержат знаменитых оскорблений Хумзеры. Марлиз шутит, болтает на общие темы, вспоминает приватные истории, связывающие ее и клиентов, спрашивает о домочадцах и передает приветы. Многие клиенты приходят к гэртнеру, преодолевая расстояние, неудобство автобусного сообщения или парковки в центре города и предпочитая более дешевым покупкам в доступном супермаркете не только из-за качества продукции, но именно из-за возможности поговорить, которая переопределяет экономический акт обмена в неповторимый индивидуальный опыт. В изменившихся условиях клиент-ориентированной экономики 21 века оказывается востребованным не только предложение качественной продукции и индивидуального сервиса, но и потребление (и производство) впечатлений, которые и обещает опыт покупки и общения с «настоящей» гэртнершей.

Источники и материалы

АМАЭ 2000 — Архив МАЭ РАН. К. 1. Оп. 2. № 1730. Иванова Ю. В. Мекленбург, Ганноверский Вендланд. Первая российско-немецкая этнологическая экспедиция в Северную Германию. Полевой дневник. 2000. К. 1. Оп. 2. № 1730.

Бучатская 2008–2009 — Архив МАЭ РАН. К. 1. Оп. 2. № 1898. Бучатская Ю. В. Традиционная сельская и городская праздничная обрядность, бытовая культура и производственно-ремесленный цикл в некоторых регионах Южной Германии. Полевой дневник. 2008–2009. Принтерный вывод.

Seidl Claudius 2015 — Seidl Claudius: Integriert euch selber! Leitkulturdebatte // FAZ, 15.12.2015 URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/leitkultur-debatte-integriert-euch-selber-13975439.html (дата обращения: 30.06.2016).

Научная литература

Биллиг М. 2005. Нации и языки // Логос. 4 (4 9). С. 60–-86.

Вахтин Н. Б., Головко Е. В. 2004. Социолингвистика и социология языка. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Гоффман И. 2000. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс — Ц: Кучково поле.

Жирмунский В. М. 1956. Немецкая диалектология. Изд-во АН СССР.

Макдэвид Р. И. 1975. Диалектные и социальные различия в городском обществе // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М.: Прогресс. С. 363–381.

Baeva G. Grundzüge der deutschen Dialektologie. Учебное пособие. СПб.: СПбГУ, РИО Фиолологический факультет, 2014.

Bausinger H. 2000. Typisch Deutsch. Wie deutsch sind die Deutschen. München: Beck.

Brown P., Levinson S. C. 1987. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambrige: Cambrige University Press.

Gumperz J. J., Herasimchuk E. 1975. Conversational Analysis of Social Meaning // M. Sanches and B. Blount (eds.), Sociocultural Dimensions Of Language Use. New York: Academic Press. P. 81–139.

Benät, Keesköhl, Stazinäri. 1993. (Spinat — Blumenkohl — Schwarzwurzel) Bamberg — seine Gärtner und Häcker. Bamberg: Verlag Arbeiterfotografie.

Jeggle U. 1983. Vom Umgang mit Sachen // Umgang mit Sachen. Zur Kulturgeschichte des Dinggebrauchs. 23. Dt. Volkskunde-Kongress in Regensburg vom 6. — 11. Okt. 1981 / hrsg. im Auftr. d. Dt. Gesellschaft fuer Volkskunde von Konrad Koestlin. Regensburg, S. 11–26

Lauschangriff auf deutsche Dialekte 2021. // Deutsche Welle. 2021. Dialektatlas | DW URL: https://www.dw.com/de/dialektatlas/s-8150 (дата обращения: 10.11.2021)

Paradowska M. 1994. Die Bamberger im Posener Land (= Bamberger Beiträge zur Volkskunde. Hg. K. Guth. Bd. 4). Bamberg.

Rost H. 1906. Die Bamberger Gärtnerei. Ein Kultur- und Wirtschaftsbild aus Vergangenheit und Gegenwart // Das Bayerland. Bd. 17. S. 405–490.

Saller K. 1931. Die Bamberger Gärtner und ihre Beziehungen zu anderen Gruppen // Bamberger Blätter für fränkische Kunst und Geschichte. 8 (1931), N 1, S.3 ff, N 7, S. 25 ff, N11, S.41ff.

Schmitt G. 1988. Tradition und Wandel im Alltag der Bamberger Gärtner. Diplomarbeit zur Erlangung des Pädagogischen Diploms in der Fakultät Pädagogik, Philosophie, Psychologie der Universität Bamberg. Bamberg. Stadtarchiv Bamberg.

Wussmann W. 2002. Ein Zwiebeltreter bin ich gern. Bamberg.

Глава 18. ЯЗЫК ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ ОБРЯДНОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГРОМНИЦ

Одной из значимых в народном календаре февральских дат является праздник Сретенья Господня, установленный церковью в честь очищения Богородицы (у католиков — *Oczyszczenie Najświętszej Maryi Panny* (пол.)), принесения младенца Христа в храм и его встречи с Симеоном Богоприимцем, празднуемый католической церковью второго, а православной — 15 февраля. Народные названия этого праздника во многих местностях образованы от корня *гром*, на территории Полесья, а также Украины, Беларуси и в Польше встречаются различные варианты термина *Громни́цы, Грумни́цы, Громовы́шче, Matka Boska Gromniczna* [Громничная Богородица]. Церковное название праздника *Сретение* в массовых случаях истолковывается в народе как встреча зимы и весны: «Стретення. То зима́ з ли́том стрича́юца» (Боровое, рокитн., ровнен.) [ПА]; «[Праздник Сретенья называется] Стрэчэнье. Зима з ле́том срэча́еца. Палави́на зимы́, палави́на ле́та уже. Ето шчэ к весне́ идэ» (Золотуха, калинкович., гомел.) [ПА]; «Стре́тенье — это зима́ с ле́том встреча́ются» (Тихманьга, каргоп., арханг.) [АЛФ].

Целью данной главы будет попытка описать некоторые фрагменты обрядности *Сретения/Громниц* посредством методологии современной этнолингвистики, сформулированной и разрабатываемой в трудах ученых Московской этнолингвистической школы [см. напр.: Гура 2011] и ее основателей Н.И. и С. М. Толстых. Для анализа используются архивные, полевые и уже опубликованные с конца XIX века сведения; содержащиеся в Полесском архиве Института славяноведения РАН, собранные автором в полевых экспедициях и извлеченные из изданных источников. Рассматриваемая территория, в основном, включает в себя Полесье и прилегающие к нему украинские, белорусские и западнорусские области, в компаративных целях приводятся материалы из других регионов.

Основным ритуальным событием на Сретение является освящение в церкви на службе особых свечей, называемых *сретенскими* или *громничными*, принесение их домой (часто горящими), прижигание этими свечами волос домочадцам, обход с ними дома, копчение крестов на потолочной балке, над дверями и окнами жилища (в некоторых случаях и хлева), что,

по народным представлениям, должно было защитить людей и подворье от грома, пожара от молнии, различных бед и болезней. Приведем несколько примеров этих ритуальных действий из некоторых областей Полесья: в Брестской области «На Громны́ци свичкэ́й свя́тят ў цэ́рквы» (Бельск, кобрин., брест.) [ПА]; «Сьвечку несьли запаленную да хаты и этаю сьвечкай абносюць всье сваи пастройки ат грому и больше ничаго» (Оранчицы, пружан., брест.) [ПМА]; «На Стрэ́тенне вот як прыхо́дымо, на две́рях пе́рших и на дру́гих и на трэ́тых хрэсты робимо. Ў тро́х дверя́х и тры хрэста́ и на бэ́льку на сэрэ́днэм [четвертый] ро́бимо» (Боровое, рокитн., ровнен.) [ПА]; «Громны́чна сви́чка, бэру́ть, ко́сы подку́рують со́би чуть-чуть, шоб грозы́ нэ бояться; круго́м ха́ты, сара́я з огнём обходы́ты (шоб гроза нэ тро́нула), крэсты́ рубы́лы на ба́льках, подко́пчовалы» (Бельск, кобрин., брест.) [ПА].

Освященной в церкви свечой требовалось прижечь волосы на голове в одном месте или крест-накрест, в большинстве случаев это делали всем домочадцам, иногда только детям или тем, кто боится грома, или, в редких случаях, только женщинам. «На Грумни́ци ты́ю сви́чкою во́лос подпа́люе, як придэ́ з цэ́ркви з чэтырёх бо́куў и старо́му, и мало́му» (Бельск, кобрин., брест.) [ПА]; «<…> То грумни́чною сви́чкою [как придут из церкви на Сретенье] пудпа́ливають ди́тюм во́лосы, шоб нэ боя́лыся гро́му» (Ветлы, любешов., волын.) [ПА]; «На Громни́цы на́крыж [накрест] запа́лывают во́лос хоб гро́ма не боя́ўс’. Ка́жут, гро́м не б’йе́ того́ челове́ка» (Мокраны, малорит., брест.) [ПА]; «Падпаливали, я в гэтам гаду падпаливала, тоже таксамо. Прыходзиць с этай сьвечкай с цэркви и хто у хаце ёсць, становяцца на калени, перахресцилися, сьвечкаю абнясли раз и падпалили вот тут и тут [показывает места спереди головы и сзади], и накрэст, и так тры раза. [Для чего это делали?] Гэта чтоб галава не балела, штоб грому не баялся, штоб здаровый быў, гэта так гаварыли ўсе и зараз я в гэтом гаду то тожэ, саседка прышла, ана мене [подпалила]. Называли гэта „абкурыць сьвечкай грамничнаю“, штоб ниякая нечысць не прыставала» (Ровбицк, пружан., брест.) [ПМА].

Этот обряд мог проводить старший в семье, мать, отец; тот, кто ходил в этот день в церковь: «Прыхо́дить ма́ты с цэ́ркви у стрэ́ченье и ка́жного рабёнка и стары́х уси́х доўжна́ подсмоли́ть [освященной свечой]: ко́сы подпа́ливае уси́м [со стороны лба], шоб гро́му нэ ляка́лыса. И на ба́ўке [в хате] на́до зроби́ть крэ́стика от гро́ма, а други́е и на во́кнах, и на двера́х зро́блють» (Кончицы, пин., брест.) [ПА]; «<…> эта абязацэльна, бацька мой ешчэ жив был, он абходиў ўсю хату с сьвянцонай вадою, сьвечкай и рабили такие крэсцики, даже па всей хаце и ў хлев хадзили, где скацина и там рабили ўсе. Эта на Грамницы» (Ровбицк, пружан., брест.) [ПМА].

Обжигание свечой могло проводиться молча, но иногда при этом молились или произносили особые магические формулы: «Дамо́ў ти́хенько прыне́сть свэчку и по брусы́ зде́лаў хрэст, на паро́зе, ў сенца́х,

у хли́ве — это для ўся́каго слу́чая — и для пажа́ра, и для скати́ны ў хле́ве делають. „Ма́терь Бо́жая, Исус Хрысто́с, Спаси́ дамо́к и хлявóк, и худо́бину“ — як ў ха́ту во́йде и гаво́рэ. Иде́ш ў хлев: „Спаси́ маю скати́нку ў хлеве́, шоб была́ здаро́вая и весёлая“» (Присно, ветков., гомел.) [ПА]; «Пудпа́льваем [детям волосы, чтобы не боялись грому], на Громни́ци, на́хрэст, тут о и зза́ду. Сьви́чку як запа́лимо, грумны́чнэй сьви́чкой пудпа́лимо. Сьвя́тымо у цэ́ркви, прихо́дымо до до́му и по́дпа́лимо. И на ба́лки ро́бять хрест. Ка, „Дай Бо́жэ шоб ще́дрого го́у да́ты“» (Радеж, малорит., брест.) [ПА].

В семиотическом портрете Громниц можно выделить ряд страт, изоморфных языковым категориям, синтагматический и парадигматический аспекты, разные элементы которых, находясь между собой в отношениях синонимии, объединяются в структуры или избираются для использования в разных контекстах в зависимости от правил выражения языком традиционной культуры общего для нее плана содержания, сводимого к картине мира, особенно к ее мифологическому аспекту. Наверное, в данном отношении будет оправданным говорить о существовании некоего метаязыка, относящегося напрямую к магическому и мифологическому устройству мироздания, в том виде как его понимает традиционная культура. Для того, чтобы воздействовать на невидимую сторону жизни (которая, тем не менее, ярко проявляет себя в повседневности, посылая людям урожай, благополучие и здоровье, либо хозяйственные убытки и всевозможные неурядицы) требуется апеллировать к ней на соответствующем уровне, актуализируя ее символы в обычных или особенных действиях и предметах; таким образом создавая ритуальный текст, составленный по всем правилам сочетания элементов в этом символическом метаязыке, который, в свою очередь, воспринимается невидимым планом бытия, что приносит искомый результат уже в проявленной вселенной.

Приведем некоторые примеры. Произошедшая в доме смерть, особенно если речь идет о хозяине дома, представляет собой катастрофу и надлом всего привычного миропорядка, грозит долгими негативными последствиями для семьи и хозяйства, о чем часто рассказывают былички, в которых хозяин забирает с собой на тот свет всё нажитое имущество: сохнет сад, выводятся пчелы, умирает скотина, семья лишается средств. «Паме́рла ма́тка на схо́дных днях, дак всё чы́сьтенько паме́рло: худо́ба, и ку́ры, и кот — всё с сабо́ю забрала́» (Барбаров, мозыр., гомел.) [ПА]. Для того, чтобы всего этого избежать, нивелировать негативные последствия смерти, замкнуть разорванные ею границы мира живых и умерших, заручиться возможностью взаимовыгодных контактов между ними в будущем, заново восстановить мир живущих и сохранить в нем благосостояние используется ряд магических приемов: идут в хлев и сообщают домашним животным о смерти их хозяина, то же самое делают на пасеке, в саду трясут плодо-

вые деревья и произносят слова прощания от имени хозяина дома; сыпят зерно вслед гробу, в гроб, в могилу, кладут для умершего в ряде мест еду, деньги, одежду и пр.. «И иду́ть у хли́в бу́дять тэлушки́, сгоняють [с места], и дэ́рво тро́нути, за того, шоб воно роды́ло, не усыха́ло. Усё живо́тно трэ́ба буди́ты. [Информантка рассказала, как они, не зная этого обычая, похоронили свекра]: у нас по́слэ того сви́кра повсыха́лэ [деревья], як шчэ́пэ» (Бельск, кобрин., брест.) [ПА]. Все эти действия имеют единую мифологическую семантику: заново разделить «доли» с умершим хозяином дома и, символически отдав ему некоторую, небольшую их часть, оставить все остальные блага во владениях живых, тем самым обеспечивая благополучный переход покойника в мир иной без претензий к живущим и заручаясь его будущей поддержкой. Выражается же эта семантика через язык символов: скот, деньги, зерно — символы доли и богатства, выделение некоторой части этого — мифологический обмен, прощание от имени хозяина — переход его прав на нового человека; посыпание вслед чем-либо, закрывание дверей, выметание мусора — изгнание смерти, выпроваживание души из дома, отделение мира мертвых от мира живых, восстановление и замыкание его границ.

Далее, в ряде обрядовых контекстов различные ритуальные предметы после их магического использования (напр. венки и пр.) требовалось разорвать, бросить в воду, забросить на дерево, отнести на кладбище и т. д. Все актуальные в этом контексте локусы имеют семантику путей на тот свет или особых мест влияния иномирного пространства в обычной реальности, переходов в него, что в конечном итоге имеет общую мифологическую символику отправки на «тот свет» (ср.: разрывание, уничтожение); т. е. ритуальные предметы нужно отправлять в иномирное пространство, так как они уже принадлежат ему. Язык традиционной культуры позволяет выполнить именно такое «прочтение» мифологического плана содержания указанных ритуальных действий.

Как следует из приведенного выше, культурный текст имеет синтаксическую и грамматическую структуру, включает в себя *глагол* (ритуальное действие), *имя* (предмет, с которым оно совершается, объект, на который направлено; субъект, кто совершает действие и пр.), *признак* (напр., использование красного цвет в погребальном обряде в качестве оберега, цвета траура (черный, белый), применение в разных целях той самой воды, которой обмывали мертвого и др.), *обстоятельства* времени и места (где, когда совершается обряд) и т. п.. Все предметы и пр., могущие быть использованы в обрядах с синонимичным назначением в одинаковых ритуальных контекстах, составляют парадигматический ряд, член которого выбирается в каждом отдельном случае благодаря его общему мифологическом значению, семантике. Например, предназначенную в жертву душам еду на поминках располагали в ряде локусов домашнего и природного про-

странства, где, согласно представлениям, могут находиться духи: на покути, у гроба, на окне, возле двери дома, около печи, на могиле и т. д.

Перечисленные выше категории в методологии этнолингвистических исследований получают названия кодов традиционной культуры, которые соотносятся друг с другом по принципу перевода с языка на язык, используя при этом в качестве языка-посредника общий для них мифологический план содержания, в конечном итоге сводимый к картине мира [см. об этом Толстые 1995]. Следует подчеркнуть, что мы говорим о выделении таких кодов условно, исходя в первую очередь из того, что вся традиционная культура представляет собой особый язык, включающий в себя как лингвистические (терминология, фольклор; тексты песен, заговоров, малые жанры и пр.), так и невербальные факты (обряд, поверья, артефакты), для анализа которого мы применяем языковую систему описания и трактовки с целью выявления общего плана содержания, картины мира, реконструкции ее современного и архаических состояний, с возможностью пролить свет на высшую мифологию славян.

Таким образом, в общем смысле оказывается возможным выделить в языке традиционной культуры следующие этнолингвистические коды: агентивный (кто делает), темпоральный (когда), локативный (где что-то происходит), предметный (что при этом используется) и т. д. В такой системе кодов могут актуализироваться как более универсальные категории (пространство, время, космология), так и факультативные, имеющие отношения лишь к одной группе существ или явлений (например, ботанический код, энтомологический, зоологический, ономастический и др.) или другой большой группе предметов или явлений (эортологический, свадебный, похоронный и пр.). Для кодировки одного и того же мифологического содержания могут использоваться разные коды, в едином ритуальном комплексе (напр., на свадьбе) они способны перекрывать и дополнять друг друга, многократно шифруя магическое послание к невидимому плану бытия.

В обрядности восточнославянских Громниц можно выделить стихийный код (огонь, вода, гроза), предметный (венок, свеча, воск), растительный (лен, мак), зоологический (волк, петух, вол), эортологический (Чистый четверг, Юрий/Егорий весенний, Юрий осенний, Крещение и пр.), локативный (церковь, дом, хлев, дверь, матица, стол, окно и пр.), акциональный (прижигать, окуривать, коптить), кинетический (вокруг, крест-накрест и пр.), числовой (освящение громничной свечи с целью повышения ее магической потенции три, семь, девять раз), темпоральный (на Сретение, летом, в период бурь), демонологический (домовой, ведьма, ходячий покойник, хлевник, черт), танатологический (похороны, поминки, тот свет, предки, мертвых культ), ритуальный (сев, дожинки, животноводство, свадьба, родины, ткачество, окказиональная обрядность и пр.) и др. При этом некоторые элементы обряда могут быть причислены к разным кодам,

например, венок можно отнести к предметному коду и к ботаническому, ставя во главу угла растение, из которого он сделан.

Этнолингвистические коды оказываются по-разному релевантными в каждом конкретном рассматриваемом случае, и это, в свою очередь, следует оценивать как важный семиотический знак, проливающий свет на семантику и мифологию рассматриваемой обрядности либо иного фрагмента традиционной культуры. Например, в погребальной обрядности особенной мифологической нагрузкой наделен локативный код, весь данный обрядовый комплекс может рассматриваться как операция с пространством реальным и мифологическим (приход смерти в дом, изменение его статуса с жилища живых на дом смерти, выдворение умершего, смерти и души покойника из дома и села на кладбище; преодоление душой пути на тот свет, а телом и погребальной процессией — на кладбище, разделение миров живых и мертвых, закрытие их границ, налаживание взаимовыгодных контактов между ними, возвращение душ на личные и календарные поминки в свои дома, где к их приходу готовятся; наконец, возвращение души умершего предка весной с того света временно либо окончательно в результате реинкарнации).

Рассмотрим некоторые этнолинвистические коды Громниц подробнее.

Стихийный код. Вода

В ряде областей Украины, Беларуси и западной России в день Сретения наряду со свечами в церкви освящали *воду*, которую хранили весь год, приписывая ей ряд целительных и магических свойств. «Стри́чэння, зима́ з ли́том стрича́лась. Свя́тять суль и во́ду» (Дунаец, глухов., сум.) [ПА]; «У нас на Стрэ́ченье свя́тится вода́, та вода́ пользи́тельна <…>» (Олбин, козелец., чернигов.) [ПА]; «Сви́тять све́цацки и воду ў Стре́чаны. Вода́ и све́чки о́чень харашо́, што́бы у до́ме до́бро бы́ло, но све́чка исче́ лу́чше за лече́ны челове́ка, чем вода́. <…>» (Малые Автюки, калинкович., гомел.) [ПА]; набирать ее могли в специальную новую посудину (укр.) [Воропай 1958: 145]. Эту воду называли *сре́ченска вода, стреча́льна вада́, стрие́чання вада́, стрэча́льна, встрэтша́льна, стрэ́чна вада́, свiатая вада* [ПА]. В некоторых случаях говорится о том, что она получается из талого *снега*, собранного в день Сретения, из *сосулек* или капель из-под стрехи, именно ее и относили освещать в церковь. «Сре́ченье. Избе́рали стре́лки, с крыши саса́льки, вони в пасу́дину аттави́ли, патом у бутилку — сре́ченска вода — скати́ну пома́жут е́ю. На сре́ченье ее хади́ли святи́ть в це́рковь» (Плехов, чернигов., чернигов.) [ПА]; «На Стри́ченне стри́лки [сосульки] ло́мять и умыва́ють глаза́» (Великая Весь, репкин., чернигов.) [ПА]; «У нас вода́ на Стри́чени [вода, которую собирают под стрехой] святи́лася, ў криницах сохраня́ли, ве́шали на гво́здик. Мо́жна и на Водо́крище [Крещение]»

(Вышевичи, радомышл., житомир.) [ПА]; «На Стрэ́чэнье ста́нэш вра́нца та й сни́гу набэрэ́ш. Раста́нэ сниг ў ха́ти ў буты́лочки. Стрэ́чна вада́. Тады́ пью́ть й ди́тям й собье́» [Верхние Жары, брагин., гомел.) [ПА].

Снег, из которого получается сретенская вода, следовало собирать на восходе солнца или в полночь; иногда уточнялось, что делать это должна девушка или вдова: «Проціў Стрече́нья снег бяруць да ўсхода сонца, ци вядро, ци ў бутылку, ци скольки бярэ, дзеви́ца ци че́сная ўдови́ца. Ваду са снега берагуць. <…>» (Челхов, климов., брян.) [ПА]; «Такэ́ було́ шо на встрэ́тшэнье ўно́сять да васхо́ду со́нца ў ха́ту снэ́г. Расто́плять, цэ́й вадо́ю умыва́лыся и пи́ли, цэ́я вада́ сцэля́ла. Встрэтша́льна вада́ [называлась]» (Ковчин, кулик., чернигов.) [ПА]; «Ат згла́зу, пад Стре́ченье бяру́ть у двана́цать часо́в но́чи сне́гу. Сне́гу черпану́т, он пата́ет и его берегі́. Он ат сгла́зу. [Для детей, взрослых, скотины]» (Радутино, трубчев., брян.) [ПА].

Верили, что сретенская вода имеет силу исцелять от болезней и сглаза, отвращать вредоносные магические воздействия и различные беды. Ею натирали больные места, умывались, пили; поили и окропляли скот, «щоб не хворів» (укр.) [Воропай 1958: 145]. «<…> Вадою глаза крапили, зубы, калі́ баляць» (Челхов, климов., брян.) [ПА]; «<…> Тею вадо́ю умыва́юцца, а скати́ну о так ве́ничком папры́скають на́охресть тры ра́зы» (Ковчин, кулик., чернигов.) [ПА]. Пасечники целый год кропили ею улья в первую неделю растущего месяца, чумаков окропляли ею перед выходом в дорогу, говоря: «Боже тобі поможи!», этой водой отцы благословляли идущих на войну сыновей, произнося при этом: «Боже тебе збережи!» (укр.) [Воропай 1958: 145].

По народным представлениям, сретенская вода хорошо помогала от *пристриту, пристреку* — болезни, причиняемой дурным глазом. «Стрие́чання вада́ ат прыстрые́ку. <…> Ат на вас хто гля́не и ўжэ вы забалева́ете» (Ковчин, куликов., чернигов.) [ПА]. «На Стре́ченье беру́ть святу́ во́ду — стреча́льна вада́ [называется] — от пристре́ку. Як пристре́к напада́е, так [ею] умива́ют, асо́бенно дите́й ма́лых» (Ковчин, кулик., чернигов.) [ПА]; «Як прыстрэ́х нападэ́, так свіатою вадой кропіать на Стріэтшэніэ. Як прыстрэх нападэ на малэ́нько дытія. <…>» [там же]; «Можно умива́ть [ребенка] стрэча́льной вадо́ю — ат пристре́ку, каза́ли» [там же]. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело в том числе и с этимологической магией: *сретенская* вода помогает в исцелении болезни от *встречи* (ср.: *пристрітний* ‘происходящий от сглаза, дурной встречи’, *пристрітник* ‘человек, имеющий способность сглазить при встрече с кем’ [Гринченко III 1909: 442–443]).

На талой сретенской воде пекли особый хлеб, который употребляли в понедельник Великого поста, либо давали собаке во время гадания: «Же́ншчины кали́сь сне́г сабира́лы на Стре́ченье, и вун раста́нэ, и во́ду пря́чуть. У пе́рвый панэди́лак по́сту печу́ть корж, ты́ею вадо́ю

заме́шивают — жилави́к, про́сто вада́ да мука́, да соль, то́нэнький таки́й. Ви́качают, тади́ ножикам наре́жуть и ево е́ли. У каво́ есть мак, намнём з ма́ком» (Ковчин, куликов., чернигов.) [ПА]; «На Стрэ́ченне бува́е так шчо ўжэ́ вода роста́е си́ро на дворе то нас так учы́ли, кото́ра дзеўка за́муж пэ́рва пу́йде. Ну, вот мы три подру́ги по́шли, набрали ро́том воды с розору де кортошку копа́е, прынесли́ ў ха́ту, замеша́ли ти́сто, а ма́ци запа́лила ў пе́чы, та трэ ты галу́шэчки положы́ў ў хату шчоб соба́ка прышоў. Котору галу́шэчку пэрву ўхапиш, то та дзе́ўка пэ́рва за́муж пу́йде. <…> Это ўсе вэ́чером» (Стодоличи, лельчиц., гомел.) [ПА]; «На стре́чэнье, на ўдоки. На́до ийти ўдом. Бэре́м воду ротом. Ну, там з лу́жы. Эту воду ўносим и влива́эм ў ми́сочку. Разме́шиваеэм. Из ржаною муки́, ну такэ́е, палю́шэчки трошкы́ пэкли́. Запа́лить ў пэ́чи, ну тольки нэ сажа́ть их тудэ́ далеко, а як ў пэ́чи гори́ть огонь, положы́ть их спэреду у огня́. Тэк пирошкы спеку́ца маленькие. А потом их ложым на скаме́йку ў хату. И дожэн соба́ка схвати́ть их <…>» (Стодоличи, лельчиц., гомел.) [ПА].

Стихийный код. Огонь. Гроза

Основной стихией праздника можно с уверенностью назвать огонь, объединяющий в себе **огонь небесный** (гроза) и **огонь земной** (пламя освященной свечи и пожара, в том числе от молнии), предстающий также в ипостасях **золы, копоти и дыма**. Контаминация небесного и земного огня начинается уже в церковной части обрядности Громниц. На Сретение во время освящения свечей наблюдали за ними, так же как и за горением других свечей во время службы, по их поведению предсказывая количество и интенсивность летних гроз. «На Стретенне бере́мо свечки́, свя́тимо ў цэ́ркви. Як тресча́т свечки́, то бу́дэ ве́льмэ гре́меть ле́том, як тихэ́нько — то ты́хо бу́дэ ле́то» (Боровое, рокитн., ровен.) [ПА]; «На громны́цы свиты́лы свичкы́. Як сви́чка тришчы́ть, то бу́дэ громовэ́ ли́то, я як ты́хо, то нэ бу́дэ грымовэ́» (Забужье, любомл., волын.) [ПА]; «На Стрэ́тенне пыта́ю ма́му ци трэшча́ли сўэ́чки оны́ гора́ть як осўяшча́ють. Як трэшча́ть то бу́де гроза́, дождли́ўэе ле́то с грозо́ю. <…>» (Радчицк, столин., брест.) [ПА]; «На Стри́ченнэ [гадают], громовэ́ ли́то — сви́чка ду́же трэщи́т, сви́чка та́е, ту́хне — мо́крэ» (Червона Волока, лугин., житомир.) [ПА].

По белорусским поверьям, на Громницы можно услышать первый гром, потому что в этот день св. Юрий пробует свое ружье на чертях: «Грамніцы атрымалі назву ад таго, што ў гэты дзень св. Юрай выпрабоўвае на чарцях сваю стрэльбу і чысціць яе. Таму, хаця і рэдка, з гэтага дня можна чуць грымоты, якія, дзякуючы грамнічным свечкам, не шкодзяць ні людзям, ні жывёлам, ні збудаванням, куды чэрці і блізка не падыходзяць», «Старыя кажуць, што яны памятаюць такі год, што на Грамніцы былі грымоты, так смаліў пярун, што рэдка бывае й па лету. Можа, затым гэтае свя-

та называецца Грамніцамі, што з яго пачынаюцца грымоты да што яно імі камандуе» (бел.) [Васілевіч 1998: 387–388].

Согласно энциклопедическому словарю «Беларуская мифология», огонь громничной свечи приравнивался к живому огню, взятому от молнии или добытому путем трения двух кусков дерева [Васілевіч 2004: 125]. Огонь громницы считался продолжением небесного огня, от разрушительного действия которого имел способность оберегать. Самым распространенным магическим применением громничных свечей является практика зажигания их во время грозы для защиты людей и усадьбы от грома и предотвращения пожара от молнии. Поскольку такие ответы информантов об использовании громниц самые массовые, и их содержание практически идентично на всей территории исследуемых обрядов, мы приведем лишь несколько подобных примеров. «Грамницы есць это пятнадцатаго февраля <…>. Хадзили в церковь сьвечки брали, кады грэмиць, некаторые сьвечки паляць, сидзяць, баяцца, сьвечка гарыць у хаце, атпугивае гром» (Клепачи, пружан., брест.) [ПМА]; «Када грэмиць гром, тада запаливали сьтрэченскаю сьвечку и закрэшчывали ўсе вокна и ўсе сценки и ўсё» (Старые Дороги, стародорож., мин.) [ПМА]; «Свитя́ть э́тые сви́чки стри́ченые у цэ́ркви. Як гроза́, па́лять тыé свéчки, мóляца Бóгу, штоб Бог перенёс тую́ ту́чу» (Барбаров, мозыр., гомел.) [ПА]; «<…> Или жы грезá бальшáя, дак запáлим ее [сретенскую свечу], дáбы унилáсь грезá, абышлá нас» (Золотуха, калинкович., гомел.) [ПА]; «Грумни́чна сви́чка. У нас ўжэ еé пáлять як грэми́ть» (Ветлы, любешов., волын.) [ПА]; «Беру́ть це свéчки, якá на Срэ́чене свáтится, срэ́чанска свéчка называ́ется. Свя́тять — и онá гори́ть, як идэ́ ту́ча, чи град» (Вышевичи, радомышл., житомир.) [ПА]. Верили, что громничная свеча способна потушить и локализовать пожар, как обычный, так и вызванный молнией: «Як пожáр, обхóдзяць тры разы́ по сóнцу со громни́цей» (Велута, лунинец., брест.) [ПА]; «Ди́жку вынóсили, свéчку грóмни́чну брáли, и обходи́ли тот дом, котóрый гори́ў» (Заболотье, брест., брест.) [ПА]; «Пожáр од грóму ту́шать молокóм (слáдким або ки́слым). Або обхóдять три рáза со стрéтенскою свечóю» (Велута, лунинец., брест.) [ПА].

Как уже рассказывалось выше, в праздник Сретения освященной свечой прижигали волосы, чтобы обезопасить себя от удара молнии и перестать бояться грозы; ею обносили дом и хозяйство с той же целью: «На Громни́цы нáкрыж [накрест] запáлывают вóлос хоб грóма не бояўс’. Кáжут, грóм не б’йé того́ человéка» (Мокраны, малорит., брест.) [ПА]; этой свечой коптили на потолочной балке, возле окон, дверей, икон крест с той же целью: «Громни́чна свэ́чка. Ёй рóбять на бáльках крэсты́, стáвят на окнó — каб гром не заби́л» (Оброво, ивацевич., брест.) [ПА].

Огонь сретенской свечи, являющийся земной манифестацией огня небесного, считался универсальным апотропеем от различной нечистой

силы (ходячего покойника, козней домовика, черта — см. об этом ниже **Демонологический код**), а также от любой беды и несчастья: «Бадá яка ў хаце — пали́ли» (Велута, лунинец., брест.) [ПА]. «Прыходзишь с цэрквы, да хаты, и ўсю гэту хату у кутках, па гэтым, па крыжыках, обойдзешь, ўсе углы у хаце, сьвечкай грамничнай, и тады ничого у хаце, ниякого злого не робицца, не будзе, бо иньший раз удаецца [кажется что-либо]. Мая гэта ўнучка, ў квартире жыла в Пружанах, и каже: «Мне што удаецца». Я пашла, ўзяла сьвянцонай вады, ўзяла грамничну сьвечку, ўсё паабходзила и ей не удавалась. Шо ей там удавалась? Штось стукае, хто ходзит па хаце, стукае, и кажу, ну я паехала, ўсё гэто зрабила и не было уже. Больше ана не чула. Пагэтаму грамничные гэта лячэнне. <…> И ат сурокаў [порчи] ана памагае» (Староволя, пружан., брест.) [ПМА].

Частотно использование огня громниц в народной медицине при произнесении заговоров и лечении у людей и скотины ряда заболеваний вообще и причиняемых колдовством в частности, например, этими свечами *спаливали рожу*, отводили *пристрек* (порчу от дурного глаза); помогали людям, попавшим в вихрь и пострадавшим от *зáвитки*[116], ею снимали (перепаливали) *колтун*[117] [Васілевіч 2004: 125], лечили испуг, бессонницу; снимали сглаз у переставшей доиться коровы.

Помимо этого громничные свечи зажигали на различные праздники; в аграрной обрядности при первом выгоне коровы на пастбище, при отеле скота, во время сева различных культур («Як сеюць на пóли, у хáце пáляць громни́чну свячкý» (Велута, лунинец., брест) [ПА]); в семейной обрядности на свадьбе, для помощи при родах, во время магических обрядов. Широко используется она в погребальном цикле: ее зажигали при тяжелой агонии рядом с умирающим или давали ее ему в руки, жгли в доме на похоронах и поминках, личных и календарных, при поиске тела утопленника в водоеме (см. об этом ***Танатологический код***).

В ряде ритуальных контекстов особым образом выделяется дым и копоть от громничной свечи: «Громни́чной свéчкой на потолóчной бáлке крéстик закáпчивают, и на окнé свечý стáвили, ек гром, и ребёнку поткýровают и любóму человéку, шоб не боя́ўся грóма <…>» (Заболотье, брест., брест.) [ПА]. Черный крест — след от небесного огня был в народном сознании надежным апотропеем не только от грома, но и против проникновения в дом нечистой силы: «На бáльцы крэст [и крыж] чóрны выпáлывалы громни́чной свечкой на Громны́цы» (Онисковичи, кобрин.,

116 Пучок скрученных, связанных узлом колосьев в поле; особый вид порчи, направленный на хозяев угодий или на урожай.

117 Вид болезни, при которой волосы сбиваются в неподдающийся расчесыванию плотный комок; снимать его могли только знахари в особое время, в противном случае болезнь ведет к серьезным последствиям, вплоть до смерти; считалось, что причиной данной хворобы может быть порча, испуг, встреча со сверхъестественным и пр.

брест.) [ПА]; «Крэстá выпáлюе той свúчкою [громничной], шоб оброня́ты дом од нэчúстого дýха, шоб грозá обхóдыла» (Бельск, кобрин., брест.) [ПА].

Использование золы, пепла, копоти как ипостаси и заместителя живого огня фиксируется и в других контекстах традиционной культуры с той же ритуальной семантикой: отвращение вредоносных сил. Например, на похоронах в Смоленской области окуривали покойницкое место в доме для очищения от смерти и защиты от нее («Обмыли, положили, у вéчари кадять стол, часов у десять стол кадять. Этым — воск туды кладуть, вугóльля — и кадять, идé он помирал, по хате. <…>» [Пашина и др. 2003: 29]), в Беларуси ходячего покойника отпугивали с помощью углей и золы из печки: «Взять из печú с агнéм жáру и вы́брасить за парóг [больше покойник не будет сниться]» (Золотуха, калинкович., гомел.) [ПА]; «Ставили замову [заговор] нейкую, рабили и ставили такий гаршок, и ставили жар горачый такий на парозе, шоб не пераступиў» (Кривоносы, стародорож., мин.) [ПМА]. Для защиты от колдовства громницами окуривали хлев, скот, людей, детскую колыбель, кросна, дежу и пр. «Од ля́ка сўэ́чкой громны́чной пудкýрўалы, от спýгу и коб грóму нэ боя́ласа дыты́на. Як собáка зляка́е рэбьóнка, то скублы́ тýю шэрсть и пудкýрўають» (Ласицк, пин., брест.) [ПА].

Акциональный, кинетический код

В данном разделе мы рассмотрим предикативную составляющую обрядности Громниц и особые действия со свечой, имеющие векторную направленность. Во многих случаях в описаниях ритуальных действий уточняется, что для защиты дома и хозяйства с помощью громничной свечи от грома, пожара, града требуется обойти требуемый локус *вокруг, по солнцу, по часовой стрелке*. «Стрúчаныи свéчки. Ўот карóўку ўыганя́иш, засявáць éдиш ў пóля, гром як бувáе, так абайцú кругóм хáты са стрúчанаи свечкай» (Жаховичи, мозыр., гомел.) [ПА].

В день Сретения горящей громницей обводили голову человека, которого хотели защитить от напастей: «Свéчы святы́лы у цэ́рквы на груны́цы. Горáшчэю свечóю обвóдылы тры рáзы голóву. Потом рысовáлы на бáльцы у хáты крэст кóпотью от свечы́» (Онисковичи, кобрин., брест.) [ПА]; «[Громничной свечкой на Громницы] кáждому кругóм и голоўкы подпáлють, штоб быў крэст на голоўэ́. Это каб головá нэ болéла» (Онисковичи, кобрин., брест.) [ПА]. Для защиты дома и подворья обходили их с громницей на Сретение, во время грозы, во время пожара для его прекращения и защиты соседних домов от огня, в любой другой день; во время сельскохозяйственных работ обходили поля для предотвращения градобития. «На Громны́ци обхóдять со свэчóй вокрýг дóма, штоб огóнь ёгó нэ спалы́ў, штоб грóма нэ боя́ца.

[Вокруг дома обходят по часовой стрелке]» (Заболотье, брест., брест.) [ПА]; «Круго́м ха́ты, хоро́мы обхо́дют [с громничной свечкой], шоб гроза́ мина́ла» (Бельск, кобрин., брест.) [ПА]; «Пожа́р с гро́мничной све́чкой [обходят] три ра́за по со́нцу. То́лько бу́дет верх бить пла́мя» (Заболотье, брест., брест.) [там же], в селе Жаховичи (мозыр., гомел.) с громницами обходили село на случай пожара [ПА]; «<…> Ат усяго́ стряче́нские свя́чи. Шчоб скот, ўсё харашо́, други́е ў ти́хае вре́мя све́чку паля́ть и абхо́дять весь сара́й, штоб ўсё благапалу́чно было́» (Челхов, климов., брян.) [ПА]; «Обходзи́ли жыто з громо́вой свячко́й» (Велута, лунинец., брест.) [ПА]; чтобы не побил град, в Градовую среду (после Рождества, Пасхи и Семика) обходили поля с запаленной громницей [Васілевіч 2004: 125].

Обход с громницей помогал и от опасностей, нечистой силы и болезней, особенно причиненных с помощью колдовства. Для защиты коровы при первом выгоне ее обходили со сретенской свечой, тот же прием помогал от козней домовика и для снятия порчи. «На Стрэ́ченне све́чку посве́тяли. Она хорошо́ ў хозя́йстве. Як коро́ўку запасыва́ли пе́рвы раз ў по́ле [нужно с зажженной свечой обойти вокруг нее раз]» (Махновичи, мозыр., гомел.) [ПА]; «У нас на Стри́ченя свеци́ли сьвечкы́, ву, мо, зна́ете… Из тою сьви́чкою треба до со́нца обойци вкруг ў хлеву́ (внутри хлева), шчоб домови́к не шко́диў» (Замошье, лельчиц., гомел.) [ПА]; «[Средство от домовика]. Шчэ со стре́чаной сўэ́чкою обойти́ ха́ту. Як семь раз сўэ́чка одна́ сўэ́тицца. Обойти́ три раз» (Симоничи, лельчиц., гомел.) [ПА]; «Грумни́чнэ сьве́чки, ну як жэ. З во́ску. <…> Од ско́ту е́сли скот одболи́е то́жэ е́ю подко́джюють. В хлеву́ кру́гом коро́вы обхо́дять по со́ньцу, хто ж на́опаки йдэ. (По со́ньцу на́до. Хрэ́стымось то на пра́ву сто́рону, хрэст кладьо́м. Трэ ж усьо́ по-хоро́шаму)» (Радеж, малорит., брест.) [ПА]. Тем же способом лечили от порчи и людей: «Стрэ́чана сьве́чка ў цэ́ркви на ка́ждае ха́ты, а ў кого́ нэма́, там ў цэ́ркви купля́ють. У цэ́ркви вана́ в рука́х гари́ть. А тади́ хто забале́л ат пристрие́ку, тади́ засве́тят, тры ра́за так абвэдэ́ круго́м, па со́нцу» (Ковчин, кулик., чернигов.) [ПА]; «На Громны́ци — ўоны́ ў фиврали́, шо́стыи неди́ли, сьвечки́ купля́ють и сьве́тять. Чы зляка́еца — молитву гово́рять и крум головы́ обводят грумни́чной сьви́чкою <…>» (Радеж, малорит., брест.) [ПА], ребенка обходили с громничной свечой от испуга (Оброво, ивацевич., брест.) [ПА].

Другим членом акциональной парадигмы обрядности громниц являются действия, совершаемые *крест-накрест*, в данном случае, прижигание волос крестообразно громничной свечой. Про подпаливание волос громничной свечкой для защиты от грома и избавления от страха перед грозой говорили: *во́лос подпа́ляют на чоты́ри бо́ка, с чэтэрьо́х сторо́н, на́хрэст, на́христь, на́хрэст', накрэст подсма́люют волоса́, пудпа́лююца наперекрест, на пэрэкры́ж* [ПА]. «<…> Подпа́львають го́лову <т.е. волосы> на́христь, шоб грома нэ боя́ўса. Кри́жа ро́блять на валькови <копотью

от громничной свечи>, коб гром нэ быў на ха́ту» (Радеж, малорит., брест.) [ПА]; «Грумны́чной св’и́чкой <волосы> потсма́л’ивайут’, на пэрэкры́ж. Шоп гро́ма нэ бойа́вс’а» (Радеж, малорит., брест.) [ПА]; «Пудпа́льваем <детям волосы> на Громни́ци, на́хрэст’, тут о и зза́ду. Сьви́чку як запа́лимо, грумны́чнэй сьви́чкой пудпа́лимо. Сьвя́тимо у цэ́ркви, прихо́дымо до до́му и подпа́лимо» (Радеж, малорит., брест.) [ПА].

Такое действие может рассматриваться как изоморфное ритуальному обходу с апотропеической целью; создание с помощью сакрального предмета особого, защищенного невидимой границей безопасного пространства, в которое не может вторгнуться ничто нечистое, враждебное и вредоносное. В этом случае магически маркируется не окружность границы, а направления, углы, четыре стороны света, в которых и ставилась защита. Например, во время эпидемий громничной свечой обносили село и в четырех его концах закапывали в землю немного воска с нее (бел.) [Васілевіч 2004: 125].

С другой стороны, маркирование четырех сторон в этом ритуальном действии может быть мифологически соотнесено с представлением о четырех ипостасях Перуна, божества грозы и небесного огня, которые связаны соответственно с четырьмя сторонами света. По мнению В. В. Иванова и В. Н. Топорова, основания для реконструкции таких представлений у славян можно найти в топографии Перыни, посвященного Перуну святилища в Новгороде, где столб предполагаемого идола стоял в центре окружности, по краям которой были расположены четыре кострища, ориентированные по сторонам света и возможно маркировавшие алтари (и еще четыре по промежуточным направлениям) [см. Седов 1953]. Такие мифологические представления о четырех ипостасях бога грозы, соотнесенных с частями света при центральной роли мирового дерева, находят свои параллели на индоевропейском уровне [Иванов, Топоров 1974: 26–27]. Косвенным подтверждением этой гипотезы на современном материале могут служить данные из Полесья о том, что в качестве оберега от грозы на балке дома с помощью громничной свечи выкапчивался крест, заключенный в круг: «Громова́я свича́. Тэ́ю свичо́ю трэ́ба малэ́го ребёнка подсмалы́ть накрэст: [на лбу, темечке, висках]. Щоб дытя грому нэ боя́лось. На Крэшчэ́нне тэ́ю са́мою свичо́ю на ба́льке *колэсо́ обвэдэ́ш и хрэста ў сэрэ́дыне ро́блють*» (Олтуш, малорит., брест.) [ПА].

В отдельную группу можно выделить ритуальные контексты про *подпаливание* волос людям, *копчение* крестов на балках в качестве оберега от грозы и пожара, *окуривание* в лечебных и магических целях. *Сви́чкою свячо́ную подпека́ють во́лосы, волоса́ запа́ливают, во́лосы па́лять, потпа́лять воло́с, пудпа́ливають ди́тюм во́лосы; ко́сы подку́рують со́би чуть-чуть, шоб грозы́ нэ бояться; прыку́рвают, пообку́рують; ребёнку поткуровают и любо́му челове́ку, шоб не боя́ўся гро́ма; пидсма́лються, смо́ляца*

[ПА]. «<…> Груны́чна сви́чка — ля гро́му. Ек грыми́ть, той груны́чною *пудку́рують, засма́лють* ба́льки: хрэ́сьтика зро́бять на сэрэ́дному ба́льковы» (Ветлы, любешов., волын.); *просма́ливають на балька́х кресты́; креста́ засма́лят, кры́жыка на ба́л'ке и на д'ве́ри; на потоло́чной ба́лке кре́стик зака́пчивают; зробъють дымко́м кры́жыка, свечкай прысмале; подкурваюць громничной свечкой; пыдку́рваты [при испуге], коб тый дымок пойшов; куры́лы, окурыва́ють, аку́рывають, наку́рываюца, выку́рвалы; све́чку запа́лять, шоб дым пошол; подка́дж'юють, подка́дживають* [ПА]. В данном случае актуальна апотропеическая семантика креста из копоти сретенской свечи на балке, возле двери, окна в доме и пр. и слегка подожженных волос как сакрального следа небесного огня: «Громны́чные свэ́чы, хто гро́ма ве́льми бои́цца, им во́лосы подпаля́ют или запа́лим ў хаты и ро́бим свято́й крест — на сэрэди́не ха́ты на ба́льце, шоб гро́ма не було́» (Ласицк, пин., брест.) [ПА].

Дым и копоть от громничной свечи, как уже говорилось выше, в народном сознании наделяются защитными и целительными свойствами: «Стри́чэлну све́чку посве́тят. А як худо́бина захвори́т, то окуривают хлив, шоб уро́ки не приста́вали» (Замошье, лельчиц., гомел.) [ПА]; «Стре́чене. На Стрэ́чене све́чку свети́ли, стрэ́ченска све́чка. Ку́рять коро́ву этой све́чкой от сгла́зу, дете́й ку́рять от дурно́го челове́ка» (Симоничи, лельчиц., гомел.) [ПА]; «<…> Падкуриват недужыго свэчэчкой: запа́лят свэчэчку, ды́шеш, панюхаш. Да бо́ле ничо. Вот тобе́ и зелль, ну, лека́рство тако́» (Золотуха, калинкович., гомел.) [ПА]; «Стрэ́чэнье. Све́чку све́тять. Гром грэми́ть, запа́ливають её, коро́ў подку́рывають и дете́й тоже, если захвора́ють» (Симоничи, лельчиц., гомел.) [ПА].

С другой стороны, копоть и дым горящей громницы в народной культуре обладают прогностическими свойствами, свечи, сжигая нечто невидимое и вредоносное, с помощью дыма обнаруживают сущности невидимого мира. Например, при обходе дома с зажженной громницей она коптит там, где нечисто «<…> паабходзиць па ўсех па углах, иде и где така больш, такая неспрыяльная, абстаноўка ў гэтым пакои, ано аж дымит, аж дымит, скачэ той дым, а пасьля гэтаго не, не будзе, а ў якой спакойна, то ана гарыт спакойна. Я ж сама абхо́жу. Як грамничныя, паабхожу ўсем сваим дзецям» (Староволя, пружан., брест.) [ПМА]. Во время магического лечения рожистого воспаления именно дым от громничной свечи позволял проверить диагноз и определить этиологию болезни: «<…> И с тым ды́мом ек лети́ть пило́к [пепел], то, ка́жуть, ди́сно ро́жа була́, а ек не, то, ка́жуть, штось друге́, не ро́жа» (Щедрогор, ратнов., волын.) [ПА]; «<…> И як лэти́ть высо́ко [пепел] — то счита́ецца: спроти́вили, нагляну́л хто́сь-то, подиви́вса. А як не высо́ко — то мо́же з ви́тру, може з сми́ху, мо́же з дри́бного дошчу́, може с та́ньцюв» (Радеж, малорит., брест.) [ПА]. Те же прогностические свойства актуализированы и в погребальной обрядности: по дыму от громнич-

ной свечи, которую держал в руках умирающий, судили о посмертном присутствии его души. После окончания агонии один из родственников гасил свечу, наблюдая, куда пойдет ее дым, если он поднимается вверх, это означало, что душа уже оставила тело, если стелется по земле, то душа еще находится поблизости (бел. витеб.) [Никифоровский 1897: 285] (см. подробнее **Танатологический код**).

В Брестской области зафиксирован термин *падстрыгаць, падстрыгацься сьвечками* в отношения рассматриваемого ритуального действия на Громницы. «Падстрыгаемся. Бярём мы сьвячу, запаливаем, я дзяцей сажу, я вазьму пахрышчу да абвяду тры разы па часавой стрэлке и бяру с пераду чуць сзади с праваго боку и с леваго чуць-чуць падпалю этаю сьвечкаю, таду уже каго падстрыгаю, той тушиць яе. А другому я апяць зажгу. Падпавливая. Это для здаровья» (Юндилы, пружан., брест.) [ПМА]; «эта на Грамницу, падпаливать сьвечкаю, сьвецяць, да хаты при́дуць ужэ тады, падстрыгаюць, ужэ, казали» (Клетное, пружан., брест.) [ПМА]. Семантика ‘подстрижения’ включает в себя также значение посвящения определенным силам, что реализуется в религиозной практике (пострижение в монахи), что может быть актуально и в данном случае: «подстрижение» громовым огнем как посвящение себя богу грозы и получение взамен его покровительства.

Танатологический код

Пожалуй, из всех описанных нами этнолингвистических кодов громниц наиболее нагруженным семантически и мифологически является танатологический код наряду с кодом стихийным — защитой от грома и пожара, соотнесенностью с небесным огнем. Связь праздника и его атрибутики с ритуальным комплексом погребения в народных обычаях и представлениях оказывается одной из самых явных и отчетливых. Это утверждение полностью подкреплено полевой работой; так, в ответах на вопросы «есть ли праздник Громницы, Сретение?», «освящали ли в этот день особые свечи, для чего они?» во многих случаях проявляется взаимодействие этой даты с танатологической семантикой, которая возникает параллельно с идеей защиты от грозы. Приведем некоторые примеры. «[Есть ли Громницы?] На Грамницы сьвечки сьвецяць, мы и зараз сьвецимо, ну як грымиць, запаливаеш, як умрэ чалавек, грамничные сьвечы паляць, пакуль ён ляжиць у хацэ. Стаит сьвечка сутки, кольки ляжиць. У пасудину, у стаканчык. Запаливаюць ат грома и ставяць на акно. Так было, так рабили, я помню добрэ, я и сама раблю» (Клетное, пружан., брест.) [ПМА]; «[были ли Громницы?] Было́. На Грамницы напьецца певень вадиццы. Было́. [А свечку делали?] Сьвечка грамничная была, сьвечки такие робили. Гром гремиць, запаливали. Як памирае, то тоже» (Хорева, пружан., брест.) [ПМА].

На вопросы № 1а и № 1б (Как назывался праздник сретенья (*стриченье, громницы* и т. д.)? Как называлась сретенская свеча (напр., *громница*)? Что с ней делали?) раздела V (Весна) полной программы «Полесского этнолингвистического атласа» [см.: ПЭС: 27], по которой планомерно собирался полевой материал в Полесье во второй половине XX в., были получены следующие ответы: «На громни́цы све́чку с'в'а́тят, як посв'а́т'ат све́чку, потпа́ливают и креста́ засма́лят, кры́жыка на ба́л'ке и на д'ве́ри. Волоса́ запа́ливают, хоб не боя́ўся гро́му. Фсе́м мо́жно, и де́тям и ста́ршым. Як гро́м, то́же зажыга́ют. И челове́к умрэ́, то ста́в'ат на столе́» (Мокраны, малорит., брест.) [ПА]; «Святкова́ли, ў цэ́рковь ходи́ли, све́чку святи́ли, а як умира́е люди́на, то дають ў ру́ки» (Вышевичи, радомышл., житомир.) [ПА]; «[Праздник Сретенья] назывался Стрэчэнье. [Сретенская свеча] называлась стрэчэнская свэчка. Эта абяза́тельна ў ка́жда дваре́ была ета стрэчэнска свэчка. Ана́ на год свэ́тица, свэ́чка. И е́та свэчка, када́ чэлаве́к памира́е, дають ему в ру́ки. Як он сканча́ца, бяру́ть ету свэ́чку. <…>» (Золотуха, калинкович., гомел.) [ПА]; «Стряче́нские све́чи. На Стряче́ние светя́т све́чи. Ты́я све́чи пако́йникам памира́ючь — дак даю́ць. <…>» (Челхов, климов., брян.) [ПА] и т. д. Та же тенденция проявляется в семантизации церковного освящения свечей на Сретение: наряду с гаданиями о погоде и количестве гроз будущим летом, по поведению свечи во время службы предсказывали и грядущую смерть: «Як све́чки засве́тять на Громни́це, и оны́ трешча́ть, то гово́рать, шо бу́дэ гроза́ тэм ле́том большая» (Нобель, заречнян., ровнен.) [ПА], в белорусском Полесье верили, что первым из односельчан умрет тот, у кого на службе быстрее всех погаснет громничная свеча [Васілевіч 1998: 387].

Громничные свечи широко используются в комплексе похоронно-поминальной обрядности, они горят возле умирающего и в доме, где лежит мертвец, их клали в гроб перед погребением, жгли на личных и календарных поминках — *дедах*. «Як памірае ў нас чалавек, тады стараюцца, каб была сьвечка. Ужэ як ён канае, тады бяруць яго пад правую руку, перакрысьцяць яго тры разы і даюць у другую руку сьвечку стрэчанскую» (Семежево, копыльск., мин.) [Басько и др. 2010: 551]; «<…> И громни́цу, свеча́ така́я [освящается на Сретенье] ло́жать в ру́ку» (Кончицы, пин., брест.) [ПА]; «Сьвечку гэту запальваюць, як памрэ чалавек» (Великая Липа, несвиж., мин.) [Басько и др. 2010: 87]. Громничная свеча сопровождала умершего и во всех последующих этапах погребального обряда: после смерти ее вынимали из рук покойника и ставили в подсвечник или в склянку с зерном на покути (бел. мин.) [Фядосик 1986: 107], она горела на протяжении всех похорон, ее клали в гроб: «Пакойник ляжыць и он доўжен ляжаць целую ночь и ешче днём, и всё врэмя далжна гарэць сьвечка [громничная]. Ставили грамничные пачаму-то» (Оранчицы, пружан., брест.) [ПМА]; «Должен челавек, каторый умер, параночевать ў сваей хаце и есьли ў бальнице умер,

быў ў бальнице, но ў сваей хаце доўжен переночеваць целу ночь. Ну и целу ночь коло его сидзяць близкие родственики, сьвечка гарыць. Лежиць булка хлеба на стале и гарыць свечка целу ночь, гарыць сьвечка. Грамничная. Есьли хто умее чытаць малитвы, то чытае малитвы» (Смоляницы, пружан., брест.) [ПМА]; «Стреченская свечка. Як умирае — даюць у руки. Святять и хавають мяртвяцу ў гроб. <…>» (Челхов, климов., брян.) [ПА].

Громничную свечку зажигали на всех поминках, а в год траура ее использовали в доме покойника для подкуривания, подпаливания скотины и людей (бел.) [Васілевіч 2004:125], на календарных поминках (*дедах*) ее запаливали перед ритуальной трапезой во время молитвы и ритуального приглашения умерших прийти и присоединиться к живым во время вечери. «Сьвечку гэту запальваюць на Дзяды, увосень Дзяды ў нас спраўляюць» (Великая Липа, несвиж, мин.) [Басько и др. 2010: 88]; «Запальваюць сьвечку грамнічну, і чыталі малітву. Перахрысьцімся і садзімося за стол, первы тата пад покуць садзіцца і акрэсьціць усю страву, і пачыналі есьці. Тата просіць за стол усіх, хто памёр з роду, што мы пра вас не забыліся, што мы вас памінаем і ўсе стравы для вас пакідаем» (Великая Липа, несвиж., мин.) [Басько и др. 2010: 322].

Однако в контексте похоронно-поминальной обрядности особенно значимой оказывалась громничная свеча во время агонии, и наиболее массовый полевой материал относится именно к такому ее употреблению. Громничные свечи зажигали рядом с умирающим, родные давали их ему в руку, горящей свечой обводили вокруг него: «Зажигают свечку. да… Ставють возле его головы. Или там коля боку. Ставють эту свечку. <…>» (Нобель, заречнян., ровен.) [ПА]; «[Сретенская свеча] — громична свэча. Свэчу у цэркви святуть, у дом нэсуть. Як грыміть, тады яе палять. Як важко чоловік умирае, то запальвают яе» (Радчицк, столин., брест.) [ПА]; «ё така свеча, стреченая. Когда человек умирает, держат тыю свечку» (Челхов, климов., брян.) [ПА]; «Грамнічная свечка. Яе свянцили. Калі чоловек памирае, гэту свечку закладаюць яму ў руки, зажагаюць» (Туховичи, ляхович., брест.) [ПА]; «Як хто цяжка [умирает], то сьвечку. Грамничную. Но гэто не только цяжка, а и легка, и бачыш, што чалавек памирае, то абовязково ў руку давали сьвечку грамничную. Так он уже яе трыма. Утрымае, яко рука тагда уже пачынае гэто, мой брат у Пружанах недавно, я пака са Староволля в Пружаны прыехала, як ўлажыла сьвечку, и вся ана гарэла и трэмаў, ляжаў мёртвый» (Староволя, пружан., брест.) [ПМА]; «Для мёртвого даюць святую свэчку в левую руку (свэчи святять на стрэченье, на громніцы), громнічную свэчку даюць» (Кончицы, пин., брест.) [ПА]; «Брали сьвечку, грамничныя сьвечки, ну, брали сьвечку, запаливали. И зарэ у меня муж памёр, я рабила. Парахрысциш яго йетай сьвечкай, абвядуць тры раза, абвяла вакруг яго и дала яму ў руки падзяржаць, каб гарэла (Юндилы, пружан., брест.) [ПМА].

Среди мотивировок этого ритуального действия встречаются представления о том, что громничная свеча облегчает страдания умирающего. «Як умира́е тяжело, то груны́чну сви́чку дава́лы» (Спорово, березов., брест.) [ПА]; «<…> Вро́де лэ́гшэ вин помира́е, бо ему́ си́льно тя́жко. Сьве́чка из цэ́ркви. Есть у нас пра́зник, называ́ецца громны́ца, Стре́тенье. Гово́рють, раз зима́ з ле́том стре́тиваецца. На эти са́мые громни́цы свя́тють свечкы́… То и эту са́му све́чку тада́ па́лють, как от э́тый покойник. Шоб лэ́гшэ ёму́ бы́ло помира́ть» (Нобель, заречнян., ровен.) [ПА]; «Як на Гро́мницу свичкы́ сви́тять, а́ле шчэ на Па́ску, то як ўмира́е й му́чыцця, Биг ёму смэ́рты не дае́, то даю́ть ту сви́чку святу́ю» (Нобель, заречнян., ровнен.) [ПА]. В других случаях необходимость громницы во время агонии объясняли тем, что ангелы, увидев ее, придут на помощь умирающему (бел.) [Васілевіч 2004:125], что ее огонь отгоняет от души сатану (бел.) [Романов 1912: 136], чтобы на Страшном суде не обгорели руки (Присно, ветков., гомел.) [ПА]. В Беларуси считали, что если умирающий держал в руках громничную свечу, это означало, что он умер праведником (бел.) [Никифоровский 1897: 285]; особенно хороший знак для умирающего и его родни видели в том, что свеча не выпала из рук за всё время агонии (бел. витебск.) [Фядосик 1986: 121].

Возле умирающего и в доме покойника обязательно должна гореть свеча, это необходимо душе, посещающей в определенный период родное жилище и также нуждающейся в освещении ее пути в потустороннем мире. «В нас стари́ лю́ды ка́жуть шо як помрэ́ хтось, то до сорока́ дэнь в ха́ти па́лять сви́тло, шоб душа́ ба́чыла доро́гу на то́му сви́ти» (Забужье, любомл., волын.) [ПА]; «Тры дни чаловека не харанили, патаму что душа тры дня ходзиць кругом чаловека, ён и слышыць ўсё и видзиць, и як памрэ — свеча далжна гарэць у чаловека, ўот что ставяць на куцэ. Гаво́ряць, если свеча гарыць, ён бачыць, яму нада свет. Паетаму не тушаць свячэй, каб полну ночь гарэла свэ́ча. И душа ходзиць, атдзеляется ат цэла да сарака дней. Яна блуждаецца сюда-туда, ўсюду пабывае» (Левки, стародорож., мин.) [ПМА].

Особенно часто в этом контексте использовались именно громничные свечи. Во многих случаях громничная свеча возле умирающего или в его руках считалась универсальным средством для правильного перехода души в потусторонний мир, обеспечения ей благоприятной загробной судьбы, освещения душе дороги на тот свет. В белостоцком Подлясье верили, что огонь громничной свечи в руках умирающего является проводником души в потусторонний мир и освещает ему дорогу [Фядосик 1986: 152]; «Мама гаварыла, што умираець пакойник, уже нельзя станавицца у нагах или ў галаве, тока збоку, шобы он за сабой, штобы дарога яму была прамая, када ўот гэта ўот сьвечка гарыць [громничная], то она гаварыла, штобы он не запутался, куды яму ицциць, ў том сьвице бачыл, куды ицци» (Староволя, пружан., брест.) [ПМА]; «Вот калі чалавек паміраець і яму ні дадуць сьвечку [грамнічнаю] тады ён, як яго пахаваюць, не знаіць, якой дарогай ісьці, куды,

у які бок. Хто без сьвечкі паміраець, гавораць, гэта блага [плохо]. А хто яго знаіць. Ніхто ж адтуль ні прышоў. Но што што-та ёсь на тым сьвеці — я гэта веру» (Бояры, мядельск., мин.) [Басько и др. 2010: 551]; «И казали, што може дарогу ана [громничная свеча] там яму асвяшчае. Гэто, дарогу ў вэчнасць высвечывае» (Староволя, пружан., брест.) [ПМА].

С другой стороны, фиксируются представления, что отсутствие громничной свечи в руках умирающего и после в его гробу мешает ему правильно и благополучно обосноваться в ином мире: «Стрече́нская све́чка. Як умира́е — даю́ть у ру́ки. Свя́тять и хава́ють мяртвяцу́ ў гроб. Ко́напавай не палажи́ли ў руки. Ана́ сасни́лась, гавары́ть: Ўсё харашо́, да мине́ на рабо́ту не дапуска́ють. Дак ани́ передава́ли како́му мертвяцу ў гроб. Ат усяго́ стряче́нские свя́чи» (Челхов, климов., брян.) [ПА]; «[Праздник Сретенья называется] Стрэ́чэнье. [Сретенская свеча называлась] стрэ́чэнска свэ́чка. Як умира́е чови́к, конча́еца чови́к, дають ў ле́ўую ру́ку свэ́чку, *па́спорт уже таки́й на тот свэт*, бэз него на тот свэт не пустят. И так бывае, каза́ли. Як граза́ иде́, дак па́лять е́ту свэ́чку. Свэ́чка памага́е та» (Золотуха, калинкович., гомел.) [ПА] (курсив наш — А.М.).

В окказиональной обрядности также фиксируется подобная семантика сретенских свечей: их брали с собой в дорогу как оберег, с их помощью искали в водоеме тело утопленника для того, чтобы совершить над ним необходимые погребальные обряды. «<…> Ў це́ркви пакупа́ють све́чи, святять и пото́м их ў даро́гу куда́ е́дуть, бяру́ть е́ти све́чи <…>» (Челхов, климов., брян.) [ПА], «Хлеб кида́юць у ваду́. У им свечка грамни́цкая (бра́ли з цэ́ркви ад гро́му). Дзе бу́лка астано́вицца, там — уто́пленик» (Туховичи, ляхович., брест.) [ПА]; «Ў дежу́ [кладут] хлиб, на хлиб сьвечку ста́влять. Дежу́ пуска́ють ў во́ду. Где ўста́не ди́жка, там топля́нык» (Нобель, заречнян., ровен.) [ПА].

Огонь, горящий возле умирающего и в доме покойника, играл особую мифологическую роль: он должен был проводить на тот свет душу умершего и осветить ему путь в загробный мир, в чем, как и в самом присутствии огня и его подчеркнутой важности на всех этапах погребальной и поминальной обрядности, можно с основанием видеть реликты древнейшей формы славянских похорон (трупосожжения), происходящей под покровительством Перуна [см. об этом: Андруніна 2021]. Связь Перуна и погребального обряда зафиксирована в ряде источников, например в Тобольском списке «Хроники Литовской и Жмойтской» содержится описание установления обряда трупосожжения для князей и выдающихся дворян Литвы, а также помещения на предназначенном для кремации месте культового комплекса в честь Перуна с вечным огнем из дубовых дров: «Гермонт, зоставши по отцу своем великим князем литовским жомойтским и руским, ведлуг приказания отцевского, на том мѣстцу, на устю реки Вилни, где в Вилию впадает, учинил жеглище и там спалил тѣло отца своего и коня,

на котром ѣздил, и шату котрую носил, и покоевого его, на котрого завше был ласкав, сокола и хорта его спали, и от того часу великих княжат литовских и бояр знаменитых тѣла на том мѣстцу били палени, и тое мѣстце прозвали Свиндорога, на имя того великого князя своего.<…>. Уставил на тое мѣсце и уфундовал Гермонт попы поганския и вворожбитов, которые бы могли офѣри богом своим отправовати, огонь теж вѣчный з дубовых дров на тых жеглищах завше день и ночь горѣл на хвалу Перкунови богу, котрого мнимали громами, блискавицами и огнем владѣти <…>» [Хроника: 31]. То же можно наблюдать в материале из Новгорода: крупнейший в ильменском Поозерье погребальный комплекс (группы сопок) урочище Перынь, находящийся между реками Волхов и Прость [Петров 1999: 77], имел в своем составе изображение Перуна согласно Новгородской первой летописи «И пришед Добрыня къ Новугороду, постави Перуна кумиръ над рекою Волховомъ, и жряху ему людие новгородстеи акы богу» [Новгородская первая летопись:128], не говоря уже о семантике самого топонима, достоверно маркирующего связь с этим божеством. О том, что Перун мог мыслиться как проводник на тот свет душ, косвенно свидетельствуют поверья о св. Юрии, в которого (наряду со св. Ильей и св. Михаилом), согласно ряду исследований, трансформировался Перун с приходом христианства [напр.: Иванов Топоров 1974: 19, 200; Успенский 1982]. Согласно украинскому поверью, «як прийдемо на той світ, то за москалів буде Микола, а за нас Юрій. То як іде москаль, Микола… каже: „мій“ тай бере собі, а як наш, то Юрій собі бере…» [Драгоманов 1876: 194–195].

Другой стороной рассмотренных представлений являются поверья о тех, кто не получил верного погребального обряда и вследствие этого не переселился на тот свет, став ходячим покойником или иным представителем нечистой силы, для многих из которых достоверно реконструируется связь с мертвыми [см. Виноградова 2001]; например, в Сербии верили, что вампирами становятся люди, умершие в темноте [Левкиевская 1995: 283].

Демонологический код

В нарративах, объединяющих в себе громничные свечи и низшую мифологию, чаще всего встречаются следующие персонажи: ходячий покойник, черт, домовой, хлевник, ведьма; множество не персонализованных духов болезней, а также не идентифицируемая нечистая сила, о которой просто говорится «пугает». «Свэ́чку [крещенскую, громничную] кладе́шь ў до́ма, неха́й бу́дэ, шоб Бог не даэ́ — то шко́довать ў ха́ти, то той све́чкою тро́шки во́ску бэру́ть там окурываю́ть, све́чку запа́лять, шоб дым пошол» (Выступовичи, овруч., житомир.) [ПА]; «Громни́чна свэ́чка [эту свечку

святили]. <…> [Если человеку чудится, что его пугают, то с этой свечой ходят вокруг него.]» (Оброво, ивацевич., брест.) [ПА].

Частое использование громничных свечей в народной медицине, в первую очередь против болезней, причиняемых нечистой силой, и порч, может быть основано на давно известном и достаточно широко распространенном архаическом мифологическом представлении о том, что громовое божество во время грозы гонит прячущегося от него нечистого духа и в конечном итоге убивает его: «Як грыміць, та гэ́то архáнгел Міхаіл, ці сьвяты́ Ілья страля́юць чарцéй, катóрыя хавáюцца ў буды́нак, пад дзéравам ці дзе пры́дзецца» (полес.) [Сержпутоўскі 1930: 37]. Сюжет о том, что громовник способен убить не только черта, но и духа болезни, зафиксирован в Полесье, из чего можно вывести ясную магическую идеологию использования громниц в лечебной магии: гром убивает духа болезни. «[У рассказчицы была шихля]. У Чы́сты чэтўэ́р мэнé у канáўу пнуў [муж], шоб я злякáласа, да ши́хля [лихорадка] пропáла. Да та ши́хля нэ пропáла, да до Пятрá жылá у мэнé. [Потом она пошла в лес, там началась гроза]. А як Госпóдь даў на пóмоч, град ўбиў у зэ́млю ши́хлю» (Ласицк, пин., брест.) [ПА].

Зафиксированные в контексте демонологии мифологические сюжеты, о которых далее пойдет речь, можно условно разделить на две группы: отгон от людей и их жилищ ходячих покойников с мотивом распознания покойника, его отпугивания с возможной идеей его отправки на тот свет, и защита домашнего скота от вредоносных действий со стороны хлевника, домовика и ведьмы, где громничная свеча также помогает увидеть, поймать и отпугнуть вредителя. В предыдущем параграфе нами подробно рассмотрены мифологические представления о том, что громничная свеча помогает умершему благополучно перебраться в иной мир и устроить свою посмертную судьбу лучшим образом, логичным продолжением этого сюжета являются былички о громнице, выявляющей и отвращающей тех, кто не смог преодолеть границу между мирами и задержался в человеческом измерении. «Хóдят, як ўжэ по смэ́рты, лякáють. То ўжэ нэ запэчáтаные. [Сейчас батюшка «печатаэ» покойников:] на гóлову накладáэ такý бумáжку, и на рýкы, и на нóгы, то ўси свячóно. То нэчисти́вый дух убэрэ́ться ў ти́ло и хóдыт чэловэ́ком. Як при́дэ до хáты, хто мáком обсипáе, покýда позбирáе [мак покойник] времья его пройдэ́. Громны́чну сви́чку сви́тять о полнóчи, шоб нэ ходы́ў» (Олтуш, малорит., брест.) [ПА]; «Сви́чку грумны́чную сви́тять, як покóйнык прийдэ, до пувнóчи» (Олтуш, малорит., брест.) [ПА]; «[Покойник приходил в виде лисы. Брали святой хлеб, мак, громничную свечу, обходили дом и молились. Затем вокруг дома сыпали святой мак.]» (Оброво, ивацевич., брест.) [ПА]; «Як чорт хóдыть, засвэты́ты свэчý [громничную] — ты́лько почýе бляск и змотáеца, ты його за хвостá нэ злóвиш» (Олтуш, малорит., брест.) [ПА]. О том, что громница помогает выявить, изловить и проводить на тот свет ходячего покойника, повествует

быличка, записанная в с. Ветлы: «А колы́ся, расска́зывалы, померла́ то́жэ жы́нка. Вот и хо́дит тоже до ребьёнка. Чуе, як и прейдэ и тьмо́кае гру́дь. Чо на ёго́ ка́жуть: визьми́, запали́ громни́чную сьви́чку и поставь — колыся у нас были таки макитры́ — и туды́ зэрна́, пшэны́ци ти шо насы́пь и поставь сви́чку и накрый. И ты ей изло́виш. Вот вин так и зроби́в. Поста́вив сьви́чку, запали́в и накры́в. О, чу́е, ўжэ диты́на тьмо́кае. Вин ўзеў, откры́ў. А она ка́жэ: «Ой, шо ж ты наробив мэни́. Тапер будэш меня́ а́бо дру́гий раз хорони́ть, а́бо веды́ меня́ на кладбишча“. <…>» (Ветлы, любешов., волын.) [ПА].

От вреда со стороны домовика, хлевника и молочной ведьмы скот защищает громничная свеча, с ней выгоняли коров на пастбище, употребляли в качестве оберега в хлеву и вне его. «У нас на Стри́ченя свеци́ли сьвечкы́, ву, мо, зна́ете… Из тою сьви́чкою треба до со́нца обойци вкруг ў хлеву́ (внутри хлева), шчоб домови́к не шко́диў» (Замошье, лельчиц., гомел.) [ПА]; «[Когда корова мокнет], э́то, ка́жуть, го́нить э́тый домови́к по хле́ву — возьмеш мак-виду́н посы́плеш, або́ све́чку (на Спа́са све́тять, на Стре́ченне) кла́ли у хлиў» (Замошье, лельчиц., гомел.) [ПА]; «Зайшлы́ ў хлиў, а жа́ба ссэ коро́ўу. А як ўже ўзяў громни́чну сўи́чку, да схава́ўса, той чолоўи́к стары́, а жа́ба ста́ла, да вяли́зна жа́ба, и на ла́ўцы ссе коро́ўу. И ўин ўзяў тэй жа́ьи поотси́каў ла́пы. На дру́гий дэнь прыхо́дыть, як суси́дка ба́ба лэжы́ть бэз рук и бэз ниг. Лэжы́ть, прыпоўзла́. А она́ нэ жа́ба, да ба́ба була́» (Лопатин, пин., брест.) [ПА]; «Стре́чена све́чька. На Стре́ченье застро́млюють ей ў хливи́ ў воро́та, шоб ве́дьма нэ пришла́ — то стре́чена све́чька» (Выступовичи, овруч., житомир.) [ПА].

Номенклатура приведенных выше сюжетов о нечистой силе и громничных свечах, наряду с их важнейшей ролью в цикле погребальной и поминальной обрядности отражает и может помочь реконструировать два архаических мифологических мотива: «громовержец-психопомп» и «громовержец-защитник стад». Эти выводы косвенно подтверждает терминология, фиксирующаяся в некоторых местностях, где в данном контексте вредящая ведьма называется «змеей», то есть получает характерную для противника Перуна апелляцию. «[В купальскую ночь] сви́чку грумни́чну ви́шали, она [ведьма] ты́лько зуба́мы погры́зае [и войти в хлев не может]» (Олтуш, малорит., брест.) [ПА]; «[Об использовании свечи, освященной на Сретенье]. На Ива́на Купалого её ло́жать на варо́та, где коро́ва хо́дить [сверху ворот сарая]. Если *змея́* хо́чэ худо́бу покуса́ть, она куса́е све́чку, до коро́вы не мо́жэ доступи́ца» (Симоничи, лельчиц., гомел.) [ПА] (курсив наш — М.А.).

Растительный код

Рассмотрим еще один член этнолингвистической парадигмы праздника Громниц, а именно, связь со **льном**, проявляющуюся практически во всех стратах относящейся к этому дню культурной номенклатуры: в поверьях и приметах, обрядах самого разного характера внутри семейного и календарного циклов, а также в окказиональных.

Наблюдаемые в день Громниц приметы часто были связаны с ожидаемым урожаем льна, например: «На Стрэ́чэнне, як састрэка́еца ле́то с зимо́й, если капажы́ ка́пают са страхи́, да замэ́рзнут до́ўги, то уража́йны год, лён ро́дица до́ўгий. [Если висят длинные сосульки.]» (Барбаров, мозыр., гомел.) [ПА]; для посева льна выбирали день, на который приходилось в этом году Сретение (Великий Бор, хойниц., гомел.) [ПА], с собой брали громничные свечи «Хлеб брали. Як се́яли, ў лён лупечки клали свяцо́ные [шелуху от пасхальных яиц][и само яйцо покрошат], коб лён добрый паро́с. И свячу́ брали [освященную на «Стре́чанне»]» (Жаховичи, мозыр., гомел.) [ПА]; соблюдали запреты «Если оста́вить [на прялке или гребне кудель] на Крешче́ние или Громны́цы, лён не бу́дэ родица» (Заболотье, брест., брест.) [ПА].

Наряду со свечами, на церковной службе в этот день освящали еще и лен, волокном или ниткой из которого обвязывали громничные свечи: «<…> На громни́цу свети́ца лён. <…>» (Заболотье, брест., брест.) [ПА]; «Громни́чну свичу льно́м [обвяжуть], святя́ть у цэ́рквы» (Бельск, кобрин., брест.) [ПА]; «<…> Яко громни́цы, у нас свя́тять све́чки, ни́точку там завья́зывають на эту све́чку, як до свячи́ння, як до це́ркви несу́ть» (Бельск, кобрин., брест.) [ПА]. В некоторых случаях говорилось, что это делается для урожая льна: «<…> громни́чну свечу́ обвя́зывали льно́м, шоб льно́м уроди́ўся» (Заболотье, брест., брест.) [ПА]; для той же цели старались засевать именно тем льном, который освятили на Сретение «На Стри́тэнне льон сватэ́лэ, [потом им засевали]» (Щедрогор, ратнов., волын.) [ПА].

Громничная свеча, обвязанная льном, создавала в народном представлении единый сакральный комплекс предметов, употребляемый в тех же самых ритуальных контекстах, что и сама свеча: «[Сретенскую свечу] льно́м йни [обвяжут], свичкэ́й свя́тят ў цэ́рквы, як прийдэт до ха́ты, як е малы́и ды́ты — ко́сы надо ло́бом па́лять, крэ́стик па́лять на ба́льцы» (Бельск, кобрин., брест.) [ПА]; «<…> Шэ так каза́лы: «Громны́цы — зымы́ половы́цы». Шоб грим нэ быв в ха́ту, на громны́цы свичку льо́ном обве́зувалы и обно́сылы круго́м ха́ты» (Забужье, любомл., волын.) [ПА]; «Больши́й гром — тода́ све́тимо гро́мничную све́чку. Як ро́жа или пристри́т з го́чи, то па́лють ее́. Як свя́тять све́чку, то омма́тывають льном, волохно́м. Еже́ли скот боле́е, ее́ подка́дживають ў хлеву́, по со́ньцю (кто же наопаки́ иде?)» (Радеж, малорит., брест.) [ПА]. В народном представлении идея

свеча+лен, помимо обвязанной льном свечи, может быть также реализована через «льняной фитиль внутри свечи», что подчеркивает комплексное понимание этих двух предметов: «Сатана́ нэ во́йдэ в лён. Све́чи вот ро́блять, то з него́ кнётыки [волосок посередине] утыка́ють. На Стры́тенне, громны́цы» (Нобель, заречнян., ровен.) [ПА]. Действительно, во многих обрядах, требующих использования освященного на Сретение льна, он применяется в паре с самой свечой, которой он поджигается, например: «Святы́лы свичкы́ на Стри́чэнне от як грэми́ть, то палы́лы. А шчэ як ро́жу спа́ливають, то лёна па́лять, да гэ́той сви́чкой запа́львають» (Нобель, заречнян., ровен.) [ПА].

Освященный на Сретение лен, зажженный громничной свечой, применялся при лечении некоторых заболеваний, считающихся результатом магического воздействия, например, рожи, порчи молока у коровы, бессонницы у детей. «Стре́ченска све́ча трэ́ба, як у люди́ны ро́жа. Беруць от лёна волокно́, засте́ляць на больно́го чи́сто полоте́нце, чи на руку, чи на глаза́, па́лиць на той све́чке и кладу́ць на полоте́нце и моли́тву чита́е. И помога́е» (Боровое, рокитн., ровнен.) [ПА]; «Хай чолови́к опу́хне чи рука́, чи нога́, чы лыцо́ — э́ту ро́зу спа́ливати, и гэ́той громны́чной свчкой трэ э́ту ро́жу спа́ливати. «Отче наш» — дэ́вьят раз и лён смы́чут. Та́ко лёну насмы́кати [медленно вытягивают лен во время чтения молитвы, лен и громничную свечку держат в одной, левой руке, правой «смычут» в три кучки. Три раза кладут по три пёрышка] да и запали́ти то́е сви́чэчкой. <…>» (Ласицк, пин., брест.) [ПА]; «Грумни́чнэ сьве́чки, ну як жэ. З во́ску. <…> И як ро́жа, или там приме́рно пристри́т, испа́лють тэ́ю сьвэ́чкою. Бо́гу на́до моли́тыся. Полотэ́нце сте́лять на руку сьвечо́ное, льон беру́ть стэ́лять малэ́нькими таки́ми пля́страми, кладуть тры ку́пчыкы льону и па́лять. То як сьве́чку сьвя́тять, и льон сьвя́тять, обма́твають сьве́чку» (Радеж, малорит., брест.) [ПА]; «На Стрэ́чэнне свэти́ли стрэчну́ свэ́чку [свечку, обмотанную льняной пряжей]. Для худо́бы ока́пынки сбыра́ют да ку́рят коро́ву [если корова дает мало молока]» (Журба, овруч., житомир.) [ПА]; «Як дити́на не спит, де́вять па́смочков бра́ти тре́ба и подпа́ливати тею све́чкою, шо на Громни́цы сва́тят, або на Па́ску, и буде дити́на спа́ти» (Щедрогор, ратнов., волын.) [ПА].

Горящий от громничной свечи лен помогал при трудных родах легче разрешиться от бремени: «Коли́сь така́ ба́бка була́ старэ́нька, вона́ моли́ласа: Го́споды, дай льо́гко што́бы народи́лоса диты́нка, Го́споды, поможы́, Отчэ наш и пали́ла свечэ́ный льон. Кла́ла вокру́г рожени́цы таки́ми малэ́нькими па́смачками по де́вьяць и по двена́цать и пали́ла, свечэ́ною све́чкою палы́ла той льон. Льон и сви́чку на Стрэ́ченне святи́ли, бо льон больш нико́ли не свя́тять. Каза́ли, трэ́ба подогри́ти, шоб ле́хче бу́ло родэ́ти. <…>» (Щедрогор, ратнов., волын.) [ПА]. И именно льном с громничной свечи нужно было перевязать пуповину ребенку: «Ножо́м пу́пика [отрезают]. Вин свечо́ным ло́ном вя́жэца. На громни́цу свети́ца лён. Ло́жыт ма́ты ў сундуку́ [пупови-

ну]» (Заболотье, брест., брест.) [ПА]; «Одри́зывалы и колы́сь завья́зывалы свачо́ным льо́ном, што на Стрэ́ченне свати́лы. Но́жничками одри́зывалы. Пупки́ затыка́ли в яку́сь таку́ що́локу, бо не мо́но бы́ло выкида́ты. <…>» (Щедрогор, ратнов., волын.) [ПА].

Льном, которым была обвязана громничная свеча, обматывали больные руки, особенно в том случае, если они болели при жатве. «Груни́чная све́чка. Завя́зывают све́чку ни́ткой, затэ́м све́нцят и завя́зывают ни́тку на руку́, каб не боле́ли» (Слюлки, каменец., брест.) [ПА]; «<…> [Обвязывали руки] суко́нна нитка, як стрэ́чэнье — свэ́чки светы́лы, той ны́точкой обвя́зывалы [свечи, а потом руки] <…>» (Журба, овруч., житомир.) [ПА]; «От Грумни́ци, тогди́ сьветя́ть сьве́чку, несу́ть до цэ́ркви и ту́ю сьве́чку сьвя́тять, щче обвя́звають ле́нтою и як рука боли́ть, от як жнэш, пу́йдеш жя́ти пе́ршы день и от жмени́ў рука́ боли́ть, скрэпи́ть рука́, то перэвья́звають, зна́чыть, шоб не боли́ла, и перэстае́. <…>» (Радеж, малорит., брест.) [ПА]. Лен со свечи помогал также сводить бородавки: «Замота́ють тую боро́давку [ниткой]. Лляна́я [нитка], шчо све́чку завья́зывають на громны́цы» (Бельск, кобрин., брест.) [ПА].

В Брестской области записана быличка о том, что с помощью обыденного полотенца, сделанного из собранного по всему селу льна, которым были обвязаны громничные свечи, спряденного и вытканного на Чистый четверг, удалось остановить падеж скота: «Хоро́ба оказа́лася, ци́ла село́ здыха́ет коровы́. И одна́ ба́ба сказа́ла, збира́йте той лен што свечки́ громни́чны замо́таны с це́ла село. И зобра́ли. И як раз четве́р велико́дный, Страсть. Зобрали́са ба́бы. И до ве́чор тре́ба и спра́ли и основа́ли и наве́ли на кро́сна и одна́ запряда́е и пока́ пи́вни заспева́ють то́е полотно́, ручника́ вы́ткати тре́ба. И постели́ти поперьо́к села́ и пережéнти скот усьо́й че́рэз той ручник. Як перегна́ли и утека́лася уся та хоро́ба. И того́ ручника́ взя́ли у це́ркви здали́» (Радеж, малорит., брест.) [ПА].

Освященный на Сретение лен также мог защитить дом от нечистой силы: «[От нечистой силы] обсыпа́еш в до́мови маком, лёном, сьвяте́ть в цэ́ркви и осыпа́еш, тым зи́ллом осыпа́еш. [Святят] на Громны́цю. Со́ю на́ пол сы́плють» (Олтуш, малорит., брест.) [ПА].

Эортологический код

В данном параграфе мы остановимся на приуроченности характерных для Сретения обычаев к другим календарным датам (освящение особой свечи, принесение ее горящей из церкви, прижигание волос домочадцам, нанесение ею крестов на окна, двери и потолок в целях защиты от грома и нечистой силы, вера в ее магические свойства).

В ряде этнокультурных регионов эти ритуальные практики имеют место на Рождество, Крещение, Чистый четверг либо на Пасху. В *Рожде-*

ственский цикл эти обряды исполняются довольно редко, например: «Бацюшку завеш и ён ходзиць и свечой робиць крыжики после коляд. (Хорева, пружан., брест.) [ПМА]; «<…> У Ко́ляды хрэсты́ пи́шут на дверя́х, ў ха́те, у хлева́х» (Присно, ветков., гомел.) [ПА]. В Гомельской области записано сообщение, что такие крестики делали на *Пасху* «<…> [На Сретенье крестики не подкуривают]. Подкуривають хрэ́стики на Па́ску, тут на ба́льки хрэ́стики зде́ланы лля ико́н. <…>» (Золотуха, калинкович., гомел.) [ПА]. Кое-где эта обрядность бывает привязана к празднику *Крещения* (6/19.01): «Пе́ред Водо́хрышчэм хо́дять, кры́жыки рису́ють на о́кнах, на двэря́х. А ўжэ на Громни́цы све́чкою громни́чною дымко́м тым на ба́льках де́лають кры́жыки. Мо́жэ и для э́того — [чтобы грома не бояться]» (Онисковичи, кобрин., брест.) [ПА]; «Громова́я свича́. Тэ́ю свичо́ю трэ́ба малэ́го ребёнка подсмалы́ть накрэст: [на лбу, темечке, висках]. Щоб дытя грому нэ боя́лось. На Крэшчэ́нне тэ́ю са́мою свичо́ю на ба́льке колэсо́ обвэдэ́ш и хрэста ў сэрэ́дыне ро́блють» (Олтуш, малорит., брест.) [ПА]; «<…> Хри́стять во́кны, хресты́ пи́шуть у ха́ти на две́рачках на Крешчэ́не, шоб граза́ ня би́ла у ха́ту» (Мощенка, городнян., чернигов.) [ПА]. Похожие обычаи зафиксированы и в Московской области: накануне Крещения вечером «закрещивали» окна и двери — ставили на них углем или мелом кресты, а днем ходили в церковь за «святой водой» и «богоявленской свечкой» (Бужарово, воскресен., моск. — записи 1929 г.) [Гацак и др. 1997: 218]; в Крещенский сочельник во время освящения воды ставили перед образом Богоявления Господня особые свечи, которые после окончания вечерни уносили домой и тщательно сохраняли за образами, зажигая их только во время сильных гроз для отвращения от жилья ударов молнии (Зарайский уезд — запись 1856 г.) [там же: 216].

Однако самым очевидным образом праздник Громницы, его ритуальная сторона и мифологическая основа сопоставлены с обычаями и поверьями, относящимися к *Чистому четвергу* (четверг на последней неделе перед Пасхой). Чистый четверг в ряде регионов оказывается именно тем днем, когда освящали особую свечу, приносили ее домой горящей, коптили кресты на стенах и потолке, подпаливали волосы домочадцам для защиты от грома и вредоносных сил. По сообщению Д. К. Зеленина, наиболее распространенный на Украине способ уберечься от нечистой силы заключается в том, что на дверных притолоках выжигают кресты горящими свечами, с которыми отстояли в церкви вечерню в Чистый четверг (так называемые *страсти*), причем их для этой цели требуется донести горящими до дома (курсив автора) [Зеленин 1991: 391]; в Купянском уезде Харьковской губернии в Чистый четверг, возвращаясь домой из церкви, каждый старается донести домой горящую свечу, чтобы накоптить на сволоке кресты этой свечой, которую сберегали до будущего Чистого четверга, употребляя только в некоторых случаях, например, во время сильной грозы и пр.

(Сватова-Лучка (Ново-Екатеринославль)) [Иванова 1907: 89]. Согласно материалам Полесского архива, в центральных и восточных областях этого региона на Чистый четверг в церкви освящали особые, *четверговые, страстные* свечи (*чисточэтвэргóва свэ́чка, свíчка с Страстúв, страстна свэ́чка, свэ́чка из страстú* [ПА]; *страшнáя, стрáстова, страстевáя, всенóчна, всенóщна, великóдна, пасхáльна, святáя, свечéна* [Толстая 2005: 402]), их несли домой горящими, выжигали в доме на потолочной балке, стене, возле окна, двери, ворот, покути, в четырех углах кресты для защиты от грозы, бури и нечистой силы; с ними обходили усадьбу с той же целью, прижигали волосы домочадцам для защиты от грома, жгли во время сильных гроз, чтобы обезопасить себя против удара молнии. На Чистый четверг в Киевской области на потолке дома делали крест освященной в этот день в церкви свечой (Копачи, чернобыл., киев.) [ПА]; «В Чы́стый чэтвэ́р бэру́ть у цэ́ркви святы́й вогóнь и стáўлять хрэсты́ на трамы́ни. Як гроза, то стрэ́чной свíчкой свíтять и рóблять хрэсты́ на трамы́ни. Пудпáлюваю вóлос на головí зпэ́рэду, ззáду и по бокáх свíчкою, а не спы́чкой» (Журба, овруч., житомир.) [ПА]; «Пéред Пáскою Чы́сты четвéр. Це стрáсть. В цый день сьватылы сьвéчкы, обходылы з йи́мы кругóм хáты, робы́лы хресты́ на стóли [потолке], мылыса, шоб нияка форóба не чепляласа цьéлы год» (Полесское, коростен., житомир.) [ПА]; «[В Чистый четверг] Та цэ ўжэ буў такы́й закóн, шчоб нэ дóма, а ў цэ́рквы палы́ть [свечку] и прынэсты́ додóму агóнь. [Этой свечой] на стэ́ни рабы́лы хрэ́ст» (Верхние Жары, брагин., гомел.) [ПА]; «В сэ́рэду напрóти Чы́стаго чэтвергá идóм з цэ́ркви и несóм агня да дóму. На бáльке дéлали хрэсты́. [Эти свечи хранили потом «для всего»]» (Барбаров, мозыр., гомел.) [ПА]; «Прúдэм з цэ́рквы на Стрáсты ў Тшы́стый тшэтвэ́рг, нэслы́ з цэ́рквы áгонь, хрэ́сты смалы́ли ўо ўсэ́х углáх, шоб гром нэ бы́л» (Ковчин, кулик., чернигов.) [ПА]; «Чы́стый чэтвэ́рг. Ў чы́стый чэтвэ́рг гóловы мы́лы, купáлысь, на стрáсти обхóдылы дом и робы́лы хрэсты́ на паталку́ кáла святы́х, ў детéй прыпалювалы валóссячко, шчоб грязы́ нэ бая́лысь» (Вольная Слобода, глухов., сум.) [ПА]; «[12 раз] свéчи зажыгáли на слу́жби. Принóсють дамóй и пáлять хрёстики на варатáх, на дверя́х, на вóкнах», «Падку́ривали хрёст на мáкицы (серёдка у кóмнаты) и на дверя́х — ат нечúстага ду́ха» (Радутино, трубчев., брян.) [ПА].

Страстные свечи оказываются маркированными в тех же ритуальных и мифологических контекстах, что и сретенские (см. об этом выше), они также использовались для защиты от грозы, помогали при севе, защищали домашний скот от воздействия нечистой силы, использовались в народной медицине. «Ў Чы́сты четвéрьг свéчку свя́тять, а як принесу́ть ў хáту, то три хрéстика трэ́ба на свóлоке зробúть. А як ўжэ гром идé, то тэ́ю свéчку трэ́ба ў хорóмине запáлить, и гром ўжэ не пу́йдэ» (Вышевичи, радомышл., житомир.) [ПА]; «Ўвэ́чэри ў цэ́рков, святы́лы свíчку. Стрáстная

называ́лась. Тады́ ўжэ як граза́ вэлы́ка йдэ, то запалы́ш сви́чечку» (Верхние Жары, брагин., гомел.) [ПА]; «[Когда шли засевать, брали с собой] све́чку, ў Чи́сты четве́рг ў цэ́ркви сви́тили, яе́чки, хлиб, соль, ўсе́ свиче́ны» (Курчица, новоград-волын., житомир.) [ПА]; «[Крапиву вешали на ворота, где скотина]. И свечи, которые светят в Чистый четверг, эти свечи кладуть где-нибудь на перекладине. И як она [ведьма] не может войти, она свечку и укусит» (Ручаевка, лоев., гомел.) [ПА]; четверговая свеча ставилась на покути дома или в хлеву, чтобы скот не болел и в доме не было бы неприятностей (Мощенка, городнян., чернигов.) [ПА]; «На Страсти иду́ть в церковь, све́чи святи́ли. Принесьо́м да до́му, поставим. Якая бале́сть, засве́тим. Кали́ у́ха бали́ть, у у́ха праку́риваем» (Плехов, чернигов., чернигов.) [ПА]; «Святы́лы свичкы́, до́ма запа́лювалы йих, колы́ дытя́ заболи́ло» (Дунаец, глухов., сум.) [ПА]. Воск со страстной свечи считался действенным средством для лечения лихорадки, тем же свойством обладала копоть с выкопченного ею креста на сволоке (Сватова-Лучка (Ново-Екатеринославль, купян., харьков.) [Иванова 1907:89].

Так же как и по страстным свечам, по поведению четверговой свечи после церковной службы можно было предсказать погоду предстоящим летом: «Ко́жный шол у цэ́ркву с балшо́ю свэчо́ю и у цэ́рквы свэти́л. И тади да до́му дахади́л. Примиэ́та була́ такэ́: як данэсэ́ свэ́чку да до́му и нэ пату́хнэ — зна́чить нэти́хо лэ́то, а як пату́шит — тады́ ти́хо лэ́то бу́дэт. <…>» (Олбин, козелец., чернигов.) [ПА].

Страстные свечи использовались в семейной обрядности аналогично сретенским свечам (см. об этом выше): при тяжелых родах страстную свечу зажигали и ставили возле икон (Сватова-Лучка (Ново-Екатеринославль, купян., харьков.) [Иванова 1907: 89]. Важную роль страстные свечи играли и в погребальной обрядности: их давали в руки умирающему, жгли в доме умершего, брали с собой на кладбище в поминальные дни, использовали для поиска тела утопленника в водоеме. Во время продолжительной агонии четверговою свечу давали умирающему в руки (Сватова-Лучка (Ново-Екатеринославль, купян., харьков.) [Иванова 1907:89]; «Як кона́е хто, дак све́чечку страшну́ю [т. е. страстную] по́лять. <…>» (Челхов, климов., брян.) [ПА]; «На Чы́сты чэтве́р сви́тят, де́ржать лю́ди у до́ма, хтось бу́дэ умира́ть, сви́тят ту свэ́чку, як мэртве́ц е у ха́те, поста́влять у голова́х» (Курчица, новоград-волын., житомир.) [ПА]; «У Чы́сты четвер [святили свечки], як кто умрэ́, трэ́ба засвити́ть» (Курчица, новоград-волын., житомир.) [ПА]; «Ў Чы́сты четьве́рьг вари́ли вечэ́ру, шли до цэ́рквы, святи́ли све́чку. <…> Её ўжэ бра́ли на мо́гилки на Про́воды [календарный поминальный день на постпасхальной неделе]» (Вышевичи, радомышл., житомир.) [ПА]; «На страсте́й прыно́сять свиечку и свие́чку тую́ хава́ють. Як хто ўтапи́ўся, тую́ свиечку на тариелачку — и пу́стять [ищут утопленника]. <…>» (Хоробичи, городнян., чернигов.) [ПА].

Свет четверговой свечи, также как и громничной, позволял увидеть некоторых представителей потустороннего мира (см. **Демонологический код**), например, домового, что делалось для гадания о будущем благополучии в хозяйстве и определения предпочтительной масти домашнего скота, которой домовик скорее будет благоволить. «У Чы́стый чэтвэ́рг иду́т у цэ́рковь и па́лят свэ́чкы. На́до так, нэсты́ [домой], шоб она́ горэ́ла. То хо́дять по будынку. Домовы́к е, так с тэю свэ́чкою найдэ́ его́, гово́рэ. Хо́чут ви́дэть, поба́чыть, хто ён таки́й. Храня́т тэ́ю свэ́чку» (Выступовичи, овруч., житомир.) [ПА]; «Дамаво́й ў ка́жной ха́те е. Хо́дим мы ў це́ркоў, све́чы палим. Ў чы́стый Чатве́р све́чы прыно́сим. На́да с е́тым агнём на чорда́к, на́ гору, коб поба́чить дамаво́го. Як дамаво́й кашла́тый, то бу́де хазя́ин бага́тый, а як го́лый, без ше́рсти, — буде бедный» (Малые Автюки, калинкович., гомел.) [ПА]; «Домуви́к лэжы́ть, як ко́тик. Пэрэд Па́скою на Стра́сть (Чи́сти четвэ́рг) придэ́ у цэ́рковь и зажэ́ть свэ́чку, двена́цт моли́твов вы́слухаит и нэ ту́шыть, и нэсе́ до до́му, шоб нэ поту́хла, и са той све́чкою нэ захо́дить из цэ́ркви ў ха́ту, а лэ́зуть на ха́ту, и он там у куто́чку или на лежняку́, шо на ко́мэне. <…> Бо лежы́ть у куто́чку такэ́ ко́тик, чи робэ́ньки, се́рэньки, чирво́нэньки, бэ́ленькі, зна́чи, идэ́ по дворе́ худо́ба, идэ́ и она́ така́ [нужно выбирать корову такого же цвета, как и «котик».] Як га́рно ест и полне́нька — идэ́ по дворе́ худо́ба, зна́чи домови́к лю́бить» (Вышевичи, радомышл., житомир.) [ПА].

В некоторых полесских областях (в основном, в центральных) наблюдается конкурентное использование сретенских и четверговых свечей, например, подпаливали волосы в Чистый четверг сретенской свечой, а кресты на потолке делали страстной «Ў Чы́стый чэтве́р ўстае́м ўра́нци до ўсход со́нца, <…> бэрэ́мо усю́ све́чечку срэ́тэньску, ка́жной дыты́ни, люды́ни, хто ў ха́те е, трэ́ба присмоли́ть ко́ски, шоб нэ бояўся гро́му. <…>»; «На Чы́стый четвер засви́чуют сре́теньску све́чку и чуть посмаля́ють коски́ [виски], щоб нэ бояца грому. <…>»; «На Чы́стый Чэтве́р ходы́лы ў церкву, све́тять свэчки́, як донэсе́ [ту свечу до дома], то ро́бить хрэста́ ў ха́тэ на ба́льку» (Боровое, рокитн., ровнен.) [ПА]; страстные и четверговые свечи одинаково зажигали для защиты от грозы «Страсны́ свэчки́ запа́лывалы от грому. И стрэчны́ так са́мо» (Журба, овруч, житомир.) [ПА]; в руки агонизирующему дают страстную свечу, а когда он умрет, ее вынимают и заменяют на сретенскую «[Четверговая и сретенская свечи]: На Стра́сть хо́дять, па́лять све́чку, и ту́ю све́чку [умирающему] ў пра́вую ру́ку дау́ть — по́куля ужэ́ ко́нчыця, а умрэ́ — дають све́чку, шчо на Стрэ́тенне све́тять, ў насаво́м плато́чку. А го́лых све́чек нико́му не дау́ть», «Све́чку ўся́гда дау́ць страстну́ю, паку́ля ка́нчицця; як памрэ́ — забира́юць е́таю свечу, ту́шаць» (Грабовка, гомел., гомел.) [ПА].

В западных областях Полесья также встречается магическое использование страстных свечей, хотя большинство мифологических и ритуальных

смыслов всё же остается на этой территории у свечей громничных. «Пе́ред Па́ской Чи́сты четве́р. Нава́рать су́пу яко́го, э́то называ́ецца та́йная вечэ́ра. Све́чку прино́сять [из церкви], як грем́оты, то́то па́лять е́е ў ха́ти. <…>» (Радчицк, столин., брест.) [ПА]; «Святы́лы [свечу в чистый четверг]. Ниц нэ робы́лы, до́ма трыма́лы», «Святы́ли [четверговую свечу]. Як грэми́ть, дак па́лють» (Любязь, любешов., волын.) [ПА]. К востоку от Полесья, наоборот, часто известна только четверговая свеча; обычай приносить домой из церкви зажженные свечи в Великий четверг после службы 12-ти Евангелий и выжигать ими на дверных притолках, на потолках и избенных матицах кресты фиксировался в XIX веке в Воронежской губернии, при этом сам праздник Сретения 2 февраля там никакими особыми обрядами не отмечен [Памятная книжка: 279, 286].

По наблюдениям С. М. Толстой, изучавшей ритуальное использование в Полесье *громничной* и *четверговой* свечей и распространение терминов *Сретенье/Громницы*, *страстная свеча/громничная свеча* название *громничная свеча* и его дериваты занимают западное Полесье и имеют продолжение на территории восточной Польши, а термин *сретенская* (и почитание четверговой свечи вместо громничной) — восток Полесья. При этом встречаются пары терминов *Сретенье — свеча сретенская*, праздник *Громницы — свеча громничная*, и помимо этого еще явление *Сретенье — громничная свеча* (в основном в центральном Полесье), что толкуется автором как изменение ареалов распространения соответствующих терминов [Толстая 2005: 400–401].

Совпадение мифологического наполнения и ритуального использования сретенских и страстных свечей при различии только ареалов их бытования не кажется случайным и происходящим лишь от символики и обрядовой семантики самого огня и свечей: праздники Сретение и Чистый четверг обнаруживают похожую актуальность маркированных этнолингвистических кодов. Освящение воды, преимущественно талой, полученной из снега и льда на Сретение, вера в ее целительные свойства имеют свою параллель в ритуалистике и поверьях Чистого четверга: помимо широко известной практики мыться, убирать дома и обливать их водой в этот день часто в народной культуре встречается указание на то, что мыться нужно ночью или до рассвета (ср. требование собирать снег на Сретение ночью для получения *стречной* воды) в природном гидрообъекте, реке, озере и пр., чтобы избавиться даже от самых неприятных болезней, а для обливания использовать талую воду. «Ў Чы́сты четве́рг ўстае́м до со́нца, облива́ем водо́й ха́ту и ў сара́е, шоб гро́му не було́»[118] (Замошье, лельчиц.,

[118] Ср.: московская практика защищаться от грома и бури с помощью освященной воды: «прибегают к святой богоявленской воде, выставляя ее на открытом месте в стакане или чашке, завидя приближение градовых туч, как к единственному спасению полей от истребительных их нашествий <…>» (зарайск., моск., записано в 1856 году) [Гацак и др. 1997: 216]

гомел.) [ПА]; «Чы́сты четве́р, у гэ́ты дзень купа́лись, чарци́ли на дома́х красты́, сахраня́ли снегаву́ю во́ду и аблива́ли ей з ву́лицы ха́ту» [Туховичи, ляхович., брест.) [Толстая 2005:260]; «[На Чистый четверг] и во́ду выливаю́ть ту́ко до со́нца, са́ми умива́юца и миють усё. Були́ таки́ у нас жыли́, напа́ла на их каро́ста; у ровчаку́ же лёд буў, вы́скачила ана́ ў раўча́к, ще заме́рзна була́ вада́, а и папра́вилась» (Великая Весь, репкин., чернигов.) [ПА]; «Як прышы́ або коро́ста — идэ́ у рэ́чку у Чы́стый чэтвэ́рг, наде́ть ко́жух, прорубáть лёд и купа́ца — и усэ́ пропадэ́» (Полесское, полес, киев.) [ПА]; «Як коро́ста, то на Жэ́льника [Чистый четверг] бегу́ть ў рэ́ку, копа́тися ў ночы́» (Ветлы, любешов., волын.) [ПА].

Далее, связь Сретения со льном (см. выше **Растительный код**), практики для улучшения его урожайности и обрядность с ним также встречается в ритуальной стороне Чистого четверга, например, на церковную службу приносили с собой семена льна в кармане, чтобы он хорошо уродился «На Жэ́льника [Чистый четверг] ба́тюшка ў цэ́ркви отпраўля́е и бэру́ть ба́бы нэси́ння лён ў кишэ́ню и тоди́, як выбива́ють зво́ны двена́цать раз то воны́ двена́цать раз подыма́ють тый лён ў кишэ́нях коб до́ўги роды́ўся» (Ветлы, любешов., волын.) [ПА]; четверговую свечу клали в семена при севе с той же целью «Ўкыда́ють [четверговую] сви́чку в лён [в семена], як йду́ть си́яты, шчоб чы́стый буў» (Верхние Жары, брагин., гомел.) [ПА]. В этот день из льна выпрядали особую нитку *отворотку*, которая помогала при болях рук (особенно при жатве) и имела другие магические свойства: «Шоб ру́ки не боле́ли, прали ле́вой руко́ю из лёну, ў Чистый четве́рг, ў рань», «Да со́нца яка́сь о́тлив [веретено влево крутится] прали, ни́тку на Чи́стый четвер и тае́ю ни́ткой ру́ку абвя́же [чтобы не болела во время жатвы]» (Великая Весь, репкин., чернигов.) [ПА]; «У каго́ барада́ўки, то да со́нца у Чы́стый чэтвэр спради́ ни́тку и пря́мо з вэрэтена́ на ру́ку навя́зывай. У ха́ти пра́ли» (Барбаров, мозыр., гомел.) [ПА] и пр.

Совпадение в ряде случаев мифологической и ритуальной стороны двух праздников (Сретения и Чистого четверга), подкрепленное полевым материалом, а также вероятная связь Громниц с Перуном, позволяет предполагать его прямое отношение и к весеннему Чистому четвергу. «Известно, что четверг был днем Перуна. <…> Возможно, что праздник весны совершался в четверг после весеннего дождя, который и теперь считается чем-то священным: в нем стараются намокнуть, моются этой водой для счастья и здоровья <…>» [Гальковский 1916: 98]. Один полесский сюжет, относящийся к четверговой свече, косвенно также подтверждает этот вывод: семья во время каждой грозы зажигала страстную свечу и молилась о спасении на войне отца и мужа, на тот момент находившегося в плену. «Чы́стый Тшэтвэ́рг на Стра́сти — бра́лы стэ́клы [от лампы] и шли з цэ́рквы, шоб свэ́тшкы нэ пату́хлы. И на трэ́мах в ха́ты ста́вылы хрэсты́ ко́патью. Ту́ю свэ́тшку страсну́ю палы́лы як грэмы́ть калы́сь. Нас

ма́мо ужэ ставлья́ла на калэ́нцы и малы́лысь Бо́гу: «Го́спады Бо́жы, укрэпы́ на́шаго та́та, охраны́ його́ сваы́мы ры́замы и сахраны́ його́ сваы́мы сы́ламы от ўрага́ и супаста́та». Як наш ба́тько був у плэ́ну нэ по́мню в яку́ во́йну, то мы завсигда́ так малы́лыса як грэмы́ть» (Ковчин, кулик., чернигов.) [ПА]. Связь Перуна с военной тематикой можно считать хрестоматийной [Иванов Топоров 1974: 62; Топоров 1996: 164], так, им клялись князь и дружина, в случае же нарушения клятвы бог снимал с них свою защиту и их должна была постигнуть гибель от оружия [ср.: в договоре Игоря с греками, ПВЛ: 160, 162]. Ср.: на Украине отцы окропляли освященной на Громницы водой идущих на войну сыновей, произнося при этом: «Боже тебе збережи!» (укр.) [Воропай 1958: 145]. То, что культ Перуна на территории Беларуси не является выдуманным конструктом, свидетельствуют некоторые сохранившиеся там топонимы: Перунов Мост (мин.), Перуново (могилев.) [Атлас].

Диалектность является одной из главнейших черт традиционной культуры, при этом этнолингвистический метод изучения и картографирования данных позволяет выделить изоглоссы, маркирует границы распространенности явлений на синхронном уровне; при применении диахронного подхода он дает возможность сделать выводы о заимствованиях, древности и исконности тех или иных культурных фактов, что в конечном уровне может решать вопросы иденичности групп и сообществ на широком современном и историческом материале.

В данную главу вошли далеко не все ритуальные и мифологические особенности Сретения, в ней описаны лишь некоторые этнолингвистические коды этой календарной даты. Однако и на основании обработанного материала возможно сделать следующие выводы. Региональная дистрибуция приуроченной к Громницам обрядности позволяет говорить о том, что освящение на Сретение особых свечей, принесение их домой (часто горящими), копчение в этот же день крестов в домах и прижигание волос домочадцам для защиты от грома, равно как и окказиональные функции этих свечей в качестве защиты от молнии, наиболее полно фиксируются в диалектной зоне западного Полесья (по границам Припяти—Ясельды—Горыни). В центральном Полесье данная обрядность практикуется в частично размытой форме, например, присутствует освящение свечи и вера в ее защищающую силу (в первую очередь, от грома), копчение крестов на балках обряд и может не фиксироваться прижигание волос. В восточном Полесье и частично в центральном (как конкурирующая форма с Громницами) перечисленные выше действия приурочены к Чистому четвергу. В той же диалектной зоне данные чисточетверговые обряды встречаются наряду с обычаем освящать на Сретение особую воду.

Ту же географию обнаруживает распространенность на территории Полесья предметной и эортологической терминологии *свеча громничная/свеча сретенская, Сретение/Громницы*. На западе Полесья зафиксирована пара праздник *Громницы—свеча громничная* с дальнейшим размыванием этой терминологии при движении на восток. В центральном Полесье наблюдается наличие пары праздник *Сретение—свеча Громничная*, что можно объяснить христианизацией эортологического термина с сохранением названия предмета, поскольку его ритуальные функции и мифологическая значимость велики. Эту гипотезу подтверждает белорусский материал, представленный в томе «Пахаванні. Паминкі. Галашэнні», основой для которого послужили сведения, собранные с XVI до начала XX века, где Гомельская область упоминается как место бытования ритуальных действий именно с *громничной* свечой (наряду с могилев., витеб., мин., гроднен., подлясьем) [Фядосик 1986]; а в полесском материале XX века в той же области мы видим уже дистрибутивное употребление сретенской и страстной свечей [ПА]. В восточном Полесье имеется терминология *Сретение—свеча сретенская.* Эти наблюдения во многом подтвержают ранее сделанные С. М. Толстой выводы о дистрибуции в Полесье данной лексики [см.: Толстая 2005: 401].

В этнографической литературе, посвященной празднику Громницы, иногда встречалось мнение, что терминология, обрядность этого дня и связанные со свечой поверья заимствованы из Польши в Беларусь. Например, Е. Р. Романов пишет, что 2 февраля — Сретенье в южных уездах Могилевской губернии не носит особого названия, а в северных уездах и в Витебской губернии носит название Громницы, которое взято от католиков, по преемству от униатов [Романов 1912: 136]. Такую точку зрения отчасти подтверждает и полевой материал, так в селе Нобель (заречнен., ровнен.) «Стри́чэнне. Стри́тэнне, гро́мницы — [утверждают, что польское]. Есть у нас пра́зник, называ́ецца Громны́ца, Стре́тенье. Гово́рють, раз зима́ з ле́том стре́тиваецца. А по-напы́саному там, по-цэрко́вному — громни́чна» [ПА]. Однако гораздо чаще встречаются такие народные интерпретации: «*По-на́шому Грумны́ци*, а по-цэрко́вному Стрэ́тэнье Госпо́дне» (Олтуш, малорит., брест.) [ПА]; «Срэ́тенье — то гро́мны́цы» (Заболотье, брест., брест.) [ПА]; «Стрете́нье у нас зову́цца Громны́цы, Грумны́цы, Сре́тенье Госпо́дне, *Грумни́цы по-про́стому*» (Спорово, березов., брест.) [ПА] (курсив наш — М.А.).

В данном контексте следует заметить, что в Польше праздник Громницы и громничные свечи ассоциируются (при совпадении во многом их мифологического значения и ритуальных функций с белорусским материалом) с образом Громничной Божьей Матери (Matka Boska Gromniczna) [см. Kolberg DW; Ганцкая 1977], в то время как в Беларуси праздник скорее свя-

зан с образом св. Юрия[119], и известный в Польше мифологический мотив «Богородица на Сретение прогоняет волков громничной свечой» (помор., мазовец., познан.) [Гура 1995: 413, Stelmachowska 1933: 92] фиксируется только раз на территории Брестской области [ПА], при наличии в Полесье массива данных о связи волков и Громниц: «[Волки собираются в стаи] в свичкы [святки]. То шла Ма́тэр Бо́жая, и пэрэшлы́ вовкы́, то она взила́ сви́чку и запалы́ла, и и́мы обыгна́лося светло́м. Это ў громны́ци» (Бельск, кобрин., брест.) [ПА] и ср. «На гэ́тый Юрэй [осенний] сбира́юцца ўоўкы́ ўси ў ку́чу, э́то оны́ про́сто ужэ́ хо́дять за тэ́ю ма́ткою и до Стры́тэння би́гають про́сто гэ́так. А пото́м ужэ́ розбига́юцца ўоны́» (Ласицк, пин., брест.) [ПА]. Также приуроченность практически аналогичных мифологических сюжетов и ритуальных практик на восточнославянской территории к двум датам, Сретению и Чистому четвергу, при том, что набор и распределение их функций, равно как и параллельное употребление сретенских и четверговых свечей в разных областях, их общая связь с грозой скорее заставляют предполагать наличие архаического и глубоко укороненного сюжета, имеющегося у западных и у восточных славян, чем прямого заимствования.

Хотя обрядность Громниц приурочена к церковному календарю и претерпела явное влияние церкви (освящение свечей и пр.), в относящихся к этому празднику народных представлениях очень маленький сегмент занимает христианский дискурс, а массовый материал предлагает интерпретацию дня как встречи зимы и весны: «Стре́чення — зима́ з ли́том сторка́йется, Стри́чэння» (Макишин, городнян., чернигов.) [ПА]; «Зима з ле́том стрэча́ецца… Весновы́й день — [следующий после] Стрэ́чэнья» (Дяковичи, житкович., гомел.) [ПА]; «На Стре́ченье од зима́ з ле́там стреча́юца, на по́ли нэ пами́ряца, зима́ нэ хо́че ле́та пусти́ть» (Ковчин, кулик., чернигов.) [ПА]; «[На Стрэ́ченье] зима́ на са́нях е́де, а лэ́то ужэ́ гото́вить во́за. Той ужэ́ откида́е са́ни, седа́е на воз и едуть на во́зе ужэ́» (Олбин, козелец., чернигов.) [ПА] [см. Толстая 2010].

В то время как «встреча зимы и весны» в паремиологии фиксируется практически повсеместно, в Полесском архиве удалось обнаружить только несколько записей с христианской интерпретацией праздника: «Громни́ца. То бу́ў таки́й, ста́рец’кий дед Симео́н, ходи́ў пропове́доваў, пото́м у́мер и вот его́ свя́то» (Мокраны, малорит., брест.) [ПА]; «Ўшэ́стте, шо́стая нади́ля по́сле Рожэства́. То Стре́тенне. То Симийо́н ба́тюшка ўстрэ́тиў Ису́са Христа́. У нас Ушэ́стте называ́ють лю́дэ. <…>» (Пески Речицкие, ратнов., волын.) [ПА]; «На Громны́це прино́сять [свечи] и на билька́х крэст ро́блять ко́птем — от гро́му. Ў той пра́здник приносы́лы Христа́

119 Ср. напр.: на Громницы св. Юрий проверяет ружье на чертях и гремит гром (бел.); «<…> Як на Стри́тэнне напье́цца пи́вэнь води́цы, то на Юрэя найи́ссця во́лик трави́цы» (Щедрогор, ратнов., волын.) [ПА].

мал́энького ў пе́рвый раз ў храм и све́чи освяшча́лы» (Нобель, заречнян., ровнен.) [ПА].

По мнению некоторых исследователей, Громницы имеют явные следы дохристианского земледельческого культа [см. напр. у Васілевіч 1998: 387]. Наконец, сам христианский праздник Очищения Марии (Сретение) был установлен в конце V в. папой Геласием I, не сумевшим победить приуроченные к этой дате языческие обряды луперкалий [см. Кофанов: 250; Epistola: 598–607], являвшихся одним из древнейших римских обрядов, связанных с Ромулом и Ремом и начинавшихся в пещере на Палатинском холме, где, по преданию, жила выкормившая близнецов волчица. Ср. зафиксированное в Волынской области название праздника Сретение *во́вчэ вэси́лля*: «Е во́вча ма́тка. Е таки́й дэ́нь — во́вчэ вэси́лля, то дэнь дру́гэ февраля́, Громны́ци. Трэ́ба молы́ться, тоди́ вовк рот нэ раскры́е» (Забужье, любомл., волын.) [ПА]; в Польше встречается термин *Matka Boska Niedźwiedzia* [Медвежья Богородица] (Подгалье) [Толстая 2010:181–182]. С учетом всего выше сказанного, в славянских Громницах скорее приходится предполагать наслоение христианского дискурса на уже имеющиеся мифологические представления, воцерковление языческого обряда, чем целиком религиозное содержание праздника, пусть и с народной интерпретацией.

Проанализированный материал показывает, что в этнолингвистическом «портрете» Громниц наиболее релевантными оказываются следующие знаковые коды: стихийный (вода, лед, огонь, гроза), предметный (свеча, воск), акциональный (вокруг, по солнцу, крест-накрест, подстригать, подпаливать), ритуальный (маркирует связь практически со всеми обрядами аграрного, семейного, календарного цикла и высокую значимость в окказиональной обрядности), танатологический (переход в иной мир, души умерших, загробная судьба), демонологический (отгон, опознавание, выпроваживание нечистой силы), зоологический (волк, петух, вол), растительный (лен), эортологический (Чистый четверг, Юрий весенний, Юрий осенний и др.).

Выявление особо значимых этнолингвистических кодов праздника и их компонентов, их связь (и ее особенности) с другими циклами обрядности, с поверьями и представлениями позволяет сделать выводы о некоторых мифологических мотивах, составляющих план содержания традиционной духовной культуры. Небесный огонь и вода, земной огонь свечей и пожара от молнии достаточно явно иллюстрируют мифологизацию грозы и наличие связанного с этим природным явлением божественного персонажа-громовника, покровителя скота, подателя урожая и плодородия, защитника от болезней и нечистой силы, хранителя воинов и проводника душ на тот свет. Как показывает проведенное исследование, этнолингвистический анализ дает возможность подробного описания и классификации сложного и многообразного материала, позволяет выявить в нем ос-

новные акценты, ритуальные и мифологические связи между ними, реконструировать стоящую за народной традицией картину мира, восстановить древнейшие, во многом утраченные мифологические представления.

Источники и материалы

АЛФ — Архив лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета, рукопись, Москва.

Атлас — Атлас автодорог Беларуси, Минск: Квадрограф, 2011.

Новгородская первая летопись — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.- Л., 1950.

ПА — Полесский архив сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, рукопись. Москва.

Памятная книжка — Андрей фон Кремер. Памятная книжка Воронежской губернии на 1870–1871 / Из Губернских Ведомостей. Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета, Воронеж, в типографии Воронежского Губернского Правления, 1871.

ПВЛ — Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева, под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. Издание второе, исправленное и дополненное. СПб: Наука, 1996.

ПМА — Полевые материалы Андрюниной М. А., рукопись. Москва.

ПЭС — Программа Полесского этнолингвистического атласа. Сост. Гура А. В., Терновская О. А., Толстая С. М. // Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования / Отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1983. с. 21–49.

Хроника 1975 — Хроника Литовская и Жмойтская. Полное собрание русских летописей. Т. 32. Белорусско-литовские летописи. М.: Наука, 1975. 233 с.

Epistolae — Epistolae romanorum pontificum genuinae et quae ad eos scripta sunt a s. Hilaro usque ad Pelagium II. Recensuit et edidit Andreas Thiel. Tomus I, Brunsbergae, MDCCCLXVIII.

Kolberg DW — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań, 1961–1985. T. l-60. T. 23: Kaliskie. 1964; T. 24: Mazowsze. Cz. 1. 1963; T. 25: Mazowsze. Cz. 2. 1963; T. 26: Mazowsze. Cz. 3. 1963; T. 27: Mazowsze. Cz. 4. 1964; T. 28: Mazowsze. Cz. 5. 1964; T. 29: Pokucie. Cz. 1. 1962; T. 30: Pokucie. Cz. 2. 1964; T. 31: Pokucie. Cz. 3. 1963; T. 32: Obrazy etnograficzne. Pokucie. Cz. 4. 1962; T. 33: Chełmskie. Cz. 1. 1964; T. 34: Chełmskie. Cz. 2. 1964; T. 35: Przemyskie. 1964; T. 36: Wołyń. 1964; T. 39: Pomorze. 1965; T. 40: Mazury Pruskie. 1966; T. 41: Mazowsze. Cz. 6. 1969; T. 42: Mazowsze. Cz. 7. 1970; T. 43: Śląsk. 1965; T. 44: Góry i Podgórze. Cz. 1. 1968; T. 45: Góry i Podgórze. Cz. 2. 1968; T. 46: Kaliskie i Sieradzkie. 1967; T. 48: Tarnowskie–Rzeszowskie. 1967.

Научная литература

Андруніна М. 2021. Міфалагічная і прагматычная роля агню ў славянскай пахавальнай абраднасці // Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні / гал. рэд.Т.В. Валодзіна. Мінск. с. 161–187.

Басько В. І. [і інш.] 2010. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 5. Цэнтральная Беларусь. У 2 кн. Кн. 1 / В. І. Басько [і інш.]; ідэя і агул. рэдагаванне Т. Б. Варфаламеевай. Мінск: Выш. шк. 847 с.

Васілевич У. 1998. Жыцця извечный лад. Беларускія народныя прыкметы і павер'і. Кніга 2. Укладальнік Уладзімір Васілевіч. Мінск: Мастацкая літаратура.

Васілевіч У. 2004. Грамнічная свечка, грамніца // Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. Мінск, Беларусь. с. 124–126.

Виноградова Л. Н. 2001. Полесская народная демонология на фоне восточнославянских данных // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы / Отв. ред. Плотникова А. А., М.: Индрик. с. 10–49.

Воропай О. 1958. Звичаї нашого народу. Етнографічний нарис. Мюнхен: Українське видавництво.

Гальковский Н. 1916. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, т. 1, Харьков: Епархиальная типография. 376 с.

Ганцкая О. А. 1977. Поляки // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники / Отв. ред. С. А. Токарев, М.: Наука. с. 202–220.

Гацак В. М., Бахтина В. М., Ананичева Т. М. (ред.). 1997. Фольклорные сокровища московской земли. Т. 1. Обряды и обрядовый фольклор / Ред. Гацак В. М., Бахтина В. М., Ананичева Т. М. М.: Наследие.

Гринченко Б. Д. 1909. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина», редактировал с добавлением собственных материалов Б. Д. Гринченко, том III О-П. Киев.

Гура А. В. 1995. Волк // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого, М.: Международные отношения. с. 411–418.

Гура А. В. 2011. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик. 936 с.

Драгоманов М. 1876. Малорусские народные предания и рассказы. Киев.

Зеленин Д. К. 1991. Восточнославянская этнография. Пер. с немецкого Цивиной К. Д. М.: Наука.

Иванова П. В. 1907. Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда, Харьковской губернии // XVII. Сборник Харьковского Историко-Филологического Общества, Харьков: Печатное дело.

Иванов В. В., Топоров В. Н. 1974. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука. 341 с.

Кофанов Л. Л. (отв. ред.). 2001. Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М.: Наука.

Левкиевская Е. Е. 1995. Вампир // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого, М.: Международные отношения. с. 283–286.

Никифоровский Н. Я. 1897. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Собрал в Витебской Белоруссии Н. Я. Никифоровский. Витебск.

Пашина О. А., Енговатова М. А. 2003. Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / отв. ред. О. А. Пашина, М. А. Енговатова. М.: Индрик. 548 с.

Петров Н. И. 1999. Могилы превысокия: языческие курганы племенной аристократии Северо-Западной Руси VIII–XI вв., Budapest: Open Society Institute Center for Publishing Development Electronic Publishing Program. 189 с.

Романов Е. Р. 1912. Белорусский сборник. Выпуск восьмой. Быт белоруссa. Вильна: Типография Сыркина А. Г.

Седов В. В. 1953. Древнерусское святилище в Перыни // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. № 50. с. 92–103.

Сержпутоўскі А. 1930. Прымхі и забабоны беларусаў-палящукоў // Беларукая этнографія у доследах і матар'ялах. кн. VII. Менск.

Толстая С. М. 2005. Полесский народный календарь, М.: Индрик. с. 397–403.

Толстая С. М. 2010. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Книжный дом «Либроком». 368 с.

Толстые 1995 — *Толстой Н. И., Толстая С. М.* 1995. О словаре «Славянские древности» // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения. с. 5–14.

Топоров В. Н. 1996. Боги древних славян // Очерки истории культуры славян / Отв. ред. Белова О. В., М.: Индрик. с. 160–174.

Успенский Б. А. 1982. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского), М.: Издательство Московского университета. 248 с.

Фядосик А. С. (гал. рэд.). 1986. Пахаванні, памінкі, галашэнні / гал. рэд. А. С. Фядосик. Мінск: Навука и тэхника. с. 614.

Stelmachowska B. 1933. Rok obrzędowy na Pomorzu. Toruń.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Английский язык, относящийся к германской ветви индоевропейской языковой семьи, — актуальный инструмент коммуникации в современном гетерогенном сообществе. Английский язык выполняет сложную функцию: является основным государственным языком в Великобритании и в странах, некогда входивших в состав Британской империи (в США, Ирландии, Канаде, Новой Зеландии и др.), официальным языком в 67 странах, а также языком межкультурного и научного международного общения, активно влияющим на культуру и языки большинства народов мира. Эти особенности проявились в многообразии диалектов английского языка, а также в постоянном увеличении числа пользователей, живущих в разных регионах мира. Сегодня более 1,5 миллиардов человек говорят на английском языке. Это примерно в 20 раз превышает численность населения современной Великобритании (68 млн. человек). Широкое распространение английского языка в мире — результат энергичной колониальной политики Великобритании в прошлом, активного использования языка в коммерции, дипломатии, юриспруденции, научно-технической сфере, а в последние десятилетия и в области коммуникации, развития высокоэффективных технологий. Английские слова брокер, трест, холдинг, тренер, стюард, смокинг, коктейль, сэндвич, гольф, теннис, футбол давно и прочно вошли в лексикон многих народов. Стремительное развитие новых технологий обогатило словарный запас народов планеты английскими словами: гаджеты, принтер, провайдер и др. В последние десятилетия слова английского языка стали активно оттеснять слова-синонимы в языках народов мира. Например, в русском языке широко стали использовать слова: маркетинг, шопинг, менеджер, тренд, трафик, дайджест, онлайн, контент. Эти термины легко заменили давно используемые слова: торговля, покупать, управляющий, тенденция, движение, подборка, удаленный, содержание, демонстрируя органичную связь термина с определенным «блоком» представлений и отражая происходящие культурные, технологические изменения в жизни общества.

Английский язык: сложное многообразие

Английский язык, имеющий достаточно сложную историю развития, весьма последовательно отразил картину межкультурных контактов, имевших место на протяжении многих столетий. Лингвисты отмечают присутствие в английском языке слов германского происхождения (30%), латинско-французского происхождения (55%), а 15% приходится на слова, образованные от кельтского, древнегреческого языка и др. Английский язык — результат своеобразного «языкового компромисса», о чем свидетельствуют отдельные слова. Например, названия простых ремесел и животных имеют германские корни, а лексика, относящаяся к торговле, кулинарии (мясо животных), титулы знати, церковные и судебные термины, а также касающиеся военного дела — позаимствованы из старофранцузского языка (сложного «массива» вульгарной латыни, находившейся под влиянием франкского, что было характерно для старофранцузского языка до XV века). Нормандское завоевание 1066 года ввело в древнеанглийский язык норманизмы. Являясь языком правящего класса, нормандско-французский был официальным языком двора, суда, юриспруденции. Все официальные документы писались на нем или на латыни. Нормандское духовенство в основном использовало латынь.

Англосаксы побогаче считали выгодным изучать язык правителей, но простой люд говорил на местном английском. Нормандцы считали язык коренного народа своего рода крестьянским диалектом и не спешили на него переходить. Они даже презирали тех, кто не знал их языка. Однако искоренить язык местного населения было невозможно, т. к. на нем говорила большая часть населения. Это был язык земледельцев и ремесленников. Постепенно коренному населению удалось занять в обществе превалирующее положение и в 1362 году английский язык стал языком судопроизводства, а с 1385 г. было прекращено преподавание на нормандско-французском языке. Лишь с 1483 г. парламентские законы стали издаваться на английском языке.

Многочисленные региональные различия — историческая особенность английского языка. Это отличает как английский язык в Великобритании, так и в разных регионах мира. Лингвисты фиксируют десятки вариантов английского языка в Соединенном Королевстве. В Англии сегодня различают несколько диалектов: стандартизированный, кокни, скауз, джорди, эстуарный английский, питматик, макем, брумми, ланкаширский, дорсетский, западный, норфолкский, сомерсетский, сассекский и множество других. В стране не сложилось единой нормы, и своеобразный акцент, «особые» грамматические правила присущи локальным формам английского языка [Fisher 2001]. Различия нередко присутствуют в речи жителей даже одного города. Например, лондонцы говорят на стандартизированном английском и на кокни.

Значение локальных особенностей языка столь велико в Британии, что нередко слово на диалекте характеризует всю специфику региональных особенностей. Так произошло с диалектами скауз и брумми. Диалект «скауз» (ливерпульский английский), распространенный в графстве Мерсисайд, получил свое название от мясного блюда lobscouse (популярного среди бедняков Ливерпуля). Как следствие, жителей Ливерпуля принято называть скаузерами (Scousers). Диалект брумми используется жителями Бирмингема (когда-то город назывался Brummagem). От сокращенного названия города произошло уменьшительно-ласкательное брумми (brummie). Этим словом обозначают всё, что связано с городом и его обитателями. Каждый диалект английского имеет свои особенности: скауз — уникален, т. к. не подвергался языковому влиянию со стороны населения соседних регионов; на эстуарном диалекте (Estuary) говорят молодые лондонцы, а также в графствах Эссекс и Кент. Популярность этого диалекта растет, и он стал дополнять слишком вычурное и «высокомерное» общепринятое произношение (RP).

Определенная социокультурная специфика присуща каждому диалекту. Кокни — язык бедноты и маргиналов лондонского района Ист-Энд значительно отличается от нормативного английского фонетикой, лексикой и грамматикой. Лингвисты относят кокни к социолекту или сленгу — языку социальной группы. Однако в XVI веке словом кокни (cockney) обозначали изнеженного жителя столицы. Позже значение слова изменилось, а говорящие на этом диалекте стали восприниматься как определенная социальная группа. Своеобразна судьба диалекта джорди, распространенного в Нортумберленде. На предприятиях горной промышленности в этом регионе традиционно многие рабочие говорят на джорди. Это послужило основанием для того, чтобы отнести джорди к социолекту и запретить использовать этот диалект на радио и телевидении. Однако цикл передач информационного канала Би-би-си о культурной ценности диалектов английского языка способствовал изменению отношения британского общества к джорди.

Шотландский английский (Scottish English) столь значительно отличается от английского, что в Британии бытует шутка: «Шотландский английский — больше, чем диалект, но меньше, чем язык». Своеобразное произношение и сегодня затрудняет понимание шотландской речи лондонцами, посещающими Шотландию. На территории Шотландии Standard Scottish English (стандартный шотландский английский) является языком официального делового общения и преподается в школах. Ирландский диалект английского (Irish English) имеет много лексических особенностей и заимствований из ирландского языка. Например, ирландцы, отвечая на вопрос, опускают слова «да» и «нет» в соответствии с нормами ирландского языка. Особая фонетика отличает этот диалект: произношение становится очень мелодичным.

Standard English: универсальный английский. Наличие множества диалектов традиционно создавало сложности для общения. Решение проблемы отчасти обеспечил «стандартный английский» (Standard English или SE). Это — английский язык, используемый в письменной форме, в котором грамматические и лексические компоненты не имеют региональной маркировки [Baugh, Cable 1993: 75–77]. Сегодня «стандартный английский» в Великобритании — язык чиновников, королевской семьи, журналистов компании Би-би-си, активно используемый в печати, его преподают в школах, он является нормой для словарей и грамматик.

Путь к унификации языка был весьма сложен для англичан и занял много столетий. Первый шаг сделал король Генрих V (1387–1422 гг.), когда велел использовать английский язык при ведении судебных процессов. Это способствовало появлению канцелярского английского языка, употреблявшегося бюрократией. Вторым важным шагом было решение парламента Реформации (1529–1536) ограничить влияние папы Римского в Англии, провозгласить короля Генриха VIII (1491–1547 гг.) главой церкви и провести реформы. Реформирование церкви сопровождалось переводом Библии на английский язык. В 1539 г. вышло первое издание Большой Библии (Great Bible) на английском. Особую роль в унификации английского языка сыграл Уильям Кэкстон (1422–1491). Он не только основал первую типографию в Лондоне в 1470-х годах, но и обобщил сведения об английских диалектах, создав графический «облик» отдельных слов. Вместе, эти шаги ускорили развитие стандартизированной формы английского, создав язык, которым пользовался Шекспир (1564–1616 гг.). Этот язык, претерпев небольшие изменения, был оформлен правилами грамматики в XVIII веке и превратился в современный английский язык.

Традиционно стандарты письменного английского языка более строги по сравнению со стандартами разговорной речи. В современной Британии «стандартный английский» (United Kingdom Standard English — UKSE) предполагает использование особого произношения Received Pronunciation (RP) («приобретенное произношение» или «общебританский стандарт», еще его называют «королевский английский»). Исторически, это произношение близко речи жителей Юго-Восточной Англии. В Великобритании RP произношение служит важным социальным маркером. Это стиль речи аристократии, членов королевской семьи, представителей высшего британского общества, творческой элиты, выпускников частных школ (Winchester, Harrow, Eton), Оксфордского университета.

Телерадиовещательная корпорация Би-би-си приняла этот стандарт произношения в 1922 году, что объективно способствовало его распространению в Великобритании и за рубежом, где он получил известность как «академический английский». Сегодня использование RP воспринимается как старомодное. Наблюдается тенденция осовременить RP и проти-

вопоставить современный вариант (Contemporary RP) традиционному варианту (Conservative RP). Это отмечают лингвисты, внимательно следящие за выступлениями премьер-министра и дебатами в парламенте. Политики, стремящиеся смотреться дружелюбно, используют эстуарный английский (премьер-министр Тони Блэр активно это делал). Даже корпорация Би-би-си теперь допускает многовариантное фонетическое звучание (включающее элементы эстуарного английского) в своих передачах.

Упрощенная версия RP входит в стандарт английского языка, который преподают ученикам в начальной и средней школе в Англии и Уэльсе. В Шотландии в основе обучения — шотландский стандарт английского (Scottish Standard English). В Британии стандартное произношение (RP) сосуществует с региональными вариантами, отражающими особенности локальных диалектов, которых в стране более пятидесяти (ливерпульский, манчестерский, йоркширский и др.).

Английский язык и Империя (World Englishes). Колониальная политика Великобритании в Америке, Азии, Австралии и Африке в XVII–XIX веках, энергичная предпринимательская деятельность и переселенческая активность способствовали широкому распространению английского языка в мире. Этот процесс способствовал увеличению разнообразия форм английского языка в мире (появлению World Englishes). Если в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии распространение английского языка было связано с созданием обширных колоний для переселенцев из Британии, то в Азии и Африке английский язык обслуживал локальные коммерческие проекты, связанные с разработкой природных ресурсов, или с обустройством территорий, отличающихся удобным географическим положением. В первом случае появились американский, канадский, австралийский и новозеландский варианты английского языка, а во втором (там, где английский язык не являлся родным ни для одной из этнических групп) возник пиджин (Pidgin English) на основе английского языка. На процесс развития английского языка в колониях Великобритании сложно повлиял социально-культурный состав прибывающих британцев, их надежды, ожидания и планы, а также своеобразие местных условий.

Американский английский язык. Создание в 1607 году первой постоянной англоязычной колонии в Северной Америке стало важным шагом на пути глобального распространения английского языка. В Америке английский язык претерпел изменения. Своеобразие местной природы, образ жизни колонистов (большинство из них были простыми земледельцами, наемными работниками из разных частей Британии), тесное общение британцев с переселенцами из стран континентальной Европы (говорившими на испанском, французском, немецком, голландском, шведском, нор-

вежском и других европейских языках) способствовали появлению в языке общения специфических локальных особенностей. Необходимость постоянного сотрудничества и общения, в условиях сложной социокультурной среды, привела к появлению упрощений в языке. Активное стремление первых американцев противопоставить себя Британии, бережно хранившей традиции, нашло отражение в особенностях их английского. В 1828 г. Ной Уэбстер (Noah Webster) издал первый словарь американского английского, в котором были закреплены существовавшие тогда упрощенные варианты написания слов. Например, было заменено -re на -er в словах: centre/center, theatre/ theater и др. Написание слов было приближено к их произношению. В американском английском сохранились слова архаичные, давно вышедшие из употребления в Англии, а сотни слов пишутся иначе, чем в Англии. Орфография американского английского по-своему отразила стремление американцев к независимости от Британии. В поликультурной среде мигрантов, прибывших в Северную Америку, английский язык выступил связующим звеном, объединившим людей разных национальностей. В США рано стала проводиться жесткая политика поддержки английского языка: все официальные документы составлялись только на английском, а обучение на всех языках, кроме английского, было запрещено во многих штатах.

Американский английский (American English) — вариант английского языка, сложившийся на территории США, имеет характерные особенности в орфографии, грамматике и лексике, что закреплено в образовательной системе и используется СМИ. В некоторых штатах американский вариант английского языка получил государственный статус. В последние годы, в связи с ростом числа выходцев из испаноязычных стран, активизировалось движение за придание американскому варианту английского языка государственного статуса. В американском английском языке литературной нормой с середины XX века стал среднезападный диалект (Mid-Western). На нем говорят жители штатов Небраска, Айова и Иллинойс, он используется в качестве образца литературной речи и универсального произношения (General American) ведущими СМИ в стране. Это произношение лишено каких-либо региональных особенностей и понятно всем жителям США. Хотя американский английский отличается немногочисленностью диалектов, что обусловлено активным перемещением населения по территории страны, в США выделяются социокультурные диалекты: афроамериканский английский, чикано. Сохранились некоторые оригинальные локальные диалекты. Например, Appalachian — английский язык эпохи Шекспира, а техасский (Texan accent) несет в себе особенности произношения, напоминающие, что этот штат в прошлом принадлежал Мексике. Одной из особенностей американского английского стало использование новых слов для обозначения известных предметов. Например, имея в виду квартиру, американцы говорят apartment, а англичане — flat; метро американцы

называют subway, а англичане — underground [Евдокимов, Шлеев: 2000]. Эти особенности отражают суверенитет страны от Британии. Кардинальных различий между американским и британским английским, по мнению лингвистов, не существует.

Многообразный английский язык. Особенности английского языка в разных частях Британской империи — результат контактов диалектов английского языка с культурой других народов. Варианты английского языка в разных частях бывшей Британской империи лингвисты фиксируют как World Englishes. Например, в канадском английском (Canadian English) заметно значительное влияние на лексику и фонетику американского английского, а определенные слова канадцы предпочитают произносить по-французски. В австралийском английском (Australian English) немало слов и выражений понятных лишь жителям Австралии. В языке присутствуют слова из диалекта кокни эпохи Диккенса [Burgess 1992: 154]. Заметное влияние оказал и американский английский язык. У австралийцев популярно сокращать слова и трансформировать значение заимствованных слов (например, бумеранг означает предмет, который следует вернуть). Растущий интерес к употреблению «австрализмов» отдаляет язык от британского английского. Новозеландский английский близок к австралийскому английскому. Значительное влияние на его формирование оказали мигранты из Южной Англии и Шотландии, а на лексику повлиял язык маори. Американизмы появились в последнее время, как результат глобальных изменений в мире.

Особенностью языков World Englishes является тот факт, что написание слов в этих языках близко соответствует орфографии британского английского (за исключением некоторых отдельных слов). Если американцы активно противопоставляли себя Британии (что фиксировала новая орфография), то страны, входившие в состав Британской империи, не демонстрировали это, и орфография в австралийском, новозеландском и канадском английском совпадает с британской. Основные различия связаны с особенностями произношения.

Английский язык в пространстве мировой культуры

Исторически распространение английского языка было сложно сопряжено с социокультурными изменениями, происходившими в мире на протяжении последних 400 лет. Торговые связи английских купцов, активно странствовавших по Старому свету на морских судах (в XIV веке была создана лондонская гильдия купцов-путешественников), положили начало превращению английского языка в один из контактных языков (lingua franca) (лингва франка), имеющий международное значение. Непрестанный поиск возможностей для расширения торговли и свободного исполь-

зования морей — отличительная особенность деловой активности английского купечества в ту эпоху. Это определяло политику страны, содействовало расширению колониальных владений и способствовало распространению английского языка в мире.

На рубеже XVIII–XIX веков динамичное развитие британского общества было сопряжено с успехами английской промышленной революции (1780–1840 гг.), которая обеспечила Великобритании особое положение в Европе. Появление фабрик, изобретение парового двигателя, создание новых технологий в металлургии, развитие судостроения, железнодорожного транспорта, текстильного производства, активный запрос на изобретения в разных областях экономики способствовали быстрым преобразованиям в жизни всего британского общества. Произошли изменения в системе образования, укрепились позиции среднего класса. Страна стала «мастерской мира» и смогла не только обеспечить своими товарами весь мир, но и привлечь внимание жителей континентальной Европы к новациям в жизни английского общества. Внимание иностранцев привлекали не только финансово-экономические, производственные достижения страны, но и культурная жизнь общества: популярностью пользовались романы Вальтер Скотта, поэзия лорда Байрона, произведения искусства (картины художников Томаса Гейнсборо, Уильяма Тернера, Джона Констебля), наконец, особый стиль жизни британцев (в частности, дендизм).

В ту эпоху Франция часто выступала в роли посредника, знакомившего Европу с культурной жизнью Британии. Так, признание к художнику Джону Констеблю пришло после выставки в Париже, а А. С. Пушкин знакомился с романами британских авторов и поэзией лорда Байрона в переводах, опубликованных на французском языке. Впрочем, влияние культурных достижений британцев скоро стало столь значимо, что круг европейцев, желающих изучать английский язык, заметно расширился. Учебники английского языка на французском и немецком помогали им в этом. В личной библиотеке А. С. Пушкина хранится книга П. Дж. Поллока «Курс английского языка…», написанная на французском (издана в 1817 г. в Санкт-Петербурге). Поэт, интересовавшийся британскими авторами и высоко ценивший произведения Вальтер Скотта и лорда Байрона, упомянул о влиянии английской культуры на элиту России, воздав должное дендизму (возможно под влиянием творчества лорда Байрона, который был известным приверженцем этого стиля), уточнив, что Евгений Онегин был «Как dandy лондонский одет, пострижен по последней моде».

Дендизм, воплощавший стиль элегантного минимализма, включал не только хорошо сшитый сюртук, но и особую манеру его носить (сюртук, немного поношенный, носили без пестрых аксессуаров, но с галстуком или шейным платком; цилиндр был обязателен). Дендизму соответствовал и особый стиль поведения: достоинство, самообладание, скептицизм, остроумие, тонкий

вкус. В Британии этот стиль был популярен среди представителей среднего класса, за пределами страны дендизм ассоциировался с англоманией.

Поскольку английский мир был многообразен, сложен и имел свои особенности в области государственного устройства (конституционную монархию, парламент), экономики (высокоэффективную индустрию, мощную финансово-экономическую систему), социальной жизни (шла борьба за избирательные права граждан) и значительные культурные достижения, то интерес интеллектуалов континентальной Европы к жизни в Великобритании и английскому языку постоянно увеличивался. А. С. Пушкин в письме к Н. И. Гнедичу (от 27 июня 1822 г.), сравнивая произведения британских авторов с французской поэзией, отметил превосходство британской литературы над французской, которую он охарактеризовал как «робкую и жеманную» [Пушкин 1981: 93–94]. Возможно, именно энергичная «смелость» британцев была интересна жителям континентальной Европы, когда они обращались к культуре народов, населяющих остров по другую сторону Ла-Манша.

Уже к концу XIX века английский язык начал конкурировать с французским и немецким в образовательном процессе (его стали преподавать в школах) и в университетах Европы. Британский стиль жизни стал пользоваться особым вниманием: популярность получили виды спорта, характерные для британцев (гольф, бокс, футбол), распространилась мода на путешествия (у британской компании «Томас Кук» появились последователи во Франции, Германии и Бельгии), на разведение животных (лошадей, собак). Конные скачки стали проводиться в городах Франции и Германии. Британский стиль активно проникал в быт европейских семей. Например, писатель Владимир Набоков вспоминал, что в детстве его сначала научили говорить и писать по-английски, а уже потом по-русски. Рост англомании в обществе вызывал беспокойство во многих европейских странах [Давыдова 2020: 690–691].

В XIX веке процесс расширения территории Британской империи, запущенный в предшествующий период, был продолжен. Изменения, происходившие в метрополии, отражались на жизни всей империи. Появившиеся новые технологии в области разработки природных ресурсов и их транспортировки, эффективные управленческие модели нуждались в образованных специалистах. В 1880 году в Великобритании был издан закон о начальном образовании детей. Дети от 5 до 10 лет (в дальнейшем до 13 лет) должны были платно обучаться (на протяжении пяти лет) арифметике, чтению и письму. С 1891 г. обучение стало бесплатным. В частных школах учащимся преподавали латынь, иностранные языки, историю, географию.

Новая эпоха отразилась на отношениях между метрополией и регионами империи: разнообразнее стал поток прибывающих в метрополию ресурсов (полезных ископаемых, аграрной продукции, пряностей и т. п.), а среди отъезжающих в колонии многочисленных переселенцев стало

больше специалистов, знакомых с новыми технологиями, менеджментом, а также медиков, адвокатов и учителей. Проблема хорошей связи между регионами была актуальна для управления обширной империей, и решить ее могли лишь образованные чиновники, хорошо владеющие английским языком (Standard English), а также система единообразного образования в регионах империи.

Изначально территория империи осваивалась двумя способами: силами переселенцев (носителей английского языка), которые доставляли из метрополии определенные культурные представления и стремление воспроизвести на новом месте знакомую им систему социально-экономических отношений (так было в Северной Америке, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке), а другая модель опиралась на тесное сотрудничество с местными элитами (в Азии и Африке). Если в случае с переселенцами языковая проблема сводилась к необходимости преодолеть разницу между диалектами (и социолектами) английского языка, который был для них родным, то в Азии и Африке английский язык вводился колониальными властями административными методами и являлся для местного населения вторым языком. Процесс формирования языковой культуры на новых территориях империи был весьма сложен и зависел от разных социокультурных факторов.

Английский язык в полиэтничном регионе. На тех территориях Британской империи, где отсутствовал массовый приток британских переселенцев (в Азии и Западной Африке), вопросами хозяйственной деятельности и управления занимались британские служащие, опиравшиеся на местное население, для которого английский язык не был родным. В этих регионах английский выступал в роли языка коммуникации и был вторым языком для местных жителей. Нередко уровень владения английским в этих условиях определялся педагогическими способностями миссионеров (т. к. именно они были основными проводниками знаний, представляющих жизненную важность) [Leith 2005: 45] и практикой общения с британскими служащими.

Например, Западная Африка была вовлечена в орбиту британской экономических интересов с середины XIX века. Сложность распространения английского языка в регионе была обусловлена многочисленностью населения и сложной поликультурной ситуацией. Миссионеры, активно работавшие в регионе, не только содействовали процессу обучения местных жителей английскому языку, но и занимались созданием нормативных грамматик и словарей африканских языков, которые использовались в системе школьного образования. Британские власти проводили политику распределения функций между местными языками и английским [Борисова, Ильина 2014: 42–53].

Результат проведения этой политики иллюстрирует ситуация в современной Нигерии, где проживает 250 этнических групп и используется более 500 языков. Согласно конституции, английский язык является официальным языком в стране. Языки хауса, йоруба, игбо — родные для части населения Нигерии и используются локально. Важным средством межэтнического общения является «пиджин инглиш»: на нем говорят около 70% жителей страны. Английский язык доминирует в Нигерии практически во всех сферах жизни: в органах исполнительной и законодательной власти, образовании, в судебной системе, в СМИ. Это — язык общения двадцати процентов национальной элиты. На английском языке транслируются программы новостей по телевидению, создаются литературные произведения. Английский язык обеспечивает доступ к всемирной информационной системе, что актуально для развития культуры. Многие нигерийские писатели, использующие английский язык, получили благодаря этому всемирную известность, а нигериец Воле Шойинка (драматург, пишущий на английском) стал лауреатом Нобелевской премии по литературе в 1986 г. Население страны двуязычно и автохтонные языки (йоруба, хауса и др.) широко используются на телевидении и в общении. В семьях нередко родным языком пользуется лишь старшее поколение, а детям позволяют говорить только на английском. По мнению исследователей, 50 процентов детей, представляющих народ игбо, не знают свой язык [Большов, Денисова 2013].

Английский язык: XX век. В XX веке интерес мирового сообщества к Британии и английскому языку значительно возрос. Постепенно английский язык стал использоваться в тех сферах, где прежде он не применялся. Так, текст Версальского договора, заключенного в 1919 г. после завершения Первой мировой войны, был впервые составлен не только на французском (языке дипломатии той эпохи), но и на английском языке (по специальному запросу президента США Вудро Вильсона). Этот факт стал важной вехой на пути превращения английского в язык дипломатии в XX веке. Завершение Второй мировой войны, победа стран антигитлеровской коалиции положили начало кардинальным изменениям в мире. Рушилась колониальная система, появились новые независимые государства, было образовано британское Содружество наций, а США, превратившись в важный фактор социально-экономической жизни мирового сообщества, стали активно содействовать продвижению английского языка в мире.

Отличительной особенностью мировой экономики во второй половине XX века стало появление многочисленных транснациональных проектов, направленных на объединение региональных ресурсов для решения задач глобального уровня. Востребованными стали средства связи, обеспечивающие быстрый доступ к большим объемам информации. Новации в финансово-экономической и производственной сферах деятельности

сопровождались появлением структур, отвечающих новым требованиям в области образования (дистанционное обучение в «Открытом университете» в Великобритании, европейская программа «Эразмус» (Erasmus), обслуживание потребностей социальной жизни общества: в области торговли (комплексы, обеспечивающие быстрый доступ покупателей к товарам и услугам), международного бизнеса (сеть отелей «Хилтон», «Рэдиссон» по всему миру), туризма (эволюционировала индустрия транспортного сообщения, оригинальные природные объекты и региональные исторические достопримечательности получили всемирную известность), были модернизированы рекреационные пространства и др. Универсальный язык коммуникации стал важным условием успешного функционирования новых хозяйственных структур и технологий, активно используемых в разных регионах мира. Английский язык оптимально подошел на эту роль.

В конце XX века молодежь стран континентальной Европы, Японии стала активно участвовать в изучении и распространении английского языка в мире, вне ареала англоязычных стран. Это было обусловлено поиском возможностей для успешного трудоустройства, карьерного роста молодежи (что было органично связано с получением качественного образования, включавшего «свободный» английский), а также активным образом жизни молодежного сообщества.

Особенностью многих стран, не испытавших в прошлом британское влияние, в этот период стало повышенное внимание к обучению английскому языку в школах. Постепенно английский язык стал всё активнее вытеснять немецкий и французский из школьных программ. Появились летние молодежные лагеря, где можно было улучшить произношение и получить опыт общения на английском с преподавателями из Британии. А передачи британской радиовещательной корпорации Би-би-си во многих странах Европы и Азии воспринимались как хорошая возможность услышать правильную английскую речь, в соответствии с правилами британского нормативного произношения (Received Pronunciation, RP), всем желающим.

Отвечая на запрос бизнеса, университетские центры европейских стран стали активно трансформировать образовательный процесс с целью создания единого образовательного пространства. В университетских центрах многих стран начали использовать унифицированные программы обучения, получил развитие Болонский процесс в образовании. Университеты Германии, Франции и других европейских стран, участвующие в программах по обмену студентами, стали активно использовать английский язык в процессе обучения. Актуальность непрерывного повышения квалификации специалистов, обслуживающих новые технологии, стимулировала появление дистанционных методов обучения. В 1970-х годах в Великобритании был создан «Открытый университет», который реализовал идею дистанционного обучения с помощью системы теле- и радиовеща-

ния. Успешная работа этого университета нашла отражение в его высоких рейтингах (сопоставимых с рейтингами университетов Оксфорда и Кембриджа) и особом внимании к нему иностранной молодежи, желающей дистанционно обучаться в британском «Открытом университете» [The Open University]. Английский язык, обретя приоритетные позиции в образовании, стал доминировать и в науке. Возросшее значение международной кооперации в области научных исследований оказало влияние на рост числа научных журналов, издающихся на английском.

Молодежное сообщество, формирующее модели досуговой культуры (формы международного туризма, музыкальной культуры), стало активно использовать английский язык для коммуникации. Английский стал актуальным фактором, способствующим успеху музыкальных групп. Шведский ансамбль ABBA получил мировую популярность среди молодежи, включив в свой репертуар произведения на английском языке.

Массовое использование английского языка мировым сообществом актуализировало (в конце XX-начале XXI века) проблему качества владения английским. Диалекты, социолекты, многочисленные локальные варианты английского в разных частях мира, достаточно хорошо обеспечивавшие коммуникацию при упрощенном общении, оказались недостаточны в новых условиях. Повысился интерес мирового сообщества к World English — языку делового мира, дипломатов, бизнеса (людей, для кого английский язык не является родным). В новых условиях актуальными стали требования к хорошему произношению. Произношение позволяет достаточно легко идентифицировать социально-культурный статус человека, говорящего на английском языке. Если написание слов в разных вариантах английского (World Englishes) подчиняется универсальным требованиям, то произношение варьируется в широких пределах, отступая от норм британского нормативного произношения (Received Pronunciation или PR). Традиционно, этот общебританский стандарт произношения отличает стиль речи представителей высшего общества и образованных людей. Социокультурное значение этого стандарта в английском обществе показал Бернард Шоу в пьесе «Пигмалион». В пьесе лондонский профессор фонетики Генри Хиггинс обещает за шесть месяцев обучить произношению, принятому в высшем обществе, продавщицу цветов Элизу Дулиттл и представить ее на светском приеме в качестве герцогини. Профессор Хиггинс был уверен, что сможет избавить девушку от лондонского социолекта кокни.

Проблема «правильного» произношения актуальна для англоязычного мира и сегодня. Английская певица Шерил Коул (Cheryl Ann Cole), предполагавшая в 2011 г. участвовать в американском телешоу «The X Factor», была уволена из-за специфического произношения. Продюсеры посчитали, что используемый певицей диалект джорди (Geordie), распространенный в британском Нортумберленде, будет непонятен телезрителям в США [Cheryl Cole 2011].

Следствием многообразия разговорных форм, присущего английскому языку, стал определенный «билингвизм» британцев. Исследователь английского языка М. Брэгг, вспоминая детство, проведенное в городе Уигтон (графство Камбрия, на северо-западе Англии), так описывает это двуязычие: «Один (язык) был предназначен для дома и улицы, второй для школы, моего собственного литературного творчества, а затем для университета и для Лондона …» [Брэгг 2013: 9]. М. Брэгг уточняет: «… Мы не просто употребляли забытые или отвергнутые «образованными» (людьми) слова, но и произносили их с сильнейшим акцентом» [Брэгг 2013: 8]. Владение стандартным английским (Standard English) и произношение RP сегодня актуальны для карьеры. По мнению британской прессы, успешной политической карьере Тони Блэра (премьер-министра лейбористского правительства, родившегося в Шотландии) способствовало хорошее знание английского языка, приобретенное в Оксфордском университете.

Зависимость успешной карьеры от знания английского, особенно заметная в странах, исторически не имевших опыта широкого использования английского языка и не входивших в состав Британской империи, предопределила повышенное внимание общества (в этих странах) к образовательным программам, обеспечивающим компетентность в области английского языка. Многочисленные курсы и группы по изучению английского стали популярны в странах Восточной Азии. Они интересуют людей разного возраста. В Китае, например, детей начинают обучать английскому с трех лет. Согласно новым требованиям, только носители английского языка (имеющие сертификат на право преподавания) имеют возможность работать в государственных школах и детских садах Китая. В Республике Корея, например, стало модно отправлять подростков (вместе с матерью) в США на продолжительный срок, чтобы молодые люди могли там освоить (перед поступлением в университет) разговорный английский. Отец семейства в это время продолжает работать дома, обеспечивая жене и детям возможность жить в США [Головачев 2009: 77–79].

Английский язык и Интернет эпоха. Столетиями распространение английского языка было тесно связано с использованием новых технических возможностей (от печатных станков до радиовещания). Изобретение компьютера и появление Интернета (всемирной системы объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации) упрочило в конце XX века позиции английского языка в роли инструмента всемирной системы глобальной коммуникации. Интернет, в силу присущих ему особенностей, фактически заменил в начале XXI века все традиционные способы связи и коммуникации (радио, телевидение, печатные издания), обеспечив беспрецедентные возможности для хранения информации и мгновенной передачи

ее на дальние расстояния. Английский язык получил новый мощный импульс для глобального распространения в мире (90% Интернет-ресурсов — англоязычные). Фактически, английский язык стал лингва франка Интернета. Большая часть информации: научные доклады, отчеты, сведения в области науки, культуры, спорта, моды, досуга и развлечений, реклама и новости — стали регулярно выходить на английском языке. Возможности Интернета в области широкого распространения информации в мире способствовали продвижению новостей, актуальных сведений и английского языка в обществах, долгое время предпочитавших изолированный образ жизни. Отвечая на тенденции времени, в Саудовской Аравии и Японии был снижен возраст, с которого детей начинают обучать английскому.

Английский язык. Новации. Сегодня английский язык, активно вовлеченный в разработку новых технологий, поддерживающий разные сферы жизнедеятельности общества, постоянно участвует не только в процессах коммуникации, но и включен в процесс «создания» и распространения новых слов. Словарный ресурс английского языка постоянно увеличивается. Термины, связанные с новыми технологиями (гаджеты, скриншоты), яркие события в общественной жизни (брексит, уотергейт), попав в поле английского языка, быстро распространяются по миру, проникая в языки других народов. Специальная комиссия определяет правомерность сохранения и фиксации новых слов в Большом словаре английского языка. Только эта комиссия имеет право ввести недавно появившееся слово в Большой словарь английского языка, признав «новенького». Часто новые слова имеют короткий век и не попадают на страницы этого словаря.

Английский язык обладает определенной «гибкостью», что позволяет пользователям достаточно успешно справляться с созданием новых терминов, двухсложных слов. Нередко именно в таком виде новые слова из английского языка инкорпорируются в дальнейшем в языки других народов. Так, «он лайн шопинг» стал достаточно распространенным выражением в русском языке. Аналогична ситуация с терминами, связанными с Интернетом (интернет-дизайн, интернет-провайдер). Вместе с новыми технологиями в сфере обслуживания покупателей россияне стали пользоваться фудкортами (зоны питания — аналог ресторанного дворика — в торговых центрах, аэропортах и т. п.), появились «фудкорт бизнес-идеи», «лайтбоксы фудкорта» (светящиеся панели с привлекательными рекламными картинками на стенах ресторанного дворика). Вместе с новыми технологиями, новациями в бизнесе и общественной жизни сложные слова из английского языка проникают в языки народов мира.

Активно включенный в жизнь социума, английский язык всегда живо реагирует на происходящие в обществе изменения. Например, когда в XXI веке «избыточная рафинированность» высших слоев британско-

го общества стала не модна, то элементы диалекта лоул были включены в стандартный английский (Standard English). Этот факт стал важным событием в жизни британцев. Сегодня пиджин инглиш (Pidgin English) — язык, изначально служивший для общения представителей разноязычных групп населения Африки, занятых сельским хозяйством, разработкой полезных ископаемых и др. (обладавший небольшим словарным запасом и регулировавшийся упрощенными нормами грамматики) — превратился в некоторых регионах мира в язык, используемый в передачах телевидения, на котором ведутся политические дискуссии, создаются литературные произведения (например, в Нигерии) [Борисова, Ильина 2014: 45], а исследователи культуры анализируют динамику происходящих в нем изменений.

Английский язык и социум. Следует отметить, что распространение английского языка в регионах Британской империи, где население осваивало его в качестве второго языка, способствовало не только появлению нового средства эффективной коммуникации (при общении как с британскими служащими, так и с представителями народов, принадлежавших к другим культурам), но и постепенному вовлечению овладевших английским языком жителей в культурную жизнь империи. Уделяя особое внимание распространению английского языка в регионах империи, британцы особо акцентировали внимание на возможности этого языка не только служить важным инструментом коммуникации [Cogo 2008: 58–61], но и на его элитарности [Le Page, Tabouret-Keller 1985: 73].

Перспектива войти в круг элиты, наделенной властью, стимулировала, в частности, интерес молодежи к получению образования на английском языке в школах и колледжах. В 1913 г. Рабиндранат Тагор стал первым неевропейцем, получившим Нобелевскую премию по литературе. В списке лауреатов этой премии выходцам из британских владений в Южной Азии принадлежит особое место: физики, медики и литераторы из Индии и Пакистана сыграли заметную роль в развитии мировой культуры и науки.

Как любое сложное явление культуры, английский язык имеет много аспектов и особенностей, а его роль в мире оценивается неоднозначно. В Нигерии, где актуальность использования английского языка в качестве инструмента коммуникации очевидна, дискуссии о целесообразности перехода на другой язык общения редко затухают надолго. Причина в том, что английский язык имеет сложный бэкграунд — непростую историю Великобритании, к которой нередко апеллируют сторонники развития лингвистической модели, предполагающей освобождение от доминирования английского языка.

Сложное отношение к английскому отмечается во многих странах. Например, в Израиле, где большинство жителей владеет английским на весьма хорошем уровне, попытки узаконить английский в качестве го-

сударственного языка встречают препятствие в виде закона, принятого в середине XX века. В стране активно используется английский: в государственных школах его изучают с третьего класса; экзамен по этому предмету обязателен для получения аттестата зрелости; хороший уровень знания английского необходим для поступления в университет, а телевизионные программы всегда транслируются на языке оригинала. Израильские СМИ и общество негативно оценивают политиков, недостаточно свободно говорящих на английском. Между тем, в Кнессете запрещено использовать английский язык. В 1999 г. Верховный суд Израиля постановил, что иврит, арабский и английский языки были унаследованы Израилем в качестве официальных языков. Однако, в соответствии с Законом 1948 г. «О праве и управлении», английский язык был исключен из числа официальных языков страны. В законе сказано, что «Любое положение в законе, требующее использования английского языка, отменяется» [Law 1948].

Дискуссии о перспективе использования языков, альтернативных английскому, в сфере межкультурной коммуникации неизменно сталкиваются с проблемой насущных потребностей современного поликультурного мира. Выход Великобритании из Европейского союза не привел к подъему влияния языков континентальной Европы на новый уровень. Молодежь Европы по-прежнему старательно учит английский, эту латынь XXI-го века, связывая с ним надежду на успешную карьеру в современном мире, сложно объединенном системой глобальных связей и зависимостей.

Английский язык — уникальный элемент мировой культуры. Язык, эффективно поддерживающий международную деловую и финансовую жизнь, обеспечивающий коммуникации разного уровня в мире, гарантирует подчас весьма слабую поддержку англичанам, живущим в соседних графствах и желающим общаться на местных диалектах английского. Последовательно отражая особенности социокультурного порядка, английский язык открывает уникальные возможности для сравнительных исследований в области культуры социума, а изучение пиджин-инглиш — важная составляющая процесса ознакомления с культурой многих народов. Активно доминируя в пестрой палитре мировой лингвистической картины, английский язык мирно соседствует в Великобритании с языками кельтской языковой группы и галантно уступает иногда приоритет другим языкам. Например, французскому: на французском языке всегда пишется меню для королевских приемов в Букингемском дворце, в знак особого уважения к кулинарным традициям Франции.

Ежегодно в Великобританию приезжают миллионы подростков из разных стран мира, чтобы совершенствовать английский язык в многочисленных лингвистических школах и центрах. В XXI веке английский язык стал самым высоковостребованным продуктом Великобритании для экспорта.

Источники и материалы

Пушкин А. С. 1981. — *Пушкин А. С.* Письмо Гнедичу от 27 июня 1822 г. // Собрание сочинений в десяти томах. М., Изд-во Правда. 1981. Т. 9. 447 с.

Cheryl Cole — Smith L. and Ben Todd. Cheryl Cole Fired from X Factor USA… and her Geordie accent is to blame. // MAILONLINE. 25 May 2011. URL: https://www.dailymail.co.uk/tvshowbiz/article-1390959/Cheryl-Cole-SACKED-X-Factor-USA-Ge. (дата обращения 22.02.2022).

Law and Administration — Law and Administration Ordinance. No 1 of 5708–1948, clause 15(b). Official Gazette No. 1 of 5th Iyar, 5708; as per authorised translation in Laws of the State of Israel. Vol. I (1948) P. 10.

The Open University — The Open University International Community. URL: http://www.openuniversity.edu (дата обращения: 22.02.2022).

Научная литература

Большов И. Г., Денисова Т. С. (отв.ред.). 2013. Нигерия. Справочно-монографическое издание. М.: ИАфрРАН, 2013.

Борисова А. А., Ильина Н. Ю. 2014. Особенности функционирования английского языка в Нигерии // Russian Journal of Linguistics. № 2. С. 42–53.

Брэгг М. 2013. Приключения английского языка. М.: Альпина нон фикшен. 424 с.

Головачев В. Ц. 2009. Английский язык в Азии // Азия и Африка сегодня. № 8, август. 77–79 с.

Давыдова Ю. Г. 2020. Английский язык в Германии: сферы языкового использования и отношение к языку // Russian Journal of Linguistics 24 (3). С. 687–702.

Евдокимов М. С., Шлеев Г. М. 2000. Краткий справочник американо-британских соответствий. М.: Флинта.

Baugh Albert C., Cable Thomas. 1993. A History of the English Language. London: Taylor & Francis. 464 p.

Burgess Anthony. 1992. A Mouthful of Air: Language and Languages-Especially English. Hutchinson books. W. Morrow. 1992. 416 p.

Cogo Allessia. 2008. English as a Lingua Franca. Form follows function // English Today. No 95 (3). 58–61 p.

Fisher Steven Roger. 2001. A History of Language. London: Reaktion Books. 240 p.

Le Page Robert, Tabouret-Keller Andree. 1985. Acts of Identity: Creole-Based Approaches to Language and Ethnicity. Cambridge: CUP Archive. 275 p.

Leith Dick. 2005. A Social History of English. Routledge. 312 p.

ОБ АВТОРАХ

Андрюнина Мария Александровна — к. филол. н., научный сотрудник центра европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва

Бучатская Юлия Валерьевна — к. и. н., старший научный сотрудник отдела европеистики Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

Голант Наталия Геннадьевна — к. и. н., научный сотрудник отдела европеистики Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

Григорьева Регина Антоновна — к. и. н., ведущий научный сотрудник центра европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва

Гущян Лусинэ Степановна — к. культурологии, научный сотрудник ведущей категории отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана Российского этнографического музея, г. Санкт-Петербург

Дугушина Александра Сергеевна — научный сотрудник отдела европеистики Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

Кожановский Александр Николаевич — д. и. н., ведущий научный сотрудник центра европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва

Кучерова Ирина Алексеевна — научный сотрудник центра европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва

Любарт Маргарита Кемалевна — к. и. н., старший научный сотрудник центра европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва

Мажиа, Армандо (Armando Maxia) — антрополог, директор Этнографического музея сардинской горской культуры, Италия, Аритцо (провинция Нуоро), муниципальный парк «Пастиссу». Глава написана автором на итальянском языке. Перевод на русский язык С. А. Сидневой.

Мартынова Марина Юрьевна — д. и. н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН, заслуженный деятель науки РФ, г. Москва

Новик Александр Александрович — к. и. н., заведующий отделом европеистики Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН; доцент Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

Нагапетова Радмила Рандиковна — главный библиотекарь Российской государственной библиотеки, г. Москва

Руднев Вячеслав Валентинович — к. и. н., старший научный сотрудник центра европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва

Рыжова Мария Михайловна — аспирант отдела европеистики Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

Сиднева Светлана Александровна — к. ф. н., доцент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва

Сорокина Елена Анатольевна — к. и. н., старший научный сотрудник центра европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва

Сулоева Марина Александровна — аспирант отдела европеистики Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

Фаис-Леутская Оксана Давидовна — к. и. н., старший научный сотрудник центра европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва

Федченко Валентина Владимировна — к. филол. н., доцент, старший преподаватель кафедр общего языкознания и еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

Шевлякова Дарья Александровна — д. культурологии, профессор кафедры итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва

Научное издание

ЯЗЫК КАК РЕСУРС ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕ

Антропологическое исследование

Коллективная монография
Ответственный редактор: М. Ю. Мартынова

Утверждено к печати Учеными советами
Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
и Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Редактор М. Ю. Мартынова
Корректоры А. Н. Кожановский, М. Ю. Мартынова, Р. Р. Нагапетова
Верстка: В. О. Березин

ISBN 978–5–4211–0284–7
DOI: **10.33876/978–5–4211–0284–7/1-536**

Подписано в печать 29.03.2022 Формат 70x100 1/16
Усл. печ. л. 43,55 Тираж 500 экз. Заказ № …
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии Т8 «Издательские Технологии»

ISBN 978-5-4211-0284-7
9 785421 102847